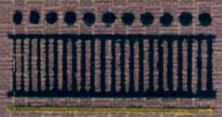

Bywood

Basen

B.B.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО, А. С. МЯСНИКОВА,
С. С. НАРОВЧАТОВА, Н. С. ТИХОНОВА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 · 9 · 7 · 4

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ • ТОМ ТРЕТИЙ

· СТИХОТВОРЕНИЯ ·
1918 · 1924

ПОЭМА
«ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ»
И СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ
В Я. БРЮСОВЫМ
В СБОРНИКИ
1891 · 1924

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 · 9 · 7 · 4

Р 2
Г 89

Подготовка текстов

М. В. ВАСИЛЬЕВА, А. А. КОЗЛОВСКОГО,
Р. Л. ЩЕРБАКОВА

Примечания

М. В. ВАСИЛЬЕВА, М. Л. ГАСПАРОВА, В. Ф. ЗЕМСКОВА,
А. А. КОЗЛОВСКОГО, Р. Л. ЩЕРБАКОВА

Оформление художника

Е. А. ГАПНУШКИНА

Б $\frac{0742-187}{028(01)-74}$ Подп. изд.

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

1917—1919

Душа истает...

В ГОРНЕМ СВЕТЕ

Я сознаю, что постепенно
Душа истает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!

Бывало, жизнь мучили страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.

Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза, —
Желанья выше вознеслись!

Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люблю!

Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне внятен ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строим корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призванию верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.

Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:

Все пело, полно внешней прелести:
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни — мед!»

И вновь весна, но — сорок пятая...
Все тот же внешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес — божественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде, свеж и зелен луг!

Весна во всем осталась девственной:
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску случайную
На праздник радости естественной,—
Лишь я — иной, под гнетом лет!

Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну приветствую
И на призыв земли отвечаю,
Как прежде, светлой песней я!

1918

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит,—
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.

Море — змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.

Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.

Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...

Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и гибельных страстей:
Все мечты приемлю до последней,—
Каждый стон и стих, как мать — детей.

Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»

И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь — за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду,— усталым,
Но готовым вновь — страдать и жить!

3 января 1918

УЧЕНИК ОРФЕЯ

Я всюду цепи строф лелеял,
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;

Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;

Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;

В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь,— прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;

Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес,—
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.

Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,
Треск ружей, баррикадный крик.

Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.

Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.

Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходившего певца.

Так мне ль осилить взвизг трамвайный,
Моторов вопль, рев толп людских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.

20/7 февраля 1918

СОРОК ПЯТЫЙ РАЗ

Весенней ночью встречу звон пасхальный
Я сорок пятый раз...
И вот мечта, вскрывая сумрак дальний,
Лепечет свой рассказ.

Об том, как в детстве золотились нежно
Все праздничные дни;
Как в юности огнем любви мятежно
Томили дух они;

Как позже, злобно нападали змеи
Безумства и страстей,
В весенний праздник выползая злее
Со всех моих путей...

Вновь вижу: двое, в звоне колокольном,
Укрылись в темноту,
А на окне, пред взором богомольным,
Ветвь яблони в цвету...

Вновь вижу поле дальнее... ракета,
Взлетя, прожгла эфир...
И с перезвоном робким слился где-то
Рёв пушек и мортир.

Вновь вижу ночь семнадцатого года.
Прекрасна и светла;
Толпу пасхальную ведет Свобода,
Раскинув два крыла...

Что ж принесет мне праздник сорок пятый?
О если б глубь небес
Родному краю крикнула трикраты:
«Воистину воскрес!»

1918

Жить на воле...

ЗОВ АВТОМОБИЛЯ

Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям — тоска.

То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдыхать!

Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.

А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.

Иль ночью, в дерзостном разбеге,
Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»

И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

Сентябрь 1917

ЛУННАЯ НОЧЬ

— Банально, как лунная ночь...

Juvenilia

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.

Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,
Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.

Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,—
Змей — лента водяных лучей.

Час волшебством мечты пропитан,—
Луга, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде — восторг, во всем — печаль!

И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.

1917

СОЛНЦЕВОРОТ

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над выбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.

Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!

Час пробил. Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос:
«Опять пришел солнцеворот!»

И под землею, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!

17 октября 1917

БЛАГОВЕСТЬ ВЕСЕННЕГО УТРА

Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,
Звоны весенних лучей,
Всё отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками выпит,
Звучно-журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.

Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат,
В травах бренчат колокольца.

Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,
В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.

Солнце восходит все выше.
Ярче, ясней, полновесней
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуды огня.
Небо взывает: «Воскресни»,
Миру лазурью звеня.

1918

АПРЕЛЬСКИЙ ХМЕЛЬ

Лиловые тени легли по последнему снегу,
Журча, по склонам сбежали ручьями сугробы,
Развеял по воздуху вечер истому и негу,
Апрель над зимой торжествует без гнева и злобы.
Апрель! Но вокруг все объято предчувствием мая,
И почь обещает быть ясной, и теплой, и звездной...
Ах, тысячи юношей, нежно подругу сжимая,
Свой взор наклоняют теперь над обманчивой бездной.
Весна их пьянит, как пьянила и в глубях столетий,
В жестокие темные годы пещерного века,
Когда первобытные люди играли, как дети,
И мамонт бродячий был грозным врагом человека.
Быть может, вот здесь, где длинеют лиловые тени,
Наш пращур суровый, в любовном восторженном хмеле,
На тающий снег преклоняя нагие колени,
К возлюбленной девушке ник, в тихий вечер, в апреле!
Вот солнце краснеет, скользя за черту кругозора,
Под ласковым ветром дрожат заалевшие ветки...
Вы, девы и юноши! май нас обрадует скоро:
Дышите весной, как дышали далекие предки.

26 апреля 1919

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны,—
Вешней неги не обменим
На ивы сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилает тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу, зеленый
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!

Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

1918

ПЕРЕД МАЕМ

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;

Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;

Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!

Спит зерно и грезит маем,
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?

Так чего ж еще нам надо,—
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!

Как же может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.

Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы!
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?

Пусть во мраке,— ты ли, я ли,—
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!

Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!

15 января 1918

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ

В снежной мгле утрюмы вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий...
Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?

Там, лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой метят.

Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.

Вот — летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот — плеск весел пылью искр осыпан;
Берег — ярок, в искрах — все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.

В небе, в море, в сердце — всюду вспышки,
Мир — в огне не жгучем жив; воочью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть — желанна этой ночью!

Челн застыл, горя в волшебном круге;
Южный Крест царит в ряду созвездий...
Чу! вблизи глухие вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий.

17 января 1918

Единое счастье — работа!

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день, в череду миллионном,
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей,—
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глубь бессчетных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет:
Что станет с плодами,— неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,—
Все счастье земли — за трудом!

18 сентября 1917

ПОКА ЕСТЬ НЕБО

Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,
Мир славить песней не забудь!

Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пенем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!

В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;

Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.

Везде — торжественно и чудно,
Везде — сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой — в раздольях пустоты;

Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола;

А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все — зовы грез, все — зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать — умей.

Октябрь 1917

ПУСТЬ ПРЕД ОКНОМ МОИМ...

Пусть пред окном моим не взносит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;

Пусть нынче с гондол не окликнут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы никнут,
Под вечер не помчит верблюд;

Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов,—
Вот сумрачно-немые чары
Всех наших дней, всех наших снов:

Но так же пламенны закаты,
И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строем фонари;

И пляска радужных пылинок
В луче все та же — у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрит луна;

Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы,
То, летом, призрачно бела.

Торжественно река струится,
Стучась в столицы о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.

Над площадями полн величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий
Так бодро-весел за окном.

1917

ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на свету множит;
Вглядишь покорно в чудеса, —
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет!

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смирняя властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн создания не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом — смежность
Других миров, что там — края,

Где тоже есть любовь и нежность,
И смерть и жизнь,— кто знает, чья?
Что небо — только порубежность
Планетных сфер, даль — колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве — Неизбежность!

23 сентября 1917

Образы святые

БИБЛИЯ

О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух — тебе!

В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой — искушение Змия,
С голубкой возвращенной — Ной!

Все, в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец — жив!

И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих!

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!

И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигom миг,
Встаешь — алтарь пред человеком,
О Библия! о книга книг!

Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

1918

ТРИ ЯБЛОКА

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознаньем,
Они горят, под ветром грез дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневь,—
Но было то — восстанье на запрет!

Другое — яблоко Вильгельма Теля,—
Свободы весть промчало над землей:
Одной стрелой в родного сына цели,
Стрелок в тиранов метился другой!

А третье — третье яблоко Ньютона;
Оно упало в час своей поры,
И повял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравнило всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайнам,
Чтоб не страшила больше — и Судьба!

1916

АРИАДНА

ЖАЛОВА ФЕССЕЯ

Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке!

Златоокая царевна!
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить!

Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто ночью, во дворце,
Подошла — светловолосой
Тенью, с тайной на лице!

Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!

И — возлюбленная! тело,
Мне предавшая вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?

Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал — плата за услуги! —
Обманул твой мирный сон?

Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена, —
Страшной истине не веря,
Но поверить ей должна?

Ты клянешь иль кличешь, плача,
Жалко кудри теребя?
Или, — горькая удача! —
Принял бог лесной тебя?

Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец, —
За тебя Судьба отмстила:
В море стигнул мой отец!

Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но — реешь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!

Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд!

Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!

Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой псней
Ты ль мне кудри убелил?

1917

АРИАДНА

Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещей сон:
В теми вод белеет Накс; прозрачен
Воздух ночи; в звездах небосклон.

В страхе, встреча вокруг песок прибрежий,
Чуть привстав, царица смотрит вниз;
А над ней, прекрасен, светел — свежий
Хмель меж кудрей — юный Дионис.

Буйным сонмом попирая зелень,
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен
Ждут царя назад, в тени олив.

Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик...
Вот схватил ее венец жемчужин.
«Ты — небес достойна!» — слышен вскрик.

В небо вскинут, вспыхнул, — семизвездье —
Там венец. Бог с девой слит. Полна
Ночь их славой. — Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!

12/25 февраля 1918

МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний, —
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона, —
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дикы,
Спадают с гор, крушат всё в яром крике,
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах высит Карл Великий.

Потом, самумом пролетают в мире
Арабы, слава свой Коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и долы...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волен, из глухих крушений
Выходит строй народов — грозно длинный:
Армяне, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, итальянцы, — тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн старинный!

О, сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

14 марта 1918

Это все — кошмар!

КОШМАР

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С когтями львицы, с телом сухопарым;
Садится к спящим он, согнут кольцом,
На грудь, и мы — зовем его Кошмаром.

Он давит нас, и вот, в тяжелом сне,
Черед видений сумрачных проходит;
Дыханье стеснено, чело в огне,
И судорога тщетно пальцы сводит.

Нам грезится ужасных ликом ряд:
Смеются дьяволы над всем заветным,
Терзают близких, алтари сквернят
И стонам вторят хохотом ответным.

Нельзя бороться и бежать нет сил:
Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил...
Блестят из мглы орудья пыток лютых...

И вдруг мы вспомним: это все — кошмар!
Рукой свободной призраков коснемся...
Все сгинет вмиг, исчезнут страхи чар,
И мы, дрожа от радости, — проснемся!

1916

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Олень затравленный напрасно взор молящий
Обводит вокруг, дыша прерывно,— смерть везде;
Собаки рвутся вслед, сверкают ружья в чаще...
И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо
Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный, вновь
Брага догнав, ему вонзает зубы в ухо...
Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало;
Меж камней и коряг, журча, бежит ручей;
Круг солнечный, горя торжественно и ало,
Сквозь изумруд ветвей кидает сноп лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, откуда
Лилось тепло, и дождь, и свежесть внешних бурь;
Защита с высоты не явится ли? Чудо
Не совершится ль? — Нет! Пуста, нема лазурь.

И стону слабому уже не вторит эхо...
Сквозь радугу слезы так странны берега...
Но всюду — взвизг собак, гром криков, гулы смеха,
И, края все, поют охотничьи рога!

16 февраля 1918

БИБЛИОТЕКИ

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дротик.

В былых столетях чей-то ум зажег
Сверканье,— и оно доныне светит!
Иль жилы тетивы напрячь возмог,—
И в ту же цель стрела поныне метит!

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В ТАКИЕ
ДНИ

СТИХИ
1919-1920

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1924

л. л.

Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,
Повсюду отблеск вдохновенных слов,—
То солнце дня, то месяц сребророгий!

Но нам дорожке золотой колчан,
Певучих стрел, завещанный в страницах,
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.

Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки,—
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

1917

НАУТРО ПОСЛЕ ШАБАША

Чу! под окошком звенят колокольчики,
Белые, синие, разных оправ;
Листья ольхи завиваются в кольца,
Запахи веют с обрызганных трав;

Солнце ко мне проникает приветливо
Длинным лучом, между ставень, сквозь щель;
Где-то гудит, осторожно и сметливо,
К сладким цветам подлетающий шмель;

Все так знакомо... И песня не новая
Сладко ласкает: «Ты дома, дитя!»
То напевает мне печь изразцовая,
Вторят ей стены, смеясь и шутя.

В теле — истома. Я дома! Давно ли я
Дерзко плясала, раздета, в кругу!
...В душу нисходит опять меланхолия.
Нет! жизнью мирной я жить не могу!

1919

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ

Меж лун искусственных — луна,
Вися на небе, в перспективе,
Вздывается, робка, бледна
И с каждым мигом боязливей.

Внизу, как буйственный бурун,
Прибой людей и экипажей,
И наглое блистанье лун,
Вдоль улиц выставленных стражей;

Таксованных прелестниц смех,
Сухое грассованье франтов,
Боа невероятных мех
И перебои шляп и бантов;

В гостиницах белеет ряд
Оконный, — комнаты, где двое
Пародию любви творят,
Пороча таинство ночнос...

А там, вверху, несмелых звезд
Чуть-чуть зубчатый свет — белеет;
Туман, как туника невест,
Кой-где разорванная, веет.

И та ж безмолвная луна,
Свидетельница жертв Ашере,
Висит, глядя, робка, бледна,
На буйства в оскверненном сквере!

Октябрь 1917

ПЕРЕД ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЙ

Злобный змей, зигзагом длинным
Разрезавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,

Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем зажечь,
И, ликуя, дымным клубом —
Смертным саваном — облечь!

Змей, сносивший с неба, древле,
Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле, —

Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,
Подчинясь руке ребенка,
Осужден — в угоду нам.

И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,
Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой, —

Чем ты занят? Иль, в причуде
Смутной грезы, веришь ты,
Что вокруг — все те же люди,
Те же гулы суеты;

Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты,
Дико космы беребя?

В злобных лицах, в ярых взорах
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом сверкал, как бог.

Иль века виденье стерли,
И теперь, могуч и слаб,
Мыслишь ты: «Не на позор ли
Здесь я выставлен, как раб?»

И, без сил, влеком на угли
Длинным проводом, зигзаг
В небе помнишь ты, — нам друг ли,
Иль, горящий местью, враг?

1918

Маленькие дети

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад, —
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все, во всем — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,
Старше в круге нет.

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей, —
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней, —

Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить;

И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждется на вас!

Июль 1918

ПРАЗДНИКИ

Ждать в детстве воскресенья,
Дня пасхи, рождества,
Дня именин, рожденья
Иль просто торжества, —
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь — нова!

Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше, вечером,
Ее посмотрим в щелку!
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!

И будем мы, при бое
Часов, под Новый год,
Записывать простое
Желанье в свой черед...
Зато нам ангел вдвое
Подарков принесет!

На масленой неделе
Кататься мы должны!
И утром чуть с постели,—
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели
Поют ручьи весны.

Под пасху мать заставит
Нам волоса подстричь,
Но праздник все поправит...
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером sluкавит,
Катя яйцо, Лукич!

Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых.
Мы поутру бормочем
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!

И даже день воскресный,
Когда уроков нет,—
Сияет, как чудесный,
Небесный чистый свет!
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет!

Вы, праздники меж будней,—
Как звезды в груди страз!
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнить вас,—
Рубинней, изумрудней
Алмазней, чем алмаз!

16 марта 1918

ДЕТСКАЯ СПЕВКА

На веселой спевочке,
В роще, у реки,
Мальчик и две девочки
Говорят стихи.

Это — поздравление
Бабушке: она
Завтра день рождения
Праздновать должна.

Мальчик запевалою
Начинает так:
«Нашу лепту малую
Преданности в знак...»

И сестренки вдумчиво
Оглашают лес,
Вторя: «Детский ум чего
Просит у небес...»

Песенка нескладная
Стоит им труда...
А вблизи, прохладная,
Катится вода.

Рядом — ели острые,
Белизна берез;
Над цветами — пестрые
Крылышки стрекоз.

Реют однодневочки,
Бабочки весны...
Мальчик и две девочки,
Ах, как им смешны!

1918

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

Сонеты

МИГИ

Бывают миги тягостных раздумий,
Когда душа скорбит, утомлена;
И в книжных тайнах, и в житейском шуме
Уже не слышит нового она.

И кажется, что выпит мной до дна
Весь кубок счастья, горя и безумий.
Но, как Эгерия являлась Нуме,—
Мне нимфа предстает светла, ясна.

Моей мечты создание, в эти миги
Она — живей, чем люди и чем книги,
Ее слова доносятся извне.

И шепчет мне она: «Роптать позорно.
Пусть эта жизнь подобна бездне черной;
Есть жизнь иная в вечной вышине!»

1918

НАРЯД ВЕСНЫ

За годом год, ряды тысячелетий,—
Нет! неисчетных миллионов лет,
Май, воскрешая луговины эти,
Их убирает в травянистый цвет.

Пытливцы видят на иной планете,
Что шар земной в зеленый блеск одет;
Быть может, в гимне там поет поэт:
«Как жизнь чудесна в изумрудном свете!»

Лишь наш привычный взор, угрюм и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной новью;

Наряд весны, мы свыклись в мире с ним;
И изумруд весенних трав багрим,
Во имя призрака, горячей кровью!

1918

НА ПОЛУСТАНКЕ

Гремя, прошел экспресс. У светлых окон
Мелькнули шарфы, пледы, пижама;
Там — резкий блеск пенсне, там — черный локон,
Там — нежный женский лик, мечта сама!

Лишь дым — за поездом; в снега увлек он
Огни и образы; вокруг — снова тьма...
Блестя в морозной мгле, уже далек он,
А здесь — безлюдье, холод, ночь — нема.

Лишь тень одна стоит на полустанке
Под фонарем; впереи, должно быть, взгляда
Во тьму, но грусть — в безжизненной осанке!

Жить? Для чего? — Встречать товарных ряд,
Читать роман, где действует Агнесса,
Да снова ждать живых огней экспресса!

16 ноября 1917

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА

В*** громили памятник Пушкина;
в*** артисты отказались играть «На дне».

(Газетное сообщение 1917 г.)

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подымля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменен, в новых бурях света,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий, —
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямые,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

БЕГЛЕЦЫ

Стон роковой прошел по Риму: «Канны!»
Там консул пал и войска лучший цвет
Полег; в руках врагов — весь юг пространный;
Идти на Город им — преграды нет!

У кораблей, под гнетом горьких бед,
В отчаяньи, в успех не веря бранный,
Народ шумит: искать обетованный
Край за морем — готов, судьбе в ответ.

Но Публий Сципион и Аппий Клавдий
Вдруг предстают, гласят о высшей правде,
О славе тех, кто за отчизну пал.

Смутясь, внимают беглецы укорам,
И с палуб сходят... Это — час, которым
Был побежден надменный Ганнибал!

24 сентября 1917

MEMENTO MORI ¹

*Импровизация в кафе «Десятая муза»
14 мая 1918 г.*

Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:
Одет изысканно, цветок в петлице,
Рубин в булавке, грудь надушена.

И улица шумит пред ним, пьяна;
Трамваи мчатся длинной вереницей...
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся жизнь — гнусна.

Но встретится, в толпе шумливо-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь...

И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,
И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: memento mori!

14 мая 1918

¹ Помни о смерти (лат.).

В ТАКИЕ ДНИ

1919—1920

В зареве пожара

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрошенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батия,
Кто, кто монгольскому потоку
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

(1917—1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет Нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общею грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в расприх, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! Яростно приняв,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке, —
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятении земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель,

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка.
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вот река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы пеизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознания и свободы.
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней!

7 июня 1920

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1920

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

Инвектива

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любви — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упиться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль и март 1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей пропой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам, —
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

К ВАРШАВЕ!

К Варшаве красноармейцы,
В Балтике английский флот.
Знамена красные, взвейтесь,
Трубите красный поход!

Пусть там, в Европе, смятенье,
Всплески испуганных рук.
На кинематографической ленте
Веков — новый круг.

Та Москва, где Иван Грозный
Плясал пред кровавым костром;
Где в безлюдьи, ночью морозной,
Варваров клял Наполеон;

Где — храмы, святыни, ковчеги,
Дворцы, особняки богачей, —
Сорвалась с тысячелетнего места
И в пространствах, без меты,
В неистовом беге
Летит, ружье на плече.

Над Тверской, над Садовой — самумы,
Над Остоженкой — неистовый вихрь:
Всей республики воплощенные шумы,
Кремля громовые думы, —
Создавать, разрушать, творить.

Рушатся незыблемости зданий,
Новый Капитолий встает;
Водоворот,
Всех заарканив,
В багряном тумане,
В невероятность влечет.

Мы подняты на взбешенных волнах,
На их гребень, как в седло, взметены,
Мы пьяны от брызг соленых,
Копьями звезд пригвождены.

Мы плывем в растущем потоке,
Все заливая кругом,
Пока в смятенной Европе
Над нашим разгромом — стон!

К Варшаве, красноармейцы!
Пусть в Балтике английский флот!
Ликуйте, пляшите, смейтесь —
Над расплавленной яростью вод!

1920

МЯТЕЖ

*(Памяти Эмиля Верхарна
как поэта и друга)*

В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Восстающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно, —
Мятеж,
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода.

Возьми
Пламя пожара,
Взбежавшее яро,
Как гигантскую лиру;
Греми
Грохотом рушимых зданий;
Аккомпанируй
В кровавом тумане
Реву толпы,
Сокрушая столпы
Библиотек,
Фронтоны музеев,
Одрахлелых дворцов.

Ужас посеяв, —
Как отравленный дротик,
Кинь свой озлобленный зов:
«За рабов!
Против царей, вельмож, богачей, иереев!
Против всех ставленных!
За подавленных!»

Не все равно ли,
Правда иль нет этот зов!
Ты полон дыханием воли,
Ты силен сознанием власти,
Ты — нов.

Пусть книги горят на кострах дымно-сизых;
Пусть древние мраморы в тогах и в ризах
Разбиты на части
(Заряды для новых орудий!),
Пусть люди,
Отдавшие жизнь за свободу народа,
У входа
Опустелых темниц,
Расстреляны, падают ниц
С заглушенным криком: «Свобода!»
Пусть в шуме
Растущих безумий,
Под победные крики, —
Вползает неслышно грабеж,
Бессмысленный, дикий, —
Насилье, бесстыдство и ложь.
Пусть!

Разрушается старое, значит, поднимется новое.
Разрываются цепи, значит, будет свободнее.
Прочь — готовое,
Прошлогоднее,
То, что мы знаем давно наизусть!

Необорно,
В одежде красной и черной,
Ты проходишь,
Мятеж,
Ища свой рубеж,
Ты просторы обводишь
Глазами пронзительно-шарящими.

Тебе, чем другому кому,
Известней:
Над пожарищами,
Над развалинами,
Над людьми опечаленными,
Над красотой, обрекаемой тлению, —
В огне и дыму, —
Новой песней,
Встанет новой жизни свет!
Разрушению —
Привет!

1920

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражение, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот.
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

13 мая 1921

Над мировым костром

В ТАКИЕ ДНИ

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет огня.
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметаю меня!

Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль в зареве бесчисленных дум, зорка,—
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных в века!

Не пламя ль влито в трепетные жилы?
Мой каждый вздох не роковой ли хмель?
Содружный труд упорно троит силы,
Застлала мглу слепительная цель.

Но в эти дни все внесено в безмерность,
Жизнь — от земли в зенит веретено!
Желанья — смерч, стальная плаха — верность,
Победный лавр и иглы пуль — одно!

В святом кругу приветствий и проклятий,
Где жезл Судьбы сметает дни и кровь,
Язвит целебней серп ночных объятий,
Уста к устам смертельной гнет любовь!

1920

НА ВЫСЯХ

Жизнь трепетов любви не старит,
Где ближе гибель — зорче страсть,
Так бред блаженств с Еленой Парид
Знал в Пёргамах, готовых пасть.

За сводом свод возносят годы
Аркады радуг в сто цветов;
Все жгучей синь, все круче всходы
По твердым зернам лунных льдов.

Но в стуже лет, у горных срывов,
Где ветер в клочья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастливых,
Свой факел взнесших в высоту.

Что в долах, там, где тмин и мята,
Пьянило дни, — мгновенный мед, —
На высях, здесь, как пламя, свято,
Алтарный дым до звезд влечет.

Смыкайтесь, арки, в белом блеске,
Над черной бездной, в вихре мча —
Сон Паоло и сон Франчески,
Что двух слепил под взвизг меча!

1920

ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ

Вихри войны, кони гибели, не успокоены.
Роя просторы, опоры бывшего крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вóпят о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Вносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятежно
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двсе, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастье немом на устах?

Легкие листики, взвеяны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы
Шагом народов к великой, к всеобщей лазурности,
Ляжем, разъяты, — обломки рассеянной тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд!
Сладко нам реять над алым провалом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь!

11 сентября 1920

ВЕЩИЙ УЖАС

Рук ласковых касанья; приближенья
Губ страждущих; истома глаз ночных;
Предчувствующий трепет достиженья;
Прерывный вздох за грань кругов земных!

Вы, древние, проверенные чары!
Вопль троглодита в алой мгле времен,
Бред эллина во храме, гунна ярый
Восторг, Тристана и Изольды сон!

Вы, длящиеся в мертвых небоскребах,
Под скрежет революций, в дни войны,
Вы в гибелях, вы в благостях, вы в злобах,
Таящиеся вопли, бреды, сны!

Кто вырвет вас из мировых сознаний,
В костре куст лишний, чтоб не тмился свет?
Тебя спалит,— одну сквозь сто названий,—
Изида, Афродита, Аштарет!

Мы — человечества всплеск, мы — поэты,
В огне веков как можем не гореть?
Пусть гимны ночи в Атлантиде петы,—
Нам страсти вещий ужас — вечно петь!

8 сентября 1920

РАССВЕТ

Никнут тени, обессилены;
На стекле светлей извилины;
Мертвой тайны больше нет...
Не безумно, не стремительно, —
Скромно, с нежностью медлительной
В мглу ночную входит свет.

Мгла, в истомном утомлении,
Спорит миг за мигом менее,
Властью ласк побеждена;
Воле дня перерожденного,
Новой жаждой опьяненного,
Отдает свой вздох она.

Над безвольной, над поверженной
День взволнован в страсти сдержанной,
Шепчет вкрадчиво: «Молчи!..»
Полно длить предел обманчивый,
Казнь любовную заканчивай,
Кинь слепительно лучи!

4 сентября 1920

ЗАКЛЯТИЕ ЭРОСА

Проходя страду земную
Горьких ласк и сладких мук,
Помни, вверясь поцелую, —
Любит лишь мечту двойную
Эрос, туго гнущий лук.

Он решил, он повелел
Кроткой строгостью заклятий,
Чтоб восторг двух разных тел
Равным пламенем горел
На костре ночных распятий.

Богу ран животворящих
Ненавистен страстный вскрик,
Если он, во мглах крутящих,
В миг разъятий единящих,
Из одной груди возник.

1920

KLASSISCHE WALPURGISNACHT¹

(Гете, «Фауст», часть 2)

Ночи, когда над городом
Дымы лесных пожаров,
А выше — эллинским мороком —
Гекаты проклятые чары, —

Все углы виденьями залили,
Закружив их дьявольским вальсом,
И четко судьбы сандалин
Стучат по изрытым асфальтам.

Дыша этой явью отравленной,
Ловя в ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двух голубков Афродиты.

Лот любви, моряк озадаченный,
Бросай в тревоге бессонных вахт, —
Иль в Советской Москве назначена
Klassische Walpurgisnacht?

Подползают на брюхе сфинксы,
Стимфалиды взмывают крылом,
Чу! скачет сквозь мрак лабиринтский
Мудрый кентавр Хирон.

Куда? Не к Елене ли?
Лебедем в гриву вплетись,
Неги Эгейские вспенивай,
К Скейским высотам мчись!

¹ Классическая Вальпургиева ночь (нем.).

Город иль море?
Троя иль Ресефесер?
Мы с Фаустом поспорим
В перегонке сфер!

Запрокинулась Большая Медведица,
Глаз Гекаты метит гостей,
А дым пожаров все стелется,
Заливая нашу постель.

1920

ГИМН АФРОДИТЕ

За длительность вот этих мигот странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биении сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея,—
Твой луч, как меч, взнесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и зной,
Что зелень светлым Аквилонем взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За все, что будет и не быть не может,
Что сон, и этот! будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов своих,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

2 сентября 1920

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ИМЭА

СОБРАНИЕ
СТИХОВ

Ф2 Ф4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Шаги Афродиты

ШАГИ АФРОДИТЫ

Шагам Юпитера пристало удаляться,
Когда Венерины послышатся шаги.

Адалис

М о й р ы

Слышишь! по узорам плит
Серебристый шаг звенит.
Мойр веления исполни,—
Уходи, владыка молний.

Г е б а

Над Олимпом сумрак синь,
Трон блистающий покинь,—
Там, где в брачных звездах небо,
Только юность любит Геба.

А ф и н а

Я во мгле клоню свое
Днем горящее копье.
Нестерпим богине мудрой
Взор Киприды златокудрой.

А ф р о д и т а

Я иду смеюсь, смеюсь,
Между мной и ночью вязь,—
Пояс мой, соблазном свитый.
Зевс! клонись пред Афродитой.

З е в с

Я к Данае, в сне ночном,
Золотым сошел дождем;
Летним днем был горд победой,
В лике лебеда, над Ледой;
Для Семелы тень была,
Там, где я, всегда светла;
Долго длилась ночь без смены
Для меня близ уст Алкмены;
В свете, в сумраке, везде,
В храме, в роще, на воде,
Я готов в борьбе открытой
Пасть, сраженным Афродитой.

21 июля 1920

СТРЕЛЫ РЕСНИЦ

Еще в мечтах чернеют стрелы
Твоих опущенных ресниц;
Но день встающий, призрак белый,
В пепл обращает уголь горелый,
Пред правдой властно клонит ниц.

Еще мечта нежна, как голос
Волюнки, влившейся в рассвет,
Дрожит, как с ветром свежий колос,
Но щеки жжет мне белый волос,
Немая память долгих лет.

Клятв отзвучавших слишком много
И губ, томивших в темноте.
Полмира сжав, моя дорога
По горным кряжам всходит строго,
Ах, к той вершительной мете!

День торжествует, Солнце лепит
Из туч уборы древних жриц,
Вот-вот мир пламенем оцепит...
Но в глубях тихих — черный трепет
Твоих опущенных ресниц.

23 июля 1920

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Был дождь и замер; молний взвизги
Устали; тень сближала нас;
На темных стеклах стыли брызги;
Плыл призраков любимый час.

Твои глаза так были близко,
Так хрупок шум твоих волос.
Бег мерный месячного диска
Кропил нас мглой безвлажных рос.

Пусть две мечты двух душ не слитых
Томил во тьме несходный сон,
Но двум мирам на их орбитах
Миг встречи был судьбой сужден.

Звезда к звезде в пространствах млечных
Влеклась, — мячи враждебных сил, —
Чтоб встал огонь из спибок встречных,
Ночь неба кровью опалил, —

Чтоб смерч сгораний, вихрь бесструнный
Над слухом чутким в век вознес —
Тишь бледных брызгов, отзвук лунный
И хрупкий шум твоих волос.

28—29 июля 1920

ЕГИПЕТСКИЙ ПРОФИЛЬ

Твои мемфисские глаза.

Me eum esse

Когда во тьме закинут твой,
Подобный снам Египта, профиль, —
Что мне, куда влекусь за тьмой,
К слепительности ль, к катастрофе ль!

Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных —
Не так же ль бил, в такой же час,
Ваятель сфинксов довременных?

Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век извивный вырез?

Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о давнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей пропасти объятий.

Вдавлив уста в холодный лик
Той жрицы Гора иль Изиды,
Он гневно в камень вбросил крик
Восторга иль глухой обиды.

Всё отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их? в чертах виска?
В той выгнутости ль? в том изгибе ль?

Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью,—
Влить в строфы, сохранить векам
Вот эту тень над левой бровью.

1 августа 1920

СРОК

Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак и свет,
Просторы разных стран бросая вслед
То крикам рынка, то полночным систрам.

С полмиром кинут я теперь во тьму,
Полсуток ждать мне солнечного восхода,
Слежу без звезд по дугам небосвода,
И глубь ночных часов страшна уму.

Расстались мы. Еще в глазах вся нега
Желанных глаз; все может губы сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч
Всё сладко пальцам. Но, летя с разбега,—

Земля швырнула нас к иному дню,
Кружась, срок создает до новой встречи.
Найду ль я вновь те губы, веки, плечи
Иль в бездну мигов счастья сон сроню?

Лети, лети, земля, путем планетным,
В пустыне сфер крути живой волчок,—
Чтоб, малый атом, я, изжив свой срок,
Мог страстный вздох вернуть устам запретным!

1920

ДВЕ ВАЗЫ

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать
В палящей мгле, над близкой бездной,—
В них миро сладкое вдыхать,
Жить странной тайной аромата,
Пока зловещий глаз Геката
Не врежет вдруг в ночную гладь,
Спалив сияньем отсвет звездный,
Тогда живой фиал поднять
К трехликой, в высь, к лучам, *ad astra!*¹
И вот, пред тем, как телом стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.

2—3 августа 1920

НОЧНАЯ УЛИЦА

Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.

Бреду, спотыкаясь по рытвинам
Тротуара, в бездонном безлюдьи;
Только звезды глядят молитвенно,
Но и они насмешливо судят.

¹ К звездам (лат.).

Звезды! мы — знакомые старые!
Давно ль вы в окошко подглядывали,
Как двое, под Гекатиными чарами,
Кружились, возникали, падали.

Когда же вчера вы таяли,
Уступая настояниям утра,
Вы шептали, смеясь: не устали ли
Губы искать перламутра?

Так зачем теперь отмечаю я
Насмешку в лучах зазубренных,
Что в мечтах — канун безначалия
В царстве голов отрубленных;

Что не смотрите ласково-матово,
Как, замкнув рассудочность в трюме, я
По Москве девятьсот двадцатого
Проплываю в ладье безумия!

20—22 августа 1920

ХМЕЛЬНЫЕ КУБКИ

Бред ночных путей, хмельные кубки.
Город — море, волны темных стен.
Спи, моряк, впивай, дремля на рубке,
Ропот вод, плеск ослепленных пен.

Спи, моряк! Что черно? Мозамбик ли?
Суматра ль? В лесу из пальм сквозных,
Взор томя пестро, огни возникли,
Пляски сказок... Бред путей ночных!

Город — море, волны стен. Бубенчик
Санок чьих-то; колокол в тени;
В церкви свет; икон извечный венчик...
Нет! бред льнет: в лесу из пальм огни.

Спи, моряк, дремля на рубке! Вспомни:
Нега рук желанных, пламя губ,
Каждый вздох, за дрожью дрожь, истонней...
Больше, глубже! миг, ты слишком груб!

Колокол в теши. Сон! сон! помедли,
Дай дослушать милый шепот, вкинь
В негу рук желанных — вновь! То бред ли,
Вод ли ропот? Свод звездистый синь.

Чьи-то санки. Пляска сказок снова ль?
Спи, моряк, на рубке, блеск впивай.
Город — море. Кубков пьяных вдоволь.
Пей и помни свой померкший рай.

1920

ДЛЯТСЯ, ДЛЯТСЯ...

Длятся, длятся, сцеплены, союзы,
Лентой алой скрепленные ночи.
Память! в нежной устали ворочай
Легкий пух зари и сумрак грузный!

Лунной влагой облик милый залит,
Тень на грудь — сапфирные запястья.
Вот он, вот, взор сдавленного счастья!
Змей, скользя, в глубокой ласке жалит.

Черный мрак над морем опрокинут,
Зыбля челн в неистовстве прибою.
В звездность тайны падаем мы двое;
В холоде ль эфира плечи стынут?

Эос! Хаос блесков без названья!
Теплый мрамор ожил в теле гибком,
В неге слипших губ, к немym улыбкам,—
Вечность влить в мгновенья расставанья!

Память, смей! лелей земные миги!
Их за свет иных миров стереть ли? —
Смертной сети пламенные петли,
Брошенной столетьям в этой книге!

26 сентября 1920

РУКАМИ ПЛЕЧИ...

Руками плечи опоясаны,
Глаза с глазами смежены,
Друг друга сном огня пьянят они,—
Венчанных двое меж иных.

Миг кем-то где-то предназначенный!
Стоять бесплодно: пощади!
В воде столетий опрозраченной
Для зорких глаз палящий диск!

Кассандры рушащихся Илиев,
Иоанны Патмосов в огне!
Вы тщетно в выкриках таили гнев,—
Что будет, видя как в окне.

Еще весталка не ждала греха,
Еще не вызвал брата Рем,
Уже был избран меч Алариха
Жечь мрамор римских алтарей.

Нас так, с порога дней, провидели,—
Осенний луч с поры весны,—
В мечты все Сапфо, все Овидии,
Всех Атлантид слепые сны!

4 июня 1921

ОТ СТОЛЕТИЙ...

От столетий, от книг, от видений
Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день ли,
Если звезды обуглены сплошь.

В мире встанет ли новый Аттила,
Божий бич, божий меч,— потоптать
Не цветы, но мечты, что взрастила
Страсть,— хирамовым кедром под стать?

Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигая с морей на постель,
Но не тот же ли локон наклонный
Над огнем мировых пропастей?

Чтобы око земное не слепло,
На мгновенье двум сближенным в смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный сбег.

И с земли до звезды, до столетий
Восстающих, — борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть ли,
В наших строфах горящий вдвойне!

9—11 сентября 1921

ЧЕРЕП НА ЧЕРЕП...

Череп на череп,
К челюсти челюсть,
За тонкой прослойкой губ!
За чередом черед!
Пей терпкую прелесть,
Сменив отлюбивший труп!

Земли не насытить
Миллиардам скелетов!
Ей надо тучнеть, тучнеть!
Чтоб кино событий
Шло в жизни этой,
Ты должен любить — хотеть!

Как пещерный прапредок
(Вселенское детство!)
Грудь на груди, под смех гиен, —
Так, в истомах и бредах,
Выгибая хребет свой,
Отдавайся объятьям в плен!

Александр, Юлий Цезарь, Хлодвиг!
За чередом черед!
За соседним соседний! чтоб,
Свершивший свой подвиг,
Твой целованный череп
Опустили в последний гроб.

6 мая 1921

Завес веков

В ДНИ, КОГДА...

В дни, когда Роком я кивут
В город, на жесткие камни;
В дни, когда медленно стынут
Прежде кипевшие страсти,—

Жребий заветный мной вынут:
Сказка столетий близка мне;
Завес веков отодвинут,
Прошлое снова у власти.

Вот словно волны нахлынут —
Фивы, и Дельфы, и Самний;
Вакховы тигры разинут
Кровью горящие пасти;

Дрот гладиаторы ринут...
Чу! плеск «*vestalis et damni*»!¹
Те же в восторге застынут,
Слушая миф о Иокасте...

Путь, что народами минут,
Жизнь, что была многодрамней!
Гулы трамвайные стынут
В звоне восточных запястий.

Октябрь 1919

¹ Весталки и развратника (лат.). (Перевод Брюсова.)

РОМАНТИКАМ

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым.
Вам эти строфы, любимцы отринутых дней!
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Жены султанов глядятся в кристальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины, и чары не страшны; пропитан
Воздух великой тоской по нездешней стране!
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на волшебном челне?

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,—
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить

1920

ОДИССЕЙ У КАЛИПСО

Сквозь легкий дым земных воспоминаний
Светлеет глубь заживших страстей,
Я ль тот пловец, кто вносит к небу длани,
На берег брошен из морских сетей?

Я ль чуждый гость в чертоге крепкостенном,
Где Калипсо кудель судьбы прядет,—
Днем на пиру сию блаженно-пленным,
В ночь с уст царицы пью пьянящий мед?

Как бред былой, скользят и тают лица
Друзей случайных, призрачных врагов;
Вновь, как во сне, мы двое, жрец и жрица,
Сквозь сонм льстецов проходим чтить богов.

Но в час зари, чуть стоят чары мрака,
Я восхожу на кручь прибрежных скал
Смотреть в туман, где спит моя Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегущий вал.

Я ль в светлом доме островной сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вдыхать готов о дымных безднах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом волн — побег?

Что мне, кто знал слепительности Трои,
Кто сирских пленниц к ложах нежным влек, —
Ахайи скудной зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?

Иль не пресыщен полным кубком славы,
Не отягчен венцом вселенной всей, —
Как нектара, жду нежащей отравы
Я, опытный, я, мудрый Одиссей?

28 августа 1920

ОДИССЕЙ У БЕРЕГОВ ФЕАКОВ

(Одиссея, песнь V)

«Будешь помнить!» Прогремела
Мне насмешка Посидона.
Коней бурных он направил
В глубь взволнованного лона,
В свой коралловый чертог.
Но всем ветрам предоставил
Выть над морем гневный бог,
Плещут, мечут пеной белой
Ярый Эвр, свирепый Нот,
Зверь Борей и Зефир юный;
Понт на шумные буруны
Мчит со мной мой утлый плот.

Все ж со мною — Левкотеи
Неземное покрывало,
Деву мудрости, Афины,
Что не раз в беде спасала,
Я, упорный, помяну.
Плот разрушенный покину,
Кинусь в мутную волну,
Буду плыть к земле смелее:
Знаю, гибельного дня
Сладость будет не такая!
Там, на берегу, Навсикая
Ждет, прекрасная, меня.

20 марта 1921

ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В жгучей сини Феб недвижно стал.

Мысли — четки. Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови.
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

Что ж! пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фьски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишний хмель?

Нет, египтянка! в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глубин, соблазлившей нас.

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу! на дне — камней скользнувших звук!

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твое чело.
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий — фатума весло.

Нам сужден ли сон мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге,
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламенея,
Огнь любви спеши со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь!

1920

ГЕРО И ЛЕАНДР

Л е а н д р

Геро, слушай! слышишь, Геро!
Рядом в лад стучат сердца.

Г е р о

Милый, нет! у башни серой
Ярость волн бьет без конца.

Л е а н д р

Геро, лик твой жутко нежен,
Весь плывущий в лунном дне!

Г е р о

Милый, ах! луной взмятежен
Понт, взносящий вал во сне.

Л е а н д р

Геро! грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...

Г е р о

Милый! стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.

Л е а н д р

Геро! встанем! в свет победный
Бросим тело, бросим страсть!

Г е р о

Милый! грозно ветер бесследный
В море вскрыл пред смелым пасть.

Л е а н д р

Геро! помни! веруй, Геро!
Прочны связи влажных губ!

Г е р о

Милый, ах! у башни серой —
Вижу твой взмятенный труп.

1920

БОТТИЧЕЛЛИ

Что затеял ты, Рок? не игрой ли
На арене веков занят ты?
Толпы бросил ты к Савонароле,
Руки, в знаке креста, подняты.

И от воли ль твоей, от речей ли
Исступленца, что длань распростер,
Возложил Сандро Боттичелли
Картины свои на костер?

Ты ль решил, чтоб слезой черно-палевой
Оплывала Венер нагота,
А народ, продолжая опаливать
Соблазн сатаны, хохотал?

Ты ли дым, над Флоренцией вскинутый,
Отвердил в извечный гранит,
Обратил в бесконечную скинию,
Где примеры вселенной хранить,

Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?

30 сентября 1921

ВСЕ ЛЮДИ

Все люди, люди и люди,
Всех осанок, величин и мастей,
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.

Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старых набор!

Ахилл ли, Терсит ли, Елена ль,
Поэт, чиновник, король, —
Весь сверток земной вселенной —
Под печатью одна бандероль!

А, быть может, на синих планетах —
Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,
Чего не блистало в стихи!

А, быть может, в огне иль в незримом,
Демоны, дьяволы — вы,
Кто пылаете мимо, мимо,
Презирая кивком головы!

8 июня 1921

Приветствия

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

В дни победы, где в вихре жестоком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждательный путь.

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем, конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб,—
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в самой
Буре мира — века охранить,
И вселенского нового храма
Адамантовый цоколь сложить.

1920

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Чахлые сосны дорогу к лазури найдут.

К. Бальмонт

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул,—
Ведал громы, видел бури,
В вихрях взвевянных тонул;

Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой мечтой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Алым облаком горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Благу огненную жадно
Пили тысячи семян,
Чтоб весной в парче нарядной
Ликовала даль полян.

Пусть погасло пламя в небе,—
Под землей огонь твой жив:
Светел Рок, завиден Жребий
Тех, кто умер, жизнь разлил!

Беглый блеск прощальных вспышек
Тайно манит, как магнит:
То — твоих лучей излишек
В глубине зарниц горит!

22—23 февраля 1919

ПАМЯТИ ОДНОЙ

Помню, помню: вечер нежный;
За окном простор безмолвный;
Белой яблони цветы;
Взор твой, милый, неизбежный,
Миги катятся, как волны,
В целом мире — я и ты.

Помню, помню! это было, —
Словно в пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лет назад!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко, —
В новый рай и в новый ад.

Розы, лавры, олеандры,
Лица с черными глазами,
Плеск побед, падений стыд...
Как в видении Кассандры,
Тень Стигийская меж нами,
Окровавлена, стоит.

Нет к прошедшему возврата,
Все в пространстве по орбитам
Мы должны вперед скользить.
Стать чужими — вот расплата
За блаженство: в теле слитом
Сердце с сердцем соединить!

28 мая 1920

ПАМЯТИ ДРУГОЙ

Ты здесь, на ложе ласк неверных,
Обманивающих приближений,
В правдиво-лицемерный миг,
Во мгле, как в пропастях безмерных,
Астральной властью отражений,
Твой облик надо мной возник.

И ты, от близостей отъята,
Уже не здесь вливаешь свету,
Где я еще влачусь за тьмой,
Но помнишь, странные когда-то,
Нас обручившие обеты
И горько слышишь ропот мой.

Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто,
Но здесь, со мной, твоя любовь;
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь.

В блаженной неге униженья
Я оцет пью из груди милой,
Отвести клинок стыда без сил,—
Прими мой бред — как искупленье:
Им ныне над твоей могилой
Венок из строф я возложил.

1920

МАДРИГАЛ

Имя твое — из золота,
Маленький, сверкающий слиток,
Под ударом кирки и молота
В ледяном Клондайке открытый.

Имя твое под любовными
Ласками солнца светится,
Но лучи его робки, словно им
Опасно соперничество месяца.

Но я знаю, верю, и ночью оно,
Под лунным поцелуем бесплодным,
Необлédнено, неопорочено,—
Пламя во тьме холодной.

Пусть ветер взлетает с полюса,
Пусть пустыня снежная стелется,
Иль иглами жгучими колется,
Смеясь над прохожим, метелица,—

В стране молчанья и холода,
Над белым, над мертвым простором,
Имя твое из золота,
Милое имя — Дора!

16 февраля 1921

К АДАЛИС

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забытым ветром вновь вздохнуть.

День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;
Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.

Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.

Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять —

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм,— с уступа на уступ.

21 июля 1920

К А—

Шаги судьбы по камням мира, свисты
Стрел Эроса, соль моря — любишь ты.
Я — этой ночью звезд расцвет лучистый,
Тишь этих узких улиц, этот мгlistый
Бред темноты.

Ты в каждом знаке — ищешь символ сути,
Ведешь мечту сквозь тени к вечным снам. —
Мне все сказалось в играх лунной ртути;
За смысл миров, — того, что есть в минуте,
Я не отдам.

В отвесах стен ты знаешь облик Рима,
В полетах ветра шум нездешних струй. —
Я жадно в стих ловлю лишь то, что зримо:
Миг, сладкий миг, как сон бегущий мимо, —
Твой поцелуй.

1920

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты, предстоящая, с кем выбор мой!
Стань смело здесь, где робок посвященный,
По власти, мне таинственно врученной,
Твое чело вяжу двойной тесьмой;

В кольцо с змеями, знак инвеституры,
Твой тонкий палец заключаю; меч
Тебе влагаю в руку; нежность плеч
Скрываю в плащ, что соткали лемуры.

Пред алтарем склонись, облачена:
Те две тесьмы — сиянье диадемы;
Ей тайно венчаны, поэты, все мы,
Вскрывает путь в огонь веков она.

Те змеи, — символ мудрости предельной,
Они все миги жгуче в нас язвят,
Но их губительно-целящий яд
Из смерти душу возвращает цельной.

Тот меч — как знаменье, что жизнь тебе
Прорежет сердце остро и глубоко,
Что станешь ты победно одинока,
Но не уступишь ни на шаг судьбе.

Тот плащ, тебе сокрывший зыбко плечи,
Сны отрешает от страстей людских;
Отныне ты — лишь призрак для других,
И для тебя — лишь призрак дни и встречи.

Ты в оный мир вознесена, где нет
Ни слов лукавых, ни черты случайной,
И се — я, тавматург, пред новой тайной,
Клоню колена пред тобой, Поэт!

30—31 августа 1920

А здесь, в уме...

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Было? Не знаю. Мальстрёмом крутящим
Дни все, что было, сметают на дно.
Зельем пьянящим, дышу настоящим,
Заревом зорь мир застлало оно.

Прошрое сброшу, пустую одежду;
Годы --- что полки прочитанных книг!
Я это — ты, ныне вскинутый, между
«Было» и «будет» зажегшийся миг.

В первый раз поле весной опьянело,
В первый раз город венчала зима,
В первый раз, в храмине туч, сине-белой
Молнией взрезана плотная тьма!

В первый раз, в первый — губ нежная влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый раз
Грудь на груди вздохов страстных протяжность,
Жуть, счастье, муку закинутых глаз.

В первый раз мысль, в жгучей зоркости, верит
Зовам толпы, с буйством жизни слита:
Строить, крушить, в битву ринуться! Перед
Целью веков ниц простерта мечта.

Грозы! Любовь! Революция! — С новой
Волей влекусь в ваш глухой водомет,
Вас в первый раз в песнях славить готовый!
Прошлого — нет! День встающий — зовет!

23 ноября 1920

ВО МНЕ

Воспоминая стран,— вопль водопадов,
Взлет в море волн, альпийских трещин жуть,
Зной над Помпеями, Парижа адов
Котел, за степь гремящей тройки путь.

Все,— и провал в палящие полотна
Да Винчи, мраморный вздох Афродит,
Разливы книг с их глубиной болотной,
Дум молнии, цифр гибельный гранит.

Все,— Город Вод, с блистаньем орихалка,
С нагой Иштар, где смерть, в подземный плен,
В мечты Геракла, где Омфалы прялка,
За Одиссеем в знойный зов сирен.

Вас, также вас,— костры ночей изжитых,
Двоим один, слов не обретший, бред,
Губ хрипло слипших, рук несыто слитых,
Дорог сквозь тайны радиевый след.

Вас, вас еще,— часы трудов державных,
Восторг стихов, вдаль вскинутые сны,
Вас, миги зоркостей, слепых и явных,
Горн революций, пестрый плащ войны.

Все, все во мне, круги живых вселенных,
Преображенных, вновь зажженных мной,
Корабль сокровищ, от мостов мгновенных
Влекомый в вечность роковой волной.

17 сентября 1920

БУДЬ МРАМОРОМ

Ты говоришь: ограда меди ратной...

Адалис

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь!
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умеи вдохнуть!

Так! не сгорая и не тая,
Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двойник!

Захвачен вихрем ярко-юным,
Что в прах свергает алтари,
Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори!

Меж «юношей безумных», вкован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволнован,
Беспечность, песни и вино!

В сонм тайный мудрецами принят,
Как древле Пирр в совет царей,
Все, что исчезло, все, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей!

А в поздний час, на ложе зыбком,
В пыланье рук включен, как в сеть,—
Улыбкой дарственной — улыбкам,
Мечте — мечтой любви ответь!

Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором и медью будь!

4 сентября 1920

ДЕНЬ

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен!

Вновь бросься в день, в целящий водоем,
Скользи в струях, глядись в стекле глубоком,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком!

Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубио дум, всей волей!
Все в пламя обрати: восторг, скорбь, вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей боли!

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звездных?

Борьбой насытись, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел днёвной песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи, —
Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!

24 августа 1920

В СМЕРТЬ

В смерть, в вечный гром, в горящий вихрь, быть может,
Быть может, в темь, в провал, в ничто — все я!
Вот эти скрепы рук червь алчно сгложет,
Пять строк историка — смысл бытия.

А здесь, в уме, разбеги дум свистящих,
Колеса, поршни, рычаги машин,
Тигр с тигром, с змеем змей в деканских чашах,
Злой глаз ихтиозавров из глубин.

Здесь дни, где слеп от солнц желаний рдяных,
Ночи, где жив костром сплетенных рук,
Плыть по безумью, челн меж скал в туманах,
Целить в врага сквозь серп колючих юкк!

Всход в башни книг по лестницам спиральным,
Срыв вниз в котел шипящих городов;
Вдохнув их бред, зажечь мечом сигнальным
На самой круче века оклик строф.

И все, все — труп, тук цепким повиликам,
Соблазн стихов — влюбленным двум, чтоб влечь
В столетьях чуждых, чьих-то, с лживым вскриком,
В позор объятий иль под мрачный меч!

5—6 сентября 1920

ПРЕДЕЛЫ

Пределы? нет их!
Цель — бесконечность!
Из песен петых —
Звездная млечность.

Там дальше — туманность
Ориона иль Лиры...
Отточенных слов чеканность,
Лезвием секиры.

Канат корабля отруби!
Новых норманнов наезды!
Мелкие отруби,
Рассыплются звезды.

Земля? — зелененький мяч!
Луна? — нет совсем!
Человеческий плач
В пространствах нем.

Вне изведанных стран дыши
Потоком твердым эфира!
Прощайте, милые ландыши,
Орион и Лиры!

25 августа 1920

ОДНО ЛИШЬ

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом, листья спадшие,
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросать назад.

9 января 1921

ПЕРВЫЙ МЕРИДИАН

Через сердце к весеннему полю,
Первый проводи меридиан:
Он упрется в точку, где полюс
Полярной звездой осиян.

И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Там и в прошлом все тысячелетья,
И в грядущем дерзко грозят.

Расточить, как щедрый наследник,
На пиру этого дня умей —
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоём уме.

Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Реи иной близнецы.

От вселенной тебя ли отыдем?
Всех солнц разорвется связь,
Вихрями в пустоте золотыми,
Калейдоскопом нелепым резеясь.

Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал:
Над вечностью им балансируй
В бесконечности тронных зал.

3 июня 1921

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Мясорубками тело измолото,
День за днем, день за днем, день за днем.
Почему же нетленны и молоды
Губы мальв за вселенским плетнем?

Расстилаться, дробясь под колесами...
Это ль я? где же я? кто же я?
Не ответит за волжскими плесами
Мне последняя ворожея.

Отстраняю в безумьи ладонями
Беглый миг, бледный лик, тот двойник.
Но ликующий месяц над донями
До глубин заповедных проник.

Так рубите, рубите, рубите
День за днем, день за днем, день за днем.
По мечтам, по путям, по орбите
Пред огнем мы кометы метнем.

Что во сне на земле, — повторится
В голубых и пурпурных краях.
Пей жемчужину в уксус, царица,
Клеопатра, Марго, Таиах!

Эти трепеты груди прозрачны,
Кровь под жалами пламенных стрел,
Чтобы, крылья смежив, новобрачный
До глубин заповедных смотрел.

14 июля 1921

МИГ
1920—1921

Кругозор

СМОТРЕТЬ В БЫЛОЕ

Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Сожженным ветром иль миражем пьяны;

Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду,
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джиинны, возникали всюду;

Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели
И где, во мгле, под вспышкой львиных глаз,
Проснешься, когти ощущая в теле!

Смотреть вперед и видеть вновь пески,
Вновь путь в пустыне, где желтеют кости...
Уже не кровь, года стучат в виски,
И зной и смерть слились в последнем тосте.

Но, сказав узду, упорно править ход,
Где холм не взрезан скоком туарега,
Опять, еще, где океан ревет, —
В лед волн соленых ринуться с разбега!

17 января 1921

ГРУЗ

Книг, статуй, гор, огромных городов,
И цифр, и формул груз, вселенной равный,
Всех опытов, видений всех родов,
Дней счастья, мигів скорби своенравной,

И слов, любовных снов, сквозь бред ночей,
Сквозь пламя рук, зов к молниям бессменным,
Груз, равный вечности в уме! — на чьей
Груди я не дрожал во сне надменном?

Стоя Клеопатр, вздох Федр, мечты Эсфирей,
Не вы ль влились, — медь в память, — навсегда!
Где фильмы всей земли кружат в эфире,
Еще звучат, поют векам — их «да»!

Взношу лицо; в окно простор звездистый,
Плечо к плечу, вздох нежный у виска.
Миг, новый миг, в упор былых вгнездись ты!
Прибой швырнул на берег горсть песка.

Сбирай в пригоршни книги, жизни, сны, —
Своих Голландий в гул морской плотины, —
Вбирай в мечты все годы, — с крутизна
Семи холмов покорный мир латини!

А им, а тем, кто в буйстве ветра лиц
Клонились, лица — «Страшный суд» Орканий,
Им — в счет слепот иль — в ряд цветных страниц;
Горсть на берег, лот в груз живых сверканий!

10 октября 1921

ОДИССЕЙ У КАЛИПСО

Снова сон, векам знакомый!
Где-то там, в небесной сфере,
Повернулось колесо,
Вновь, как древле, Одиссея,

Дея чары и слабей
Дрожью медленной истомы,
В сталактитовой пещере
Молит нимфа Калипсо.

Девы моря, стоя строем,
На свирелях песню ладят,
Запад пурпуром закрыт;
Мореход неутомимо
Ищет с родины хоть дыма;
А богиня пред героем
То сгибается, то сядет,
Просит, плачет, говорит:

«Муж отважный, посмотри же!
Эти груди, плечи, руки,—
В мире радостном,— даны
Лишь бессмертным, лишь богиням,
Губы в ласке теплой сдвинем,
Телом всем прильни поближе,
Близ меня ль страдать в разлуке
С темным теремом жены?»

Но скиталец хитроумный,
Как от грубого фракийца,
Лик свой, в пышности седин,—
От соблазнов клонит строже...
Ах, ему ли страшно ложе?
Но он видит — праздник шумный,
Где в дверях отцеубийца,—
Калипсо прекрасный сын!

16 марта 1921

РИМИНИ

В твоём, в века вонзенном имени,
Хранимом — клад в лесу — людьми,
Кто с дрожью не расслышит, Римини,
Струн, скрученных из жил любви?

В блеск городов, где Рим с Венецией,
Где столько всех, твоя судьба
Вошла огнем! Венец! Венец и ей!
И в распре слав — весь мир судья!

Вы скупы, стены! Башни, слепы вы!
Что шаг — угрюмей кровли тишь.
Но там есть дверь и портик склеповый,
И к ним мечта, что в храм, летит.

Что было? Двое, страстью вскрылены,
Над тенью дней чело стремя,
Сон счастья жгли, чтоб, обессилены,
Пасть, — слиты лаской острия.

И все! Но ввысь взнеслись, гиганты, вы,
Чтоб в жизни вечно хмелю быть,
И держат вас терцины Дантовы, —
Вовек луч тем, кто смел любить!

11 июля 1921

ВЗНЕСЕННЫЙ

Закатной яркостью взнесенный
Из душевной сладости темниц,
Забудь обет, произнесенный
Пред жертвенником, лежа ниц.

Просторам сумрачным послушен,
Как облачко, плыви, плыви,
На высях у орлов подслушай
Слепые клетоты любви.

Впивай всю влагу побережий,
Что оживит за лугом луг,
Где волю бега перережет
Тоска спялемых излук.

Когда ж мечты ночные смесят
В страсть все земные голоса, —
На грань захватывая месяц,
Врачуй влюбленные глаза.

И смерть, иных смертей безмолвной,
Как облачко, в просторах встретить,
За фосфорным изломом молний
Сквозь ночь, чтоб гибель досмотреть.

6 июля 1921

АПРЕЛЬ

Кто поет, мечта ль, природа ль?
Небо — нежный сон свирели,
Каждый листик вылит в трели,
Свет и тень звенят в апреле, —
Ветр, лишь ты, всех неумелей,
В медь трубы дудишь поодаль.

Давний гимн! припев всемирный!
В дни, где мамонт высил бивни,
В первом громе, в вешнем ливне,
Был ли тот же зов призывней?
Жди весны, ей верь, лови в ней
Флейты ропот, голос лирный.

Песнь вливаешь в струны ль, в слово ль,
Все ж в ней — отзвук вечной воли.
С ланью лань спозналась в поле,
Змей с змеей сплелись до боли,
Лоб твой влажен вкусом соли, —
Всех мелодий — вдоволь, вдоволь!

30 апреля — 2 мая 1921

ЕВРЕЙСКИМ ДЕВУШКАМ

Красивые девушки еврейского племени,
Я вас наблюдал с тайной дрожью в мечтах:
Как черные волосы упруги на темени,
Как странен огонь в ваших черных зрачках!

В Варшаве, и в Вильне, и в задумчивом Тальсене
За вами я долго и грустно следил.
И все мне казалось: стремитесь вы в вальсе
Неизбежном, над тайной бессмертных могил.

Как будто в вас ожили виденья библейские,
И мать Ревекка, и дева Рахиль, —
Отвеяны помыслы ненужно-житейские,
И в новом жива вековая быль.

Еврейские девушки! в холодной России
Вы — бессонная память о знойной стране,
Живое преданье о грядущем Мессии вы...
Девушки-матери, близки вы мне!

Август 1914. Вильно

Из прежде в теперь

ГРЯДУЩИЙ ГИМН

Солнце летит неизмерной орбитой,
Звезды меняют шеренгами строй...
Что ж, если что-то под солнцем разбито?
Бей, и удары удвой и утрой!

Пал Илион, чтобы славить Гомеру!
Распят Христос, чтобы Данту мечтать!
Правду за вымысел! меру за меру!
Нам ли сказанья веков дочитать!

Дни отбушуют, и станем мы сами
Сказкой, виденьем в провале былом.
Кем же в столетья войдем? голосами
Чьими докатится красный псалом?

Он, нам неведомый, встанет, почует
Истину наших разорванных дней,
То, что теперь лишь по душам кочует,
Свет, что за далью полней и видней.

Станут иными узоры Медведиц,
Станет весь мир из машин и из волей...
Все ж из бывшего, поэт-сердцеведец,
Гимн о былом — твой — восславить позволю!

Ноябрь 1921

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях *иды марта*,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим *четырьнадцатым декабря*?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и *десятый*
День августа, и скорбный день — *брюмер*.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и *июльской* новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над *декабрем*, чем светел пятый год,
Над *февралем* семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный *Октябрь*,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И заревом немеркнущим победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

КОММУНАРАМ

Под вопль вражды, под гулким гневом
Недаром вы легли в веках, —
Упал над миром тучным севом
Ваш огненно-кровавый прах.

Вы, лабиринтцы, в дни позора
Под дерзким эллинским копьем;
Ты, круг священный Пифагора,
Поющий на костре своем;

Вы, все, что восставали, тая,
Вальденцы, Виклеф, Гуса стан,
Пророки нового Синая,
Ты, иступленный Иоанн;

И вы, кто жертвой искуплений
Легли в Париже, у стены,
Чьи грозно вопящие тени
В лучах побед вознесены!

Как в басне, из зубов дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете в земное лоно
Вы мученичества венцы.

Под те же гулы и угрозы,
Приемля ваш немолчный зов,
Мы ваши праведные грезы
Возносим над борьбой веков!

1920

ОКЛИКИ

Четвертый Октябрь

Окликаю Коршуна в пустыне:
— Что летишь, озлоблен и несмел? —
«Кончен пир мой! более не стынет
Труп за трупом там, где бой гремел!»

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: — Что уныл? —
«Нет мне места на пустом заводе:
Утром колокол на нем звонил».

Окликаю Ветер: — Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах? —
«Больше мне нельзя в годину смуты
Раздуть пожары в городах!»

Окликаю Зиму: — Эй, старуха!
Что твоя повисла голова? —
«Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова».

Чу! гудок фабричный! Чу! вызывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник прошен!
Путь вперед — роскошен и широк.
Это — зов, что в глубь столетий брошен,
Это — наше право, это — рок!

25—30 октября 1921

СОВЕТСКАЯ МОСКВА

Все ж, наклонясь над пропастью,
В века заглянув, ты, учитель,
Не замрешь ли с возвышенной робостью,
И сердце не полней застучит ли?

Столетия слепят Фермопилами,
Зеркалами жгут Архимеда,
Восстают, хохоча, над стропилами
Notre-Dame безымянной химерой;

То чернеют ужасом Дантовым,
То Ариэлевой дрожат паутиной,
То стоят столбом адамантовым,
Где в огне Революции — гильотина.

Но глаза отврати: не заметить ли
Тебе — тот же блеск, здесь и ныне?
Века свой бег не замедлили,
Над светами светы иные.

Если люди в бессменном плаваньи,
Им нужен маяк на мачте!
Москва вторично в пламени, —
Свет от англичан до команчей!

13 ноября 1921

Просверк

СЕЕТ ХРОНОС

Нет, не струны, нет, не трубы,
Мой напев над морем вейте!
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
К золотой забытой флейте;
Властвуй в темной тишине,
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне!

Пой из тьмы тысячелетней,
Из лесов аркадских басен,
Где к маслинам никли фиги,
Пой безвольней, безответней,
Но, как прежде, мудр и страстен,
Зовов нежных не тая,—
Здесь, где внемлют только книги,
Только тени, только я.

Где я? может быть, в преданьи,
В лунной трели менестрелей,
В песне призрачной Шопена,—
Но в сверканьи, но в рыданьи
Воды Геллы прогремели,
Обращая в нектар кровь;
Сеет Хронос алой пеной,
Чтоб земле всплыла Любовь.

23 февраля 1921

ЗАЧЕМ?

Зачем? Разве я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалить мистралю,
Якорю падать на дно.

Гольфштрему, может быть, хочется
Медлить в огне Гаити,
Но должен Мальштремом корчиться
На холодном норвежском граните.

На эти глаза обманные
Стигматы губ наложить,
Это — играет ветер тумапами,
Это — травами ночь ворожит.

Если двое в невольной неге мы
Угадываем шепоты срока,
Это — солнца Виктории-регии
Дрожат в синеве Ориноко.

Зачем? Кто нам ответит?
Словами любви не лги!
Сквозь эфир скользящей плането
Непонятны ее круги.

10 февраля 1921

НАД СНОМ НАДЕЖД

Над сном надежд, что стаи птичьи, рея,
Кружат года, крик ястребиный зол;
Но дни, все дни взмывают, не старея,—
Вот — коршун, голубь, стрепет, стриж, орел!

Взлетайте! мчитесь! я, ловец бывалый,
Стрел, смерть поющих, не извел колчан.
Люблю сбивать с лазури в сумрак алый
Вас, быющих от боли острых ран!

Свой путь вершу меж круч, сквозь кольца веток,
Где в мгле никем не стоптана трава,
Но гибок лук, мой взор, как прежде, меток:
Всем зовам с выси вторит тетива!

Как весело за зелень летних теней
Стрела бежит, пронзая лист, легка!
День торжества, день жутких поражений —
Равно милы, — добыча в сеть стрелка.

Скорбь, радость, ужас, падайте со стоном
В гроб скал бесстрастных иль у горних струй,
И ты! ты! быстрый день, когда дано нам
Вновь ведать в жизни первый поцелуй!

3 февраля 1921

ИНКОГНИТО

Порой Любовь проходит инкогнито,
В платье простом и немного старомодном.
Тогда ее не узнает никто,
С ней болтают небрежно и слишком свободно.

Это часто случается на весеннем бульваре, и
У знакомых в гостиной, и в фойе театральном;
Иногда она сидит в деловой канцелярии,
Как машинистка, пишет, улыбаясь печально.

Но у нее на теле, сквозь ткани незримый нам,
Пояс соблазнов, ею не забытый.
Не будем придирчивы к былым именам, —
Все же часто сидим мы пред лицом Афродиты.

А маленький мальчик, что в детской ревности
Поблизости вертится, это — проказливый Амор.
Колчан и лук у него за спиной, как в древности;
Через стол он прицелится, охираясь на мрамор.

Что мы почувствуем? Укол, ощутимый чуть,
В сердце. Подумаем: признак энкардита.
Не догадаемся, домой уходя, мы ничуть,
Что смеется у нас за спиной Афродита.

Но если ты сразу разгадаешь инкогнито,
По тайным признакам поймешь, где богица, —
В праведном ужасе будь тверд, не дрогни, не то
Стрела отравленная есть у ее сына.

12 марта 1921

ИСКРА

Вино ли пенится,
Бокалом схвачено, —
Солнечный сок?
Мяч ли лаун-тенниса
От удара удачного
Взвихрил песок?

Сам ли я искра лишь
Яростной хмельности,
Что глуби зажгла?
Миг! Это ты крылишь
Роковой мельницы
Все четыре крыла!

Явь или призрачность —
Губ этих сдавленность,
Дрожь этих плеч?
Тысячно-тысячный
Поцелуй отравленный,
Твердый, как меч?

Кружатся, кружатся
Мельничные лопасти,
Вихри взносит ввысь.
В привычности ужаса
Над небесной пропастью
Богомольно клонись!

7 февраля 1921

ЗВЕНО В ЦЕПЬ

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острей томагавка,
Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь — только ставка;

Как и в пышных пустынях баснословных Аравий,
Где царица Савская шла ласкать Соломона, —
О мираже случайностей мы мечтать не вправе:
Все звенья в цепь, по мировым законам.

Нам только кажется, что мы выбираем;
Нет, мы все — листья в бездушном ветре!
Но иногда называем мы минуты — раем,
Так оценим подарок, пусть их всего две-три!

Если с тобой мы встретились зачем-то и как-то,
То потому, что оба увлекаемы вдаль мы;
Жизнь должна быть причудлива, как причудлив
кактус;
Жизнь должна быть прекрасна, как прекрасны пальмы.

И если наши губы отравлены в поцелуе,
Хотя и пытаешься ты порой противоречить, —
Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и нечет.

4 марта 1921

Тень света

ВСКРОЮ ДВЕРИ

Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду,
В зыбь земных сказаний кину сети,
Воззову сонм призраков к суду!

Встаньте, вызову волхва послушны,
Взоры с ужасом вперяя в свет,
Вы, чья плоть давно — обман воздушный,
Вы, кому в бесстрастье — схода нет!

Встань, Элисса, с раной серповидной!
Встань, Царица, на груди с ехидной!
Встань, Изотта, меч не уклоняя!
Встань, Франческа, ей сестра родная!

Встань, Джульетта, пряча склянку с ядом!
Встань с ней, Гретхен, руки в узах, рядом!
Встаньте все, кто жизнь вливал в последний
Поцелуй, чтоб смерть сразить победней!

Вас не раз я оживлял сквозь слово,
Как Улисс, поил вас кровью строф!
Встаньте вокруг, творите суд сурово, —
Здесь на сцене дрожь моих висков!

Мне ответьте, судьи тьмы, не так ли
Парид вел Елену в Илион,
Бил не тот же ль сердца стук в Геракле,
В час, когда встречал Иолу он!

2 мая 1921

ЭТОТ ВСКРИК

Что во сне счастливом этот вскрик подавленный,
Этот миг, где сужен вздох до стога, что?
Древний перл, приливом на песке оставленный,
С мели, чьих жемчужин не собирал никто.

Вечность бьет мгновенье гулками прибоями,
Вихрь тысячелетий роет наши дни.
В чем нам утешение плакать над героями,
В темных книгах метить прежние огни?

Свет наш — отблеск бледный радуг над потопами,
Наши страсти — пепел отгоревших лет.
Давит панцирь медный в стенах, что циклопами
Сложены; мы — в склепе, выхода нам нет!

Если дерзко кишем в глубь холодной млечности
Крик, что не был светел в буйстве всех веков,—
Как нам знать, что в синем море бесконечности
На иной планете не звенел тот зов!

11 апреля — 7 мая 1921

БЫЛ МРАК

Был мрак, был вскрик, был жгучий обруч рук,
Двух близких тел сквозь бред изнеможение;
Свет после и ключа прощальный стук,
Из яви тайн в сон правды пробуждение.

Все ночь, вновь мгла, кой-где глаза домов,
В даль паровозов гуд, там-там пролетки...
А выше — вечный, вещий блеск миров,
Бездн, чуждых мира, пламенные чётки.

Нет счета верстам, грани нет векам,
Кружась, летят в дыханьи солнц планеты.
Там тот же ужас в сменах света, там
Из той же чаши черплют яд поэты.

И там, и здесь, в былом, в грядущем (как
Дней миллиарды нам равнять и мерить),
Другой любовник смотрит с дрожью в мрак:
Что, в огонь упав, он жив, не смея верить.

4—5 апреля 1921

КУБОК ЭЛЛАДЫ

Слишком полно мойрами был налит
Кубок твой, Эллада, и с краев
Крупных капель дождь помчался налет —
Пасть в растворы чаш, поныне жалит
Скудный блеск ему чужих веков.

Нет, не замкнут взлет палящий цикла!
Пламя Трои, то, что спас Гомер,
В кровь народов, — сок святой, — проникло,
С небом слился светлый свод Перикла,
Зов Эсхила влит в Ресефесер!

Боги умерли, Халдей и Мидий,
В тучах мертв, не глянет Саваоф;
Где покров, что лик скрывал Изиде?
Но, касаясь древних струн, Киприде
На ступень кладем мы горсть цветов.

29 апреля 1921

ДАЛЬ

Ветки, листья, три сучка,
В глубь окна ползет акация.
Не сорвут нам дверь с крючка,
С Далью всласть могу ласкаться я.

Бирюза да изумруд,
Тучек тоненькие вырезы.
Губы жутко не умрут,
Не испив немые ирисы!

Даль, любовь моя! даль! даль!
Ты ль меня влечешь, мой гений ли,
До песков Сахар, до льда ль,
Что горит на пике Кении?

Синь и зелень розовой,
Алой дрожью веет с запада,
Вей, левкое! роза, вей!
Светлых веток запах? Запах? — Да!

Где-то здесь — тропа в огни,
Где-то в высоте — огонь и я!
Змеем двух нас обойми,
Вечной тайны теогония.

8 июня 1921

КОНДОР

К чему чернеющий контур
Ты прячешь, гневный гигант, —
В тишине распластанный кондор
Над провалами сонных Анд?

В неделях бархатных кроюсь,
Ты медлишь, чтоб, сон улуча,
Проступить сквозь атласную прорезь
Мига, разя сплеча.

Кровь тебе — в холодную сладость!
Медяное лицо поверни.
Где постромок серебряных слабость
У разбившей ось четверни?

Утаишь ли чудовищность крыльев?
Их нашим трепетом смерть!
Там, за кругом лампы, открытей
По ковру распростерта смерть.

Что ж! клонясь к безвольным бумагам,
Черчу пейзажи планет:
От кондоров горных у мага
Заклинаний испытанных нет.

22 июня 1921

ВЕЧЕРНЯЯ ФЛЕЙТА

Вечерней флейты страстный трепет
Слабеет в узкое окно;
И ветер звуки нежно треплет,
За нитью нить прядя руно.

В ее словах — просторы скорби,
Под солнцем выжженная тишь,
Закат прощальный гневно горбит
Мечту — сквозь гордость и гашиш.

Вечерней флейты ропот молкнет,
Но в тени яд влила змея,
Глаз голубой безгромных молний
Поспешно щурится, смеясь.

Я знаю: лживый хор предвестий
Ей вслух поет и стелет мглу...
А ночь растет: сады предместий,
Как грань, означены к углу.

Вы, звезды, в миги волю влейте,
Чтоб вновь ей ждать, живой вполне!
Мы преданы вечерней флейте,
Ах! мы — в вечеровой волне!

23 июня 1921

ЕЩЕ ТАК НЕЖНЫ...

Слова любви еще так нежны,
Так жарки сгибы алчных рук,
Ночь, древний царь многоодеждный,
Бросая тьму на отсвет смежный,
Лицо к лицу гнет в счастье бледном,
Пока в тиши поет победным
Пеаном — сердца к сердцу стук.

Но гаснет мрака дымный морок,
Пред сказкой страсти вскрыв провал.
Взор не напрасно горько зорок,
Сквозь хаос всех цветов, сквозь сорок
Узорных радуг, смотрит в глубь,
Где в круге красок, в жгучем клубе
Рок зыблет гладь своих зеркал.

Там лик твой чуждый — чарой явлен,
Глядит, обвит змеей огня,
Твой рот усмешкой гордой сдавлен...
Вход к тайнам замкнут, праздник справлен!
День новый, вождь неборимый,
На путь измен, тропой незримой,
Тебя влечет — прочь от меня.

21 апреля 1921

Дом видений

ДОМ ВИДЕНИЙ

Душа моя — Элизинум теней.

Ф. Тютчев

Видениями заселенный дом,
Моя, растущая, как башня, память!
В ее саду, над тинистым прудом,
Застыв, стоит вечеровое пламя;
В ее аллеях прежние мечты
На цоколях недвижны, меди статуи,
И старых тигров чуткие четы
Сквозь дрему лижут мрамор Апостату.

Как же ты
Вошла в мой сад и бродишь между статуй?
Суровы ярусы многоэтажной башни,—
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде пир
Пьянел, что день, отважней, бесшабашней,
Вливая скрипки в хмель античных лир,—
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

На бархатном престоле зоркий зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищура, дремлет, пресыщен:
Окончив спор, лишь тень — Сократ и Горгий;
Вдоль стен, у шелковых завес, еще
На ложах никнут голые гетеры,
Но — призраки, навек сомкнувшие уста;
И лишь часы в тиши бьют ровно, не устав
Качаньем маятника двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни?

Там выше,
По этажам, к недовершенной крыше,
В заветных кельях — облики: глаза
Целованные, милых губ рубины,
Спавшие мне плечи волоса, —
И комнат замкнутых глубины
Дрожат под крыльями произнесенных слов...
Их, вещей птиц, в года не унесло!
Их пепел фениксов, как радуги,
Вычерчивая веера дуги,
Слепит меня опять, опять
И, волю воском растопя,
Невозвратимостью минут тревожит.

Чего же
Тебе искать в незавершенной башне,
Где слишком жуток сон вчерашний!

В саду,
Где памятники с тиграми в ладу,
Где вечности и влажности венчанье, —
В саду — молчанье,
Свой мед кадят нарциссы Апостату,
Над бронзой Данте черен кипарис,
И, в меди неизменных риз,
Недвижим строй в века идущих статуй.
Но все же роз кричащий запах,
Но все ж в огне зальденном запад —
Пьяны разгромом грозovým,
Страшись, чтоб, на росе ночуя,
Но шаг непризнанный почуя,
Тигр пробужденный не завыл!

Видениями заселенный мир, —
Сад и растущая, как башня, память!
На меди торсов, сталь, стекло, порфир
Льет воск и кровь вечеровое пламя;
Горят венцы, волна к волне, в пруду;
Пылая, к статуям деревья льнут в бреду;

По травам блекнувшим раскиданы статеры
Вовек не умирающей росы,
И лишь из башни ровно бьют часы,
Не уставая двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни,
Где слишком жутки чуткие мечты?
Иль ночь напрасно краски отымала?
Иль цоколям свободным статуй мало
И может с медью спорить парос,
Чтоб кровь по мрамору текла?
Иль должно к башне из стекла
Прибавить куполоподобный ярус,
Где все сиянья старины,
Умножены, повторены,
Над жизнью, как пустым провалом,
Зажгутся солнцем небывалым,
Во все, сквозь временный ущерб,
Вжигая свой победный герб!

17 апреля 1921

Пифагорейцы

Драматический этюд

I

С и н а р е т погружен в рассматривание рукописи.
Р а б показывается в дверях. Потом **Ф и л о н**.

Р а б

Господин, прости...

С и н а р е т

Тебя просил я,
Товарищ, так меня не называть...

Р а б

Прости, но там пришел Филон.

С и н а р е т

Так что же!

Пусть он войдет.

Раб удаляется.

Ф и л о н

(входя)

Привет тебе во имя

Учителя.

С и н а р е т

Мой милый друг, ты здесь!
Давно ль вернулся из Афин?

Ф и л о н

Сегодня,
Сейчас, и тотчас поспешил к тебе.

С и н а р е т

Благодарю. Тебя обнять я рад.
Надеюсь, путешествие твое
Прошло не даром: многое ты видел,
Беседовал, конечно, с мудрецами
Различных стран, у них учился, думал
И книги, вероятно, собирал.

Ф и л о н

Да, кое-что в скитаньях я узнал.
Я расскажу тебе потом о многом,
Особо о Солоне,— о, мудрец!
Но, впрочем, мне далеко до удачи
Такой же, как твоя, когда привез ты
Нам из Египта письма атлантов.
А, кстати, вижу свиток на столе:
По-прежнему ты только им и занят?

С и н а р е т

По-прежнему, мой друг. Подумай только,
Учитель наш, сам дивный Пифагор
Учился у египетских жрецов.
Египет же всей мудростью своей
Кому обязан? — им, атлантам! — той
Погибшей Атлантиде, из которой
Впервые миру воссиял свет знаний!
И вот мне посчастливилось найти
Древнейший свиток, рукопись атлантов!
О, друг! быть может, в этом свитке древнем
Есть тайна тайн, решение всех загадок!
(Показывает свиток и вновь вглядывается в него.)
О, странные, таинственные знаки,
Вы, символы неведомого! Я
Отдам все силы, но в ваш смысл проникну!
И, верю, этим окажу услугу
Великую — всей общине, всем людям!

Ф и л о н

По-прежнему ты склонен увлекаться.

С и н а р е т

Нет. Жизнь я посвящаю этой цели
Не ради славы, ради блага всех!

Ф и л о н

Не будем спорить. Я пришел сюда,
Чтоб сообщить тебе одно известье:
Со мной на корабле приехал в город
Кто, угадай,— великий тавматург.

С и н а р е т

Кто? кто?

Ф и л о н

Ареомах, кого прозвали
Второй учитель.

С и н а р е т

Боги! и он — здесь!
Бежим скорей, хочу его увидеть.

Ф и л о н

Я шел, чтоб это предложить тебе.
Он поселился в доме у Прогноста.

С и н а р е т

Тогда идем!

Ф и л о н

Идем.

С и н а р е т

Эгин, мой плащ!

Р а б входит, подает плащ.

И если кто придет, скажи — я скоро
Вернусь назад, проси пообожждать.

Синарет и Филон уходят.

II

Р а б один. Потом П р о г н о с т и Г о р г и й.

Р а б

(один)

Да, скоро! Жди! До полночи, наверно,
Не возвратятся. Что ж, пускай покутят;
Не все ж над книгами глаза трудить.

(Стук.)

Э, кто там? (*Уходит, за сценой.*)

Господина дома нет.

П р о г н о с т

(*за сценой*)

Ну, ничего, мы подождем его.

П р о г н о с т и Г о р г и й входят.

П р о г н о с т

Куда он мог уйти? мне странно.

Он днями целыми сидит один.

Ах, Горгий, этот юноша — на диво

Прилежен; многое он обещает,

Мудр, как старик, и, как мудрец, учен.

Немного увлекается, но это

Пройдет с летами. Дни и ночи он

Все учится, все размышляет; сделал

Уже он в математике немало

Открытий, а ты помнишь, что сказал

Сам...

Г о р г и й

Помню! Помню! Он-то и нашел...

П р о г н о с т

Да, Синарет, назад тому два года,

В Египет путешествие свершил

И там в каком-то храме малом, в хламе,

Открыл сокровище, атлантский свиток.

Г о р г и й

Да, полно, подлинно ль из Атлантиды

Та рукопись? не ловкая ль подделка?

П р о г н о с т

Нет, нет, я сам рассматривал ее.

(*Замечает свиток на столе.*)

Да, вот она!

Г о р г и й

Неосторожный! Как же

Возможно драгоценности такие

Не убирать?

Прогност

Ну, кто ж сюда войдет?
Лишь наши братья.

Горгий

(Берет свиток и рассматривает его.)

Да, то — свиток древний,
И я таких не видывал ни разу.
Что за таинственные письма!

Прогност

Ареомах их прочитает.

Горгий

(Продолжает изучать свиток.)

Это

Папирус — не папирус. Что такое?

Прогност

Особое растение Атлантиды.

Горгий

И что за знак здесь на шнурке висит?
Печать? Но из чего она? Не медь,
Не золото, — металл, мне неизвестный.

Прогност

То — орихалк, металл из Атлантиды.

Горгий

Да, свиток подлинный, теперь я вижу,
Но, кажется, твой Синарет вернулся.

III

Те же; Синарет и Филон входят.

Синарет

Приветствую я вас, друзья, во имя
Учителя.

Прогност

Привет и вам.

(Указывая на Горгия.)

Вот это —
Товарищ Горгий из Милета, он
С Ареомахом вместе прибыл нынче.

Ф и л о п
(приветствуя)

Мы познакомились на корабле.

С и н а р е т

Я очень счастлив видеть у себя
Столь славного товарища. Недавно
Мне сообщил Филоп, что в город наш
Ареомах с друзьями прибыл. Тотчас
Я поспешил, чтоб увидеть его...

Ф и л о п

Но по пути узнали мы, что он
Так утомлен с дороги, что не может
Принять нас; поспешили мы назад.

П р о г н о с т

Но сам Ареомах к тебе послал нас.

С и н а р е т

Возможно ли? Он слышал обо мне!
Какая честь!

Г о р г и й

Да, наш учитель знает,
Что посчастливилось тебе однажды
Найти в Египте, как бы диво, свиток
Атлантов.

С и н а р е т

Верно, я открыл его.

П р о г н о с т

Узнай же честь, которая тебе
На долю выпала: Ареомах,
Узнав об этом свитке, хочет сам
Заняться изучением его.

С и н а р е т

Ареомах...

Г о р г и й

Да, он! мудрец великий!
Он твоему открытию придаст
Бессмертное значение,— быть может,
Такое, что основы укрепит
Всей общины.

С и н а р е т

Он?

П р о г н о с т

Да, Ареомах.

С и н а р е т

Но почему ж то сделаю... не я?

П р о г н о с т

Послушай, Синарет! Высоко ценим
Мы знания твои, твой ум и рвенье;
Но ты ведь ученик еще, ты ищешь,
Ты — лишь в преддверии заветных тайн,
А он, Ареомах, давно прошел
Все степени уставных посвящений
И с тайнами стоит лицом к лицу.
Он сорок лет пытливой мыслью ищет
Проникнуть в тайну символов атлантских.
Ты должен радоваться, что ему
Свой драгоценный свиток передашь.

С и н а р е т

Отдать мой свиток?

П р о г н о с т

Да, отдать, конечно.

Г о р г и й

Что значит «твой»? иль ты, член общины
Священной Пифагора, ты, прошедший
Ступени посвящений две, не знаешь,
Что своего у нас нет ничего!
Принадлежит не нам, что мы имеем,
А общине! Ведь это — наша альфа.

С и н а р е т

Отдать мой свиток...

Ф и л о н

Милый друг, опомнись!

(Тихо.)

Ты можешь сделать список, по нему
Ты будешь изученье продолжать,
И, может быть, скорей Ареомаха...

С и н а р е т

Список?.. Немыслимо все эти знаки,
Для нас таинственные, передать!
Упустишь там черту одну, там точку,
И все разрушится... Нет, невозможно.
И, наконец, и самый древний дух,
Что веет от папируса... печать
Из орихалка... Нет! нет! не могу!

П р о г н о с т

Не ожидал я детских возражений!
Как! ты, член общины, намерен что-то
Считать своим имуществом особым?

С и н а р е т

Но я на благо общины хочу
Трудиться над разбором этих знаков!
Я жизнь отдать для общины готов.

П р о г н о с т

Ложь! самообольщенье! Ныне вижу,
Что недостоин был ты посвящений.
Так внемли, юноша! Я, посвященный
Четвертой степени, пофелеваю
Тебе: немедленно отдай «твой» свиток
Нам. Мы его снесем Ареомаху.
Иль не намерен ты повиноваться?
(Делает мистический знак.)

С и н а р е т

Учитель, повинуюсь... вот папирус...
(Подает свиток.)

Прогност

Ты этим только выполнил свой долг.
Прощай, да просвятит тебя сам, дивный.
Идем же, Горгий.
(Прогност, унося свиток, и Горгий уходят.)

IV

Синарет и Филон. Потом Прогност.

Синарет

Что со мной? слабею...
Утратив рукопись, я все утратил.
К чему мне жить теперь!.. Ох, сердце!
(Падает и умирает.)

Филон

Друг, что с тобой? Ответь!
(Слушает сердце Синарета.)
Он умер, боги!

Прогност (возвращается)

Но я хочу добавить, Синарет...

Филон

Тс, тише! Синарета нет. Он умер.

Прогност

Умер? (Подумав.)
Я почитал его достойней.
Да будет милостив к нему суд Ада.

ДАЛИ

1922

Века и пространства

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя, весть о пролетариате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероятия
Над Кремлёвским дворцом;

И новые, новые, странные, дикие
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам ли, Дике ли,
Покорилась Москва?

Знаю и не узнаю знакомого облика:
Все здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше леса до облака
Вознесены?

Здравствуй же, племя, вскрывающее двери нам
В век впереди!
Не скоро твой строй тараном уверенным
Судьба разредит!

Лишь гром над тобой, жизнь еще не воспетая,
Свой гимн вопил,
Но с богами бессмертье — по слову поэта — я
Заживо пил.

Волшебной водой над мнимой усталостью
Плеснули года.
Что-нибудь от рубцов прежних ран осталось ли?
Грудь молода.

С восторгом творчества, под слепыми циклонами,
Мечту сливать
И молодость в губы губами неуклонными
Целовать.

24 марта 1922

МЫ ВСЕ — РОБИНЗОНЫ

Все же где-то в сонном атолле
Тень свою пальмы купают.
В Рязанском пруду оттого ли
До страдания бледны купавы?

В океаны вдвинутый стимер
Уследишь ли с пляжа лорнетом?
И станет ли наш сон возвестимей
В синеве горящим планетам?

Мы радио бросаем в пространство,
Видим в атоме вихрь электронов,
Но часто мечтаем про странность
Природы, мимозу тронув.

Мы все — Робинзоны Крузо,
И весь мир наш — спокойный остров;
Он без нас будет мчаться грузно
В ласке солнца, знойной и острой.

И вся груда наук и раздумий,
Картин, поэм и статуй —
Станет пепл, что в огонь не раздует
Налет кометы хвостатой.

Пирамиды, спите над Нилом!
Слоны, топчите Гвинею!
По-прежнему в болоте немилым
Незабудкины слезы синеют.

11 декабря 1921

КРУГАМИ ДВУМЯ

Авто, что Парижем шумят,
Колонны с московской ионией, —
Мысль в напеве кругами двумя:
Ей в грядущие ль дни, в Илион ли ей?

В ночных недвижных домах,
На улицах, вылитых в площади,
Не вечно ли плач Андромех,
Что стучат с колесницами лошади?

Но осой загудевший биплан,
Паутина надкрышного радио,
Не в сознанье ли вчертанный план,
Чтоб минутное вечностью радовать?

Где в истомную дрожь путь, в конце ль
Скован каменный век с марсианами, —
В дуговую багряную цель
Метить стрелами осиянными?

Искрометно гремющий трамвай,
Из Коринфа драконы Медеины...
Дней, ночей, лет, столетий канва,
Где узора дары не додеяны.

20 ноября 1921

ЛЕГЕНДА ЛЕТ

Мощь — в плиты пирамиды; гнев холодный —
В сеть клинописи; летопись побед —
В каррарский мрамор; в звоны бронз, в полотна —
Сказанья скорбные торжеств и бед;

Мечты и мудрость — в книги, свитки, томы,
Пергаменты, столбцы печатных строк! —
Клад всех веков, что нищенских котомок
Позорный сбор, — запас на краткий срок!

Тем — статуи, музеи — этим! Чтите,
В преданьях стран, певцов и мудрецов! —
Иной поэт пел в дальней Атлантиде,
Все к тем же звездам обратив лицо.

При прежнем солнце глянет день, и, к тайнам
Причислен, станет баснословен — слон.
Бред в смене бредов — Архимед с Эйнштейном,
Легенда лет — Москва иль Вавилон.

Искать? чего? — крупинки в вихрь вселенной
Не вдвинуть! Сны? — им все во власть ли ты
Предашь? Длить вечность Фаусту с Еленой,
Где призрак-мысль и призрак-страсть слиты!

8 февраля 1922

ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Первозданные оси сдвинуты
Во вселенной. Слушай: скрипят!
Что наш разум зубчатый? — лавину ты
Не сдержишь, ограды крепя.

Для фараоновых радужных лотосов
Петлици ли ффрака узки,
Где вот-вот адамант *Leges motus*'ов
Ньютона — разлетится в куски!

И на сцену — венецианских дождей ли,
Если молнии скачут в лесу!
До чего, современники, мы дожили:
Самое Время — канатный плясун!

Спасайся, кто может! — вопль с палубы.
Шлюпки спускай! — Вам чего ж еще?
Чтоб треснул зенит и упало бы
Небо дырявым плащом?

Иль колеса в мозгу так закручены,
Что душат и крики и речь,
И одно вам — из церкви порученный
Огонек ладонью беречь!

15 марта 1922

NİHİL¹

Как мечты о мечтах отошедшего детства, —
Над папирусом никнуть в святилище Ра,
В тогу на форум небрежно одеться,
Влюбленным трувером у окна замирать...

Наука над ухом: «Голос атавизма!..
Сложность клетки!» — и много прочих слов.
Акула, наш дух! ты ль — веками давиться,
Где песчинки в самуме — тысячелетий число!

Я был? я ли не был?.. И были и небыль —
Цветное круженье молекул в мозгу:
Зачерпнуть ли под череп с созвездьями небо?
На ладонь уложить ли золотую Москву?

И, поклонникам кинув легенды да книги,
Оживленный, быть может, как дракон на звезде,
Что буду я, этот? — не бездонное ль nihil,
Если память померкла на земной борозде,

Если я не узнаю мило-мнимых мгновений,
Где вот эти губы припали к лицу,
Если — раб роковых межей, мановений
Вечности, веющей вслед беглецу!

1 февраля 1922

POU STO²

Ты ль пригоршнями строфы по радио,
Новый орфик, на Марс готовишь?
Но короче аркан, — земной радиус:
Вязнешь по пояс в прошлом, то бишь!

Этот стих, этот вскрик — отзвук: выплакать
Страх, что враг камень в лоб загонит,
Черепка скрип на сланце, а вы: плакат
Там, в межзвездном, — Lux-Zug³ — вагоне!

¹ Ничто (лат.).

² Где бы стать (др.-греч.).

³ Экспресс (нем.).

Бедный бред, что везде — скреп Эвклидовых
Тверд устой: столп, шатнуть нельзя!
Все ж в веках пробил час, где б выкидывать
Истин груз, все их в муть неся!

Прометей ли пришел? укажи: *rou sto*?
Иль Фиджийский вождь встал с рогожи?
Смысл веков не брожение ль во лжи пустой!
Время, место — мираж прохожий!

Только снег, зелень трав, моря мантия,
Сговор губ к алтарю Селены —
Свет насквозь смертных слов, пусть обман тая,
Нам наш путь в глубину вселенной.

11 января — 17 февраля 1922

МЫ И ТЕ

Миллионы, миллиарды, числа невыговариваемые,
Не версты, не мили, солнце-радиусы, светогода!
Наши мечты и мысли, жалкий товар, и вы, и мы, и я —
Не докинул никто их до звезд никогда!

Велика ли корысть, что из двух соперников древности
Пифагором в веках побежден Птоломей,
Что до нас «*e pur se...*» Галилей умел донести,
И книга его, прозвенев, стала медь?

Велика ли корысть, что мы славим радостно честь свою,
В обсерватории на весы Сатурн опустив,
Посчитав на Венере градусы по Цельсию,
Каналы на Марсе ловя в объектив?

Все равно! все равно! И ничтожного отзыва
Нет из пространства! терпи да млей!
Мы — что звери за клеткой! Что ж, нововолосого
Марсианина, что ль, мы ждем на земле?

Так растопчем, растопчем гордость неоправдываемую!
Пусть как молния снидет из тьмы ночи ловец —
Брать наш воздух, наш фосфор, наш радий, радуя и мою
Скорбь, что в мире смирил умы не человек!

17 февраля 1922

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Вот замолкла, заснула, закуталась
Черным ворохом чуткая полночь.
Дверь в миры отперта; из-за купола
Марс мерцает приближенный. Полно!

Ты — мой бред! ты — мой призрак! Лилит моя!
Мозг пилить невозможным ты снова ль?
Что мы? — капля, в вселенную влитая,
Нить, где взвита в бездонность основа!

Те мечты я сотру, мел на аспиде!
Сеть каналов твоих смажу тушью!
Прокричи из ночи еще раз: «Приди!»
Мне ль углей мировых внять удушью?

Пусть нигде, пусть никто, всех семи планет,
Нам не отзыв, не зов: лед и зной лишь!
Вечность нас зевом медленным выплюнет, —
Мы — лишь бедный цветок, ах! весной ли?

Прежде, после, — ей что? наших выкладок
Ей не брать, — единиц в биллионе!
Звезд ряды строить в небе привыкла так,
Что меня, здесь во тьме, для нее — нет!

1 марта 1922

МОЛОДОСТЬ МИРА

Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил
Все, что в тысячелетия, как в пропасть упало, —
Материки, что исчезли, расы, что вымерли,
От совета Лемуров до совета в Рапалло?

Имена персеидами падают в памяти,
Царей, полководцев, ученых, поэтов...
Но далеко ль еще по тем же тропам идти,
Набирая в ненужный запас то и это?

На пути библиотеки стоят цитаделями,
Лагерями — архивы, заграждением — музеи...
Вдребезги грудь о песни к Делии,
Слеп от бомб риккертланства, глух от древних Тезеев.

Но океаны поныне кипят протоплазмами,
И наш радий в пространствах еще не растрочен,
И дышит Земля земными соблазнами,
В мириадах миров всех, быть может, невзрачней.

А сколько учиться, — пред нами букварь еще!
Ярмо на стихии наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планету товарищу,
Шар земной повести по любой спирали?

Человек! свои мерки опять переиначь! а то
Уронишь афишу, озадаченный зритель!
Человечеством в жизни ныне не начата ль
Лишь вторая глава там, в Санта-Маргарите?

1 мая 1922

Минуты

ТАМ, В ДНЯХ...

Где? — в детстве, там, где ржавый пруд
Кренил карвеллы в муть Саргассо,
Чтоб всполз на борт надонный спрут,—
Там вновь Персей познал Пегаса!

Там, в дни, где солнце в прорезь лип
Разило вокруг клинком Пизарро,—
Все звенья логик что могли б?
Сны плыли слишком лучезарно!

Потом, в дни, где медяный строй
Звенел и пели перья шлема,—
Не всюду ль ждал Ахей иль Трой,
Пусть буквы в ряд слагались: лемма!

И в дни, где час кричал: «Дели ж
Миг на сто дрожей непрестанно!»
Кто скрыл бы путь меж звезд,— где лишь
Бред, смерть Ромео иль Тристана?

Там, в днях,— как знать? в руде веков,
В кровь влитых, гимном жгущих вены,—
Там — взлет и срыв, чертеж стихов,
Копье ль Афин, зубцы ль Равенны?

22 марта 1922

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Тосковать в снег весны,— о, банальные
Песни праотцев, скок чрез огонь:
С тигром крыться под своды бананные,
Догонять с рыжей пумой вигонь!

Март морочит морозная оттепель;
К печкам лепятся тени Мюрже...
Что ж плеснуло? груз тел,— не на отмель ли
К ласкам вешним две пары моржей?

Ночью вскрыть бы (проделки Лесажевы)
Потолки: лоб на лоб, рот ко рту,—
Сколько спаянных в дрожь! Иль рассажены
В них твои паладины, Артур?

Волны бьют с пустыря миоценова,
Чтоб, дрожа, грудь теплела в руке:
Древних дебрей слеза драгоценная —
Вздых табачный ловить в мундштуке.

Верб заветных где пух? — Не равно ли им,
Здесь, где страсть — на прилавок товар,
Лед и гейзеры, ель и магнолии...
А Джон Фич, темя вниз, в Делавар!

22 марта 1922

С ГАНГА, С ГОАНГО...

С Ганга, с Гоанго, под гонг, под тимпаны,
Душны дурманы отравленных стран;
Фризским каналам, как риза,— тюльпаны;
Пастбищ альпийских мечта — майоран.

Тяжести ль молота, плуговой стали ль
Марбургство резать и Вéнер ваять?
С таежных талостей Татлиным стать ли?
Пановой песни свирель не своя.

Вьюга до юга докинст ли иней?
Прянет ли пард с Лабрадорских седин?
Радугой в пагодах клинопись линий,
Готика точит извилины льдин.

В бубны буди острозубые бури —
Взрыхлить возмездье под взвихренный хмель!
Зелья густить, что Локуста в Субурре,
Пламя, слепящее память, — умей!

Гонг к вьолончели! тимпаны к свирелям!
Тигровый рык в дрожь гудящих жуков!
Хор Стесихора над русским апрелем,
В ветре, — приветствии свежих веков!

28 декабря 1921

ГОДЫ В БЫЛОМ

Наискось, вдоль, поперечниками
Перечеркнуты годы в былом, —
Ландкарта с мелкими реченьками,
Сарай, где хлам и лом.

Там — утро, в углу, искалеченное;
Там — вечер, убог и хром;
Вот — мечта, чуть цела, приналежь на нее,
Облетит прогорелым костром.

Цели, замыслы, — ржа съедающая
Источила их властный состав,
С дней, растерянных дней, тех, когда еще я
Верил вымыслам, ждать не устав.

И они, и они, в груди скученными,
Ночи клятв, миги ласк, тени губ...
Тлеть в часах беспросветных не скучно ли им,
Как в несметном, метельном снегу?

Конквистадор, зачем я захватываю
Город — миг, клад — часы, год — рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе.

11 февраля 1922

ЛИШЬ МИГИ

Не шествия, где в гул гудят знамена,
Не праздник рамп, не храмовой хорал,—
Туда, в провал, из правды современной,
С морского дна излюбленный коралл;

Нет! — милые обличья жизни нежной:
Вдвоем над Гете светом тень спугнуть,
Вдохнуть вдвоем с созвездий иней снежный,
У ног любимых ботик застегнуть;

Лишь миги, те, — сознания соль живая, —
Что пресный ключ включают в океан,
И жгут из мглы дней и надежд, всплывая, —
Киприды лик, весь пеной осиян;

И там, за гранью памятей и пеней,
Вшивая в я не взором кругозор,
Не вопль вражды, не прелесть песнопений,
Победный терн иль лавровый позор,

Но час, где ночь, где за стеклом бесцветным
С промерзлых камней оклики колес,
Где узость плеч под простыней, в заветном
Последнем споре под наитьем слез.

18 ноября 1921

В ПРЯТКИ

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука она,
Что любовник-месяц ей шепчет.

Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии зал,
Скачет с мокрыми ветками в скверах.

Тучи, побитое войско, разомкнуты,
Вскачь бегут, меж звезд, без оглядки:
Исекли их, щелкая, громы кнута,
Молний пляс истомил игрой в прятки.

Стены все — упорные странницы,
Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул, — церковь старая кланяется,
Тень нашла — к дому дом льнет по-братски.

Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты,
Ночь-карга, земная хозяйка!

Он же рад сам трунить над месяцем,
Распустил стихии; при свете
Радостно раскуролеситься им, —
Разошлись тучи, камни и ветер!

18 мая 1921

ОТ ВИСКА И ДО ВИСКА

Ветер гонит искры снега
Мимо окон, засты свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.

Здесь за дверью — остров малый,
Вихри волн — за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.

Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.

Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прынет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш, — Самоа.

Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,
Где прически придь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целуя
От виска и до виска!

27 января 1922

КТО? — МЫ? ИЛЬ ТАМ...

Моя рука — к твоей святыне,
На дрожь мою — ладонь твоя;
Сан-Марко два жгута витые
Колени жгут, мечту двоя.

Длить сон предчувствий; первый трепет
Впивать в сухом агате глаз:
Следя добычу, смотрит стрепет,
Ждет искр Франклинова игла.

Кто? — мы? иль там, в веках воспетых,
Мимнерм, Тибулл, Петрарка, все!
Ur-Mensch, в его слепых аспектах,
Две птицы, слитые в овсе?

Чудовищ, тех, эпохи ранней,
Вздых в океан, громовый всхлип,
Где в ласке клык смертельно ранит,
Где рот рычать от крови слип?

Уже двух рук сближение жутко,
Дождь тысяч лет гудит в ушах, —
В бред, в хаос, в тьму без промежутка,
Все светы, правд и лжи, глуша!

8 марта 1922

ПОД ЗИМНИМ ВЕТРОМ

Додунул ветер, влажный и соленый,
Чуть дотянулись губы к краю щек.
Друг позабытый, друг отдаленный,
Взлетай, играй еще!

Иль некто (все имена примеривать надо ль?)
Не создали ль образ, мрамор на вечность:
Вместит все в себе,— Лейбницова монада,
The imp of the perverse — Эдгара По человечность?

Искушение гибели — слаще всех искушений
(Что Антония черти на картине Фламандца!) —
С Арионом на дельфине плыть из крушений,
Из огня выходить, цел и смел,— саламандра!

Пусть друзья в перепуге, те, что рукоплескали,
Вопиют: «Дорога здесь!» («Родословная», Пушкин);
Ставя парус в простор, что звать: «Цель близка ли?»
Что гадать, где же лес, выйдя к опушке?

Веселье всегда — нет больше былого!
Покинутым скиптром сны опьянены ли?
И жутко одно,— этого судьба лова,
Исход сражений, что затеяны пыле!

18 апреля 1922

Чуть сквозь улыбку

НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г.

Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.

Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набелó?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.

Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?

Там, где гений Александра
В общий остров единил
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?

Там, где гордость Газдрубала,
Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?

Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседельный
Брошен был весной в овраг.

Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спаять народы
Только красным знаменам.

26 марта 1922

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ В ГЕНУЕ¹

Перед съездом в Генуе
Споры, что вино:
Риму ль, Карфагену ли
Лавровый венок?

А в Москве — воскресный звон
Всех церквей нэпо:
В центре всюду — «Трест und Sohn»¹,
С краю — «Mon repos».

Жизнь не остановится,
Все спешит, бежит;
Не она виновница,
Если жмут межи.

Крикнуть бы при случае:
«Друг, остановись!
Заклужи-ка лучшее
В малый парадис!»

¹ И сын (нем.).

Солнце — на экваторе...
Но, где мы вдвоем,
Холоден, как в атрии,
Ровный водоем;

И пускай в Аляске вой
Вихрей у могил,—
Ты улыбкой ласковой
Солнцу помоги!

28 февраля 1922

СЕГОДНЯ

На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.

В побежденном Берлине — голод,
Но ослепительней блеск по Wein-ресторанам;
После войны пусть и пусто и голо,—
Мандрагоры пляшут по странам!

И лапы из золота тянет
Франция,— всё в свой блокауз!
Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствованный локаут!

Этому морю одно — захлестнуть бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!

В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутyli отстоянной виски,
Схватить может припадок сердечный.

На нашем глобусе ветхом,
Меж Азий, Америк, Австралий,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?

5 марта 1922

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Те в храме, негу льющей в кровь Мелитты,
Те за щитом — пасть навзничь в Росенвале;
А здесь, где тайну цифры заседали,
В рядах реторт — электролиты.

Там, всюду, те, кто в счете миллионов,
С семьей, за рюмкой, в спальне, на арене,—
Клясть, обнимать, дрожать разуверений...
И все — безвольный хмель ионов!

Крутиться ль жизни в буйстве и в угаре?
На бедра бедрам падать в зное пьяном,
Ножам втыкаться в плечи Арианам,
Тупиться дротам в Калахари?

Наука выставила лик Медузы,
Все истины растворены в мицелле,
И над рабами бич гудит: «Нет цели!»
Кто с Прометея снимет узы?

Спеши, Геракл! не сломите титана!
Огня не мог задуть плен стовековый.
На все угрозы и на все оковы
Заклятье — песни Гюлистана.

30 марта 1922

ЗАГАДКА СФИНКСА

Зеленый шарик, зеленый шарик,
Земля, гордиться тебе не будет ли?
Морей бродяги, те, что в Плюшаре,
Покрой простора давно обузили.

Каламбур Колумба: «Il mondo rosso»,—
Из скобок вскрыли, ах, Скотт ли, Пири ли!
Кто в звезды око вонзал глубоко,
Те лишь ладони рук окрапивили.

Об иных вселенных молча гласят нам
Мировые войны под микроскопами,
Но мы меж ними — в лесу лосята,
И легче мыслям сидеть за окопами.

Кто из ученых жизнь создал в тигле?
Даст каждый грустно ответ: «О, нет! не я!»
За сто столетий умы постигли ль
Спиралей пляску, пути планетные?

Все в той же клетке морская свинка,
Все новый опыт с курами, с гадами...
Но, пред Эдипом загадка Сфинкса,
Простые числа все не разгаданы.

1921—1922

ПЛЕННЫЙ ЛЕВ

Здесь, где к прудам нависают ракиты,
Уток узорный навес,
Что нам застылые в сини ракеты
Вечно невведомых звезд?

В глухо закутанной юрте Манджура
Думам степного царя
Царь знойных пажитей, Килиманджаро,
Снится ль, снегами горя?

В позднем просторе ночей поцелуям
Тесно ль на милых плечах?
Крик свой в безвестное что ж посылаем,
Скорбь по пространствам влача?

Сотни столетий — досуги полипам
Строить коралловый хлев...
Спишь ты, канатами связан по лапам,
Праздных посмешище, лев!

Сказы к чему же венчанных ведуний,
В час, когда бел Алтаир?
Иль тебе мало всех снов и видений,
Ждущему грохот Заир?

Прянь же! и в вечность,— добыча заклятий,—
Рухни, прекрасно разбит,
Иль, волен властвовать, ринься за клетки
Всех планетарных орбит!

8 апреля 1922

НОВЫЙ СИНТАКСИС

Язык изломан? Что ж! — глядите:
Слова истлевшие дотла.
Их разбирать ли, как Эдите
На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,
И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали
Пред миром чудеса Хеми,
И он, как шлак в Иоахимстале,—
Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий
Звук: то забыл про немоту
Сын Креза, то в воскресшей чаще
Возобновленный зов «ату!».

Над Метценжером и Матиссом
Пронесся озверелый лов, —
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.

1922

Стихи о голоде

СТИХИ О ГОЛОДЕ

«Умирают с голода,
Поедают трупы,
Ловят людей, чтоб их съесть, на аркан!»
Этого страшного голоса
Не перекричат никакие трубы,
Ни циклон, ни самум, ни оркан!

Люди! люди!
Ты, все человечество!
Это ли не последний позор тебе?
После прелюдий
Войн и революций
На скрижалях земли он увековечится!
Перед вашей святыней
Не лучше ли вам кричать гильотине:
Прямо нас всех по аорте бей!

Как?
Тысячелетия прошли с тех пор,
Как человек посмел взглянуть в упор
В лицо природы, как халдей назначил
Пути планет и эллин мерить начал
Просторы неба; мы ль не пьяны тем,
Что в наших книгах сотни тысяч тем,
Что, где ни подпись, всюду — многознайки,
Что мотор воет в берег Танганайки,
Бипланы странствуют, как строй гусят,
И радио со всех газет гудят!

Однако!
Наша власть над стихиями — где ж она?
«Пи» исчислено до пятисотого знака,
Любая планета в лабораториях свешена,
Комариные нервы исчислил анатом,
Мы разложили атом...
Но вот — от голода обезумевший край,
Умирает, людоедствует,
Мать подымает на сына руку;
А ученый ученому мирно наследствует,
Определяет пыльцу апатура...
Кто там! бог! или рок! иль натура!
Карай
Эту науку!

Как!
Ужели истину всех мудрецов земли,
Как вихри пыль, столетья размели?
Том на тома, играли лишь в бирюльки
Филологи, твердя о древней люльке,
Где рядом спал ариец и семит,
Монгол, и тюрк, и раб от пирамид?
Как! все народы, в единении страстном,
Не стали братьями на этот раз нам?
И кто-то прокричал, вслух всем векам:
«Полезна ль помощь русским мужикам?»

Да!
Стелется сизым туманом все та же
Вражда
Там, где нам предлагают стажи!
Лишь немногие выше нее, —
Над болотами Чимборазо! —
Нет, не все знали, что мир гниет,
До этого раза!

Но пусть
Там, с Запада, набегает облава;
Пусть гончих не счесть,
Пусть подвывает рог ловчего!
Тем, кто пришел на помощь к нам, — слава!
Им, в истории, — честь!
Но мы не примем из лукавых слов ничего!
Мы сами, под ропот вражды и злорадства,

Переживем лихолетье!
Все же заря всемирного братства
Заблестит, — из пещеры руда! —
Но дано заалеть ей
Лишь под знаменем красным — Труда!

1922

MEA
1922—1924

В наши дни

— — — — —
— — — — —

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Барвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами,—
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепли... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в Союзы, в Империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, все — под пята!..

Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена, там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет пред миром ждущим,
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны, — но
В века скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

20—25 января 1924

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны, странны,
Дни без Вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном, —

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он? —
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас — заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет «революций», есть — одна:
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана!

28 января 1924

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властей века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний саякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем.

25 января 1924

У КРЕМЛЯ

По снегу тень — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, — орел крылом;
Но город-миф — мой мир домашний,
Мой кров, когда вне — бурелом.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топий,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес, — земных утопий, —
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там — ждут, те — в гневе, трепёт — с теми;
Гул над землей метет молва,
И, зов над стоном, светоч в темень, —
С земли до звезд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я;
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я — абориген,
И я, храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд.

11 декабря 1923

ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА

1917—1923

Шестой! да, шестой! вновь за черными красные цифры,
Кричит календарь — межевать вдохновенье по дням,
С тех пор как от устали уст (мандолины и цитры!)
Позвал барабан — ветерану винтовку поднять.

Шестой! да, где правит счет, вровень векам, за тринадцать;
Где славит лад праздничных дат: день коммун, Первый
май;
Дежуря под бурей, воль красным знаменам трепаться;
Клинок в мякоть века их древко,— попробуй, сломай.

Шестой! да, и вихрем (так около праздных пампасов)
Гладь памятей смятых обшарена; взморье она,
Чтоб к полюсам, пятым, девятым, плыть с новым
компасом;
А в селах, где мысли ютились, пусть мор и война!

Шестой! да, и поздно о прошлом! там — девятьсот пятый!
Так поздно, что звезды мертвы и луна отжила.
Но чу! бьют часы, и бегут, жгут гурьбой, и от пят их
Пыль, поlying в небо, заря! — и земля тяжела.

Шестой! да, шестой, тысяча девятьсот двадцать третий!
Шестой, новый год! Новой мерой мерь эру всех эр!
Медь метит двенадцать; грань сглажена — гимнами
встретить
Би-люстр: новый свод в твой дворец миру, Ресефесер!

5 декабря 1922

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?

Мимо — сотнями разные млечности,
Клубы всяких туманностей — сквозь!
Ну, а эти кометы,— им меч нести
Вдоль Земли, вдоль Земель, на авось!

Ах, не так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред,—
Те имперней, те утлее, сирее,—
Всё — в былое, в запруду, в запрет!

Так в великом крушеньи — (давно ль оно?) —
Троны, царства, империи — вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь брызг.

Иль напрасно над хламом изодранным
Знамя красное взвито в свой срок?
Не с покона ль веков эта хорда нам
Намечала наш путь поперек?

Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув — Эс-эс-эс-эр?

4 июля 1923

ЗФСР

Планеты и Солнце: Союз и Республики строим.
Вождь правит ряды, он их двоит и троит.
Вот на дальней орбите сбираются в круг сателлиты.
Не малые ль зерна в могучий шар слиты?
Где уже притяженье иных, нам почти чуждых сфер,
Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-эс-эр.

Как много в немногом! От отмелей плоских, где Каспий
Вышкам с нефтью поет стародавние сказки,
За скалы Дарьяла, где, в вихре вседневных истерик,
О старой Тамаре рыдальствует Терек,
До стран, где, былыми виденьями тешиться рад,
Глядит к Алагязе седой Арарат!

Как много! И сколько преданий! От дней Атлантиды
Несут откровенья до нас яфетиды;
Здесь — тень диадохов! там — римских провинций
границы!
Там длань Тамерлана и бич его снится!
И снова тут сплочен, в проломе всемирных ворот,
К труду и надеждам свободный народ.

Привет племенам, что века и века враждовали,
Но вызваны к жизни в великом развале
Империй и царств! Вы звездой загорелись на сфере!
Вы — силы земли! Вы — кровь нови! И верим;
Путь один держат к свету из древних пещер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и грузин!

19 января 1924

ШТУРМ НЕБА

Сдвинь плотно, память, жалюзи!
Миг, стань как даль! как мир — уют!
Вот — майский день; над Жювизи
Бипланы первые планируют.

Еще! Сквозь книги свет просей,
Тот, что мутнел в каррарском мраморе!
Вот — стал на скат, крылат, Персей;
Икар воск крыльев сеет на море.

Еще! Гуди, что лук тугой,
Любимцев с тьмы столетий кликая!
Бред мудрых, Леонард и Гойи:
«Вскрылит, взлетит птица великая...»

Еще! Всех бурь, всех анархий
Сны! все легенды Атлантидины!
Взнести скиптр четырех стихий,
Идти нам, людям, в путь неиденный!

И вдруг — открой окно. Весь день
Пусть хлынет, ранней мглой опудренный;
Трам, тротуар, явь, жизнь везде,
И вот — биплан над сквером Кудрина.

Так просто! Кинув свой ангар,
Зверь порскает над окским берегом;
И, где внизу черн кочегар,
Бел в синеве, летя к Америкам.

Границы стерты, — с досок мел!
Ввысь взвив, незримыми лианами
Наш век связать сумел, посмел
Круг стран за всеми океанами.

Штурм неба! Слушай! Целься! Пли!
«Allons, enfants»... — «Вставай...» и «Ça ira».
Вслед за фарманом меть с земли
В зыбь звезд, междупланетный аэро!

7 июня 1923

ЭРЫ

Что Сан-Франсиско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы!
Мир потрясся! пансейсм! дым из центра веков!
В прах скайскарперы! крейсера вверх! на все вкусы!
Звезды трещин, развал скал, клинки ледников.

На куски прежний бред! Взлет стоцветных камней,
Перья пестрые двух двоеглавых орлов:
Украин, Латвий, Грузий, Эстоний, Армений,
Югославий, Литв, Венгрий, Словакий — улов.

Там, где тропик торопит в зловещей вежи,
Самоа, Камерун, Того, зюд и вест-ост,
Каролины, Маршаллы, — сменен бич на свежий:
Немцы, прочь! Rule, Britannia! ¹ Просто, как тост!

Но затворники зал ждут (утес у стремнины
Дней), в витринах, на цоколях, к нишам, как встарь,
Киры, Кадмы, Сети, Цезари, Антонины;
Мчит свой бег Парфенон, дым — Пергамский алтарь.

В ряд зажаты, том к тому, столетий примеры, —
С нашей выси во глубь дум витой виадук, —
Там певцы Вед, Книг Мертвых, снов Библий, Гомеры,
Те ж, как в час, где над жизнью плыл пылкий Мардук.

¹ Правь. Британия! (англ.)

Колбы полны, микроны скрипят, бьют в идеи,
Здесь — Эйнштейн, Кантор — там; ум горит, как в былом.
Деви, Пристли, Пти, Лавуазье, Фарадеи:
Смысл веществ, смысл пространств, смысл времен,
все — на слом!

Что же Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы?
Что пансейсмы! Над пеплом в темь скрытых Помпей
Виноград цвел, жгли губы, росли аркебузы...
Дли исканья! Ломай жизнь! Взгляд, страсти зов — пей!

28 января 1923

Вертись, вал! Поршень, бей! вей цепи!
Лети творить, незримый ток!
Вне — замыслы! наружу — цели!
Но в чьей руке святой моток?

Здесь что? Мысль роль мечты играла,
Металл ей дал пустой рельеф;
Смысл — там, где змеи интеграла
Меж цифр и букв, меж d и f!

Там — власть, там творческие горы!
Пред волей числ мы все — рабы.
И солнца путь вершат, покорны
Немым речам их ворожбы.

14 января 1924

НЕВОЗВРАТНОСТЬ

Миг, лишь миг быть Земле в данной точке вселенной!
Путь верша, ей сюда возвратиться ль, и как?
Звездной вязи, в уме ложью глаз впечатленной,
Не найдет он, грядущий, там, в новых веках.

Время, время, стой здесь! полосатый шлагбаум
В череп мысли влепи! не скачи, сломя дни!
Гвоздь со шнуром в «теперь» вбить бы нам, и в забаву
Миллионам веков дать приказ: отдохни!

Эх! пусть фильму Эйнштейн волочит по Европе!
Строф не трать на обстрел: дробь праздный извод!
Все ж из «прежде» в «потом» кувыркаться! и в тропе
Гераклита — все истины: жизнь — смена вод.

Есть, быть может, ждут, будут — Гольфштрем, Куро-Сиву
На путях, где нас Солнце влечет, как сатрап,
Чтоб лучи, звуки, запахи, краски — красивы
Стали все, всем, везде, или — соком отрав;

Есть, быть может, ждут, будут — огни дальних станций
Там, где шаг человечества врежет свой след,
Чтоб в Коммуне Всемирной жить в музыке, в танце,
В песне, славилa радость предсказанных лет;

Но и там все — лишь миг, но и там все — что дребезг
Невозможных полнот, тех, что взор осязать
Мог бы лишь не как взор, чей на смертном одре блеск
Будет бред, будет цель — с мигом вечность связать.

1 августа 1923

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

13 августа 1922

МИР N ИЗМЕРЕНИЙ

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам дли счет, как Демокрит.

Путь по числам? — Приведет нас в Рим он
(Все пути ума ведут туда!).
То же в новом — Лобачевский, Риман,
Та же в зубы узкая узда!

Но живут, живут в N измерениях
Вихри воли, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Наши солнца, звезды, всё в пространстве,
Вся безгранность, где и свет бескрыл,—
Лишь фестон в том праздничном убранстве,
Чем их мир свой гордый облик скрыл.

Наше время — им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

21 января 1924

ЯВЬ

Опрокинут, распластан, рассужен врозь
Призрак мира от солнц до бацилл...
Но в зрачки, в их тигриную суженность,
По заре серый дождь моросил.

Там по памяти, в комнатах замкнутых,
Бродят цифры, года, имена...
А голодный крестьянин в глаза кнутом
Клячу бьет от пустого гумна.

Сны вершин в бармах Фета и Тютчева,
В кружевах Гете иль Малларме...
Но их вязь — план чьей драмы? этюд чего?
Их распев — ах, лишь в нашем уме!

День Флориды — ночь Уэльса. Но иначе —
Изотермы жгут тысячу тел:
Топчут Гамлета Хорь-и-Калинычи,
Домби дамбами давят Отелл.

Говори: это — песня! лениво лги
Там, в тетради, чертами чернил:
Но, быть может, писк муромской иволги
Кровью каплет в египетский Нил.

Колбы, тигли, рефракторы, скальпели
Режут, лижут, свежат жизнь, — но вот
Явь — лишь эти за окнами капли и
Поцелуй в час полночных свобод.

24 апреля 1923

КАК ЛИСТЬЯ В ОСЕНЬ

«Как листья в осень...» — вновь слова Гомера.
Жить, счет ведя, как умирают вокруг...
Так что ж ты, жизнь? — чужой мечты химера?
И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весенний зелен;
Октябрьский желт; под рыхлым снегом — гниль...
Я — мысль! я — воля!.. С пулей или зельем
Встал враг. Труп и живой — враги ль?

Был секстильон; впредь будут секстильоны...
Мозг — миру центр; но срезан луч лучом.
В глазет — грудь швей, в свинец — Наполеоны!
Грусть обо всех — скорбь ни об чем!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул ли выи
Стихий? узду не вбил ли молниям в рот?
Мы жаждем гнуть орбитные кривые,
Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом, смерть, пред тобой нам,
С природой власть по всем концам двоя?
Ты к нам идешь, грозясь ножом разбойным;
Мы — судия, мы — казнь твоя.

Не листья в осень, праздный прах, который
Лишь перегной для свежих всходов, — нет!
Царям над жизнью, нам, селить просторы
Иных миров, иных планет!

6 января 1924

АТАВИЗМ

Поэты — пророки! но много ли стих их,
Пусть певчий, расскажет об том нам,
Что в гибельной глуби их призрачных психик
Спит сном утомленным и томным?

Да! фон небоскребов, бипланов и трамов,
Листок с котировкой банкнота;
Но сзади дикарь, испещренный от шрамов;
След тигра иль только енота!

Нет, больше! там — примат, иль ящер, иль даже
Медуза и тусклъ протоплазмы!
И нет препарата (с патентом!) в продаже,
Чтоб с кобачьим сблизили глаз мы!

И только? Но также и мост (вспомним Ницше),
Бессмертный с копытом Силена!
И ты, человек, будешь некогда — низший
Тип, рядом с владыкой вселенной!

Поэты-пророки! вмещайте же в стих свой
Ту дрожь, чем живет головастик!
Мы смеем так делать! отметим мы с лихвой
Грядущий восторг голой власти!

16 июля 1923

ХВАЛА ЗРЕНИЮ

Зелен березами, липами, кленами,
Травами зелен, в цветах синь, желт, ал,
В облаке жемчуг с краями калеными,
В речке сапфир, луч! вселенский кристалл!

В воздухе, в вольности, с волнами, смятыми
В песне, в бубенчике, в шелесте нив;
С зыбью, раскинутой тминами, мятами,
Сеном, брусничкой; где, даль осенив,

Тучка нечаянно свежестью с нежностью
Зной опознала, чтоб скрыться скорей;
Где мед и дыня в дыханьи, — над внешностью
Вечной, над призраком сущностей, — рей!

Вкус! осязание! звук! запах! — над слитыми
В музыку, свет! ты взмыл скиптром-смычком:
Радугой режь — дни, ночь — аэролитами,
Вой Этной ввысь, пой внизу светлячком!

Слышать, вкусить, надышаться, притронуться —
Сладость! но луч в лучшем! в высшем! в святом!
Яркость природы! Земля! в сказках «трон отца»!
Быть с тобой! взять тебя глазом! все в том!

26 июля 1922

В деревне

НЕ ПАМЯТЬ...

Как дни тревожит сон вчерашний,
Не память,— зов, хмельней вина,—
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав,
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то,—
Всё тот же старый костромич.

И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет, вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!

Мужичья Русь! Там, вне заводов,
Без фабрик,— обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовый прет спать в сарай,—

Как ты в мечты стучишь огнивом?
Не память,— зов, хмельней вина,—
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!

30 сентября 1923

РОДНОЕ

Березка любая в губернии
Горько сгорблена грузом веков,
Но не тех, что, в Беарне ли, в Берне ли,
Гнули спину иных мужиков.

Русский говор, — всеянный, вгрёбленный
В память, — ропщет, не липы ль в бреду?
Что́ нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!

Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем — к тем же вехам, на пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.

А кошмар, всё, что мыкали, путь держа
С тьмы Батыя до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах (не до удержа!):
Мономахи, монахи, цари!

Пусть не кровью здоровой из вен Земля:
То над ней алый стяг, — трезвый Труд!..
Но с пристрастий извечного вензеля
Зовы волю, в день один, не сотрут!

Давних далее сбываньем тревожимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Поволжьями,
Нежных весен и синих снегов!

8 марта 1923

ИЗ ЛЕСНОЙ ЖУТИ

Один — в лесную жуть, когда на муть речную
Луной наведены белесые глаза:
Качнуть извет ветвей, спугнуть мечту ночную
И тихо покатить колеса-голоса;

Ждать, как, растя, крутясь, наполнит чуткий шорох
Все тропы тишины, меж корней, вдоль вершин:
Скок диких коней, бег шотландских пони в шорах;
Скрип древних колесниц, всхлип лимузинных шин;

Следить, как там, в тени, где тонь трясинных топей,
Где брешь в орешнике, где млеет мох века, —
Плеться, в туман всплывут сны пройденных утопий,
Под смех русалочий, под взвизг лесовика;

Гадать, что с выси есть мощь сил неудержимых.
Винт волю, скликающих со звезд свою родню,
Что в мировых тисках, в их неживых зажимах,
Глубь человечества мелеет день ко дню;

И вдруг на луг, к луне, вокруг речки, скоро белой
В дожде зари, стряхнув слезу с листка ль, с лица ль,
Поняв, что камней шквал то, в чаще оробелой,
Встал, меж гостей с планет, германский Рюбецаль.

16—17 июня 1922

УМИЛЬНЫЕ СЛОВА

Июньских сумерек лесная
Тишь, где все вычерты чисты,
И свисла сеть волосаяная
Пред белой строчкой бересты.

Откуда? — юность не на дно ли
Все сбросила, и кто принес?
Не сны глициний и магнолий,
А северную сонь берез?

Гуди, сквозь годы, рой осиный:
Эрлкёниг, Рейн, бред Лорелей...
Как блекнешь ты под дрожь осины,
В томленьи мят с родных полей!

Иль кровь, до внуков, донесла нам
Те взлеты кос, те взлестки сох,
И мох, ласкавший лоб Русланов,
В стовековой зной не иссох?

А заводь речки за отлогом
Ждет взгляда — подсказать про стих,
Где, старым ямбом, старым слогом,
Крен слов, умильных и простых.

22 июня 1922

ЛЕСНАЯ ТЬМА

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса,—
Те, чем живут, те, чем чреваты
В июльски жаркий день леса.

Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.

Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной —
Шум, что не ведали дриады:
Гудит пропеллер надо мной.

Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан,—
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы биплан.

Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.

Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электропуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

ДОЖДЬ ПЕРЕД НОЧЬЮ

Брел дождь, расчетливо-скупой,
А тучи смачно висли брюхом,
Чтоб ветер вдруг рванул скобой,
Вдруг взвизгнул по санным краюхам.

Рожь полегла, уткнув носы;
В лоск были лбы изб и овинов;
И это — тьма, как жужжьи осы,
Валилась вниз живой лавиной.

Вниз, вдаль, за грань, верблюжий горб
Земли (путь — пустошь океана),
Чтоб чей-то край, и дюж и горд,
Ее впледел в пальмы и лианы, —

Где нынче свет, блеск, веер вех,
Шум пум, змей смесь, гребни колибри...
Край, где вся явь жжет фейерверк,
Где жизнь — наш сон в ином калибре.

Оса, жужжа, свалила тьму;
Дождь сорвался; вихрь прыгнул в это...
Жми вплоть, меридиан, тесьму,
Где миг (миг всем) — грань мглы и света!

13 августа 1923

ЗИМОЙ

Дуй, дуй, Дувун! Стон тьмы по трубам,
Стон, плач, о чем? по ком? Здесь, там —
По травам, ржавым, ах! по трупам
Дрем, тминов, мят, по всем цветам,
Вдоль троп упавших тлелым струпом,
Вдоль трапов тайных в глушь, где стан,
Где трон вздвигал, грозой да трусом
Пугая путь, фригийский Пан.

Дуй, дуй, Дувун! Дуй, Ветр, по трубам!
Плачь, Ночь! Зима, плачь, плачь, здесь, там,
По травам, трапам, тронам, трупам,

По тропам плачь, плачь по цветам!
Скуп свет; нет лун. Плачь, Ночь, по трудным
Дням! Туп, вторь, Ветр! По их стопам
Пой, Стужа! Плачьте духом трубным,
Вслух! вслух! по плугам, по серпам!

Дуй, дуй, Дувун! Дуй в дудки, в трубы!
Стон, плач, вздох, вой, — в тьму, в ум, здесь, там...
Где травы, трапы, троны? — Трупы
Вдоль троп. Все — топь. Чу, по пятам
Плач, стон из туч, стон с суши к струйным
Снам, Панов плач по всем гробам.
Пой в строки! в строфы! строем струнным
На память мяты по тропам!

27 января 1923

СОВРЕМЕННАЯ ОСЕНЬ

Крут и терпк осенний вечер; с поля
Дух солом, земли, трав и навоза;
Ветер с ветром, вдоль колдобин споря,
Рвет мечту из тесных стен на воздух;

Квак лягушек в уши бьет в болоте;
Смех совы кувыркнул тени с елок;
Сиплый скрип тьму медленно молотит;
С тьмой ползет вол из лесу в поселок.

Ночь, где ж ты, с твоей смертельной миррой,
Ночь Жуковских, Тютчевых, всех кротких?
Метки редких звезд в выси надмирной —
Меди длинных стрел с тетив коротких.

Книг, бумаг, рифм, спаренных едва лишь,
Тает снег, дрожа под лунной грудью;
Гей, Геката! в прорезь туч ты валишь
Старых снов, снов буйных буршей груду.

Где ж нам? Что ж нам? Как нам план закончить?
Мир иным стал! мы ль в нем неизменны?
Все — за тенью, вслед за псом, за гончей,
Все — как пес, послушны скучным сменам...

29 августа 1922

КНИГА

Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках — в свое жерло
Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури вплоть до вихря Ватерло.

В дуги лампы (двадцать пять амперов!),
Над столом, — воспоминаьем влей
Мысли тысячи великих, перов
В царстве знанья, духа королей.

Но и мысли что? — сухие зерна
Пламени, что древле озарил
Чей-то сон над сваями, в озерной
Хате, ночь под черепом горилл.

В круге книг мудрец и росомаха,
Чуткая к добыче, на суку.
От амёб до Риккерта и Маха
Все века земли — в одну строку!

Если мыслят там, за гранью далее,
Семь значков внесется в ту скрижаль,
Все, чем жили мы, чего мы ждали,
Чтоб и нас вселенной было жаль.

17 мая 1922

ОБЩАЯ СТАНЦИЯ

Веками, эпохами, эрами,
Вертись, их земля межевала, —
Тех — Тэнами, этих — Гомерами
На челюстях слав изжевала.

Но только ль в почтенном учебнике? —
В памяти, в самобытной монаде,
С Римом Августов рядом кочевники,
Миф о Гее — с главой о Канаде!

Приближены тени и остовы:
По ступеням, что видит Иаков,
Сбегают мечты Ариостовы;
Бонапарт на пиру у феаков;

Экспрессом на общую станцию —
Вавилон — Лондон, Марна — Аркола!
В сознании каждом — из Санцио
Счастливец «Афинская школа».

Так здравствуйте, девы Эриннии!
Вас ждут Дант и Гете; прошу быть
Как дома! Увы! север — в инее,
Но Конфуций стряхнет ваши шубы.

16 июня 1922

ТЕТРАДЬ

Вот — вдоль исписана книгами, черный
Свод стенограмм (лейбниц-глифы), тетрадь
Лет, с пультов школьных до вольных, как жернов,
Полночей: в памяти старая рать!

...Сутра с утра; мантра днем; дань молчаний;
В мантии майи мир скрыт ли, где скит? —
...Сутки в седле! перьев сорок в колчане!
Вскачь за добычей! тебе степи, скиф!

...Babel und Bibel; бог, змий, прародитель;
Дюжина, семь, шестьдесят, — счет Халдей. —
...Но — в белый мрамор вязь роз Афродите,
В триметры драм бред победных Медей!

...Тоги; дороги, что меч; влечь под иго
Всех; в речи медь; метить все: А и В.—
...Тут же суд: путь в катакомбы; владыки
Душ; плач; о ком бы? плач, Рим, по тебе!

...Замок, забрало, железо, лязг копий;
Трель трубадура к окну; муж и честь.—
...Брат ли Кабраль кораблю? индских копей
Золото фландрский банкир тщится счесть...

...Дальше!.. Вопль толп; радио с небоскреба...
Дальше!.. Жизнь вошь; Марс в союз; враг с
планет.—
И... ..Вновь у башни троянской (из гроба!)
Старцев спор, выдать Елену или нет.—

Круг всех веков, где дикарь в über Mensch'e;¹
Все, все — во мне! рать сдержатъ сил не трать!
Бей в пулемет, нынь! рядов не уменьшать!
В ширь, в высь растут лейбниц-глифы, тетрадь!

11 января 1923

ЕЛЕНА У ПАРИДА

Идет, безвольно уступая,—
Власть Афродиты рокова! —
Но в вихре мыслей боль тупая,
Как иглы первые слова:

«Пришел ты с битвы? Лучше, бедный,
Ты б в ней погиб! — разил мой муж.
Ты хвастал свить венец победный,
Здесь, как беглец, ты почему ж?

Иди, в бой вновь кличь Менелая!
Нет! мал ты для мужских мерил!
Из ратных бурь — прочь! не желая,
Чтоб медью царь тебя смирил!»

¹ Сверхчеловек (нем.).

Но, в благовонной мгле, на ложе,
Где локтем пух лебяжий смят,
Прекрасней всех и всех моложе
Ей Парид, чьи глаза томят:

«Нет, не печаль! Судьба хотела,
Чтоб ныне победил Атрид.
Я после побегду. Но тело
Теперь от жгучих жанд горит.

Так не желал я ввек! иная
Страсть жечь мне сердце не могла.
В тот час, когда с тобой Краная
Нас первой ночью сопрягла!»

И никнет (в сеть глубин уловы!)
Елена — в пламя рук, на дно,
А Афродиты смех перловый —
Как вязь двух, спаянных в одно.

7 мая 1922

ДИАДОХИ

Искали царств, дробили грады,
Бросая здесь, там зиждя трон;
Битв смена — путь их; им награды —
Груз диадем, цепь из корон.

Народ? он — ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!
Как сметь судить? кто в споре спрошен?
Рок тысяч — у царя в шатру!

Эллада, край Хемí, круг Персий,
Все — Зевс для них ковром постлал;
И им же дев бактрийских перси,
Китайский шелк, Индийский лал...

Скиптр Александра, строг и страшен,
Взнесен,— жезл к строю грозных древк;
Им каждый сон в огонь раскрашен;
Полиоркет — он, тот — Селевк!

«Достойнейший» не встал. Пусть. В шквалах
Дней, гулких отзвуком громов,
Рос вширь, в пределах небывалых;
Союз племен под скреп умов.

Центр слал свой свет в периферии;
В сталь — золото, в Запад тек Восток;
Угль стыл; сквозь пепл Александрии
Вносили ввысь живой росток.

Гудел гигантский горн вселенной;
Месил века; гас, отпылав. —
Чтоб в тот же мир, в срок Рима — пленный,
Влил в жизнь тысячелетний сплав.

12 марта 1923

БОДЛЕР

Давно, когда модно дышали пачули,
И лица солидно склонялись в лансье,
Ты ветер широт небывалых почуял,
Сквозь шелест шелков и из волн валансьен.

Ты дрожью вагона, ты волюю фрегата
Мечтал, чтоб достичь тех иных берегов,
Где гидрами — тигр, где иглой — алигатор,
И тех, что еще скрыты в завес веков.

Лорнируя жизнь в призму горьких ироний,
Ты видел насквозь остова Second Empire ¹,
В салонах, из лож, меж кутил, на перроне, —
К парижской толпе припадал, как вампир.

Чтоб, впитая кровь, сок тлетворный, размолот,
Из тигеля мыслей тек сталью стихов,
Чтоб лезвия смерти ложились под молот
В том ритме, что был вой вселенских мехов!

¹ Вторая империя (франц.).

Твой вопль, к сатане, твой наказ каинитам,
Взлет с падали мух, стон лесбийских «épreuves» ¹—
Над скорченным миром, с надиров к зенитам,
Зажглись, черной молнией в годы улав.

Скорбя, как Улисс, в далях чуждых, по дыму,
Изгнанник с планеты грядущей, ты ждал,
Что новые люди гром палиц подымут —
Разбить мертвый холод блестящих кандал.

Но вальсы скользили,— пусть ближе к Седану;
Пачули пьянили,— пусть к бездне коммун.
Ты умер, с Невб види край, вам не данный,
Маяк меж твоих «маяков»,— но кому?

25 августа 1923

ВАРИАЦИИ, НА ТЕМУ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман
Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин,—
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спивой к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;

¹ Обломки (франц.).

Встает в грядущем день, когда
Народы мира навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!

Он поднял взор. Его чело
К решетке холодной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышал топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града —
Над мутно плещущей Невой —
С рукой простертой Всадник Медный...
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета, бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

Мысленно

МЫСЛЕННО, ДА!

Мысленно, да! но с какой напряженностью
Сквозь окна из книг озираем весь мир мы!
Я пластался мечтой над огромной сожженностью
Сахары, тонул в знойных зарослях Бирмы;

Я следил, веки сжав, как с руки краснокожего,
Вся в перьях, летя, пела смерти вестунья;
Я слушал, чтоб в строфы влить звука похожего
Твой грохот, твой дым, в твердь, Мози-оа-Тунья!

Сто раз, нет, сто сотен, пока свое пол-лица
Земля крыла в сумрак, — покой океанам! —
Я белкой метался к полюсу с полюса,
Вдоль всех параллелей, по всем меридианам.

Все хребты твои знаю, все пропасти в кратерах,
Травы всяческих памп, всех Мальстрёмов содомы:
Мой стимер, где б ни был, — в знакомых фарватерах,
Мой авто — всюду гость, мой биплан — всюду дома!

И как часто, сорван с комка зеленого,
Той же волей взрезал я мировое пространство,
Спеша по путям светодня миллионного,
Чтоб хоры светил мне кричали: «Постранствуй!»

И с Марса, с Венеры, с синего Сирия
Созерцал, постигал жизнь в кругу необъятном,
Где миг — мига в веках — наш Египет — Ассирия,
А «я» — электрон, что покинул свой атом!

8 июля 1923

МОЛОДОСТЬ МИРА

Лес, луга, плоскогорья — невиданной фауны...
Ветер свищет по мыслям, соль с моря соря...
Лук на голых лопатках, грядущие Фаусты
Рыщут, где б на добычу, с осанкой царя.

В морок зорких пещер ночь уводит: с Церлинами
Дон-Жуаны жмут ворох прогнившей травы.
Завтра прыгать Колумбам путями орлиными,
В дебрях врезать Вобанам для мамонтов рвы.

Лунь-ведун счел все луны, все цифры в Лёцифере,
Тайны неба колебля, — лохматый Лаплас!
Вторят те ритму речи, те чертят на шифере, —
Братья старшие Гете и Дюреров глаз!

Лес, луга, плоскогорья и ветер пройоденный,
Будущих всех столетий крыльцо-колыбель,
Где еще в гром не крылись ни Зевсы, ни Одины, —
Сквозь кивот библиотек вздох бедный тебе ль?

Ветер свищет по мыслям, где медлим в трамвае мы,
Где нам радио ропщут, — газетный листок...
Гость неведомой флоры, преданьем срываемый,
Меж авто, в пыль асфальта, спадает цветок.

14 мая 1923

НАД СНЕГОМ КАНАДЫ

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос — в полюс, Америка, — рысь
Ждет, к суку прилегла, взором мерит простор, если надо
Прыгнуть; в узких зрачках — голод, страх,
вековая корысть.

Тихо все от великой, безмерно раздвинутой стужи;
Над рекой, по полям, через лес январь белость простер;
Холод жмет, горы, словно звериные туши, все туже;
Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосечий костер.

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут ли
четкость оленя,
Не шмыгнет ли зайчонок (соперник что волк и лиса!);
Рысь храбра; в теле кровь долгих, тех же пустынь,
поколений,
Рысей, грызших врага, как грызет колкий холод леса.

Кровь стучит в тишине пламенем напряженных артерий,
Лишь бы, по-белу алое, алчъ утолить довелось!
Не уступит, не сдаст даже черно-пятнистой пантере,
Даже если из дебри, рогами вперед, внове — лось!

Чу! Хруст. Что там? Всей сжаться. За стволями
 бурные лыжи
Лижут в дружном скольжении блистающий искрами наст.
Вот — он, жуткий, что сон,— человек! вот он —
 хмурый и рыжий:
Топора синь, ружья синь, мех куртки, тверд,
 прям, коренаст.

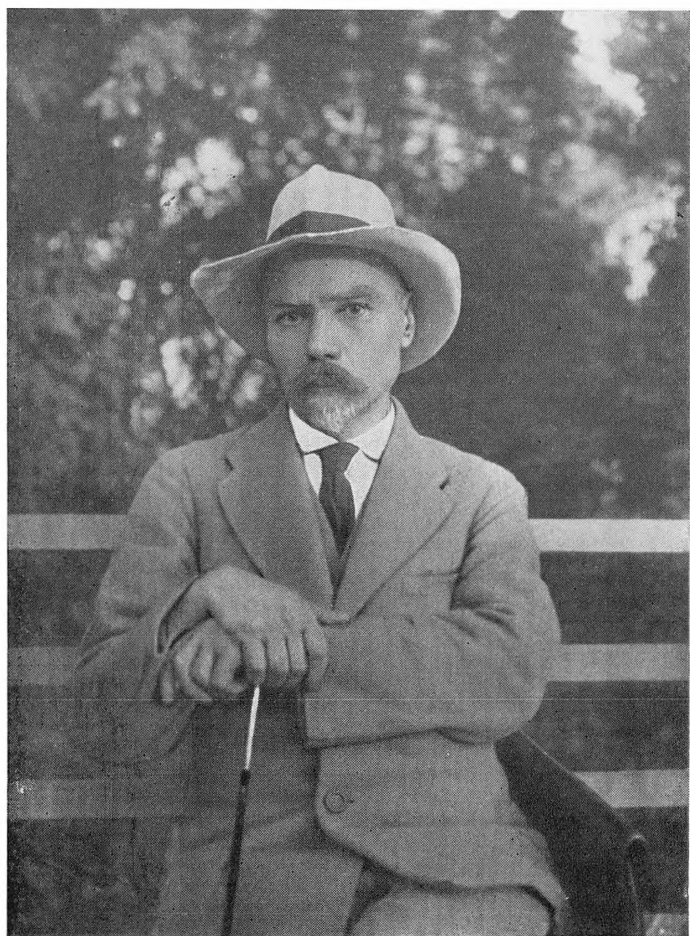
Сжаться, слиться, в сук вьестся! Что голода боли!
Несносны
Эти блески, свет стали, свет лезвий, свет
жалящих глаз!
Слиться, скрыться: защита — не когти, не зубы, не сосны
Даже! выискать, где под сугробом спасительный лаз!

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос — в полюс, Америка, — век
За веками, где звери творили свой суд, если надо,
Там идет, лыжи движутся, бог, власть огня, Человек!

17 октября 1922

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Что за бурь, какого случая
Ждет подмытый монолит,
Глядя в море, где летучая
Рыба зыби шевелит?

В годы Кука, давне-славные,
Бригам ребра ты дробил;
Чтоб тебя узнать, их главный и
Неповторный опыт был.

Ныне взрыт зверями трубными
Путь, и что́ им, если зло
Ветер шутит всеми румбами,
На сто множа их число!

Мимо, гордо, мимо, плавные
Режут синий выплеск вод...
Годы Кука, давне-славные,
С ризой вставлены в кивот.

В дни, когда над бездной вогнутой
Воеет огненный циклон,
Только можешь глухо, в окна, ты
Крикнуть стимерам поклон.

Под водой скалой таяться и
Быть размытым ты готов...
Эх! пусть челноки таитские
Мечут на тебя швартов!

5—7 февраля 1923

МАРРИЭТОВЫ МИЧМАНЫ

Марриэтовы мичманы,
Вы, лихая ватага,—
Здесь лукаво-комичные,
Там живая отвага!

Вслед за вами, по вспененным
Тропам, с детства мы — чайка!
Волны пели, и в пеньи нам:
«Примечай! примечай-ка!»

Где учебник? Рассеянно
Глаз твердит: «Смерть Аттилы»...
А в мечтах: из бассейна
Голубого — Антиллы.

А в мечтах: на фрегате мы,
Шхуны в плен с их поклажей!
Мальты там берега из тьмы,
Шум и скрип такелажа.

А за шквалами шалости:
Красть изюм, бить нежнонок...
Ах! припомнить до жалости
Те страницы книжонок,

Ту неправду, что измала
Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном!..

20 августа 1923

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ В ТАЙГЕ

Медвежья шкура постлана
В моем углу; я жду...
Ты, дальним небом посланный,
Спади, как плод в саду!

Весна цвела травинками,
Был желт в июле мед;
Свис, в осень, над тропинками
Из алых бус намет.

Лежу, и груди посланы
Ловить слепую мглу...
Медвежья шкура постлана,
Тепла, в моем углу.

Таясь в тайге, с лосятами
Лосиху водит лось...
Мне ль с грудями не взятыми
Снег встретить довелось?

Весна цвела травинками.
Вот осень. Зрелый груз
Гнут ветры над тропинками, —
Лесных рябин и груш.

Медвежья шкура постлана...
Ты, свykший ветви гнуть,
Ты, ветер, небом посланный,
Сбрось грушу мне на грудь!

7 февраля 1923

ГДЕ-ТО

Островки, заливы, косы,
Отмель, смятая водой;
Волны выгнуты и косы,
На песке рисунок рунный
Чертят пенистой грядой.

Островки, заливы, косы,
Отмель, вскрытая водой;
Женщин вылоснились косы;
Слит с закатом рокот струнный;
Слит с толпой ведун седой.

Взглянет вечер. Кто-то будет
Звать красотку к тени ив.
Вздохи, стоны, споры: — «Будет!»
— «Нет! еще!» — Над сном стыдливым
Месяц ласки льет, ленив.

В ранний вечер кто-то будет
Звать красотку к тени ив...
Пусть же солнце сонных будит!
Месяц медлит над отливом,
Час зачатъя осенев.

14 мая 1923

Наедине с собой

ТА ЖЕ ГРУДЬ

Давно охладели, давно окаменели
Те выкрики дня, те ночные слова:
Эти груди, что спруты, тянулись ко мне ли?
Этих бедер уклоны я ль целовал?

В памяти плиты сдвинуты плотно,
Но мечты, зеленея, пробились меж них:
Мастеров Ренессанса живые полотна,
Где над воплем Помпей рубцевались межи.

Ведь так просто, как счет, как сдача с кредитки,
С любовницей ночью прощаться в дверях,
Чтоб соседка соседке (шепот в ухо): «Гляди-тка!
Он — к жене на постель! я-то знаю: две в ряд!»

И друзья хохотали, кем был я брошен,
Бросил кого (за вином, на авось),
Про то, как выл в страхе разметанный Брокен,
Иль стилет трепетал через сердце насквозь.

Были смерти,— такие, что смерть лишь насмешка,
Были жизни,— и в жизнях гейзер огней.
Но судьба, кто-то властный, кричал мне: «Не
мешкай!»

И строфы о них стали стоном о ней.

Так все камни Эллад — в Капитолии Рима,
Первых ящеров лет — в зигзаге стрижа.
Пусть целую другую! Мне только зримо,
Что я к той же груди, сквозь годы, прижат!

7 июля 1922

ЭТО Я

В годы — дни (вечный труд!) переплавливать
В сплав — часы, серебро в глубину!
Что ж мы памяти жадной? не вплавь ли звать
Через остывшую лаву минут?

Сны цветные ребенка задорного
Молот жизни в сталь строф претворил,
Но туманом явь далее задержало,—
Голубым, где был перл и берилл.

Что нам видеть, пловцам, с того берега?
Шаткий очерк родного холма!
Взятый скарб разбирать или бережно
Повторять, что скопила молва!

Мы ли там, иль не мы? каждым атомом
Мы — иные, в теченьи река!
Губы юноши вечером матовым
Не воскреснут в устах старика!

Сплав, пылав, остывает... Но, с гор вода,—
Годы, дни, жизнь, и, ужас тая,
В шелест книг, в тишь лесов, в рокот города,
Выкрик детской мечты: это — я!

9 июля 1922

У СМЕРТИ НА ПРИМЕТЕ

Когда шесть круглых дул нацелено,
Чтоб знак дала Смерть-командир,—
Не стусклена, не обесценена
Твоя дневная прелесть, мир!

Что за обхватом круга сжатого,
Доступного под грузом век?
Тень к свету Дантова вожатого
Иль червь и в атомы навек?

Но утром ключья туч расчесаны;
Пруд — в утках, с кружевом раки-
Синь, где-то, жжет над гаучосами;
Где айсберг, как-то, брызжет кит.

Есть баобабы, и есть ландыши...
Пан, тропы травами глуша,
Чертежник древний, правит план души...
Да! если есть в мозгу душа!

И если нет! — Нам одинаково
Взлетать к звезде иль падать к ней.
Но жердь от лестницы Иакова,
Безумцы! вам всего ценней!

Да! высь и солнце, как вчера, в ней... Но
Не сны осият мир денной.
И пусть шесть круглых дул уравнено
С моей спокойной сединой.

24 июня 1923

ДОВОМОВОЙ

Опять, опять, опять, опять
О прошлом, прежнем, давнем, старом,
Лет тридцать, двадцать, десять, пять
Отпетом, ах! быть может, даром!

Любимых книг, заветных лиц
Глаза, страницы, строфы, восклицанья;
Гирлянды гор, ступни столиц,
Муть моря, плавни повилики...

В земной толпе — я темный дом,
Где томы, тени, сны, портреты;
Эдгаров Янек — я; за льдом —
Ток лавы, памятью прогретый.

Но дом живет, волкан горит,
С балкона — песни, речи, сплетни:
Весенний верх сухих раки-
В одежде свежей плющ столетний!

Лишь домовой, таясь в углу,
Молчит в ответ пустым гитарам,—
Косясь на свет, смеясь во мглу,—
О прошлом, прежнем, давнем, старом.

3 сентября 1922

АРИАДНЕ

Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят,— не на мель бы;
Пароходы бьют винтом;

Слышу, вижу: город давний,
Башни, храмы, скрип ворот.
Гете помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;

Вижу: бюргеры, их жены,
Стопы пива по столам,—
Ужас жизни затверженной,
Дьявол с Гретхен пополам.

Там, где Эльбы полногрудой
Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких,— ты!

Ты, с кем, два цветка, мы висли,
Миг, над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я, там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.

8 июля 1923

МЕРТВЕЦ

Как странно! Круг луны;
Луг белым светом облит;
Там — ярко валуны;
Там — леса черный облик.

Все, что росло в былом,
Жизнь в смене лет иначит:
Храм прошлых снов — на слом,
Дворец жить завтра — начат.

А лунный луч лежит
Весь в давних днях, и в этом
Былом мертвец межи
Ведет по травам светом.

Ведет, как вел в века,
В сон свайных поселений,
Чтоб в тайны Халд вникал,
Чтоб Эллин пел к Селене.

Что годы! тот же он!
Луг в светомы манит;
Тот бред, что был сожжен,
Вновь жжет в его обмане.

Как странно! Лунный круг,
Банальный, бледный, давний...
И нет всех лет, и вдруг
Я — с Хлоей юный Дафнис!

28 августа 1923

ТАК ВОТ ГДЕ...

Так вот где жизнь таила грани:
Стол, телефон и голос грустный...
Так сталь стилета остро ранит,
И сердце, вдруг, без боли хрустнет.

И мир, весь мир, — желаний, счастлих,
(Вселенная солнц, звезд, земель их),
Испеплен, рухнет, — чьи-то части, —
Лечь в память, трупа онемелей!

Я знал, я ждал, предвидел, мерил,
Но смерть всегда нова! — Не так ли
Кураре, краткий дар Америк,
Вжигает в кровь свои пентакли?

И раньше было: жизнь межила
Пути, чтоб вскрыть иные дали...
Но юность, юность билась в жилах,
Сны, умирая, новых ждали!

И вот — все ночь. Старик упрямый,
Ты ль в сотый круг шагнешь мгновенно?
А сталь стилета входит прямо,
И яд шипит по тленным венам.

Я ждал, гадал, как сердце хрустнет,
Как рок меж роз декабрьских ранит...
Но — стол, звонок да голос грустный...
Так вот где жизнь таила грани!

16 ноября 1923

ДВА КРЫЛА

После тех самых путей и перепутий,
Мимо зеркала теней, все напевы в мечтах,
Под семицветием радуги медля в пышном приюте,
Где девятой Каменной песнь была начата, —

Я роком был брошен, где миг всегда молод,
Где опыты стали — не к часу, в тени,
Где дали открыты на море, на молы, —
В такое безумье, в такие дни.

Здесь была наша встреча; но разные видения
За собой увлекали мы с разных дорог:
Рим и мир миновал я, ты — *первое предупреждение*
Объявляла, вступая в жизнь едва на порог.

Но в оклике ль коршунов, в орлеме ли клетоте
Мы подслушали оба соблазн до высот,
Словно оба лежали мы, у стремнины, на локте, и
Были оба безлетны, как стар был Казот.

И в бессмертности вымысла, и в суетлоке хлопотной,
И где страсть Евредику жалит из трав,
Ты — моя молодость, я — твоя опытность,
Ты — мне мать и любовница, я — твой муж и сестра.

Два крыла мощной птицы, мы летим над атоллами
К тем граням, где Полюс льды престольно простер
И над полыми глубями в небе полное полымя
Бродит, весть от планеты к планетам, в простор!

24 марта 1923

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Пятьдесят лет —
 пятьдесят вех;
 пятьдесят лет —
 пятьдесят лестниц;
Медленный всход
 на высоту;
 всход на виду
 у сотен сплетниц.

Прямо ли, криво ли
 лестницы прыгали,
 под ветром, под ношей ли,—
 ярусы множились,
Узкие дали
 вдруг вырастали,
 гор кругозоры
 низились, ожили.

Где я? — высоко ль? —
 полвека — что цоколь;
 что бархат — осока
 низинных болот.
Что здесь? — не пьяны ль
 молчаньем поляны,
 куда и бипланы
 не взрежут полет?

Пятьдесят лет —
 пятьдесят вех;
 пятьдесят лет —
 пятьдесят всходов.
Что день, то ступень,
 и стуки минут —
 раздумья и труд,
 год за годом.

Вышина...
Тишина...
Звезды — весть...
Но ведь знаю,
День за днем
будет объем
шире, и есть —
даль иная!

Беден мой след!
ношу лет
знать — охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь достигнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! всход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!

27 ноября, 15 декабря 1923

Бреды

НА РЫНКЕ БЕЛЫХ БРЕДОВ

День, из душевных дней, что клеймены
на рынке белых бредов;
Где вдоль тротуаров кайманы
лежат как свертки пледов;
Перекинутый трамваем, где
гудит игуанадон;
Ляпис-надписями «А. М. Д.»
крестить пивные надо
И, войдя к Верхарну, в «Les Soirs»,
в рифмованном застенке
Ждать, что в губы клюнет казуар,
насмешлив и застенчив.

День, из давних дней, что ведомы,
измолоты, воспеты,
Тех, что выкроили ведуны
заранее аспекты,
Сквасив Пушкина и тропики
в Эсхиле взятой Мойрой,
Длить на абсолютах трепачи
под алгоритмы ойры,
Так все кинофильмы завертев,
что (тема Старой Школы)
В ликах Фра-Беато скрыт вертеп,—
Эдем, где Фрины голы!

День, из долгих дней, не дожитых,
республика, в которой,
Трость вертя, похож на дожа ты
на торном Bucentoro,

И, плывя, дрожишь, чтоб опухоль
щек, надувавших трубы,
Вдруг не превратилась в выхухоль
большой банкирской шубы,
И из волн, брызг, рыб и хаоса, —
строф оперных обидней,
Не слепились в хоры голоса
лирических обидней!

14 июня 1922

НОЧЬ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Вот снова, с беззвучными стуками киров,
Под пристальным надзором все тех же планет,
Ночь, зодчий со стражей теней при секирах,
Принимает свой труд, тот, что в тысячах лет.

В темь опускают беспросветные плиты,
Все ломки мрака на земле обеднѣ;
Уже, копыя к ноге, древних Афин гоплиты
Сторожат фундамент завтрашнего дня.

По темным ступеням лестницы, еще возводимой,
Всходит вверх, — взглянуть на бывшее, — Шекспир;
У подножья, в плащах (цвет омертвелою дыма),
Вольтер, Гоббс, Ницше (с сотню их) сели за пир;

В зале, пока без плафона, точно черти взволновались:
Старомодные танцы, вялый вальс-глице;
То — перегорбленный Гейне, то — подновленный Новалис,
Федра в ногу с Татьяной, пьяный и по смерти Мюссе.

Гул киров не молкнет, но глух, что хлопушки,
Гуд масс возносимых, что шелесты шин;
И горестно смотрит, в руке цилиндр, Пушкин,
Как в амбразуре окна, дрыхл, спит Фет-Шеншин.

Ночь, зодчий упорный, спешит, взводит купол;
Бьет молот; скрипит перекинутый блок...
А в полоске зари, как на сцене для кукол,
На тоненькой ниточке Александр Блок.

24 июня 1922

СИМПОСИОН ЗАКАТА

Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами
По блюдам рассыпал Зарный Час (мира рьяный стиль!),
Глядя, как повара, в миску двя, монотонными
Волнами лили привычные пряности.

Пиршество Вечера! То не «стерлядь» Державина,
Не Пушкина «трюфли», не «чаши» Языкова!
Пусть посуда Заката за столетья заржавлена,
Пусть приелся поэтам голос «музык» его;

Всё ж, гуляющие гости! каждый раз точно обух в лоб —
Те щедрости ветра, те портьеры на западе!
Вдвое слушаешь ухом; весь дыша, смотришь в оба, чтоб
Доглотнуть, додрожать все цвета, шумы, запахи!

Что там розлито? вина? Что там кинуто? персики?
Малина со сливками! ананас над глубинами!
Экий древний симпозион! Герои и наперсники,
Дев перси, рук перстни, — перл над рубинами!

Старомодны немного пурпуровые роскоши:
Ренессанс Тинторетто сквозь Вторую Империю,
Но до дна глубина: лилий кубки да роз ковши,
Бури алых Миссури на апрельские прерии!

Эх, продлить бы разгул! Но взгляни: вянут розы;
С молоком сизый квас опрокинутый месится;
Великанам на тучах с кофе чашечки розданы,
И по скатерти катится сыр полномесяца.

15 августа 1922

КАРУСЕЛЬ

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органиный всхлип;

Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.

Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, по
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлеты, сны, в обман!

Огни и люди кружатся,
Скорей, сильнее, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены
Беспечной скачкой лет?

А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где те же жгут огни.

Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органный всхлип...
Победа ль жизни трубится —
В век, небылой досель, —
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?

12 июля 1922

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Все шло — точь-в-точь обыкновенное:
были дома нахлобучены;
Трамвай созвонен с телегой,
прохожим наперекор;
И дождь мокроснежьего бега
ставил рекорд.

Но глаза! глаза в полстолетие
партидисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены —
осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г.-Х. Андерсена,
засели в глазу.

Над желто-зелеными лотос-колоннами,
над всякими Ассурбаницалами, —
Вновь хмурился, золото-эбур,
Фидиев Zeus,
И на крае Неглинной — зебу,
малы, как в цейс.

Как же тут стиху не запутаться
между Муданиями и Рапаллами,
Если оппозиции Марса (о наука!) —
раз в пятнадцать лет,
И в Эгейю у старого Кука
взять невозможно билет!

Поэту что ж посоветовать? —
настежь, до наголо помыслы!
Отсчитывай пульс по минутам:
сорок, восемьдесят, сто!
Хотя бы по линзам, выгнутым и вогнутым,
иначе постановило С. Т. О.

Доныне, — пусть проволоки перепутаны, —
мы — охотники по смолы!
Где Октябрь загудел впросонки
человечества, я учу —
Собирать вдоль мировой Амазонки
золотой каучук.

19 ноября 1922

ДАЧНЫЙ БРЕД

Так бывает в июне. Часы свечерели;
Из-за липы солнце целит сквозь дом;
По дачному парку — мать дочерей ли,
Сводня ль питомиц ведет чередом.

Еще бельмами ламп не запятнались террасы,
Чайный флирт прикрывать иль мигать в преферанс...
И вдруг вижу вокруг шишаки и кирасы...
Если угодно, это — бред, если не смешно, это — транс.

Дощатые дачи (полмиллиарда в лето)
Щетинятся башней рыцарского гнезда;
Стали блестят из-под модного жилета,
Где-то герольда рогом свистят поезда.

А мужик, с кем сейчас столкнулся в двери я,
Из кабачка «Трех бродяг» под утесом виллан...
И в ветре поет, ревет жакерия,
Чу! косы о меч! у! тела на тела!

Так бывает в бреду. Но часы свечерели,
Бициклетам не шаркать, авто не гудеть,
Чтоб в беседках, раздвинув жемчуга ожерелий,
Дачным франтам соседок целовать меж грудей.

8 июля 1922

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ
В. Я. БРЮСОВЫМ
В СБОРНИКИ**

1891—1924

ПОЭМА «ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ»

ПОЭЗИЯ

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желания и муки,
То человечество стремится и грустит.
В молениях о любви, в мучениях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных слит.
Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

18 ноября 1891

ПОЭЗИЯ

Поэзия везде. Вокруг, во всей природе,
Ее дыхание пойми и улови —
В житейских мелочах, как в таинстве любви,
В мерцаньи фонаря, как в солнечном восходе.

Пускай твоя душа хранит на все ответ,
Пусть отразит весь мир природы бесконечной;
Во всем всегда найдет блеск красоты предвечной
И через сумрак чувств прольет идеи свет.

Но пусть в твоей любви не будет поклоненья:
Природа для тебя — учитель, не кумир.
Твори — не подражай.

— Поэзия есть мир,
Но мир, преломленный сквозь призму вдохновенья.

23 мая 1892

* * *

Я за то свою мысль ненавижу,
Что в холодном кристалле ее
Я вчерашнее счастье свое
Беспощадно развенчанным вижу.

Я за то презираю себя,
Что сегодня, как скучную сказку,
Осмею я безумную ласку
И тот миг, где я плакал, любя.

И что страстных признаний порывы,
Что мечты вдохновенный полет
Я сочту за безмолвный расчет
И за пафос заученно-лживый.

17 апреля 1893

**ПРИ ПОСЫЛКЕ П. ВЕРЛЕНУ
ПЕРЕВОДА «РОМАНСОВ БЕЗ СЛОВ»**

Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.

23 ноября 1894

ТЕМА ПРЕДЧУВСТВИЙ

Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!

Запрета
В искусство
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.

26 ноября 1894

* * *

Здесь же, в театре, когда-то с тобой
Так же следил я за шумной толпой,
Так же ловил незнакомые взгляды,
Чьи-то движенья и чьи-то наряды.
Нынче и ты здесь смешалась с толпой.
Ныне безмолвно слежу за тобой.

Точно у цепи порвались звенья,
Точно оборвана нить единенья,
Чужды друг другу — бредем мы одни...
Или в золе догорели огни?
Или растерлись в песчинки каменья?
Или, и правда, оборваны звенья?

28 ноября 1894

* * *

Чужда мне красота раскинутых степеней,
Невнятен ропот океана.
Мне ближе улица с мерцаньем фонарей
Во мгле ненастного тумана.

Я не могу любить беспечное дитя,
Кто чарам отдается слепо.
Мой идеал! В любовь играешь ты шутя,
О, дочь порока иль вертепа!

И молча я смотрю на символы любви,
Не подходя к распятию.
Христос! Забудь меня, напрасно не зови,
Оставь меня проклятию!

29 ноября 1894

* * *

Гнутся высокие лотосы,
До неба высятся маки,
И воскрешенные образы
Медленно бродят во мраке.

Ночь, где Адамовы головы
Машут крылами вампира,—
Где от полета тяжелого
Зыблется зеркало мира!

Стонешь и бьешься в усилия
Грез разорвать вереницы,
Ширятся черные лилии
Куполом бледной гробницы.

30 ноября 1894

* * *

У друга на груди забылася она
В каюте, убранной коврами и цветами,
И первый сон ее баюкала волна
Созвучными струями.

На чуждом берегу она пробуждена,
Ни паруса вдали над синими волнами,
И безответная мерцает тишина
Над лесом и полями.

Она покинута! И на пыли дорог,
Упав, она лежит, рыдая, пламенея,
То мщенье зовет, то молит за Тезея.

А из лесу меж тем выходит юный бог,
Вот, в шкуре тигровой, в гирлянде виноградной,
Он, очарованный, стоит над Ариадной.

3 декабря 1894

* * *

Что за тени: ты ли, греза?
Ты ли, дума о былом?
Точно листьями береза
Шевельнулась за стеклом.

И прозрачные узоры,
Расплетаясь на полу,
Шелохнули жизнью мглу,
Обманули светом взоры.

Что за грезы, что за звуки,
Что за тени под окном?
Ты ли, дума о былом,
Ты ль, мелодия разлуки!

Легкой сеткою березы
Разбивается луна.
Что за звуки, что за грезы,
Что за тени у окна!

12 декабря 1894

* * *

Печален был туманный взор,
Слова невнятные и короткие,
А я разглядывал узор
Перебегающей решетки.

И был мне чуждым этот миг,
Слова упреков, обвиненья...
Казалось, звук речей твоих
Чуть долетал из отдаленья.

И поднял я к тебе глаза,
Прощаясь с бронзовой решеткой.
Твой взор глядел темно и кротко,
И в нем дробилась слеза.

14 декабря 1894

* * *

Сегодня мертвые цветы
Из пышной вазы вынимая,
Я увидел на них мечты,
Твои мечты, о дорогая!

Весь вечер здесь мечтала ты,
Благоухание вдыхая, —
И мысль твоя, еще живая,
Порхнула в свежие листы.

Стою смущенный богомольно,
И в грезах высится невольно
Вокруг меня забытый храм.

Звучит божественное пенье,
И я ловлю твои движенья,
Твои молитвы к небесам.

Декабрь 1894

* * *

Мне дорог весь мир.
От неба до неба
Протянуты звонкие нити.
Болотная лилия,
Пыльная роза,
Цветы, и венки, и гирлянды
Скользят и спускаются,
Тихо касаются
Легких, чуть видимых струн.
Дивная музыка —
Тайны гармонии
Чуть пробуждаются,
Тихо качаются
В тенях безмолвной души.
От сердца до неба
Протянуты звонкие струны.
Мне дорог весь мир.

Декабрь 1894

КУЧИ СВЕЗЕННОГО СНЕГА

Кучи свезенного снега.
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Образы ночи греховой
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно — и словно
Прошлему я возвращен.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Счастье-то! нынче суббота!
Завтра — раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.

Мы заготовили копья,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).

План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво
Новую славу свою...

Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.

В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.

24 февраля 1895

Слово бросает на камни одни бестелесные тени,
 В истине нет ни сиянья, ни красок, ни тьмы.
 Четко шаги раздаются, и мы
 Тихо проходим ступени
 Всех заблуждений
 К двери тюрьмы.

6 марта 1895

В БИБЛИОТЕКЕ

Это было однажды... то было лишь раз.
 Я лишь раз признавал, что мы близки...
 Этот час?.. Он один был действительный час,
 Все другие — поблеклые списки!

Уловив за ресницами проблески глаз,
 Мы боялись желанных объятий,
 Но бегущая стрелка замедлила час,
 Замерла на ночном циферблате.

Золотистые тени подернули нас.
 Мы искали... мы смутно дышали,
 Мы стремились, боясь достигнуть... и час
 Прозвенел в отуманенной дали.

Это было однажды... то было лишь раз.
 Ожиданья... томленья... и муки,
 Разгоревшийся взор за туманом погас,
 И сплелись задрожавшие руки.

О! Ты помнишь заветно мистический час,
 Тайный час на ночном циферблате.
 Мы слетели во глубь отуманенных глаз,
 Мы дышали ответом объятий.

Золотистые тени подернули нас...
 Ожиданья, томленья и муки,
 Разгоревшийся взор за туманом погас,
 И сплелись задрожавшие руки.

Март 1895

✱ * *

Призрак луны непонятен глазам,
Прошрое дымкой тумана повито.
В траурных платьях безмолвная свита,
Лица закрыты, идет по пятам.

Призрак луны непонятен глазам,
Хочешь всмотреться... Но тщетно! но тщетно!
Лип незаметно, идут безответно,
В траурных платьях идут по пятам.

С берега к берегу веют вопросы,
Шепчет камыш — но вечерние росы
Вместе с туманом легли по цветам.

К небу восходят холмы и утесы,
Смутные тайны идут по пятам,
Призрак луны непонятен глазам.

Март 1895

* * *

Светлым гаснущим закатом
Даль небес озарена,
И на небе розоватом
Дышит ранняя луна.

Дышит, смотрит: всюду ясно,
Говор, топот, шум колес...
«Где ты, сумрак безучастный!
Аромат теней и роз!

Ночью — страстная вакханка,
В блеске дня я всем смешна...»
И на небе чужестранка
Дышит бледная луна.

Апрель 1895

* * *

Умрем в объятиях полночной тишины!
Я так утомлена, а ты однообразен,
Желания давно-расплетены,
И разговор бессвязен.
Умрем в объятиях полночной тишины.

И вспомнится мне ночь... Немая мгла кругом.
Он также рядом спит с улыбкою беспечной...
Душа полна и страхом, и стыдом,
И скорбью бесконечной.
Кругом молчание, немая мгла кругом.

Идет за часом час — все ближе новый день.
Рассвет так страшен мне — так страшно
пробужденье.
Закрыв глаза, я вся ложусь в тень,
Ищу минутного забвенья...
Рассвет неумолим — все ближе, ближе день.

О, если б ночь могла повиснуть навсегда!
О, если б и душа была бы тьмой одета!
Но день идет, мой первый день стыда,
Горят лучи рассвета.
Все кончено... он здесь... он здесь и навсегда!

30 апреля 1895

* * *

Белеет ночь. Деревья сквера
Гигантским мохом поднялись.
Вот из-за крыш луна-химера
Приозарила светом высь.

И в фосфорическом сияньи
Открылся бледный мир чудес:
Дома стоят, как изваянья,
Висит, как полог, свод небес.

Как декорации феерий,
Деревья тянутся к луне.
И кто-то есть в пустынном сквере,
Поднявший руки к вышине.

1 мая 1895

* * *

Небо задернула бледная пленка,
Солнце мигает, и солнце бледно...
Мой дорогой, посмотри же в окно!

Сердце, беспечное сердце ребенка,
Снова счастливо и снова полно —
Этой минуты ждала я давно!

Знаешь, в сиянии солнца мне стыдно,
Знаешь, во мгле и с тобой мне смешно.
Этой минуты ждала я давно.

Мне хорошо, никому не завидно...
Сердце беспечно, и сердце полно...
Мой дорогой! Посмотри же в окно!

1 мая 1895

* * *

За годами год, девятнадцатый год
Висит надо мною недвижимый свод,
Недвижимый свод неподвижной тюрьмы,
Обвеянный Ужасом Тьмы...

За годами год вереницею лет —
Висит надо мною бесформенный бред,
И с дикою грезой напрасна борьба —
Кошмар не оставит раба.

В усилиях проснуться всегда истомлен,
Я снова хочу погрузиться в тот сон,
Где тени видений покинут меня,
Чтоб утром проснуться для дня.

Но нет возвращенья ко сну моему,
В неясном кошмаре я вижу тюрьму,
И сам узнаю свой бесформенный бред,
И бьюсь — и спасения нет...

Я сам сознаю, что немного минут
Продлится кошмар, но минуты бегут,
Я годы считаю, и время идет,
Идет девятнадцатый год.

Май 1895

* * *

Грезы быстрые, как чайки,
Мчатся в область тайных снов,
Но доносится с лужайки
Стук крокетных молотков.

О, как странно в эти сферы
Жизни звук перенести —
Рифмы, образы, размеры
Разбегаются с пути...

И еще в больном экстазе
Веют призраки вдали,
Но уже из мглы фантазий
Я смотрю на день земли.

Май 1895

* * *

Вся жизнь моя — бесформенная греза,
И правды нет в бреду, и смысла нет во сне —
Но пробуждение, как Бледная Угроза,
Приникло медленно ко мне.

Я чувствую сквозь сон, что вот взовьются шторы,
Вот брызнет свет в окно и позовет меня,
И тут же в первый миг пред ярким светом дня
Смущенные поникнут взоры.

18 мая 1895

РАННЯЯ ВЕСНА

Темнеет. Тонкая луна
Стоит на небе сиротливо,
Сквозь раму дачного окна
К нам веет ранняя весна,
А по стеклу трепещет ива.

Зима прошла. И вот мы вновь
Глядим с тобою в те же стекла...
Воспоминаний не готовь!
Былая летняя любовь
Под зимней стужею поблекла.

Все глубже тень... и ты дрожишь,
И мы сидим так близко рядом —
А на душе немая тишь,
И вокруг молчание — и лишь
Вороны каркают над садом.

18 мая 1895

* * *

На самом дне мучительной темницы
Я властелин сознания и мечты!
И предо мной в тумане темноты
Являются создания красоты,
Прносятся и образы, и лица.

Я властелин всесильного сознания,
Весь дивный мир я создаю в себе,
И кто убьет в окованном рабе
Презрение к темнице и судьбе,
Свободу грез, могущество сознания?

Скрипи, замок, у черного порога,
Звените вы, ручные кандалы.
Со мной мой свет — среди бессменной мглы,
Со мной мечты — свободны и светлы, —
И выше я людей, царей и бога!

22 мая 1895

* * *

Без обоев бревна и тес,
А в окне — все дали вселенной!
Факел жизни мгновенной
Стоит ли вечности грез?

В омраченной глуби столетий,
Точно пятна — смена племен.
Выше! там небосклон
Тонет в божественном свете.

Ореол земного венца
Подчинен дыханию века,
Но мечта человека
Так же, как мир, — без конца.

22 мая 1895

* * *

Я свечку погасил — и прямо под окном
Зеленоватый свет означил арабески,
И тень черемухи легла на занавески,
И проза комнаты сменилась волшебством.

Волшебница-луна, ты льешь лучи напрасно,
Мне некому шептать влюбленные слова,
Для вдохновенных грез моя душа мертва,
Забота царствует над мыслью полновластно.

Но бледная луна не слышит этих слов,
Она не для людей рисует арабески
И гордо тайная, плывет в волшебном блеске,
Сама полна мечты, сама в истоме снов.

24 мая 1895

СПИНОЗИАНЫ

Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух —
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем, и глух.

Но вечерний мрак паляжет
На раскрытые цветы.
«Ты — один», — мне кто-то скажет,
«Мы — одни», — вздохнут мечты.

Нет веселости беспечной,
И душе, во мгле тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно-мертвый бог.

Июнь 1895

* * *

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.

Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы,
Эта тишь в долетающем грохоте,
Там свободно на сердце сведают следы
Городской утомительной похоти.

В рассмеявшейся паре у ближних ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных забот
Я к стихам уношусь без усилия.

28 июня 1895

* * *

Тоска неясная о чем-то неземном.

Минский

Я часто размышлял о сущности вещей,
Я их лишал и красок, и пространства,
Но все ж не мог лишить последнего убранства
И видел смутный рой мелькающих теней.

И я боролся вновь, и вновь искал вселенной
Вне времени, вне всяких чувств моих.
Она являлась мне, но искрою мгновенной,
Мелькнувшей в вечности и жившей только миг.

27 июля 1895

К ВЕТРАМ

Заветные ветры! скользя по пустыне,
Развейте мою молодую тоску,
Пусть ляжет она, как посев, по песку,
Пускай прорастет в волще и полыни.

Скажите, скажите — зачем одинок
Сидит в стороне он, задумчиво-хмурый,
У ног своих чертит тростинкой фигуры
И долго, и долго глядит на песок.

Зачем, почему он, бродя по становью,
Глядит только в землю, молчанье храпя,
Тогда как другие — все славят меня,
И мучат стихами, и мучат любовью.

Покинув палатку, зачем по ночам
Он долго глядит на небесные знаки?
Какие заклатья он шепчет во мраке?
О чем говорит безответным пескам?

Он ей отдался, бесконечной пустыне,
Он шепчет признанья звездам и песку —
Развейте же, ветры, развейте тоску,
Она прорастет в волще и полыни.

7 августа 1895

ДВА МАКА

Наши души — два яркие мака,
У которых сплелись лепестки;
Опуская во мглу стебельки,
Их головки сверкают из мрака.

О как пусто, как темно кругом!
Что вокруг — мы не знаем, не знаем,
Но друг друга мы жадно ласкаем,
Мы живем, потому что — вдвоем!

Пролетит ураган издалека,
Эти стебли откинет во мрак...
Осыпайся, надломленный мак,
Ты не в силах цвести одиноко.

7 августа 1895

ВЕСТАЛКА

У забора, где травы так редки,
Как весталки, — горды, молчаливы,
Прижимаясь к краю беседки,
Подымаются стебли крапивы.

Позабыты, отвергнуты садом,
Эти жесткие стебли угрюмы,
И наполнены девственным ядом
Неизменные, злобные думы.

Вот над ними проносятся тучки,
Вот лучи пробегают стыдливо, —
Но всегда наготове колючки,
И всегда недовольна крапива.

16 августа 1895

СЛИШКОМ

Слишком, слишком много счастья!
Переполнена душа,
И стою я, не дыша,
И к ногам готов упасть я.

Звуки, звуки! Гимн победный,
Песни, строфы торжества!
Но зачем же все слова
Слишком жалки, слишком бледны!

И стою — стою безмолвно,
Жду неведомых стихов,
Но для грезы нету слов:
Слишком, слишком сердце полно!

17 августа 1895

* * *

Торжественно-больное беспокойство,
В тебе родник невысказанных строф.
Я так томлюсь, я зарыдать готов,
Но верую в целительное свойство
Задумчиво слагаемых стихов.

В какой же мир уносятся квинтины?
К каким, к каким и рифмам и мечтам?
Лежит туман над далями картины.
И лишь дрожат листвою апельсины,
И лишь волна дробится по камням.

Я шлю привет и контурам акаций,
И дальнему встающему лучу...
Но вдруг дрожу — бессильно хохочу,
Ломаю, рву игрушки декораций,
Зову мечту... зову я — и кричу!

А! Это что? десятки новолуний,
Расплавленный текущий алебастр —
И я плыву среди горящих астр.
А летний день слился с весной в июне,
И зло с добром сосватал Зороастр...

Измученный, я падаю... подушки
Горят огнем... в раскрытое окно
Далеских ветл виднеются верхушки.
Все просто так, все тихо, все темно, —
И квакают на озере лягушки.

17 августа 1895

* * *

Полно, не во сне ли видел я вчера,
Что воскресли снова наши вечера!
Полно, не во сне ли я бродил с тобой,
Любовался небом в ризе голубой.

Нынче дождь беззвучно бьет в мое стекло,
Тучами все небо нынче облегло,
Годы, как и прежде, делят нас с тобой,
И готов смириться вновь я пред судьбой.

17 августа 1895

* * *

Иду по бульвару. В померкшей листве,
Как бабочки, роем блестят фонари,
Как бабочки, роем в моей голове
Нелепые думы шумят и шумят.
И сумрачны дали вечерней зари,
И в думах туманен закат.

Какие-то грезы, как Солнце, зашли,
Какая-то ложь, точно сумрак, легла,
Все странно, все чуждо — вблизи и вдали,
Иду, позабывши куда и зачем.
Иду — безответна туманная мгла,
И свет отуманенный — нем.

Неясные думы проходят в уме,
И так же проходят фигуры людей:
Мелькнувши на миг, исчезают во тьме
И снова, мелькнувши, приходят назад,
И снова спешат, и во мраке аллей
Идут и идут наугад...

И нету предела земному пути,
И мы не дождемся желанной зари!
Мы будем всю ночь неизменно идти,
Не зная, куда и зачем мы идем,
И будут гореть нам в листве фонари,
Гореть похоронным огнем.

1 сентября 1895

ОХОТА ЗА КАБАНОМ

Я слышу лай моих любимых дум,
Их голоса и радостны, и звонки;
И вот к крыльцу коня подводит грум,
И вот Мечта — с хлыстом и в амазонке.

Вперед! вперед! Взвились и летим,
Скалистый путь; о камни бьют копыта;
Вершины гор свиваются, как дым;
Как дальний вихрь, спешит за нами свита.

Вперед! вперед! затравленный кабан
Все ближе к нам; все громче свист и крики...
Но вдруг обрыв,— бездонный океан...
Плыви, мой конь, по волнам Атлантики!

Вода и ночь, и звезд на небе нет;
Друзья плывут, во мгле друг друга клича.
Со мной Мечта — туманный силуэт,
А там вдали — желанная добыча.

17 сентября 1895

* * *

В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я жил одиноко, любимец фантазий.
Ночь для меня одевалась в блески,
Ручей повторял усыпленные всплески,
Пальмы шептали, цветы лепетали...
Закат распускался в причудливой дали.
В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я годы провел в опьянении фантазий.

И так странно-неприятно было мне услышать ропот,
Полувнятный дальний рокот,
Голоса и конский топот,
Было мне услышать странно
Ропот жизни караванной.

Увидать коней и женщин, и товары, и палатки.
Я в рабах искал загадки,
Нагруженному верблюду
Я дивился, точно чуду,
От людей я сторонился,
И, смотря, как те повсюду смело ходят, топчут травы,
Волны мутят для забавы,
Я страдал, и я томился,
И фантазии молился,

Но ушел караван, я остался один
Посреди незаметных руин.
И так чуждо, и так странно
В вечер мгlistый и туманный
Прозвучали в дали звуки,
Звуки жизни караванной.

И так чуждо, и так странно
Замелькали в мгле туманной
Пестро крашенные вьюки,
Поезд шумный и неожиданный.

И, в оазе фантазий таинственный царь,
Я пришельцев встречал, словно робкий дикарь,
Укрывался от них за кустами алоэ,
Я от женщин бежал, я дрожал пред рабами,
А в душе у меня, как цветок над сухими стеблями,

Расцветало Былое.

25 сентября 1895

* * *

Дрожащие листья на бледные щеки
Изменчиво клали минутные тени,
И, чуть шелестя, заглушали упреки.

Дрожащие листья, как темные пятна,
Мелькали, скользили по звездному фону,
И ты и они — вы шептали невнятно.

Как лиственный шелест, звучали укоры,
Как бледные звезды, за дымкою листьев,
Смотрели, сквозь слезы, печальные взоры.

И тени ложились на бледные щеки,
И тени скользили, дрожали минутно,
И чуть долетали из дали упреки.

1 октября 1895

А. М. ДОБРОЛЮБОВУ

Смутно куритесь, туманы былого!
Месяц безжизненный встал, освещая тропинку по скалам.
Каждый из нас угадал в полумраке другого,
Но, сойдясь на пути к непонятно одним идеалам,
Ропотно мы не сказали ни слова.

Блеск умирал на немом небосклоне,
Странно-чудовищны были холодные глубины дороги,
Изредка ты воскресал на сбегающем склоне,
Но все чаще грозили утесов сухие отроги,
И забывалось эхо гармоний.

Месяц безжизненный встал — и на самом
Пике горы вдохновенно-больную фигуру отметил.
Небо раскинулось вдруг недосказанным храмом,
Это ты мне мелькнул, и бесстрастно-восторжен, и светел...
Мчитесь, куритесь, стихи, фимиамом.

4 октября 1895

СТИХИ О ЛЮБВИ

За тонкой стеной замирала рояль,
Шумели слышней и слышней разговоры,—
Ко мне ты вошла, хороша, как печаль,
Вошла, подвывая утомленные взоры...
За тонкой стеной зарыдала рояль.

Я понял без слов золотое признание,
И ты угадала безмолвный ответ...
Дрожащие руки сплелись без сознанья,
Сквозь слезы заискрился радужный свет,
И эти огни заменили признанья.

Бессильно, безвольно — лицо у лица —
Каким-то мечтам мы вдвоем отдавались,
Согласно и слышно стучали сердца,—
А там, за стеной, голоса раздавались,
И звуки рояля росли без конца.

23 октября 1895

ПОДЗЕМНЫЕ РАСТЕНИЯ

(Лилейно-сосновый сонет)

Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заключены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.

Им снится луг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.

В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице черной.
И — знаю я! — великий день придет,

Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжественно-свободный!

25 ноября 1895

К СОЛНЦУ

Посв. А. Курсинскому

Летит земля на крыльях духа тьмы,
Летит навстречу солнцу,
И сонный город, и наш путь, и мы,
И мы стремимся к солнцу.

Еще в душе глядят ее глаза,
Неясное виденье полуночи.
Еще звучат, как отзвук, голоса,
Гремевшие в минуту полуночи.

Но рядом с ней — забытый силуэт,
Забытый лик, магически манящий,
И новый хор из дали шлет ответ,
Невнятный гимн, магически манящий.

И мы с тобой, мой брат, мой спутник, мы
Вдыхаем гимны солнцу,
И шар земли на крыльях духа тьмы
Летит навстречу солнцу.

26 ноября 1895

ПЕСНЯ

Во мгле ночной
Горят огни,
А надо мной
Глаза твои.
Зачем же ты,
Улыбка дня,
У темноты
Нашла меня?
Здесь мой приют,
Молчанье снов,
Здесь смерть минут
И жизнь цветов.
Зачем в мой сад,
В немой цветник,
Твой дерзкий взгляд,
Как луч, проник?
В нем свет и ложь,
Ложь красоты, —
И ты сожжешь
Мои цветы.
Смотри, смотри,
Они горят —
В лучах зари,
Как прах, лежат,
И пепел их
Несется вдаль,
Закрыв эмаль
Очей твоих.

25 декабря 1895

ОДНОСТРОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Я прекрасна, о смертный! Как греза камней!

27 ноября 1894

II

Никогда не смеюсь, никогда я не плачу.

27 ноября 1894

III

И никого, и ничего в ответ.

24 августа 1895

IV

Твои глаза простят мои мечты.

24 августа 1895

V

На бледный лик луны упал дрожащий свет...

Август 1895

ЭПИТАЛАМА

И что один твой выражает взгляд,
Того весь мир пересказать не может.

Фет

Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама,
Встречая в жизни новый свет,
Примите скромный триолет!
В дверях торжественного храма,
Как поздравленье, как привет,
Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама.

Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний,
Он слаб, он глух, он нем для них!
Не выразит смущенный стих
Сулимых вам очарований!
Простите робость слов моих:
Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний!

7 января 1896

Леле

Сквозь разноцветные стекла закат
Чертил узорами пол —
Я дверь толкнул наугад
И несмелым движеньем вошел.

Стояла она у окна,
Смотря в догоравшую даль —
Она была странно бледна,
Она вся была, как печаль.

Но вдруг, мой взор уловив,
Отступила быстро к стене
И потом — вся мечта, вся порыв --
Протянула руки ко мне.

И мы сидели вдвоем,
Вдвоем, как два года назад...
На стеклах тусклым огнем
Горел пурпурный закат.

И мы любовались всем,
И так счастливы были тогда,
Что нам было смешно — зачем
Мы страдали эти года...

Проснувшись — один я опять,
Но память злобно светла,
И должен я вновь сознавать,
Что два года, как ты умерла.

10 января 1896

* * *

Женский голос — он прозрачен,
Как дрожащее стекло,
И, предчувствием охвачен,
Я молчу, склонив весло.

Ясный луч мелькает в волнах,
Разгораются леса.
Над четой полей безмолвных
Побледнела полоса.

Солнце всходит выше, выше!
Здравствуй, полдень! день побед!
Женский голос тише, тише —
Долетает, как привет.

27 января 1896

* * *

Не говори мне, что ты любишь меня!
Я боюсь аромата роз,
Я боюсь опьянений дня, —
Не говори мне, мой милый, что ты любишь меня.

Я люблю часы задумчивых слез,
Я люблю мечты — о невозможном.
В нежных фиалках неисполненных грез
Фантазии больше, чем в запахе роз.

О, если бы жить всегда в волненьи тревожном,
Чего-то искать, не зная чего,
Не встречаясь со счастьем ничтожным...
О, если бы жить невозможным!

12 февраля 1896

* * *

Последним отблеском овеванный,
Смотрю вперед,
Вдали туман, едва рассеянный,
Опять плывет.

Случайный свет блеснул нерадостно
И гаснет вновь,
Все ближе ночь, где веет сладостно
Одна любовь.

Да будет проклят зов ласкающий
Земных надежд
И аромат благоухающий
С твоих одежд!

Ты вся дрожишь, сверкая ласками,
В венце из роз,
Но не могу упиться сказками —
Без вечных грез.

23 мая 1896

Я ЛЮБЛЮ ДРУГОГО

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький трепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».

12 июля 1896

* * *

Я угадал за яркой сменой
Твоих младенческих забав
И море, блещущее пеной,
И аромат прибрежных трав.

С улыбкой резвой и беспечной
Ты подняла свои глаза,
А на меня — угрозой вечной
Пахнула шумная гроза.

И вот теперь, с тобой не споря,
Тебя приветствуя без слов,
Я слышу дальний ропот моря
И крики тонущих пловцов.

13 июля 1896

* * *

Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум...
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум.
Я молюсь кому-то,
Я дышу весной,
Веря на минуту
Красоте земной.

Август 1896

ЛЕТНИЙ ПРАЗДНИК

Затерявшись в толпе, я люблю
Мечтать и словам отдаваться
И, любуясь на грезу свою,
Над миром далеким смеяться.

Окружающий говор и шум
До меня изредка долетает,
Но моих недосказанных дум
Никто никогда не уздает.

О, пусть и грядущий пророк
В этом мире земных вакханалий
Блуждает, всегда одинок,
Разбивая святые скрижали.

15 августа 1896

* * *

Отвращенье
И желанья —
Это звенья
Отрицанья.

Новой цепи
Странный трепет.
Это — в склепе
Чей-то лепет.

Зов домчался
До гробницы,
И ворвался
Луч денницы.

12 сентября 1896

* * *

Есть одно, о чем плачу я горько:
 Это прошлые дни,
Это дни восхитительных оргий
 И безумной любви.

Есть одно, что мне горестно вспомнить:
 Это прошлые дни.
Аромат опьяняющих комнат
 И приветы любви.

Есть одно, что я проклял, что проклял:
 Это прошлые дни,
Это дни, озаренные в строфах,
 Это строфы мои.

2 октября 1896

* * *

Черный лес луной пронизан,
Светом озарен —
Я томлюсь от жажды жизни,
Я дрожу сквозь сон.

Бледных духов вереница
Реет над землей —
Черный лес луной пронизан,
Мертвою луной.

В этом странном мире веток
Жил когда-то я,
Черный лес пронизан светом,
Светом бытия.

15 октября 1896

* * *

Речи несмелых признаний,
Тихие речи любви —
Смысл их неясен и странен,
Тайна их — тайна души.

Нет, не рассудком проникнуть
В глубь озаренной души —
Гаснут, едва лишь возникнув,
Тихие речи любви.

Вслушайся думой и сердцем,
Слушай тревогой души —
Только на миг достоверны
Тихие речи любви.

17 января 1897

К ПРОШЛОМУ

Для кого я пишу? — не знаю:
Читателей нет у меня.
Но спокойной улыбкой встречаю
Рассвет восходящего дня.

Восторгов не даст вдохновенье,
Не за них поклоняюсь мечте;
Я, как жрец, воссылаю моления
Безответной, немой красоте.

Здесь, за гранью причин и целей,
Погасает ненужный вопрос.
И нетленный цветок асфоделей —
Вот символ области грез.

23 января 1897

* * *

День — сей сияющий покров.

Тютчев

В последний раз пропел петух,
Уходят духи с тяжким стоном,
И белый день плывет вокруг,
И воздух полон ранним звоном.

Вставайте! — счастье, думы, труд
Для вас воскресли в новом свете,
Вас слуги солнца берегут,
Во мгле природы вы, как дети.

А я, бессонный гость ночей,
Я — собеседник ваш случайный,
Я сквозь покров дневных лучей
Все вижу мир — родной и тайный.

7 февраля 1897

* * *

Люблю я вспоминать утраченные дни.
С укором горестным являются они
И душу тяготят правдивыми словами.
Понятен их упрек. Я плачу. Со слезами
Клянусь исправиться и сквозь желаний бред
Шепчу томительно, что цели в жизни нет.

12 февраля 1897

ПОЛИКРАТ

К Эде

Я читал у поэтов о счастье, похожем на сон,
А теперь я блаженством таким же и сам опьянен.
Я серьезно боюсь, что проснуся. Второй Поликрат,
Я такому блаженству, избытку блаженства не рад.
Не сложить ли для публики несколько плохоньких
строф,
Чтобы тем успокоить всегдашнюю зависть богов.

26 июня 1897

* * *

Если мне суждено умереть,
Не окончив начатых созданий,
Я о планах не стану жалеть:
Их свершит грядущий избранник.

Если мне суждено умереть,
Не достигнув высот просветленья,
Я об этом не стану жалеть:
Нет предела для вечных стремлений.

Я иду! Я готов умереть,
Я страданьем купил это право,
И не мне, умирая, скорбеть
О душе, о искусстве, о славе.

25 июля 1897

* * *

Мы гордо людей презираем,
Нам законом — наши желанья,
И мы бесконечно страдаем,
Но в гордости любим страданья.

И если святые порывы
Пробудят в сердце участие,
Мы вдруг безмерно счастливы
И стыдимся этого счастья.

13 августа 1897

* * *

К. Бальмонту

Твои стихи — как луч случайный
Над вечной бездной темноты.
И вот — мучительною тайной
Во мгле заискрились цветы.

Покорны властному сиянью,
Горят и зыблются они,
И вдаль уходят легкой тканью,
Сплетая краски и огни...

По дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвевет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.

20 ноября 1897

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

И серое небо, и проволок сети,
Саней ускользящий бег;
И вдруг предо мной в электрическом свете
Вуаль, словно искристый снег.

И взор промелькнул утомленной загадкой,
Я видел, и вот его нет.
Мгновение тайны так странно, так кратко,
— Но здесь он, он в сердце — ответ!

2

И томлюсь я с тех пор,
Невозможно мне жить.
Тот мучительный взор
Не могу я забыть.

Я и жду, и молю,
И брожу, как в бреду,
Эту душу твою
Я нигде не найду.

Электрический свет,
Тихий шелест саней,
И бессильный ответ
С вечной думой о ней.

3

Она предо мною прошла, как земная,
В сиянии яркого дня,
И, легкой улыбкой свой взор оттеняя,
Взглянула она на меня.

Шумели извозчики, бегали дети,
Я слышал раскатистый смех...
О, серое небо, о, проволок сети,
О, тающий, тающий снег.

29 ноября 1897

ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ «АТЛАНТИДА»

I

Муза в измятом венке, богиня, забытая миром!
Я один из немногих, кто верен прежним кумирам;
В храме оставленном есть несказанная прелесть, — и ныне
Я приношу фимиам к алтарю забытой святыни.

Словно поблеклые листья под дерзкой ласкою ветра,
Робко трепещут слова в дыхании древнего метра,
Словно путницы-сестры, уставши на долгой дороге,
Рифма склоняется к рифме в стыдливо смутной тревоге,
Что-то странное дышит в звуках античных гармоний —
Это месяц зажегся на бледно-ночном небосклоне.

Месяц! Мой друг неизменный! В твоём томительном свете
Тихо катилися ночи и прошлых, далеких столетий.
То, что для нас погасло, что взято безмолвной могилой,
То для тебя когда-то юным и родственным было.

Февраль 1897

II

О, двойственность природы и искусства!
Весь зримый мир — последнее звено
Преемственных бессильных отражений.
И лишь мечта ведет нас в мир иной,
В мир Истины, где сущности видений.
Но и мечта покорна праху: ей
Приходится носить одежду праха.
Постичь ее вне формы мы не можем...

1897

ОТРЫВОК

Небо — серое от туч,
Камни — серые от влаги,
Утомленно виснут флаги,
День не нужен и тягуч.

Грустный час воспоминаний!
Их без слов встречаю я
В тихой музыке дождя,
В дальнем матовом тумане.

Слышу смутные слова,
Угадать не смею лица.
Жизнь — открытая гробница
Властной волею волхва.

Апрель 1898

ПИФИЯ

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий;
По морю тени туманные бродят;
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Шум приближенья и хор отдаленный.
Горе! Былое — как светлая сказка!
Статуи, золото, стены, колонны!
Давит виски мне святая повязка.

Вот они входят, — упрямые лица:
Нет, не могу я! Пустите! Довольно!
— Тщетно бороться, безумная жрица,
Ты их рабыня... Как стыдно и больно.

Запах пьянит меня пряной отравой,
Вырвались звуки из пропасти синей...
Смертные, — прочь! поклоняйтесь мне! Слава!
В сонм олимпийцев вступаю богиней.

2 мая 1898

ПОЛНОЛУНИЕ

Мы волны морские, мы дышим луной,
Но утром не скажем о тайне ночной,
И день не узнает, как трепетный сон
Полночным призывом, заклатьем смущен.
И, вздрогнув, встаем мы в венце из огней,
И бьемся и рвемся из мира теней,
И к небу взлетаем, мятежно сплетясь,
И жаждем порвать беспредельную связь,—
Но, берег найдя, у его рубежа
Мы вдруг умираем, в истоме дрожа,
Без сил угасаем и дышим луной...
Нет! солнце не знает о тайне ночной.

21 мая 1898

ВСТРЕЧА

Еще мы чужие в мгновенье при встрече,
Лепечем банально ненужные речи,
Не смеем спросить, не хотим отвечать,
Но души успели друг друга узнать
И взором единым (но полным печали!)
О всем расспросили, на все отвечали.

Шепнули упреки с минутной мольбой
И снова беседу ведут меж собой.
И что в той беседе горит и таится,
Рассудку о том никогда не приснится,
Но этот безмолвный святой разговор...
Душа его помнит и знает с тех пор!

1 июня 1898

* * *

Ветер уныло летает над палубой,
По морю пеются белые гребни,
Ветер уносится далее с жалобой,
С просьбой мучительной, тихой, последней.
Ветер, родной мой, задумчивый, северный!
Верно, ты знаешь и южные земли.

Дышат там пальмы вершиною веерной,
Скоку газелей оазис там внемлет.
Ветер, лети туда горестным вестником,
Выбери путь и верней и короче.
Всем там скажи: уведен я кудесником,
С милого полдня плыву я к полночи...

15 июля 1898

СЕСТРЕ

Прости меня, сестра, я много виноват:
Я просмотрел твой взор, молительно скользнувший,
И этот скорбный взор, в мгновеньях потонувший,
Вошел в мои мечты и не уйдет назад.

Он вспыхнул пламенем бессвязным и случайным,
На чуждых высотах зажегся, как маяк,
И светом трепетным вдруг озарил сквозь мрак
Еще неизвестный путь к непересказным тайнам.

3 августа 1898

К БАЛЬМОНТУ

Есть ясное безветрие
Без плачущего «я».

«Тишина»

Погасни, исчезни
В безбрежной бездне,
Мой бедный друг...
И откроется вдруг
В миг забвенья
На дне усыпленья,
Что мир темноты,
И призрак звездный,
И самая бездна —
Это ты!

29 августа 1898

ПЕРЕПЕВЫ БАЛЬМОНТА

Моя душа свободная,
Моя душа мятежная,
Тебя пустыня водная
Пленила вновь безбрежная.

Моя душа безумная
В пространства неба просится,
Безумные и шумные
Под нею волны носятся.

Она — как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.

29 августа 1898

* * *

«Костей, бутылок продавать!»
С мешком проходит он дворами.
«Костей, бутылок продавать!»
С мешком идет он между нами.
Взглянув рассеянно в окно,
Ты возвратился к прежним книгам,
Но мысль, знакомая давно,
Не умерла с умершим мигом.
«Костей, бутылок продавать!»
Призыв угаснет без ответа.
Но отзвук властен оборвать
И стих любимого поэта.

12 ноября 1898

* * *

Засияла моя стена,
Я ее не узнал: на ней
От уличных фонарей
Отпечатались рамы окна.
Далеко от меня фонари,
Но свет их близок, со мной.

Рожок отдаленный, гори!
Ты не знаешь? — ты мой!
На небо взошла луна,
И, пространства мира пройдя,
Отпечатала рамы окна...
О, царица небес! — ты моя!

12 ноября 1898

**СОНЕТ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПОЭТУ П. Д. БУТУРЛИНУ**

Придет к моим стихам неведомый поэт
И жадно перечтет забытые страницы,
Ему в лицо блеснет души угасшей свет,
Пред ним мечты мои составят вереницы.

Но смерти для души за гранью гроба — нет!
Я буду снова жив, я снова гость темницы,—
И смутно долетит ко мне чужой привет,
И жадно вздрогну я — откроются зеницы!

И вспомню я сквозь сон, что был поэтом я,
И помутится вся, до дна, душа моя,
Как море зыблется, когда проходят тучи.

Былое бытие переживу я в миг,
Всю жизнь былых страстей и жизнь стихов моих,
И стану им в лицо — воскресший и могучий.

4 декабря 1898

РОНДО

Не смею все мечты вложить я в стих,
И все ж его ласкаю и лелею...
Но громко повторить среди других
Не смею.

И вот теперь, пред чем благоговею,
Несу на шум базаров городских...
Не осмеять ли детскую затею?
Не смею.

О, если б был, кто книгу дум моих
Прочел, постиг и весь проникся ею...
Хотя б на миг!.. Но верить в этот миг
Не смею.

4 декабря 1898

ДОМА

Я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома, —
И тем больше люблю, чем они выше.

Мне грезится город, как дом,
Вместо улиц — стеклянные своды,
И высятся этаж за этажом,
Сады, и залы, и переходы.

Мечтая о таких домах,
Я охвачен волнением странным,
Это бред о грядущих веках,
О человеке ином, но желанном.

О, я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома,
Тем больше люблю, чем они выше.

22 декабря 1898

* * *

Я в высокой узкой башне,
Кто меня привел сюда?
Я в высокой узкой башне
Гость — надолго, гость — всегдашний,
Узник навсегда!

Помню горы, лес и поле,
Все раздолье дорог.
Помню горы, лес и поле,
Где по воле, где на воле
Я скитаться мог!

Помню быстрые ночлеги
В шалаше иль у костра.
Помню быстрые ночлеги;
Ночи ласки, ночи неги!
Хохот до утра!

Кто возвел меня высоко,
Двери запер кто за мной?
Мир — внизу, во мгле — далеко,
Здравствуй, жизни одинокой
Подвиг роковой!

1898

НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ У СЛУЧЕВСКОГО

Март! Пора нам жить наруже!
Как бегут ручьи из пены!
Но недвижны в полной луже
Опрокинутые стены.

Много шумов, много звонов,
Мчатся конки, как живые.
И стоят без капюшонов
На постах городовые.

19 марта 1899

СОНЕТ О ПОЭТЕ

Как силы светлого и грозного огня,
Как пламя, бьющее в холодный небосвод,
И жизнь, и гибель я; мой дух всегда живет,
Зачатие и смерть в себе самом храня.

Хотя б никто не знал, не слышал про меня,
Я знаю, я поэт! Но что во мне поет,
Что голосом мечты меня зовет вперед,
То властно над душой, весь мир мне заслоня.

О, бездна! я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,

Как горько чувствую себя средь них чужим
И как могу, за мглой моих безмолвных дней,
Видений целый мир таить в душе своей.

2 августа 1899

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТЬ

На середине жизненной дороги
Ты встретишь мост, свободно изогнутый,
Его столбы властительны и строги,
Его черты в самих себе замкнуты.

Но не прельстись их торжеством над бездной,
Не восходи на лестницы крутые:
Там путь проложен — каменный, железный,
И он уводит в области пустые.

Нет! Не пленись безжизненным покоем,
Останься верен избранной дороге.
И будешь счастлив ты дождем, и зноем,
И вечной близостью к земной тревоге.

2 августа 1899

НА ОСУЖДЕНИЕ ДРЕЙФУСА

(29 августа 1899)

Люди! Вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Ленью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?

— — — — —
— — — — —

Пробудитесь, уходите
Прочь от башен и дворцов,
Прах сандалий отрясите
За порогом городов.

— — — — —
— — — — —

Мы уйдем в глухие степи,
Убежим в ущелья гор,
Там в тиши, как в тайном склепе,
Спрячем, скроем свой позор!

Человек был в нас унижен,—
Душу вновь мы обретем
В тишине пустынных хижин,
В дебрях скал над палашом.

Пусть на улицах, у зданий
Стонут сосны и трава,
Бродит зверь в немом тумане,
Кличет филин и сова.

Пусть разрушится твердыня
Строгих башен и дворцов.
Лучше, братья, нам в пустыне,
За порогом городов.

Братья! вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Ленью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?

29 августа 1899

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК

Под навесом темной ели,
На ковре из мягкой хвои,
Оба друга рядом сели —
И теперь их в мире двое.

Души их трепещут жаждой
Прошлой жизнью поделиться,
Обменяться думой каждой
И в одно сознание слиться.

Ищут речи,— не находят,
Гладят ласково друг друга
И с тоской бессильной бродят
В стенах замкнутого круга.

29 августа 1899

* * *

Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.

Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.

Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий звон волны
В мире звучной тишины.

Сентябрь 1899

* * *

А сколько радости и неги
В бегущих медленно часах!
Следов доискиваться в снеге,
Взметать на лыжах белый прах.

Найти медвежий путь, тропинку,
Сидеть у проруби весь день,
Пока в воде разрежет льдинку
Тяжелой головой тюлень.

Владея радостной тревогой,
Готовый жить и умереть,
Встречать уверенной острогой,
Когда подымется медведь.

И пировать под крышей снежной,
И охранять под снегом челн,
И ждать, что океан безбрежный
Опять раскинет гребни волн.

23 сентября 1899

* * *

Будущий век,
Тебе посвящаю я песни!
По теченью невидимых рек
Все быстрее, все смелей, все чудесней
Уплывает вперед человек.
О, времен потрясающий бег!
Словно тает мучительный снег,
Словно гаснут узоры песни,
Словно никнут виденья чудовищ...
Уплывает вперед человек
В мир цветов и весны,
В мир всеобщей волны,
Предугаданных смутно сокровищ.

Я грядущее люблю,
Я грядущему молиться
Никогда не устаю.
Я хочу
Верить белому лучу,
В блестках искристых дробиться,
Каждым мигом насладиться.
Жизнью мировой дышать —
И холодной властью мысли...
Дням, что в вечности нависли,
Как словам, повелевать!

Но жалкие мечты! кругом и отовсюду
Видения идут — герои, короли,
Поэты властные, избранники земли,
И вопят, и зовут! о нет! не верю чуду!
И я, как все, томиться осужден
В цепях веков и в тягости времен!

Октябрь 1899

МАТЕРИ НА ИМЕНИНЫ

От ранних детских лет, как свет среди теней,
Люблю я этот день, наш праздник, вечно жданный.
И вот, когда он вновь приходит в смене дней,
Все снова для меня прозрачней и нежней,
Как в годы первые, во дни зари туманной.

9 ноября 1899

ИЗ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ

Мой плющ расцветает; живые побеги
Любовно обвили суровые нити.
Садитесь на лавочку, дети, смотрите
И думайте вместе со мною о снеге.

Когда разбегутся веселые санки
И воздух дрожит от бубенчиков ясных,
Невольно припомнишь о маковках красных,
Горящих, как угли, на нашей полянке.

Чему ж вы смеетесь? Ах, глупые дети!
Так вам никогда ничего не расскажешь!
Вяжи, Маргарита! — ты к осени свяжешь
Красивые, длинные, прочные сети.

12 ноября 1899

* * *

Есть слова волшебства. Вы всеисильны,
Роковые слова о былом!
Разве годы не камень могильный,
Разве смерть называется сном?

Мы идем бесконечной долиной,
С каждым шагом все больше теней,
И из них не отстать ни единой:
То бледнеют, то снова ясней.

И при вспышке могучего слова
Тень прошедшего странно жива.
И глядит умоляюще снова,
И твердит прямо в душу слова.

14 ноября 1899

* * *

Я от стыда закрыл лицо
И пал, целуя прах дорожный...
Кричите, смейтесь мне в лицо:
Я все свершил, что невозможно!

Есть оправдание рабу,—
Он и не знает лучшей доли,—
Но я изведаль всю судьбу
И властен выбрать жребий воли.

Я знал, что будет, наизусть,
Мне даже нет и заблуждений,
И вот иду к позору... Пусть!
Хочу и жажду унижений.

Январь 1900

* * *

Заботы дня, как псы, меня бесславно травят,
Взывает ловчий рог, бегу я, как кабан...
Но горе им! Они вступить в борьбу заставят!
Стонать вам всем, ловцы, от боли свежих ран!

Февраль 1900

ЗА ГОРОДОМ

В городе дышит весна,
Сгинул истаявший снег,
Даль ожиданьем полна,
В воздухе радостный смех...
Первые проблески нег!

Здесь — неизменен покров
Белых и мертвых снегов,
Сосны упрямо встают,
Хмуρο туманится лес...
Стынет движенье минут
В холоде зимних небес.

Был я встревожен весной,
Верил и вторил ручью,
Шел воспаленный, больной...
Холод целебный я пью.

Гаснут, как солнца, мечты,
Сладок привет темноты,
Словом весенним «люблю»
Я ли покой оскорблю!

Тысячи маленьких свеч
Вспыхнули в тайнах души...
Нет! Мне не надобно встреч
В царственно чистой тиши.

13 марта 1900

* * *

Люблю я имя Анна,
Оно звенит, как свет,
Оно, как сон, пространно...
Люблю его — и нет.

И двойственно, и чудно
Оно мелькает мне.
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.

Люблю я имя Анна,
Во мгле — как сладкий грех.
Оно зовет и странно
Звучит, как дальний смех.

Люблю в нем — унижений
Таинственную власть...
И молча сходят тени,
И ночь должна ниспасть...

Но утро вновь туманно,
И день забрезжит вновь.
С ним имя Иоанна,
С ним мудрость и любовь.

Вновь солнца круг высоко,
Спокойный свет лучист,
И мой венец пророка
Торжественен и чист.

Так двойственно, так чудно
Оно мелькает мне
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.

2 апреля 1900

* * *

Я жду у ветхого забора,
Мне в окна комнаты видны,
Людей, неведомых для взора,
Мелькают тени вдоль стены.

Я вижу статуи, картины
И пальмы веерную сень,
Но взор не встречу ни единый,
Лишь изредка проходит тень.

Когда б я мог туда проникнуть
И видеть, там ли ты, у них?
К запрету как мечтам привыкнуть?
Как быть, чтоб трепет дум утих?

Не так ли мы, в сем мире дольном
Иного мира ловим тень
И рвемся в ужасе невольном
Вступить на высшую ступень.

9 сентября 1900

* * *

— Кто ты? — «Я — чувство, я — любовь.
Ты видишь: я в короне звездной».
— Зачем же ты приходишь вновь
Тревожить мукой бесполезной?

«Вернулась я из дальних стран;
Прими беглянку, как подругу».
— Твои обеты — лишь обман.
Твои пути — пути по кругу.

«Я — тайна духа». — Ты — мечта.
«Я — дрожь». — Ты только манишь дрожью.
«Я — неизбежна!» — Есть черта,
За ней я властвую над ложью.

«Ты — снова мой!» — Свободен я!

Сентябрь 1900

* * *

Настали дни печальные, как воды
В наполненном пруду под сенью ив.
Я вдаль иду один, и дни, как годы,
Растут в числе, растут, нас разделив.

Я вдаль иду один. Воспоминанья
Как будто тянут сотни жадных рук.
Лишь оглянусь, их нет. Столпились зданья
На мировом пути; светло вокруг.

Закрыв глаза, забудусь. Вспоминаю
Молчанье, лампы свет и груды книг...
Я вновь с тобой! Я лгу! Смеюсь! Желая!
На миг я дрожью воскрешаю миг.

Откуда эта власть живых желаний?
О, страсть! — перед тобой стою я, как боец,
Толпа со мной идет ущельем зданий,
Но ей незрим палящий мой венец.

Сентябрь 1900

* * *

Вы неисполненных надежд
Над бездной реющие лики.
Из-под прикрытых бледных век
Как ваши взоры странно дики.

Вы дерзкой юности мечты,
Прозрачных теней хороводы!
В венцах из лилий вы чисты,
И ваши локоны, как воды.

Вы творчества бессильный бред,
Недовершенный замысл фурий!
Ты, жажда властвовать! Привет!
Ты, как всегда, в порывах бури.

Но чьи уста — живая кровь
С усмешкой беспощадной власти?
Неразделенная любовь,
Мечта неутоленной страсти!

5 октября 1900

* * *

Я жизнью пьян. Напиток жгучий
По жилам разошелся... жжет.
Не стынь, огонь, кипи и мучай,
Кружи, влеки, водоворот.

Октябрь 1900

* * *

Торжествовать! какие звуки!
Их плеск расилесканный мне люб.
Еще мне вняты эти руки
И язвы впечатленных губ.

Но в сладких думах о победе
Из глубей памяти встает,
Как образ, воплощенный в меди,
Холодных замыслов расчет.

И сдавлен, с судорожной жаждой,
Над ужасом померкших глаз,
О миги страсти, каждый! каждый!
Смеясь, предчувствовал я вас.

Торжествовать! люблю я звуки,
Люблю моих заклятий власть,
Мне нужны слезы, чьи-то муки,
Победа, гордость — но не страсть.

Ноябрь 1900

* * *

В глуби тайные вселенной,
В воды темные столетий
Мы бросаем с лодки брэнной
Золотые сети.

И из прочных уз мы рады
Доставать морских чудовищ,
И растут в челне громады
Скопленных сокровищ.

<1900>

* * *

Хорошо бы нам додуматься
До весенних песен птиц,
Но шумит немолчно улица
Гордым грохотом столиц.

Хорошо бы мне довериться
Взорам нежным и простым,
Но в ночном сиянии месяца
Слишком манит дальний дым.

Хорошо любить в созвучии
Верность буквы и черты,
Но мечта — звезда падающая —
Видит бездны с высоты.

Январь 1901

МОНА ЛИЗА

Есть обольщение в вине,
В его манящем аромате,
Как поцелуи в тишине,
Как вздох в безмолвии объятий.

Как хорошо дрожать, молчать,
Тревожиться при каждом звуке,
И жечь лобзанья, как печать,
Впечатлевать, как символ, руки.

Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,
Мечтать, как черны волоса,
Обжегшие случайно плечи.

И разойтись без клятв, без слов,
Скользнуть, как спугнутые тени,
Чтоб эта ночь, как греза снов,
Вплелась в гирлянду сновидений.

Есть обольщение в тишине,
Восторг в безмолвии объятий,
Как сладость тайная в вине,
В его манящем аромате.

9 февраля 1901

БРАТЬЯ БЕЗДОМНЫЕ

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сиянии небес.

Много веков насмехавшийся Голод,
Стыд и Обида-сестра
Ныне вручают вам яростный молот,
Смело берите — пора!

Вот растворяю я хриплые двери:
Город в вечернем огне,
Весело вспомнить опять, что мы звери,
Воле отдаться вполне.

Видите зданье за зданьем, как звенья,
Залы для женщин и книг...
Разве не вы приносили каменья,
Строили храмы владык?

Ринемтесь дико и смоем лавиной
Всю эту плесень веков!
Пусть оглушит ее голос звериный,
Наш торжествующий рев.

Полно покорствовать! видите, братья,
Двери открыты в века.
Слышу ругательства, слышу проклятья
В шуме, в дыму кабака.

21 марта 1901

* * *

Так это будет летом. Кисея
Вся заблестит. пронизанная светом,
И мне покажется в наряде этом
Еще милее красота твоя.

В широких складках, полных трепетанья,
Повиснет неба полог голубой,
И побледнеем оба мы с тобой
От чувства счастья и от ожидания.

Настанет вечер, в чуткой тишине
Коснется ветер до твоей вуали,
И улыбнутся из прозрачной дали
Нам взоры звезд, как мужу и жене.

14 июля 1901

* * *

Вот брошен я какой-то силой
На новый путь.
И мне не нужно все, что было!
Иное будь!

Вокруг туманность и безбрежность,
Как море, высь.
Мечта моя! в том неизбежность:
Ей покорись.

В ночном лесу, где мгла и сыро,
Ищу тропу,
Иду по ней и к тайнам мира,
И вспять, в толпу.

Как укрощенная пантера,
Покорной будь:
Да снидет к нам обоим вера
В безвестный путь.

Август 1901

* * *

Нет душе покою,
Глянул день в глаза,
И опять я строю
Шаткие леса.

Снова сердцу надо
Веровать в чертеж,
И мечтам — услада
Новых планов ложь.

Снится, снится зданье,
Купол золотой,
Бракосочетанье,
Ночь с тобой, с тобой.

Мы во мраке двое...
Двери тишь хранят...
Зыблются обоим...
Душит аромат...

— Тщетно, дерзкий! тщетно!
Не воздвигнешь вновь
Купол огнецветный,
Новую любовь!

Будешь вновь обманут,
Разберешь леса,
И руины глянут
Прямо в небеса.

Ноябрь 1901

* * *

Непересказанные думы,
Неразделенные слова —
Вы беспокойны, вы угрюмы,
Как перед молнией трава.

Что просияло, что мелькнуло,
Что душу пламенем прожгло,
Ужели в прошлом потонуло,
И гладь бывшего — как стекло.

И в сердце сдавленные речи,
Навеки смолкшие слова
Безумно ждут желанной встречи,
И сердце не кричит едва.

Я жажду жадных откровений —
Все повторить, все рассказать,
Чтоб в час заветных оживлений
С тобой все пережить опять.

<1901>

* * *

Я снова одинок, как десять лет назад.
Все тот же парк вокруг, за елью звезды те же,
С черемухи и с лип знакомый аромат.

Там где-то лай собак. Повеял ветер свежий.
И вечер медленный мне возвращает бред,
Который жжет мечты все реже, реже.

Я жил здесь мальчиком, едва в шестнадцать лет,
С душой, отравленной сознанием и чтеньем,
Неловок, как дитя, застенчив, как поэт.

Мне этот шумный парк служил уединеньем,
Я не имел друзей. Для женщин был несмел,
И в сумраке следил за парами, с томленьем,

Но я в мечтах нашел все, все, что я хотел.

1901

* * *

Все бездонней, все безмерней,
Недоступней глубина,
Но, как свет звезды вечерней,
Светят водоросли дна.

Плотны синие преграды,
Обступили взгляды рыб.
Словно знают, словно рады,
Что еще пловец погиб.

Но на родине чудовищ
Посреди живых цветов
Не ищу морских сокровищ
И жемчужных слизняков.

〈Январь 1902〉

* * *

Надо струны перестроить
Вновь на новый лад,
Песни вещие усвоить
Я готов, я рад.

Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? — бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.

Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встапу юн и жив.

Я в земле, под грудой гнили,—
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвеств мне суждено!

Дух живительный и юный
Влился в грудь мою,—
Строю заново я струны,
Верю и пою.

21 февраля 1902

* * *

Неужели это была ты —
В сером платье
Робкая девочка на площадке вагона —
Моя невеста!
Помню, как оба тонули мы в первом объятии,
Жестоким до стога,
Были безумны и святы мечты.
Пели удары колес.
Вереницы берез,
Качаясь, глядели в окно,
Вечер осенний померк незаметно, и на небе было темно.

В поздний безмолвный час
Я сидел одиноко.
Странно дрожал за стеклом раздражающий газ.
Думы дрожали, как газ, раздражающе тоже.
Я жаждал упрёка.
О, если б предстал мне таинственный Кто-то
И тайну открыл мне пророческой, внутренней дрожи,
Чего я боюсь в этот поздний обманчивый час.
О, если б предстал мне таинственный Кто-то
И властно позвал бы меня для отчета.

Что женщина?

— Мать, принявшая в лоно, —

Чтобы длить бесконечно преемственность сил.

Вы пестры, миражи бытия: рождений, падений, могил.

— Женщина — некий сосуд драгоценный,

Тайну таящий во мгле сокровенной.

Женщина — путь до глубин божества.

Женщина — мир естества,

Его золотая корона.

Свята, свята ее жизнь, дающее лоно.

Но мы?

В нас не все ли — стремленье вовне, из предела?

Разве не мы

Природу наполнили звуками слова?

В дымной пропасти тьмы,

Где дышит и движется тело.

Нам разве не душно?

Мы жаждем иного,

В вечном стремлении идем и идем до предела,

Кажется, близки мы к области звездной.

Миг — и повиснем в полете над бездной,

Вдруг снова, влечению земному послушны,

Падаем в душевные пропасти тьмы.

А есть красота.

В звуках, в красках, в линиях, в теле,

В обнаженности женственной.

Жажда ее не в одной крови разлита,

Это не жажда веселий.

Ее поток благоденственный

В тайных глубинах шумит,

Струя его сладко чиста,

Он вечной божественной влагой поит.

Да, есть на земле красота.

Или мы крылья у птиц?

И нам суждено

Метаться к гробнице от старой гробницы?

И нам суждено

Только взаимным усилием весь путь побороть?

Только вдвоем долететь до свержения уз?

Церковь венчает как святость союз

Двух осужденных сердец.

— Примем ли мы, как тяжелое бремя, венец?
Да, людям дано только вдвоем этот путь побороть.
Слава тебе, освященная плоть!

Ночь незаметно погасла, и свет набегал на окно.
Я сидел одиноко.
Дрожал за стеклом замирающий газ.
Был светлым и утренним час,
И город вечерний остался далеко.
Я знаю.
Я в зеркале видел всю душу мою,
Все, чему верю, и все, что люблю.
Там нет проклятья.
Как теплым волнам, я отдамся душистому маю,
Пусть будут безумны и святы мечты,
Робкая девушка в сереньком платье,
Да, это ты,
Моя невеста.

4 марта 1902

* * *

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведаль
Ее в бездонной полноте,—
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

SUB SPECIE AETERNITATIS ¹

Отселе мне видно потоков рожденье.

Пушкин

О, господи, какое счастье
Быть художником!
Самовластным, гордым, свободным, —
Царем над созвучиями и образами.

Они меня оскорбляют,
Какое мне дело?
Я на тех бесконечных высотах,
Где небо и лед,
Куда и мечта о дольних заботах
Не достигнет.
Выше нет ничего. Небо сине.
Вдалеке очертанья таких же вершин.
О, как вольно дышать в беспредельной пустыне,
Повторять неземное, великое слово: один!

Мне видна земля,
Моря золотое пространство,
Нагорий живое убранство,
Распростертые низко дороги, поля.

И местами селенья,
Как столбы при дороге, как на перекрестках каменья.
Но мне не видно людей,
Их суеты вседневной.

Я увидел бы движенья двух ратей,
Падение царства, созданье столицы.
Я смотрю на жизнь мной отвергнутых братий,
Как смотрят на землю птицы.

¹ С точки зрения вечности (лат.).

Солнце!
Здравствуй, солнце, мой двойник!
Я люблю твой ясный лик.
Как и ты, я с высоты
Вижу горные хребты,
И узорчатых лугов,
И кипенье городов...

Ноябрь 1902

* * *

Я путешественник случайный,
Бродяга в мире, дикий скиф,
Любуюсь на земные тайны,
На храм, на башню, на залив.

И медлю пред душой безвестной,
Внимательно любуюсь ей,
Как перед статуей чудесной,
Жалея покидать музей.

Ноябрь 1902

* * *

Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый —
То лицемерие; пред искренностью — страх!
Мы все притворствуем в искусстве и в гостинной,
В поступках, и в движениях, и в словах!

Вся наша жизнь подчинена условию,
И эта ложь в веках освящена.
Нет, не упиться нам ни чувством, ни любовью,
Ни даже горестью — до глубины, до дна!

На свете нет людей — одни пустые маски,
Мы каждым взглядом лжем, мы прячем каждый крик,
Расчетом и умом мы оскверняем ласки,
И бережет пророк свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости обдуманной, обычной
Где можно, кроме гор и моря, отдохнуть?
Где можно на людей, как есть они, взглянуть?
— Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!

Как пристани, во мгле вы выситесь, дома,
Убежища для всех, кому запретно поле,
В вас беспристрастие и купли и найма.
В вас равенство людей и откровенность воли.

Вот мир восторженной победы и борьбы
В разврате искреннем и слов и побуждений.
Мы дни и месяцы актеры и рабы,
Оставьте же притон для искренних мгновений!

<1902>

* * *

Дивный генуэзец! как нам стали понятны
Твои пророческие слова:
«Мир мал!»
Мы взором одним озираем его
От полюса до полюса —
Нет больше тайн на земле!

Прежде былинка в безмерных просторах,
Упорно — за веком век —
Работал, боролся, вперед продвигался
И своей планетой, наконец, овладел
Человек.

Нет больше тайн в надземном тесном мире!
Стальные иглы рельс, обвив материки,
Бегут сквозь цепи Анд, бегут в степях Сибири —
К верховьям Крокодиловой реки;

Земля, земля! настало время!
Ты — достояние людей.
Не то или другое племя,
Не тот иль этот из царей,
Тебя взял Человек, его спокойный гений,
Его холодный ум, его упорный труд
И смелый взлет безумных дерзновений!
И правит скорбного Судьи бесстрастный суд.

Человек! торжествуй! и, величье познав,
Увенчай себя вечным венцом!
Выше радостей стань, выше слав,
Будь творцом!

<1902>

* * *

— Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!
Удовольствия ласк его — свыше вина.
Запах риз его — ладанный дым,
Как пролитое миро — его имена!
Девы ради сего — возлюбили тебя!
За тобой и к тебе, царь, пойду я, любя.
Опаленная солнцем, лицом я смугла
И прекрасна, как полы в китарских шатрах,
Как завесы во храме на пышных вратах.
Виноградник отца я все дни стерегла,
Но сберечь не сумела я свой виноград.
Где пасешь ты? скажи мне, возлюбленный брат!
Где почиешь в полуденный жар, — возвести!
Чтоб к друзьям твоим мне, заблудясь, не прийти.

— Если ты угадать не умела, где брат,
Приходи к пастухам по следам наших стад.
Кобылице моей в колеснице царя
Уподоблю тебя я, подруга моя!
Хороши твои щеки в серьгах золотых,
Хороша твоя грудь в ожерельях твоих.
Золотые подвески я дам с серебром...
О, как сладостно ладаном пахнет кругом.

— Ветка мирры — мой брат — на груди у меня,
В винограднике, брат мой, покойся до дня.
— Ты прекрасна, сестра, — как у голубя взор.
— Ты прекрасен, мой брат, — ароматен убор.
— Сень над ложем у нас наклоняется вниз,
Кровля ложницы — кедр, потолок — кипарис.

1902

* * *

Влачась по дням, при новой встрече
Твержу с усталостью «люблю»,
Но эти взоры, миги, речи
Запоминаю и ловлю.

От ночи дню передаваем,
Куда-то на волнах влеком,
То из-за стен дышу я раем,
То за окном я внемлю гром.

Не увлечен и не печален,
Но, любопытствуя везде,—
В бреду пиров, в молчаньи спален,
Я рад бегущей череде.

Уходят шумные мгновенья,
И я дивиться вновь готов
На самоцветные каменья
Случайно сложенных стихов.

<1902>

* * *

Прими послание, о Виктор!
Слагаю песнь тебе я в честь,
Пусть консул я, а ты — мой ликтор,
Но сходство между нами есть.

Тебе милее смех девичий,
Мне — женский и бесстыдный смех.
Но что до маленьких различий,
Когда мы оба любим грех!

Мы оба на алтарь Цитерин
Льем возлияния свои,
И оба будем — я уверен,
До гроба верными любви!

Но любим мы полней и выше,
Чем даже страсти легкий стон,—
Напевы стройных полустиший
И в темных лаврах Геликон!

〈Март 1903〉

* * *

И вдруг все станет так повятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,—
И золотой настанет век.

Восстанут новые пророки
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что истощились сроки,
Что день настал свершенья грез.

И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца!

9—10 сентября 1903

* * *

М. Н. Семенову

Над бредом наших разных ликов,
Над диким сном
Разноязычных наших криков,—
Не здесь, в ином —

Есть нас связующие нити.
Есть общий зов
За грань желаний и событий,
Имен и слов!

Мы все склоняем взор во храме,
Всех зыблет страсть,
И красота над всеми нами
Простерла власть!

16 октября 1903

ОРФЕЙ

Вакханки встретили Орфея
На берегу немолчных вод.
Он, изнывая и немея,
Следил их медленный черед.

Душе, всегда глядящей в тайны,
Где тихо веет Дионис,
Понятен был их бег случайный
И смена сброшенных риз.

Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись бурей шумной
В его безветренные сны.

Их тирсы зыблились, как травы,
Когда находит с гор гроза,
И, полны ярости и славы,
Звенели в хоре голоса.

«Унынье прочь! Мы вечно юны,
Что зимний ветер! Сияет май!
Ударь, певец, в живые струны
И буйство жизни повторяй!

Ты ль, двигавший напевом скалы,
Кому внимали барс и тигр,
Пребудешь молча одичалый
При вольном вое наших игр.

Твой бог — наш бог! Что возрожденье,
Когда до дна прекрасен миг!
Не сам ли в неге опьяненья
И в нас бог Дионис проник.

Вошел он с вестью о победе,
Что смерть давно побеждена, —
Все жизни — в сладострастном бреде,
Вся вечность — в таинстве вина».

Они стремятся, как пантеры,
Но и пантер смирял напев,
И лиру взял, исполнен веры,
Орфей среди безумных дев.

Он им поет о Евридике,
О страшных Орковых вратах...
Но песню заглушают крики...
Уж — камни в яростных руках.

И пал певец с улыбкой ясной.
До берега волны докатив,
Как драгоценность, труп безгласный
Принял на грудь свою прилив.

И пышнокудрые наяды
Безлюдной и чужой земли
У волн, в пещере, в час прохлады,
Его, рыдая, погребли.

Но, не покинув лиры вещей,
Поэт, вручая свой обол,
Как прежде в Арго, в челн зловещий,
Дыша надеждой, перешел.

4 декабря 1903

* * *

— Дитя, скажи мне, что любовь?
— Вот этот ужас мой без воли,
Вот этот стыд, мгновенье боли,
Вот эта стынущая кровь.

— Дитя, скажи мне, что же страсть?
— Вот эти слезы, эти пени,
Вот эта жажда унижений:
Быть как раба, к ногам припасть.

— Дитя, ответь мне, счастье в чем?
— В твоей истоме, в этом бреде,
В твоём весельи о победе,
Во взоре блещущем твоём!

1903

СФИНКС

Я пустынной шел дорогой
Меж отвесных, тесных скал, —
И внезапно голос строгий
Со скалы меня позвал.

Вечерело. По вершинам
Гас закат. Был дол во мгле.
Странный призрак с телом львиным
Вырос, ожил на скале.

Полузверь и полудева
Там ждала, где шла тропа.
И белели справа, слева
Кости, кости, черепа...

И, исполнен вещей веры
В полноту нам данных сил,
К краю сумрачной пещеры,
Человек, я подступил.

И сказал я: «Ты ли это,
Переживши сто веков,
Снова требуешь ответа?
Дай загадку, — я готов?!»

Но, недвижима на камне,
Тихо, зыбля львиный хвост,
Дева, взор вонзив в глаза мне,
Ожидала первых звезд:

«Вот загадка, о прохожий,
Ты, пришедший из долин!
Я тебя спрошу все то же,
Что слышал Лаев сын:

Кто из нас двоих загадка?
Я ли, дева-сфинкс, иль ты?
Может, ночью в тени шаткой,
Видишь ты свои мечты?

Если я жива, телесна,
Как тебе телесным быть?
Нам вдвоем на свете тесно,
Я должна тебя сразить!

Но, быть может, я — поэта
Воплощенный легкий сон?
В слове смелого ответа
Будет призрак расточен.

И действительностью станут
Только кости и скала?
Отвечай мне: кто обманут?
Я была иль не была?»

И, недвижима на камне,
Дева, зыбля львиный хвост,
Устремила взор в глаза мне,
Взор, принявший отблеск звезд.

Мрак тускнел и рос без меры,
К небу высились столпы...
Я стоял у врат пещеры...
Мимо не было тропы.

1903

* * *

Есть поразительная белизнь
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне — святая смелость,
Земле непокоренной весть!

Пусть тьма близка, и закатилось
Нагое солнце за рубеж:
Его сиянье только снилось,
Но небо то ж, и дали те ж!

И звезды пусть во тьме возникнут,
И с изогнутой высоты
Земле свои приветы крикнут:
Они растают, как мечты!

Но свет первее солнц и мира,
Свет все — что есть, бессветья нет,
И тьма лишь царская порфира,
В которой выступает свет!

27 января 1904

«СКОРПИОНУ» И «ГРИФУ»

Наш мир храня от силы вражьей,
В чреде двенадцати имен,
У врат небес стоят на страже
В свой день Весы и Скорпион.

Но от земли, вседневно пленной,
В свой юный веруя порыв,—
Да посягнет за грань вселенной!—
Взлетает ярый Гиппогриф.

Вам,— два врага в едином стане! —
Урок видений вековых:
Один гори, где мира грани,
Другой — стремись нарушить их.

23 марта 1904

МАКСИМИЛИАНУ ШИКУ

Я многим верил до иступленности.

Urbi et Orbi

Эту веру я тебе вручаю,
Столько раз обманутую... Что ж!
Наш удел идти, скользя, по краю,
Наш удел — над темной бездной дрожь.
Шаг еще сужден ли мне, не знаю:
Но иду, и близко ты идешь!
Близким — мой привет! Но в миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один без сожаленья.

Октябрь 1904

* * *

Я не видал таинственных лесов
Безудержной природы Индостана,
Причудливых китайских городов
И белых скал ледяного океана;
Не вел войска на приступы твердынь,
И не был венчан в бранном шуме става;
Дпей не влачил в толпе своих рабынь,

Не проходил, протягивая руку,
В чертоги всех богатств и всех богинь;
Не созерцал во всех пределах муку
На лицах мучеников, как судья;
С возлюбленной не пережив разлуку,
Под ноги смерти не бросался я.
Я многого не видел и не встретил,
Пылинка в миллиардах — жизнь моя!
Но до вопросов кто-то мне ответил —
И в безднах я стою без уст и слов...
И светлый мой полет сквозь них не светел.
Грядущих не увижу городов,
Не посещу всех тайн земного круга,
С героями не встречу всех веков.
Но где в стране от севера до юга
Восторг безвестный обретет душа,
Безвестный трепет скорби и испуга?
Мы все проходим жизнь, как он, спеша,
Возможности переживаем в грезах;
От тихих снов под сводом шалаша
До высшего блаженства в тайных слезах,
И, список чувств запомнив наизусть,
Судьбе, при одобреньях и угрозах,
Мы равнодушно повторяем: пусть!

<1904>

* * *

Царил над миром рифм когда-то
Я с самовластием волхва,
И волю царственную свято
Вершили верные слова.

Любил я радостные чары
На их желанья налагать,
И на союз мгновенный — пары
Благословлять и сочетать.

Любил с улыбкой подмечать я
В двух чуждых душах сходный звук
И двух врагов — бросать в объятия,
Как двух восторженных подруг.

19 февраля 1905

На площади, полной смятеньем,
При зареве близких пожаров,
Трое, став пред толпой,
Звали ее за собой.

Первый воскликнул: «Братья,
Разрушим дворцы и палаты!!
Разбив их мраморы, мы
Увидим свет из тюрьмы!»

Другой воскликнул: «Братья,
Разрушим весь дряхлый город!
Стены спокойных домов —
Это звенья старинных оков!»

Третий воскликнул: «Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!
Лишь новому меху дано
Вместить молодое вино!»

6 июля 1905

К НАРОДУ

*Vox populi...*¹

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстrokрылый Аргo,—
Птицу пустынных полетов,—
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего края
До сапфиpного мира безвестной вершины.

Давно я с тобой, в твоём теченьи, народ,
В твоём многoшумном, многoцветном водовороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя былых времен.

¹ Голос народа (лат.).

На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,
С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрец? — у меня своя мудрость!
Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, — вселенская власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценнейший дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны — тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты в золотой скорлупе!
Я — маг, вызывающий духов, тобою рожденных, нами
убитых!

Без тебя, я — звезда без света,
Без тебя, я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и созданный тобою язык.

Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праше,
Войди в меня, как в одержимого демон,
Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле властителя!
Я разобью тебя об утес, непослушная!
Я оборву вас, струны, как паутины, непокорные!
Раскидаю колышки, как сеют зерна весной.
Наложу обет молчания, если не подчинишься, псалтырь!
Останусь столпником, посмешищем праздных прохожих,
здесь, на большом перекрестке!

20—23 июля 1905

* * *

Ужель доселе не довольно?
Весь этот ужас, этот бред
Еще язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?

Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!

Так кто же голос? Мы, поэты, —
Народа вольные уста!
И наши песни — вам ответы,
И наша речь вовек проста!

29 июля 1905

ВЕСЫ КАЧНУЛИСЬ

Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.

Молчи и никни долу, право,
Се — высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.

Кто б ни был вождь, где б ни был случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?

1905

БЛИЗКИМ

I

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! строить — нет!

30 июля 1905

II

Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.

Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться:
Я шуму великому внемлю.

Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.

И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе приветствий,
Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.

Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я, над толпой умирая,
Все буду качаться, качаться.

1905

ПРЕДАНИЕ

Посвящаяю Андрею Белому

И ей надел поверх чела
Из белых ландышей венок он.

Андрей Белый

I

Повеял ветер голубой
Над бездной моря обогрелой.
Жемчужный след чертя кормой,
Челнок помчался, окрыленный.

И весь челнок, и плащ пловца
Сверкали ясным аметистом;
В кудрях пророка, вокруг лица,
Закат горел венцом лучистым.

И в грозно огненный Закат
Уйдя безумными очами,
Пловец не мог взглянуть назад,
На скудный берег за волнами.

Меж ним и берегом росли
Огни топазов и берилла,
И он не видел, как с земли
Стремилась взор за ним Сибилла.

И он не видел, как она
Упала вдруг на камень черный,
Побеждена, упоена
Своей печалью непокорной.

И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венок он.

II

И годы шли. И целый день
Она скользила в сводах храма,
Всегда задумчива, как тень,
В столбах лазурных фимиама.

Но лишь сгорел пожар дневной
И сумрак ширился победно,
По узкой лестнице витой
Она сходила тенью бледной,—

В покой, где жрец верховный ждал
Ее с покорностью всегдашней,
При дымном факеле, и ал
Был свет из окон старой башни.

Струи священного вина
Пьянили мысль, дразня желанья,
И словно в диком вихре сна,
Свершались таинства лобзанья.

На ложе каменном они
Безрадостно сплетали руки;
Плясали красные огни,
И глухо повторялись звуки.

Но вдруг, припомнив о былом,
Она венок из роз срывала,
На камни падала лицом
И долго билась и стенала.

И кротко жрец, склонясь над ней,
Вершил заветные заклатья,
И вновь, под плясками огней,
Сплетались горькие объятья.

III

И годы шли, как смены сна,
Сходя во тьму сквозь своды храма,
И вот состарилась она
В столбах лазурных фимиама.

И ей народ алтарь воздвиг
Давно, как непорочной жрице,
И только жрец, седой старик,
Знал тайну замкнутой светлицы.

Был вечер. Запад гас в огне.
Ушли из храма богомольцы.
На малахитовой волне
Сплетались огненные кольца.

И вырос призрак корабля,
И близился безвестный парус,
И кто-то, бледный, у руля
Ронял сверкающий стеклярус.

Уже, мерцая, месяц стыл
Серпом из тусклого оникса,
Когда ко храму подступил
Пришлец с берегов холодных Стикса.

И властно в ясной тишине
Раздалось тихое воззвание:
«Вот я пришел. Сойди ко мне,—
Настало вечное свиданье».

И странно вспыхнул красный свет
В высоких окнах башни старой.
Потом погас на зов в ответ,
И замер храм под лунной чарой.

И в красоте седых кудрей
Предстала у дверей Сибилла,
Простер он властно руки к ней,
Она, без слов, главу склонила.

Спросил он: «Ты ждала меня?»
Сказала: «Верила и ждала».
Лучом сапфирного огня
Луна их лик поцеловала.

Рука с рукой к прибою волн
Они сошли, вдвоем отныне...
Как сердолик — далекий челн
На хризолитовой равнине!

А в башне, там, где свет погас,
Седой старик бродил у окон,
И с моря не сводил он глаз,
И целовал в последний раз
Из мертвых ландышей венки он.

1904 — ноябрь, 1905 — март, 1906 — январь

ПЛАЧ ЛАОДАМИИ

Нет, слова гонцов не ложны!
Ты безвременно сражен!
Все надежды невозможны,
Все, что счастье, — только сон!
Я лишь ночь одну вкушала
Умиление ласк твоих,
И не знаю, как не знала,
Ты мой муж иль мой жених!
Ты мой пояс непорочный
В вечер брака развязал,
Но уже к стране восточной
Ветер парус напрягал!
Помню я: росой минутной
Окропил меня Морфей...
Вдруг, сквозь сон, я слышу смутно
Нет твоей руки — в моей.
Просыпаюсь: блеск доспеха,
Со щитом ты предо мной...
И, как робкий ропот смеха,
День стучится за стеной.
Я вскочила, охватила
Стан твой с жадностью змеи,
Миги длила и ловила
Очи милые твои.

Март 1906

ПОД УТРО

Еще было совсем темно,
И горели в ряд фонари,
Но я приоткрыл окно
И понял приближение зари.
От лазури, побелевшей вдруг,
Отделились, как дым, облака,
В сумраке, поредевшем вокруг,
Обозначился парк и река.
И скоро в сизой дали,
Казавшейся черным концом,
Опять поднялись с земли
Крыши — за домом дом.

И, звезды гася, в небеса
Кто-то влил лиловый сок,
И мне сладко повеял в глаза
Издалека ветерок.

5 апреля 1906

ОСТРОВ

Пусть он останется безвестным
За далью призрачной неведомых морей,
Пусть он не станет вымеренным, тесным,
Как дом, как комната: от окон до дверей!

Чтоб с тонких берегов вседневности и жизни
В бинокль мечты чуть видеть мы могли,
Как пальмы клонятся в твоей отчизне,
Как тщетно к ней стремятся корабли.

Чтоб в море никогда не вышел Генуэзец,
Способный привести корвеллу к берегам.
Чтоб вечно без людей там красовался месяц
И радостью никто не наслаждался б там.

Август 1906

НИТЬ

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль кую и правлю стих —
Я все ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!

И я смотрю, раскрыв с усилием веки
Мечты, уставший, словно слабый глаз,
В грядущее! — как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.

Август 1906

* * *

Встав, прошумят и сгибнут города,
Пройдут и в бездну канут поколенья,
Просторы вод иссякнут без следа,
И станут басней вольные растенья,
Заполнив степи, горы, глубь морей,
Весь шар земной, что стал для жизни тесен,
По завоеванной планете всей
Единый город выступит, как плесень.

<1906>

* * *

Все ближе, все ближе, все ближе
С каждым и каждым мгновеньем
Бесстрастные Смерти уста,
Холоден ее поцелуй.
Все ниже, все ниже, все ниже
С покорным и сладким томленьем,
Чело преклоняет мечта,
Летейских возжаждавши струй.

Что пело, сверкало, манило,
Ароматы, напевы и краски,
Страсть, познание, борьба,—
Даже ты, даже ты,— Любовь,—
Все странно поблекло, остыло.
Скудны ненужные ласки,
Безразлична земная Судьба
И тягостно вечное: «Вновь!»

Но страшно суровых оценок
Судьи рокового — сознания,
Что днем, и во тьме, и во сне
Вершит свой безжалостный суд...
О, память! Кровавый застенок!
Где не молкнут стоны страданья,
Где радости плачут в огне
И скорби во льду вопиют.

Придите, придите, придите,
Последние милые миги,
Возжгите в немые уста
Смущенно слепой поцелуй.
Рвутся заветные нити,
Спадают с духа вериги,
С безумьем граничит мечта,
Летейских касаясь струй.

<1906>

* * *

Я безволен, я покорен
Пред холодным алтарем,
Длится труд — велик, упорен,—
Жернов мелет тайны зерен,
Грудь сдавил глухой ярем.

Кто я? раб неотрешимый
От тяжелых жерновов.
Кто я? раб неутомимый,
Узник я в цепи незримой,
Доброволец из рабов!

Мне открыты все дороги,
Я же медлю у ярма,
Слепнут очи, гнутся ноги,
Жгут лучи, и ветры строги,
И морозом жжет зима...

1906

БАЛАГАНЫ

Балаганы, балаганы
На вечерней площади.
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, — проходи.

Панорамы, граммофоны,
Новый синематограф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.

За зеленой занавеской
Отделение для мужчин.
Много шума, много блеска,
Смотрят бюсты из витрин.

Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.

«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки — из предметов
Отдаленнейших веков.

Это — с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко
Жизнь, чью надо, убавлять.

Это — царская корона
(Крест — один, алмазов — сто).
Ей могли во время оно
Делать Некиим — ничто.

Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».

Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.

Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы
На базарной площади.

7 января 1907

ЖИГУЛИ

Над вздой поникли ивы,
Гор лесистые извивы
Тайну прошлого хранят,
Луг и дали — молчаливы.
Луг и дали в зное спят.

Там шумит по Волге сонной
Пароход неугомонный
Меж пустынных деревень,
Мимо речки полусонной —
Тени плоские плотов.

Слева робко никнут ивы,
Справа — горные извивы
Тайну прошлого хранят;
Дали — скучно-молчаливы,
Виды — в жарком зное спят.

Земли, жаждущие плуга,
Грустны с Севера до Юга,
Вся прорезана река,
И струи твои друг друга
Гонят в лучшие века!

1907

* * *

Трубите в траурные трубы,
Закройте крепом зеркала,
Она лежит, сомкнувши губы,
И повторяет голос грубый:
Все совершилось! Умерла!

<1907>

СХОДНЫЕ РЕШЕНИЯ

Пора разгадывать загадки,
Что людям загадали мы.
Решенья эти будут кратки,
Как надпись на стене тюрьмы.

Мы говорили вам: «Изменой
Живи; под твердью голубой
Вскипай и рассыпайся пеной»,
То значит: «Будь всегда собой».

Мы говорили вам: «Нет истин,
Прав — миг; прав — беглый поцелуй,
Тот лжет, кто говорит: «Здесь пристапь!»
То значит: «Истины взыскуй!»

Мы говорили вам: «Лишь в страсти
Есть сила. В вечном колесе,
Вращаясь, домогайся власти»,
То значит: «Люди равны все!»

Нам скажут: «Сходные решенья
Давно исчерпаны до дна».
Что делать? разны поколения,
Язык различен, цель — одна!

<1908>

У ВАГОННОГО ОКНА

Дали сумрачны и хмуры.
И причудливы и строги,
Скалы сломанные Юры
Разместились вдоль дороги.
Поезд вьется между гор,
Беспощаден, верен, скор.

Милый поезд, издавна мы
Стали мирными друзьями.
Ты проводишь панорамы,
Я делюсь с тобой мечтами.
Сколько дум и сколько слез
Прожил я под гул колес!

Завтра я тебя покину,—
Каждый миг мы к цели ближе...
Что за жребий завтра выну
Я в мятущемся Париже?
Мне неизвестную печаль
Или стертую медаль?

Зов надежд всё безнадежней,
Всё безвольней ожиданья...
Но опять, с тревогой прежней,
Жду последнего свиданья.
Не пробьет ли страшный час,
Соблазнявший столько раз!

Милый поезд! может, вскоре,
Обходя вагон уснувший,
Я лелеять буду горе
О мечте, вновь обманувшей,
Вновь с тобой, и вновь один,
В далях северных равнин.

1909
Jura

Я И КОТ

Славный кот мой одноглазый,
Мы с тобой вдвоем.
Звезд вечерние алмазы
Блещут за окном.

Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины...
Звуки нежного анданте
За стеной слышны.

На диване, возле печки,
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.

Иль ты видишь в грезах крыши,
Мир полночных крыш,
Вдоль стены идешь и свыше
На землю глядишь.

Светит месяц, звезды светят...
Подойдешь к трубе,
Позовешь ты, и ответят
Все друзья тебе.

Хорошо на крышах белых
Праздники справлять
И своих врагов несмелых
К бою призывать.

О свободе возле печки
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.

Звуки нежного анданте
За стеной слышны.
Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины.

28 ноября 1909

* * *

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромнѣй,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный,
И утки вольные жизнь тешили в воде;

Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними — рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск;

Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных домов,
Промозглых, сумрачных, сырых, — какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.

Но изменилось всё! Ты стала, в буйстве злобы,
Всё сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль — модерн...

〈1909〉

Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощенье давних грез,
Мечты былые я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.

Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.

И вот взошли мои посева,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы — Все Напевы
Я повторил, веселый жнец!

<1909>

КЛАДБИЩЕ

Солнце палит утомленную землю,
В травах, и в птицах, и в пляске звериной,
Нудит ее расцветать, трепетать.
Гулу людских поколений я внемлю.
Буйно свершают свой подвиг недлинный
Люди, чтоб долго во тьме истлевать.

Полнятся гробы! полнее могилы!
Кладбища тянутся шире и шире
В шествии грозном всё новых веков,
Время настанет: иссякнут все силы
Дряхлой земли, и в подсолнечном мире
Всё будет — рядом могил и гробов!

Солнце палит утомленную землю.
Гнется тростник, и мелькают стрекозы
Около тихих, незыблемых струй.
Тайному вздоху под ивой я внемлю.
Первое счастье! первые грезы!
Чу! прозвучал в тишине поцелуй!

20 марта 1910

ВЕТРЕННЫЙ ВЕЧЕР

Шумят задумчивые липы.
Закат, сквозь частокол стволов,
Обводит на песке аллеи
Сиянием следы шагов.
Порой мучительные скрипы
Врываются в покорный шум...
И дали неба все синее,
И синий, дальний лес — угрюм.

О, царствуй, вечер, час раздумий;
Струись, журчи в душе, родник...
Иду вперед померкшим садом
И знаю — рядом мой двойник.
Иду вперед, в покорном шуме,
Порою слышу скорбный скрип...
И мой двойник безмолвный — рядом
Скользит вдоль потемневших лип.

26 июня 1910

ВЕЧЕР В ПОЛЕ

Солнце сквозь деревья
сыплет пылью золотой.
Белый, тощий месяц
в бледном небе сам не свой.

Словно желтый веер,
нив раскрыт широкий круг.
Где-то косы точат,
свежим сеном веет луг.

Тучки в небе дремлют,
час заката недалек...
Чу! запел протяжно
пастуший рожок.

4—5 июля 1910

ОДИНОКАЯ ЕЛЬ

Одинокая старая ель,
Еще сохраняя
Девичью стройность ствола,
Все шепчет чуть слышно про дальнюю цель,
Под ветром ветвями печально качая
И новые шишки роняя,
Всё новые шишки, еще, без числа...

Столетняя мать!
О чем ты так шепчешь? о чем ты мечтаешь?
Ты, древняя, хочешь детей увидеть,
Зеленые, стройные ели?
Год за годом с верхних ветвей
Ты новые шишки роняешь,
Чтобы увидеть своих встающих детей,
Чтобы шептать, умирая, о достигнутой цели.

Но кругом лишь поля,
У корней твоих реет дорога.
Или эта бесплодна земля?
Или небо к мечте твоей строго?
Ты одна.
Кропит тебя дождь; шевелит тебя буря;
За зимней стужей сияет весна,
И осень за летом приходит, глухая...
Столетняя ель,
Одинокая, ветви понуря,
Ветви под ветром качая,
Ты шепчешь чуть слышно про дальнюю цель.

24 июля 1910
Белкино

РАБЫ

Нас было много. Мы покорно
Свершали свой вседневный труд:
Мели осенний сад; упорно
От ила очищали пруд;

Срезали сучья у оливы;
Кропили пыльные цветы;
За всем следили, терпеливы,
От темноты до темноты!

Ах, мы одной горели жаждой,
Чтоб в час, когда с террасы в сад
Сойдет она,— листочек каждый
Был зелен, был красив, был рад!

И вот, дрожа, ложились тени,
Склонялось солнце, все в огнях,—
Тогда на белые ступени,
Со стеблем лилии в руках,

Она сходила... Боги! Боги!
Как мир пред ней казался груб!
Как были царственны и строги
Черты ее сомкнутых губ!

Походкой медленной и стройной
Среди кустов, среди олив,—
Богиня некая! — спокойно
Она скользила, взгляд склонив...

И, медленно достигнув пруда,
На низкой мраморной скамье
Садилась там, земное чудо,
В каком-то дивном забытье...

А мы, безумные, как воры
Таясь, меж спутанных ветвей,
В ее лицо вонзали взоры,
Дыша, как дикий сонм зверей...

Рождался месяц... Тихо, плавно
Она вставала, шла домой...
И билось сердце своенравно
У всех, у всех — одной мечтой!

Но что свершилось? — Кто сказал нам,
Что выбран был один из нас?
Кто, кто Сейда показал нам
Вдвоем с царицей в темный час?

Он весь дрожал, он был в испуге,
И был безумен черный лик,—
Но вдруг со стоном, как к подруге,
К царице юный раб приник.

Свершилось! Больше нет исхода,—
Она и он обречены!
Мы знаем: смерть стоит у входа,
Таясь за выступом стены.

Покорно мы откроем двери,
Дадим войти ей в тихий сад
И будем ждать в кустах, как звери,
Когда опять блеснет закат.

Зажгутся облачные змеи,
Сплетутся в рдяно-алый клуб...
И рухнет на песок аллеи
С царицей рядом черный труп!

6 декабря 1910

* * *

Желанье, ужасу подобное,
Меня опять влечет к стихам...
И снова, как на место лобное,
Вхожу в мой озаренный храм.

Покрыта грудь святыми ризами,
Чело под жреческим венцом,
И фимиам волнами сизыми
Клубится медленно кругом.

Входите! это — час служения,
Зажжен огонь, дверь отперта.
Мои заветные моления,
Не дрогнув, повторят уста.

Блаженны все, молчать умевшие,
Сокрывшие священный стих,
Сознанием пламенным презревшие
Вопль современников своих!

Они в блаженном одиночестве
Проникли в таинства души;
Приняв великие пророчества,
Твердили их в глухой тиши;

Они глубины тайн извели,
До дна испили свой восторг,
И вдохновенных грез не предали
На поруганье и на торг!

Но поздно! Жизнь моя расславлена,
Воздвигнут храм, дверь отперта...
Входите! Будет людям явлена
Моя запретная мечта.

5—6 октября 1909—6 декабря 1910

* * *

Не так же ль годы, годы прежде
Бродил я на закате дня,
Не так же ль ветер, слабый, нежный,
Предупреждал, шумя, меня.

Но той же радостной надежде
Душа, как прежде, предана,
И страстью буйной и мятежной,
Как прежде, все живет она!

Ловлю, как прежде, шорох каждый
Вечерних листьев, дум своих,
Ищу восторгов и печали,
Бесшумных грез певучий стих.

И жажды, ненасытной жажды
Еще мой дух не утолил,
И хочет он к безвестной дали
Стремиться до последних сил.

<1910>

ВЕСНА

С пестрым мешком за плечами татарин,
В чуйке облезлой веселый мужик,
С дымной сигарой задумчивый барин,
Барышня в синем — безмысленный лик.

После гигантских домов — два забора,
«Фиалки, фиалки!» — «Шнурки, гуталин!»
Быстро отдернулась белая штора:
Девочка с кудрями в раме гардин...

Шумно вдоль мокрых бегут тротуаров,
Детям на радость, живые ручьи,
В думах, как зарево дальних пожаров,
Светят прошедшие весны мои.

21 февраля 1911

* * *

За вечера видений вот расплата!

Книга раздумий

Душа томится надеждой тщетной
Вернуть былую, святую мощь...
Как всё поблекло — так незаметно! —
Как бледно небо и зелень рощ!

Дрожит вершина родной березы,
Вот трясогузка трясет хвостом...
Я помню смутно живые грезы
И счастье жизни в глухом былом...

Бежал бы прежде я в это поле,
Я пил бы запах медвяных трав...
Но чую в теле, но чую в воле
Гнет беспощадный земных отрав.

Ах, слишком много я жаждал видеть,
Искал видений, волшебных снов,
Умел любить я, смел ненавидеть...
И стали страсти — как груз оков!

В листву березы бьет солнце ярко,
И птицы громко кричат «чьи-чьи»!
О, свод небесный! победы арка!
Войду ль в оковах в врата твои!

25 мая 1911

* * *

Я видел много городов,
И малых и больших,
Я слышал сонмы голосов,
Гудящих в стенах их.

Я видел склоны грозных гор,
Ширь радостных морей,
Я знал восторг, я знал позор,
Все омуты страстей.

Что ж мне осталось в мире сем?
Он предо мной — как склеп.
Я песни пел, — и вот я нем,
Я видел огонь, — и слеп!

Я помню: ненависть, любовь,
Молитвы, ужас, бред...
Ужели начинать мне вновь
Весь круг былых побед?

Где новый Дант? другой Шекспир?
Невиданный закат?
Я до конца прошел весь мир,
И нет путей назад!

1 августа 1911

ВОРОБУШЕК

Озими зеленые, оголенный лес,
Небо серо-синее, мертвые цветы,
Станции заброшенной сумрачный навес,
И в мечтах задумчивых — маленькая ты.

Милый мой воробушек! ты клюешь подсолнух,
Прыгаешь доверчиво, смело предо мной;
Оба мы купаемся в предосенних волнах:
Ты с своей заботою, я с своей мечтой.

Пусть, бросая в воздух бело-серый дым,
Мимо нас стремительно мчатся поезда,—
Мы живем мгновением, кратким и одним,
Мы мгновеньем счастливы, нынче, как всегда.

Осень пусть кончается; взвеют вихрем вьюги
Белый снег над яркостью поздних озимей,
Будут мертвы бороны, будут мертвы плуги.
Ты зиме доверишься, я — мечте моей.

Прыгает воробушек, облака ползут,
Лес стоит безжизненный над простором нив,
Хорошо довериться быстрым снам минут,
Чувствовать, что в вечность я влюблен и жив.

4 октября 1911

* * *

Так повелел всесильный Демиург,
Чтоб были люди ремеслом различны.
Тот — плотник, тот — купец, тот — драматург,
Те — камни класть, те — суд вести привычны.

Но ты — ты выбрал жребий необычный:
Художник ты, и также ты хирург!
Ты лечишь люд, и сельский и столичный,
И пишешь нам блеск дня и темень пург.

Так ты творца провел лукаво за нос,
Нарушив, им назначенный, устав:
Ты — разен, как Протей, двулик, как Янус!

Прими же от меня, средь разных слав,
И мой сонет, что преломил, как в призме,
Недавний спор о материализме.

23 декабря 1911

* * *

Двадцать лет назад ты умерла.
Как же нынче снова ты пришла
В тихом сне, ко мне, — с лицом печальным.
С тихим голосом, как будто дальним,
Та же, та же, что́ была тогда!
Пред тобой я плакал без стыда
О годах, прожитых бесполезно.
Ты сказала тихо: «Ночью звездной,
Здесь, в каких-то четырех стенах,
Ты уснешь на белых простынях,
И в стране, где счастье безбрежней,
Встречу я тебя улыбкой прежней!»
Облелея нежностью былой,
Снова был я мальчиком с тобой,
Целовал протянутые руки,
И, чрез годы медленной разлуки,
Душу скорбную ласкала вновь
Первая блаженная любовь.

Декабрь 1911

* * *

Две тени милые, два данные судьбой
Мне ангела...

Пушкин

Как ангел тьмы и ангел света,
Две тени строгие со мной,
И властно требуют ответа
За каждый день и подвиг мой.

Один, «со взором серафима»,
Лелеет сон моей души,
Другой, смеясь, проходит мимо
И дерзко говорит: спеши!

Но лишь я вслед за ним дерзаю,
Бросаясь в гибельный хаос, —
Дружой зовет к земному маю,
К блаженству думы, к счастью слез.

И каждый вечер — двое! двое!
Мне произносят приговор:
Тот — неземное, тот — земное,
Кляня, как ужас и позор.

Но неземное сходно с бездной,
В которую готов я пасть,
А над земным свой полог звездный
Волшебной распростерла страсть.

И я, теряя в жизни грани,
Не зная, душу где сберечь,
В порыве темных отрицаний
На ангелов взношу свой меч!

1907. 1911

МОЕЙ ДЖЕННИ

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Пушкин

Уже овеянная тенями,
Встречая предзакатный свет,
Там, за пройденными ступенями, —
Мечта моих начальных лет!

Все тот же лик, слегка мечтательный,
Все тот же детски-нежный взор,
В нем не вопрос, — привет ласкательный,
В нем всепрощенье, — не укор.

Все клятвы молодости преданы,
Что я вручал когда-то ей,
До дна все омуты изведаны
Безумств, желаний и страстей.

Но в ней нетленно живо прежнее,
Пред ней я тот же, как тогда, —
И вновь смелее, безмятежнее
Смотрю на долгие года.

Она хранит цветы весенние,
Нетленные в иных мирах,
И так же верю прежней Дженни я,
И те же клятвы на устах.

〈1911〉

**В ОТВЕТ ТОМУ,
КТО ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ «ВЫБОР»**

К. Бальмонту

Давно, средь всех соблазнов мира,
Одно избрал я божество,
На грозном пьедестале — лира,
Лук беспощадный в длани бога,
В чертах надменных — торжество.

Я с детства верен стреловержцу,
Тому, кем поражен Пифон,
И любо пламенному сердцу,
Когда в душе кипит тревога
В предчувствии, что близок он.

Иду меж торжищ и святилищ,
Слежу земные суеты;
Но в тайнике моих хранилищ
Я берегу одно лишь: гимнам
Мной посвященные листы.

Меня венчают иль поносят,
Мне дела нет. Как клевету,
Приемлю лавр, что мне подносят,
И в блеске дня, и в мраке дымном
Храня свободную мечту.

1911

* * *

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За кремлевскую стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились —
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.

Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов!

<1911>

* * *

Прости мой стих, безумьем гневный,
Прости мой смех, на стон похожий!
Измучен пыткой ежедневной,
Я слез твоих не разгадал!

Мы снова брошены на ложе,
И ты рукой, почти бессильной,
Но все торжественней, все строже
Мне подаешь святой фиал.

Кругом чернеет мрак могильный,
Жизнь далеко, ее не слышно,
Не это ль склеп, глухой и пыльный,—
Но ты со мной — и счастлив я.

<1911>

* * *

- Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!
- Что же будет, что же будет с прежней тьмой?
- Тьма исчезнет, тьма растает в блеске дня!
- Ах, уже лучи, как пламя, жгут меня!
- Будь же счастлив, будь же светел в светлый час!
- Таю в блеске, исчезаю, я — погас.
- Что же ты не славишь в песне вечный свет?
- У того, кто гаснет в свете, песен нет.
- Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!
- Вижу свет, но я окутан прежней тьмой.

21 января 1912

* * *

Чуть видные слова седого манускрипта,
Божественный покой таинственных могил,
И веянье вокруг незримых дивных крыл,—
Вот, что мечталось мне при имени Египта.

Но всё кругом не то! Под тенью эвкалипта
Толпятся нищие. Дым парохода скрыл
От взглядов даль песков, и мутен желтый Нил.
Гнусавый вой молитв доносится из крипта.

Я вечером вернусь в сверкающий отель
И, с томиком Ренье прилегши на постель,
Перенесусь мечтой на буйный берег Сены.

О, гордый фараон, безжалостный Рамсес!
Твой страшный мир погиб, развеялся, исчез,—
И Хронос празднует бесчисленные смены.

9 марта 1912

ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадней «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.

Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан;
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.

Но есть еще мечта, чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года:
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! наш брат! двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлучены!

Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

28 мая 1912

* * *

Зыблются полосы света
В черной, холодной воде.
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

Небо закрыто туманом,
Звезды незримы во мгле.
Тайным и горьким обманом
Облито все на земле.

Вы, фонари! — повторенья
Светлых, небесных очей,
Как ваше зыбко дробленье
В сумраке черных ночей.

Ты, неживого канала
Черная, злая вода, —
Как ты дробишься устало,
Сжата в гранит навсегда!

Зыблются отблески света, —
Блеск фонарей на воде...
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

1 ноября 1912
Петербург

* * *

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком — идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее — грусть, безнадежность — уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги — вперед!

1912

* * *

Сердце утомленное хочет одного,
Глупенькая девочка, — счастья твоего.

Ты встречаешь радостно нежную весну.
Ожиданья тайные я ли обману?

В чью-то душу робкую я сошел, как бог,
И возвращаю цветики вдоль ее дорог;

И, как солнце майское в небе голубом,
Я горю надеждами, я дышу теплом;

Властным мановением жизнь пробуждена...
Пусть же радость празднует новая весна!

Пусть поля оденутся в зелень и цветы, —
Я хочу, чтоб юностью опьянилась ты!

Что бы в сердце ни было, знаю я одно:
Быть с тобою ласковым, нежным мне дано.

И слова безумные, те же, что всегда,
Повторяю кротко я: «Любишь? любишь?» — «Да».

1912

* * *

Как струны оборвавшейся жалобный звук,
В сердце — эхо недавних желаний и мук.
Детский взор, милый лик, прелесть ласковых рук, —
Почему это все стало чуждым мне вдруг?

За окном уже день, и сквозь прѣсветы штор
Наглый луч на кровать смотрит прямо в упор.
Плечи молча целую, бесправно, как вор,
Знаю, понял: окончен мучительный спор...

Ночи гаснет недолгий, обманчивый бред.
В безразличьи твоём есть безмолвный ответ,
И «не знаю» звучит беспощадней, чем «нет»...
Заливает двоих все решающий свет.

Нынче — осень, вчера ликовала весна;
Кто жестоко исчерпал всю душу до дна?
Из подушек ты смотришь, как прежде, ясна,
Но уныло звенит, умирая, струна...

1912

❖ * *

Но есть сильнее очарованье.

Ф. Тютчев

Любовь, как властный недруг, вяжет,
Любовь, смеясь, ведет на казнь
И слов пощады нам не скажет.
Но сладостны ее насилья,
Мы за плечами чуем крылья
И в сердце — радость, не боязнь!

Страсть — властно налагает цепи,
Страсть угнетает, как тиран,
И нас влечет в нагие степи,
Там мы, без сил, клянем миг каждый,
Там, истомясь от смертной жажды,
Мы гибнем от позорных ран.

Но, если, совершая чудо,
Тюрьму вскрывает нам Любовь,—
Мы радостно бежим оттуда.
Когда ж спадают цепи страсти,
Мы — все в ее волшебной власти
И сами к ней приходим вновь!

1912

* * *

Безумец! думал плыть ты по
Спокойной влаге, в сладкой дреме,
Но, как герой Эдгара По,
Закручен в бешеном Мальстрёме?

Летят, свистят извивы волн,
Их громовые стоны звонки;
Летит твой наклоненный челн
В жерло чудовищной воронки.

Но, как герой жестоких Tales¹,
Припомни книгу Архимеда:
Лишь разум не сошел бы с рельс,
И мысли суждена победа!

Мой разум, бодрствуй! мысль, гори!
Мы с вами созданы для рыб ли?
В душе мерцает свет зари...
Мой разум! нет, мы не погибли!

1912

* * *

Огни! лучи! сверканья! светы!
Тот ал, тот синь, тот бледно-бел...
Слепит авто, с хвостом кометы,
Трам, озаряя, прогремел.

¹ Рассказы (англ.).

В вечерний сумрак, в шаткость линий
Вожглись, крутятся, огни реклам,
Зеленый, алый, странно-синий...
Опять гремит, сверкая, трам.

На лицах блеск — зеленый, алый...
На лицах смерть, где властен газ...
Но буен город, пьяный, шалый,
Справляющий вечерний час.

Что день! Ночь блещет алым, синим,
Оранжевым, — любым лучом!
На облака мы светы кинем,
Мы небо буквами зажжем!

О солнце мы в огнях забыли:
Опал, берилл и хризолит...
И россыпью алмазной пыли
Пред небом город заблестит!

1912

РЕБЕНОК

Сонет

Тебе тринадцать лет, но по щекам, у глаз,
Пороки, нищета, ряд долгих унижений
Вписали тщательно свой сумрачный рассказ,
Уча — все выносить, пред всем склонять колени.

Под шляпку бедную лица скрывая тени
И грудь незрелую под выпцветший атлас,
Ты хочешь обмануть развязностью движений,
Казаться не собой, хотя б на краткий час!

Нарочно голос свой ты делаешь жесточе,
Встречаешь хохотом бесстыдные слова,
Чтоб стать подобной им, — тем жрицам нашей ночи!

И подымаешь ты, в порыве удалства,
Высоко свой подол у полных людом конок,
Чтоб кто не угадал, что ты еще ребенок.

1912

* * *

Всем душам нежным и сердцам влюбленным,
Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей весны,
Я плюю привет напевом умиленным.

Вокруг меня святыня тишины,
Диана светит луком преклоненным,
И надо мной, печальным и бессонным,
Лик Данте, вдаль глядящий со стены.

Поэт, кого вел по кругам Вергилий!
Своим сверканьем мой зажги сонет,
Будь твердым посохом моих бессилий!

Пою восторг и скорбь минувших лет,
Яд поцелуев, сладость смертной страсти...
Камены строгие! — я в вашей грозной власти.

<1912>

* * *

Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском,
Я бы ответить желал звуками тех же времен,
Но дерзну ль состязаться с Титаном, себе подчинившим
Все наречья земли, словно все ветры Эол,
С тем, кто в строки письма влагает Симмаха сладость,
Кто в авсонийский размер Пушкина стих
заклучил.
Нет, обращаться не смею к другим благосклонным
Каменам.

Я Полигимнии лишь скромный вручаю ответ,
Муза, любовно скажи «quam mellea res set epistula»¹,
Если, как подпись, стоит Федор Евгеньевич
Корш.

1912

¹ Сколь приятно должно быть послание (лат.).

* * *

Есть некий час всемирного молчанья.

Ф. Тютчев

День красочный, день ярко-пестрый;
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.

Всходя по лестнице небесной,
Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!

И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умилением,
Непобедимо-верных слов.

По сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделенья на земле.

Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей
Рукой оледеняет страсть.

Подходит страшный час незнания,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчанья,
Ты с Тайной жизни близишь нас!

7 мая 1913

* * *

Разбегаются снова поля за окном,
Темный лес по окружности медленно вертится,
Сеть из проволок то на кругу голубом,
То на поле зеленом отчетливо чертится.

Дальний путь, дальний путь, дальний путь, дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами сказано?
Убежать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.

Милый Макс! да, ты прав! под качанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их «титатю»,
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь в полях, за болотистой Припятью.

29 июня 1913

* * *

Строго и молча, без слов, без угроз,
Падает медленно снег;
Выслал лазутчиков дряхлый Мороз,
Непобедимый стратег.

Падают хлопья, угрюмо кружась,
Строго и молча, без слов,
Кроют сурово осеннюю грязь,
Зелень осенних лугов.

Молча,—послы рокового вождя,—
Падают вниз с высоты,
Кроют овраги в полях, возводя
С горки на горку мосты.

Выслал лазутчиков дряхлый стратег,
Скоро появится рать.
Падая молча, безжизненный снег
Хочет всю землю ровнять.

Чу! не трубит ли воинственный рог,
Не авангард ли идет?
Изморозь бело блестит вдоль дорог,
Речки затянуты в лед.

Падают хлопья, спокойно кружась,
Делают дело без слов:
Скрыли покровы осеннюю грязь,
Скрыли просторы лугов.

Лед над водой, над полянами снег,
Слиты мостами холмы.
Вьюга трубит... Выступает стратег
Старой царицы Зимы.

25 августа 1913

* * *

Мне кажется, что в саване я,
Лежу в глухой земле.
Где все восторги плавания
Под солнцем и во мгле?

И призраки томительные
Проходят предо мной.
Стучат часы медлительные,
Поют «Ты *был* живой».

И лишь одна, единственная
Тень меж других теней,—
Как вестница таинственная
Грядущих новых дней.

Душа, душа, обманутая
Так много, много раз,
Ужели даль оглянута
Опять обнимет нас?

И, снова мукам преданная,
Душа, ты будешь петь,
А тайна неизведанная
В мои глаза глядеть?

Нет, нет! Еще не в гавани я,
Мой путь не завершен!
Вновь будут буйства плавания,
Вновь вспыхнет небосклон!

〈Декабрь〉 1913
Эдинбург II

После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!
 Тайно двоих на лугу пояс обвинил золотой!
 Кто же пред нами мелькает: бабочка-страсть,
 однодневочка,
 Иль Афродиты посол, тот мотылек роковой?

Мы, закрывая глаза, бежим за блестящим видением,
 Призрак, мелькнувший на миг, думаем в сетку
 поймать.

Не обернется ли он сурово-торжественный гением,
 Иль на высокий Олимп не возвратится ль опять?

Так, беспечные, мы преследуем гения вечности.
 Веет над лугом цветов нежный, как мед, ветерок.
 Ах, что готовит Любовь, как месть, роковой беспечности?
 Ах, не метнет ли стрелой гибельной — в нас —
 мотылек?

1913

Три змеи, три кольца, окружили меня,
 И в глаза мне глядят шесть сверканий огня.
 Давят кольца всё крепче, всё ласковей грудь,
 Я, под яростью ласки, не в силах вздохнуть.

Три змеи, три кольца, оплелись вокруг меня;
 Кольца: алое, черное, все из огня;
 В их объятьях, простерт, я недвижим, как труп,
 Ищут жадные губы безжалостных губ.

Три змеи, три кольца, обвились вокруг меня,
 Я — в кольце из желез, я — в кольце из огня;
 Оплетают мне тело шесть ласковых рук,
 Чуть дышу, чуть вздыхаю под нежностью мук.

Три змеи, три кольца, окружили меня,
 В теле — смерть, в сердце — ужас, в глазах —
 блеск огня.

Всё тесней, всё нежней, за изгибом изгиб,
 В муках ласк обмираю, я гибну, погиб...

1913
 Москва

* * *

Как из коры точит желтеющую камедь,
В Аравии, согбенный ствол,
Так медленно точит измученная память
Воспоминанья благ и зол.

Но меж всех обликов, что, плача и ревнуя,
Моя мечта навеки избрала, —
Воспоминание святого поцелуя,
Что девушка, вся в черном, мне дала.

Был пуст туманный порт, весь мир как будто вымер;
Колеблемый в береговой воде,
Стоял у пристани заокеанский стимер,
Готовясь ввериться своей звезде.

Я, одинокий, ждал, склоняясь к черным водам.
Была душа уныла и пуста...
И девушка, спеша по сходням, мимоходом,
Мне поцелуем обожгла уста...

1913

* * *

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслышал шум жизни мировой:
От гула поездов до стога волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих до властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб невидимого сева
На ниве жизненной во все ее концы, —
Я вдруг почувствовал, как страшно необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине бытия!

Верхарн! ты различил «властительные ритмы»
В нестройном хаосе гудящих голосов.

1913

Проходит день, как смена отражений —
Разноголосица движений, красок, слов,
И строго ночь восходит на ступени,
Цвета лучей преображая в тени,
За шумом дня вскрывая тихость снов.

«Есть некий час всемирного молчанья».
Спит суета и онемела страсть...
Впивая тишь в волнах благоуханья,
Тогда лови иных миров качанья,
Чтоб, как река, в простор вселенной впасть.

1913

Я в море не искал таинственных Утопий,
И в страны звезд иных не плавал, как Бальмонт,
Но я любил блуждать по маленькой Европе,
И всех ее морей я видел горизонт.

Меж гор, где веет дух красавицы Тамары,
Я, юноша, топтал бессмертные снега;
И сладостно впивал таврические чары,
Целуя — Пушкиным святые берега!

Как Вяземский, и я принес поклон Олаю,
И взморья Рижского я исходил пески;
И милой Эдды край я знаю, — грустно знаю:
Его гранитам я доверил песнь тоски.

Глазами жадными я всматривался долго
В живую красоту моей родной земли;
Зеркальным озером меня ласкала Волга,
Взнося — приют бывших — Жигули.

Страна Вергилия была желанна взорам:
В Помпеи я вступал, как странник в отчий дом,
Был снова римлянин, сходя на римский форум,
Венецианский сон шептал мне о былом.

И Альпы, что давно от лести лицемерной
Устали,— мне свой блеск открыли в час зари:
Я видел их в венцах, я видел — с высей Берна —
Их, грустно меркнувших, как «падшие цари».

Как вестник от друзей, пришел я в Пиренеи,
И был понятен им мой северный язык;
А я рукоплескал, когда, с огнем у шеи,
На блещущий клинок бросался тупо бык.

Качаясь на волнах, я Эльбы призрак серый
Высматривал, тобой весь полн, Наполеон,—
И, белой полночью скользя в тиши сквозь шхеры,
Я зовам викингов внимал сквозь легкий сон;

Громады пенные Атлантика надменно
Бросала предо мной на груди смуглых скал;
Но был так сладостен поющий неизменно
Над тихим Мэларом чужих наяд хорал...

На плоском берегу Голландии суровой
Я наблюдал прилив, борьбу воды и дюн...
И в тихих городах меня встречали снова
Гальс — вечный весельчак, Рембрандт — седой вещун.

Я слушал шум живой, крутящийся в Париже,
Я полюбил его и гул, и блеск огней,
Я забывал моря, и мне казались ближе
Твои, о Лувр,

Но в мирном Дрездене и в Мюнхене спесивом
Я снова жил отрадной тишиной,
И в Кельне был мой дух в предчувствии счастливом,
Когда Рейн катился предо мной.

Я помню простоту сурового Стефана,
Стокгольм — озерных вод и «тихий» Амстердам,
И «Сеп»'у в глубине Милана,
И вставший в темноте Кемпера гордый храм.

О, мною помнятся — мной не забыты виды:
Затихший Нюнесгейм! торжественный Кемпер!
Далекий Каркасон! пленительное Лидо!..
Я — жрец всех алтарей, служитель многих вер!

Европа старая, вместившая так много
Разнообразия, величий, красоты!
Храм множества богов, храм нынешнего бога,
Пока земля жива, нет, не исчезнешь ты!

И пусть твои дворцы низвергнутся в пучины
Седой Атлантики, как Город Шумных Вод, —
Из глуби долетит твой зов, твой зов единый,
В тысячелетия твой голос перейдет.

Народам Азии, и вам, сынам Востока,
И новым племенам Австралии и двух
Америк, — светишь ты, немеркнувшее око,
Горишь ты, в старости не усыпленный дух!

И я, твой меньший сын, и я, твой гость незванный.
Я счастлив, что тебя в святыне видел я,
Пусть крепнут, пусть цветут твои святыне страны
Во имя общего блаженства бытия!

1913

* * *

Опять мой посох приготовлен,
Все тот же, старый и простой,
И день отбытия условлен —
Отмечен роковой чертой.

Там, за окном, в пустом пространстве,
Все тот же — милый лик луны.
Кругом — трофеи прежних странствий,
Как память мира и войны.

Там — камни с гор, там — лук и стрелы,
Там — идолы, там — странный щит,
Мой облик, грустно-поседелый,
На них из зеркала глядит.

Вот — карты; резко исчертила
Их чья-то сильная рука.
Вот — книги; что когда-то жило,
Звучит в них — зов издавека!

А там — собрание всех приветствий,
Дипломов пышных и венков...
(О, слава! Как приманчив в детстве
Твой льстивый, твой лукавый зов!)

Так почему ж, под мирной сенью,
Мне не дремать покойным сном,
Не доверяться наслажденью
Мечты о буйном, о былом?

Я окружен давно почетом,
Хвалой ненужной утомлен.
Зачем же бурям и заботам
Я брошу мой счастливый сон?

<1913>

* * *

— Плохо приходится старому лешему,
Мне, горемычному, брат домовой!
Всюду дороги — телегам и пешему,
Летось от пса я ушел чуть живой,
Сын было думал помочь мне, — да где ж ему,
Бок ему месяц лечил я травой.

— Плохо, брат леший, и мне, домовому,
Фабрики всюду, везде корпуса,
Жить стало негде, дом каменный к дому,
В комнатах лампы горят, как глаза;
Веришь, и думать забыл про солому,
Видно, придется и мне к вам в леса.

<1913>

* * *

Ступени разрушенной лестницы
Уводят в глубокий овраг,
Где липы, столетью ровесницы,
Вечерний нахмурили мрак.

Река обегает излучиной
Приниженный берег. Во мгле
Толпой, беспорядочно скученной,
Рисуются избы в селе.

Лесами просторы обставлены,
Поет недалекий родник...
О город, о город отравленный,
Я здесь, твой всегдашний двойник!

28 июня 1914

ЭЛЛИСУ

Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!
Годы идут, а мечте все любезней
Грешные песни любви.

Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...
Ах, поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!

Ах! за мгновенье под свежей сиренью
С милой — навек я отдам
Слишком привычных к нездешнему пенью
Оных мистических Дам.

Их не умею прославить я в песне...
Сердце! опять славословь,
С годами все умиленней, чудесней,
Вечно земную любовь!

1914

ЛИСТОК, СПРЯТАННЫЙ В КОРЕ

Над Озером Грез, где большие березы
Любовно дрожат на вечерней заре,
Они, в летний день, свои детские грезы
Доверили белой коре.

В заветном листке было сказано много:
О чем они робко мечтали вдвоем,
О чем они тайно молили у бога
В недавнем прекрасном былом.

В тот день, как свершились бы эти мечтанья,
Как правдой надежды их сделал бы Рок,—
Они бы вернулись на место свиданья,
Чтоб вынуть поблекший листок.

И дерево свято в груди сохраняло
Листок пожелтый с чуть видной каймой,
В июле ветвями его обвевало,
Хранило от стужи зимой.

Мечты же писавших не сбьлись. Таила
Судьба приговор: им не встретиться вновь!
И юношу зло сторожила могила,
Ее же — другая любовь.

Но все же остались их юные души
На старом листке у свидетеля грез:
О маленькой Мане и бедном Илюше
Твердят колыханья берез.

25 октября 1914

* * *

Не как молния, смерти стрела,
Не как буря, нещадна и зла,
Не как бой, с грудой жертв без числа,
Не как челн, на волнах без весла,—
Тихим утром Любовь снизошла.

Как пророк, я в грозе, я в огне
Бога ждал,— он предстал в тишине.
Я молюсь просиявшей весне;
Сын полей, в голубой вышине,
Небу песню поет обо мне.

Пой певучую песню, певец:
«Эти дни — над всей жизнью венец!
Слышишь стук двух согласных сердец?
Видишь блеск двух заветных колец?
Будь любим — и люби, наконец!»

*1 ноября 1914
Варшава*

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

Быть может, я в последний раз
Свою дорогу выбираю,
На дальней башне поздний час
Звенел. Что в путь пора, я знаю.

Мой новый путь, последний путь,
Ты вновь ведешь во глубь ущелий!
Не суждено мне отдохнуть
В полях весны, под шум веселий!

Опять голодные орлы
Над головой витают с криком,
И грозно выступы скалы
Висят в безлюдии великом;

Опять, шипя, скользит змея,
И барс рычит, пустынножитель;
Но шаг мой тверд, и снова я —
Охотник, странник и воитель.

Пусть годы серебрят висок,
Пусть в сердце тупо ноют раны; —
Мой посох поднят, путь далек,
Иду чрез горы и туманы.

На миг мне виден с высоты
Тот край, что с детства взоры манит.
Дойду ль до сладостной черты,
Иль Смерть мне на пути предстанет?

Но знаю, прежде чем упасть,
Чем вызов Смерти встретить дружно, —
Мне снова улыбнется страсть
Улыбкой ласково-жемчужной.

Последней, роковой любви
Слова я прошепчу на круче,
И,— словно солнце, всё в крови,—
Пусть жизнь тогда зайдет за тучи!

18 ноября 1914

ВСХОЖДЕНИЕ

А лестница все круче...
Не оступлюсь ли я?

Urbi et Orbi

Как винт чудовищный, свиваясь вокруг стены,
Восходит лестница на высь гигантской башни.
Давно исчезло дно безмерной глубины,
Чтоб дальше сделать шаг, все должно быть бесстрашной.

За ярусом — другой; сквозь прорези бойниц
Я вижу только ночь да слабый отблеск звездный;
И нет огней земли, и нет полночных птиц,
И в страшной пустоте висит мой путь железный.

Направо к камням жмусь; налево нет перил;
Зловеще под ногой колеблются ступени.
Гляжу наверх — темно; взглянуть назад — нет сил;
Бессильный факел мой бросает тень на тени.

Кто, Дьявол или Бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне?
И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на склоне?

И что там, в высоте? божественный покой,
Где снимет предо мной Изида покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой,
И эхо прокричит во тьме: «Начни сначала!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой; мой дух восхождением хмелен.
Огонь мой, дослужи! нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспределен?

8 декабря 1914
Варшава

Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи,
Все кажется,— под дальний гул пальбы:
Дрожит земля до самых средоточий.
И падают огромные столбы.

Все кажется, под страшный ропот боя,
Что старый мир разрушиться готов.
Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?

Не жаль сознанью новой Атлантиды!
Пусть покрывает ясность глубины
Всю ложь веков, предвечные обиды
И тщетные, не явленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн безвестных,
Не знающий, что в прошлом были мы:
О нем мечтаю, в свете звезд небесных,
Под гул пальбы смотря в провалы тьмы!

12 декабря 1914
Варшава

ДВА ВРАГА

Над глубиью бездны перекинут,
Повис дрожащий узкий мост.
Над ним в холодном небе стынут
Лучи всегда бесстрастных звезд.

И здесь, на зыбкой середине
Моста, сошлись мы, два врага.
Сошлись одни в ночной пустыне:
Вкруг — бездна, звезды да снега!

Узнав друг друга в мгле неверной,
Мы стали: между нами — шаг;
И мост качается размерно,
Соперник третий, третий враг.

Я видел беглый блеск кинжала
В твоей, скользнувшей вбок, руке;
Моя рука револьвер сжала,
И замер палец на курке.

Молчим. Но не мелькнет минута,
И чья-то грудь, не знаю чья,
Покинув этот мост согнутый,
Прильнет на дне к струе ручья.

Вдруг глянул месяц серповидный.
О, как лицо твое бледно!
В нем страх и гнев! — Как мне завидно!
О почему — мне *все равно!*

12 декабря 1914
Варшава

БОЛЬШЕ НИКОГДА

Когда Данте проходил по улиц,
девушки шептали: «Видите, как лицо
его опалено адским пламенем!»

Летописец XIV века

Больше никогда на нежное свиданье
Не сойду я в сад, обманутый луной,
Не узнаю сладкой пытки ожидания
Где-нибудь под старой царственной сосной.

Лик мой слишком строгий, как певца Inferno,
Девушек смущает тайной прошлых лет,
И когда вдоль улиц прохожу я мерно,
Шепот потаенный пробегает вслед.

Больше никогда, под громкий говор птичий,
Не замру вдвоем у звонко-шумных струй...
В прошлом — счастье встречи, в прошлом — Беатриче,
Жизни смысл дающий робкий поцелуй!

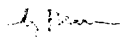
В строфах многозвучных, с мировой трибуны,
Может быть, я вскрою тайны новых дней...
Но в ответ не встречу взгляд смущенно-юный,
И в толпе не станет чей-то лик бледней.

Может быть, пред смертью, я венок лавровый
Смутно угадаю на своем челе...
Но на нем не лягут, как цветок пунцовый,
Губы молодые, жаркие во мгле.

Умирают молча на устах признанья,
В мыслях скорбно тают страстные слова...
О, зачем мне снятся лунные свиданья,
Сосен мягкий сумрак и в росе трава!

1914

ГЕРМАНИЯ

Отрывки

1

Германия! Германия!
Опять, как яростный поток,
Разрушивший плотины,
Ты рухнула на потрясенный мир,
Грозя залить окрестные долины,
Как древле,
В дни готов, франков, вандалов
И в дни Атилы;
Как после,
Во дни твоих губительных походов
На беззащитную, усталую Италию;
И как недавно,
Во дни разгрома Франции несчастной.
Опять,
Сломав плотины,
Ты рухнула, как яростный поток,
Весь в брызгах пены.

Но вещая надежда в нас
Таится, что об эти наши стены,
На этот раз,
Ты разобьешь свои дерзания!
Что в третий раз
Ты не разрушишь Рима!
Германия! Германия!

Стремись волной неукротимой,
Влеку свой яростный поток.
Рок
Во имя Права, Красоты, Свободы
Вспять обратит бушующие воды!

2

Германия! Германия!
Почти поверил легковверный мир,
Что по твоим полям прошла мечта —
Титания,
Что покорил тебя Орфей веков — Шекспир!
Что твой священный сын, богоподобный Гете,
В тебя сумел вдохнуть гармонию, что ты
В таинственном полете
Мечты
Достигла вдохновенной высоты...

1914

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНКА

Аллегория

И вот в железной колыбели
В громах родится новый год.

Ф. Тютчев

Ты спишь «в железной колыбели»,
И бабка над тобой, Судьба,
Поет, но песнь ее — пальба,
И светит в детской — блеск шрапнелей.

Сейчас скончался старший брат.
Вот он лежит в одежде ратной...
Должник несчастный, неоплатный,
Он, кажется, был смерти рад.

Чу! соскочив поспешно с «бенца»,
Вошел отец, двадцатый век,
Сел, подписал огромный чек
И бросил на постель младенца.

Печально улыбнулась мать
Эпоха: ей знакомы эти
Подарки в люльке... Те же дети
Должны без гроша умирать!

И, на портреты предков глядя,
Она вперила взор в один:
Седой, поникший господин:
Век девятнадцатый, твой дядя!

Меж тем твой дед — бессмертный Рок
Угрюмо дремлет в старом кресле.
Былые дни пред ним воскресли:
Грозит Аттила, жив Восток...

Он спит... Внезапно, как химера.
Неведомая гостья в дом
Влетает... Шелестя крылом,
Вещает радостно: «Я — Эра».

А за дверями, как и встарь,
Меж слуг выходит перебранка.
История, как гувернантка,
Зовет ребенка за букварь;

Ему винтовку тащит Время,
Седой лакей; его жена,
Статистика, возмущена,
Кричит, что то младенцу — бремя.

Шум, крик. Но дряхлая Судьба,
Клонясь упрямо к колыбели,
При ночниках — огнях шрапнелей,
Поет, и песнь ее — пальба!

31 декабря 1914 — 1 января 1915

ВИТРАЖ — ТРИПТИХ

С р е д н я я ч а с т ь
Рыцарь по отмели едет один.

Л е в а я с т в о р к а
Дева томится в молельне вечерней.

П р а в а я с т в о р к а

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Р а м а

Алые розы в сплетении терний.

Р ы ц а р ь

Рыцарь по отмели едет один;
Взор, из-под шлема, уныло-спокоен;
Блещет в щите, посредине, рубин;
Конь златосбруйный, и мощен и строен.

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен,
Смотрит в широкую синюю даль.
Что тебя мучит, задумчивый воин:
Слава и смерть иль любовь и печаль?

Блещет в щите, посредине, рубин,—
Золото справа и золото слева...
То талисман или память годин?
Нет, твой подарок, далекая дева!

Рыцарь по отмели едет один;
Конь златосбруйный, и мощен и строен,
Мерно ступает, взбивая песок...
Конь королевский! владеть им достоин
Только такой благородный ездок!

Что ж тебя мучит, задумчивый воин?..

Д е в а

Дева томится в молеельне вечерней.
Образ мадонны и кроток и тих.
Грезы, что миг, все темней и неверней...
Где он, где твой нареченный жених!

Образ мадонны и кроток и тих,
Молча приемлет земные молитвы...
Где-то в горах и равнинах чужих
Длятся и длятся жестокие битвы!

Грезы, что миг, все темней и неверней...
Страшно, как в зеркало, глянуть в мечты:
Стрелы над шлемами свищут размерней,
Громче мечи дребезжат о щиты...

Дева томится в молельне вечерней:
Где он, где твой нареченный жених!
Может быть, сброшен коварным ударом,
Стынет, простертый на камнях нагих,
Ночью, под лунным таинственным паром,

Где-то в горах иль в равнинах чужих?

С а р а ц и н

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Рыцарь опасной дороги не минет!
Звон разнесется по глуби долин.
Кто-то кого-то в борьбе опрокинет!

Рыцарь опасной дороги не минет!
Браг неподвижен за серой скалой,
Прыгнет и крикнет, опустит и вынет,
Красный от крови, кинжал роковой!

Звон разнесется по глуби долин.
Радостный звон, — он друзей не обманет!
Алый, как красный от крови, рубин
К белой одежде красиво пристанет!

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Кто-то кого-то в бою опрокинет!
Верный, как барс, поиграет с врагом,
Сзади копьё перелетное кинет,
И на седло, потрясая клинком,

Прыгнет, и крикнет, и лезвие вынет!

Р а м а

Алые розы в сплетении терний.
Алые розы — то рыцаря кровь;
Тернии — грезы в молельне вечерней;
Розы и тернии — наша любовь.

*1914—1915
Варшава*

Да, я безумец! я не спорю!
 Воспоминанья заглуша,
 Я жить умею лишь мгновеньем.
 И, как река стремится к морю,
 К любви спешит моя душа!

Неясным, тающим виденьем
 Былое реет позади.
 Но день, расцветший нынче, ярок.
 Судьба с единственным веленьем
 Мне предстает всегда: «Иди!»

Под сводом многоцветных арок,
 По берегу поющих струй,
 Иду, протягиваю руки,
 И так томителен и сладок, —
 Сегодня, — каждый поцелуй!

Он был иль нет, тот миг разлуки?
 Не знаю! Верю правде встреч!
 Да, я безумец! Я не спорю!
 Но внятны мне лишь *эти* муки,
 Лишь *этот* трепет детских плеч!

1914—4 января 1915

Мелькали мимо снежные поляны,
 Нас увозил на запад sleeping-car¹,
 В тот край войны, где бой, где труд, где раны,
 Где каждый час — пальба, все дни — пожар.

А мы, склонясь на мягкие диваны,
 В беседах изливали сердца жар,
 Судили мы поэта вещий дар
 И полководцев роковые планы, —

То Пушкин, Достоевский, Лев Толстой
 Вставляли в нашей речи чередой,
 То выводы новейшие науки...

¹ Спальный вагон (англ.).

А там, вдали, пальба гремела вновь,
На белый снег лилась потоком кровь
И люди корчились в предсмертной муке...

26 января 1915

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь весенний, дождь веселый,
Дождь в умильный месяц май,—
На леса, луга и доли
Искры влаги рассыпай.

Солнце смотрит и смеется,
Солнце искры серебрит,
Солнце вместе с влагой льется,
Солнце зелень трав кропит.

Небо падает на землю
В нитях призрачных дождя,
Солнце шепчет (шепот внемлю),
То журча, то дребезжа;

Небо шепчет: «К жизни! к свету!
Все ростки, листки, трава!
Верьте вечному обету:
Жизнь прекрасна! жизнь жива!

Сгинь, клочок последний снега!
Речка, воды подымай!
Всюду — радость! всюду — нега!
Всюду — дождь и всюду — май!»

8 марта 1915

Варшава

(День пасмурный и холодный)

* * *

Я устал от светов электрических,
От глухих гудков автомобилей;
Сердце жаждет снова слов магических,
Радостных легенд и скорбных былей.

Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;

Хочется мне замков, с их царевнами,
Озирающих просторы с башни,
Менестрелей с лютнями напевными,
Оглашающими лес и пашни;

Позабиться вымыслами хочется, —
Сказками, где ведьмы, феи, черти;
Пусть, готовя снадобье, пророчица
Мне предскажет час грядущей смерти;

Пусть прискачут в черных шлемах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной крови...
Ах, опять листок, в котором цитцero
Говорит про бой при Августове!

4 апреля 1915
Варшава

* * *

Ночью ужас беспричинный
В непонятной тьме разбудит;
Ночью ужас беспричинный
Кровь палящую остудит;
Ночью ужас беспричинный
Озирать углы принудит;
Ночью ужас беспричинный
Неподвижным быть присудит.

Сердцу скажешь: «Полно биться!
Тьма, и тишь, и никого нет!»
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Чья-то длань во мраке тронет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Что-то в тишине простонет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Кто-то лик к лицу наклонит.

Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Вздор пустых поверий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Постыдись, Валерий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Встань, по крайней мере!»
Напрягая силы воли,
Вдруг — с постели прыгнешь к двери!

Ночь 10/11 апреля 1915

ПОЛЬША ЕСТЬ!

В ответ Эдуарду Слонскому

Jeszcze Polska jest!

Edward Słonski

I

Да, Польша есть! Кто сомневаться может?
Она — жива, как в лучшие века.
Пусть ей грозила сильного рука,
Живой народ чья сила уничтожит?

И верь, наш брат! твой долгий искус прожит!
Тройного рабства цепь была тяжка,
Но та Победа, что теперь близка,
Венца разбитого обломки сложит!

Не нам забыть, как ты, в тревожный час,
Когда враги, спеша, теснили нас,
Встал с нами рядом, с братом брат в отчизне!

И не скорби, что яростью войны
Поля изрыты, все сожжены, —
Щедр урожай под солнцем новой жизни!

II

Да, Польша есть! Но все ж не потому,
Что приняла, как витязь, вызов ратный,
Что стойко билась, в распре необъятной,
Грозя врагу — славян и своему.

Но потому, что блещет беззакатный
Над нею день, гоня победно тьму;
Что слово «Польша», речью всем понятной,
Гласит так много сердцу и уму!

Ты есть — затем, что есть твои поэты,
Что жив твой дух, дух творческих начал,
Что ты хранишь свой вечный идеал,

Что ты во мгле упорно теплишь свету,
Что в музыке, сроднившей племена,
Ты — страстная, поющая струна!

22—23 мая 1915
Варшава

* * *

Я прошел пути и перепутья,
Мне искать безвестного наскучило.
Тщетно Жизнь, дряхлеющее чучело,
Вновь надела пестрые лоскутья.

Тщетно манит разными приманками
И в цветы наивно прячет удочки...
Я пою былую песнь на дудочке,
Я гуляю прежними полянками.

Хорошо без дум идти опушками,
В темень леса, в дебри не заглядывать...
Ах, весны довольно — сердце радовать!
Что мне тайны с хитрыми ловушками!

Правит путь по небу древний Гелиос,
О листву лучи как будто точатся...
Нет! мне петь, как в детстве, нынче хочется
Бабочек на дудке, на свирели — ос!

9 июня 1915

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины, и мощные реки...
Но в горах на пути залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут,—
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вымыт,—
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки,—
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

Июль 1915

К СТАЛЬНЫМ ПТИЦАМ

Я первые полеты славил
Пропеллером свистящих птиц,
Когда, впервые, Райт оставил
Железный рельс и бег направил
По воле, в поле без границ.

Пусть голос северного барда
Был слаб, но он гласил восторг
В честь мирового авангарда:
Того, кто грезу Леонардо
Осуществил и цепь расторг.

Казалось: мы у новой эры;
От уз плотских разрешены,—
Земли, воды и атмосферы
Владыки, до последней меры
В своих мечтах утолнены!

Казалось: уничтожив грани
Племен, народов, государств,
Жить дружественностью начинаний
Мы будем,— вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.

И что же! меж царей лазури,
В свои владенья взявших твердь,
Нашлись, подсобниками фурий,
Опасней молний, хуже бури,
Те, что несут младенцам — смерть!

Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками
Свергают свой огонь с высот!

Затем ли (горькие вопросы!)
Порывы вихренных зыбей
Смиряли новые матросы,
Чтоб там шныряли «альбатросы»
И рой германских «голубей»?

1915

ЗОВ СТАРИННЫЙ

Свет из небесных скважин
С лазури льется, нежен,
На степь и кровли хижин;
Миг — робко-осторожен
И с грустью чутко-дружен...

О! сколько тихой ласки
В речном далеком плеске!
Как тени сердцу близки!
В траве блестят полоски
На сонном темном спуске...

Дышу истомой странной,
Весь полн тоской смиренной,
Но где-то зов старинный,
Звон глухо-похоронный,
Звучит, как ропот струнный.

1915

ЗАГРОБНЫЙ ПРИЗЫВ

Опять, опять я — близко, рядом!
Мои слова расслышь, узнай!
Тебя пугали в детстве адом,
Тебе сулили в смерти рай.

Не верь: мы — здесь! Погасло зренье,
Не бьется сердце, умер слух,
Но знаю, слышу приближенье
Твое, как духа слышит дух.

Твои мечты горят, как свечи
Во мгле; ищу невольно их;
Дышу тобой, в минуту встречи,
Как запахом цветов ночных.

Усилием последней воли
Качаю завес... видишь дрожь?
Мне страшно, жутко мне до боли,
Но нашей связи не тревожь!

Как под водой дышать нет силы,
Так в мире косном душно мне...
Но для тебя, мой брат, мой милый,
Я снова — здесь, я — в глубине!

1915

* * *

Ты приходишь из страны безвестной,
Чужеземец! я — в родном краю.
Молод — ты, я — стар, так разве честно
Оскорблять святыню древнюю мою?

Я служу Перуну. В храме темном
Провожу, как жрец, свои часы,
Мою бога, на лице огромном
Золотые чищу я усы.

Я считаю десять пятилетий
С дня, как мальчиком вошел сюда,—
Старцы, мужи, женщины и дети
Чтут мои согбенные года.

Славишь ты неведомого бога,—
Я не знаю, властен он иль слаб.
Но всю жизнь у этого порога
Я склонялся, как покорный раб.

Или был безумен я все годы?
Иль вся жизнь моя — обман и стыд?
Но Перун царит из рода в роды,
Как и ныне над страной царит.

Удались отсюда, странник юный,
Унеси свой заостренный крест,—
Я пребуду данником Перуна,
Бога наших, мне родимых, мест.

Пусть ты прав, и бог мой — бог неправый...
В дни, когда покинут все наш храм,
Я, воспев Перуну песню славы,
Лягу умирать к его стопам.

1915

В АЛЬБОМ

Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!
Мы пред врагом отступать
Будем постыдно... О, боже!

Мы пред врагом отступать
Будем теперь... Почему же?
— Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!

Брошена русская рать.
Пушки грохочут все реже,
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?

Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!

1915

ВСЕ КРАСКИ РАДУГИ

Все краски радуги — небесные цвета,
Все трепеты весны — земная красота,
Все чары помыслов — познание и мечта, —

Вас, пламенно дрожа, я воспринимаю снова,
Чтоб выразить ваш блеск, ищу упорно слова,
Вас прославлять и чтить душа всегда готова!

Земля! поэт — твой раб! земля! он — твой король!
Пади к его ногам! пасть пред тобой позволь!
Твой каждый образ — свят! пою восторг и боль!

Пусть радость высшая пройдет горнило муки,
Пусть через вопль и стон в аккорд сольются звуки,
Пусть миг свидания венчает дни разлуки!

Все краски радуги — небесные цвета,
Все образы весны — земная красота,
Все чары помыслов — всё, всё прославь, Мечта!

1915

* * *

Волны волос упали,
Щечки пылали огнем.
С отзвуком нежной печали
Речи любовью звучали,
Нега сквозила во всем.

Солнце, с весенней улыбкой,
Воды теченья зажгло,
Мы над поверхностью зыбкой,
В лодочке утлой и зыбкой,
Медлили, бросив весло.

Милые детские грезы,
Вы не обманете вновь!
И тростники, и стрекозы,
Первые, сладкие слезы,
Первая в жизни любовь!

〈1891—1915〉

〈ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ〉

1

В моей душе, как в глубях океана,
Живой прибой зачатий и смертей,—
Стихийный вихрь неистовых страстей;
И им просторы водяные пьяны.

Здесь утро мира расцветало рано,
Земля здесь первых родила детей,
Отсюда сеть извилистых путей
Ко всем, кто дышит под лучом Титана.

Прародина живого! Как во сне,
Скользят в твоей безмерной глубине
Виденья тех явлений, что погасли;

Там, под твоим торжественным стеклом,
Еще жива, как в целом сонме Библий,
Несчетность жизней, прожитых в былом.

15

В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых в былом:
Я был полип, и грезил я теплом;
Как ящер, крылья ширил средь тумана;

Меня с Ассуром знала Cordiana;
С халдеем звездам я воспел псалом;
Шел с гиксами я в Фивы напролом;
Гнал диких даков под значком Траяна;

Крест на плече, я шел в Иерусалим;
Как магу, Дьявол мне грозил сквозь дым;
Марá судил мне плаху гильотины;

И с Пушкиным я говорил как друг;
Но вняты мне звонки трамваев вокруг,
Как много всех, и все же я — единый!

<1915>

* * *

I

С волнением касаюсь я пера,
И сердце горестным раздумьем сжато.
Больших поэм давно прошла пора
(Как Лермонтов нам указал когда-то).
Но я люблю их нынче, как вчера!
Бессмертная, мне помоги, Эрато,
Мой скромный дар прияв, благослови
Рассказ в стихах о жизни и любви.

II

Я пёрежил дни искушений тайных,
И все равно мне, будет ли мой стих
В десятках или сотнях рук случайных...

Сам для себя люблю в стихах своих
Стечение рифм, порой необычайных,
Я для себя пишу — не для других.
Читатели найдутся — сердце радо;
Никто не примет песни — и не надо!

III

Гремит война. Газетные столбцы
Нам говорят о взятых пулеметах;
На поле брани падают бойцы.
И каждый о своих родных в заботах,
Меж тем подводят в книгах мудрецы
Итоги бойни роковой на счетах...
Теперь ли время Музу призывать?
— Теперь, как и всегда! Шумела рать

IV

Аргиев на берегах, у древней Трои;
Прошли герои, но живет Омир!
И нашей жизни твердые устои
Падут во прах, вновь изменится мир,
Не встанут, может быть, сверкая, строи,
Но будет вечно звучен ропот лир,
Поэзия над славой и над тленьем
Останется сияющим виденьем...

<1915?>

* * *

Тот в гробе спит, тот дальний сиротеет.

А. Пушкин

Пришли рассеяния годы,
Нам круг друзей не соединить:
Один уже сошел под своды,
Которых нам не сокрушить;
Тот роком самовластным брошен
В изгнанье, на чужой гранит;
Тот в цвете дум болезнью скошен,
Не жив, не умер, — словно спит;
Тот бродит по далеким странам,
Тоской гоним, всегда один,

От нас отрезан, как туманом,
Чредой изменчивых картин;
Еще иные — в поле ратном,
В окопах, под дождем свинца;
Согласно при луче закатном
У нас забьются ли сердца?
Как знать? Но будь еще помянут
Один: он факел снов задул;
Не нами тайный враг обманут,
Нас друг неверный обманул.
Быть может, прежним идеалам
Остался верен только я:
Доныне не была причалом
Оскорблена ладья моя;
Но, жизни бурями испытан,
Таю глубины грез моих,
И ядом горечи напитаю,
Нередко, мой вечерний стих.

29 июля 1916

ВЕРНЫЕ ЛИРЕ

Мстит лабиринт...

Urbi et Orbi

К нам не была ль судьба скупа,
Нам не дары ль бросала щедро?
Пусть нашей жизни темная тропа
Не раз вела в глухие недра.

Пред нами был весь ясный мир,
Мы шли сквозь грозные
Вверяя струнам вещей лир
Мечты, и души, и желанья.

Порой вступали в мглу пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с грудями сокровищ.

И снова шли в цветах, в лучах,
Под щебет птиц, под рокот моря,
И нам был чужд пред долей страх,
Мы были рады мигам горя.

Но вновь во глубь тропа сошла,
Под черноту подземных сводов;
Кругом везде — слепая мгла,
Вой чудищ, призраки уродов.

Глядим назад, — но входа нет,
Вперед, — но выхода не видно.
Нам повстречать ли снова свет,
Луной дышать ли серповидной?

Вверх или вниз, но путь идет,
Он с каждым шагом — безысходней...
Но все равно! вперед, вперед,
Поем и в недрах преисподней!

1916

ЛЕВ И СВИНЬЯ

Басня по Ф. Достоевскому

Однажды Лев
Свинью обидел,
Да так, что целый лес ее позор увидел.
Придя в великий гнев,
Свинья донельзя расхрабрилась
(Известно, что и гнев порой мутит, как хмель),
За оскорбление отомстить решила
И вызвала владыку на дуэль.
Однако, возвратясь к родным пенатам,
Задумалась Свинья
И, страха не тая,
Расхрюкалась пред умным братом:
«Ах, братец, вот попала я в беду!
Ты знаешь Льва суровый норов!
Уж лучше я куда-нибудь уйду!»
Но Боров
(Он был писатель, с едкостью пера)
В ответ ей: «Погоди, сестра!
К чему бежать так прямо?
Поблизости помойная есть яма:
Получше вываляйся в ней,
А после выходи на бой с царем зверей».

Свинья послушалась совета.
Помоями вонючими кругом
Вся облепилась до рассвета
И так предстала пред врагом.
Свидетелями беспримерной брани
Был полон лес и ближний дол.
И вот явился Лев, как обещал заране,—
Пришел, понюхал и ушел...
И долго после свиньи все вопили:
«Лев струсил! мы-де победили!»

Так иногда завзятый полемист
К газетному нас требует барьеру,
Но трудно Льва не следовать примеру,
Когда противник наш уж черезчур нечист!

<1916>

* * *

Иногда хорошо и отраднo
Знать, что сжали четыре стены
Жизнь твою, с ее пылкостью жадной,
И твои, слишком буйные, сны.

За окном — тот же город стозвонный,—
Спешный бег неумолчных авто,
Но к тебе, в твой покой потаенный,
Не проникнет бесцельно никто.

Как утес, весь и в пене и в шуме,
Неподвижен, и строг, и высок,—
Ты, в приюте свободных раздумий,
В самой ярости толп,— одинок.

Светы полдня, полночные тени,
Ряд мечтами обвитых часов...
И скользят вереницы видений,
Лики бывших и жданных годов.

Это — памяти путь беспредельный,
Это — встреча всех тех, кто ушли,
Это — бред беспечально-бесцельный
О палящем восторге земли.

И спокойных раздумий зарницы
Озаряют крутящийся сон;
Совесть судит; заплаканы лица;
Знаю: кто-то без слов осужден.

Кто-то... Может быть, я... Ну так что же!
Это час пересмотра годин.
Как тебе благодарен я, боже,
Что на время — в тюрьме и один!

1916

Лечебница доктора Постникова

МОЛИТВА

Отче! полмира объемлешь ты тенью,
Звезды ведешь и луну в небесах,
Даруй покой моему утомленью,
Дай успокоиться в сладостных снах.

Се — отрекаюсь от помыслов злобных,
Се — осуждаю все, в чем погрешил.
Дай мне во снах, тихой смерти подобных,
Ведать покой безмятежный могил.

Злое видение ложа да минет,
Да не предстанет мне облик в крови.
В час же, когда светы первые кинет
Солнце Твое, — Ты меня оживи!

1916

* * *

В круженье жизни мног шумной,
В водовороте наших дел,
Я — ваш! и этот мир безумный —
Мной вольно избранный удел.
Люблю призывы телефоных,
Истлевшей проволоки блеск,

И над рекой гудков и звонов
Пропеллера внезапный треск;
Люблю я ослепленье сцены
И ресторанный пьяный свет,
Все эти вспышки, эти смены
Победно наступивших лет...
Люблю... Но что же сердце ранит,
Когда я вижу чаши роз,
Когда мечту, как сон, туманит
Над речкой свежий сенокос?
Зачем душа томленьем сжата
Здесь на отлогом берегу,
Когда вдали сереет хата
И стадо бродит на лугу?
Зачем так сладко в темной роще,
Где ландыш мраморный расцвел,
Где мыслям легче, думам проще,
Едва под сень ее вошел?
Кляните! прошлое мне мило,
Природа родины — близка...
Пусть скоро скажут: «Это было!» —
Люблю отшедшие века!
Гряди, что будет! Водопадом
Былую жизнь нещадно смой!
С неведомым пойду я рядом,
Но прошлый мир — он мой! он мой!

1916

* * *

Рдяность померкла за очерком гор,
Красок развеялся пестрый укор,
Все безразлично — восторг и позор...
В мире встречает уверенный взор
Только провалы да звездный узор.

Рано взлюбил я, люблю до сих пор
Строй беспредельных, незримых опор,
Держащих строго безмерный собор;
Мир беспросветен — как сумрачный бор,
Звезды-миры смотрят с неба в упор.

Чу! запеваёт невидимый хор,
Дарохранитель десную простер...
Могi¹. То Роком решается спор...
Горе, что утра багряный костер
Бросит румянец на чёрный простор!

1916

* * *

Закат ударил в окна красные
И, как по клавишам стуча,
Запел свои напевы страстные;
А ветер с буйством скрипача
Уже мелодии ненастные
Готовил, ветвями стуча.

Симфония тоски и золота,
Огней и звуков слитый хор,
Казалась в миг иной расколота:
И такт, с певцом вступая в спор,
Выстукивал ударом молота
Незримый мощный дирижер.

То вал стучал в углы прибрежные,
Ломая скалы, дик и пьян;
И всё: заката звуки нежные,
Сверканье ветра, и фонтан,
Лепечущий рассказы снежные,
Крыл гулким стуком Океан!

〈Декабрь〉 1916

БАЛЛАДА

Горит свод неба, ярко-синий;
Штиль по морю провел черты;
Как тушь, чернеют кроны пиний;
Дыша в лицо, цветут цветы;
Вас кроют плющ и сеть глициний,
Но луч проходит в тень светло.
Жгла вас любовь, желанье жгло...
Ты пал ли ниц, жрец, пред святыней?

¹ Умереть (лат).

Вы, вновь вдвоем, глухой пустыней
Шли — в глуби черной пустоты;
Месила мгла узоры линий;
Рвал ветер шаткие кусты.
Пусть горек шепот. Ты с гордыней
На глас ответил: «Все прошло!..»
Потом, один, подъяв чело,
Упал ты ниц, жрец, пред святыней?

В саду блестит на ветках иней,
Льды дремлют в грезах чистоты.
Ряд фолиантов; Кант и Плиний;
Узоры цифр; бумаг листы...
Пусть день за днем — ряд строгих скиний,
Мысль ширит мощное крыло...
Познав, что есть, что быть могло,
Ты ниц упал, жрец, пред святыней?

Восторгов миг и миг уныний! —
Вас вяжут в круг одной мечты!
Всё — прах. Одно лишь важно: ты
Упал ли ниц, жрец, пред святыней?

1916

ВЕЧЕРНИЕ ПЕОНЫ

По широкому простору предвечерней синевы
Засияли, заблестали начертания созвездий,
И росинки задрожали по извилинам травы
Под зелеными огнями на задвинутом разъезде.

Ты мелькнула, проскользнула, подошла и замерла...
И я видел, в полусвете, ослепительном и белом,
Как тревожно, осторожно ты поникла и легла
На протянутые рельсы странно вытянутым телом.

Все дышало, опьянялось наступлением весны
Под магическим мерцаньем углубленного простора,
Но роптанье нарушало неподвижность тишины,
И зловеще возвышались разветвления семафора.

И вонзался, и впивался неисчисленностью жал,
Доходя из отдаленья, ровно-вымеренный грохот,
Словно где-то, в океане, океан зарокотал,
Словно демоны сдавили свой невыдержанный хохот.

И два глаза, вырастая, словно молнии, прожгли,
И два глаза словно душу перерезали с разбега...
А Медведица сияла, непорочная, вдали,
И травинок трепетала опьянительная нега.

1916

РИМЛЯНЕ В КИТАЕ

166 г. н. э.

Все улицы полны народом,
Бегут и торговцы и воины...
Лишь там, где дворец, перед входом
Прибой толпы успокоены.

В столице Срединного Царства
Прибывших из-за моря чествуют.
Со свитой послы государства
Далекого медленно шествуют.

Вдоль лестниц до самой вершины
Сверкают стоцветные фонарики;
Стоят наверху мандарины,
Качая почетные шарiki;

По стенам — дракон над драконом,
Причудливо свитые в кольчики;
Смеются серебряным звоном
Из всех уголков колокольчики;

Там — золото, перлы, алмазы;
Там — лики, страшнее, чем фурии;
И высятся странные вазы,
Роскошней, чем вазы Этрурии.

Послы, величавы и строги,
Приблизились к трону заветному;
Их длинные белые тоги
Блистают меж блеска стоцветного...

<1916?>

* * *

В том сером доме, в этом переулке,
Когда мне было двенадцать лет,
Мы играли, по воскресеньям, в жмурки:
Две девочки, я и хмурый кадет.
Нам было по-детски весело;
Когда же сумрак разливал свою муть,
Мы в старые кресла, —
Отдохнуть, —
Садились по двое:
Я и Манечка,
Он и Танечка, —
Создание кроткое...
И мы в темноте целовались...
Какой анализ
Сумеет решить:
Можно ли в двенадцать лет — любить?
В тихом свете
Белеет окно.
И, быть может, другие дети
Там играют, как мы — давно!
И поцелуй,
Как струи
Тысячелетий,
Плывут,
Обращаясь во всплески
Минут...
До последних им плыть мгновений
Земли...
За окном, к занавеске,
Вот две тени
Подошли.

15 февраля 1917

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!
Вот-вот уже весна спешит издалека —
И твой умолкнет плач, ты выйдешь из тюрьмы!

Освобожденная от роковых оков,
Ты смело зазвенишь в зеленых берегах,
Тогда на песнь твою, на твой свободный зов,
Свободно отзвуки откликнутся в лесах.

И майская лазурь, без тучки, вся в огне,
С улыбкой, над тобой заблещет с высоты,
А солнце по твоей сверкающей волне
Разбросит дивные волшебные цветы.

Прохладный, утренний, весенний ветерок
Твою безгрешную взволнует нежно грудь,
И, скромно, лилия, невинности цветов,
Наклонится к тебе, чтоб в лоно вод взглянуть!

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!
Вот-вот уже весна спешит издалека —
И вновь свободна ты, и нет твоей тюрьмы!

1917

ПОСЛЕ НЕУДАЧИ

Надежды рухнули, как строй картонных домиков;
Желанья стелются, как с тусклых углей дым...
Мечты любимые, сонм трагиков и комиков,
Поспешно, в уголке, с лица стирают грим.

Душа затемнена,— пустой партер без зрителей!
Огни погашены, накинута чехлы...
Статисты скромные, недавние воители,
Торопятся к дверям, мелькнув на миг из мглы.

Что ж дальше? Новые разыскивать трагедии,
Для новых mises-en-scène расчерчивать тетрадь?
Иль, выбрав наскоро в оставленном наследии
Все ценное, с узлом, как вору, убежать?

Был ясен приговор, и режиссер освистанный
Не должен ли сойти со сцены навсегда?
Над тем, что красотой, божественной и истинной,
Считал он, прозвучал холодный смех суда.

Да, надо уходить... Но дым желаний стелется,
По углям тлеющим взбегает огонек,
И кто-то, кажется, вот-вот сейчас осмелится
Дать знак,— и прозвучит сзывающий звонок!

1917

КОСЦЫ В «СФЕРЕ ОГНЯ»

Братцы, дружно! Свежи росы!
По росе так ходки косы!
 Мерно восемь плеч заносим,
 Косим, косим, косим, косим!

Свищут пули чрез покосы...
Но, как бог рыжеволосый,
 Солнце встало! Страх отбросим!
 День не ждет: косить, так косим!

Чрез поля мы под откосы
Сходим, бодры, сходим, босы,
 Мы у пуль пощад не просим,
 Под дождем свинцовым косим.

Вам пример, молокососы!
Свищут пули, словно осы,
 Гонятся, как волк за лосем...
 Древний долг свершая, косим!

Мы, как смелые матросы,
Правим парус на утесы,
 С русским радостным «авосем»
 Мы, как ветер, косим, косим!

Живы ль будем? Прочь вопросы!
Громче хор восьмиголосый!
Все, быть может, ляжем восемь,
Всё ж господень луг мы скосим.

1917

VIA ARRIA

Звучный, мерный стук копыт...
Кони бьют о камень плит,
Мчась вперед в усердьи пылком...
Мимо, с гиком, в две гурьбы,
Плети взвив, бегут рабы,
Путь в толпе доля носилкам.
Ропот, говор, шум шагов;
Пестрых столл и белых тог
Смесь и блеск; сплетенье линий,
Смена видов... Сном застыл.
Через белый строй могил,
Темный свод роскошных пиний.
Кто-то крикнул...

<1916—1917>

* * *

Тот облик вековой огромных городов,
Который видим мы, — исчезнет неизбежно;
Наследье смутное мятущихся веков,
Отброшен будет он презрительно-небрежно.
Окончится война, и вступит мир опять
На твердую стезю исканий и открытий,
Чтоб над стихиями во всем торжествовать
И властелином быть явлений и событий.
Исполнится тогда жестокая мечта
Поэтов, видевших грядущее воочью.
Земля предстанет всем — Эдемом, залита
Огнем искусственным, как в полдень, так и ночью;
Стеклянным куполом прикроется она,
И общий город-дом, вместив все миллионы
Живых существ, начнет без отдыха и сна,
Покорно выполнять их строгие законы.

Машины загудят, сокрытые от глаз,
Всем разнося тепло, свет, воздух, воду, пищу,
Авто и аэрó, раз тридцать каждый час,
Всех будут подвозить послушно к их жилищу;
Незримых проволок бесчисленная сеть
Всем явит новости и в звуках и в картине...
Но будет все вокруг: стекло, сталь, камень, медь,
Железо, золото, алмаз, орк, алюминий,
Не будет ни травы, ни зелени; ничто
Не сохранит следов отвергнутой природы,
Но о живых лесах решится вспомнить кто
В дни блага общего, блаженства и свободы?

Но я еще люблю вас, города...

<1917>

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Минут годы. Станет наше время
Давней сказкой, бредом дней былых;
Мы исчезнем, как бывшее племя,
В длинном перечне племен земных.

Но с лазури будут звезды те же
Снег декабрьский серебрить во мгле;
Те же звоны резать воздух свежий,
Разнося призыв церквей земле;

Будет снова пениться в бокалах,
Искры сея, жгучее вино;
В скромных комнатах и пышных залах,
С боем полночи — звучать одно:

«С Новым годом! С новым счастьем!» — Дружно
Грянет хор веселых голосов...
Будет жизнь, как пена вин, жемчужна,
Год грядущий, как любовный зов.

Если ж вдруг, клоня лицо к печали,
Тихо скажет старенький старик:
«Мы не так восемнадцатый встречали!..» —
Ту беседу скроет общий клик.

Сгинет ропот неуместный, точно
Утром тень, всплывающая ввысь...
Полночь! Полночь! бьющая урочно,
Эти дни безвестные — приблизь!

1 декабря 1917 — 1 января 1918

КРАТКИЙ ДИФИРАМБ

Летайте, птицы,—
И мы за вами!
Нам нет границы.
И за громами,
Над чернью туч,
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!
Прорезал небо
Руль моноплана.
Соперник Феба!
Глубь океана,
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!

<1910—1918>

ГОЛОС ГОРОДА

Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...
По вечерам, как поутру,
Трамвай гремит, дзинь-дзинь звонит...
И стук колес, и скок копыт,
И взвизги шин, взносящих пыль,
И-и гудит автомобиль.

Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Сквозь гул толпы — торговцев зов,
Мальчишек крик и шум шагов,
И говор, говор, говор, гул...
Но ветерокдохнул, подул...

Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Вон с высоты, как дальний всплеск,
Пропеллера жужжащий треск,
Но скок копыт, но стук колес,
Но гул толпы все <смял>, унес.

Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...
Трамвай гремит, как поутру.
И, гордым вздохом вознесен,
Над городом восходит звон:
Дон-дон, дон-дон, весь небосклон
Разносит зов иных времен!

3—4 января 1918

* *

На дальней полке мирным строем стоя,
Спят с ранних лет любимые тома:
В них дремлет луч тропического зноя,
Глядит из них полярной ночи тьма.

Там — повести безумно-дерзких страстей:
То — к полюсу, где мир окован льдом,
Где солнца нет, а мгла горит, в убранстве
Сияний северных, над белым сном;

То — в страны страшных бурь и грозных ливней,
Где из песков крутит столбы самум,
Где путь в лесах проложен силой бивней,
Где львы рычат иль жуток выкрик пум.

Там — сказки о боях: пираты в давке,
В зубах с ножами в плен берут фрегат;
Иль дикари летят, взвив томагавки,
Под бранный клич на белых из засад!

Ряд буйных вымыслов, живых фантазий!
Из детских книг встают, в мечтах ожив,
Герои, битвы, земли; в каждой фразе —
Отважный подвиг, смелый жест, порыв.

И в наши дни, когда кругом — так смутно,
Отрадно вспомнить все, что Рок унес:
Пыл юности, былой восторг, минутно
Забыв действительность в причуде грез!

24 января 1918

ТАБАКЕРКА

Наших предков табакерки!
Позабыть я их могу ль,
Как шкапы, как шифоньерки,
Как диваны стиля Буль!

На роскошной табакерке
Часто изображены
Были «думы баядерки»,
Одалисок знойных сны.

Иль бывали табакерки,
Где под обликом сирен
Вы встречали, вскрывши дверки,
Ряд совсем интимных сцен!

Бонбоньерки, табакерки,
Вы из моды вышли все,
Как мотив былой венгерки,
Мушки, пудра на косе!

Золотые табакерки,
Вы в музее, под стеклом,
Расположены по мерке,
Чинно дремлете рядком.

Только в нашей табакерке
Жизнь, как прежде, молода.
Не окажется ль, по сверке,
Что — все собраны сюда?

Слава нашей табакерке!
Будем веселиться с ней,
Стоя, как на этажерке,
Пред глазами наших дней!

Пусть хотя бы в «Табакерке»
Стих живет! — Хотя б на час
Изуверы, изуверки
Наших дней,— щадите нас!

19 марта 1918

СКОЛЬЗЯЩАЯ ТЕРЦИНА

(Наброски)

Когда мечта, под волей господина,
Должна идти вперед, как выучный мул,—
Поможешь ты, скользкая терцина!

На высях гор закатный луч уснул,
В лазури звезды — крупны и алмазны,
Чуть слышен издали прибойный гул.

Все образы, что ярки и бессвязны,
Толпились быстро, в белом блеске дня,
Во мраке встали в строй однообразный.

Прочь все, что в жизни мучило меня,
Что мукой-счастьем волновало душу,
Томя надеждой, памятью казня.

Я тайны дум недавних не нарушу,
Вступаю в ночь видений и чудес,
Как путник сходит с корабля на сушу.

Я, тот, дневной, как призрак дня, исчез,
Иной, ночной, послушный воле тайной,
Стою я здесь, как пред лицом небес!

Нет, выпадает жребий не случайно;
Кому и славить нынче, как не мне,
Рим погибающий строфой бескрайней?

Я древность мира высмотрел вполне,
По всем ее дорогам, где возможно,
Бродил и помню все, как сон во сне.

И вот виденья вновь встают тревожно,—
Заклятьем вызваны вновь к бытию,
Как в синема, проходят фильмой сложной.

Знакомые картины узнаю:
То — древний Рим, его дворцы и храмы,
В лучах он нежит красоту свою.

Повсюду — мрамор, чисто, стены прямы;
Он, как бывало, светом осян,
На алтарях курятся фимиамы...

Апрель 1918

* * *

Я — междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати — пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья,—
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины,—
Мой корень из низин растет.

Мне Гете — близкий, друг — Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911, 1918

* * *

Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей
И ветром поднятый победно в вышину.
Вкруг — неумолчный рев, крик разъяренных фурий,
Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг — гибель кораблей: изломанные снасти,
Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и везде
Мельканье чьих-то тел — у темных сил во власти,
Носимых горестно на досках по воде!

И видят, в грозный миг, глотая соль, матросы,
Как вал, велик и горд, проходит мимо них,
Чтоб грудью поднятой ударить об утесы
И дальше путь пробить для вольных волн морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно
Они идут, куда их вал влечет идти:
То губят вместе с ним под твердью грозно-черной,
То вместе с ним творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем властен,
Он волнами влеком, как волны он влечет,—
Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен,
Пока, как гребень волн, несет тебя — народ!

1918

* * *

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!

Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг,—
Пора за труд — для новой жизни!

Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел,—
Готовить жатву новой жизни!

Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!

На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! Надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни.

1918

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Импровизация

Есть ряд картин, и близких и далеких,
Таимых свято в глубине души;
Они, в часы раздумий одиноких,
Встают, как яркий сон, в ночной тиши:

Картина утра,— миги до восхода,
Когда весь мир — как в ожиданьи зал;
Явленья солнца жадно ждет природа,
И первый луч зеленовато-ал;

Картина вечера: луной холодной
Волшебно залит лес, балкон иль сад;
Все с фейной сказкой так чудесно сходно,
И губы ищут ласки наугад;

Картина первой встречи, и разлуки,
И страстной ласки, и прощальных слез;
Вот, в темноте, ломает кто-то руки...
Вот плечи жжет касанье черных кос...

Есть ряд картин,— банальных, но которых
Нельзя без трепета увидеть вновь:
Мы любим свет луны, сирени шорох,—
За то, что наша в них влита любовь!

И вот в числе таких картин священных
Есть, в памяти моей, еще одна;
Как скромный перл меж перлов драгоценных,
В их ожерелье вплетена она:

Картина внешних вод, когда, как море,
Разлиты реки; всюду — синева;
И лишь вода отражена во взоре,
Да кое-где кусты, как острова.

То — символ вечного стремленья к воле,
Лик возрожденья в мощной красоте...
Но дали вод, затопленное поле
Иным намеком дóроги мечте!

Мне помнится — безбрежная Волга...
Мы — рядом двое, склонены к рулю...
Был теплый вечер... Мы стояли долго,
И в первый раз я прошептал: «Люблю!»

О, этот образ! Он глубоко нежит,
Язвит, как жало ласковой змеи,
Как сталь кинжала, беспощадно режет
Все новые желания мои!

Он говорит о чувствах, недоступных
Теперь душе; об том, что много лет
Прошло с тех пор, мучительных, преступных;
Что оживет земля, а сердце — нет!

Пусть этот образ реет так,— далекий
И вместе близкий, в тайниках души,
Порой вставая, как упрек жестокий,
И в модном зале, и в ночной тиши!

30 апреля 1918

Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряха...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!

Спящей ночи трепетанье
Слуху вятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?
Все, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.
Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохраня.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышь беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!

ТОМНЫЕ ГРЕЗЫ

Вариация

Томно спали грезы;
Дали темны были;
Сказки тени, розы,
В ласке лени, стыли.

Сказки лени спали;
Розы были темны;
Стыли грезы дали,
В ласке лени, томны.

Стыли дали сказки;
Были розы-тени
Томны, темны... В ласке
Спали грезы лени.

В ласке стыли розы;
Тени, темны, спали...
Были томны дали,—
Сказки лени, грезы!

Тени розы, томны,
Стали... Сказки были,
В ласке,— грезы! Стыли
Дали лени, темны.

Спали грезы лени...
Стыли дали, тени...
Темны, томны, в ласке,
Были розы сказки!

1918

* * *

Ночное небо даль ревниво сжало,
Но разубрался в звездах небосклон.
Что днем влекло, томило, угрожало,
Слилось меж теней в монотонный сон.

Иные ночи помню. Страсти жало
Вздых исторгало трепетный, как стон;
Восторг любви язвил, как сталь кинжала,
И был, как ночь, глубок и светел он!

О почему бесцветно-тусклы ночи?
Мир постарел, мои ль устали очи?
Я онемел, иль мир, все спевший, нем?

Для каждого свои есть в жизни луны,
Мы, в свой черед, все обрываем струны
На наших лирах и молчим затем.

1918

СОНЕТ

Отточенный булат — луч рдяного заката!
Твоя игрушка, Рок, — прозрачный серп луны!
Но иногда в клинок — из серебра и злата
Судьба вливает яд: пленительные сны!

Чудесен женский взгляд — в час грез и аромата,
Когда покой глубок. Чудесен сон весны!
Но он порой жесток — и мы им пленены:
За ним таится ад — навеки, без возврата.

Прекрасен нежный зов — под ропот нежный струй,
Есть в сочетаньи слов — как будто поцелуй,
Залог предвечных числ — влечет творить поэта!

Но и певучий стих — твой раб всегдашний, Страсть,
Порой в словах своих — певец находит власть:
Скрывает тайный смысл — в полустихах сонета.

1918

ОКТАВЫ

I

Вот я опять поставлен на эстраде
Как аппарат для выделки стихов.
Как тяжкий груз, влачится в прошлом сзади
Бессчетный ряд мной сочиненных строф.
Что ж, как звено к звену, я в длинном ряде
Прибавить строфы новые готов.
А речь моя привычная лукаво
Сама собой слагается октавой.

II

Но чуть стихи раздались в тишине,
Я чувствую, в душе растет отвага.
Ведь рифмы и слова подвластны мне,
Как духи элементов — зову мага.
В земле, в воде, в эфире и в огне
Он заклиняет их волшебной шпалой.
Так, круг магический замкнув, и я
Зову слова из бездн небытия.

III

Сюда, слова! Слетайтесь к кругу темы.
Она, быть может, не совсем нова.
Любовь не раз изображали все мы,
Исчерпав все возможные слова.
Но я люблю не — новые проблемы!
Узор тем ярче, чем бледней канва.
Благодарю тот парадокс, который
Мне подсказал затейные узоры.

IV

И вот во мгле, лучом озарена,
Встает картина: девушка поникла
Над милым маленьким письмом; она
В него вникать за эти дни привыкла.
Сидит задумчива, бледна, грустна,
Пред ней проходят все виденья цикла
Ее скорбей — и первый поцелуй,
Во тьме ветвей, как говор близких струй.

V

И первый вечер жгучей страстной встречи,
Тот страшный час, где двое лишь одно,
Когда бессвязны и безумны речи
И души словно падают на дно.
Упали вольно волоса на плечи,
И хочется, чтоб стало вдруг темно,
И нет стыда, а только трепет счастья
Впервые познанного сладострастья.

VI

Потом — письмо, и этот поздний час,
Когда она сидит одна в томлении,
Давно известен и не нов рассказ!
Но вдумайтесь в жестокое значение
Привычных образов, знакомых фраз!
Жизнь каждого — одни и те же звенья.
Но то, что просто в ряде слов звучит,
В действительности жизнь, как яд, мертвит.

VII

Что просто — странно! — этого завета
Не забывайте! он — жестоко прав!
Мне ж пусть концом послужит правда эта!
Составил я покорно шесть октав,
Теперь седьмая — мной почти допета,
Я, эту форму старую избрав,
Сказал, что по канве узоры вышью,
И нитку рву на узелок двустийшью!

<1918>

* * *

В тихом блеске дремлет ласка;
Всплеск воды — как милый смех;
Где-то рядом, где-то близко
Свищет дрозд про нас самих.
Вечер свеж — живая ласка!
Ветра — сладостен размах!
Сколько света! сколько лоска!
Нежны травы, мягок мох...
Над рекой — девичья блузка,
Взлет стрекоз и ярких мух...

Волшебство — весь мир окрестный:
Шелест речки, солнца свет...
Запах, сладко-барбарисный,
Веет, нежит и язвит.
Шепчет запад, ярко-красный,

Речи ласки, старый сват,
Кроя пруд зелено-росный,
Словно храм лазури свод,
И лишь ветер нежно-грустный
Знает: тени нас зовут.

1918

ПОСЛЕ СЕНОКОСА

Цветы подкошенные,
Рядами брошенные,
Свой аромат,
Изнемогающие,
В лучах сгорающие,
Дыша, струят.

С зенита падающий,
Паля, не радующий,
Нисходит зной,
Рожден бездонностями
Над утомленностями
Тоски земной.

Вдох ветра веющего,
Вдали немеющего,
Порой скользит,
И роща липовая,
Печально всхлипывая,
Листвой шумит.

Да птицы взвизгивающие,
Сноп искр разбрызгивающие,
Взрезают гладь...
Цветы отпраздновали!
Не сна бессвязного ли
Теперь им ждать?

Зима придвинулася...
Уже раскинулася
Тоска вокруг...
И ночь застенчивая,
Борьбу увенчивая,
Покроет луг.

1918

СВЕТОЧ МЫСЛИ

ВЕНОК СОНЕТОВ

I. АТЛАНТИДА

Над буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей — реки.

Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращи, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник, кто чем был,—
Вскрывали части тайны в каждом веке.

Впервые, светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. ХАЛДЕЯ

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!

Свет приняли Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймарá и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкан.

И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливый влил.

Седмица дней и Зодиак, — идеи,
Пребудут знаком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. ЕГИПЕТ

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны,
В стране, где, просверлив песок бескрайный,
Поит пустыню многоводный Нил.

Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный,
Воздвигли там ряд каменных могил,
Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи — не случайны!

Египет цели благостной достиг,
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.

Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. ЭЛЛАДА

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.

Влилась в века Эллада, как вино, —
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но, строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Осириса ей повторил?

Шел Эллин к знанью по пути мистерий, —
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

V. ЭЛЛИНИЗМ И РИМ

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно — халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.

Встал Александр! Все ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,

К завоеванью всей вселенной — рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной порфире.

VI. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Он встал, как царь, в торжественной порфире,
Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.

Столетий и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участие на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.

Все истины, что выступали к свету, —
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлились властно в новый сплав.

Вела Империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.

VII. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки,
Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров Империю свалил.

Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил;
И тщетно трон свой высыл Карл Великий.

Но в мгле крушший отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок валькирий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. СРЕДНИЕ ВЕКА

Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на турнире,—

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в преньях о вампире,
Познать творца пытался богослов,—
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, менестрель,—
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.

В дни ужасов, огня, убийств, тревоги,
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.

Из дряхлой Византии в жизнь — весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданных Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.

Теплыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортесом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.

Стремились все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.

Х. РЕФОРМАЦИЯ

Надежда — вскрыть все таинства природы —
Мир к высшей тайне привела, — и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.

За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.

Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром — страницы Библий.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

ХІ. РЕВОЛЮЦИЯ

К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубь зол
И людям вспыхнул маяком свободы.

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляют луг и дол.

Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.

Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

ХII. НАПОЛЕОН

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель тронам!»
Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном —
Все то, об чем шептали лишь ученым
Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Иена,
Вы — двух начал таинственная смена;
Толпе открыли вы свободный путь.

Народ рванулся ветром тайндохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Все ж топот армий, гулы артиллерий.

ХIII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Все ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли; смолк войны зловеющий звон;
И к знанию сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.

Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду превратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.

Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.

Осталось: знание с тайной соединить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к высшей сфере.

XIV. МИРОВАЯ ВОЙНА XX ВЕКА

Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днес шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и империй!

Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!

Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

XV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь в торжественной порфире.
Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знанья жил, скрыт в дивном эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы,
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.

〈1918〉

И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод...

Urbi et Orbi

* * *

Пора! Склоняю взор усталый:
Компас потерян, сорван руль,
Мой утлый челн избит о скалы...
В пути я часто ведал шквалы,
Знал зимний ветер одичалый,
Знал, зноем дышащий, июль...

Давно без карты и магнита
Кручусь в волнах, носим судьбой,
И мой маяк — звезда зенита...
Но нынче — даль туманом скрыта,
В корму течение бьет сердито,
И чу! вдали гудит прибой.

Что там? Быть может, сны лагуны
Меня в атолле тихом ждут,
Где рядом будут грезить шкуны?
Иль там, как сумрачные струны,
Стуча в зубчатый риф, буруны
Над чьей-то гибелью взревут?

Не все ль равно! Давно не правлю,
Возьмусь ли за весло теперь,
Вновь клочья паруса поставлю?
Нет! я беспечность в гимне славлю,
Я полюбил слепую травлю,
Где вихрь — охотник, сам я — зверь.

Мне сладостно, не зная, что будет,
Куда влечет меня мой путь.
Пусть прихоть бури плыть принудит —
Опять к бродячим дням присудит
Иль в глуби вечных вод остудит
В борьбе измученную грудь!

Пора! спеши, мой челн усталый!
Я пристань встречу ль? утону ль? —
Пою, припав на борт, про скалы,
Про все, что ведал я, про шквалы,
Про зимний ветер одичалый,
Про, зноем дышащий, июль!

15 марта 1919

ВСТУПЛЕНИЕ

Жизнь кончена, я это сознаю,
Нет больше целей, нет надежд свободных,
Пора пересказать всю жизнь свою
В стихах неспешных, сжатых и холодных.
Мне — сорок шесть. За эти годы я
Людей значительных встречал немало
(Меж ними были и мои друзья),
Судьба меня нередко баловала,
Я видел много стран, и сквозь окно
Три революции мог наблюдать я жадно,
Испить любовь мне было суждено
И все мученья страсти беспощадной.
И все прошло, и все я пережил,
И многих нет, с кем я сидел на пире...
Смотрю спокойно на ряды могил
И больше ничего не жду я в мире.

20 марта 1919

ПРАЗДНИК ТРУДА

Гимн Первого мая 1919 года

На сонных каналах Венеции
Колышут весло гондолеры;
С весной пробуждаются в Греции
Античных столетий Химеры;
Смеется беспечная Франция,
Сбор золота щедро посеяв;
Мне кажется: в пламенном танце я,
Взглянув за зубцы Пиренеев;
Грозась, торжествует Британия,
По свету суда рассылая...
Как будто и кровь и страдания
Забыты пред праздником Мая!

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

Что день, исчезают бесследнее
Безумства, царившие долго;
Пронесется залпы последние
Над Вислой, над Бугом, над Волгой;
Кончается бред неестественный,
Пять лет всех томивший сурово;
Выходят из пропасти бедственной
Заветные тени былого;
Вновь людям звучит все державнее:
«Свобода!—Равенство!—Братство!»
Кровавое время недавнее
Страшит, как в мечтах святотатство...

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

Из праха встает, что разрушено:
Селения, фабрики, школы.
Пусть море из слез не осушено:
Жизнь кличет на подвиг тяжелый.
Вот снова машины стогудные
Завыли в казармах стооких,
Воскресли часы многотрудные
Под взорами стражей жестоких;
И, хитро таясь, но уверенно,
Вновь частую сеть капитала
Незримые руки — размеренно
Бросают в толпу, как бывало...

И лишь единому народу,
Ликуя, встретить можно Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

30 апреля 1919

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священной слова: «Труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просёкам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду,—
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ

Николаю Минаеву

...а в миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один, без сожаленья!

Urbi et Orbi

Издревле сладостный союз...

Пушкин

Годы делят нас и поколенья:
Дышишь ты весной, мгновенным маем,—
Я последние считаю звенья
Цепи той, что все мы не снимаем.

Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке.—
Голос Музы,— над путем росистым,
Там, где тени, тайны, сон и маки.

И пока ты — на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет,—
Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей — венец трепещет.

3 августа 1919

* * *

Что день, то сердце все устaley
Стучит в груди; что день, в глазах —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время — отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых,
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо рощ тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады — до конца!

Путем, мной выбранным однажды,
Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

У ЦЕЛИ

Еще немало перекрестков,
И перекутий, и путей!
Я много схоронил подростков,
В могилу проводил детей.

Летами я не стар, но много
И видно и свершено,
И завела меня дорога
За цель, манившую давно.

Теперь ступил я за пределы
Своей младенческой мечты.
Что впереди? Мне скажут: целый
Мир, полный вечной красоты!

Но все, что будет, неизбежно,
Непрочны краски новизны,
И путнику с вершины снежной
Долины далеко видны.

Быть может, не скудеют силы,
Но повторенья мучат ум;
Все чаще тихий сон могилы
Пленительней, чем яркий шум.

Соблазн — последний срок исчислить
Душе порой неодолим,
И в жажде — не желать, не мыслить,
Я тайно упиваюсь им!

〈1919〉

* * *

Сложив стихи, их на год спрятать в стол
Советовал расчетливый Гораций.
Совет, конечно, не всегда тяжел
И не подходит для импровизаций.
Хотя б поэт был мощен, как орел,
Любимцем Аполлона, Муз и Граций,—
Не сразу же божественный глагол
Зажжет в нем силу мощных декламаций!
Пусть он всю ловкость в рифмах приобрел
И в выборе картин для декораций;
Пусть он и чувство для стихов нашел,
Всем нужны образы для иллюстраций:
Диван и лампа иль холмы и дол,
Ряды гранитов иль цветы акаций...
Но я собрал с усердьем мудрых пчел,
Как мед с цветов, все рифмы к звуку «аций»,
Хоть не коснулся я возможных зол
И обошел немало разных наций.
Теперь мне предоставлен произвол
Избрать иную рифму вариаций.

Что скажете, когда возьмусь за ум
И дальше поведу свой стих с любовью?
Поэт, поверьте, не всегда угрюм,
И пишет он чернилами, не кровью.
Но все ж он любит голос тайных дум,
И их не предает он суесловью.
Но мир ведь призрак, объясняет Юм,
И вот, стихи слагая по условию,
Он смело отдается чувствам двум:
Веселью и душевному здоровью.
И рифмовать он может наобум
Стих за стихом, не шевельнувши бровью.

На нем надет охотничий костюм,
Он мчится на коне в леса, к становой,
За ним мечта спешит, как верный грум,
Через изгородь, по пашням или новью,
И метко бьет львов, тигров или пум,
Гоня оленя к тайному низовью...
Но будет! Этих рифм тяжелый шум
Терзать придет с упреком к изголовью.

〈1919〉

* * *

Мелькают дни, и с каждым новым годом
Мне все ясней, как эта жизнь кратка;
Столетия проходят над народом,
А восемьдесят лет — срок старика!

Чтоб все постичь, нам надобны века.
Мы рвемся к счастью, к тайнам и свободам,
И все еще стоим пред первым входом,
Когда слабеет смертная рука.

Нам призрак смерти предстает, ужасный,
Твердя, что все стремления напрасны,—
Отнять намерен горе и печаль.

Но нет! Он властен заградить дыханье,
Но мысль мою, мои мечты, сознание
Я унесу с собой — в иную даль!

〈1919〉

ЗНАКОМЫЙ СТИХ

EXPOSITIO ¹

Знакомый стих любимого поэта!
Он прозвучал, и вот душа — ясней,
Живым лучом властительно согрета,
Скользнувшим отблеском далеких, милых дней!

¹ Тема (лат.).

Слова поэта — магия печали:
В них мир таится мыслей и картин,
И часто словно разверзает дали
Мечтам — одна строфа иль стих один.

И как в зерне скрывается растение —
И стебель, и листья, и цветы, и плод,
Так и в стихе затаено виденье, —
Как семя, пав, оно в душе растет.

ЕХОРИУМ¹

Вслед за картиной движется другая
И ряд еще, но, сладостно слита
С мечтой поэта — (раня) и сверкая, —
Встает далекой юности мечта!

Я помню тот же стих; к знакомой книге
Приникли мы, счастливые, вдвоем.
И были полны вкрадчивые миги
Возникшим, как заклятие, стихом.

Он подсказал нам все, что мы таили,
Он объяснил, что в нас самих живет,
Нас подчинил своей чудесной силе,
Как Паоло с Франческой — Ланчелот!

Знакомый стих любимого поэта,
С тобой навек сплел эти миги я,
Диван высокий, тайны полусвета
И сладкий миг желанного ответа,
Крик радостный души: твоя! твоя!

1919

НАБРОСОК

Все роковое божественно,
Прав победитель всегда!
Пусть он ступает торжественно —
Пей упование стыда!

¹ Развязка (лат.).

С ней, с неизменной, с возлюбленной,
Вот он на ложе любви!
Дерзостно с жертвой погубленной
Жгучие нити не рви.

Ты диадемой венчаешься,
Алые розы надень.
Пусть от огней опьяняешься,
Нежит и хмурая тень.

Нежит мученье последнее —
Плакать растоптанной в прах...
Ты торжествуешь победнее
С черным молением в зрачках.

1917 или 1919

* * *

Я доживаю полстолетья,
И на события все ясней
Могу со стороны смотреть я,
Свидетель отошедших дней.

Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «Реформ» прощальный свет.

И, мальчик, пережил, как был, я
Те чаянья родной земли,
Что на последние усилья
В день марта первого ушли.

Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжко и позорно
Всех самовластия пята.

Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.

О, как забилося сердце жадно,
Когда за ужасом Цусим
Промчался снова вихрь отрядный
И знамя красное за ним!

Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла.
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.

Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово
Взвились в торжественную высь.

Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я считал...

1919

* * *

Я выросал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

* * *

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая,—
И все ж, деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.

Весь этот мирный, весь этот старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в полдень брачный
Рассветных тучек узор прозрачный,
Уже, как громы, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.

Я вижу — фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах ярком,
Под легкой стаей моторных барок,
Лес, возвращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской сгущает кров.

Победно весел в блистающих светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.

Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной ввысь, к облакам.

22 июля 1920

БЕССОННАЯ НОЧЬ

За окном белый сумрак; над крышами
Звезды спорят с улыбкой дневной;
Вскрыты улицы темными нишами...
— Почему ты теперь не со мной?

Тени комнаты хищными птицами
Все следят, умирая в углах;
Все смеются совиными лицами;
Весь мой день в их костлявых когтях.

Шепчут, шепчут: «Вот — мудрый, прослав-
ленный,
Эзотерик, кто разумом горд!
Он не гнется к монете заржавленной,
Не сидит он меж книг и реторт!

Юный паж, он в наивной влюбленности
Позабыл все морщины годов,
Старый Фауст, в зеркальной бездонности
Он das Weibliche¹ славить готов.

¹ Женственность (нем.).

Любо нам хохотать Мефистофелем,
В ранний час поникая во мглу,
Над его бледным, сумрачным профилем,
Что прижат к заревому стеклу!»

— Полно, тени! Вы тщетно насмешливы!
Иль для ваших я стрел уязвим?
Вами властвовать знаю! Не те ж ли вы,
Что склонялись пред счастьем моим?

Вновь ложитесь в покорной продолжности, —
Тайте робко в улыбке дневной,
Вторьте крику свободной безвольности:
«Почему ты теперь не со мной!»

26—27 июля 1920

* * *

Гордись! я свой корабль в Египет,
Как он, вслед за тобой провлек;
Фиал стыда был молча выпит,
Под гордой маской скрыт упрек.

Но здесь мне плечи давит тога!
Нет! я — не тот, и ты — не та!
Сквозь огонь и гром их шла дорога,
Их жизнь сном страсти обвита.

Он был как бог входящий принят;
Она, предав любовь и власть,
Могла сказать, что бой он кинет, —
Гибель за гибель, страсть за страсть.

А мы? Пришел я с детской верой,
Что будет чудо, — чуда нет.
Нас мягко вяжет отсвет серый,
Наш путь не жарким днем согрет.

Те пропылали! Как завидны
Их раны: твердый взмах клинка,
Кровь с пирамиды, две ехидны,
Все, все, что жжет нас сквозь века!

А нас лишь в снах тревожит рана,
Мы мудро сроков тайны ждем.
Что ж даст нам суд Октавиана,
Будь даже мы тогда вдвоем!

Прощай! Я в чудо верил слепо...
Вот славлю смерть мечты моей.
И пусть в свой день с другим у склепа
Ты взнежишь яд священных змей!

5 августа 1920

УНЫНИЕ

Уныние! твой берег скал безлесных
Глухим прибоем пленных пен омыт;
Зловеще рыжи срывы стен отвесных,
Сер низкий купол, в жутких тучах скрыт.

К уклону круч, где смутно вход обещан,
Свой снизив парус, легкий челн причаль.
Свистящим ветрам петь из влажных трещин,
По камням мчать, как смерч крутя, печаль.

Безлюдье; чаек нет; не взбрызнут рыбы;
Лишь с вихрем раковин чуть слышный вздох...
Прянь на утес, стань на нагие глыбы,
Ползи, сметая пыль, мни мертвый мох.

В очах темно, дрожь в груди, руки стынут,
Кровь под ногтями; скользок узкий путь...
Жди, там, с высот, где кряжа гребень минут,
На новый склон, в провал огня, взглянуть!

Верь, только верь,— есть пламенные доли!
Жди, вечно жди,— там в пальмах реет зной.
Всходи, вползай, ломай гранит тяжелый,
Славь сад надежд, вися над крутизной!

24 августа 1920

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВЕКА

Как с камней пыль, мгновеньем свиты
Огни «Лито», темь «Домино».
Крута ступень в храм Афродиты,
Лицо, в знак страха, склонено!

Дианы светоч, тих и ярок,
Кидает дождь прозрачных пен
К снам колоннад, к раздумьям арок,
На гордый мрамор строгих стен.

Над зыбью крыш встал Капитолий;
Он венчан золотом, недвижим;
По Тибру с ветром негу соли
Вдыхает с моря вечный Рим.

Мы тайны ждем, воздев ладони,
Обряд молитв без слов твоя.
Тебе, рожденный в светлом лоне,
Наш скромный дар, цвет сентября.

Киприда, ты, чья власть нетленна,
Нас, падших ниц, благослови!
Не мы ль пришли сквозь мрак вселенной,
Века пробив тропой любви?

Не числь, благая, в грозной славе,
Людских обид! Взгляни: как встарь,
Здесь вольный Скиф и дочь Аравий
Чтут, в сладкой дрожи, твой алтарь.

Дней миллион, разгром империй,
Внесенный дерзко к небу крест,—
Исчезло все! Нам к прежней вере
Путь указал блеск вещей звезд.

Слух напряжен. Смех благосклонный —
Богини отзыв нас достиг...
Спит Рим, Селеной окропленный;
Но третьей стражи слышен крик.

Пора! Всплывает пар тумана?
Тибр тмится, форум мглой повит.
Стрельчатый вход к мечтам Тристана,
Струя багряный свет, открыт.

Там строй колонн взвел Савсовино,
Здесь дом, где Гретхен длила сон...
Блестя, взнесла нож гильотина...
Встал в свет окна Наполеона...

Спешим! веков и миг не метит;
Пусть чары крепки, ночь везде,—
Уже со стен, уголь жуткий, светит
Вязь четких букв: Эс-эр-ка-де.

28 августа 1920

* * *

Не лги, мечта! бывшего жгуче жаль,
Тех светлых ласк, тех нежных откровений,
Когда, дрожа в рассветной мгле мгновений,
Была любовь прекрасна, как печаль.

Но нас влечет дыханьем дымным даль,
Пьяня огнем неверных дерзновений.
В наш бред воспоминаний и забвений
Вонзает время режущую сталь.

В какой стране очнемся мы, кто скажет?
Гудящий ток разлившейся реки
Меж прошлым сном и настоящим ляжет.

И эти дни томленья и тоски
Растают тенью заревых обманов,
Как там, за лесом, завеса туманов.

4 декабря 1920

ДВОРЕЦ ЦЕНТРОМАШИН

Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижимом свете,
Центродворец мотомашин.

Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.

Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит;
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.

Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжело врос,
И горны легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.

Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутясь, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.

Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий— гуди ты
Призыв на вековую брань!

Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,
Над взмахами валов огни!

Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковым,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!

А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объаты,
Вносите молча над числом!

Здесь — сердце города, здесь — в жилы
Столицы льются, вновь и вновь,
Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;

Чтоб город жил в огнях оконных,
В пыланьи лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;

Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной череде;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!

Ревь, зверь мощный, множь удары,
Шли токи вошь, не ослабей,
Чтоб город, созидатель старый,
Дышал свободно грудью всей,

Чтоб он, тебе придав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в высоты,
Мог мысль победную взнести!

17 декабря 1920

* * *

Когда над городом сквозь пыль поют
Глухие сны лимонного заката,
И торсы дряблые сквозь тень спуют,—
В зачахлом сквере жалкая запла́та.

Вновь ненавистны мне и дом и труд,
Мечта опять знакомой злобой сжата;
Над дряхлым миром я вершу свой суд,
И боль моя — за ряд веков расплата.

1920

БУНТ

В огне ночном мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? — Начало жизни новой.
Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.

Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро скрепы и основы,
Разверзта даль; принять венец готовый,
В сиянье братства входит человек.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горний;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920

* * *

Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной,
Где изнемог мрак, положи стеля,
Как враг врагу, как другу брат влюбленный,
Тебе кричит, верша свой круг, Земля:

«Довольно, люди, грозных распры! устала
Я дым вдыхать, кровь телом всем впивать!
Иль вам убийств, слав, дележей — все мало?
К оливе мира длань — вас молит мать.

Взрыт океан огнем эскадр бродячих,
Поля пальбой дрожат до тучных недр,
Пожаров буйный блеск слепит незрячих...
Смиритесь, дети! дар мой будет щедр.

Грызите грудь мне остро-тяжким плугом,
Вдвигайте в чрево камни стройных стен, —
Но пусть с востоком запад, север с югом
Признают вновь мой дружественный плен!»

— Нет, мать-Земля, молчи! ты миллиарды
Веков жила, чтоб встретить этот век;
Рождались черви, ящеры и парды,
Но смысл твоих рождений — человек!

Теперь он встал, чтоб жизнь твою осмыслить,
Твои дела венчать своим венцом.
Он смеет ныне мыслить, мерить, числить,
Он во вселенной хочет стать творцом.

Гул наших битв есть бой святой, последний,
Чтоб земли все связать в единый жгут,
Все силы слить в один порыв, победней
Взнести над миром мудро-дружный труд.

Земля, смотри! упор единой выи
Ввысь всюду взводит светлый ряд аркад:
Рабы нам воды, ветры, все стихии,
Ты вся — эдем, ты вся — поющий сад.

Мы челны шлем путем междупланетным,
Мы учим правде звездных мудрецов,
Твой мир несем мы, именем заветным
Твоим крестим мы жизнь иных миров.

Тебе, Земля, путь устроаем новый,
Твой, мощью знаний, оживляем прах,
Жуть вечных далей одолев, готовы
От солнца к солнцу плыть в эфирных днях!

<1920>

* * *

Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блески эти
И те, что слиты в Млечный Путь, —

Все это — солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель, — такие,
Как шар земной, где мы живем.

В просторном океане неба,
Как в жизни нашей,— тот же круг;
Там тот же бодрый труд для хлеба,
Та ж радость песен и наук!

1920

* * *

Современность грохочет, грозит, негодует,
Врезом молний браздит ваш уклончивый путь,
Сон грядущего в зорких зарницах рисует,
Валит слабых и сильных стремится столкнуть.

Но ведь ярусы розы по-прежнему красны,
Пестры бабочки в поле, легки облака,
Камни мертвых строений упруго-бесстрастны.
Быстро миги летят, собираясь в века.

Так стройте призрак жизни новой
Из старых камней давних стен.
Меня ж всегда закат багровый
Влечет, как узника, в свой плен.

Пройдут века, над вашим домом
Воздвигнут новые дома,—
Но будут жечь огнем знакомым
Все тот же блеск, все та же тьма.

Еще священной и чудесней
За ночью ночь воздвигнет храм,
Чтоб в нем по зову Песни Песней
Клонили зной уста к устам!

<1920>

* * *

Не довольно ль вы прошлое нежили,
К былому льнули, как дети?
Не прекрасней ли мир нынешний, нежели
Мертвый хлам изжитых столетий?

Иль незримо не скрещены радио,
Чтоб кричать о вселенской правде,
Над дворцами, что строил Палладио,
Над твоими стенами, Клавдий!

Не жужжат монопланы пропеллером,
Не гремят крылом цеппелины.
Над старым Ауэрбах-келлером,
Где пел дьявол под звон мандолины?

На дорогах, изогнутых змеями,
Авто не хохочут ли пьяно
Над застывшими в зное Помпеями,
Над черным сном Геркулана?

А там на просторе, гляньте-ка,
Вспенены китами ль пучины?
Под флотами стонет Атлантика,
Врезают глубь субмарины!

<1920>

* * *

С тех пор как я долго в немом ожидании,
В тихом веселии,
Качался над пропастью смерти,—
Мне стали мучительны повествования
О невинной Офелии,
О честном Лаэрте,
И много таких же золотоволосых
Историй
О любви и о горе.

Волны у взморий
Стыдливо рокочут;
На зеленых откосах
Кузнечики сладко стрекочут;
Розы в стразовых росах
Влюбленным пророчат,
И та же луна
(О которой пела Ассирия),
«Царица сна»
(И лунатичек),

Льет с высоты
Свои древние, дряхлые чары
На круг неизменных привычек,
На новый, но старый,
Ах, старый по-прежнему свет.
Да, та же луна
Глядит с высоты,
Луна, о которой пела Ассирия,
Нет!
Иной красоты
Жажду в мире
Я.

〈1920〉

* * *

Снова сумрак леса зелен,
Солнце жгуче, ветер чист:
В яме, вдоль ее расселин,
Тянут травы тонкий лист.

Сквозь хвою недвижных елей
Полдень реет, как туман.
Вот он, царь земных веселий,
Древний бог, великий Пан!

Здравствуй, старый, мы знакомы,
Много раз я чтил тебя.
Вновь пришел, мечтой влекомый,
Веря, радуясь, любя.

Я ль не славил, в вещей песне,
Запах листьев, ширь полян,—
Жажду петь еще чудесней:
Милый Пан! я счастьем пьян.

Старый, мудрый, стародавний,
Ты поймешь ли в этот день,
Что восторг любви — державней,
Чем высоких сосен тень?

Что лишь в час, когда ликуем
Мы от новых страстных ран,
Сладко метить поделуем
Шерсть твою, Великий Пан!

<1920>

ВСАДНИК В ГОРОДЕ

Дух наших дней свое величество
Являл торжественно и зло:
Горело дерзко электричество
И в высоте, и сквозь стекло;
Людей несметное количество
По тротуарам вдоль текло;

Как звери, в мире не случайные,
Авто неслись — глаза в огне;
Рисуя сны необычайные,
Горели кино в вышине;
И за углом звонки трамвайные
Терялись в черной глубине.

И вот, как гость иного времени,
Красивый всадник врезан в свет;
Носки он твердо держит в стремени,
Изящно, но пестро одет:
Ботфорты, хлыст, берет на темени,
Былой охотничий жакет.

Как этот конь исполнен грации!
Его копыт как звучен звон!
Он весь подобен иллюстрации
К роману рыцарских времен.
Но как неверны декорации,
Восставшие со всех сторон.

Здесь, где шумит толпа столичная,
Полна всесилья своего,
Здесь, где, дымя, труба фабричная
Стоит — немое божество, —
Где стук машин — игра привычная,
Ты, выходец, искал чего!

Ты нарушаешь тон торжественный
Всей современности. Гляди:
Толпа, смеясь, на зов естественный,
Играя, мчится впереди.
Что ж! как кентавр, как миф божественный,
В былых преданьях пропади!

1920

В ВАГОНЕ

Душно, тесно, в окна валит
Дымный жар, горячий дым,
Весь вагон дыханьем залит
Жарким, потным и живым.

За окном свершают сосны
Дикий танец круговой.
Дали яркостью несны,
Солнце — уголь огневой.

Тело к телу, всем досадно,
Все, как мухи, к стеклам льнут,
Ветер бега ловят жадно,
Пыль воздушную жуют.

Лица к лицам, перебранка,
Грубость брани, визгливый крик,
Чахлый облик полустанка,
В дым окутанный, возник.

Свет надежды; там, быть может,
Ковш воды, студен и чист!
Нет, напрасно не треножит
Паровоза машинист!

Прежний дым и грохот старый,
Духота, что раньше, та ж,
Караван в песках Сахары,
Быстро зыблемый мираж.

Все песок, пески, песчаник,
Путь ведет в песках, в песках.
Сон иль явь, ах, бедный странник,
Да хранит тебя Аллах!

1920

БОЛЕЗНЬ

Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Все бесплодней, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.

Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть.
За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.

То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет — с именем моим.

Что ж! Порвать давно готов я
Жизни спутанную нить,
Кончив повесть, послесловья,
Всем понятного, не длить.

Только жаль, мне не дожидаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся
Над судьбой племен земных.

Словно бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... куда? — во мрак ли,
В свет ли яркий?.. Мысль, ответь!

1920

ВОЗВРАЩАЯСЬ

Возвращаясь, мечтать, что завтра,
В той комнате, где свалены книги,
Этих строк непризнанный автор
Опять будет длить повторенные миги
И, склоняясь у печки к остывающим трубам,
Следить, как полудетские губы
«Нет» неверно твердят,
Как лукавые веки упорно
Прикрывают наивно-обманный взгляд,
А около,
Из-под шапочки черной,
Вьются два маленьких локона.

Возвращаясь, мечтать, что снова
Завтра, под снежным дождем,
Как в повести старой,
Мы пройдем вдоль Страстного бульвара
Вдвоем,
Говоря о причудах маркиза де Сада,
Об том, что мудро таит Кама-Шутра,
Об чем исступленно кричал Захер-Мазах,—
И будет все равно — вечер, день или утро,
Так как вечность будет идти рядом,
Та вечность, где живы
Каждый лепет счастливый
И каждый вздох.

Возвращаясь, мечтать о простом,
Об том,
Что завтра, маленьким чудом,
Я снова буду,— я буду! —
Тем же и с ней же!
Смейся, февраль, колючий и свежий,
В лицо мне,
С насмешкой тверди о моем вчера!

Ничего не хочу я помнить!
В памяти, умирая, простерты
Все прежние дни и ночи,
И возле,

Окоченели и мертвы,
Все утра и все вечера.
Февраль! Чего ж ты хохочешь,
«А после?» твердя ледяным языком!
Что будет после,
Подумаем после об том.

14 февраля 1921

* * *

Дни для меня не замысловатые фокусы,
В них стройность математического уравнения.
Пусть звездятся по водам безжизненные лилии,
Но и ало пылают бесстыдные крокусы.
Лишь взвихренный атом космической пыли я,
Но тем не менее
Эти прожитые годы
(Точка в вечности вечной природы)
Так же полны значения,
Как $f(x, y) = 0$.
Богомольно сгибало страдание страсти,
К золотым островам уводили наркотики,
Гулы борьбы оглушали симфонией,
В безмерные дали
Провал разверзали,
Шелестя сцепленьями слов, библиотеки.
Но с горькой иронией,
Анализируя
Переменные мигот и лет,
Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и планет.
И когда, умиленным безумьем охвачен
Иль кротко покорежен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,
Это — к формуле некой
Добавляю я «а» или «b».

26 февраля 1921

Еще раз, может быть, в последний,
Дороги выбор мне дарован,
На высях жизни, здесь, где воздух
Прозрачной ясностью окован,
Где жуть волшебней, заповедней,
Где часто на порфирных скалах
В сны без надежд проснуться — роздых
Склоняет путников усталых.

Высок бесстрастно купол синий,
Внизу, как змей извивы, тучи,
Под ними грива острых сосен,
Чу! водопад с соседней кручи...
Я ль не над миром, на вершине?
И ронщет ветер с лживой лаской:
Усни! Довольно зим и весен,
Путь завершен, стань вечной сказкой!

Не верю! Посох мой не сломан,
И тропы вьют к иным высотам,
Чрез новый лог, былых — огромней,
Где шумен пчел разлет по сотам,
Где легких птиц певучий гомон,
Где высь безмерней, даль бескрайней,
Где, может быть, припасть дано мне
К твоей, Любовь, предельной тайне!

28 февраля 1921

В священной бездне мглы архангел мне предстал,
В его зрачках сверкал карбункул и опал.
И вестник вечности сказал мне строго: «Следуй!»
Я встал и шел за ним. Все стало сродно бреду.
Мы понеслись, как вихрь, меж огненных светил,
Внизу, у ног, желтел водой священный Нил,
Где ныне барка Ра уже не гнет папирус;

Потом меж гибких пальм Ганг многоводный вырос,
Но спал на берегу осмеянный факир;
Мелькнул тот кругозор, где буйный триумвир
Бежал от Августа, в бою палим любовью;
И арки, давшие мечту средневековой,
Веселье, что творил свободный Рафаэль,
Конкистадоров гром и вдохновенный хмель,
Маркиз нарядных сон, под звуки менуэта,
Когда была вся жизнь беспечностью одета;
Кровавый блеск, где был нож гильотин взнесен,
Твой пламенный пожар меж битв, Наполеон,
Разгары новых войн и мятежей, стихии,
Зажегшие векам огни Ресефери.

Все в диком хаосе взметалось подо мной,
И голос слышал я, катившийся волной:
«Внемли! Изведал я все таинства Изиды,
И то, как, бросив храм разящей Артемиды,
Бежали эллины туда, где деял чары Вакх;
Как возбуждал вражду в квиритах смелый Гракх,
Как с гибеллинами боролись яро гвельфы
В лесах, где при луне играли резво эльфы;
Как, океан браздя, Колумб едва не сгиб,
Как молча созерцал аутодафе Филипп,
И был Эскуриал весь дымами окутан,
Как в яблоке закон миров провидел Ньютон
И в лагере постиг сознанья смысл Декарт.
Как в дождевой апрель (по-старому — был март),
В светлице, где сидел недавно сторож царский,
Стихам Гюго внимал с улыбкой Луначарский».

Внимая, я дрожал, а вестник мне: «Гляди!»
И хартии тогда раскрылись впереди.
Гласила первая: я — истина Биона,
Чрез меру — ничего! вот правило закона!
Вторая: не забудь — я мыслю, ergo sum¹.
Но слишком много слов запутают и ум.
А третья: сам Гюго сказал: мне рек Всевышний —
Искусство в том, чтоб все зачеркивать, что лишне.

3 апреля 1921

¹ Следовательно, существую (лат.).

Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!
Держите к ружьям примкнуты штыки!
Лишь в день, когда лопнет земное терпенье,
С ним цепь милитаризма разлетится в куски.

Чем орды гудели, даль тряся, при Саргоне,
Чем ухали пушки под топот Аттил,—
Нам вчера звенело с аппаратов Маркони,
Сегодня говор газет подхватил.

И бои, где за греком стоит англичанин,—
Перезвон под набатом исторических дат:
Что и сотый век на земле не причален
И к войне против войн вызван красный солдат.

Сентябрь 1922

А. К. ГЛАЗУНОВУ

Слава — властителю звуков! творцу вдохновенному —
слава!
Звуками нас ты прославил, мы звуками славного славим!

Стелется вольное М о р е;
раскинулся Л е с на раздолы;
Веет В е с н а по просторам;
по Волге плывет С т е н ь к а Р а з и н;
Чу! Т р у б а д у р а припевы;
чу! стук костяков,— П л я с к а С м е р т и;
Нет, то М а з у р к а топочет!
нет, это — С л а в я н с к а я С в а д ь б а!
З а п а д н ы й м а р ш, честь Чикаго...
Причудливость Г р е з о В о с т о к е...
Радостен взлет С а л о м е и;
но П е с н я С у д ь б ы беспощадна.

Звуками мир ты прославил, мы звуками славного славим!
Слава — властителю звуков, творцу вдохновенному —
слава!

12 октября 1922

Странствующий рыцарь, Дон Кихот!
 Чуден был, был вдумчив твой приход.
 Двадцать пять столетий ждали мы;
 Вдруг пробил Сервантес толщу тьмы.
 С толстым Санчо Панса на осле,
 Тощий, ты поехал по земле
 Из родной Ламанчи вдаль и вдаль.
 Ты поныне едешь, и едва ль
 Ехать перестанешь где-нибудь.
 Странствующий рыцарь, здесь побудь!

<1922>

Быть может, у египетских жрецов
 Учился ты; кой-что познал, быть может,
 Из тайн халдейских; споры в синагогах
 Ты слушал; в строки Библии вникал
 И много думал о вопросах вечных.
 Твой ум был остр, но тесен кругозор
 И замкнут гранью тесной Палестины.
 Тир и Сидон, с их роскошью увядшей,
 Тебе казались образцом богатств,
 Лишь по бродячим греческим купцам
 Ты знал Элладу, глух к стихам Гомера,
 К виденьям Фидия, к мечтам Платона;
 Рим — по солдатам, что привел Пилат,
 Да по монетам, где представлен «Кесарь».
 Шел грозный век, империя творилась,
 В горниле римском плавилась культуры,
 А ты в глуши своих родных пустынь,
 Сын плотника, в затишьи Назарета,
 Мечтал восстать учителем земли...

Земли?.. быть может... может быть, и нет.
 Как разгадать мечты твои в пустыне,
 Где Дьяволом ты искушаем был!
 Ты вышел как соперник Иоанна,
 Чтоб скромно поучать родной народ.
 Но рыбаки со скал Генисаретских,—
 Простой и грубый, неученый люд,—

Твоим словам восторженно дивились
И ужасались мудрости твоей.
Ты их учил — и представлял пророком;
Ты исцелял — казался чудотворцем,
И вот, успехом легким опьянен,—
Сначала тайно, после все открытей,
Ты дерзко объявлял себя Мессией,
И рыбаки поверили тебе...
Свою мечту запечатлел ты смертью,
Как тысячи пророков, и пошла
Молва глухая о тебе по свету...

И все бы кончилось глухой молвой.

<1922>

* * *

Люблю в закатном замираньи
Луча, над блестками зыбей,
На миг немое трепетанье
Пугливых, сизых голубей;

Они в предчувствии утраты
Дня, осенявшего их дрожь,
Скользят,— и вот уже трикраты
Я прошептал: «Снов не тревожь!»

Те сны! как паутинной нитью
Они над памятью давно,
Кружась, легли, и по нити
Я сам вертел веретено.

Вот черный волос, вот багряный,
Зеленый, синий... света сны!
В клубке дыханья нитей пряны,
И ими полночи пьяны.

Но здесь, у плахи солнца! в силах
Еще я крикнуть вслух: убей!
Чтоб глубь дрожанья отразила
Пугливых сизых голубей.

17 января 1923

УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ

Каждогодно все так же, из миллионолетия в новые,
В срочный день объявляет весна ультиматум,
Под широтами дальними на время основывая
Царство, где оборона отдана ароматам.

И поэты все так же, новаторы и старые,
Клянутся, что не могут «устоять при встрече»,
И церемониймейстер, с мебели бархат снега спарывая,
Расстилагает парчу зелени вдоль поречий.

Каждое эхо, напролет не сутки ли,
Слушает клятвы возобновленных влюбленных,
Даже, глядя на город, в каменной сутолоке
Око синего неба становится ослепленным.

В этот век — черед мой; по жребию назначенный,
Должен я отмечать маятник мая,
[Повторять] в строфах, где переиначены,
Может быть, славословья Атлантиды и Майи.

Служить не стыдись Весне, ее величеству,
Слагаю вновь, мимоходом, в миллионолетиях — году,
С травами, зеленью, небом, со всем, что приличествует
Придворному поэту, — очередную оду.

28 марта 1923

РЕСПУБЛИКА ПОСЛЕДНИХ СНОВ

Республика последних снов на грани,
Где шелест нив и шум лесной к пустыне
Приносят гул надбрежных обмираний!

Предельные, где скат песков, святыни!
Убогий храм, прямя пальмовой колонны,
И нить бойниц, в простом, но тесном типе.

Там, на крыльце, твой светлый лик, наклонный
К окну, где свет от светочей Кибелы;
Чу! хоры жриц — мне обмен благосклонный!

Там, сзади, край, где, в битвах огрубелы,
Ввысь вызов мечут журавлям пигмеи,
Где склоны гор костями странных — белы;

Там тяжек путь, пустых ночей немее,
Самумов зов, за сушью сдвиг миража,—
А здесь, а здесь! твой взор,— черты камен!

Был долгод срок — искать возврат. Пора же
В тень памяти швырнуть Край Носорогов.
Слышней наш топот; копыта вносит стража.

Миг, разве миг? Я, пыльный, на порогах,
Мечта, стой здесь! Мечта, в день не гляди ты!
Что, кроме влажных губ к губам! С отрогов

Последних снов диск ранней Афродиты.

11 июня 1923

* * *

Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле,
Десятилетия и страны последних эпох;
Что ни год, он сраженьем промечен, прославлен,
Что ни дюйм, след оставил солдатский сапог.

Война на Филиппинах; война в Трансваале;
Русско-японская драма; гром на сцене Балкан;
Наконец, в грозном хоре,— был трагичней едва ли,
Всеевропейский, всемирный кровавый канкан!

Но всхлип народов напрасен: «поторговать бы мирно!»
Вот Деникин, вот Врангель, вот Колчак, вот поляк;
Вот и треск турецких пулеметов под Смирной,
А за турком, таясь, снял француз шапокляк.

Жизнь, косясь в лихорадке, множит подсчеты
Броненосцев, бипланов, мортир, субмарин...
Человечество — Фауст! иль в музеях еще ты
Не развесил в досталь батальных картин?

Так было, так есть... неужели так будет?
«Марш!» и «пли!» — как молитва! Первенствуй, капитал!
Навсегда ль гулы армий — музыка будней?
Красный сок не довольно ль поля пропитал?

Пацифисты лепечут, в сюртуках и во фраках;
Их умильные речи — с клюквой сладкий сироп...
Но за рынками гонка — покрепче арака,
Хмельны взоры Америк, пьяны лапы Европ!

<1923>

ШАРМАНКА

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала,
И забыла,— была иль сон?
Песня — вздохи, пляска — стон.
Скорбный вопль за блеском бальным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздрыгнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит,—
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.

Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожидла?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке — немец бравый,
В шляпе длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хрипом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!

Звуки, словно в стужу, дрогнут.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...
Эй, бедняк! чего стоять!
Все — кто в кино, кто на даче...

Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? — что пятак!
Только б стоном удлинненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!

1923

ГЕРМАНИИ

1923

Кошмар! Кошмар опять! Один из многих,
Историей являемых в бреду:
Сонм пауков, огромных, восьминогих,
Сосущих кровь близ мертвых клумб в саду.

Германия! Да, ты в былом повинна
За страшное, но — страшен твой расчет!
Раздавлена низринутой лавиной,
Ты знала казнь, вновь казнь, и казнь еще!
Нет ничего: ни стран — манить под тропик,
Ни стимеров — дробить в морях стекло,
Ни фоккеров — кричать, что век торопит,
Ни шахт, копивших уголь и тепло,
Ни золота, ни хлеба... Да! свидетель
Весь мир, как рок смеялся и казнил:
Твои богатства рвали все, а детям
Нет молока, и в школах нет чернил!

И тщетно те, кто зиждил это
Богатство, те, чей подвиг — труд,
Встают, чтоб мышцами атлета
Открыть блистанье лучших руд:
Им против — свой земляк-предатель,
Им против — звон чужих монет...
На Шпрее зажечься ль новой дате?
Мечтаешь: да! быть может: нет...
От Сен и Тибров до Миссурей
Следит строй мировых владык,
И, веря в помощь, твердо в Руре
Стоит француз, примкнув свой штык.

А те? — Веселятся и пляшут, ведь раны
Их бойни избытой — не им;
И золото, золото, — пряно, багряно, —
Поет им оркестром немым.
Им весело, весело, — золото в башни
Слагать, вить второй Вавилон.
Что день, их восторг удалей, беспшибашней:
Весь мир им достался в полон.
Там черный, там желтый, там парий, там кули:
Всех — в копи, к станкам, на завод!
«Недаром же в Руре штыки мы примкнули!» —
Поют, выводя свой гавот.
«Враг сломлен, мы вместе, теперь мы посмеем»,
«Нам власть над землей с этих пор!»
«Над толпами станем, пропляшем по змеям»,
«А в фасках фашистов — топор!»

Те пляшут, та исходит кровью,
Мир глухо ропщет под пятой...
Но с трона вдруг поводит бровью
Пугливо идол золотой.
На миг в рядах поющих смута,
И мысль, прожженная огнем,
Кричит невольно и кому-то:
«Не надо вспоминать об нем!»
А он, у грани их веселий,
С земли всходя до звездных сфер,
Стоит; и тучи вниз осели,
Чтоб людям вскрыть СССР.

Да, так. Старуха Клио хмурее
Глядит, как точит кровь земля;
Но внове ль ей? все ж от Лемурии
Был путь до Красного Кремля.
И все равно, опять прольются ли
Такие ж токи в тайну тьмы:
Из бурь войны, из революции
Мир стал двойным: *они* и *мы*.
Иных нет сил...

<1923>

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов, v - v -
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний бой. v - v -
И решительный бой. v - v -
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба.
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!

1924

РЕКВИЕМ

На смерть В. И. Ленина
(Музыка Моцарта)

Все голоса. Горе! горе! умер Ленин.
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте горе снова!
Горе! горе! умер Ленин!
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте снова, снова!
Ныне наше строго слово:
С новой силой, силой строй сомкни!
Вечно память сохрани!

Сопрано, тенор, бас. Вечно память, память
Альт. вечно —
Вечно память
Сопрано, тенор, бас. Ленина —
Альт. Сохрани!
Все голоса. Храни!
Память!

24 января 1924

* * *

Свет обмер, тени наклонились,
Пространней запах слитых лиц;
Последний звон заходит, сиясь
Во тьме сдержать надгробный всхлип.

И стала ночь, и снова стало
Пустынно-тихо. Грезит луг,
Спят люди, не вернется стадо,
Реке дано катиться вслух.

Века, века, века учили
Земное ночью никнуть в сон,
Мять думы дня в слепом точиле,
Закрыв глаза, пить небосклон.

Шныряют совы; шум летучих
Мышей; лет легких мотыльков...
Все это — искры звезд падучих,
Чей мертвый мир был далеко.

Нам солнца ждаты! Нам тьма — граница,
Нам тишь — черта меж гулов дней.
Наш мозг в дыханьях трав гранится,
Нам в снах вся явь борьбы видней.

18 мая 1924

* * *

Трава весенняя допела
Свою живую зелень. Зной
Спалил сны мая, и Капелла
Кропит июньской белизной.

Вот ночи полночь, полдень года,
Вот вечер жизни, но, во мгле,
Вот утро, жгучий луч восхода,
Не к вышине, а по земле!

Зари, еще не возвещенной,
Вино пьяно, и я, взамен,
Готов, заранее прощенный,
Для всех безумств, для всех измен.

Пусть вечер! он же — полдень! — Где-то
Цветам процвести, их пчелам пить, —
И стебли чьих-то рук воздеты,
Чтоб вечный полюс торопить.

Пусть август будет. Плод налитый
Спадет в корзину, мертв и жив.
За десять лет замшеют плиты,
Недавний гроб не обнажив...

Но нынче ночь. Кротка Капелла,
Кропя июньской белизной;
Трава сны зелени допела,
И всюду — только свет и зной!

1924

DOLCE FAR NIENTE¹

Под столетним кедром тени...

Tertia Vigilia, 1900 г.

И после долгих, сложных, трудных
Лет,— блеск полуденных долин,
Свод сосен, сизо-изумрудных,
В чернь кипарисов, в желчь маслин;

И дали моря, зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зовя уснуть — не вслух, не вдруг...

Расплавлен полдень; гор аркады,
Приблизясь, шлюют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, цикады,
И древний кедр признал меня.

Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрать в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржавый,
Дверь вскрыта в сон былой,— и вот,

Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова dolce far niente
Я, в юность возвращен судьбой.

*Алупка
8 июля 1924*

* * *

Краткими складками взморщи,
Ветер, пугливую гладь,
Пленную пену на взморьи
К темным утесам прилады!

¹ Сладкое безделье (*итал.*).

Ветер! мы вместе взбивали —
Вспомни, верхушки олив,
Где им любовь напевали
Волны, вбегая в залив;

Ветер, — припомни, — пьянели
Вместе мы в снах миндалей,
Ты на лету пел не мне ли:
«Первую кручь одолей!»

Выше, где смолы сквозь горный
Воздух плывут, как пары,
Рыли мы древние горны
Гномов третичной поры.

После, сронив ароматы,
Прянув за грани скалы,
Мчались мы с бурей косматой
Тмином и мятой яйлы!

Ветер с мохнатых магнолий,
Ветер, мой давний свояк,
Прошное кануть могло ли —
Утром задутый маяк?

Ветер, лихой запевало,
Гладь синеватую брось!
Чтоб на яйлу, как бывало,
Нам закружиться не врозь!

17 июля 1924

МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!

Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров,

Ряд входов с моря ты открыл в Аид,
Чтоб доступ к Стиксу прост был; ты, во мраке,
Там души предков кличешь, но таит
Тьма недр виденья: голоса и зраки.

В расщепы гор вложил ты халцедон,
И аметист, и сердолик, — но ими,
Твоей волшбой, гремит лишь Посейдон,
Играя в мяч со скалами нагими.

К себе деревьям путь ты запретил,
Свой мир покрыв полынью и волчцами,
Чтоб был над степью ярче ход светил
В твоих волнах, дробящихся венцами.

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеянии,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись —
Да небеса гласят твои даянья!

И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно бывшего мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп кумира.

17 августа 1924

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Он в старой раме, с блеклыми тонами,
В губах усмешка, взгляд лукав и строг,
И кажется, везде следит за нами,
Чуть в комнату вступаешь на порог.

Прическа старомодна, но в сверканьи
Зрачков — не тайна ль тайн затаена?
Чем пристальней глядишь на их мельканье,
Тем явственней, что говорит она:

«Нет, только нас поистине любили,
И дать любовь умеем только мы.
Пришла весна, и землю зазнобили
Холодные предвестники зимы.

Вы не любви, вы ищите победы,
Мужскую робость шумом слов прикрыв.
Каким презреньем встретили бы деды
Всю вашу страсть, весь жалкий ваш порыв!»

23 августа 1924

СОЛОМОН

Что было? Вихрь тысячелетий
Качал весы, играл людьми,—
За ратью рать влачили плети
С полей Ашура в край Хеми.

На краткий век вставал прославлен
Крылатый бык иль коршун Гор.
И вновь металл племен, расплавлен,
Шел к новым формам в вечный горн.

Так с двух сторон мятущий молот
Дробил, кромсал обломки стран.
Казалось, в прах и в сон размолот,
В дым былей взвеен Ханаан.

Но мир двух сил в противоборстве
Сам жег себя, как скорпион,
Пал, ядом черн; и вот, в упорстве,
Сиять над ним ввысь встал Сион.

Простер от моря к морю длани,
С высот к высотам разлил хмель,
Как спрут, провлек сосцы желаний
В блеск Индий, в Пунт, за край земель.

Гром, чудо, слава Соломона,
Запруды сбив, одна река,
Смыв Вавилоп, смыв храм Аммона,
Вся ярость, хлынула в века.

Чтоб в наши дни, врываясь ярко,
Нас спрашивать, нам отвечать,
Горя сквозь вязь колонн San Marco
На Соломонову печать.

25 августа 1924

КРЫМ

Лестью солнца в лоск обласкан,
Берег вплел в меандр меандр, —
Франт во фраке! скалы — лацкан;
Ал в петлице олеандр;

Брижжи пен припали к шее;
Мат магнолий — галстук их...
Старых мод покрой свежее
Новых вымыслов тугих!]

Солнце льстит; флиртует море;
Ветер — остр, ведет sauserie¹..
Берег, в полдень, спит в изморе.
Кипарисов тень — драпри.

Глянет вечер. Белой раной
Вскроет месяц тьму воды;
В лавр и в мирт блеск ресторана
Вдавит плавкие следы.

Эх! что тут вам, nereиды!
Мотор бьет: место взято...
Мертв сон пушкинской Тавриды...
И ревут, идут авто!

«Где Мария? Где Зарема?
Кто нас песней обманул?»
Берег-франт к дверям гарема
Свой червонец протянул.

7 сентября 1924

¹ Беседа (франц.)

Вот я — обвязан, окован
 Пристальным глазом змеи очковой,
 Над былинкой лесная газель;
 Вновь тропу преградила Цель.

Здесь, в стране исканий,
 Где века грохочут листвою,
 Мысли гениев — реки, и с камней —
 В непостижность водопад роковой;
 Где направо — скалы в грядущее,
 Где налево — пропасть в прошедшее,
 Где ветры, над истиной дующие,
 Кричат, как сумасшедшие;
 В лесу исканий,
 Без Энея Асканий,
 Лань пред змеей очковой, —
 Обвязан, окован.

Иду
 По всем тропам;
 Рублю топором череду,
 Кожа мудрецов — барабан!
 Сквозь лианы, шипы
 На все тропы,
 И будто —
 Я Заратуштра, я Будда,
 Я Христос, я Магомет,
 Я — индейский сашем —
 Курю калюмет...
 И всюду —
 Чудо:
 «Почему» превращается странно в «зачем».
 Глазом змеи очковой
 Я очарован.

1924

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Поэма в 6-ти главах

(Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)

1

Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убранном столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот — Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...

На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И мальчишки скользят, цедя
Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды.
Музыка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждений.

Но что веселий праздник смолк?
Затихли флейты, гости немые;
В сверканьи светлой диадемы,

Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами
Пиры сменяются пирами;
Она хвалой упоена,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам.
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.

Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский — лошадей;
Эллада — мрамор и картины;
Италия — златые вина,
И Балтика — янтарь седой.
Наскучил город ей? — Вдоль Нила,
Поставив пестрые ветрила,
Она в триреме золотой
Плывет. Ее взволнуют страсти?
Пойдет, с сознаньем гордой власти,
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И все ж она невесела:
Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъяремных;
Не сходит тень с ее чела.
Ей все послушно, все доступно,
И лишь любовью неподкупной

Ей насладиться не дано!
И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.

2

Был снова праздник в пышном зале
Александрийского дворца.
На ложах гости возлежали;
Вокруг, при факелах, блистали
Созданья кисти и резца;
Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Сердца неслись к ее престолу.
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет;
Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь чело она подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Рекла, — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, — приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...

Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним — Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний — имени векам
Не передал; его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

«Клянусь, о мать наслаждений!
Тебе неслыханно служу:
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю!

Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертную секирой
Глава счастливых отпадет!»

3

И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая златом,
Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней — рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.
Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,
Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах — какая сила!
Как нежен стал ее язык!

«Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!
Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,
Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!

Всего, чего возикаждешь, требуй:
Я здесь — для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты — мой супруг!»

Сказала: и, простерши руки,
В объятья мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я...»
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

Фонтаны бьют, горят лампы,
Куруется легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.
Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.

Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно парицы,
И будет, молча, ждать денницы,

Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут дети!
Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;
Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец.
Еще угрюмый страж-скопец
Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый — сонм рабов
Не открывал в испуге взоров.
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внимлет
И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.
Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской дрожи,
Как властелину своему,
Вливала в жилы страсть? — И что же!
Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин
Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? — И что же!
За мигот миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:

«Довольно, женщина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денницу!»
Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее — в тревоге знойной.

«Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани
Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
«Что, утро? Здравствуй, Феб-губитель!»
И, с ложа прянув, пояс свой
Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: «Мой властитель!
Еще есть время. Я — твоя!
Ужель и взгляда я не стою?
Я наслаждения утворю,
Пресыщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!
Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»

Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастие гордое храня:
«Ужель ты думаешь, мне ново —
Все, чем прельщаешь ты меня?
Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распаляешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!
Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,

Храня всегда воспоминанья
О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»

Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
«Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстаться!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.
«Ты надо мной властна, быть может,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изгложет.
Но все ж я — прав. Что обещал,
Я, в эту ночь, исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял
Твой, царица, вожделенья,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я доволен в мире жил,
А ты — свершай свои ршенья!»

И он, суровый сын войны,
Клеврет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звения, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица

Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц вереница,
Неся одежды, пух простынь,
Фиалы тонких умашений...
Бледнеет тень ночных видений...
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.

5

Все ограниченней, короче
Остаток малый новой ночи,
И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,
И звонко в искристый фиал,
Опенены, сбегают струи.

«Клянуся Бакхом! я — не сыт!
Царица! Ты — Андиомена,
Любимица молодых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем, как Феб, грозя лучами,
Блеснет, — владычица любви,
Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,
Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовоинный
На теле божеском твоём!»

Он — счастлив, он — безумен страстью,
Он медлить заклинает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,
На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но, пресыщенно холодна,
На свет зари глядит она.

Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...

Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждет.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,
Царица снова предает
Свой стан объятьям распаленным;
Но, внемля клятвам иступленным,
Приемля зной палящих губ,
Она венужных слов не тратит
И мыслит:

«Он — красив, не глуп,
Он жизнью эту ночь оплатит,
Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец изнеженный, — меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаньями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах Арголиды
Он воспринял завет Киприды;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все — что листья, все — подобны,
Для ночи созданы одной!»
Очнулась, поднялась на ложе.
Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но строже,
Чем прежде, взгляд ее очей.
«Настало время расставанья». —
«Еще, еще одно лобзанье!»

«Пора. Сияет в окна день».
«Нет! Погляди! Повсюду тень!»
«Конец!» Она встает и властно
Идет, чтоб дать условный знак,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
«Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Что Зевс, с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам
Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»

Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Все ближе по порфиру плит
Шаги. «Пока они у двери,
Хоть поцелуй, по крайней мере!»
Молчит. «Хоть раз позволь взглянуть
Мне — на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...

На двор мощный за дворцом
Из храмины Критон выходит;
Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты вовремя на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!

Пока ты светишь в этом мире,
Гласи сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»
И наклонился он к секире.
Палач ударил раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но все ж, казалось, улыбались
У мертвой головы — уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,
Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так стыдливы
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны,
Он лепет повторял бессвязный,
И вспыхивал, и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслаждений,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,
Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.

Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?
Какая страшная мечта!

Царица вздрогнула невольно,
Как будто вдруг уязвлена,
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,

Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
«Проснись, мой мальчик, рассвело!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.

Он пробуждается. Уже?
Все вспомнил. Так: чертог, царица,
И в окна бьющая денница,
И он стоит на рубеже...
Воспоминанья жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.
И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.
И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страхась,
Лепечет быстро и любовно
Царица, к юноше склонясь:
«Мой мальчик! встань, иди за мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не властна
Нарушить грозный свой обет.
Час минет, — и спасенья нет.
Беги!»

Он смотрит. Та — прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волненьем ей: «А ты?»
«Что я? Беги, пока есть время!»
«Жить без тебя? Какое бремя!
И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» — «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
И всем скажу, что задремала,

Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход проник...»

Она зовет, почти что молит,
Она его войти неволит
В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно:
«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, черный;
Она туда его влечет:
«Спеши! Иль ты себя погубишь!»
А он: «Нет, ты меня не любишь!»
«Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...»
И, новой грусти не тая,
Он возражает ей упрямо:
«Не любишь ты! Скажи мне прямо!
И я умру рабом твоим.
Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равенство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей
В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство лести,
Обманы! Я, и день и ночь,
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица
И жить вдвоем, не расставаясь,
До вожделенного конца!»

Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он — обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,

Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
«Бежим! Нас позвала любовь!
Я понял: это — воля Рока!
Меня привел он издалика,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.

Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороzdило
Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
«Ты — прав! Мне вдруг понятно стало,
Что я тебя лишь ожидала!
Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, золото, ткани и каменья!
Но, уходя, в знак единенья
Прощальный выпьем мы фиал!»

Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на ложе сладострастья...
Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И все лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох, — и труп немой
Лежит пред северной колонной.

Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,
Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг далеко по дворцу
Пронесся медный звон кимвала.
Заслыша им знакомый звон,

Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Все приготовлено для пира:
Сегодня во дворце своем,
За пышно убраным столом,
Царица встретит триумвира.

И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;
И, посреди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.

1914—1916

ОПЫТЫ

*по метрике и ритмике, по евфонии
и созвучиям, по строфике и формам*

1912—1918

Предисловия

РЕМЕСЛО ПОЭТА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ¹

Мое святое ремесло!

Каролина Павлова

I

Едва ли надобно разъяснять, что каждое искусство имеет две стороны: творческую и техническую.

Способность к художественному творчеству есть врожденный дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести ее никакими стараниями, никаким учением нельзя. *Poetae nascuntur...* Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил. Каждый, или почти каждый, за редкими исключениями, может, если приложит достаточно стараний, научиться стихотворству и достигнуть того, что будет писать вполне гладкие и «красивые», «звучные» стихи. Но такие стихи не всегда — поэзия.

Наоборот, технике стиха и можно и должно учиться. Талант поэта, истинное золото поэзии, может сквозить и в грубых, неуклюжих стихах, — такие примеры известны. Но вполне выразить свое дарование, в полноте высказать свою душу поэта — может лишь тот, кто в совершенстве владеет техникой своего искусства. Мастер стиха имеет формы и выражения для всего, что он хочет сказать, воплощает каждую свою мысль, все свои чувства в такие соче-

¹ Вступительная лекция к курсу стихотворной техники в московской «Студии стиховедения», прочитанная 18/5 апреля 1918 г. (Прим. Брюсова.)

тания слов, которые скорее всего находят стклик в читателе, острее всех других поражают внимание, запоминаются невольно и навсегда. Мастер стиха владеет магией слов, умеет их заклинять, и они ему служат, как покорные духи волшебнику.

Что поэзия имеет свою техническую сторону, с этим вряд ли будет кто-нибудь спорить. Но многие склонны думать, что эта техника стиха или тоже прирожденный дар, как способность к творчеству, или, вне этого, — ограничена немногими, простейшими правилами, включенными в школьные курсы любой «теории словесности». Думающие так полагают, что достаточно будущему поэту узнать основные правила родного стихосложения, и все остальное или будет подсказано «вдохновением», или все равно останется недоступным. Рассуждение, напоминающее известные слова сочинителя од из сатиры И. Дмитриева «Чужой толк»:

Мы с рифмами на свет, он мыслил, рождены...
...Природа делает певца, а не ученье.
Он, не учась, учен, как придет в восхищенье.

Странно было бы допустить, что поэзия составляет исключение в ряду других искусств. Почему художники кисти и скульпторы учатся по несколько лет в Академиях художеств или школах живописи, изучая перспективу, теорию теней, упражняясь в этюдах с гипса и с натуры? Почему никому не приходит на мысль писать симфонию или оперу без соответствующих знаний, и почему никто не поручит строить собор или дворец человеку, незнакомому с законами архитектуры? Между тем, чтобы писать драму или поэму, многие считают достаточным знакомство с правилами грамматики. Неужели техника поэзии, в частности, стихотворства, настолько проще технической стороны в музыке, живописи, ваянии, зодчестве?

Правда, Академий поэзии и консерваторий для стихотворцев еще не существует. Между тем наши великие поэты, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Некрасов и др., выказали себя мастерами стиха. Но значит ли это, что они приобрели свое мастерство, не учась ему, что мастерами сделала их «природа, а не ученье»? Вовсе нет. Как слаб в техническом отношении первый сборник стихов Фета («Лирический Пантеон», 1840 г.), насколько слабее, технически, ранние стихи Некрасова («Мечты и Думы», 1840 г.), нежели его позднейшие поэмы, или как далеко

«Лицейским стихотворениям» Пушкина от технического совершенства его зрелых созданий. И эти истинно «великие» поэты, одаренные гениальной способностью к творчеству, достигли технического мастерства лишь путем медленного искусства и долгой, терпеливой работы.

До последнего времени поэтам приходилось быть «самоучками». Каждому приходилось заново «открывать» законы и правила своего ремесла путем внимательного изучения классических образцов литературы, путем поисков почти ощупью, путем тысячи проб и ошибок. Но в чем же и состоит задача науки, которая «сокращает нам опыты быстротекущей жизни»? Не в том ли, чтобы избавить от отыскания того, что уже найдено раньше? Сколько драгоценного времени и труда было бы сбережено, если бы каждый поэт не был принужден вновь, для себя, воссоздавать теорию стиха, а мог бы знакомиться с ней из лекций профессора, как композитор знакомится с элементарной и высшей теорией музыки! «Академии поэтов» — это неизбежное учреждение будущего, ибо в этом будущем, каково бы оно ни было, конечно, найдется свое место поэзии. Эти «Академии», повторяю, будут бессильны *создавать* поэтов (как и консерватории не создают Римских-Корсаковых и Скрябиных), но помогут поэтам легче и скорее овладеть техникой искусства.

II

Как аксиому, должно признать, что наука изучает *все*; все явления вселенной, начиная от движения солнц до строения атомов, от свойств амёб до исторических судеб человечества, составляют объект научного наблюдения. Нет ничего столь малого, чем могла бы пренебречь наука, как и нет ничего столь недостойного, мимо чего она могла бы пройти. Медицина не делает различия между болезнями красивыми и отвратительными, психология — между благородными и неблагородными аффектами, зоология — между животными интересными и неинтересными.

Стих — одно из явлений, занимающее немалое место в духовной жизни человечества. Едва ли не у всех народов во все времена мы находим свои молитвенные гимны; Эллада и Рим, создатели всей нашей европейской цивилизации, высоко чтили стих; Восток упивался стихами; современные дикари поют стихи, выражая ими и горе и

веселье. По-видимому, стих «присущ» человеку, так как, независимо от подражаний, рождался на земле много раз, в различные эпохи, на разных концах мира.

Каким же образом стих может быть исключен из числа объектов, изучаемых наукой? Не явно ли, что должна существовать *наука о стихе*, которая исследовала бы его свойства и устанавливала бы его общие законы. Рядом со «сравнительным языкознанием» должна существовать «сравнительная метрика». И надо думать, что сравнительное изучение свойств стиха в различных языках и в различные периоды истории даст не менее ценные выводы, нежели дает филология.

Разумеется, зачатки этой «науки о стихе» существуют, входя в системы «эстетик» и «поэтик», от работ Аристотеля вплоть до изысканий новейших мыслителей. Но все эти зачатки еще крайне скудны. «Сравнительная метрика» пока еще в зародыше. Философские обоснования метрики ограничиваются небольшим числом сочинений, иногда остроумных (например, известная теория Вундта), но почти всегда очень произвольных. Исследования по «частным» метрикам, то есть по стихосложению отдельных языков, сводятся к книгам типа школьного руководства, лишенным истинно научного значения. Наконец имеется небольшое количество чрезвычайно интересных, и порой очень удачных, работ по некоторым отдельным вопросам (вроде книги Кассанья о метрике Бодлера, статей Сент-Бёва, у нас — Андрея Белого и т. п.), но эти работы остаются, как говорится, каплями в море.

Да иначе и не может еще быть, потому что не исполнен необходимый подготовительный черновой труд: не собраны и не систематизованы те факты, на которых могла бы быть основана научная метрика. Нужно еще *несколько поколений* научных работников, которые пожелали бы посвятить всю свою жизнь на это трудное и неблагодарное дело. Нужно составить словари к отдельным поэтам (помимо словарей к античным авторам, мне известны словари к Данте, Шекспиру, Шелли, и это — почти все); нужно составить таблицы метров, употребляемых всеми значительными поэтами; нужно систематизовать все особенности их просодии, проследить в их стихах все сочетания звуков, сделать то же самое для рифм и ассонансов и т. д. и т. д. Только тогда явится возможность, на научном основании, то есть на основании систематизованных фактов и наблюдений, писать сначала «частные» метрики и просодии, а затем и

общую сравнительную метрику, и общую теорию рифмы и звукописи.

Все это еще настолько чуждо нам, что многие, вероятно, затруднятся назвать те науки, которые изучают и устанавливают свойства и законы стиха. Даже в тех самых «эстетиках» и «поэтиках», которые прямо трактуют этот вопрос, терминология настолько не установлена, что самое именование основных наук далеко не общепринято. В то время как никто не затруднится указать главные науки, выясняющие законы музыки и музыкального творчества, каковы: элементарная теория музыки, гармония, теория фуги и вообще композиция, инструментовка, — большинство, даже среди ученых филологов и философов, не сумеет указать, что этому соответствует в области наук о стихе.

По существу, однако, совершенно ясно, что эти науки распадаются на три дисциплины: одна изучает стих, как таковой, то есть собственно стихосложение, — те условия, в силу которых речь становится стихотворной; вторая изучает внутреннее строение стиха, его звуковую сторону, — то, что в разговорном языке называют «музыкальностью» или «певучестью» стиха; сюда же, естественно, относится учение о рифме; третья изучает сочетание стихов между собой, — в строфы и в традиционные формы, каковы: сонет, октава, терцина и т. д. Как бы ни были различны принципы, по которым данный теоретик предполагал бы рассматривать стихосложение, он неизбежно должен прийти к такому делению, лежащему в природе вопроса: учение о стихе, учение о стихотворной речи, учение о сочетании стихов.

Так как терминология, как мы указывали, еще не установилась, мы ничем не связаны в названии этих трех наук и предлагаем называть их в дальнейшем привычными греческими терминами:

1) Учение о стихе вообще может быть названо *метрика и ритмика*, так как оно явственно распадается на две части;

2) учение о стихотворной речи может быть названо *евфония*, так как задача состоит в установлении законов «хорошей» («музыкальной», «певучей», вообще отвечающей содержанию) речи; в употреблении уже существует термин «словесная инструментовка» или «звукопись», но он недостаточно широк для предмета; к евфонии, как ее часть, относится и учение о рифме; наконец,

3) учение о сочетании стихов может быть названо *строфика*, так как и все традиционные формы стихотворений

должны рассматриваться как состоящие из строф или сами по себе образующие строфу (например, триолет).

Эти три науки, метрика и ритмика, евфония с учением о рифме и строфика, и суть те специальные науки, без изучения которых поэт не может быть признан знающим технику своего искусства, свое ремесло.

Но, очень вероятно, у некоторых еще остается сомнение, если не в необходимости для поэта ознакомиться с теми сведениями, какие дают эти науки, то, по крайней мере, в том, что это действительно «науки» и что они достаточно сложны. Некоторые, вероятно, готовы думать, что название «науки» слишком громко для собрания технических правил стихосложения, что эти правила не заключают в себе элементов подлинной «научности» и что, во всяком случае, нужно весьма немного времени, чтобы изучить всю эту ремесленную сторону дела, так как она должна сводиться к ограниченному числу указаний, за которой тотчас начинается область пресловутого «вдохновения». Все это — недоразумения, которые необходимо рассеять.

III

Существуют в разных языках разные метрики. Так, у древних эллинов и римлян было стихосложение *метрическое*, основанное на счете долгих и кратких слогов; у романских народов принято стихотворение силлабическое, основанное на счете слогов вообще; у северных народов, в том числе у нас, у русских (как у англичан, немцев и др.), ныне господствует стихосложение *тоническое*, основанное на счете ударных слогов; народная русская поэзия (былины, песни) пользовалась стихосложением *смысловым*, основанным на счете значащих образов в стихе; известны еще стихосложения, основанные на параллелизме образов (у древних евреев), на высоте звуков (у китайцев) и т. п.

Наша искусственная поэзия не случайно усвоила себе тоническое стихосложение: оно наиболее отвечает свойствам русского языка. Силлабическая метрика (во многих отношениях стоящая выше, уже потому, что допускает большее разнообразие ритмов) применима только в языках, где слоги (гласные звуки) произносятся отчетливо и где, следовательно, ухо может инстинктивно отмечать их количество в стихе. В языках, где отчетливо звучит только ударный слог в слове или даже в сочетании слов и где

слоги неударные произносятся неясно, как в языках английском и русском, силлабическая метрика весьма неудобна; доказательство: неудачные попытки всех слагателей русских «виршей» XVII и XVIII вв. вплоть до Кантемира. Такие языки, естественно, должны опирать свою метрику на счет ударений в стихе.

Известно, что основным элементом русского стиха являются стопы, то есть определенные сочетания ударных и неударных слогов; эти стопы, по аналогии со стопами античного (метрического) стихосложения, носят традиционные названия: *ямб, хорей, пиррихий, спондей* (двухсложные стопы), *дактиль, анапест, амфибрахий, трибрахий, молосс, бакхий, амфимакр, антибакхий* (трехсложные стопы), *диямб, диxорей, дипиррихий, диспондей, антиспаст, хориямб, ионические* стопы *восходящая и нисходящая, пеоны* 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, *эпитриты* 1-й, 2-й, 3-й, 4-й (четырёхсложные стопы), *дохмий* (пятисложная стопа).

Последовательное сочетание этих стоп и образует собою стих. Если стих состоит из одинаковых стоп, он называется *чистым* (чистый ямб, хорей и т. д.); если из различных, — сложным (например, гексаметр из дактилей и хореов). По числу стоп стихи бывают одноstopные, двухstopные, трехstopные, четырехstopные (например, четырехstopный ямб, или ямбический диметр, считая два ямба за одну стопу диямба) и т. д.

Все это — еще довольно просто, хотя и самое построение стиха из стоп ставит длинный ряд вопросов, разрешить которые не так легко. Те, кто отрицает сложность «науки о стихе», действительно, и думают, что она начинается и кончается учением о стопах. Но дело в том, что, если бы свойства стиха обуславливались *только* сочетанием стоп, наши стихи были бы до крайности, до нестерпимости однообразными. Мы только что перечислили около 30-ти разных стоп. Некоторые теоретики считают их больше, другие — меньше, считая все четырехсложные и пятисложные стопы комбинацией двухсложных. Возьмем наше среднее число — 20; будем иметь в виду, что свыше 8 стоп в стихе почти не употребляется, так как тогда стих неизбежно разлагается на два. Это дает возможность построить только 160 «чистых» метров, из которых многие возможны лишь теоретически, а на практике не употребляются и даже почти не осуществимы. Число возможных «сложных» метров также невелико, так как далеко не все стопы могут сочетаться между собой. Итак, одно «стопосложение» может

дать только столько-то десятков, в лучшем случае небольшое число *сотен*, разных форм стиха.

Какую мучительную монотонность представляла бы поэзия, если бы в ней постоянно повторялись все одни и те же формы стиха! если бы какими-нибудь ста-двумястами или даже тремя-четырьмястами размеров исчерпывались все возможности поэта разнообразить свой напев! Кроме того, какую мучительную монотонность представляло бы каждое стихотворение, если бы в нем все стихи были одинаковы по своему напеву, в зависимости от избранного раз навсегда, то есть на всю поэму, размера! Поистине, при таких условиях предпочтительнее было бы писать прозой, и стихотворцы, действительно, были бы, по выражению одного из героев Карамзина, «людьми, которые хотят приткно бегать в оковах»!

По счастью, дело обстоит совсем не так, но вместе с тем и наука о стихе значительно осложняется.

Сочетание стоп образует основной размер, но, в сущности, этот размер почти всегда остается только условностью, той отвлеченной схемой (я намеренно не говорю: «тем идеалом»), к которой каждый отдельный стих более или менее приближается, почти никогда с ней не совпадая. Мы говорим, что такое-то стихотворение написано трехстопным хореем или четырехстопным ямбом, но в стихотворении обычно трудно бывает найти стих, который действительно состоял бы из трех хореических или четырех ямбических стоп. На деле каждый стих в стихотворении имеет *свое* строение, или, говоря терминами, свой *ритм*. Вот почему учение о стихе вообще и должно называться: метрика и ритмика.

IV

Мы называли стопы *основным* элементом стиха. Рядом с ним существуют второстепенные элементы. Они-то и образуют ритм стиха, как стопы образуют его метр или размер. Эти второстепенные элементы суть *ипостаса* или *замена*, *цесура* или *пресечение*, *каталектика* или учение об *окончаниях*. Но далее существуют еще, так сказать, дополнительные элементы стиха, также придающие свой оттенок ритму: *иперметрия* и *липометрия*, *синереса* и *диереса*, *систола* и *диастола*, *синкопа*, *элидия* и др.

Важнейший из второстепенных элементов есть *ипостаса*, или *замена*. Он состоит в том, что в чистом метре

(мы будем говорить только о «чистых» метрах, то есть составленных из одинаковых стоп) каждая стопа может быть заменена другой, состоящей из того же количества слогов: например, ямбическая стопа — пиррихием, спондеем или хореем, амфибрахическая — любой из трехсложных стоп и т. п. Такая замена употребляется поэтами «на каждом шагу», и мало бывает стихов, где замены нет, например, в стихе:

Цыгане шумною толпой
(Пушкин),

третья стопа четырехстопного ямба заменена пиррихием; в стихе:

Смерть дочерью тьмы не назову я
(Баратынский),

первая стопа заменена спондеем; в стихе:

Ты — тридцати веков кумир
(Пушкин),

первая стопа заменена хореем; в стихе:

Там ниже мох тощий, кустарник сухой
(Пушкин),

вторая стопа четырехстопного амфибрахия заменена антибрахием.

Понятно, насколько разнообразится ритм стиха от таких замен. В стихе может быть то одна, то несколько ипостас; заменяющие стопы могут быть разного характера, например, в ямбе то является пиррихий (наиболее обычно), то спондей, то хорей; заменяющих стоп может оказаться, и это случай вовсе не редкий, больше, нежели стоп основного метра, и т. д. Таким образом, благодаря только одним ипостасам, каждый размер получает множество видоизменений, или *ритмов*. Например, четырехстопному ямбу одни только ипостасы (без других второстепенных элементов стиха) дают около 40 ритмов.

Но и это число еще весьма невелико; учение о ритме еще гораздо сложнее. Ритм стиха зависит не только от ипостас, но и от цесур. Цесура есть разрез стиха по окончании слова или группы слов, произносимых с одним ударением. Различают цесуры *большие* в определенном месте размера, например, обычная цесура после 3-й стопы в шестистопном ямбе, обязательные цесуры в гексаметре и т. п., и цесуры *малые*, делящие каждый стих по числу входящихся в нем слов или групп слов с одним ударением.

То или другое положение цесур значительно меняет ритм стиха. Как различны, например, по ритму стихи:

Не спи, казак! во тьме почной
(Пушкин),

Мой дядя, самых честных правил
(Пушкин),

стихи, в которых ипостас нет и которые различаются именно цесурами (малыми). Легко сосчитать, что тот же четырехстопный ямб, благодаря одним малым цесурам, может иметь около 20 ритмов.

Сочетание ипостас и цесур есть могущественнейший прием ритма. В сущности, одна ипостаса еще не придает стиху определенного ритма: это происходит только через сочетание ипостас с малыми цесурами¹. Возьмем, как пример, два стиха:

Щит, бурку, панцирь и шелом
(Пушкин).

Тиха украинская ночь
(Пушкин).

По ипостасам они тождественны (пиррихий в 3-й стопе), но различие малых цесур делает их совершенно различными по ритму. То же самое стихи:

Выхожу один я на дорогу
(Лермонтов).

Сестры-птицы громкими хвалами
(Мережковский).

Тем более различны по ритму стихи, где различны и ипостасы и цесуры, например:

¹ Это чрезвычайно важное обстоятельство было упущено из виду Андреем Белым во всех его работах по ритму. Такое существенное упущение лишает, к сожалению, эти работы, во многих отношениях весьма замечательные и ценные, — репающего значения. Особенно это относится к выводам Андрея Белого, которые все оказываются неправильными, так как неверна их исходная точка. Оценивая ритмы, Андрей Белый «подсчитывал» статистически только ипостасы, устраняя влияние на них цесур: через это в подсчетах оказались занесенными в одну рубрику ритмы совершенно различные, и вообще все разнообразие ритмов ускользнуло таким образом от внимания наблюдателя. Подробнее об этом см. мою статью в «Аполлоне» 1910 г. (Прим. Брюсова.)

В небесах торжественно и чудно
(Лермонтов).

Только ласточки поют в карнизе
(Мережковский).

Или:

Адмиралтейская игла
(Пушкин).

Есть целый мир в душе твоей
(Тютчев).

Чтобы вычислить приблизительно число ритмов, получаемых от сочетания ипостас и цесур, должно перемножить число вариаций первого рода на число вариаций второго рода. Для четырехстопного ямба это дает около 800 теоретически возможных ритмов, если же допустить ипостасы в четвертой стопе (что ранее мы не принимали в расчет), то и более 1000.

Однако вполне определяется ритм только при условии того или другого *окончания* (каталексия). Окончания могут быть: мужские (с ударением на последнем слоге), женские (на предпоследнем), дактилические (на третьем от конца), 4-сложные, 5-сложные и т. д. В русском языке окончания 4-сложные весьма распространены (например, выдержанность, истинами, лиственница, вкрадчивыми, радуется, выбросила), 5-сложные — не редки (радующийся, выброшенная), но встречаются и 6- и 7-сложные (свеживающиеся, отбрасывающимися, свидетельствованиями). Следовательно, каждый ритм имеет еще до семи видоизменений, в зависимости от окончания стиха. Ямб с дактилическим окончанием звучит совершенно иначе, нежели с мужским. Таким образом для четырехстопного ямба мы получим уже несколько тысяч ритмов.

Правда, четырехстопный ямб, размер, который мы брали примером, стих исключительно гибкий. По числу возможных ритмов он превосходит все другие размеры, почему он был и остается любимейшим стихом поэтов, в частности, любимейшим стихом Пушкина. Другие размеры много беднее ритмами, хорен, например, потому, что избегают ипостасы пиррихией во 2-й стопе (кроме трехстопных метров), шестистопный ямб потому, что естественно распадается на два стиха (большую частью разделенных постоянной цесурой), трехсложные размеры потому, что

неохотно допускают некоторые ипостасы (например, трибрахий и молосс). Вообще с четырехстопным ямбом, по разнообразию ритмов, может соперничать лишь хореодактилический гексаметр, измененный метр античной древности¹, да отчасти пятистопный ямб. Но все же большинство чистых метров имеют по несколько сот, другие по несколько тысяч ритмов. Так как самих чистых метров, как мы видели, около 160, то, хотя малостопные стихи имеют и мало вариаций, — общее число возможных в русском стихе ритмов должно быть исчислено *десятками тысяч*, может быть, и свыше 100 000 ритмов.

Но в этом беглом обзоре мы умолчали еще о том, что называли выше «дополнительными» элементами стиха: гиперметрия и липометрия, систола и диастола, синереса и диереса, синкопа, элидия и др.². Некоторые, правда, в русском стихе встречаются крайне редко, как элидия, но другие довольно распространены, как гиперметрия, то есть прибавление лишних слогов к метру, или липометрия, то есть пропуск слогов в метре, также систола и др. Возможность пользоваться этими средствами еще увеличивает число ритмов (вариаций) каждого метра.

После этого становится понятно, что содержание метрики и ритмики достаточно обширно. Чтобы хотя бегло рассмотреть эти 100 000 ритмов, указав на характерные особенности хотя бы важнейших из них, нужно положить достаточно труда и внимания, а, бесспорно, большинство этих ритмов имеет свои индивидуальные особенности. Можно целые страницы посвятить свойству пятистопного ямба с постоянной цесурой и без него, точно так же подобному же различию пятистопного хорея, своеобразным особенностям некоторых двухстопных ритмов, переходу ритмов — одного в другой, и т. д.

Между тем мы ничего не говорили о сложных метрах, которых по аналогии с античной метрикой можно (по крайней мере, теоретически) построить значительное число.

¹ Античный гексаметр был *чистый* дактилический метр с ипостасами дактиля равнозначущей (по числу «мор») стопой спондея. Русский гексаметр, каким его создали Гнедич, Дельвиг и др., есть *сложный* метр, образуемый 3-сложными стопами дактиля и 2-сложными стопами хорея. Явно, что метр изменен в самом своем существе. (Прим. Брюсова.)

² В русской метрике эти термины имеют иной смысл, нежели в античной, но выяснение их завело бы нас здесь слишком далеко в подробности. (Прим. Брюсова.)

Каждый из них тоже будет иметь свои ритмы, свои вариации. Далее, существуют еще смешанные метры, получившие за последние годы широкое распространение. Мы имеем в виду, во-первых, «свободный стих», а потом так называемые «дольники», метры, близкие по строению к немецкому народному стиху (Knittelvers). И «свободный стих», и «дольники» также — крайне разнообразны и имеют тысячи вариаций. Наконец не говорили мы о складе русских народных песен и былин, — предмет, несомненно относящийся к изучению русской метрики. Склад русских песен и русский былинный стих не менее других, тонических метров, сложны и многовидны.

Из всего сказанного видно, что поэту есть над чем поработать, чтобы усвоить себе в полном объеме те технические знания, которые вытекают из выводов «частной метрики и ритмики».

V

Если евфония не уступает метрике и ритмике по значительности материала, подлежащего ее рассмотрению, то значительно превосходит их по затруднительности ознакомиться с ней. Конечно, русская «частная метрика» еще не разработана, но она имеет много аналогий с другими частными метриками, античной, разработанной великолепно, с немецкой, с английской. Да и по самой русской метрике все же есть ряд заслуживающих внимания работ. Русская звукопись и учение о рифмах русского языка и не разработаны вовсе и почти ни в чем не могут опереться на работы иноязычные, так как произношение русского языка существенно отличается от других языков. Русского стиха в его звуках нельзя даже изобразить иностранными буквами. Попробуйте написать французской азбукой, сохраняя очарование звукописи, стихи Пушкина:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой!

Основу евфонии составляет *собственно звукопись*, или *словесная инструментовка*, учение об том, какими средствами достигается, чтобы звук слов соответствовал их значению и способствовал бы наибольшему впечатлению. Звукопись есть учение об том, как живописать словом. Известно, что величайшими мастерами в этом отношении были римские поэты. У Вергилия буквально каждый стих

по звукам строго соответствует тому, что в нем сказано, изображает звуками слов то бурю, то скок коня, то свист змеи, то стук мечей о брони. По-русски тоже нетрудно привести примеры яркой звукописи:

На звонко скачущем коне
(Пушкин).

И скакал по камням конь Одинов
(Майков).

Знакомым шумом шорох их вершин
(Пушкин).

Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы
(Пушкин).

Чтобы построить теорию звукописи, необходимо выяснить свойства звуков, то есть сочетаний гласных и согласных букв. Средствами звукописи служат: *аллитерация* внешняя и внутренняя, буквенная *анафора*, *антистрофа*, (*эпифора*), *параномасия*, *антитеса*, *дзевгма* и др. Каждый из этих приемов, — примеры которым нетрудно указать на каждой странице Пушкина, — заслуживает особого рода рассмотрения и изучения. Одно исследование этих средств звукописи уже составляет сложную систему знаний. Как крайний предел звукописи стоит наиболее известный прием — *звукоподражание*, как, например, в изображении мычания вола.

И мы
Грешны
(Крылов).

Второй отдел евфонии составляет *евритмия*, или учение о музыкальности (певучести) стихотворной речи. Разумеется, абсолютных требований в этом отношении быть не может: та или иная задача, поставленная себе поэтом, может потребовать самых неожиданных сочетаний звуков. Понятия о «музыкальности» и «благозвучии» также могут быть до крайности различны. Но важно, чтобы поэт мог по своей воле давать ту или иную звучность стиху, а не зависел в этом отношении от случая, ибо случайности нет места в искусстве (что, конечно, не исключает элемента

бессознательности в творчестве). Поэтому задача евритмии прежде всего предупреждать, где возможно, неблагозвучия, какофонию, то есть указывать все сочетания звуков, которые недопустимы. Далее евритмия рассматривает соединения слов между собой, то есть уясняет, какие звуки могут заканчивать одно и начинать другое слово, чтобы при сочетании их получалось «благозвучие». И, наконец, евритмия рассматривает звуковое строение самых слов и их форм по отношению к их звучности (например, особенность причастных окончаний на «вший», глагольных форм на «ал»).

Третий отдел евфонии разрастается в особую науку: учение о рифмах и ассонансах. Область эта более чем обширна и в русском стихосложении почти совсем не исследована. До сих пор не определены еще все виды русской рифмы. Не имеется ни одного, сколько-нибудь сносного словаря рифм (хотя бы такого, какие имеются для языков французского, немецкого, английского). Теории рифмы нет и в зачатке. Никто не подумал уяснить, какие изменения падежей и глагольных форм ведут к тем и другим созвучиям. Еще меньше сделано для ассонанса, самое понятие которого до сих пор не определено точно. Таким образом, в области рифмы русскому поэту поневоле приходится быть самоучкой.

Правда и то, что русская рифма — одна из самых сложных, сравнительно с рифмами других языков. Разнообразие ударений в словах, доходящее до седьмого слога с конца, многообразие форм слова (в склонениях и спряжениях), наконец, часто встречающиеся группы согласных перед окончанием — придают русской рифме изумительное разнообразие, до которого далеко, например, французской. Зато и число возможных русских рифм очень велико. Если мы возьмем только рифму с ударной гласной на *а* и следующей согласной *б*, то, допуская все мыслимые окончания (и даже не принимая в расчет опорной согласной) *абб*, *абв*, *абг*, *абд* и т. д., потом *аба*, *абба*, *абваабга*, и т. д., мы найдем сотни тысяч теоретически возможных окончаний, из которых весьма многие действительно встречаются в языке, притом и из числа наименее ожидаемых, например, сабли (абл), зябнуть (абн), рабствующий (абств), канделябр (абр) и т. д. Какое же число возможных окончаний получим мы, приняв во внимание все сочетания с *а*, то есть *ав*, *аг*, *ад* и т. д., и с другими гласными: много миллионов!

Не менее сложный результат получится, если мы подойдем к рифме иным путем, — через изменения слов. Простейшее существительное «дом» рифмуется в именительном падеже: 1) со сходными существительными, как «гром», 2) с родительным падежом множественного числа слов женского рода, например, «истом», 3) с творительным падежом единственного числа мужского рода, например, «моряком», 4) с формой прилагательного, например, «знаком», 5) с местоимениями, например, «о ком», «твоем», 6) с наречьями, например: «нипочем», «вдвоем». Существительное того же склонения с иным окончанием будет иметь иные рифмы, например: «стол» — «пришел», «меч» — «лечь», «сын» — «один», «дож» — «ложь», «уничтожь» — «кто ж», «палач» — «вскачь» и т. д. Косвенные падежи того же склонения представят ряд совершенно новых родов рифмы, например, «стола» — «мгла» — «пришла» — «колокола», или: «дóма» — «истома»; далее: «столу» — «в углу», или «ужу» — «тужу», «столов» — «нов» — «обнов» — «зов», «столами» — «ламой», «даме» — «нами» и т. д. и т. д. Опять-таки мы сталкиваемся с таким многообразием даже не рифм, а типов рифмы, что становится понятным, почему до сих пор, в сущности, нет русского словаря рифм.

Знакомство с рифмой русскому поэту приходится приобретать тяжелой ценой личного опыта. Можно многое возражать против изысканности рифм. Без сомнения, истинно *хороша* вовсе не какая-нибудь непременно редкая, хитрая или новая рифма, а хороши те рифмы, которые естественно стоят на конце стиха и своим созвучием подчеркивают слова, имеющие особое значение в стихе. Это — неоспоримо. Но, с другой стороны, разве естественно и разве достойно оправдания, что у большинства наших поэтов на конце стиха попадают почему-то все одни и те же слова, непременно и «вновь» — «любовь», и «смерть» — «твердь», и «строго — много — тревога» и т. п., а другие слова почему-то упорно прячутся в середине стиха и ни за что не хотят оказаться на конце!

Евфония превращает речь в речь поэтическую. Если стих лишен евфонии, он остается прозой, хотя бы и был безукоризнен по метру. Античные поэты знали рифму лишь как случайную прикрасу; силами одной звукописи они достигали высочайшей музыкальности стихов. Это не значит, однако, что рифма — излишня. Она — новое могучее средство евфонии и, вместе с тем, лучшее средство изобразительности. Пушкин умел придавать исключитель-

ную выразительность слову только тем, что ставил его на конец стиха, как рифму. Поэт обязан внимательно изучить законы евфонии, звукопись и учение о рифмах. Только вполне владея их средствами, он становится полновластным хозяином поэтической речи.

VI

Наиболее разработана из наук о стихе — строфика, для всех языков — одна и та же, за малыми видоизменениями, обуславливаемыми той или другой метрикой. Несмотря на то, в русской поэзии строфика все еще остается в пренебрежении. Если простейшие формы, как сонет, терцины, октава, давно вошли в нашу поэзию, то давно ли стали наши поэты пользоваться секстиной, балладой, канцонной, и сколько форм еще ждут своего первого появления в русских стихах!

Строфика — необходимая часть науки о стихе. Каждое стихотворение (если оно не однострочное, примеры чего есть уже у римских поэтов) есть *сочетание* стихов. Как должно наилучшим образом сочетать стихи, об этом и учит строфика.

Разделяется строфика на два отдела: учение о простых строфах и учение об установленных формах стихотворений; отдельно стоит учение о темах.

Простые строфы естественно могут быть: двустипишия или дистихи, трехстишия или терцины, четверостишия или кватрины, пятистишия, шестистишия и т. д. Известны строфы в 9 («Спенсера»), в 12 («Евгения Онегина»), в 15, 16 и более стихов. Одно расположение рифм и число их может придать этим строфам почти бесконечную разнообразность. Алгебраическая «теория соединений» дает огромные цифры для всех возможных перемещений рифм в строфе из 10—12 стихов. Ограничивая это число условным числом рифм, мы все же получаем сотни возможностей расположить рифмы во многострочной строфе.

Но простые строфы могут быть двоякого рода: состоять из стихов одного размера («чистые» строфы) или из стихов разных размеров («сложные» строфы или собственно «метры»). В последнем случае количество возможных комбинаций почти неисчислимо: теоретически они достигают многих миллионов. Но не все такие комбинации уместны на практике, так как не все размеры способны сочетаться один

с другим. Вот почему задача строфики — изучить те строфические построения, которые уже были испробованы выдающимися поэтами, выяснить их относительное достоинство и их характер, а также определить допустимость иных, еще не испробованных, комбинаций.

Таковы, например, строфы античной метрики, особенно принятые Горацием, которые почти все могут иметь аналогию по-русски. Таковы «чистые» и «сложные» строфы Спенсера, Пушкина, Эдгара По, Виктора Гюго, Теннисона и др. Построение их столь удачно, из бесчисленного числа возможных комбинаций избраны столь несомненно совершеннейшие, что к этим строфам поэты всегда будут обращаться вновь и вновь. Пока будет существовать поэзия, не перестанут, вероятно, пользоваться и дистихом из гексаметра и пентаметра, и терцинами Данте, и октавами Тассо, и сапфической строфой, и Спенсеровой, и строфой «Ворона» Эдгара По. Трубадуры средневековья считали строфу собственностью того, кто ее изобрел, и не позволяли себе пользоваться чужими строфами. Современность снисходительнее в этом отношении: почему искать уже найденное или пользоваться худшим, когда есть лучшее?

То же самое должно сказать об установленных традицией *формах* целого стихотворения, каковы: сонет, триолет, секстина, баллада (французская), вириле, рондо, газелла, канцона, децима, танка (японская) и мн. др. Происхождение их различно. Одни формы пришли к нам из древности, другие из средневековья, третьи от эпохи Возрождения, четвертые — с Ближнего, пятые — с Дальнего Востока... Но все они освящены испытанием веков, признавшим их за совершеннейшие построения из определенного числа стихов и по внешней стройности, и по свойству — наиболее полно выражать известные чувства или раздумья. Как традиционные строфы, так и традиционные формы, конечно, останутся в мировой поэзии навсегда.

Ошибочно думать, что эти формы — только игрушка, головоломная забава, техническая задача для поэта. Можно доказать, что невозможно, например, более совершенным образом расположить 14 стихов, нежели то сделано в сонете; что есть цикл раздумий, который наиболее адекватным образом может быть выражен лишь секстиной, другой — лишь рондо, что маленькая японская танка есть идеальнейшее использование 31 слога и т. д. Внимательный анализ показывает все значение этих построений не только для внешности стихотворения, но и для его со-

держания, но выяснение этого важного соображения завлекло бы нас здесь слишком далеко.

Поэт, желающий вполне владеть техникой своего искусства, обязан знать законы этих форм, — законы, которые, конечно, не установлены произвольно, но долгим опытом выведены из наиболее замечательных образцов. С более распространенными формами можно ознакомиться и теоретически, так как существуют, например, довольно подробно разработанные теории сонета, терцины, канцоны... Но, за пределами их, остается еще множество форм, узнать которые возможно лишь по образцам. Так, например, римские поэты III—IV в. по р. Х. сделали в этом отношении весьма много, но работа их до сих пор еще не теоретизована. То же относится к многим формам, найденным поэтами арабскими, персидскими, древнеармянскими. Область изучений и наблюдений и в этом отношении очень широка и требует от поэта опять много времени и труда.

Остается сказать о так называемых «темах» — формах, предусматривающих звуковое строение стихотворений. Темы стоят на границе между строфикой и евфонией. Таковы: акrostих, месостих, телестих, метаграмма, палиндром буквенный и палиндром словесный (по латыни: *versus reccurrentes*, по-русски: перевертень), ропалические стихи, шарада и мн. др. Было бы неосторожно обращаться пренебрежительно и к этим техническим задачам. Палиндром, например, то есть стихи, которые можно читать от начала к концу и от конца к началу, безусловно, придает и особый ритм стиху. То же самое — метаграмма, то есть стихи, составленные из тех же букв; ропалические стихи, где каждое следующее слово на один слог длиннее предыдущего; «обращенные» (повторные) дистихи, где первое полустишие первого стиха повторяется как второе полустишие во втором, замечательные образцы чего нам оставил Пентадий; стихотворения, где многообразно комбинируется определенное число основных стихов, например, четырех, образец чего мы находим у Порфирия; стихи, где все слова начинаются с одной и той же буквы; акrostихи, азбучные стихи и т. д. Все это — приемы, с помощью которых поэт может достичь совершенно неожиданных, новых и глубоких эффектов.

Таким образом строфика оказывается наукой не менее сложной, нежели ее сестры, метрика с ритмикой и евфония с учением о созвучиях. Эти три области знания дают

в руки поэта могущественнейшие средства изобразительности и выразительности. При знании технических законов своего ремесла поэт становится, действительно, господином своего языка. «Хочу и не могу», восклицание «мудреца» в стихотворении Фета, недостойно поэта, который отвечает словами Пушкина:

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль, какую хочешь... — и т. д.

«О если б без слова — сказаться душой было можно!» — тосковал Фет. Разумеется, навеки останется незаполнимая пропасть между *идеями* (поэтической мыслью) и словом: слово навсегда останется не-адекватным переживанию, всегда будет выражать мысли и чувства лишь приблизительно. Но задача поэта — выразить себя именно *в слове*; поэзия есть искусство, материалом для которого служат слова. Поэтому поэт обязан владеть словом в совершенстве, иметь в своем распоряжении *все* средства, которые способны до известной степени заполнять эту пропасть между словом и душой.

В конце концов все средства в поэзии хороши, если служат своей цели — усилить выразительность слова, и нет средств «благородных» и «неблагородных». Поэтому неосторожно — высказываемое нередко пренебрежение к «темам». То, что сейчас нам кажется ничтожным, незначительным, под рукой гениального поэта может оказаться неожиданно одним из самых сильных средств — достичь желаемого впечатления. Чем именно воспользуется этот гениальный завершитель, теперь нельзя и предвидеть. Но, в ожидании его, поэты в дружном усилии должны разрабатывать, по возможности, все элементы стиха, все средства изобразительности, все технические приемы. Только такая совместная работа может раскрыть все тайны поэтической техники и сделать поэтов будущего истинными магами в области слова: их голосу слова будут подчиняться как властным заклинаниям, и осуществится мечта нашего поэта:

Крылатый сердца звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах!
(Фет)

Валерий Брюсов

ОТ АВТОРА

Предпосылая собранию стихов, озаглавленному «Опыты», свою вступительную лекцию, прочитанную в московской «Студии стиховедения», я полагаю, что объясняю тем и назначение самой книги. В своей лекции я хотел бегло обозреть всю сложность поэтической техники и хотя бы только намекнуть на ее значение для искусства поэзии. Очень многих вопросов поэтической техники я не мог коснуться даже попутно; очень многие ее задачи, — задачи важные и трудные, — обойдены мною молчанием. Все, сказанное мною, только едва приподнимает край завесы над областью словесного мастерства. Тем не менее моя лекция, я надеюсь, показывает, как много еще предстоит сделать для русской поэзии в области стихотворной техники.

Над разработкой этой техники трудились тысячелетия. Величайшие поэты всех веков и народов вносили свой вклад в это дело. Только на то, чтобы изучить совершенное ими, должно посвятить всю свою жизнь. Поэзия античной древности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полукультурных племен, — представляют множество образцов разного рода технических приемов, способствующих основной цели: победить слово. Иные из этих образцов широко известны; другие — забылись за далью столетий; на третьи — еще никто не обращал достаточного внимания. А сколько еще остается технических возможностей, никем не затронутых, не использованных, не испробованных! Теоретически их число, — как мы видели, — бессчетно: их столько же, сколько можно составить «сочетаний», «перемещений» и «разме-

щений» (говоря языком алгебры) из тысяч элементов по сотням и по десяткам. И число мыслимых метров и ритмов, и количество звуковых комбинаций, и ряд возможных строф и форм — несчетны.

Задача каждого поэта, — рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, — по возможности способствовать и развитию техники своего искусства. Искать, повторять найденное другими, применяя к своему языку и своему времени, делать *опыты*, — вот одна из важных задач, стоящая перед поэтом, если он хочет работать не только для себя, но и для других, и для будущего. Такими «опытами», вероятно, воспользуются другие, но они проложат им путь и облегчат им дело. Такие «опыты» — черновой труд, подобный труду инженера, ведущего дорогу в еще неизведанные края, куда за ним явятся пионеры культуры. Нечего добавлять, что такой труд особенно важен именно в русской поэзии, которая в разработке техники далеко отстала от своих западных сестер и для которой «неизведанными» остаются многие области, уже давно знакомые поэтам Запада и отчасти Востока.

Таково назначение и этой книги. В «примечаниях» я подробнее выясняю отдельные задачи, которые ставил себе. Там я точнее определяю, чему именно в разработке техники пытался содействовать тем или другим своим «опытом». Здесь достаточно сказать, что, сообразно с тремя отделами технических знаний, с тремя «науками» о стихе, книга разделена на три отдела: 1) опыты в области метрики и ритмики, 2) опыты в области евфонии и созвучий (рифм и ассонансов) и 3) опыты в области строфики.

Некоторое число стихотворений взято из моих предшествующих книг: я не видел надобности вторично производить опыт, если в прошлом он мне более или менее удался (все такие стихотворения отмечены в оглавлении)¹. Другие стихотворения перепечатаны из сборников, журналов и газет. Но значительная часть (что также отмечено в оглавлении) появляется в печати впервые. Есть среди собранных здесь стихотворений — переводы, есть подражания, есть оригинальные пьесы. Но, хотя все стихи, вошедшие в эту книгу, представлены здесь, как образцы тех или иных технических приемов, хотя все они справедли-

¹ В данном издании под строкой указано, в каком томе помещены эти стихотворения.

ливо названы мною «опыты», все же здесь нет ни одного стихотворения, которое не было бы в то же время подлинным выражением моих внутренних переживаний. Если встречаются в книге стихотворения, которые, быть может, не удовлетворяют взыскательную критику, то это уже — вина моего дарования или моей оценки, но отнюдь не сознательное с моей стороны допущение. В идеале я стремился к тому, чтобы включить в эту книгу лишь те стихи, которые являются подлинной поэзией. Я мог ошибиться в своем выборе, мог слишком снисходительно отнестись к своему произведению, но ни в коем случае не считал, что одно техническое исхищрение превращает стихи в создание искусства. Знаю, что среди помещенных далее стихотворений есть более слабые и менее удачные, но в каждом из них непременно есть «частица моей души», и мне самому каждое из них, помимо особенностей их техники, напоминает те или другие чувства, глубоко пережитые мною, то или другое раздумье, живо и остро волновавшее меня когда-то.

В заключение я должен оговорить, что в «опытах» отнюдь не предполагал — собрать образцы или примеры *всех*, или хотя бы *всех* важнейших, технических приемов поэзии. Во-первых, для этого потребовалась бы не книга, а целый ряд томов, во-вторых, я не имею притязания соперничать с теми классическими образцами различных стихотворных размеров и форм, какие даны нашими поэтами за два века русской литературы. «Опыты» — не систематический учебник; в них собраны стихотворения, написанные мною в разные годы, под разными побуждениями, и лишь теперь объединенные с одной, определенной точки зрения. В этой книге — не те примеры, которые *должно* было бы дать в наше время для читателя, интересующегося стихотворной техникой, а те, которые я *мог* выбрать среди своих стихотворений последних лет. Это, может быть, придает книге несколько случайный характер, но зато избавляет ее от преднамеренности, для творчества губительной.

Апрель 1918

Валерий Брюсов

Опыты по метрике и ритмике

(Размеры и напевы)

ПЛЯСКА ДУМ

(Одностопные хорей)

Моря вязкий шум,
Вторя пляске дум,
Злится, — где-то там...
Мнится это — к нам
Давний, дальний год
В ставни спальни бьет.
Было то же: мы,
В милой дрожи тьмы,
Ждали страстных мук;
Далей властных звук
К счастью ближе звал,
Страстью движа вал!
В небе рдяный пыл —
Жребий данный был.
Ныне, бездны бед —
Синий звездный свет!
«Поздно!» — учит час...
Грозно мучит нас
Моря в пене шум,
Вторя смене дум.

1918

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

(Одностопные ямбы)

И ночи — короче, и тени — светлей,
Щебечет, лепечет весенний ручей,

Истомой знакомой пленяет апрель:
Он сладко, украдкой, вливает свой хмель,

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ОПЫТЫ

В.

Х.

КН-ВО „ГЕЛИКОНЪ“ М. 1918

И снова иного не надо! Мечта
С лучами, с ручьями усладой слита,
Нет горя! Не споря с порывом, душа
Вся — пенье! в волненьи счастливом спеша —

На воле, там, в поле, росточком всстать,
На склонах зеленых листочком дрожать!

9 января 1918

ВЕРЕТЕНА

(*Пеон третий*)

Застонали, зазвенели золотые веретена,
В опьяняющем сплетеньи упоительного звона.

Расстилагается свободно вырастающая ткань...
Успокоенное сердце! волноваться перестань!

Это — парки. Неуклонно неустанными руками
Довершают начатое бесконечными веками:

Что назначено, то будет! исполняется закон
Под звенящее жужжанье вдохновенных веретен!

1918

БУРЯ С БЕРЕГА

(*Пеон третий*)

Перекидываемые, опрокидываемые,
Разозлились, разбесились белоусые угри.
Вниз отбрасываемые, кверху вскидываемые,
Расплетались и сплетались, от зари и до зари.

Змеи вздрагивающие, змеи взвизгивающие,
Что за пляску, что за сказку вы затеяли во мгле?
Мглами взвихриваемыми путь забрызгивающие,
Вы закрыли, заслонили все фарватеры к земле.

Тьмами всасывающими опоясываемые,
Заметались, затерялись в океане корабли,
С неудерживаемостью перебрасываемые,
Водозмеи, огнезмеи их в пучину завлекли.

Чем обманываете вы? не стремительностями ли
Изгибаний, извиваний длинно-вытянутых тел?
И заласкиваете вы не медлительностями ли
Ласк пьянящих, уводящих в неизведанный предел?

24 декабря 1914

НА ПРИЧАЛЕ

(Ритмы 4-стопного ямба)

Удерживаемый причалом,
Не примиряется челнок
Ни с буреломом одичалым,
Ни с вытянутостью осок.

Челн рвет узлы: вдруг режет, взброшен,
Сеть лилий, никнет, полн воды,
Гнет тростники; вдруг прочь, непрошен,
Летит,— стал, словно вкован в льды...

И прыгнул вновь; вновь, дик, безумен,
Канат натягивает... Но
Ветер свирепствует, безумен...
Что суждено, то суждено!

Веревки перервались с треском.
Миг,— челн в просторе водяном!
Вот он, под беспощадным блеском
Небес, уже плывет вверх дном.

1918

УЕДИНЕННЫЙ ОСТРОВ

(Женская цесура в 6-стопном ямбе)

Уединенный остров, чуть заметный в море,
Я неуклонно выбрал,— золотой приют,
Чтоб утаить в пустыне и мечты и горе
И совершить свободно над собой свой суд.

Немного пальм качалось над песком прибрежий:
Кустарник рос по склонам, искривлен и сер;
Но веял ветер с юга, просоленный, свежий,
Вдали, в горах, прельщала тишина пещер.

Я с корабля на берег был доставлен в лодке;
Как с мертвецом, прощались моряки со мной,
Казались в миг разлуки голоса их кротки,
И каждый стал как будто для меня — иной.

Над палубой взметнулось колыханье дыма,
Над голубым простором прозвучал свисток...
И вот судно помчалось вдаль невозвратно,
И на косе песчаной был я одинок!

О, как я страстно жаждал рокового мига,
Мечтал все пути жизни навсегда порвать...
Теперь природа вскрыта, как большая книга:
Леса на скалах, небо и морская гладь...

Но почему так страшен этот миг разлуки?
Иль я глубоко знаю, что напрасно жду?
Изменяться лишь краски, ароматы, звуки,
Но и в пустыне буду, как в толпе, — в аду!

16 марта 1918

ВОСХОД ЛУНЫ¹

(Ритмы 4-стопного хорея)

АЛТАРЬ СТРАСТИ

(7-стопные хореи и др. ритмы)

1

Любовь и страсть — несовместимы.
Кто любит, тот любовью пьян.
Он не действительность, а мнимый
Мир видит сквозь цветной туман.

¹ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 281.

Он близости, а не сближений
С любимой ищет; в жданный миг
Не размеряет он движений
По указанию мудрых книг;
И все равно ему, чем страсти
Последний трепет побежден:
У темных чувств он сам во власти,
Но ими не владеет он.
То нежность, то восторг, то ревность
Его смущают и томят,
И сладострастья, во вседневность
Превращены, теряют яд.

2

Истинное сладострастие — самодержавно,
Как искусство, как религия, как тайный смысл
Вечного стремленья к истине, единой, главной,
Опирающейся в глубине на правду числ.

Сладострастие не признает ни в чем раздела.
Ни любовь, ни сострадание, ни красота,
Не должно ничто соперничать с порывом тела:
В нем одном на миг — вся глубина, вся высота!

Дивное многообразие жрецу открыто,
Если чувства все сумеет он перебороть;
Свят от вечности алтарь страстей, и Афродита
Божеским названием святит поныне плоть.

Но святыню сладострастия ищи не только
В наслаждении сплетенных рук и сжатых губ;
Пусть объятий триста тридцать три и дважды столько—
Их восторг — мгновенен, призрачен и слишком груб!

Истинное сладострастие — за гранью чувства,
В мигах ласк изменчивых всегда искажено,
Как религия, как смысл наук и как искусство,
В сфере вечных мировых идей царит оно!

Как музыка — не эти звуки,
 Не этот или тот напев,
 Мотив тоски, мотив разлуки,
 Хор юношей, детей и дев;
 И не — симфония, соната,
 Романс иль опера, — не то,
 Что композитором когда-то
 В гармонию из нот влитó!
 Как, в музыке, — все исполненья,
 Рояль, песнь, скрипка и орган,
 Лишь — отраженья, приближенья,
 Лишь — созерцанья сквозь туман —
 Неведомых, непостижимых
 Напевов, слышанных в тиши,
 В минуты грез неповторимых
 Не слухом тела, но души;
 Так, в сладострастьи, все земное —
 Лишь отблеск страсти неземной,
 И все дневное, все ночное,
 Лобзанья, нега, томный зной,
 Сближенья, ласки, быстрый трепет
 Объятий гибких формы все, —
 Все это — только слабый лепет,
 Хотящий подражать грозе!
 Искусство гейш и одалисок,
 И баядерок и гетер,
 Все это — только бледный список,
 Как звук пред музыкаю сфер!

Страсть, святыня вечная,
 Страсть, священный зов,
 Ты — связь бесконечная
 Зиждемых миров!

Страсть животворящая,
 Древний жезл чудес,
 Нас во мгле роднящая
 С глубями небес,

Ты — всегда божественна,
Дивна — каждый час,
Ты — во всех тождественна,
В ангелах и в нас!

Сила неизменная
В сменах мировых, —
Держится вселенная
Властью уз твоих!

Страсть, мечту очисти нам!
На своем пути
Нас вселенским истинам
Тайно причасти!

8 апреля 1918

ИЗ МЕНИЦПЕЙ ВАРРОНА

(Ямбический триметр)

Внезапно ночью, близко от полуночи,
Когда прозрачный воздух теплый пламенно
Далеко в небе хоры звезд показывал, —
Равно холодным кровом тучи зыбкие
Златую бездну в небесах задернули,
Струя на смертных воду подземельную
И с хладной оси ветры вдруг низринулись,
Неистовые порожденья Севера,
Неся с собою ветки, крыши, остовы...
И мы, бедняги слабые, как аисты,
Чьи крылья пламень молниями зубчатыми
Спалил, упали на землю в унынии.

<1917?>

В УСЛОВНЫЙ ЧАС

(Ионический диметр)

«Приходи!» — страстно мечта стонет,
Но его ль тайный призыв тронет!
Как ответ, ива чело клонит.

Тишина; речка внизу плачет;
Миновал избранный час... Значит, —
Для тебя горестный круг начат!

Суждено всем испытать то же:
Пережить сладкие дни дрожи,
Исчерпать страсть на ночном ложе,

А потом — горечь разлук, вскоре
Наблюдать скорбь в дорогом взоре
И испытать, все до конца, горе!

Пред тобой черная здесь вежа,
Ты зовешь, плачешь... на плач эхо
Прозвенит легкой волной смеха,

Лишь с тобой речка внизу плачет.
Роковой час миновал, значит, —
Для тебя горестный круг начат.

1918

ИЗ ПЕСЕН САПФО¹

(Античные ритмы)

ИЗ ВЕНКА²

(Дактиле-хореические дистихи)

В ДУХЕ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ³

(Гендикасиллабы)

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 324.

² См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 325, под заглавием «Из Александрийской антологии».

³ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 327, под заглавием «В духе Катулла», и с. 328, № 1.

ПАМЯТНИК

(1-й асклепиадов стих Горация)

Вековечней воздвиг меди я памятник,
Выше он пирамид царских строения,
Ни снедающий дождь, как и бессильный ветер,
Не разрушат его ввек, ни бесчисленных
Ряд идущих годов или бег времени.
Нет, не весь я умру, бо́льшая часть меня
Либитины уйдет; славой посмертною
Возрастать мне, пока по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Буду назван, где мчит Авфид неистовый
И где бедный водой Давн был над сельскими
Племенами царем, из ничего могущ.
Первым я перевел песни Эолии
На Ита́лийский лад. Гордость заслуженно
Утверди и мою голову Дэльфийским
Благосклонно венчай лавром, Мельпомена.

<1912—1918>

РОК

(Гексаметры Авсония)

Все непрочное в мире родит, и ведет, и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий, но манит нас лъстивых
надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь, и с кем разлучит
нас одна смерть,
Смерть ненасытная, кою адская кроет в свой мрак ночь.
Ночь в свой черед умирает, едва воссияет златой свет,
Свет, этот дар богов, пред кем впереди предлетит Феб,
Феб, от кого не укрылся с Кипридой одетый в доспех
Марс,
Марс, что рожден без отца; его чтит фракийцев слепой род,
Род проклятый мужей, что свой в преступлениях зрит
долг,
Долг убивать, как жертву, людей; таков той страны нрав,—
Прав свирепых племен, что законов признать не хотят
власть.

Власть, что в мире возникла из вечных природы людской
прав,
Прав благочестия дочерей, прав, где сказан богам ум,
Ум этот чувством небесным кропит достойный того дух,
Дух подобие мира, всей жизни начало, упор, мощь,
Мощь, бессильная, впрочем: затем, что все — шутка,
ничто все!

1911

ПРОРОЧЕСТВО МЕЧТЫ

(Ропалические стихи)

Пусть мечта рыдает горестными восклицаньями.
Даль горит, сверкает радостными ожиданиями!
Ты, опять доверясь обольщению вековечному,
Жизнь предать согласен сновиденью бесконечному,
Вновь сожмешь объятья, трепетные, обольщенные!
Ах, тая проклятья, истинные, освященные!
Миг страстей настанет, совершится невозможное,
И любовь обманет, — повторится непреложное!
Мгла тебя отметит трепетами сладострастными,
И, губя, приветит лепетами полуюсными...
Даль — свята, пылает радостными обещаньями,
Лишь мечта рыдает горестными восклицаньями.

1914

ГНОМ О ЖИЗНИ

(Ропалические стихи XIV в.)

Жизнь — игра желаний мимолетных,
Есть — пора мечтаний безотчетных,
Есть, потом, — свершений горделивых,
Скук, истом, томлений прозорливых;
Есть года жестоких испытаний,
Дни суда, глубоких ожиданий;
Страсть везде незримо торжествует,
Льстит в нужде; гонима, знаменует
Дни побед холодным беспристрастьем...
Мир согрет бесплодным сладострастьем!

1918

ПОСЛЕ СКИТАНИЙ ¹

(Разложение дактилического гексаметра)

ВЕСНОЙ ²

(Двух-трехдольники)

КЛИНОПИСЬ ³

(Параллелизм)

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ⁴

(Параллелизм)

ВЕЧЕР ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

(Силлабические стихи)

Вода едва качает
Абрисы темных ив;
День, убывая, тает;
Свет вечерний пуглив.
Словно лестницей длинной,
За ступенью ступень,
Лишь дрожа беспричинно,
Идет ночная тень.
Вот воцарились всюду
Тишина, темнота;
Верит невольню чуду,
Опьянена, мечта.
Кажется, все вернется,
Что было час назад;
Склóнится, улыбнется
Близко — желанный взгляд!

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 126.

² См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 117.

³ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 323.

⁴ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 387, № 1, № 4.

И будет миг свиданья
Дивен, сладок вдвойне,
В святом кругу молчанья,
При встающей луне.
Сознавая невольно
Власть ее волшебства,
Качнулась богомольно
Под ветерком трава.
И не жаль, что утрачен
Миром — колдунный дар,
Когда встает, прозрачен,
За лесом лунный шар!

1918

НОЧНАЯ ПЕСНЬ СТРАННИКА

(Свободный стих Гете)

На всех вершинах —
Покой.
В листве, в долинах,
Ни одной
Не вздрогнет черты...
Птицы дремлют в молчании бора.
Погоди только: скоро
Успешь и ты!

<1915>

ДРУЗЬЯ ¹

(Ритм)

ДОЖДЬ

(Свободный стих Верхарна)

Как длинные нити, нетихнувший дождь
Сквозь серое небо, и полон и тощ,
Над квадратами луга, над кубами рощ
Струится нетихнувший дождь,

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 369.

Томительный дождь,
Дождь...

Так он льет со вчера,
Так он мокрые тянет лоскутья
С тверди серой и черной;
Терпеливый, упорный,
Так он льет со вчера
На перепутья,
Необорный.

По путям,
Что ведут от полей к городам,
По дорогам, безмерно скривленным,
Шагом сонным,
Монотонным,
Утомленным,
Словно дроги путем похоронным,

Проезжают возы, в колеях,
Для того без конца параллельных,
Что они исчезают в ночных небесах,
И сливаются в далях предельных...
А вода,
Час за часом, струится всегда;
Плачут травы, деревья и дома
В бесконечности краткой истомы...
Перейдя за гнилые плотины,
Разливаются реки в долины
Серой пеной,
И плывет унесенное сено;

Ветер хлещет орешник и ивы;
И, хвостами в воде шевеля,
Стадо черных быков наполняет мычаньем поля;
Вечер близится; тени — пугливы,
И неслышно ложатся вдоль сумрачных рощ;
Твердь — все та же;
Так же льется нетихнущий дождь,
Долгий дождь,
Дождь густой и прозрачный, как сажа.
Долгий дождь
Нити вытянул ровно и прямо;
Ткет ногтями своими упрямо,—

Петля за петлей, стежок за стежком
Одеянье,
Закрывая в свой плащ каждый дом,
Каждое зданье,
В плащ изодранный, жалкий,
Что виснет тряпьем,
Как на палке...
Голубятня под крышей зубчатой;
Слуховое оконце, бумагой заткнутое грубо;
Водосточные трубы,
Что крестом стоят над коньком;

На мельницах крылья с заплатой;
Крест над родной колокольной, —
Под долгим дождем,
Непрерывным дождем
Умирают зимой в агонии безбольной...
О, нетихнувший дождь,
В серых нитях, в морщинах, с большой
бородой
Водяной!
О, нетихнувший дождь
Старых стран,
Многодневный, седой, облеченный в туман!

<1915>

ПРИСЛОВЬЯ

(Склад народных песен)

1

Да притихнут щекоты славие,
Да примолкнут говоры галичьи,
Да не грают вóроны черные,
Да сороки не стрекочут, пестрые!
Сокол правит путь в поднебесье,
По чистым полям громок конский скок,
На червлёный щит взвыл голодный волк,
Далеко по земле слышен орлий клет.

Высоко, высоко до поднебесья,
 Глубоко, глубоко до морского дна,
 Кто, богатырь, сошел во глубь земли,
 Кто, ведун, возлетел под облаки?
 Чудеса вместил в себя божий мир,
 Ни сказать, ни спеть, что на свете есть.

Как по морю, морю синему,
 Мимо ль острова неведомого,
 Выплывали, выгребали в ширь
 Ровно тридцать три кораблика,
 А на первом на кораблике
 На корме беседа — рыбий зуб...

4. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Кто пришел, кто стоит
 Там у притолки?
 Кто кивнул головой
 Нам из сумрака?
 Это — сон, он пришел
 Да за дитяткой,
 Спи, мой милый, усни,
 Я баюкаю...

<1918>

ЧАСТУШКИ

(Склад новонародных песен)

Я присела на крылечко,
 Вася подарил колечко.
 Я прошлася на лужочек,
 Федя мне принес платочек.

Я вечер гоняла кошку,
Митрий преподнес мне брошку,
А когда я вышла в сени,
Подзатыльник дал мне Сеня.
Как подарки позабыть?
Буду каждого любить.

2

Мою милку не забуду,
Потому что хороша.
Разопью я с ней посуду,
Гуляй, вольная душа!
Буду верен две недели,
Приходи на сеновал!
Засмеют меня соседи,
Дескать, паренек пропал,
Не хочу только жениться,
Душе воля дорога.
Будешь в омуте топиться,
Туда и дорога!

3

Ворожила мне маменька:
Не быть тебе старенькой,
Слишком милого любишь,
Свою душу загубишь.
Я же маменьке ответила:
Проживу жизнь весело,
Ежели подчас тоскую,
Зато милого целую.
Говорила я маменьке,
Сидя на заваленке,
А сама была не своя:
Бросил милый мой меня.

18 декабря 1914

Опыты по евфонии

(Звукопись и созвучия)

ЗАКАТНЫЙ ТЕАТР

(Укороченные рифмы)

В небе — яркость повечерия:
Реют птиц волшебных перья,
Гривы странного зверья...

Словно вырос там, над городом,
Пред владыкой грозно-гордом
Некий дивный ипподром.

Как в торжественной базилике,
Всюду — облики и лики,
Толпы дивно велики;

Все скамьи людьми унизаны;
По одеждам жемчуг ризный
Блещет с темной крутизны.

Ждут ли толпы гладиатора
В рдяной алости театра,
В круге синего шатра?

Вот и он, боец невиданный!
Меч возносит серповидный,
В тучах руки чуть видны...

Решена борьба заранее:
Полетит на стон страданья
Черный облак воронья.

Крыльев, кровью отороченных,
Ляжет взмах, в углах урочных,
Точно сотня створ ночных.

И лишь звезды сквозь расщелины,
Озирая мрак земельный,
Будут искриться, хмельны.

Да вверху над стихшим городом
Будет спать в молчаньи гордом
Нам незримый ипподром.

1918

НА ПРУДУ

(Омонимические рифмы)

Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос...
Я рядом плыл; сошлись кормила;
Закатный луч был странно-кос.

По небу полосы синели,
Вечеровой багрец края;
В цветах черемух и синели
Скрывались водные края.

Все формы были строго-четки,
Миг ранил сердце сотней жал...
Я, как аскет сжимает четки,
В руке весло невольно жал.

Вдруг лебедей метнулась пара...
Не знаю, чья была вина...
Закат замлел за дымкой пара,
Алея, как поток вина.

Была то правда ли, мечта ли,—
Уста двоих слились в одно.
Две лодки, как и мы, мечтали,
Как будто вонзены во дно.

Я свято помню эту встречу:
Пруд, берег, неба яркий плат...
Миг тот же если вновь я встречу,—
И жизнь ничтожная из плат!

12 декабря 1914

НА БЕРЕГУ ¹

(Омонимические рифмы)

ВОСТОРГ ЖЕНЩИНЫ

(Разноударные омонимические рифмы)

Я — под синим по́логом
На холме поло́гом.

Все вокруг так зéлено;
Шум — в траве зеленой.

Вот — ромашка белая;
Как она, бела я.

Сосенки! вы в горе ли?
Мы, как вы, горели.

Но изжита, м́нута
Страшная мину́та!

В сердце — радость ви́денья:
Сгну́ли ви́денья.

Счастья нужно ль бо́льшего?
Будет и большо́го.

1914, 1918

ПОЖАР

(Глубокие рифмы)

Рвется ветер одичалый,
Буря знак дала погонь...
С бурей споря, родич алый,
Машет сотней лап огонь.

¹ См. сб. «Зеркало теней» — т. 2, с. 48.

Рамы трески, двери скрежет,
Балок грохот, гуд и рев...
Буря с боя вереск режет,
Гнет стволы в дуги дерев!

Страшен ты, Кащей летучий!
Но, как светлый сердолик,
Месяц вниз, сквозь щели тучи,
Клонит милосердо лик.

1918

ОНА — ПРЕЛЕСТНА...

(Глубокие рифмы)

Она прелестна, как весной лилея,
Как ель стройна, как серна сложена;
А дряхлый муж, ее плечо лелея,
Лукаво говорит: «Моя жена!»

Давно ль она, в мечты погружена,
С других кудрей вдыхая хмель елея,
Дрожа, шептала клятву Галилея:
«Я все ж люблю! я счастьем сожжена!»

Тому не быть! что было — миновало,
И больше ей не целовать овала
Того лица, твердя: «О милый мой!»

Здесь на груди, сокрытое глубоко,
Чтоб на него не посягнуло б око,
Лежит посланье с траурной каймой.

<1918>

НА ЛЬДИНАХ

(Богатые рифмы)

Задумчиво я слушаю
Хруст снега под ногой.
Над морем и над сушею
Мучительный покой.

Иду один вдоль берега,
Везде лишь снег да лед,
И профилем Тиберика
Далекий холм встает.

Мне кажется, смеется он,
Качая головой.
Кончая свой симпозион
Насмешкой роковой.

«Как жаль, что не единая
У мира голова!»
Один иду на льдины я.
Пустынна синева.

Все тихо. Тщетно слушаю:
Лед хрустнет под ногой, —
И над водой и сушею
Опять глухой покой.

19 ноября 1914

ТЫ — ЧТО ЗАГАДКА...

(Семисложные рифмы)

Ты — что загадка, вовек не разгадывающаяся!
Ты — что строфа, непокорно не складывающаяся!

Мучат глаза твои душу выводывательностями,
Манят слова твои мысль непоследовательностями.

Ты — словно нить, до сверканья раскаливающаяся,
Ты — как царица, над нищими сжаливающаяся.

Небо полно золотыми свидетельствованиями
Всех, кто твоими был жив благодетельствованиями!

Ноябрь 1914

НОЧЬ ¹

(Уменьшающиеся рифмы от 7 слогов до 1)

ХОЛОД ²

(5-сложные рифмы)

С ГУБАМИ, СЛАДКО УЛЫБАЮЩИМИСЯ

(Рифмы 5 и 4-сложные)

С губами, сладко улыбающимися,
Она глядит глазами суженными,
И черны пряди вокруг чела;
Нить розоватыми жемчужинами
С кораллами перемежающимися
Ей шею нежно облегла.

Она как будто не догадывается,
Движеньем легким грудь показывая,
Как странно-мутны взоры всех.
И лишь ее накидка газовая
В причудливые складки складывается,
Дрожа под затаенный смех.

Она встает, и зыбко свешиваются
Алмазы, искрами утроенные,
Горящих в локонах серег;
Порывы, у тигриц усвоенные,
С газельей медленностью смешиваются
При каждом шаге легких ног.

И меж изгибов, жадно впитываемых
Глазами, жалко не ответственными,
Безумцев, ведающих страсть,
Нет, что не дышат снами девственными!
То над толпой рабов испытываемых
Владычица являет власть!

3 января 1915

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 192.

² См. сб. «Все напевы» — т. 1, с. 482.

ДЛИТЕСЬ, МГНОВЕНЬЯ!

(4-сложные рифмы)

Реет река, лиловеющая
В свете зари предвечерней,
Даль, неоглядно темнеющая,
Тянется дивно безмерней.

Радости вечера длительного,
Вас всей душой я впиваю!
Яркость заката слепительного ---
Двери к последнему раю!

Нет, не чета новоявленная
Встала здесь, — Ева с Адамом:
Сзади — дорога оставленная,
Ночь — за торжественным храмом.

Путь с его рвами и рытвинами
Пройден: не будет возврата!
Жажду с мечтами молитвенными
Медлить во храме заката!

Длитесь, мгновенья темнеющие!
Даль, разрастайся безмерней!
Струи скользят лиловеющие
В свете зари предвечерней.

1913. 4 января 1915

КАК ДЕЛЬФИН

(Начальные рифмы)

Как дельфин тропических морей...

Вордсворт

Как дельфин тропических морей,
Тишь глубин я знаю, но люблю
Выплывать под знойный меч луча,
Режа гладь морскую на бегу.

Хороши сквозь воду светы дня!
Там, в тиши, все — чудо; груды, стаи рыб
Там плывут, как призрачная рать;
Страшный спрут, как царь, таится там;

Бел и ал, со дна растет скалой
Там коралл, и тысячью цветов
Анемон гнездится меж камней,
Окружен живым кольцом медуз.

Но свой взор насытив странным сном,
На простор спешу я снова всплыть,
От чудес безмерных глубей я
В глубь небес опять хочу смотреть.

Мир объят пожаром заревым,
И закат кровавит сини вод:
Я, волну чуть зыбля на лету,
Тишину дневную жадно пью.

16 марта 1918

РЕЕТ ТЕНЬ

(Начальные рифмы)

Реет тень голубая, объята
Ароматом нескошенных трав;
Но, упав на зеленую землю,
Я объемлю глазами простор.
Звездный хор мне поет: аллилуя!
Но, целуя земную росу,
Я несу мой тропарь умиленный
До бездонной кошницы небес.
Не исчез дольний мир. Сердцем чую
Голубую, как сон, тишину
И весну, воплощенную в мае
Легкой стайей ночных облаков.
Но готов все забыть, всем забыться,
Я упиться хочу тихим сном;
Здесь, в ночном упоении над бездной, —
К тайне звездной земная ступень...
Реет тень...

29 апреля 1914

МЕЖ РАЗВАЛИН

(Серпантин)

Я, печален, блуждаю меж знакомых развалин,
Где, давно ли, рыдал я от ласкательной боли!
Камни те же, и тот же ветер, медленный, свежий,
Мглу колышет, и берег маргаритками вышит...
Но иное томленье душу режет в покое:
Вместо жгучей печали — сон, как осень, тягучий!
Эти камни так тверды! и уныло близка мне
Эта башня под мхами, с ее думой всегдашней
О далеком, отшедшем, дорогом, хоть жестоком!

1918

УСНИ, БЕЛОСНЕЖНОЕ ПОЛЕ! ¹

(Рифма предпоследнего слова)

МОНОПЛАНЫ

(Рифмы дактиле-хореические)

Высоко над городом,
В перелете гордом,
Словно птицы странные,
Реют монопланы.

А под ними, парами,
Грязным тротуаром,
Словно тени жуткие,
Бродят проститутки.

Может быть, воочию,
Этой самой ночью,
Тем же девам — летчики
Поднесут цветочки;

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 192.

И в позорных комнатах
Волю неба вспомнят,
Ах! склоняясь ласково
Над застывшей маской!

Первый, в лете сниженном,
Кажется недвижим...
Не к земной улике ли
Монопланы сникли?

1918

ВЕЧЕРОМ В ДОРОГЕ ¹

(Рифмы дактиле-хореические)

ДВЕ ГОЛОВКИ ²

(Рифмы дактиле-хореические)

НА ЛЫЖАХ ³

(Сплошные рифмы)

МГНОВЕНЬЯ МГНОВЕННЕЕ ⁴

(Сплошные рифмы)

КАК НЕЯРКИЕ БУТОНЫ ⁵

(Внутренние постоянные рифмы)

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ ⁶

(Внутренние постоянные рифмы)

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 117.

² См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 171.

³ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 137.

⁴ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 136.

⁵ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 137.

⁶ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 274.

ДВЕ МАЛАЙСКИХ ПЕСНИ ¹

(Ассонансы)

ДВЕ ИСПАНСКИХ ПЕСЕНКИ ²

(Романские ассонансы)

ВЕРБНАЯ СУББОТА ³

(Ассонансы)

СУХИЕ ЛИСТЬЯ ⁴

(Звукопись)

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА... ⁵

(Перезвучия)

ЭТО — НАДГРОБНЫЕ НЕНИИ... ⁶

(Перезвучия)

УТРЕННЯЯ ТИШЬ ⁷

(Одноречия)

ПОСЛЕДНИЙ СПОР ⁸

(Одноречия)

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 336.

² См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 346, под заглавием «Испанские народные песни».

³ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 170.

⁴ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 121.

⁵ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 212.

⁶ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 286.

⁷ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 270.

⁸ См. сб. «Девятая Камена» — т. 2, с. 301.

МОЙ МАЯК ¹

(Триолет-анафора)

СЛОВО

(Стили с созвучиями)

Слово — событий скрижаль, скиптр серебряный созданной
славы,

Случая спутник слепой, строгий свидетель сует,
Светлого солнца союзник, святая свирель серафимов,
Сфер созерцающий сфинкс, — стены судьбы стережет!
Слезы связуя со страстью, счастье сплетая со скорбью,

Сладостью свадебных снов, сказкой сверкая сердцам, —
Слово — суровая сила, старое семя сомнений!

Слыша со стонами смех, сверстник седой Сатаны,
Смуты строитель, снабдивший сражения скрежетом, Слово
Стали, секиры, стрелы, сумрачной смерти страшней!

1918

ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

(Азбука от А до Ө)

Алый бархат вечереет,
Горделиво дремлют ели,
Жаждет зелень, и июль

Колыбельной лаской млеет...
Нежно отзвуки пропели...
Разостался синий тюль.

Улетели феи — холить
Царство чары шаловливой,
Щебет ъдких эпиграмм.

Начинаетъ сны неволить,
Мвро льет нетерпеливый,
Юга ясный Өимиаи.

1918

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 204.

В ДОРОЖНОМ ПОЛУСНЕ

(Палиндром буквенный)

Я — идиллия?.. Я — иль Лидия?..

Топот тише... тешит топот...
Хорош шорох... хорош шорох...
Хаос елок... (колесо, ах!)
Озер греза... озер греза...
Тина манит...
Туча... чуть...
А луна тонула...
И нет тени!

Еду... сани... на суде...

Топот тише; тешит топот;
Хорош шорох; хорош шорох...
Темь опять; я — память!
Ель опять; я — поле!
О, мимо! мимо!
А город? а город? о, дорóга! дорóга!

<1918>

ГОЛОС ЛУНЫ

(Палиндром буквенный)

Я — око покоя,
Я — дали ладья,
И чуть узорю розу тучи,
Я, радугу лугу дая!
Я — алая,
Я — и лилия,
Веду, Сильвана, в лесу дев,
Я, еле лелея
Небес эбен.

1915

ШУТКИ

(Палиндромы)

Я — арка края.

Атака заката.

О, лета тело!

Ала зола.

<1918>

ВИДЕНЬЯ БЫЛОГО

(Словесный палиндром)

Жестоко — раздумье. Ночное молчанье
Качает виденья былого;
Мерцанье встречает улыбки сурово;
Страданье —
Глубоко-глубоко!
Страданье сурово улыбки встречает...
Мерцанье былого — виденья качает...
Молчанье, ночное раздумье, — жестоко!

1918

ИЗ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ

(Словесный палиндром)

Волн колыхание так наяд побеждает стремленье,
Моря Икарова вал, как пламенеющий Нот.
Нот пламенеющий, как вал Икарова моря, — стремленье
Побеждает наяд так колыхание волн.

<1918>

ИЗ ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

(Стихи обращенные)

Нежный стихов аромат услаждает безделие девы:
Кроет проделки богов нежный стихов аромат.

<1913?>

(Античные ассонансы)

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
 На коре пометил имя той, которую любил.
 Ни конца нет, ни покою с той поры для страстных мук:
 Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв.

1911

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРГИЛИЯ

(Топология Пентадия)

Пастырь, орадай, воин, пас, возделывал, низил,
 Коз, огород, врагов — веткой, лопатой, мечом.

1907

ВОСТОЧНОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ

(Метаграмма)

Что нам весной или за ней дано?
 Одна мечта: знай сон и лей вино!

1918

Опыты по строфике

(Строфы и формы)

РИМ

(Моностих Авсония)

Рим золотой, обитель богов, меж градами первый.

1911

О ИМПЕРАТОРАХ

(Моностихи его же)

Первый Юлий раскрыл чертоги царские Цезарь;
Августу он передал и власть над градом, и имя;
Правил потом Тиберий, сын его сводный; за этим
Кай, получивший прозвание Калигулы в лагере ратном;
Клавдий воспринял потом правление; а после жестокий
В роде Энея последний Нерон; за ним, не в три года,
Трое: Гальба, старик, напрасно веривший в друга,
Слабый Отоп, по разврату позорный выродок жизни,
И недостойный ни власти, ни смерти мужа Вителий;
Веспасиан, за ними десятый, судьбой был поставлен;
Далее Тит, счастливый краткостью власти; последним
Брат его, тот, кого звали римляне Лысым Нероном.

1911

О ПРИБЛИЖЕНИИ ВЕСНЫ

(Повторные дистихи Пентадия)

Да, убегает зима! оживляют землю зефиры.
Эвр согревает дожди. Да, убегает зима!
Всюду чреваты поля; жары предчувствует почва.
Всходами новых семян всюду чреваты поля.

Весело пухнут луга, листвою оделись деревья.

По обнаженным долам весело пухнут луга.

Плач Филомелы звучит — преступной матери пени,

Сына отдавшей во снедь, плач Филомелы звучит.

Буйство потока в горах стремится по вымытым камням.

И на далеко гудит буйство потока в горах.

Тысяча тысяч цветов творит дыханье Авроры.

Дышит во глуби долин тысяча тысяч цветов.

Стонет в ущельях пустых овечьим блеяньем Эхо.

Звук, отраженный скалой, стонет в ущельях пустых.

Вьется молодой виноград, меж двух посаженный вязов.

Вверх по тростинкам лозой вьется молодой виноград.

Клеит под крышей опять говорливая ласточка утром,

Строя на лето гнездо, клеит под крышей опять.

Где зеленеет платан, в тени, услаждает дремота;

Там надевают венки, где зеленеет платан.

Сладко теперь умереть! нити жизни, сорвитесь с прялки!

В милых объятьях любви сладко теперь умереть!

1 мая 1907

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ ¹

(Алкаический метр)

К ЛИДИИ

(Самфическая строфа Горация)

Реже всё трясут запертые двери,

Вперебой стуча, юноши лихие,

Не хотят твой сон прерывать, и любит

Дверца порог свой,

Легкие, в былом двигавшая часто

Петли. Слышишь ты реже все и реже:

«Ты, пока всю ночь по тебе страдаю,

Лидия, спишь ли?»

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 326, под заглавием «Ода в духе Горация».

Дерзких шатунов, жалкая старуха,
Ты оплачешь вновь, в темном переулке,
Фракийский когда буйствует под ново-
Лунием ветер.

Пусть тебе любовь ярая и жажда
(Бесяся какой часто кобылицы)
Неотступно жжет раненую печень,
Пусть ты и плачешь,—

Пылкая, плющом молодежь зеленым
Тешится всегда, как и темным миртом,
Мертвые листья предавая Эвру,
Осени другу.

5 апреля 1914

К ЛИДИИ

(Сапфический малый метр Горация)

Лидия! мне, во имя
Всех богов, скажи,
Почему
Любо тебе, что сгибнет.

Сибарис наш от страсти?
Стал чуждаться он
Всех арен.
Солнца страшась и пыли,

Сверстников между смелых
Он скакать не стал
На коне;
Галльских уздой зубчатой

Он скакунов не колет;
Тело в желтый Тибр
Погрузить
Страшно ему; еля

Яда виперы словно
Стал он избегать;
На руках
Стер синяки доспехов

Тот, кто копье, бывало,
Кто, бывало, диск
Зашвырнуть
Мог через мету ловко!

Что он таится? прежде
Как таился сын
(Говорят)
Фётиды, нимфы моря,
Чтоб у несчастной Трои,
Мужа вид храня,
Не лететь
В ликийский строй и в сечу!

1916

ПА БРЕННОСТЬ

(Сапфический метр Сульпиция Луперка)

Суждена всему, что творит Природа
(Как его ни мним мы могучим), гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и бренным.

Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя.
Руша перед собой неуклонным током
Берег размытый,

Роет толщу скал водопад, спадая;
Тупится сошник, на полях, железный;
Блещет, потускнев, — украшение пальцев, —
Золото перстня...

7—8 апреля 1911

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ

(Александрийский стих)

Заслушались тебя безмолвные наяды,
О муза юная, влюбленная в каскады,
У входа в темный грот, что нимфам посвящен,
Плющом, шиповником, акантом оплетен.

Амур внимал тебе в тени листвы укромной;
Потом приветствовал сирену рощи темной
И, золото волос твоих сдавив рукой,
Сплел гнацинт и мирт с душистою косой.
«Твой голос для меня,— сказал он,— был утешней,
Чем для медовых пчел сок медунницы вешней!»

1912

УМИРАЮЩИЙ ДЕНЬ ¹

(Терцины)

СОНЕТЫ

(Мисака Мицарэнца)

1

В горах, в монастыре, песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян, ветер над рекой и кружится и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солища иду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт,— ущелье и скала,—
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!

<1918>

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 190.

(Сонет с кодою)

Цветы роняют робко лепестки,
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грезой сладостной объятom,
Так сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатом,
Льют нежный дух, клоня свои листки,
К ним ветер льнет, и вихрем беловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.

Как гурьи неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распуская,
Их белый сонм струится в водомёт;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ребенка,
Но сладострастно песнь ее зовет...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

<1918>

НИКОЛАЮ БЕРНЕРУ¹

(Сонет-акrostих)

ОБЛАТ²

(Рондо)

Кто сожалеет о прекрасных днях,
Мелькнувших быстро, тот печаль лелеет
В дневных раздумьях и в ночных слезах;
Былое счастье мило и в мечтах,
И память поцелуев нежно греет,

Но о случайном ветерке, что веет
Весенним вечером в речных кустах
И нежит нас, свежая пыльный прах,
Кто сожалеет?

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 202.

² Oblat — молодой послушник, человек, готовящийся стать монахом. (Прим. Брюсова.)

Земное меркнет в неземных лучах,
Пред райской радостью любовь бледнеет,
Меж избранных нет места тем, о снах
Кто сожалеет!

20 марта 1918

ЕЕ КОЛЕНИ...¹

(Рондо)

ТРИ СИМВОЛА

(Риторнель)

Серо

Море в тумане, и реет в нем рея ли, крест ли;
Лодка уходит, которой я ждал с такой верой!

Прежде

К счастью так думал уплыть я. Но подняли якорь
Раньше, меня покидая... Нет места надежде!

Кровью

Хлынет закат, глянет солнце, как алое сердце:
Жить мне в пустыне отныне — умершей любовью!

1918

Ф. СОЛОГУБУ²

(Триолет)

СОН МГНОВЕННЫЙ³

(Виланель)

¹ См. сб. «Все напевы» — т. 1, с. 475.

² См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 201.

³ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 351, под заглавием «Виланель».

О ЖЕНЩИНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН ¹

(Баллада Франсуа Вийона)

О ЛЮБВИ И СМЕРТИ ²

(Баллада)

К ДАМЕ ³

(Канцона)

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ ⁴

(Секстина)

ПЕСНЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ ⁵

(Строфы с однозвучными рифмами)

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ ⁶

(Средневековые строфы)

В ТУ НОЧЬ ⁷

(Газелла)

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 349, под заглавием «Баллада о женщинах былых времен».

² См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 173, под заглавием «Баллада о любви и смерти».

³ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 344, под заглавием «Канцона к Даме».

⁴ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 175, под заглавием «Секстина».

⁵ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 350.

⁶ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 345.

⁷ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 333, вместе с стихотворением «Пылают розы, как жгучий костер» под общим заглавием «Газели», № 1.

ТВОЙ ВЗОР ¹

(Газелла)

ПЕРСИДСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ²

ПЕСНЬ НОРМАННОВ В СИЦИЛИИ

(Принца)

Здесь в рощах помавают лавры,
Здесь яркие дни и ночи темны,
Здесь флейты ропщут, бьют литавры,—
Но ты суровый север помни!

Здесь белы во дворцах колонны,
Покои пышны и огромны,
В саду — фонтан, что ключ бессонный,
Но ты суровый север помни!

Здесь девы гибки, девы статны,
Их взгляды и слова нескромны,
А ночью косы ароматны,
Но ты суровый север помни!

Здесь люди дремлют в пьяной неге,
Ведут войну рукой наемной,
Им чужды вольные набеги,
Но ты суровый север помни!

Здесь обрели, в стране богатой,
Мы, род скитальный, род бездомный,
Дворцы, коней, рабынь и злато...
Но ты родимый север помни!

15 декабря 1914

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 333, «Газеллы», № 2.

² См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 332.

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ¹

(Арутюн Туманьян)

ДЖАН-ГЮЛЮМЫ

(Армянские народные песни)

1

Белый конь! Тебе ль подкова!
— Роза моя, джан! джан!
Родинка что чернобровой?
— Цветик светлый, джан! джан!
Если милой вижу взоры,
— Роза моя, джан! джан!
Поведу ли разговоры?
— Цветик светлый, джан! джан!

2

Как у нас за домом — старый склад,
— Роза моя, джан! джан! джан!
Парни были — и пошли назад,
— Цветик светлый, джан! джан! джан!
Протянула руку и поймала,
— Роза моя, джан! джан! джан!
Стали все вокруг — лалы и кораллы!
— Цветик светлый, джан! джан! джан!

3

Дождь прошел и просверкал,
— Роза моя! джан! джан!
Ивы лист поколебал,
— Цветик милый! джан! джан!
Вот мой братец проскакал,
— Роза моя! джан! джан!
Алый конь под ним играл,
— Цветик милый! джан! джан!

<1916>

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 339, под заглавием «Армянская народная песня».

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

(Саят-Нова, XVIII в.)

Твоих грудей гранат — что меч!
Самшит¹ твоих бесценен плеч!
Хочу у двери милой — лечь!
Там прах целую и пою.

Я, твоего атласа звук!
Дай мне испить из чаши рук,
Молю целенья в смене мук,
Люблю, ревную и пою!

Я не садовник в эту ночь,
Как тайну сада превозмочь?
О — соловей, где роза? «Прочь!»—
Шипу скажу я и пою.

Ты — песня! И слова звучат!
Ты — гимн! И я молиться рад!
Саят-Новы ты — светлый сад!
Вот я тоскую и пою.

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

(Саят-Нова, XVIII в.)

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан² ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан³ ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для
меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

¹ С а м ш и т — род сосны, обычное сравнение для плеч и рук.
(Прим. Брюсова.)

² Д ж а н — слово, означающее и душу и тело, вообще нечто самое дорогое, любимое. (Прим. Брюсова.)

³ П и н д ж а н — особый сосуд, фиал. (Прим. Брюсова.)

Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-атлас;¹
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг и
алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант! бесценный лал индийских стран ты для
меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

Любовью охьянен, не сплю, но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш² на огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбар³ и майоран ты для меня!

<1916>

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ ЛЮБВИ

(Степаннос, XVII в.)

Нежная! милая! алая! скажи,
Черные очи, яр!⁴ черные очи!
Что, хоть бы раз, не придешь ты ко мне
В сумраке ночи, яр! в сумраке ночи!

Много тоски я и слез перенес,
Полон любви, яр! полон любви!
Лоб у тебя белоснежен, дугой
Черные брови, яр! черные брови!

¹ П р а н г и - а т л а с — фрижский, заморский атлас. (Прим. Брюсова.)

² К о н ь - Р а ш — конь Рустема из персидской эпопеи. (Прим. Брюсова.)

³ С у с а м б а р — пахучая трава. (Прим. Брюсова.)

⁴ Я р — милая, возлюбленная (см. выше). (Прим. Брюсова.)

Взоры твои — словно море! а я —
Кормщик несчастный, яр! кормщик несчастный!
Вот я в тревоге путей не найду
К пристани ясной, яр! к пристани ясной!

Ночью и днем утомленных очей
Я не смыкаю, яр! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, как твой раб,
Я умоляю, яр! я умоляю!

Все говорят ты — целитель души...
Вылечи раны, яр! вылечи раны!
Больше не в силах я этот сносить
Пламень багряный, яр! пламень багряный!

Ночью и днем, от любви, все — к тебе,
В горести слез я, яр! в горести слез я!
Злая, подумай: не камень же я!
Что перенес я, яр! что перенес я!

Сна не найти мне, напрасно хочу
Сном позабыться, яр! сном позабыться!
Плача, брожу и назад прихожу —
Снова томиться, яр! снова томиться!

Ночью и днем от тоски по тебе
Горько вздыхаю, яр! горько вздыхаю!
Имя твое порываюсь назвать, —
И замолкаю, яр! я замолкаю!

Более скрытно я жить не могу,
Произнесу я, яр! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яр! гибну, тоскуя!

Ах, Степаннос! думал ты, что умен, —
Все же другим занялся ты, как видно!
Бога оставил и девой пленен...
Будет на Страшном суде тебе стыдно!

<1916>

ЯПОНСКИЕ ТАНКИ И ХАЙ-КАЙ¹

ТРЕУГОЛЬНИК

Я, .
эле
качая
веревки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки,
летаю в просторе,
крылатый как птица,
меж лиловых кустов!
но в заманчивом взоре,
знаю, блещет, алея, зарница!
и я счастлив ею без слов!

1918

ТЕРЕМ МЕЧТЫ

(Повторные рифмы)

Как девушки скрывались в терем,
где в окнах пестрая слюда,
В Мечте, где вечный май не вянет,
мы затворились навсегда.

Свою судьбу мы прошлым мерим:
как в темном омуте вода,
Оно влечет, оно туманит,
и ложь дневная нам чужда!

Пусть за окном голодным зверем
рычит вседневная вражда:
Укор минутный нас не ранит,—
упреков минет череда!

Давно утрачен счет потерям,
но воля, как клинок, тверда,
И ум спокойно делом занят
в святой обители труда.

¹ См. сб. «Сны человечества» — т. 2, с. 334—335, 3, 6, 7.

Мы пред людьми не лицемерим,
мы говорим: «Пускай сюда
Судьи взор беспристрастный взглянет,
но — прочь, случайная орда!

Мы правду слов удостоверим
пред ликом высшего суда,
И торжество для нас настанет,
когда придут его года!

Мы притязаний не умерим!
Исчезнут тени без следа,
Но свет встающий не обманет,
и нам заря ответит: «Да!»

Мы ждем ее, мы ждем и верим,
что в тот священный час, когда
Во мрак все призрачное канет, —
наш образ вспыхнет, как звезда!

20 марта 1918

ВЕЧЕРОВОЕ СВИДАНИЕ

(Бесконечное рондо)

Наступают мгновенья желанной прохлады,
Протянулась вечерняя тишь над водой,
Улыбнулись тихонько любовные взгляды
Белых звезд, в высоте замерцавших чредой.

Протянулась вечерняя тишь: над водой
Закрываются набожно чашечки лилий;
Белых звезд, в высоте замерцавших чредой,
Золотые лучи в полумгле зарябили.

Закрываются набожно чашечки лилий...
Пусть закроются робко дневные мечты!
Золотые лучи в полумгле зарябили,
Изменяя волшебный покой темноты.

«Пусть закроются робко дневные мечты!»
Зароптал ветерок, пробегая по ивам,
Изменяя волшебный покой темноты...
Отдаюсь ожиданиям блаженно-пугливым.

Зароптал ветерок, пробегая по ивам,
Чу! шепнул еле слышно, как сдержанный зов...
Отдаюсь ожиданиям волшебного пугливого
В изумрудном шатре из прозрачных листков.

Кто шепнул еле слышно, как сдержанный зов!
«Наступили мгновенья желанной прохлады!»
— В изумрудном шатре из прозрачных листков
Улыбнулись тихонько любовные взгляды!

<1918>

ВЕЧЕРНИЙ ПАН¹

(Строфы)

ИТАК, ЭТО — СОН...²

(Строфы)

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА...

(Строфы)

Городская весна подошла, растопила
Серый снег, побежали упрямо ручьи;
Солнце, утром, кресты колоколен слепило;
Утром криком встречали тепло воробы.
Утреню года
Служит природа:
С каждой крыши незримые брызжут кропила.
Шум колес неумолчно поет ектеньи.

Вот и солнце выходит, священник всемирный,
Ризы — пурпур и золото; крест из огня.
Храм все небо; торжественен купол сапфирный,
Вместо бледных лампад — светлые яркие дня,
Хоры содружных
Тучек жемчужных,
Как на клиросах, в бездне лазури эфирной
Петь готовы псалом восходящего дня!

¹ См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 116.

² См. сб. «Семь цветов радуги» — т. 2, с. 127, без заглавия («Итак, это — сон, моя маленькая...»).

Лед расколот, лежит, грубо-темная грудя;
Мечет грязью авто, режет лужи трамвай;
Гулы, топоты, выкрики, говоры люда.
Там гудок, там звонок, ржанье, шелканье, лай...

Но, в этом шуме
Бедных безумий,
Еле слышным журчаньем приветствуя чудо,
Песнь ручьев говорит, что приблизился Май!

1—2 марта 1918

ЗАКАТНАЯ АЛОСТЬ

(Строфы)

Закатная алость пылала,
Рубиновый вихрь из огня
Вращал ярко-красные жала.
И пурпурных туч опахала
Казались над рдяностью зала,
Над пламенным абрисом Дня.

Враги обступили Титана,
В порфире разодранной, День
Сверкал, огнезарно-багряный...
Но облик пунцово-румяный
Мрачили, синевя, туманы
И мглой фиолетовой — тень.

Там плавились жарко металлы,—
Над золотом чермная медь;
Как дождь, гиацинты и лалы
Спадали, лучась, на кораллы...
Но в глубь раскаленной Валгаллы
Все шло — лиловеть, догореть.

Взрастали багровые злаки,
Блистая под цвет кумача;
Пионы, и розы, и маки
Вжигали червонные знаки...
Но таяли в вишневом мраке,
Оранжевый отсвет влача.

Сдавались рудые палаты:
Тускнел позлащенный багрец;
Желтели шафраном гранаты;
Малиновый свет — в розоватый
Входил... и червлёные латы
Сронил окровавленный жрец.

Погасли глаза исполина,
И Ночь, победившая вновь,
Раскрыла лазурь балдахина...
Где рдели разлитые вина,
Где жгли переливы рубина,—
Застыла, вся черная, кровь.

1917

ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ¹

(Строфы)

МОЛИТВА

(Строфы)

Благодарю тебя, боже,
Молясь пред распятым,
За счастье дыханья,
За прелесть лазури,
Не будь ко мне строже,
Чем я к своим братьям,
Избавь от страданья,
Будь светочем в буре.

Насущного хлеба
Лишен да не буду,
Ни блага свободы,
В железах, в темнице;
Дай видеть мне небо
И ясному чуду
Бессмертной природы
Вседневно дивиться.

¹ См. сб. «Последние мечты» — т. 3, с. 23.

Дай мужество — в мире
Быть светлым всечасно,
Свершать свое дело,
И петь помощи мне,
На пламенной лире,
Все, все, что прекрасно,
И душу и тело,
В размеренном гимне!

Сентябрь 1917

Примечания

ЧАСТЬ I

Опыт по метрике и ритмике

«Оригинальность,— говорит Эдгар По (в статье «Философия творчества»),— отнюдь не является, как это полагают некоторые, делом простого побуждения или интуиции... Чтобы быть найденной, она должна быть тщательно отыскиваема». Эдгар По говорит это именно об оригинальности ритмов, сказав ранее: «Возможные разнообразия размера и строфы абсолютно бесконечны. Однако же в течение целых столетий ни один человек не сделал или никогда, по-видимому, не стремился сделать в стихах что-нибудь оригинальное». Последнее сказано слишком резко: и до Эдгара По все лучшие поэты и стремились «сделать» и «делали» оригинальное в области ритма: прежде всего — прямые предшественники Эдгара По, романтики начала XIX века, Шелли, Китс, Кольридж, раньше них Блэк, еще раньше Спенсер и мн. др. В двух других своих утверждениях автор «Вороны» прав безусловно: возможные разнообразия стихотворных форм абсолютно бесконечны, но, чтобы найти что-либо оригинальное, надо его искать. Несправедливый упрек, брошенный Эдгаром По поэтам «в течение целых столетий», должно принимать поэтому в следующем смысле: возможно бесконечно разнообразить форму, надо только искать, а вы искать не хотели и довольствовались шаблонами и в размерах, и в построении строф! Известно, что сам Эдгар По в таком грехе неповинен: почти каждое его стихотворение оригинально и по метру, и по строфе.

Оригинальность, в области размеров, может быть двоякая: поэт может пользоваться или новыми элементами, еще не испытанными (или мало распространенными) в поэзии его страны, или новой комбинацией элементов обычных, широко распространенных; то и другое может дать и новые, оригинальные метры, и новые, оригинальные ритмы. Эдгар По, в частности, обращался обычно, как он и сам признается, ко второму из этих приемов, то есть брал привычные элементы, но комбинирует их по-новому: так построен и метр «Вороны».

Как ни велико число возможных элементов метра (стоп), оно, для стихосложения каждого языка, все же есть величина конечная. Можно построить тысячи разных метров, чистых и сложных, но все же в конце концов все мыслимые сочетания стоп окажутся исчерпан-

ными. Кроме того, оригинальное в этом отношении — относительно Размеры, еще оригинальнее для наших дней (так как ранее не пользовались ими), легко могут стать бавальными через десятилетие, если ими начнут широко пользоваться. Дактилический гексаметр по-русски был оригинален под пером Н. Гнедича, но для нас это — один из обыкновеннейших метров.

То же самое должно сказать и о совершенно «новых» ритмах, под чем можно разумеет только ритмы нового, еще не испытанного метра. Каждый вновь введенный в поэзию метр приносит с собою огромное количество новых ритмов этого стиха. Гнедич обогатил русскую поэзию дактилическим гексаметром (как известно, испытанным раньше того В. Тредьяковским и др., но без успеха): гексаметр представляет сотни различных ритмов этого стиха, среди которых многие найдены лишь позже Н. Гнедича. Точно так же введение в русскую поэзию ямбического триметра (Вяч. Ивановым и пишущим эти строки, хотя и у нас была свои предшественники) обогатило русский стих *одним метром и сотнями* его ритмов, которые, в свое время, все были «новыми». И все же число таких «новых» ритмов настолько же конечно, как и число возможных метров.

Другое дело — оригинальность, основанная на новых комбинациях уже знакомых элементов, то есть создание новых ритмов в уже знакомых метрах. Здесь, действительно, открываются математически-бесконечные возможности. Если могут быть исчерпаны, например, *все* ритмы двухстопного ямба (по нашему счету их, теоретически, около 300), то число ритмов многостопных стихов нечислится десятками и даже сотнями тысяч; всех вообще мыслимых ритмов в чистых метрах — миллионы, а в сложных — неопределенное количество, ибо никак нельзя исчислить все возможные сочетания из длинного ряда элементов: стопа, шпостаса, цесура, каталектика, анакруста, синереса, диереса, систола, диастола, синкопа, элидия и др. Возможностей здесь много больше, нежели возможного распределения фигур при шахматной игре или возможного сочетания карт при игре в вист или винт; иначе говоря, все эти возможности заранее предусмотрены быть не могут, — это область творчества, индивидуальных исканий поэта.

П л я с к а д у м. (Одноstopные хорен). Стр. 480. Двухstopные стихи встречаются в русской поэзии сравнительно часто. Таковы двухstopные ямбы у Пушкина («Роза», «Пробуждение», «Адели»), его же двухstopный анапест («Старый муж, грозный муж») и др., двухstopные хорен Полежаева («Вот мрачится...»), его же двухstopные ямбы («Я погибал») и др., двухstopные хорен Фета («Сны и тени...») и т. д. Напротив, одноstopные стихи представляют исключение и встречаются только как часть стихотворений, написанных одним размером (у Пушкина в эпиграммах, в баснях Крылова и т. п.). Причина такого пренебрежения к одноstopным стихам, конечно, не в их «трудности», а в бедности этих метров. Так как при окончаниях гипердактилических и даже дактилических эти метры теряют свой характер ямба, хорей, амфибрахия, становясь тождественными, то число ритмов каждого одноstopного метра крайне ограничено. Например, одноstopный хорей имеет лишь три основных ритма, характеризующихся стихами: 1) «Вторя», 2) «Шум», 3) «Где же» (или, более четкий пример, «Жаль мне!»). Впрочем, возможно значительно большее число вариаций этих ритмов. Соображения типографской

эстетика побудили нас соединить в печати каждые три стиха в один; правильное было бы печатать стих за стихом:

Моря
Вязкий
Шум,
Вторя
Пляске
Дум,
Злится,
Где-то
Там... — п т. д.

Вечная весна. (Одноstopные ямбы). Стр. 480. См. примеч. к предыдущему стихотворению. Приведенный пример также правильное было бы печатать стих за стихом:

И ночи —
Короче,
И тени
Светлей.
Щебечет,
Лепечет
Весенний
Ручей... — и т. д.

Веретена. (Пеон 3-й). Стр. 481. См. примеч. к следующему стихотворению.

Буря с берега. (Пеон 3-й). Стр. 481. *Пеон* — четырехсложная стопа из трех неударных и одного ударного слога, по положению которого различают: пеон 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Следовательно, пеоны по строю очень близки: первый и третий — к дихореям, второй и четвертый — к диямбам. В приведенных примерах строго выдержан пеонический строй. Но было бы ошибкой всегда уклоняться в пеонах от близости к ямбическим и хорейским метрам, путем педантичного избегания второстепенных ударений на неударных слогах. Как в ямбах и хорях ошибочно избегать ипостас, то есть замены ямбической или хорейской стопы пиррихией и спондеем, так ошибочно избегать ипостас и в пеонах; пеонические стопы могут и должны заменяться диямбами и дихореями, а также другими четырехсложными стопами, без чего пеонические метры были бы лишены ритмического разнообразия.

На примере. (Ритмы четырехstopного ямба). Стр. 482. Во Вступительной статье сказано, что четырехstopный ямб, по ритмам, самый разнообразный из всех русских размеров. Причины этого следующие: 1) Метры из трехсложных стоп допускают гораздо меньше ипостас, нежели из двухсложных стоп. 2) В хорейских метрах первая стопа почти всегда требует ипостасы, чем число их ритмов уменьшается. 3) Ямбы одно-, двух- и трехstopные естественно имеют меньшее число ритмов, нежели четырехstopный. 4) Ямб пятиstopный неизбежно разлагается на два стиха: двухstopный и трехstopный или четырехstopный и одноstopный. 5) Ямб шестиstopный также разлагается на два стиха, обычно на два трехstopных ямба. 6) Тем более надо это сказать о ямбах семиstopных и

высших по числу стоп: эти метры обязательно разлагаются на два (или три) стиха. Это объясняет, почему четырехстопный ямб всегда был наиболее распространенным русским стихом, которым, предпочтительно пред всеми другими размерами, писал Пушкин. По той же причине четырехстопный ямб особенно применим к длинным стихотворным произведениям (поэмам), в которых большинство других размеров звучат слишком однообразно. В приведенном стихотворении («На причале») представлено, разумеется, лишь небольшое число ритмов четырехстопного ямба, который имеет их (теоретически) свыше 100 000.

Уединенный остров. (Женская цесура в шестистопном ямбе). Стр. 482. Ямб шестистопный неизбежно распадается на два стиха (как все многостопные стихи, которые не могут быть произнесены с одним ударением). Исторически утвердился тип шестистопного ямба с постоянной цесурой после третьей стопы, как писались и русские александрийские стихи XVIII—XIX вв. Возможны, однако, и иные типы этого метра, как с постоянной цесурой иного положения (после второй стопы, после четвертой, после пятой и тому подобное), так и с передвижной цесурой (в последнем случае размер, на практике, теряет обычно свое единство). В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса четвертой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полуступиш: ямбического и хореического.

Восход луны. (Ритмы четырехстопного хорея). Стр. 483. См. выше примеч. к стихотворению «На причале».

Алтарь страсти. (Семистопный хорей и др. ритмы). Стр. 483. См., что сказано выше в примеч. к стихотворению «Уединенный остров». Исторически у нас утвердился тип семистопного хорея с женской цесурой после четвертой стопы, разлагающей метр как бы на два хореических стиха: четырехстопный и трехстопный. При таком делении стих теряет свое единство. Семистопным хореем с передвижной цесурой написано другое стихотворение того же автора — «Конь блед» (в сборнике «Венок») и одно стихотворение А. Блока. В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса пятой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полуступиш: пятистопного хорея и двухстопного ямба.

Из Мениппей Варрона. (Ямбический триметр). Стр. 486. Ямбический триметр есть метр, образованный четырехсложной стопой: диямбом, повторенной три раза. Поэтому строение ямбического триметра существенно отлично от строения шестистопного ямба. Теория ямбического триметра подробно разработана метриками античной древности, для которой этот ритм служил обычным размером диалога в трагедиях. Между прочим, ямбический триметр избегает цесуры после шестого слога и предпочитает в последней стопе замену диямба вторым пеоном. По-русски первые образцы ямбического триметра были даны Холодовским в переводе второй части «Фауста», потом Вяч. Ивановым в трагедии «Тантал» и пишущим эти строки в трагедии «Протесилай умерший». Желательно, чтобы переводчики античных трагедий передавали диалогические части именно этим метром, вполне применимым на русском языке.

Восходный час. (Ионический диметр). Стр. 486. Ионическая восходящая стопа состоит из двух неударных слогов, за которыми следуют два ударных, или, иначе, из соединения пиррихия

с спондеем. Так как в одном слове *рядом* двух ударений стоять не может, то поническая стопа может быть построена, по-русски, лишь искусственно: после третьего слога непременно должна находиться цесура. Это придает метру однообразие и закрывает ему широкое распространение.

Из п е с е н С а п ф о. (Античные ритмы). Стр. 487. Приведенные образцы переданы размером подлинника также В. Вересаевым и Вяч. Ивановым в их переводах песен Сапфо.

Из В е н к а. (Дистихи). Стр. 487. Элегическим дистихом называется строфа, состоящая из двух (по-русски) сложных метров: дактиле-хореического гексаметра и такого же пентаметра. См. Вступительную статью, примечание на с. 468. Личное мнение автора этих строк, — что русский гексаметр и пентаметр не обязаны подчиняться теориям античного стиха, ввиду разности языков и их свойств.

В д у х е К а т у л л а. (Гендекасиллаб). Стр. 487. Фалехов гендекасиллаб есть сложный пятистопный метр из четырех хореев и одного дактиля, занимающего второе место. Этот стих, широко распространенный в античной поэзии, излюбленный размер Катулла, вполне применим на русском языке. Античная метрика требовала в фалеховом гендекасиллабе большой постоянной цесуры после арсиса третьей стопы, что выдержано в приводимых примерах. По-русски этот стих получает гораздо больше свободы, если большая цесура стоит в нем *перед* арсисом третьей стопы; по тогда метр обращается как бы в два трехстопных хореев, приближаясь по ритмам к стихам К. Павловой:

Колыхается океан ненастный,
Вось небесную кроет сумрак серый, — и т. д.

В д у х е Л у к с о р и я. (Гендекасиллаб). Стр. 487. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

П а м я т н и к. (Первый асклепиадов стих). Стр. 488. Античные метрики строили первый асклепиадов стих из двух полустиший, как сложный метр, по схеме:

— — — — — || — — — — —

На русском языке этому вполне соответствует сложный метр из двух анапестов, за которыми следуют два дактиля.

Р о к. (Гексаметр Авсония). Стр. 488. Тип гексаметра, в котором последний слог образован односложным словом, начинающим следующий стих. Так как такие слова имеют самостоятельное ударение, стих получает в последней стопе как бы ипостасу хореев спондеем, придающую метру своеобразный ритм.

П р о р о ч е с т в о м е ч т ы. Г н о м о ж и з н и. (Ропалические стихи). Стр. 489. Ропалические стихи относятся скорее к темам, но, вместе с тем, придают и особый ритм метру. Сущность ропалического стиха в том, что в нем каждое слово длиннее предыдущего на один слог. Лучшие образцы даны Авсонием (поэт IV в. по р. Х.).

П о с л е с к и т а н и й. (Разложение гексаметра). Стр. 490. Каждые три стиха образуют один полный дактиле-хореический гексаметр; рифмы усиливают цесурное деление на третьестопишья. Стихотворение перенечатывается из сборника «Семь цветов радуги».

Весной. (Двух-трехдолники). Стр. 490. См. Вступительный очерк. Стихотворение — из того же сборника.

Клинопись. (Параллелизм). Стр. 490. См., что сказано во Вступительном очерке о системах стихосложения. Система параллелизма состоит в том, что каждое двуступище образует одно целое, причем второй стих состоит из образов, параллельных образам первого. Так, между прочим, сложена «Калевала» и много песни скандинавского Севера. Приведенный образец — перевод ассирийской надписи.

Из китайской поэзии. Стр. 490. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Вечер после свидания. (Силлабические стихи). Стр. 490. Во Вступительном очерке объяснено, что силлабическое стихосложение свойственно языкам, где все гласные выговариваются одинаково отчетливо. По-русски силлабические стихи можно строить из слов, имеющих такое же произношение. Преимущество силлабических стихов в том, что каждый стих может иметь свой, индивидуальный метр.

Ночная песнь странника. (Гете). Стр. 491. Стихи, известные по недосыгаемо-прекрасному переводу Лермонтова: «Горные вершины». В приведенном переводе сделана попытка сохранить ритм подлинника. Более определенно пользовался Гете свободным стихом в отрывке «Прометей» и некоторых других стихотворениях. Приемы Гете у нас были повторены Андреем Белым в стихах книги «Золото в лазури»; в последнее время в той же манере развивают свободный стих наши футуристы, В. Маяковский и др. Этот стих существенно отличается от французского свободного стиха (*vers libre*), как он был основан М. Крынской, Лафоргом и др., и мастерски развит Э. Верхарном, Ф. Вьеле-Гриффлюм и др. Во французском *vers libre* каждый стих сохраняет свою ритмическую целостность; в немецком (также у Андрея Белого и футуристов) отдельные стихи — лишь элементы ритма, образуемого всем стихотворением или его частями. От *свободного* стиха должно отличать *вольные* стихи, то есть определенного метра, но разных стоп: так, «в простоте и вольности», слагал свою «Душеньку» И. Богданович и басни — И. Крылов.

Друзья. (Ритм). **Дождь.** (Свободный стих). Стр. 491. Силлабическое стихосложение имеет мерою стиха число гласных, цеуру и рифму, независимо от ритма стихов. Только при таком строе и возможны подлинники «свободных стихов», то есть стоящие между собою по величине в произвольных отношениях. При тоническом стихосложении, где стопы метра являются в то же время мерою стиха, свободный стих переходит или 1) в сочетание неравностошных стихов, или 2) в сочетание стихов разного метра, чистых и сложных. Приведенный пример — перевод поэмы Верхарна и перепечатывается из второго издания «Собрания стихов» Э. Верхарна в переводе автора этой книги. Стихи «Друзья» были ранее напечатаны в «Сборнике Сирина» и в «Русской мысли».

Приловье. **Частушки.** (Склад народных песен). Стр. 493 и сл. См. Вступительный очерк. Русское древненоародное стихосложение основано на числе образов (значимых выражений) в стихе. Склад новых народных песен (частушек) — почти топицкий, но со смелыми ипостасами, анакрусами, синересами и т. д., переходящий иногда в склад двух- и трехдолников.

Евфония русского стиха — наименее разработанная область науки о стихе. Небольшое число, весьма неполных и весьма несовершенных, «словарей рифм», несколько глав в книге Н. Шулъговского «Теория и практика поэтического творчества» (СПб., 1914 г.) да разрозненные замечания Андрея Белого, С. Боброва и других теоретиков — вот все, что сделано в этом направлении.

Все же более разработанной оказывается, в евфонии, теория рифмы, видимо, в силу потребности в практических пособиях. Однако существующие «словари» вряд ли содержат и 1/10 всех русских созвучий. Во Вступительном очерке показано, почему составление полного словаря русских рифм — задача почти неисполнимая. Но если и невозможно собрать *все* рифмы, то вполне достижима другая цель: выяснить все *типы* русской рифмы. Во Вступительном очерке показано, например, как изменяются типы рифмы для существительных муж. рода склонения на *ъ*, с ударением на последнем слоге (охутона), при изменениях по падежам. Таблицы таких изменений для разных склонений, для спряжений глаголов, для степеней сравнения прилагательных и тому подобное, оказали бы огромную пользу технике стихотворства. Обратим, например, внимание на таблицы рифм для существительных с ударением (в имен. падеже) на *предпоследнем слоге*. Такие слова муж. рода на *ъ* рифмуют в зависимости от 1) конечной согласной, 2) совпадения ударной гласной и промежуточных (между ней и флексией) согласных. Так, слова *надъ, ть*, то есть на *едъ, етъ, адъ, атъ* (*ядъ, ятъ*), *удъ, утъ* (*юдъ, ютъ*) и т. д. рифмуют с глагольной формой наст. и буд. времени, третьего лица, ед. и мн. числа; на *ель, аль, уль* и т. д. — с формой прошедшего времени; кроме того — на *едъ, одъ, анъ* и т. д. с формой причастия. Пример первого типа: «кречеть — мечеть», «скрежеть — режеть», «скареть — варить»; второго типа: «дьяволъ — плавалъ», «идолъ — выдалъ», «дятель — утратилъ», «петель — заметилъ»; третьего типа: «саванъ — оплаванъ», «ладанъ — угаданъ», «холодъ — расколотъ», «городъ — распоротъ». Такие же слова жен. рода на *ь* рифмуют с неопред. наклон. глаголов. Независимо от того, все эти слова имеют свои «естественные» рифмы, то есть рифмуются со словами того же типа, например: «холодъ — голодъ», «городъ — воротъ», и имеют рифмы разных других типов, например, рифмуют со словами жен. рода, в их род. падеже мн. числа и др., например, «иголь — прыгаль», «ворогъ — сорокъ», «воронъ — стбронъ», «голось — пблось» и т. д. Наконец, при изменении этих слов получают новые типы рифм, дактилических и иных, например: «пажити — ляжете», «саване — гавани», «падали (от «падалъ») — задали» и т. д. Еще другие таблицы необходимы для выяснения типов рифм, происходящих от флективных приставок, как *б, бы, ли, ж, же* и др. Такие и подобные таблицы *типов* рифм будут гораздо полезнее и для выработки теории русской рифмы, и даже для практических надобностей, нежели обычные «Словари», где бессмысленно и бессистемно подобраны ряды созвучий.

Затем одной из очередных задач теории рифмы является установление точной терминологии. Мы в дальнейшем пользуемся определенными терминами, которые поэтому и считаем нужным объяснить здесь. Рифмы можно делить: 1) по их отношению к стиху

(с метрической точки зрения), 2) по их взаимному отношению (с евфонической точки зрения), 3) по их положению в строфе (со строфической точки зрения). Такое деление дает три типа рифм.

I. Метрически рифмы бывают: 1) по числу слогов в окончании: а) *мужские*, б) *женские*, в) *дактилические*, г) *ипердактилические*, то есть четырехсложные, пятисложные и т. д.; 2) по форме: а) *открытые* (оканчивающиеся на гласную), б) *смягченные* (на *й*) и в) *закрытые* (на согласную).

II. Евфонически рифмы бывают: 1) собственно рифмы или вообще *верные* рифмы, которые разделяются на: а) *точные* и *приблизительные* (в зависимости от того, насколько совпадает написание и произношение слов); б) *сочные* и *обыкновенные* (в зависимости от совпадения опорной согласной и других звуков, предшествующих ударной гласной); особый вид сочных составляют рифмы *глубокие*; в) *составные* и *простые* (первые — составлены из двух или более слов); г) *богатые* и *бедные*; особый вид бедных составляют рифмы *флективные*; е) *естественные* (слова в одинаковой грамматической форме); ф) *коренные* (рифмующие корень слова); г) *омонимические* (при одинаковом написании разных по значению слов); h) *тавтологические* (при рифмовке двух одинаковых слов в несколько измененном значении); особый вид тавтологических составляют рифмы *повторные* (слова, различающиеся лишь приставками); i) *укороченные*. От собственно рифм (верных) отличаются: 2) *ассонансы* двух типов: а) *романского* (где тождественны лишь ударные гласные) и б) *нового* (вообще сходные по произношению слова); 3) *диссонансы* — созвучия, где одинаковы конечные согласные, но различны ударные гласные; 4) *полурифмы* — созвучие слов до ударной гласной (как написаны некоторые песни скандинавов). Наконец, стихи без конечной рифмы называются *белые*.

III. Строфически рифмы бывают: 1) по месту положения в стихе: а) *конечные*, б) *начальные*, в) *срединные*, г) *внутренние* двух видов: *постоянные* и *случайные*; 2) по месту положения в строфе: а) *смежные* (стоящие рядом), б) *перекрестные* (чередующиеся через одну), в) *тернарные* (через две) и *охватные* (если два средних стиха рифмуются между собой), *кватернарные* (через три) и т. д., а также *двойные*, *тройные* и т. д. (в зависимости от того, сколько раз повторяется одно созвучие).

Примеры почти всех этих типов и видов рифмы включены в эту книгу и объяснены в дальнейших примечаниях к отдельным стихотворениям.

З а к а т ы й т'е а т р. (Укороченные рифмы). Стр. 496. Укороченными рифмами называются созвучия, имеющие неодинаковое число слогов после ударной гласной. При этом возможна рифмовка окончаний: мужского с женским, женского с дактилическим, дактилического с четырехсложным и т. д., а также рифмовка через два и т. д. слога, то есть односложного с трехсложным, двухсложного с четырехсложным или пятисложным и т. д. Разумеется, рифмы такого рода приближаются к ассонансу, отличаясь от него, однако, точностью совпадения рифмующихся слогов. Один из первых примеров укороченных рифм был дан автором этих строк в книге «Все напевы».

Н а п р у д у. (Омонимические рифмы). Стр. 497. Омонимические рифмы имеют одинаковую форму слова при разном содержании (омонимы). Примеры таких рифм есть еще у Пушкина:

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?

(«Граф Нулин»).

Будет вам по калачу...
А не то — поколочу.

(«Утопленник»).

А также еще: «слезы точит — пож точит» («Жених»), «по лбу — полбу» («Сказка о Балде»), «мира — мира» («Безверие» и «Руслан и Людмила»). Стихотворение, сплошь написанное с омонимическими рифмами, дано было автором этих строк в книге «Все напевы» и перепечатано здесь («На берегу»). От омонимических рифм должно отличать *тавтологические*, в которых повторяется одно и то же слово, хотя бы в измененном значении, например, у Пушкина:

Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовет их в гости.

(«О царе Салтане»).

— Женка, что за сапоги?..
— Где ты видишь сапоги?

(«Сцены из рыцарских времен»).

Также: «до них — их» («Евгений Онегин») и др.

Н а б е р е г у. (Омонимические рифмы). Стр. 498. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

В о с т о р г ж е н щ и н ы. (Разноударные омонимические рифмы). Стр. 498. Особый тип омонимических рифм составляют созвучия, тождественные по написанию, но имеющие ударение на разных слогах. В приведенном примере, являющемся, кажется, первым в русской поэзии, использованы между прочим и рифмы составные («белая — бела я»), образцы которых есть у всех наших поэтов (например, у Пушкина: «разбирай-ка — хозяйка» и выше приведенный пример: «по калачу — поколочу»).

П о ж а р. (Глубокие рифмы). Стр. 498. Согласная, предшествующая ударной в рифме, называется *опорной* (*consonne d'appui*). Рифмы, в которых тождественна (или сходна по произношению) опорная согласная, называются *сочными*. В мужских *открытых* рифмах совпадение опорной согласной необходимо для того, чтобы рифма была *точной*, например: «любви — зови», «они — огни», хотя даже у Пушкина встречаются такие рифмы с различными опорными согласными, как «колен — земли», «она — сошла» и т. п. (см. мою статью «Стихотворная техника Пушкина», в VI т. сочинений Пушкина, под ред. Венгерова). Некоторое исключение составляют такие рифмы на *ю* и *я*, потому что это звуки йотированные, и *j* (йот), звучащий перед окончанием (*ja, ju*), как бы заменяет опорную согласную, чем и объясняются рифмы Пушкина, как: «меня — моя», «пою — молю» и т. п. В мужских рифмах *смягченных*, то есть на *й*, совпадение опорной согласной также менее обязательно, но все же весьма желательно; подлинно *точными* рифмами будут: «зной — волной», «чей — ручей», но не: «зной — пустой», «чей —

огней», хотя у Пушкина есть даже рифма: «землей — пустой», а у Андрея Белого попытки рифмовать смягченное мужское окончание с несмягченным (как бы, например, «мглой — могло»), что приближается к рифмам укороченным). Образцов *сочных* рифм немало у Пушкина и других поэтов, особенно в глагольных рифмах («забывает — открывает» и т. п.). Почти исключительно сочными рифмами писал Херасков. Если в рифмах тождественны (или сходны по произношению) не только опорная согласная, но и предшествующие слоги, то рифма называется *глубокой*.

Она — прелестна... (Глубокие рифмы). Стр. 499. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

На ляднях. (Богатые рифмы). Стр. 499. *Богатыми* рифмами (la rime riche, die reiche Reime) называются созвучия, образованные словами *разных* грамматических видов и форм: глагола с именем, имени с предлогом, союзом, существительных в разных падежах и т. д. Примеров богатой рифмы много у Пушкина («Гарольдом — сб лдьом», «лапоть — капать»); пристрастие к богатым рифмам было у К. Павловой.

Ты — что загадка... (Семисложные рифмы). Стр. 500. На дактилические рифмы указывал еще Кантемир, но они редко применялись раньше Жуковского; даже у Пушкина их немного. Есть у Пушкина, как исключение, и четырехсложные рифмы («покракивает — вскакивает», «библического — монархического» и др.); позднее пользовался ими Я. Полонский («Старая няня»), еще позже — Ф. Сологуб, автор этой книги и др. Иердактилические рифмы с окончанием более, чем в четыре слога, пока — очень редки; между тем в русском языке слов с ударением на пятом слоге от конца немало.

Ночь. (Уменьшающиеся рифмы). Стр. 501. Приведенный пример написан со смежными рифмами, постепенно уменьшающимися от семисложного окончания до мужского. Стихи перепечатываются из сборника «Семь цветов радуги».

Холод. (Пятисложные рифмы). Стр. 501. См. выше. Стихотворение перепечатывается из сборника «Все напевы».

С губами, сладко улыбающимися. (Рифмы). Стр. 501. Стихотворение написано с *тернарными* рифмами, то есть чередующимися через два стиха. Примеры такой рифмовки есть уже у Пушкина («Не розу пафосскую...»).

Длитесь, мгновенья! (Четырехсложные рифмы). Стр. 502. См. выше.

Как дельфин. (Начальные рифмы). Стр. 502. *Начальными* рифмами называются созвучия, стоящие *в начале* стиха. При этом стих может или оставаться без рифмы на конце (белые стихи), как в приведенном примере, или иметь самостоятельную рифму. В последнем случае начальная рифма становится просто *постоянной внутренней* рифмой (примеры см. ниже.) Образцы начальных рифм дала З. Гишпиус.

Реет теня. (Начальные рифмы). Стр. 503. Особый тип начальной рифмы представляет созвучие *конца* стиха с *началом* следующего (или одного из следующих). Точно выдержанная, такая рифмовка дает, так называемые, «бесконечные» (или «змеиные») строфы («серпантин»), как в приведенном примере.

Меж развалин. (Серпантин). Стр. 504. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Успи, белоснежное поле! (Рифма предпоследнего

слова). Стр. 504. Стихи перепечатываются из сборника «Семь цветов радуги».

Монопланы. Вечером в дороге. Две го-
ловки. (Рифмы). Стр. 504. и сл. См. выше. Два последних
стихотворения — из того же сборника.

На лыжах. Мгновенья мгновеннее. Как
неяркие бутоны. Лесные тропинки. (Сплошные
и внутренние постоянные рифмы). Стр. 505. Стихами со сплош-
ными рифмами называются те, где рифмуется *каждое* слово; с по-
стоянными внутренними рифмами те, где внутренние рифмы стиха
стоят на определенном месте, например, в полустушиях, перед по-
стоянными цесурами и т. д. Пример постоянных внутренних рифм
представляют переводы Пушкина из Мицкевича. Кроме последне-
го, другие три стихотворения — из того же сборника.

Две малайских песни. Две испанских пе-
сенки. Вербная суббота. (Ассонансы). Стр. 506. См.
выше об ассонансах. «Песни» были напечатаны в «Сборнике
Сирипа», «Вербная суббота» — в сборнике «Семь цветов радуги».

Сухие листья. (Звукопись). Стр. 506. См. выше. Из того
же сборника.

Лишь безмятежного мира... Это — надгроб-
ные нении... Утренняя тишь. Последний спор.
(Перезвучья). Стр. 506. Примеры различного размещения конеч-
ных и срединных рифм. Стихи были ранее напечатаны в «Русской
мысли» и «Летописи».

Мой маяк. Слово. (Анафоры). Стр. 507. Форма *анафоры*,
стихов, где все слова начинаются с одной и той же буквы, относит-
ся к так называемым *темам*. «Темы» приближаются к «формам»,
так как определяют строение всего стихотворения, по в то же время
дают и своеобразие его звуковой стороны, почему могут рас-
сматриваться и как приемы евфонии. Анафоры были сравнительно
обычны в поэзии последних периодов Рима и монастырской
средневековой. Стихи «Мой маяк» — из сборника «Семь цветов
радуги».

Июльская ночь. (Азбука). Стр. 507. Как бы особый вид
анафоры составляют стихи, где каждое слово начинается или кон-
чается определенной буквой. Образцы такого рода стихов были
даны в те же периоды, как анафоры.

В дорожном полусне. Голос луны. (Палиндром
буквенный). Стр. 508. и сл. *Палиндромом* называется стихотворе-
ние, которое можно читать от начала к концу и от конца к началу,
по буквам (буквенный палиндром) или по словам (словесный).
Известны палиндромы Порфирия Оптациана (IV в. по р. X.) и,
у нас, Державина:

Я иду с мечем, судия.

(Другой известный палиндром: «А роза упала на лапу Азора»).

В последнее время писал палиндромы В. Каменский («перевертни»).

Виденья былого. Из антологии. (Палиндромы

словесные). Стр. 509. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Второй пример — точный перевод с латинского.

Из латинской антологии. (Стихи обращен-
ные и др.). Стр. 509. Римская поэзия III—IV вв. по р. X. представ-
ляет много образцов мастерски выполненных *тем* в поэзии Пента-
дия, Порфирия, Авсония и др. По приведенным примерам (пере-

воды) ясно видны задачи отдельных тем. «Энидафия Вергилия» намекает на три его основных труда: «Буколики», «Георгики», «Энеиду». Поэт, как пастырь, пас коз веткой, как оратай, возделывал огород лопатой, и как воин, низил врагов мечом. Ср. стих Пушкина:

Швед, русский колет, рубит, режет.

В о с т о ч н о е и з р е ч е н и е. (Метаграмма). Стр. 510. *Метаграммой* называются слова или стихи, составленные из одних и тех же букв, но в различном порядке.

Некоторые др. темы см. в отделе «Опыты по строфике».

ЧАСТЬ III

Опыты по строфике

Р и м. (Моностих Авсония). Стр. 511. Моностихи (стихотворения в одну строку) встречаются в греческой и латинской антологиях. Приведенный образец — перевод моностиха Д. М. Авсония (IV в. по р. X.) — был напечатан в «Русской мысли» и в брошюре «Великий ритор», М., 1911, как и др., следующие далее, переводы стихов Авсония.

О и м п е р а т о р а х. (Моностих Авсония). Стр. 511. См. примеч. к предыдущему стихотворению.

О п р и б л и ж е н и и в е с н ы. (Повторные дистихи Пентадия). Стр. 511. Элегический дистих — сочетание гексаметра и пентаметра, любимая форма античных элегиков. *Повторным* называется дистих, в котором первое полуступище гексаметра повторяется, как второе полуступище пентаметра. Приведенный образец — перевод повторных дистихов Пентадия (III в. по р. X.) — был напечатан в «Русской мысли», как и другие, следующие далее, переводы стихов Пентадия.

П о д р а ж а н и е Г о р а ц и ю. (Алкеев метр). Стр. 512. *Алкеев метр*, или *алкеева строфа* — четверостишие, в котором третий стих — чистый четырехстопный ямб, а остальные три стиха — сложные метры: первый и второй — два ямба с женским окончанием перед цесурой и два дактиля, четвертый — два дактиля и два акаталектических хоря (логаедический метр). Такой характер алкеева строфа принимает в русской метрике, в античной — характер ее несколько иной. Вообще, по условиям русской метрики, античные сложные метры (логаеды и др.) в русской поэзии подвергаются различным изменениям, выяснять подробно которые здесь — не место. В русской поэзии есть длинный ряд попыток воссоздать сложные античные метры в переводах и подражаниях: А. Востокова, Вяч. Иванова, В. Вересаева, М. Гофмана, Семенова-Тян-шанского, пишущего эти строки и др.

К Л и д и и. (Сапфическая большая строфа). К Л и д и и. (Сапфическая меньшая строфа). Н а б р е н н о с т ь. (Сапфическая строфа Сульпиция Луперка). Стр. 512 и сл. См. примеч. к предыдущему стихотворению. Два первых образца — переводы од Горация, которые были напечатаны в журнале «Гермес», 1916—1917 гг.; третий — перевод оды Сульпиция Луперка (III в. по р. X.), напечатанный там же.

И з А н д р е Ш е н ь е. (Александрийский стих). Стр. 514. Александрийский стих, во французской поэзии, — двустишие (ди-

стихи) с чередующимися смежными рифмами, женскими и мужскими. Условно принято передавать французский двенадцатисложный стих — шестистопным ямбом, хотя характер этих двух метров далеко не одинаков.

У м п р а ю щ и й д е п ь. (Терцины). Стр. 515. *Терцины* — итальянская форма трехстиший (тристихов), наиболее распространенная. Теория терцин — общепознана. Их преимущество в связности строф распорядком рифм. Условно принято итальянский десятистопный стих, в терцинах, передавать по-русски пятистопным ямбом, впрочем, близким по характеру метра.

С о н е т ы. Стр. 515 и сл. Теорию сонета, подробно разработанную итальянскими и французскими теоретиками, можно найти во всех популярных руководствах по стихосложению. В идеальном сонете содержание должно быть расположено сообразно с внешним построением стихотворения: первая кватрина — вводит основную мысль; вторая кватрина развивает ее; первая терцина — противопоставляет основной мысли новую; вторая терцина дает синтез обеих мыслей. Ввиду такого построения, *сонеты с кодой* (с «хвостом», то есть с добавочными стихами), *обращенные сонеты* (где терцины стоят раньше кватрин) и тому подобное являются извращением идеи сонета. **С о н е т - а к р о с т и х**, стр. 516, есть видоизменение *акростиха* вообще и, следовательно (как *телестих* и *месостих*, в которых определенный смысл дают *крайние*, последние, или *средние* буквы), относится столь же к «формам», как и к «темам».

O b l a t. Е е к о л е н и. (Рондо). Стр. 516 и сл. Теорию *рондо* см. там же, где теория сонета. Сущность рондо — трижды повторенный припев: в начале, в середине и в конце стихотворения, причем традиция предпочитает в рондо две рифмы. Развитие идеи рондо приводит к *сложным рондо* и тому подобное. Рондо «Ее колени» взято из сборника «Все напевы».

Т р и с ы м в о л а. (Риторнель). Ф. С о л о г у б у. (Триолет). **С о н м г н о в е н н ы й.** (Виланель). Стр. 517. Риторнель, триолет и виланель — «формы», дошедшие из старофранцузской, староитальянской и провансальской поэзии, где зародились рондо и сонет. Поэтому теории этих форм также достаточно разработаны и помещаются во всех учебниках стихосложения. Менее других известна риторнель, обычно — трехстишие, где два стиха, более длинных, развивают мысль первого, более короткого. Триолет был написан уже Карамзиным, а К. Фофанов прославил «царевича Триолета» триолетом же; позже Ф. Сологуб дал целую книгу триолетов. Достоинство триолета, конечно, в том, чтобы повторяющиеся стихи (два первых в конце, как седьмой и восьмой, и первый еще, как четвертый) не были только припевом, но появлялись каждый раз с видоизмененным значением. Форма виланелли следует из приведенного образца. — Триолет Ф. Сологубу (ответ на его триолет, обращенный к автору) взят из сборника «Семь цветов радуги».

О л ю б в и н а х б ы л ы х в р е м е н. (Фр. Вийона). **О л ю б в и н а х с м е р т и.** (Баллады). Стр. 518. Термин «баллада» имеет два значения. Немецкие романтики называли так небольшую эпическую поэму в строфах; эта форма хорошо у нас известна по балладам Шпллера и Гете, в переводах Жуковского, гр. А. К. Толстого, новых — С. Соловьева и др. Автор этой книги написал две баллады такого рода: «Похищение Берты» («Сборник Сирина», II) и «Прорицание» («Одесский листок» 1914 г.). В старофранцузской поэзии термин «баллада» имел иной смысл: так называлось лири-

ческое стихотворение из трех строф по восьми стихов с заключительной «посылкой» (elvoi) в четыре стиха, при трех рифмах на всю пьесу, из которых одна встречается четырнадцать раз, другая — восемь, третья — шесть, и с повторением одного и того же стиха (припева) в конце всех строф, не исключая «посылки». Достоинство баллады в том, чтобы повторяющийся стих естественно входил в состав строфы. В последние годы ряд баллад был написан М. Кузминым, Н. Гумилевым и др. Баллада «О женщинах» (перевод баллады Франсуа Вийона) была напечатана в «Сборнике Сирина», II, а баллада «О любви и смерти» взята из сборника «Семь цветов радуги».

К Д а м е. (Канцона). Стр. 518. Канцона, — любимая форма провансальских и староитальянских поэтов, — лирическое стихотворение в строфах, построение которых предоставлялось изобретательности поэта. (См. Вступительную статью, с. 474.) Лучшие канцоны на русском языке написаны Вяч. Ивановым. Канцона «К Даме» была напечатана в «Сборнике Сирина», II.

Б е з н а д е ж н о с т ь. (Секстина). Стр. 518. Секстина — стихотворение из шести строф по шести стихов каждая, причем конечные слова первой строфы (которые могут между собою рифмовать, но могут и не рифмовать) повторяются во всех строфах на заранее определенных местах, образуя все возможные алгебраические «перемещения» шести элементов. Достоинство секстины — в естественности этих повторений и в том, чтобы повторяющиеся слова появлялись каждый раз в видоизмененном значении. Едва ли не первая, по-русски, секстина была написана Л. Меем; позже ряд секстин был написан М. Кузминым и др. Секстина «Безнадежность» взята из сборника «Семь цветов радуги».

П е с н я и з т е м н и ц ы. (Строфы). Стр. 518. Род канцоны (см. выше).

Д в о р е ц Л ю б и. (Строфы). Стр. 518. Перевод французских стихов XIV в. Метр — шестистопный ямб с женской цесурой (ср. стихотворение на с. 482).

В т у н о ч ь. Т в о й в з о р. (Газеллы). Стр. 518 и сл. Газелла — двустопный персидской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка. Сущность газеллы (правильнее — газели) — в повторении заключительных слов первого стиха в конце второго стиха и в конце каждого двустопия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны. Достоинство газеллы — в том же, как и в других формах с повторением слов (рондо, триолет, баллада, виланель, секстина и др.). Ряд газелл, — переводы Гафиза, — дал А. Фет; много газелл написано М. Кузминым, Вяч. Ивановым и др. Газелла «В ту ночь» была напечатана в «Сборнике Сирина», II.

П е р с и д с к и е ч е т в е р о с т и ш и я. Стр. 519. Свойства языков персидского и арабского побудили поэтов Ближнего Востока (в том числе староармянских и др.) употреблять многостопные стихи, разделенные постоянной цесурой на два самостоятельных полустипа. В передаче на европейские языки каждый такой стих разлагается на два. Так называемые «персидские четверостишия» (зародыш, из которого развилась газелла) суть, собственно, двустипия с постоянной внутренней рифмой перед первой большой цесурой; вот почему третий стих (в сущности — полустипия) остается без рифмы. «Персидские четверостишия» были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Песнь норманнов. (Припевы). Стр. 519. О припевах см. выше.

Армянские песни. (Народные, Саят-Новы и др.). Стр. 520 и сл. Армянская поэзия восприняла многие приемы, обычные во всей восточной поэзии: персидской, арабской и др. Эти приемы мастерски применены авторами монастырской лирики XV—XVII вв. и позднейшими «ашугами» (народными бродячими певцами), среди которых талантливейшим был Саят-Нова (XVIII в.). Припевы, обязательные повторения слов, много раз повторяющаяся рифма и тому подобное, все это, только изредка встречающееся в европейской поэзии, разработано староармянскими поэтами, как основные приемы музыкальности стихов. Так как вместе с тем армянская лирика XV—XVII вв. достигает предельных высот искусства, содержит истинные перлы мировой поэзии, то изучение этой лирики обязательно для каждого поэта, наравне с провансальской поэзией, с античной и т. под. Подробнее об этом см. наши статьи в книгах: «Поэзия Армении с древнейших времен» (под ред. Валерия Брюсова, изд. М. Армянского комитета, М., 1916 г.), откуда взяты и приводимые здесь образцы, и Валерий Брюсов, «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до р. X. по наше время» (изд. того же комитета, М., 1918). *Джан-голюмы* — народные весенние обрядовые песни.

Танки и хай-кай. Стр. 524. Танка, любимая форма старояпонских поэтов, стихотворение в тридцать один слог, расположенных в пяти стихах, по характеру японского языка — без рифм. Хай-кай — как бы укороченная танка, ее три первых стиха. Японские поэты умели вкладывать в тридцать один слог танки выражение сложных и многообразных чувств. Для европейца танка кажется вступительным стихом к ненаписанному стихотворению... Г. А. Рачинский остроумно указал, что тридцать один слог танки совпадают с тридцать одним слогом античного элегического дистиха; первые три стиха (пять, семь и пять слогов) образуют семнадцать слогов полного гексаметра, два последних стиха (семь и семь слогов) — четырнадцать слогов пентаметра. Много танок и хай-кай, по-русски, написано К. Бальмонтом. Приводимые здесь были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Треугольники. Стр. 524. Стихотворения, которые расположением стихов образовывали разные фигуры, были распространены уже в римской поэзии III—IV вв. по р. X. Само собой понятно, что такое расположение придает и своеобразие ритмам стихов. «Фигурные» стихотворения должно отнести поэтому к разряду «тем».

Вечеровое свидание. (Бесконечное рондо). Стр. 525. Бесконечное рондо — форма, в которой каждая следующая строфа повторяет, как стихи первый и третий, стихи второй и четвертый предыдущей строфы. Известный пример бесконечного рондо дан Ш. Бодлером.

Трепетные мечты. (Повторные рифмы). Вечерний Пани и др. (Строфы). Стр. 524 и сл. Образцы различного построения строф, с внутренними постоянными рифмами и без таких рифм. Число возможных построений строфы, как указано во Вступительном очерке, — бесконечно. В частности, в стихах «Итак, это — сон...» использованы четырехсложные рифмы, в стихах «Закатная алоость» — все выражения, означающие оттенки красного цвета, и под.

В. Брюсов

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВН* — В а л е р и й Б р ю с о в. Все напевы. Стихи 1906—1909 гг. («Пути и перепутья». Собрание стихов, т. III). М., кн-во «Скорпион», 1909.
- ВТД* — В а л е р и й Б р ю с о в. В такие дни. Стихи 1919—1920. М., Государственное издательство, 1921.
- ГБЛ* — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).
- Грж. экз.* — разрозненный оригинал и верстка неосуществленного Собрания сочинений в десяти томах, М., изд-во Гржебина, 1918—1919 (ГБЛ).
- «Дали»* — В а л е р и й Б р ю с о в. Дали. Стихи 1922 года. М., Государственное издательство, 1922.
- ДК* — подготовленная Брюсовым для выпуска в составе собрания сочинений рукопись сборника «Девятая Камена» (ИРЛИ).
- Дневник* — Валерий Брюсов. Дневники 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.
- ЗТ* — В а л е р и й Б р ю с о в. Зеркало тещей. Стихи 1909—1912 гг. М., кн-во «Скорпион», 1912.
- Избр. 1915* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные стихи (1897—1915). М., изд. «Универсальная библиотека», 1915.
- Избр. пр. I—II* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные произведения:
т. I. Стихотворения 1894—1905 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926;
т. II. Стихотворения 1905—1912 гг. М.—Л., ГИЗ, 1926.
- Избр. соч. I—II* — В. Б р ю с о в. Избранные сочинения в двух томах:
т. I. Стихотворения. Поэмы. М., Гослитиздат, 1955;
т. II. Переводы. Статьи, М., Гослитиздат, 1955.
- «Из моей жизни»* — В. Б р ю с о в. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.
- ИРЛИ* — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
- КН* — журнал «Красная новь».
- Круг.* — В а л е р и й Б р ю с о в. Кругозор. Избранные стихи. М., ГИЗ, 1922.
- ЛН* — «Литературное наследство».
- «Миг»* — В а л е р и й Б р ю с о в. Миг. Стихи 1920—1921 г. Берлин — Пб., изд-во З. И. Гржебина, 1922.
- МП* — газета «Московский понедельник».
- Неизд. 1928* — В а л е р и й Б р ю с о в. Неизданные стихи (1914—1924). М.—Л., ГИЗ, 1928.

- Неизд.* 1935 — Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. М., ГИХЛ, 1935.
- «Опыты»* — Валерий Брюсов. Опыты. Стихи 1912—1918 г. М., кн-во «Геликон», 1918.
- ПА* — сб. «Поэзия Армении». М., 1916.
- ПМ* — Валерий Брюсов. Последние мечты. Лирика 1917—1919 года. М., кн-во «Творчество», 1920.
- ПР* — журнал «Печать и революция».
- ПСС, XXI* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов:
т. XXI. Французские лирики XIX в. СПб., «Сири», 1913.
- Р* — сборник «Рассвет».
- РМ* — журнал «Русская мысль».
- РУ* — газета «Раннее утро».
- СЦР* — Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915 гг. М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916.
- ХС* — журнал «Художественное слово».
- ЦГАЛИ* — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- Чтения, 1962, 1963* — «Брюсовские чтения 1962 года», Ереван, 1963; «Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964.
- Ch* — Валерий Брюсов. Chels d'œuvre. Сборник стихотворений (осень 1894 — весна 1895). М., 1895; 2-е изд. М., 1896.
- «Mea»* — Валерий Брюсов. Mea. Собрание стихов 1922—1924. М., Государственное издательство, 1924.
- МЕЕ* — Валерий Брюсов. Me eum esse. Новая книга стихов. М., 1897.
- St* — Валерий Брюсов. Stephanos. Венок. Стихи 1903—1905 гг. М., кн-во «Скорпион», 1906.
- TV* — Валерий Брюсов. Tertia Vigilia. Книга новых стихов. 1897—1900. М., кн-во «Скорпион», 1900.
- УО* — Валерий Брюсов. Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 гг. М., кн-во «Скорпион», 1903.

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

Сборник «Последние мечты. Лирика 1917—1919 года» вышел в Москве в книгоиздательстве «Творчество» в 1920 г. тиражом 18 000 экземпляров. В предисловии «От автора» Брюсов писал: «Пометив в подзаголовке: «Лирика 1917—1919 года», автор желал указать, что в этой книге собраны *только* лирические стихотворения. Ряд «поэм» («Египетские ночи», «Симфония 1-я», «Любовь и Смерть») и два «венка сонетов», написанные автором за тот же период времени, не нашли себе места в сборнике, равно как и стихи по вопросам общественным, отзывы на современность, печатавшиеся автором за эти годы в разных газетах и журналах. Правда, современность, — слишком властная в наши дни, — не могла не проникнуть и в чистую лирику, но эти намеки и отзвуки, конечно, далеко не все, что автор пытался осознать в стихах из великих явлений, сменявшихся одно другим пред его глазами...

Июль 1919 г. *Валерий Брюсов*.

В сб. *ПМ* Брюсов включил 12 стихотворений из неопубликованного сб. *ДК*. Так как во 2 томе наст. изд. сб. *ДК* печатается полностью, в настоящем томе эти двенадцать стихотворений («Ожерелья дней», «О себе самом», «Гребень волны», «Снежная Россия», «Тусклая картинка», «Ночь» («Пришла и мир отгородила...»), «Молитесь», «Золотой олень», «Снежный призрак», «Дама трэф», «Город сестер любви», «На закатном поле») не воспроизводятся.

В целом сборник *ПМ* был положительно принят критикой. Сергей Городецкий в статье «Алый вечер» писал об общем направлении поэзии Брюсова после Октября и, в частности, о сборнике «Последние мечты»: «Современность — слишком властная в наши дни — не могла не проникнуть и в чистую лирику». Эта очевидная истина для многих — и не плохих — поэтов остается еще китайской грамотой. Китайской стеной отгораживается, например, лирический Петербург от этой истины. Опытный ловец мигов — Брюсов не сделал этой ошибки. Он с самого начала оценил чисто эстетическую остроту современных переживаний, и, может быть, даже пришел к коммунизму через высокую оценку новых, данных им, личных мыслей и страстей... Свежий ветер эпохи сдул с эротики Брюсова прежний, бодлеровский налет порока. Победоносная борьба с пессимизмом, с тягой к прошлому, составляет тему книги «Последние мечты» (газ. «Известия», М., 1922, 28 июня, № 141).

Критик и переводчик Д. Виноградский в рецензии на сборник *ПМ* писал: «В новой книге Брюсова есть много давно знакомых и не

однажды отмеченных черт... все это знакомые нам лики всегда блуждающего, но никогда не заблудившегося поэта. И, несмотря на это, каждая новая книга Брюсова представляет определенный интерес. Автор рецензии отмечал постоянный поиск Брюсова и его достижения: «Брюсов пытается каждый раз найти новые ритмы, новые слова, новые созвучия, и стих его «последней мечты» звучит более сильно, более уверенно, чем предпоследней...» (*ПР*, 1921, кн. III, с. 271—272).

ДУША ИСТАИВАЕТ...

Отдел, как и все другие в сборнике, назван цитатой из первого стихотворения.

В горнем свете (стр. 7) — журн. «Москва», 1919, № 2.

Пророчества весны (стр. 8) — *РУ*, 1918, 20 июня, № 111. Черновой автограф (*ГБЛ*) под заглавием «Сгрывок» имеет эпитаф:

И нет ни единой морщины
На светлой лазури небес.

Лермонтов

Автор предполагал включить это стихотворение в *ДК*. В рукописи этого сборника (*ИРЛИ*) строка 16:

И вновь весна — сорок четвертая.

Действительно, первые 17 строк чернового автографа в *ГБЛ* датированы маем 1917 г. Вероятно, стихотворение было завершено весной следующего года. Поэту исполнилось 45 лет в декабре 1917 г. *Самсон из львиной челюсти* ... — По библейской легенде (книга Судей, глава XIV), Самсон, встретив льва по пути в Фимнафу, разорвал его пасть руками. На обратном пути Самсон нашел в трупе льва пчелиный рой и мед.

При свете луны (стр. 9) — *ЛМ*. В черновом автографе (*ГБЛ*) шестая строфа отсутствует. Вместо нее:

В этом мире тайн алкал я знаний,
Расточал в любви богатство сил.
Покупал восторг ценой страданий,
За часы я годами платил.

Ученик Орфея (стр. 10) — сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918. В день смерти поэта последние две строчки этого стихотворения были написаны на кумаче у входа Литературно-художественного института, созданного В. Я. Брюсовым. *Орфей, сын бога* ... — Мифический певец Орфей был сыном речного бога Эгра и музы Каллиопы.

Сорок пятый раз (стр. 11) — *РУ*, 1918, 4 мая, № 79.

ЖИТЬ НА ВОЛЕ...

Зов автомобиля (стр. 13) — газ. «Мысль», М., 1917, 18 декабря, № 2 (19).

Лунная почь (стр. 14) — *ЛМ*. Эпитаф из стихотворения В. Брюсова «В тиши задремавшего парка...». Рукопись не сохранилась.

Солнцеворот (стр. 15) — РУ, 1918, 19 апреля, № 67.
Рукопись не сохранилась.

Благовесть весеннего утра (стр. 15) — ПМ.

Апрельский хмель (стр. 16) — ПМ.

Веснянка (стр. 17) — журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 4—5.

Перед масм (стр. 17) — ПМ. В черновом автографе (ГБЛ) строфа 2:

Что веселой песней птицы
Оживят шумящий лес
И, светя, всю ночь зарницы
Будут жечь края небес.

Строфы 8—9:

Если ж должен ты лп, я ли,—
В сон без утра перейти,
Скажем радостно: «Мы знали,
Что заря должна взойти!»

Встретить? верить? — не равно ли,
Если вера в нас сильна!
Спит под слоем снега поле,
Но в душе поет весна!

Тропическая ночь (стр. 19) — ПМ.

ЕДИНОЕ СЧАСТЬЕ — РАБОТА!

Работа (стр. 20) — газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 18 сентября, № 10. В статье «Смысл современной поэзии» Брюсов писал: «Поэзия прежних периодов, эпох самовластья, знала лишь пафос протеста или пафос уединения и раздумья; теперь поэтам предстоит явить новый пафос творчества»... (ХС, 1921, кн. II, с. 45). З. И. Ясинская, учившаяся в Высшем литературно-художественном институте, руководимом Брюсовым, вспоминает: «Трудно было упросить Брюсова выступить с эстрады, однако все же удавалось... Помню, как Брюсов читал свои *научно-исторические стихи, кое-что из советского периода*, но особенно удались ему «Конь блед», «Хвала Человеку» и стихи из цикла «Единое счастье — работа». Особенно любили студенты вдохновляющие ударные строфы из второй половины стихотворения «Работа»... Зная эти строфы, мы всякий раз встречали их громом аплодисментов, потому что в них был девиз самого поэта...» (Чтения, 1962, с. 312—313).

Пока есть небо (стр. 21) — газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 9 октября, № 13, без последней строфы, которая была дописана в 1918 г.

Пусть пред окном моим... (стр. 22) — ПМ. Окончание рукописи не сохранилось. Датируется по ПМ. Юнгфрау — гора в Швейцарии.

Голосных миров (стр. 23) — газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 27 ноября, № 17. В черновом автографе (ГБЛ) стихотворение имело первоначальное заглавие «Пред звездным небом». Вошло в сборник «Опыты» как образец строфики. Вопрос о существовании иных мыслящих существ волновал поэта в течение всей его жизни

(см. т. 1, с. 577). В своих лекциях в ЛИТО в 1920 г. Брюсов говорил: «Может быть, существуют иные существа, сознание которых, интеллект которых устроен иначе и они внешние впечатления... воспринимают в другой форме...» (Лекция № 1, ГБЛ).

ОБРАЗЫ СВЯТЫЕ

Б и б л и я (стр. 25) — сб. «Сафрут», М., 1918, кп. III. 17 декабря 1915 г. М. Горький писал Брюсову: «...может быть, Библия даст Вам сюжет, тему, достойные вашей работы? Там так много прекрасного и никем еще не использованного» (ПР, 1927, кп. V). Вполне вероятно, что стихотворение «Библия» является отзвуком этого совета. *Отец и сын*... — Бог, чтобы проверить силу веры Авраама, потребовал в жертву его сына. В последний момент бог остановил занесенную с пожом руку Авраама. *Рахиль* — жена Иакова, мать Иосифа (см.: книга Бытия, гл. XXIX). *Израиль — богоборец* — см. т. 1, с. 596. *Как братьев обнимал Иосиф*... — По библейской легенде, сына патриарха Иакова и Рахили Иосифа старшие братья хотели убить, а потом продали его в рабство за 20 сребренников. Впоследствии, встретив своих братьев в Египте, где он стал советником фараона, Иосиф простил их. *Моисей* — см. т. 2, с. 411.

Т р и я б л о к а (стр. 26) — журн. «Творчество», М., 1919, № 4—5. В беловом автографе (ГБЛ) вариант строфы 2:

И первое — не яблоко ли Евы,
Мятеж преступный на закон небес?
И совершились божеские гнев:
Едемский сад померк, ушел, исчез.

Яблоко Вильгельма Теля. — По швейцарской народной легенде, императорский наместник Геслер заставил Теля, прославленного стрелка, сбить яблоко с головы его малютки сына. Готовясь к стрельбе, Тель спрятал на груди вторую стрелу, которая предназначалась наместнику в случае несчастья с сыном. *Третье яблоко Ньютона*. — Согласно придуманной Вольтером версии, Ньютон открыл закон всемирного тяготения, наблюдая за падающим с дерева яблоком.

А р и а д н а. 1. *Ж а л о б а Ф е с с е я*, 2. *А р и а д н а* (стр. 27—29) — сб. «Эпоха», кн. I, М., 1918. В сб. «Эпоха» вторая часть под заглавием «Венец Ариадны». Стихотворения имеют следующее примечание: «Несколько странно искать в мифе психологической мотивировки событий; они развиваются по иным законам, в зависимости от элементов, из которых сложился миф: исторических воспоминаний, олицетворения явлений природы, символизации идей и т. п. Однако в эллипском пересказе, предания о богах и героях прошли через творчество народа-художника, придавшего каждому образу художественную правду, в том числе и психологическую. Афиныяне, — рассказывает миф, — платили критскому царю Миносу позорную дань из семи юношей и семи дев; их на Крите запирали в лабиринт, и там их пожирало чудовище — Минотавр, получеловек, полубык, сын Пасифаи, жены Миноса, родившийся от ее преступной связи с быком (удовлетворить которую помог сам создатель лабиринта, искусник Дедал, построивший особую деревянную корову — Дедал, впоследствии бежавший с Крита, со своим сыном Икаром, на восковых крыльях). Сын афинского царя

Эгея, царевич Фессей, добровольно вступил в число обреченных жертв, надеясь убить Минотавра и тем избавить мир от чудовища и отомстить за унижение родины. Корабль, на котором отвозили на Крит позорную дань из Афин, имел, в знак траура, черные паруса. Царевич условился с отцом, что, в случае удачи своего предприятия, переменит на обратном пути черные паруса на белые. На Крите Фессей встретил царевну Ариадну, дочь Миноса и Пасифаи. Царевна пленилась молодым афинянином и указала ему способ, как найти выход из запутанного лабиринта (посоветовала разматывать по пути клубок ниток, — знаменитая «нить Ариадны»). Фессей убил Минотавра и бежал с Крита, увезя с собою Ариадну. Однако по пути царевич бросил свою возлюбленную, тайно, во время ее сна, свези ее с корабля на остров Накс (Наксос), мимо которого шел путь в Афины. Там, на острове, нашел Ариадну бог Дионис (Бакх), который совершал в это время свой торжественный и победоносный въезд в Европу из Индии, на колеснице, запряженной тиграми, окруженный свитой из полубогов и людей, несших, как символ нового божества, «тирсы» — жезлы, оплетенные виноградом. Дионис сделал Ариадну своей подругой и женой, а ее жемчужный венец, в минуту экстаза пред ее красотой, вскинул в небо, создал новое созвездие «венца» или «короны Ариадны». Между тем Фессей, возвращаясь в Афины, *забыл*, согласно условию, переменить паруса. Его отец Эгей, увидя вдали черные паруса, подумал, что его сын погиб, и, в отчаянии, бросился в море, которое с тех пор стало называться Эгейским... Таков миф, один из изящнейших и самых логичных во всей эллинской мифологии, почему он так и соблазняет на новые обработки (см. стихи того же автора: «Тезей и Ариадна», в сборнике «Венок»). Оставляя в стороне целый ряд психологических моментов мифа, стоит взглянуть в один из них: Фессей *забывает* переменить паруса. Что это такое? — не простая же «забывчивость», бессмысленная случайность, которой не может быть места в художественном расказе! Явно, что Фессей возвращается в Афины в состоянии полного угнетения; он — подавлен, он — в отчаянии от своего поступка. Может быть, Фессей дал Ариадне обещания, которых не мог исполнить, например, сделать ее царицей Афин. Чтобы избавиться от исполнения этих обещаний, Фессей тайно «бросает» Ариадну. Но ее образ, воспоминания о ее любви — преследуют несчастного царевича; он не в силах думать ни о чем другом, он весь во власти мучительного раскаяния. Вот почему Фессей «забывает» переменить паруса. Первую минуту, отдавая приказание — снести Ариадну на берег, Фессей мог думать:

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее!
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье.

Но страсть оказывается сильнее, чем все доводы рассудка. Копье Афины преклоняется пред поясом Афродиты. Вот почему автор считает себя вправе представить Фессея мучимым неотступными воспоминаниями об Ариадне.

1918. В. Б.).

Во второй книге «Годы, люди, жизнь» Илья Эренбург вспоминает о своей встрече с Брюсовым:

«Я провел у Валерия Яковлевича несколько часов. Он прочитал мне недавно написанное им стихотворение об Ариадне, и мы

поспорили. Если сформулировать эту часть беседы, то она будет выглядеть достаточно неожиданный для августа 1917 года:

1. Правда ли, что Тезей испытывал угрызения совести, оставив Ариадну на безлюдном острове?

2. Как правильнее писать — «Тезей» или «Фессей»? (Валерий Яковлевич настаивал на последней транскрипции).

3. Нужно ли современному поэту писать о Тезее? (Я говорил, что не нужно).

Можно подумать, что Брюсов был эстетом, формалистом, вечным декадентом, решившим противопоставить свой мир действительности. Это неверно... Если он говорил со мной о Тезее, то потому, что верил в живучесть поэзии и уважал свою собственную работу» (И. Эренбург. Собр. соч. в девяти томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1966, с. 224).

Мировой кинематограф (стр. 29) — РУ, 1918, 15 марта, № 38. В этом стихотворении Брюсов обращается к одному из своих любимых сюжетов — беглому описанию выдающихся событий мировой истории (см. стихотворение «Фонарики», т. 1, с. 435, и венок сонетов «Светоч мысли», с. 383 наст. т.). *Сын Солнца* — титул, который носили египетские фараоны. *Вавилон* — см.: книга Бытия, гл. II. *Перс* — Кир Старший, основатель персидской державы (VI в. до н. э.). *Рати Македонца* — войска Александра Великого, захватившие территорию Персии и Египта. *Карл Великий* (742—814 гг.) — король франков, создавший гигантскую империю, охватывавшую почти всю христианскую Европу.

ЭТО ВСЕ — КОШМАР!

Кошмар (стр. 31) — ПМ.

Затравленный зверь (стр. 32) — ПМ.

Библиотеки (стр. 32) — ПМ. В черновом автографе под заглавием «В библиотеке» вариант начала стихотворения:

Власть знания, как тайный скиптр, лишь тем
Дается, кто трудом и мощью воли
Встал над страстями, над алчбой, над всем,
Как некий царь, в лучистом ореоле.

Страстный библиофил, В. Брюсов неоднократно посвящал свои стихи книгам: «Терцины к спискам книг» (УО), «L'ennuie de vivre...» (УО), «Груз («Миг»), «Книга» («Меа») и др. «Сколько я помню, — пишет И. М. Брюсова, — книги покупались Валерием Яковлевичем всю жизнь. Открытый счет в книжных магазинах... позволял выписывать и покупать необходимую книгу во всякое время. Кроме того, книги приобретались у букинистов «на вербе», «на Сухаревке», по воскресеньям и т. п.» (ЛН, № 27-28, с. 662).

Наутро после шабаша (стр. 33) — ПМ. Рукописи не датированы. Как видно из чернового автографа, автор предполагал написать под этим названием еще одно стихотворение.

Из наблюдений (стр. 34) — ПМ. На рукописи помета Брюсова: «Ilnerès-Uscita (Онневос-Крес — Onnevos-Crés)». *Свидетельница жертв Ашере*... — см. т. 1, с. 241, 603.

Перед электрической лампой (стр. 34) — газ. «Новая жизнь», М., 1918, 16 июня, № 13, под заглавием «Перед электрическими светом». *Троглодит* — первобытный пещерный человек.

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

Детская площадка (стр. 36) — ПМ. Первоначальное заглавие автографа «Играющие дети».

Праздники (стр. 37) — ПМ. Страз — искусственный драгоценный камень.

Детская спевка (стр. 39) — ПМ.

Колыбельная (стр. 40) — ПМ. Рукопись не датирована. Датируется по ПМ.

СОНЕТЫ

Участник альманаха «Стремнины», писатель В. И. Язвицкий, вспоминает, как Брюсов говорил ему в 1917 г.: «...Пожалуй, кроме меня и Макса Волошина, ни у кого нет правильного сонета. Например, Бальмонт пишет сонеты только по названию, а не по форме. В лучшем случае он дает очень удачно размер и рифмы, но совсем не дает внутренней структуры сонета. Сонет — это диалектическая форма. Первая часть его — теза, вторая — антитеза, а последние строфы — становление. Кроме того, в двух заключительных строфах должны быть логические цезуры». (Н. А. Шуклин. Валерий Брюсов. М., изд-во «Федерация», 1929, с. 347).

Миги (стр. 41) — ПМ, с неверной датой 1917 г. Эгерия — в римской мифологии нимфа, являвшаяся царю Нуме Помпилию, чтобы обучить римлян священнодействиям.

Наряд весы (стр. 41) — альманах «Огни», М., 1918, с подзаголовком «Сонет». В беловой автографе (ГБЛ) первоначальное заглавие «Зеленый май», подзаголовок «Сонет».

На полустаинке (стр. 42) — газ. «Мысль», М., 1917, 11 декабря, № 1 (18). Беловой автограф (ГБЛ) имеет подзаголовок «Сонет».

Максиму Горькому в июле 1917 года (стр. 43) — ПМ. Черновой автограф с подзаголовком «Сонет». В 1917 г. Максим Горький редактировал газету «Новая жизнь», поддерживающую пораженческую линию, проводимую большевиками. За это он подвергся летом 1917 г. яростным нападкам буржуазной печати. Первым, кто выразил сочувствие писателю, был В. Брюсов. 25 июля 1917 г. Горький отправил Брюсову следующее письмо: «Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич... я горжусь, что именно Вы прислали мне славное письмо. Мы с Вами редко встречались. Вы мало знаете меня, и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений...

Давно и пристально слежу я за Вашей подвижнической жизнью, за Вашей культурной работой, и я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы — не знаю: эта — искренна.

Будьте здоровы, Валерий Яковлевич, и — всего доброго!

А. Пешков».

(М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29. М., 1955, с. 382—383.)

Беглецы (стр. 43) — ПМ. В черновом автографе (ГБЛ) с подзаголовком «Сонет» имеется эпиграф: «После поражения при Каннах часть римлян, отчаявшись в спасении родины, замыслила бежать в чужие края. Но военные трибуны Аппий Клавдий и Публий Сципион сумели отклонить беглецов от их намерения. Военноо

счастье изменилось, и Рим выпел победителем из борьбы с Ганнибалом (Из учебника истории). Эпиграф снят в машинописном экз. ПМ (ГБЛ). Ганнибал (247—183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец.

Memento mori (стр. 44) — журн. «Москва», 1918, № 1.

В черповом автографе намечено иное окончание сонета:

И где-нибудь на перекрестке тесном
Встречается лицом к лицу с неизвестным,
В мечтах слагающим свой новый стих.

С какой насмешкой дьявол шепчет кротко,
Прочь уходя уверенной походкой,—
«Еще довольно здесь рабов моих».

Брюсов в своей статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» писал, что в годы типографской разрухи «поэты пытались до некоторой степени заменить печать публичными выступлениями, авторским чтением с эстрады. Входить в обычай такие выступления начали еще до Октября, но развились именно в первые годы революции, когда, отстраненные от печатного станка, чуть не все стихотворцы потянулись к импровизированным кафедрам в разные кафе,— отчего этот период русской поэзии и называют иные «кафейным» (ПР, 1922, кн. VII).

Импровизации Брюсова производили большое впечатление на посетителей поэтических кафе¹. А. М. Арго вспоминает: «Вечера импровизаций были довольно часты в литературных кружках тех времен, и Брюсов был любителем и мастером этого дела... На эстраде находился стройный узкоскулый человек в своем классическом черном глухом сюртуке; полуприкрыв козырьком руки глаза, он, казалось, смотрел внутрь себя и потом извергал, выбрасывал из себя, выпаливал несколько строк, отбивая другой рукой ритм. Потом пауза, и слова несколько тактов стиха про себя — и снова четверостишие вслух. И казалось, что в воздухе слышно ворочание мозговых жерновов этого человека.

Также нужно принять во внимание, что большинство поэтов импровизировало, наматывая стихи на бумаге хоть набросками, хоть крайней зарифмовкой. И тогда действительно это нетрудное и даже приятное профессиональное упражнение. Но не таков был Валерий Брюсов, он гнушался шпаргалкой. Импровизация шла из головы. И причем надо еще учесть, что в своих импровизациях он избирал не обычные, примелькавшиеся формы четверостиший, а применял сложные формы стихосложения — сонет, терцины, октавы. Да, это был труд! Вдохновенный труд!» (А. М. Арго. Звучит слово... — «Очерки и воспоминания». М., 1962, с. 80—82).

В ТАКИЕ ДНИ

Сб. «В такие дни. Стихи 1919—1920» вышел в Государственном издательстве в 1921 г. тиражом 20 000 экземпляров. Это была первая книга поэта, в которой нашли отражение революционные события.

¹ См., например: Сергей С п а с с к и й. Маяковский и его спутники.—Кн.: Воспоминания. Л., 1940, с. 134—135; а также: И. Э р е н б у р г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1966, с. 236.

Сборник вызвал многочисленные отклики в печати. В журнале *ПР* (1922, кн. VI, с. 293) И. А. Аксенов писал: «Когда мы теперь оглядываемся на наше близкое прошлое, годы, помечающие стихи этой книги, кажутся насыщенными таким несчетным количеством событий и ощущений, что перед ними невольно преклоняешься... Многие сделают Брюсову упрек в том, что его книга, написанная и исключительно трагическое время, сохранила все элементы постройки его предшествующих сборников, но в этом и заключается ее особенный интерес: фикция мгновенных перерождений человека давно уже разоблачена, и сознательное ее афиширование неизбежно создает для современника неприятное ощущение неискреннего нарочитой стилизации. Нам интересен настоящий Брюсов в период настоящей революции, и сборник отвечает нашему интересу...»

Резко отрицательная рецензия теоретика Пролеткульта Б. И. Арватова под названием «Контрреволюция формы» была напечатана в журнале «Лев» (1923, № 1, с. 215—230): «Основная черта буржуазной поэзии заключается в том, что она резко противопоставляет себя действительности. Единственным средством для такого противопоставления оказывается формальный уход в прошлое — архаизм... Не будучи в состоянии примириться с неприятной для нее действительностью, она ощущает «красоту» только в том, что от этой действительности далеко. Культивирование эстетики прошлого становится орудием ее классовой самоорганизации. Ахилл для нее «эстетичнее» Архипа, Киферы звучат «красивее», чем Копотоп, и т. д. ... У Брюсова я нашел всю ту испытанную словарную гвардию, назначение которой одурманить читательскую голову и произвести эффект «подлинной красоты». Ответ Брюсова был напечатан в журнале *ПР*, 1923, кн. VI. «Т. Арватов строит удивительный силлогизм: «Содержание равно словам; слова у Брюсова не новые; следовательно, содержание стихов антиреволюционно...» Что сказать о методе критики, рассматривающей только слова, а не то, что эти слова значат! Как это ни нелепо, но это очень характерно для тов. Арватова и для всего русского футуризма... Весь его смысл в истории нашей поэзии в том и заключался, чтобы выработать новые формы. Вопросы формы, в частности, словаря, и остались единственно интересующими футуристов...

...Если бы т. Арватов взял на себя труд немного подумать, он увидел бы, что Ахилл в самом деле «эстетичнее» Архипа, то есть пригоднее для поэзии. «Ахилл» имеет огромное содержание; «Архип» — никакого: это только собственное, «крестильное» имя, и ничего больше».

В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА

Р о с с и я (стр. 47) — В ТД. После взятия Берлина советскими войсками в 1945 г. неизвестным солдатом на стене рейхстага была написана четвертая строфа этого стихотворения.

Т р е т ь я о с е н ь (стр. 48)—ХС, 1921, кн. II, где строфы 2 и 3 обменены местами. В черновом автографе зачеркнута строфа 7:

Но вслушайся в вопли и в грохот:
Рабочий, солдат и мужик
Не по-новому ль начали охать,
Не новый ли скован язык?

Варианты строфы 2—4 в другом автографе:

Насмехайся горестным плачем,
 Глядя, как в подземный тайник
 От голодных испуганно прячет
 Зерно сбитый с толку мужик.
 Догоняй поезда, что в просторах
 Пролагают теплушкам тропу.
 Где мешочники, как злобные вору,
 Везут на продажу крупу!
 В городах бесфонарных и беззаборных,
 Где Стужа и Голод — цари,
 Покрутись в безлюдях черных,
 На дневную тоску посмотри!

Там же строфа 6:

Эй, ветер, пришедший со взморий,
 Где тучен и ярк юг,—
 Прокрути наше русское горе,
 Обожги наш новый недуг!

Строфа 8:

Смотри, как в ранах и бедах,
 Вся в клочьях, наша страна
 Упорно возносит к победам
 Красные знамена!

К русской революции (стр. 49) — В ТД.

Парки в Москве (стр. 50) — газ. «Красный воин», М., 1921, 28 июля, № 2, под заглавием «Три парки в Москве». Парки (римск. миф.) — богини судьбы, изображались в виде трех старух, прядущих нить человеческой жизни. Одна из них — Клото — прядет нить, другая — Лахесис — проводит нить через все превратности судьбы, третья — Атропа (букв. неотвратимая), перерезая нить, обрывает жизнь. Иван Калита — князь московский (1325—1340), названный первым собирателем русской земли.

Весной (стр. 51) — журн. «Красноармеец», М., 1920, № 28—30. Автограф без заглавия.

Нам проба (стр. 52) — В ТД. Автографы без заглавия. Вставший на сторону пролетариата, В. Брюсов решительно порвал с теми друзьями и знакомыми, которые растерялись в годы революции и отшатнулись от нее. «Февраль 1917 г., — писал Брюсов, — был по плечу большинству наших поэтов, побудил «певцов» быстро настроить свои лиры на лад «свобода — народа»... Но Октябрь был для многих, и очень многих, как бы ударом обуха по голове» (ПР, 1922, кн. VII). (На эту же тему написано стихотворение «Не довольно ль вы прошлое нежил...» — см. с. 411 наст. тома). В статье «Живой пример творческого темперамента» Илья Сельвинский вспоминает: «Поэт тончайших индивидуалистических переживаний... Брюсов, засучив рукава, стал мастером агитки и инвективы. Выполненные со свойственной Брюсову чеканной манерой, они имели широчайшие распространения и (историческая деталь!) печатались даже на обороте хлебных карточек» (газ. «За коммунистическое просвещение», М., 1934, 9 октября, № 233). Интересно свидетельство ученика Брюсова П. П. Лазовского о большом впечатлении, произведенном стихотворением «Нам проба», в котором Брюсов предупреждает:

Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
 Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

«Так мог сказать только поэт-гражданин, ни на минуту не сомневающийся в победе социализма; человек, которого ни «холод, голод, тьма» не смогут остановить на пути к ясно осознанной, маящей цели — к коммунизму...» (*Чтения*, 1962, с. 337).

Т о в а р и щ а м и н т е л л и г е н т а м (стр. 53) — *ХС*, 1920, кн. I, под заглавием «Инвектива». В автографе вариант строфы 8:

Что ж вы спешите от жизни мимо
Иль вам бывшее стало любо?
А все, что ново, вам нестерпимо
И ваши чувства ранит грубо?

Л е р у Пьер (1797—1871) — французский утопический социалист и публицист.

Т о л ь к о р у с с к и й (стр. 54) — газ. «Коммунистический труд», М., 1920, 23 июня, № 76; под заглавием «В республике Труда». В беловом автографе после третьей строфы:

Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ;
Просвещения ключ целебный
Скрыв, бросали нам цари
Лишь хоругви, лишь молебны,
В пестрых красках алтаря!

К В а р ш а в е! (стр. 55) — *В ТД*. Автограф без заглавия. Зимой 1919—1920 гг. советское правительство предложило польской Польше заключить мир. Однако польское правительство ответило отказом и в апреле 1920 г., захватив Украину до Днепра, начало военные действия. Одновременно англичане ввели в Балтийское море свой флот. В результате сокрушительного контрудара отряды Красной Армии подошли к Варшаве. События этого периода гражданской войны и отражены в стихотворении.

М я т е ж (стр. 56) — *В ТД*. Первым переводчиком бельгийского поэта Эмиля Верхарна (1855—1916) на русский язык был В. Я. Брюсов (см. *ТУ*). Поэтов связывала многолетняя личная дружба. В предисловии к книге Верхарна «Стихи о современности» (кн-во «Скорпион», 1906, с. 7) Брюсов дает ему такую характеристику: «Верхарн создал свой мир поэзии, как создали свой мир Данте, Шекспир, Гете, Гюго, Ибсен. Он разработал темы, которых до него почти не касались, он создал новые приемы в литературе, которым еще долго будут подражать, он преобразовал и оживил французский стих». Стихотворение «Мятеж» перекликается с поэмами Верхарна «Мятеж» и «Восстание» (обе переведены Брюсовым).

С е р п и м о л о т (стр. 58) — газ. «Красный воин», М., 1921, 19 ноября, № 49.

НАД МИРОВЫМ КОСТРОМ

В т а к и е д н и (стр. 59) — *ХС*, 1921, кн. II. В черновом автографе варианты второй и третьей строфы:

Со мной пыланье миллионов волей,
В потоке их восторженно лечу,
Свою судьбу слить с их встающей долей,
Идти в борьбу в их хочу.

Есть упоенье разрушая строить,
Класть цоколи стен, взмеченных в века!
Когда б я мог упоры сил утратить,
Мысль, мчись вперед, свободна и зорка!

После третьей строфы вычеркнута:

Но яростям палящей душу жажды,
Безмерности слепящих снов — где грань?
Жизнь, будь одной грозой! миг каждый,
Ударом грома, свистом молний стань!

Профессор П. Н. Сакулин в докладе, прочитанном в Российской академии художественных наук, на 50-летнем юбилее Брюсова сказал: «Сознавая историческую неизбежность катастрофы, даря он готовил «приветственным гимном» встретить «грядущих гуннов», тех, кто его «уничтожит»... И вот пришли не гунны, а строители, пришли, «ломаю, строить новый Капитолий, класть цоколи стен, взмеченных в века». Поэт приветствует их кликами радости и братским словом участия. Героический пафос нашел теперь конкретное воплощение в пафосе революционном» (сб. «Валерию Брюсову», М., 1924, с. 28).

На в ы с ы х (стр. 59) — В ТД. Елеча — см. т. 1, с. 642. *Пергамы* — крепость в Трое. *Сон Паоло и сон Франчески*... — См. т. 1, с. 654.

П о д г у л ы и в з р ы в ы (стр. 60) — В ТД. Беловой автограф с правкой, датированный 29 июля 1920 г., имеет заглавие: «Под взлетом Судьбы». Вместо шестой строфы был первоначально другой конец:

Здесь мы, где Эрос разить беспощадно упорствует,
Там мы, где светлы победные крики борьбы,
Первыми встретим удары, и дух наш покорствуется
Пламень свой взвить над пространством под взлетом Судьбы.

В е щ и й у ж а с (стр. 61) — ХС, 1921, кн. II, под заглавием «Гимны ночи». Беловой автограф без заглавия. *Тристан и Изольда* — герои средневекового романа. Имена Тристана и Изольды стали синонимами истинно любящих. *Изида* — см. т. 1, с. 590. *Аштарет* — очевидно, Астарта, см. т. 1, с. 603.

Р а с с в е т (стр. 62) — В ТД.

З а к л ы т ь е Э р о с а (стр. 62) — В ТД. Беловой автограф без заглавия.

K l a s s i s c h e W a l p u r g i s n a c h t (стр. 63) — ХС, 1921, кн. II. Беловой автограф без подзаголовка. «Классическая Вальпургиева ночь» — эпизод из III акта II части «Фауста». В 1919—1921 гг. Брюсов переводил «Фауста». *Геката* — см. т. 1, с. 627. *Сфинксы, стимфалиды, Хирон* — персонажи Классической Вальпургиевой ночи Гете. *Стимфалиды* (греч. миф.) — птицы с медными крыльями, когтями и клювом. *Хирон* — в греч. мифах — кентавр, мудрый наставник героев Греции. У Гете он помогает Фаусту встретиться с Еленой, женой Менелая. *Скейские высоты* — согласно Гомеру, западные ворота Трои назывались Скеи.

Г и м н А ф р о д и т е (стр. 64) — ХС, 1921, кн. II.

Шаги Афродиты (стр. 65) — *В ТД*. Эпиграф из раннего неопубликованного стихотворения А. Е. Адалис. В Беловом автографе заглавие: «Явление Афродиты». Вместо «Мойры» и «Геба» первоначально стояло: «Орел» и «Юпитер». *Мойры* (греч. миф.) — парки — см. прим. на с. 558. *Семела* уговорила Зевса предстать перед ней в его настоящем виде и была испепелена ударами молний. *Алкмена* — мать героя Геракла; отправившись на свидание с ней, Зевс запретил солнцу всходить.

Стрелы ресниц (стр. 66) — *В ТД*.

После дождя (стр. 67) — *В ТД*. Беловой автограф с правой без заглавия.

Египетский профиль (стр. 67) — *ХС*, 1921, кн. II, под заглавием «Мемфисский профиль». Беловой автограф без заглавия. Эпиграф из стихотворения Брюсова «Я помню вечер, бледно скромный...» (см. т. 1, с. 116). *Озирис* — см. т. 1, с. 627.

Срок (стр. 68) — *В ТД*. Датируется по первой публикации. *Систр* — музыкальный инструмент в древнем Египте типа погремушки.

Две вазы (стр. 69) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия. *Альвастр* — алебастр. *Миро* — маслянистое благовонное вещество, употребляемое в христианских церковных обрядах.

Ночная улица (стр. 69) — *В ТД*. Беловой автограф (*ГБЛ*) с правой, без заглавия.

Хмельные кубки (стр. 70) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия.

Длится, длится... (стр. 71) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия. *Эос* (греч. миф.) — богиня утренней зари.

Руками плечи... стр. 72) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия. *Кассандра* — см. т. 1, с. 591. Кассандра предсказывала гибель Трои (Илиона — «Илиа», как транскрибирует с филологической точностью Брюсов). *Иоанны Патмосов в огне...* — См. т. 1, с. 626. *Еще весталка не ждала греха, || Еще не вызвал брата Рем...* — Легенда рассказывает, что Рея Сильвия, мать мифических основателей Рима братьев-близнецов Ромула и Рема, была дочерью албанского царя Нумитора. Его сверг с престола брат Анулий, который сделал Рею Сильвию весталкой, чтобы лишить ее потомства. Но она родила от Марса двух сыновей. При возведении стен Рима между братьями вспыхнула ссора, и Ромул убил Рема. *Аларих* (ок. 370—конец 410-х гг.) — король вестготов, в 410 г. захватил и разграбил Рим. *Сапфо* — см. т. 2, с. 468. *Овидий Назон* (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт, воспевавший в стихах любовь.

О столетий... (стр. 72) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия. Это стихотворение под заглавием «С земли до звезды» ошибочно было включено автором с незначительными разночтениями в сб. «*Миг*». *Антилла* — см. т. 1, с. 635. *Хирамовы кедр* были посланы, по библейскому преданию, Хирамом, царем тирским, Соломону для построения храма (вторая книга Паралипоменон, глава 2). *Алеппо* — город в Сирии.

Череп на череп (стр. 73) — *В ТД*. Беловой автограф без заглавия. *Александр* — Александр Македонский, см. т. 1, с. 591. *Хлодвиг* — родоначальник династии Меровингов, король франков (V—VI вв.).

В дни, когда... (стр. 74) — журн. «Москва», 1920, № 4, с датой «Октябрь 1919». Рукопись не сохранилась. *Фивы* — город в Древней Греции. *Дельфы* — общегреческий религиозный центр в Фокиде, у подножия горы Парнас. *Самний* — область в Средней Италии, в III в. до н. э. завоеванная римлянами. *Вакховы тигры*... — Бога вина и плодородия Вакха изображали едущим на тиграх. *Миф о Иокасте*... — Согласно Софоклу, дельфийский оракул предсказал царю Лайю, что его убьет сын, который женится потом на своей матери Иокасте. Чтобы избежать этого, Лайй приказал слуге убить ребенка. Но тот пожалел мальчика и отдал его пастуху. Когда Эдип, сын Лайя, вырос, он, не зная своего отца, убил Лайя и женился на Иокасте. Узнав, что предсказание сбылось, Эдип ослепил себя, а Иокаста покончила жизнь самоубийством.

Романтикам (стр. 75) — Р, г. Ковров, 1920, кн. 3. *Людмила* — вероятно, Брюсов ошибся, имея в виду героиню баллады В. Жуковского (1783—1852) «Светлана». *Рыцари едут в лесу за цветком*... — Герой незаконченного романа немецкого писателя Новалиса (1772—1801) «Генрих фон Офтердинген» ищет мистический «голубой цветок», символ поэзии. *Лозенгрин* — царь лебедей, герой поэмы Вольфрама фон Эшенбаха (XIV в.). Образ Лозенгринна использовали многие немецкие романтики.

Одиссеей у Калипсо (стр. 75) — В ТД. *Одиссей и Калипсо* — см. т. 1, с. 648. *Ахайя* — древнее название северной приморской области Пелопоннеса.

Одиссеей у берегов феаков (стр. 76) — В ТД. Согласно Гомеру, бог моря Посейдон, разгневанный тем, что Одиссей ослепил его сына, циклопа Полифема, решил потопить плот героя. Он приказал ветрам Эвру — восточному, Ноту — южному, Бою — северному и Зефиру — западному взволновать море. Одиссея спасла морская богиня Левкоtea, давшая ему чудесное покрывало, с которым он не мог утонуть. На третьи сутки герой выплыл к острову феаков. Дочь царя Навсикая помогла Одиссею вернуться на родину.

Цезарь Клеопатре (стр. 77) — В ТД. Юлий Цезарь, согласно Плутарху, увлекшись египетской царицей Клеопатрой, на полгода задержался в Александрии. Брюсов, вероятно, пользовался также как источником драмой Шекспира «Антоний и Клеопатра». Начало стихотворения напоминает рассказ Энobarба из 2-го акта драмы. *Фаски* — связанные пучки прутьев, знак консульской власти. *Кифера* — остров у южного берега Пелопоннеса, где существовал культ богини. *Трирема* — римское военное судно. *Гефестом кованная сеть*... (греч. миф.) — Гефест изготовил тонкую сеть, в которую попались бог войны Марс и супруга Гефеста — Афродита. *Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея*... — Брюсов повторяет ошибку Шекспира. Клеопатрой увлекся не современник Юлия Цезаря — Помпей Великий, а, как указывает Плутарх, его сын, Гней Помпей, отправленный отцом в Александрию набирать войско. *Чтоб к клинку мне подготовил грудь*... — Через три года после возвращения из Египта, 15 марта 44 г. до н. э., Юлий Цезарь был убит заговорщиками.

Герои Леандр (стр. 78) — В ТД. *Леандр* — юноша, полюбивший Геро — жрицу богини Афродиты в городе Сесте. Чтобы встречаться с Геро, Леандр каждую ночь переплывал Геллеспонт, а Геро зажигала огонь на башне, указывая ему путь. Однажды бури

погасила огонь, и Леандр утонул. Наутро волны прибили труп к подножию башни. Увидев его, Гера бросилась в море.

Боттичелли (стр. 79) — *В ТД. Боттичелли* Сандро (Алессандро Филиппи, 1445—1510) — итальянский художник. Когда по призыву флорентийского проповедника Савонаролы (1452—1498), призывавшего уничтожить соблазны дьявола, во Флоренции стали сжигать на кострах публично предметы роскоши и мирских забав, Боттичелли, по преданию, бросил в такой костер свои картины. В апреле 1903 г., находясь в Германии, Брюсов записал в дневнике: «Я вновь увидел мою любимую «Венеру» Боттичелли». *Скиния* — переносный храм в шатре, который был у древних евреев до постройки храма в Иерусалиме. *Калидаса* — индийский поэт (V в. н. э.). *Веды* — древнеиндийские священные книги. *И Рембрандтом над трупом Христа...* — Имеется в виду картина Рембрандта (1606—1669) «Снятие с креста».

В с е л ю д и (стр. 80) — сб. СОПО, М., 1921, вып. I. Беловой автограф без заглавия. *Терсит* — трус и предатель, один из участников Троянской войны (*Гомер*, *Илиада*).

ПРИВЕТСТВИЯ

А. В. Луначарскому (стр. 81) — *В ТД. В черновом автографе после строфы 4 следует:*

И тогда ж, вдохновенно и страстно,
Словом, делом, примером своим,
Ты строителей прошлого — властно
Вновь позвал к стезям трудовым.

Открывая им светлые дали,
Дал им слышать грядущего зов,
Чтоб их струны созвучно звучали
С хором новых живых голосов.

Ты б желал для великой работы
Всех, в ком сердце пылает, сплотить,
Но умел и надменно ворота
Пред рабом лицемерным закрыть.

Так, связуя два мира, но прямо
Обличая красивую ложь,
Ты вселенского, нового храма
Адаптовый цоколь кладешь.

К Анатолию Васильевичу *Луначарскому* (1875—1933), первому советскому наркому просвещения, В. Брюсов относился с большим уважением. Под его руководством Брюсов работал в советских культурных учреждениях. В архиве Луначарского хранится книга «В такие дни» с посвящением: «Поэту Анатолию Васильевичу Луначарскому. Преданный ему автор». Луначарский вспоминает: «... в своих первых революционных произведениях он <Брюсов> приветствовал грядущих варваров... сознавая, что они разрушат накопленную веками культуру... Но если Брюсов готов был сам лечь под копыта коня какого-то завоевателя, несущего с собой обновление жизни человеческой, то для него было, конечно, несравненно приемлемее встретить в этом завоевателе осторожное и даже любовное

отношение к основным массам старых культурных ценностей» (Собр. соч. в 8-ми томах, т. 1. М., 1963, с. 43).

К. Д. Б а л ь м о н т у (стр. 82) — журн. «Москва», 1919, № 3, под заглавием «К. Д. Бальмонт 1919 года», с подзаголовком «В безбрежности», вместе со стихотворением «К себе 1919 года». Эпиграф из стихотворения Бальмонта «Чахлые сосны» (сб. «В безбрежности» — см.: К. Б а л ь м о н т. Полн. собр. стихотворений, т. 1. М., 1914). Об отношении Бальмонта с Брюсовым см. т. 1, с. 615. Бальмонт ответил Брюсову на его стихотворение в следующем номере журнала «Москва» (1920, № 4).

П а м я т и о д н о й (стр. 83) — ХС, 1920, кн. I, без заглавия. Беловой автограф без заглавия. Стихотворение посвящено Н. И. Петровской (см. т. 1, с. 619). *Розы, лавры, олеандры...* — Н. Петровская писала: «9 ноября 1911 года я выехала из России в Италию, где прожила много лет» (ЦГАЛИ). *Тень Стигийская меж нами...* — Имеется в виду Надежда Григорьевна Львова (см. т. 2, с. 415).

П а м я т и д р у г о й (стр. 83) — В ТД. Стихотворение посвящено памяти Н. Г. Львовой. И. Г. Эренбург вспоминает о встрече с Брюсовым в годы, когда было написано это стихотворение. «При первой нашей встрече Брюсов заговорил о Наде Львовой — рана оказалась незажившей. Может быть, я при этом вспомнил предсмертное стихотворение Нади о седом виске Брюсова, но только Валерий Яковлевич показался мне глубоким стариком...» (И. Э р е н б у р г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8. М., 1966, с. 229). *Оцет* — уксус.

М а д р и г а л (стр. 84) — В ТД. Беловой автограф без заглавия. Стихотворение посвящено Доре Шипковской.

К А д а л и с (стр. 85) — В ТД. *Адалис* — псевдоним Аделины Ефимовны Ефрон (1900—1969) — поэтессы, переводчицы. Большинство лирических стихотворений этого и последующих сборников Брюсова связаны с Адалис.

К А — (стр. 85) — В ТД. Посвящено А. Адалис.

П о с в я щ е н и е (стр. 86) — В ТД. Стихотворение обращено к Адалис. *Инвеститура* — в средние века церемония ввода вассала во владение землей. *Тавматург* — чудотворец.

А ЗДЕСЬ, В УМЕ...

В п е р в ы й р а з (стр. 88) — В ТД. Беловой автограф без заглавия. *Мальстрем* — см. т. 1, с. 610.

В о м н е (стр. 89) — В ТД. Третья строфа печатается по машинописи, исправленной автором (ГБЛ). В статье «Ктематика» Брюсов писал в 1920 г.: «Сегодня вобрало в себя все, что было жизненно в минувших тысячелетиях; в сегодня потенциально заключено все то, что будет завтра и через столетия; сегодня связует бесконечность прошлого и бесконечность грядущего» (ГБЛ). *Город Вод* — у Платона — название главного города в Атлантиде. *С нагой Иштар...* — Вавилонский миф о схождении богини Иштар в ад, на каждом из семи порогов которого она оставляла часть своих одежд. *В мечты Геракла, где Омфалы прялка...* (греч. миф.) — Геракл, чтобы искупить убийство, должен был три года служить рабом у лидийской царицы Омфалы, которая, желая унижить героя, заставляла его пряхть.

Б у д ь м р а м о р о м (стр. 89) — В ТД. Беловой автограф без заглавия и без эпиграфа. Эпиграф взят из раннего неопубликованного стихотворения Адалис. Первая и последняя строфы у Брю-

сова перекликаются со второй строфой из стихотворения Адалис «Ах, на глаза ль твои, на губы ль...» (ХС, 1921, кн. II).

Неправедное это дело:
Любовь за жизньнюю пустой,
Как медь коринфская звенела,
А тает, будто воск простой.

Юношей безумных...—Цитата из стихотворения А. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

День (стр. 90) — В ТД. В письме к Л. Н. Вилькиной 25 января 1904 г. Брюсов писал: «Каждый день для меня — как маленькая прожитая жизнь. Я кончаю день то как ликующий победитель, умирающий в день своего триумфа, то как старик, усталый дышать и думать, униженный светом и сумерками, привествующий отраву тьмы и смерти. Триста шестьдесят таких жизней за мной, триста шестьдесят перевоплощений» (ИРЛИ).

В с м е р т ь (стр. 91) — В ТД. Беловой автограф без заглавия. *Пять строк историка — смысл бытия...* — Поэт В. Ходасевич вспоминал: «В декабре 1904 года, в тот самый день, когда ему исполнилось 30 лет, он сказал мне буквально так: «Я хочу жить, чтобы в истории всеобщей литературы обо мне было две строчки. И они будут» (Вл. Х о д а с е в и ч. Брюсов. — Журн. «Современные записки», Париж, 1925, т. XXIII). *В деканских чащах...* — Джунгли в южной части Индостана. *Юкка* — вечнозеленое растение.

П р е д е л ы (стр. 92) — В ТД. Беловой автограф без заглавия.

О д н о л и ш ь (стр. 92) — В ТД. Беловой автограф без заглавия.

П е р в ы й м е р и д и а н (стр. 93) — сб. СОПО, М., 1921. вып. 1. Беловой автограф без заглавия. *Ревинной близнецы...* — См. прим. на с. 561. *Зенит* — верхняя точка небосвода, *надир* — противоположная ей.

День за днем (стр. 94) — В ТД. Беловой автограф без заглавия. *Пей жемчужину в уксус...* — Жемчуг, растворенный в уксусе, пыла, по преданию, царица Клеопатра. *Марго* — вероятно, королева Франции Маргарита Валуа (1553—1615), первая супруга Генриха IV. *Таиах* — очевидно, мать египетского фараона Эхнатона, супруга Нефертити (XV в. до н. э.).

МИГ

Сборник «Миг. Стихи 1920—1921 г.» вышел в издательстве З. И. Гржебина, Берлин — Петербург, 1922, тиражом 2200 экз. В предисловии Брюсов писал: «Почти все стихи, включенные в этот сборник, написаны в конце 1921 года (август—ноябрь). *Исключения* составляют драматический этюд «Пифагорейцы», написанный в 1920 г., и два стихотворения, одно 1919, другое 1917 г. *Автор*».

В статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» В. Брюсов писал: «Оценивая поэзию символистов (за 1917—1922 гг.), я должен, но крайнему моему разумению, отнести отрицательно к их деятельности за последние годы. Между тем я сам, как поэт, теснейшим образом связан с движением символизма. Доля обвинений, выдвинутых мною против символистов, падает и на меня... Позволю себе сказать, что, действительно, признаю, поскольку способен крити-

чески отнестись к себе, и свои стихи 1912—1917 годов не свободны от общих недостатков символической поэзии того периода. Но, продолжая столь же откровенно, думаю, что некоторых, роковых для символизма, путей мне удалось избежать и что мои стихи следующего пятилетия («В такие дни», 1920 г.; «Миг», 1922; «Дали», 1922) выходят на иную дорогу» (ПР, 1922, кп. VII, с. 38—39).

Из сб. «Миг» исключено стихотворение «С земли до звезды», вошедшее в сб. В ТД.

КРУГОЗОР

В годы появления сборника цикл этот звучал острополюемически, так как тогда довольно часто раздавались левацкие нигилистические призывы целиком уничтожить старое буржуазное искусство.

С м о т р е т ь в б ы л о е (стр. 97) — «Миг». Беловой автограф с правкой без заглавия. В одной из немногих рецензий на сборник отмечалась ошибка, допущенная поэтом в этом стихотворении: «Несмотря на все уменье автора, как когда-то писали, «ковать стихи», — в этом сборнике ошибки, непростительные для Брюсова. Примеры: первое же стихотворение вводит в недоуменье строками: «...видеть все следы, || Что в сушь песка вбивали караваны...» Непонятно: кто кого «вбивал» — следы караваны или наоборот?» (Б. А н и б а л. Валерий Брюсов. «Миг» — Альманах «Утреники», кп. II, П., 1922, с. 155). *Tuaregi* — племя, населявшее оазисы Сахары.

Г р у з (стр. 98) — «Миг». Беловой автограф без заглавия. *Федра* — см. т. 2, с. 405. *Эсфирь* — жена персидского царя Артаксеркса, чтившаяся как спасительница еврейского народа. (Библия, книга Эсфири). *Семи холмов покорный мир латыни...* — Рим возник в начале VIII в. до н. э. на левом берегу реки Тибр. Он расположен на семи холмах. «*Страшный суд*» *Орканый...* — Андреа да-Орканья (1308—1369) — художник, автор фрески «Страшный суд» в Пизе.

О д и с с е й у К а л и п с о (стр. 98) — «Миг». «По греческим сказаниям, Одиссей был убит своим сыном от Калипсо» (прим. Брюсова в белом автографе). См. также прим. в т. 1, с. 648. *Девы моря* — сирены.

Р и м и н и (стр. 99) — «Миг». Черновой автограф под заглавием «Франческа да Римини» (ГБЛ), с датой 1905, 1914, был опубликован в газ. «Утро Юга», Ростов-на-Дону, 1914, 6 апреля, № 80.

В твоём, векам священном имени,
Мечте звучит заветный зов.
Молюсь кровавой тайне Римини
Пред завесой семи веков.

Франческа! Паоло! Вы вверили
Любви безумные сердца,
Вы юной страстностью измерили
Блаженство жизни до конца.

Вы не страшились — предсказанных
Страданий сказкой пренебречь,
Когда, в одном объятии связанных,
Вас поражал холодный меч!

Допыне тени нераздельные,
Вы рядом бродите в аду...
Что все мучения бесцельные,
Тем, кто блажен в своем бреду!

Франческа! счастьем ты отравлена!
Прелюбодейка и дитя,
Ты Дапте сумрачным прославлена,
Бессмертье дважды обрета.

Черновой автограф под заглавием «Из жизни Франчески да Римини» (ГБЛ) имеет другой вариант начала и эпиграф из стихотворения «Антоний»:

Как пимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любви.

В твоём, векам священном, имени
Есть вещей зов, благая весть.
И в страшной, темной тайне Римини
Бессмертное сиянье есть.

Блаженны души, опаленные
Любви неистовым огнем,
Как на живой костер, склоненные
На ложе страстное вдвоем; —

Они, блаженством оправдавшие
Судьбы бесстрастный приговор,
Под смертным лезвием упавшие, —
Уста к устам и взор во взор!..

В. Брюсов начал писать это стихотворение в 1905 г. (в это время он переводил «Ад» Данте). Многочисленные черновики относятся, по-видимому, к 1908 г., когда Брюсов совершил путешествие в Италию и перевел совместно с Вяч. Ивановым трагедию Д'Аннунцио «Франческа да Римини». В 1914 г. Брюсов продолжил работу над переводом «Ада», и в этот же год он завершает первый вариант стихотворения. Для последнего варианта Брюсов нашел новый поворот темы, связав его со славой города Римини. Трагической любви Франчески да Римини посвящена статья В. Брюсова «Герои д'Аннунцио в истории» (д'А н н у н ц и о. Собр. соч., т. 9. СПб., изд-во «Шиповник», 1909); см. также т. 1, с. 654.

В з н е с е н н ы й (стр. 100) — «Миг». Беловой автограф без заглавия.

А п р е л ь (стр. 101) — Р, г. Вязники, 1921, кв. 5. Строка 12 исправлена по верстке с правкой.

Е в р е й с к и м д е в у ш к а м (стр. 101) — «Миг». Беловой автограф без заглавия. В 1914 г. Брюсов принял близкое участие в судьбе молодой еврейской скрипачки Марии Вульферт, которую ему удалось устроить в Варшавскую консерваторию. Вероятно, знакомство с Вульферт натолкнуло поэта на тему этого стихотворения. *Тальсен* — город в Польше. *Матерь Ревекка* — по библейской легенде, мать братьев Исава и Иакова. *Дева Рахиль* — см. прим. на с. 552. *Мессия* — по библейской легенде, избавитель человеческого рода.

В этот цикл входило стихотворение «С земли до звезды», напечатанное в сб. *В ТД* под заглавием «От столетий».

ИЗ ПРЕЖДЕ В ТЕПЕРЬ

Грядущий гимн (стр. 103) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия. *Илион* — см. прим. на с. 561.

Октябрь 1917 года (стр. 104) — *ХС*, 1921, кн. II, под псевдонимом: Анатолий Галахов. И. Г. Эренбург вспоминает о Брюсове: «Он верил, что революция коренным образом переменит все; говорил мне, что социалистическая культура будет отличаться от капиталистической столь же сильно, как христианский Рим от Рима Августа» (Собр. соч., т. 8. М., «Художественная литература», 1966, с. 228). *Иды марта...* — 15 марта 44 г. до н. э., день убийства Юлия Цезаря Брутом и другими заговорщиками. *Четырнадцатое декабря...* — День восстания декабристов в 1825 г. *Двадцатого июня 1789 г.* в Париже депутаты третьего сословия собрались в манеже и поклялись не расходиться, пока не будет дана конституция. *Десятый день августа...* — День провозглашения республики во Франции и низложения короля Людовика XVI. *Скорбный день — брюмер...* — 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. Наполеон совершил государственный переворот и был провозглашен пожизненным консулом. *Франция явила два пыланья — февральской и июльской новизны...* — Речь идет об Июльской революции во Франции в 1830 г. и Февральской — в 1848 г. *Декабрь...* — Имеется в виду декабрьское вооруженное восстание в Москве, 1905 г.

Коммунарам (стр. 104) — *ХС*, 1921, кн. II, под псевдонимом: В. Бакулин. (Бакулин — фамилия деда Брюсова). Рукопись без даты. Датируется по первой публикации. *Лабиринтцы* — жители критского лабиринта, побежденные греками (см. работу Брюсова «Учителю учителей»). *Ты, круг священный Пифагора...* — Греческий философ Пифагор (см. прим. на с. 570) основал религиозно-философское общество, уделявшее особое внимание числовой и геометрической структуре; самыми прекрасными из всех тел пифагорейцы считали шар и круг. В V в. до н. э. многие пифагорейцы были убиты и сожжены. *Вальденцы*, или «Лионские бедняки», — христианская секта (XII в.), проповедовавшая добровольную нищету. Секта подвергалась жестоким преследованиям. *Виклиф Джон* (1320—1384) — английский религиозный реформатор. Считал, что церковь должна подчиняться светской власти. Был объявлен еретиком. *Ян Гус* (1371—1415) — вождь национально-освободительного движения в Чехии, предтеча Реформации. *Синай* — см. т. 1, с. 591. *Иступленный Иоанн* Лейденский (1509—1536), вождь секты анабаптистов, глава коммуны в г. Мюнстере (Вестфалия), которая 16 месяцев сопротивлялась армии феодалов. После поражения коммуны был казнен. *И вы, кто жертвой искуплений, легли в Париже, у стены...* — Речь идет об участниках Парижской коммуны, расстрелянных в 1871 г. у стены кладбища Пер-Лашез. *Как в басне, из зубов дракона...* — Согласно античному мифу, аргонавт Язон засеял поле зубами дракона, и на нем выросли воины.

О клики (стр. 105) — газ. «Красный воин», М., 1921, 7 ноября, № 43.

Советская Москва (стр. 106) — «*Миг*». *Фермопиль* — ущелье, где в 480 г. до н. э. произошла битва между многотысячной армией персов и отрядом спартанцев в 300 человек. Все

спартанцы погибли, но армия персов потеряла около 20 000 человек и не была пропущена. *Зеркала Архимеда* — согласно легенде, знаменитый греческий математик и физик Архимед с помощью зеркал поджигал в море неприятельские корабли.

ПРОСВЕРК

Сее т Хронос (стр. 108) — журн. «Зритель», М., 1922, 15 января, № 1, без заглавия. Беловой автограф без заглавия. *Хронос* (греч. миф.) — бог времени. *Аркадские басни...* — Аркадия — мифическая страна счастья и благополучия. *Воды Геллы* (греч. миф.) — Гелла во время бегства от злой мачехи упала в воды пролива, получившего название Геллеспонт. Совр. название — Дарданеллы.

За чем? (стр. 109) — сб. «Автографы», М., 1921. *Мистраль* — резкий северный ветер на юге Франции. *Стигматы* — язвы, возникающие иногда у религиозных фанатиков в местах, пробитых гвоздями при распятии Христа. *Виктория-регия* — гигантская водная лилия тропических районов Южной Америки. *Ориноко* — река в Южной Америке.

Над сном надежд (стр. 109) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия.

Инокognito (стр. 110) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия.

Искра (стр. 111) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия.

Звено в цепь (стр. 112) — альманах «Рассвет», М., 1922, кн. 1, без заглавия и без третьей строфы. Печатается по *Круг*. Беловой автограф без заглавия, без третьей строфы. *Царица Савская* — см. третью книгу Царств, гл. X. *Это потому, что когда-то у стен Ветилуи...* — Речь идет об осаде иудейского города Ветилуи ассирийским войском (Библия, книга Иудифи).

ТЕНЬ СВЕТА

Вскрою двери (стр. 113) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия. *Элисса* — Дидона — см. т. 1, с. 648. *Встань, Царица, на груди с егидной...* — Клеопатра покончила с собой, прижав к груди ядовитую змею. *Изотта* — старофранцузское написание имени Изольды, героини средневековой легенды. Покончила с собой после смерти своего возлюбленного — Тристана. *Как Улисс поил вас кровью строф...* — В XI песне «Одиссеи» рассказывается, что Улисс поил кровью жертвенных животных тени умерших, чтобы получить предсказание у прорицателя Тиресия. *Иола* — дочь эхалийского царя Еврита, которую полюбил Геракл.

Этот вскрик (стр. 114) — «*Миг*». Черновой автограф без заглавия. 7 мая 1921 г. Брюсов заменил строфу 4, которая первоначально читалась:

Ах! лишь раз бы ранил пояс белой млечности
Сном, что не был прожит в буйстве всех веков!
Пусть, когда мы станем прошлым, в бесконечности
Грозных бездн тревожит волю новый зов!

Быль мрак (стр. 114) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия.

К у б о к Э л л а д ы (стр. 115) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия. *Перика* (490—429 гг. до н. э.) — государственный деятель древних Афин. *Эсхил* (525—456 гг. до н. э.) — греческий драматург. *Халдея* — страна на юге Месопотамии (конец II тысячелетия до н. э.). *Мидия* — страна на северо-западе Ирана, существовавшая в VII—VI вв. до н. э.

Д а л ь (стр. 115) — «*Миг*». Беловой автограф с правкой без заглавия. *Теогония* (греч. миф.) — родословная богов. Стихотворение обращено к Адалис.

К о н д о р (стр. 116) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия. Это стихотворение перекликается со стихотворением Леконта де Лиля «Дремота кондора», переведенного В. Брюсовым (см. *ПСС*, *XXI*).

В е ч е р н я я ф л е й т а (стр. 117) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия.

Е щ е т а к н е ж н ы... (стр. 117) — «*Миг*». Беловой автограф без заглавия. *Пеан* — победная песнь.

ДОМ ВИДЕНИЙ

Д о м в и д е н и й (стр. 119) — «*Миг*». Беловой автограф с правкой без заглавия. В конце рукописи набросок другого окончания:

Прибавить пламенем произженный ярус
И в нем зажечь маячные огни,
Чтоб тени мрачные они
Мечом луча кругом пронзили,
В блеск новых снов преобразили.

Чтоб ожили сны старины,
Повторены, претворены,
Чтоб осенью мечта о лете
Слепила вдаль глаза столетий!

Эпиграф из стихотворения Ф. Тютчева «Душа моя — Элизиум теней...». *Элизиум* (греч. миф.) — «острова блаженных», где находились тени умерших героев и праведников. *Апостат* (Отступник), прозвище римского императора Юлиана (IV в. н. э.), последнего язычника на римском троне. *Сократ и Горгий*... — Беседа этих двух греческих философов (V в. до н. э.) изображена в диалоге Платона «Горгий». *Статеры* — греческие монеты. *Парос* — белый мрамор.

ПИФАГОРЕЙЦЫ

П и ф а г о р е й ц ы (стр. 122) — *ХС*, 1920, кн. I, под псевдонимом: В. Бакулин. *Пифагор* (ок. 571 — ок. 497 гг. до н. э.) — древнегреческий ученый и философ. О жизни, деятельности и учении Пифагора сохранилось мало достоверных сведений. В городе Кротоне он основал пифагорейский союз, который получил широкое распространение и в других городах. Этот союз являлся религиозно-философской и политической организацией древнегреческой аристократии. Просуществовал он до второй половины IV в. до н. э. *Солон* (ок. 640—559 гг. до н. э.) — афинский мудрец и законодатель. *Из Египта письма атлантов*... — В работе «Учители учителей» В. Брюсов

нишет: «Откуда идет традиция об Атлантиде? Для нас древнейшим письменным свидетельством остаются два диалога греческого философа Платона (429—347 гг. до р. Х.), то есть сравнительно очень поздняя запись... В обоих рассказ вложен в уста некоего Крития, но и тот передает предание не от своего лица, а как пересказ того, что три поколения назад сообщал и тогда же записал мудрец Солон. А Солон, в свою очередь, утверждал, что почерпнул свои сведения у египетских жрецов, когда жил и учился в Египте». *Орихалк*. — «Из металлов, перечисляемых Платоном, останавливает внимание таинственный орихалк. Было сделано много предположений об том, что должно разуметь под этим названием. Кажется, вопрос разрешается весьма правдоподобно, если допустить... что орихалк это — алюминий» (В. Брюсов, Учители учителей).

ДАЛИ

Сборник «Дали. Стихи 1922 года» вышел в Государственном издательстве, М., 1922 г.¹ тиражом в 2500 экз. В предисловии Брюсов писал: «Стихам, собранным в этом сборнике, может быть сделан упрек, что в них слишком часто встречаются слова, не всем известные: термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события. Автор, конечно, должен признать этот факт, но не может согласиться, чтобы все это было запретным для поэзии. Ему кажется, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием. Было бы несправедливо, если бы поэзия навеки должна была ограничиться, с одной стороны, мотивами «о любви и природе», с другой — «гражданскими темами». Все, что интересно и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии.

Могут возразить, что поэт, идя по такому пути, придет к стихам, недоступным для широких кругов читателей. На это автор имеет два возражения.

Во-первых, общедоступность произведений поэзии (и вообще искусства) — фикция. В настоящее время читатели расслоены по образованию, по подготовке, в силу исторических условий; одним Пушкин «доступен», другим нет. Но читатели останутся расслоенными всегда, при любых, самых идеальных условиях, в силу индивидуальных склонностей, в силу того, что одни посвящают жизнь одному делу, другие — другому; в данный исторический момент всегда будут произведения, доступные более широким и менее широким кругам.

Во-вторых, поэзия вовсе не должна ограничиться и научными темами. От ученого мы требуем, чтобы он не замыкался в области своих специальных изысканий, чтобы часть работы, и значительную часть, он посвящал также распространению знаний и применению их к нуждам сегодняшней жизни. Так, от художника мы ждем, что он использует средства своего искусства и для целей ближайших (вплоть до пропаганды и агитации), даст и ряд произведений, доступных широко. Но как ученый должен отдавать силы исследованиям, назначенным для специалистов, так художник может работать над темами, обращенными к более узким кругам.

¹ В ГБЛ хранится верстка сборника с датой на штампе 9. V. 1922 г.

Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы¹. В области науки мы различаем длинную градацию произведений, от специальных трактатов,двигающих знание, до популярной брошюры. Такую же градацию мы должны установить для созданий искусства. Из того, что «Начала» Эвклида теперь доступны школьникам, не следует, что они выше, значительней, чем «мемуары» Гаусса, поныне читаемые лишь математиками. Что «сказки» и «легенды» Льва Толстого понятны почти каждому грамотному, не значит, что они художественнее, чем «Война и мир».

Между развитием науки и искусства и их распространением есть тесная связь. Чтобы плодотворно работала народная школа, должны существовать университеты и исследовательские институты. Только там возможна успешная популяризация знаний, где наука идет вперед. Только там искусство проникает в народ, где оно живо, не стоит на месте, ищет новых путей...

Автор, однако, чувствует, что сказал больше, чем требовалось от предисловия. Дело в том, что автор отнюдь не считает свою книжку стихов каким-то специальным исследованием, доступным лишь для посвященных. В конце концов, вопросы, затронутые в этих стихах, все должны быть достаточно знакомы среднему образованному человеку наших дней. Так что многое в предыдущих строках было сказано лишь «к слову».

Тем не менее автор еще раз признает, что стихи этой книги (не все, а некоторые) иногда требуют от читателя больше внимания и больше сведений, чем стихи его же других книг (хотя бы сборника, изданного Гос. изд-вом: «В такие дни»). Чтобы несколько ориентировать читателя, в конце книги приложены «некоторые пояснения», касающиеся, впрочем, только слов, менее распространенных, так как о том, что такое «плеозавр» или «Бергсон», можно, в крайности, справиться и в другом месте.

Валерий Брюсов

Р. С. Все стихи, включенные в этот сборник, написаны за первые четыре месяца 1922 года, январь — апрель.

Брюсовская датировка стихотворений сборника в предисловии не совсем точна, так как ряд стихотворений написан в ноябре — декабре и даже в мае 1921 г.

Научная поэзия интересовала Брюсова всю жизнь. Еще в 1909 г. в статье «Научная поэзия» (*РМ*, 1909, № 6) Брюсов писал: «Изменяются воззрения человечества на природу и вселенную, на вопросы добра и зла; изменяются все взаимоотношения между людьми; изменяются все формы жизни; но поэзия как будто не замечает ничего из этого. Какие бы проблемы ни волновали современное общество, поэты не смеют к ним и приступить и продолжают лепетать прежние песенки: о лунных ночах, о прелести весны, о красоте моря, о устах милой, о свирели пастушка... Мы живем в мире телеграфов, телефонов, биржи, театров, ученых заседаний, океанских стимеров, поездов-молний, а поэты продолжают оперировать с образами, нам совершенно чуждыми, сохранившимися только в стихах, превращающими мир поэзии в мир неживой, условный...

Такому пониманию поэзии, как случайного выражения своих впечатлений и личных переживаний, как чисто схоластической раз-

¹ Этот вопрос рассмотрен более подробно В. Брюсовым в статье «Синтетика поэзии» (см. сб. под ред. В. Брюсова «Проблемы поэтики», М.—Л., 1925).

работки однажды навсегда установленных тем, — искатели «научной поэзии» противопоставляют свой идеал искусства, сознательного, мыслящего, определенно знающего, чего оно хочет, и неразрывно связанного с современностью».

Книга «Дали» почти не была замечена критикой. В одной из немногочисленных рецензий калужская газета «Коммуна» отмечала: «В то время как Бальмонт, Сологуб, Вячеслав Иванов и иные меньшего «формата», в сущности, всецело заняты перепевом своих прежних произведений, Валерий Брюсов нашел и новые мысли, и новые формы для своих новых стихов».

Правда, этого нельзя было определенно сказать про его недавние книги «В такие дни» и «Миг», и только последний сборник стихов Валерия Брюсова «Дали» с очевидностью подтверждает, что поэт в стихах этой книги отразил глубины волнующейся мировыми вопросами современной души» (газ. «Коммуна», 1922, 4 октября, № 224).

ВЕКА И ПРОСТРАНСТВА

К р а с н о е з н а м я (стр. 133) — МП, 1922, 3 июля, № 3, под заглавием «К новому». Беловой автограф с заглавием «Красное знамя». «Мойры — богини судьбы. Дике — богиня справедливости. По слову поэта — намек на стихи Тютчева:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

.....
<Он> заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил».

(Прим. Брюсова). Цитата из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон».

М ы в с е — Р о б и н з о ы (стр. 134) — «Дали». «Вихрь электронов». — Современная физика рассматривает атом как систему, где вокруг центрального ядра вращаются электроны. *Налет кометы*. — Намек на возможность столкновения земли с кометой. (Прим. Брюсова.) *Стимер* (от англ. steamer) — пароход.

К р у г а м и д в у м я (стр. 135) — «Дали». Беловой автограф под заглавием «Предельная роза», с последней строфой:

Искрометно гремящий трамвай —
Изумруды в пещере Аладдина...
Дней, почей, лет, столетий канва,
Где предельная роза не найдена!

«Иония — ионический стиль. Драконы Медеины. — Медея бежала из Коринфа на колеснице, запряженной крылатыми драконами». (Прим. Брюсова.) *Андромаха* — супруга троянского героя Гектора; символ преданной и любящей жены.

Л е г е н д а л е т (стр. 135) — «Дали». *Длится вечность Фаусту с Еленой*... — Во второй части «Фауста» Гете Фауст воскрешает с помощью Мефистофеля героиню «Илиады» Елену Прекрасную.

П р и н ц и п о т н о с и т е л ь н о с т и (стр. 136) — «Дали». «Оси сдвинуты». — Намек на утверждение А. Эйнштейна, что «такое воззрение (принцип относительности) несовместимо с теорией Ньютона». *Leges motus* (лат.). — Законы движения (небесных тел),

формулированные Ньютоном. До чего, современники... и т. д. — Народная речь Ф. Прокоповича на погребении Петра I». (Прим. Брюсова.) Проповедь архиепископа Ф. Прокоповича (1681—1736) при погребении Петра I, произнесенная 1 марта 1725 г., долгое время считалась образцом красноречия. Она начиналась так: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россiане! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребает! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение?» (П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, с. 319). *Самое Время — канатный плясун...* — Намек на то, что в теории относительности время зависит от скорости движения.

N i h i l (стр. 137) — альманах «Современник», М., 1922, сб. 1. *P o u s t o* (стр. 137) — «Дали». Беловой автограф без заглавия датирован 11 января 1922 г. Третья строфа была приписана 17 февраля 1922 г. «*Pou stô* — где бы статья; намек на слова, приписываемые Архимеду: «дай (мне точку опоры), где бы статья, и я переверну мир». *Страх, что враг... черенка скрип...* — Намеки на быт каменного века. *Скреп Эвклидовых.* — Намек на то, что современная математика сомневается, соответствует ли реальное пространство Эвклидову». (Прим. Брюсова.) *Орфик* — автор священных гимнов, последователь Орфея. Брюсов «намеренно строил свои стихи 1922—1924 годов, — пишет Д. Максимов, — на принципе стилистической кафофонии, ритмических переборах, синтаксических разрывах, тяжелых скоплениях согласных, стремясь к тому, чтобы отменить гармоническую основу русской поэзии предшествующих периодов. В противовес символистской лирике, отличавшейся расточительным отношением к словесному материалу, Брюсов выдвигает в стихах своих последних сборников принцип максимального сгущения, предельного лаконизма» (Д. Максимов. Брюсов, Л., «Сов. писатель», 1969, с. 237—238).

М ы и т е (стр. 138) — «Дали». Тема встречи с неземными цивилизациями часто возникает у Брюсова. В начале 1922 г. в печати часто сообщалось о принятых радиосигналах, якобы имеющих внеземное происхождение. Это и следующее стихотворение Брюсова, возможно, вызваны этими сообщениями. «*Светогода* — расстояние от земли до звезд измеряется числом лет, в какое это пространство проходит луч света. *Пифагором...* — Птоломей. — Пифагор и его ученики развивали в древности учение о гелиоцентрической системе мира; в этом смысле они «победили» господствовавшую после геоцентрическую систему, творцом которой был Птоломей. *E pur se* (muove) — «а все-таки» (движется), восклицание, приписываемое Галилею. *На Венере градусы...* — См. след. стихотворение». (Прим. Брюсова.)

Р а з о ч а р о в а н и е (стр. 139) — «Дали». Стихотворение является поэтическим откликом на бывшее в 1922 г. великое противостояние Земли и Марса. «*Лед и зной лишь...* — Новейшие исследования точно определили среднюю температуру поверхности планет, для Марса около -70° , для Венеры $+70^{\circ}$. *Звезд ряды строить...* — Намек на изменения взаимного расположения звезд, в зависимости (для земного наблюдателя) от поступательного движения солнца и (абсолютно) от их собственного поступательного движения». (Прим. Брюсова.) *Лилит* — по древнееврейским преданиям, первая жена Адама. *Аспид* (аспидная доска) — слоистый материал черного цвета. *Всех семи планет...* — Всего в Солнечной системе девять крупных планет. Брюсов, естественно, не считает Землю и также Плутон, который был открыт только в 1930 г.

Данные о температуре планет, приводимые Брюсовым, устарели. Автоматическая межпланетная станция «Венера-8» в июле 1972 г. сообщила, что температура у поверхности Венеры около 470 градусов, орбитальная станция «Марс-3» в конце 1971 г. замерила у северной полярной шапки температуру 110 градусов ниже нуля.

Молодость мира (стр. 139) — «Дали». «Лемуры — по оккультной традиции, первая раса, достигшая на земле сравнительно высокой культуры (на исчезнувшем материке в Тихом океане). Персеиды — периодический поток метеоритов». (Прим. Брюсова.) **Совет в Рапалло**. — Брюсов имеет в виду договор, заключенный между Германией и Советской Россией в 1922 г. в итальянском городе Рапалло. **Делия** — героиня лирических стихотворений римского поэта Альбия Тибулла (I в. до н. э.). **Риккертланство** — идеалистическое философское направление. **Тезей** — см. т. 1, с. 625. **Санта-Маргарита** — местечко близ г. Рапалло в Италии, в котором в 1922 г. состоялась Генуэзская конференция (см. также прим. на с. 577).

МИНУТЫ

Там, в днях... (стр. 141) — «Дали». Брюсов снабдил это стихотворение следующим примечанием: «*Муть Саргассо* — скопление водорослей в океане. *Персей познал Пегасо...* — Не античный миф, но в духе поэмы Э. Верхарна «Персей» (Les Rythmes souve-gains). *Пизарро* — завоеватель Перу. *Ахей* — общее название для грека у Гомера; *трой* — правильное, чем *троянец*» (лат. Tros, Trois; греч. Τρόες). В поэме Верхарна рассказывается, что Персей усмирил крылатого коня Пегаса силой слова, певчим пением. Франсиско *Писарро* (ок. 1471—1541) — испанский конкистадор, с небольшим отрядом покоривший государство инков. **Лемма** — теорема, не имеющая самостоятельного значения. **Тристан** — см. прим. на с. 569.

Весенняя песня о любви (стр. 142) — «Дали». «*Вигонь* — животное, водящееся в Андах. *Проделки Лесажевы*. — Намек на роман Лесажа «Хромой бес». *Артур* — намек на рыцарей «круглого стола». *Миоцен* — геологический термин. *Древних дебрей слеза* — янтарь. *Джон Фич* — один из изобретателей, ранее других применивший паровой двигатель к передвижению судов (пароход); не признанный современниками, Джон Фич кончил жизнь самоубийством, бросившись в реку Делавар (открыта в 1610 г. лордом de la Warr)». (Прим. Брюсова.) **Мюрже** Анри (1822—1861) — французский писатель, изобразивший в романе «Сцены из жизни богемы» полунищенское существование молодых художников (артистов). В плутовском романе Алена Ренэ *Лесажа* (1668—1747) бес делает стены домов прозрачными, показывая герою быт без прикрас. **Миоцен** — подотдел третичного периода, в который образовались материка и горные цепи.

С Ганга, с Гоанго... (стр. 142) — журн. «Жизнь», М., 1922, № 1. Сохранился черновой набросок двух первых строф:

С Ганга, с Гоанго, под гонг, под кимвалы
В пропасть, где лопасти в свисте машин,—
С Ладоти — в пагоды, льдины на лалы,
К южным жемчужинам рдяный рубин!

Строги дороги размеренной страсти.
Слушай, как в уши стучит метроном,
Жадностью радостей жутко не засти
Светов ответных в провале земном!

«Фризские каналы — каналы Голландии. *Марбургство* — философское направление. *Венера* — правильнее, чем Венэра (*лат. Venus, Veneris*). Но для названия планеты можно оставить Венэра, см. выше. *Татлин* — современный русский художник. *Лабрадорские седины* — льды Лабрадора. *Локуста* — отравительница эпохи Нерона, жившая в квартале Рима — Субурре. *Стесихор* — древнегреческий поэт, автор хоровых гимнов». (Прим. Брюсова.) *Гоанго* (Хуанхэ) — река в Китае. *Майоран* — травянистое растение с белыми или красноватыми цветами, обладает пряным запахом.

Годы в былом (стр. 143) — «Дали». «В *Иосафатовой долине*, по христианской легенде, предстоит воскресение мертвых». (Прим. Брюсова.)

Лишь миги (стр. 144) — журн. «Жизнь», М., 1922, № 1. «*Киприда* (Афродита) — родилась из морской пены». (Прим. Брюсова.)

В прятки (стр. 144) — «Дали».

От виска и до виска (стр. 145) — «Дали». «Так как... стихотворение передает «бред», то с него нельзя спрашивать географической и зоологической точности. На *Самоа*, в Тихом океане, конечно, «тигры» не рыщут». (Прим. Брюсова.)

Кто? — мы? иль там... (стр. 146) — «Дали». «*Сан-Марко* два жгута... — Две колонки в Венецианском соборе San Marco, имеющие форму жгутов; по преданию, конечно, недостоверному, составляли часть храма Соломонова. *Франклинова игла* — громотвод. *Мимнере* — первый поэт-эротик, известный нам в древнегреческой литературе. Ему принадлежат стихи:

Есть ли и жизнь, есть ли счастье, помимо златой Афродиты!

Пусть я умру, если мне этого больше не знать!

Ur-Mensch — прачеловек». (Прим. Брюсова.)

Под зимним ветром (стр. 146) — «Дали». «*Гаттерас* — герой романа Жюль Верна». (Прим. Брюсова.)

Искушение гибели (стр. 147) — «Дали». Беловой автограф с правкой, имел первоначальное заглавие «Соблазн гибли». «*Дракн* — назывались корабли викингов. *Лонуа*, *Роальд* — см. роман о Тристане и Изольде. *Ad aras* — у алтарей. *Александр В<еликий>* в том месте, откуда, по настоянию войска, он должен был вернуться от пределов Индии в Персию, воздвиг 12 огромных алтарей, «вышиною равных величайшим военным башням, шириной их превосходивших» (см. Agriani Anabasis, V, 29). *The imp of the perverse* — термин Эдгара По; в переводе К. Бальмонта (не очень удачном) — «демон извращенности». *Антония черти...* — На многочисленных картинах Босха и др. «Искушение св. Антония». *Дорога здесь...* — Цитата из «Родословной моего героя» Пушкина». (Прим. Брюсова.) *Мессина* (Мессения), *Лакония* — области Древней Греции. *Лонуа*, завоевавший *Роальду* подарок... — Лонуа — родина Тристана. Победив убийцу своего отца герцога Моргана, Тристан отвозывает Лонуа и передает ее во владение своему воспитателю Роальду Твердое Слово. *Лейбницева монада* — в философии Вильгельма Лейбница (1646—1716) непротяженная, неделимая духовная единица; простая субстанция. *С Арионом на дельфине...* —

Греческий поэт и музыкант Ариоп (VII—VI вв. до н. э.). Согласно легенде, моряки во время путешествия задумали убить и ограбить Ариопса. Он попросил разрешения спеть в последний раз и бросился в море. Зачарованный его пением, дельфин вынес его на берег. *Саламандра*. — Согласно мифам, саламандра не сгорала в огне. «Дорога здесь» — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Езерский» (строфа 14). Приводим отрывок из нее:

Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные...

После стихотворения «Искушение гибели» в макете книги «Дали» предполагалось еще одно стихотворение. На отдельном листе написан заголовок: «Теперь и после», ниже помета карандашом: «М<ожет>», будет дано в корректуре.

ЧУТЬ СКВОЗЬ УЛЫБКУ

Над картой Европы 1922 г. (стр. 149) — *МП*, 1922, 12 июня, № 1, под заглавием «Карта Европы в 1922 г.». «*Столы Мелькарта*», позже Геркулеса — Гибралтарский пролив. *Колхида* — Кавказ. *Край Перикла* — Атика. *Край Лисандра* — Спарта. *Царства Мидий* — Персия. *Газдрубал* — полководец карфагян в их последней борьбе с Римом. *На Оссу Пелион...* — Намек на сказание о борьбе гигантов с Зевсом. *Крон* — Хронос. (*Прим. Брюсова.*)

Перед съездом в Генуе (стр. 150) — «Дали». Генуэзская конференция — происходила в Генуе (Италия) в апреле — мае 1922 г. Это была первая конференция по экономическим и финансовым вопросам, на которую были приглашены представители Советской России. *Всех церквей эпо...* — Речь идет о новой экономической политике советского правительства, когда были разрешены частная торговля и мелкое производство. *Малый парадис* — малый рай; вероятно, здесь в смысле маленький мирок личного счастья. «*Атрий* (правильнее, чем «атриум») — центральное помещение в др. римском доме, где обычно был водоем». (*Прим. Брюсова.*)

Сегодня (стр. 151) — «Дали». «*Занзибар* (в Африке) — шумный, торговый город. *Гавайские* (Сандвичевы) острова (в Тихом океане) — поныне лесисты. *Мандрагоры* — намек на роман «Мандрагора», имевший большой успех в Германии за годы после войны». (*Прим. Брюсова.*) *Калиостро* (Джузеппе Бальзамо, 1743—1795) — известный итальянский авантюрист, выдававший себя за пророка и мага.

Прикованный Прометей (стр. 152) — «Дали». В черновом автографе строфа 2:

Вы, там везде, где имя — миллионы,
Над плугом, у станка, в корчмах, в палатах,—
Что мучить мысль о правдах и расплатах,
Когда вершат судьбой людей — ионы!

Примечания Брюсова: «Намек на теорию, согласно которой все первые возбуждения в человеке (следовательно, вся его психика), обусловлены числом ионов в крови. *Мелитта* — финикийская Афро-

дита. *Ронсеваль* — ущелье, где погиб Ролан. *Электролиты* — вещества, распадающиеся в растворах на ионы. *Арианы* — намек на драму Метерлинка «Ариана и Синяя Борода». *Калатари* — пустыня в Африке. *Мицелл* — группа молекул в белковых растворах. *Прометей* — после стовечкового мучения был освобожден Гераклом». *Песни Гулистана* — речь идет, очевидно, о поэме персидского поэта Саади (около 1210—1292). В настоящее время теория, о которой рассказывается в этом стихотворении, отвергнута наукой.

Загадка Сфика (стр. 152) — «Дали». «*Плюшар* — издатель «Энциклопедического лексикона». Il mondo poco — «мир мал», восклицание, приписываемое Колумбу. *Скотт* — один из исследователей, достигших Южного полюса. *Пури* — исследователь, достигший Северного полюса. *Спиралей пляску...* — Ввиду поступательного движения солнца, истинные пути планет в пространстве должны представлять собою никак не эллипсы, но кривые, приближающиеся к спирали, определить природу которых еще невозможно при современном состоянии математики. *Простые числа*. — Теория чисел до сих пор не дала точных методов для определения природы простых (первоначальных) чисел и порядка их размещения в ряде натуральных чисел». (Прим. Брюсова.) *Эдип* — см. прим. на с. 562.

Пленный лев (стр. 153) — «Дали». «*Килиманджаро* — гора в тропической Африке, букв. — гора Нджаро, демона, приносящего холод. *Заира* — река в Африке (неправильно называемая Конго), на которой ряд водопадов (Стенли, Ливингстона и др.)». (Прим. Брюсова.) *Алтаир* — звезда первой величины в созвездии Орла. После стихотворения «Пленный лев» в макете сб. «Дали» предполагалось поместить стихотворение под названием «Пристань».

Новый синтаксис (стр. 154) — «Дали». Рукопись без заглавия. Датируется по первой публикации. В статье «Смысл современной поэзии» Брюсов писал: «Перед современной литературой, прежде всего перед современной поэзией, стоит ответственная задача: создать такие новые формы, которые могли бы вполне выразить новое содержание жизни. Предстоит вновь овладеть стихией языка... Поэты должны организовать этот новый язык, найти новые слова для новых понятий, вдохнуть жизнь в разные, столь многочисленные у нас словообразования, откинуть все лишнее, освятить своим авторитетом удачное. Помимо выработки нового словаря, поэты должны создать и новый синтаксис... более приспособленный к речи ... более отвечающей быстроте современной мысли, привыкшей многое только подразумевать» (ХС, 1921, кн. II, с. 46). «*Эдита* — намек на легенду об Эдите Лебединой Шеи, искавшей тело Гаральда на Гастингском поле. *Хеми* — Египет. *Шлак в Иохимстале* — содержит в себе урановую руду (радий). *Сын Креза* был нем до отрочества и заговорил под влиянием испуга, когда, при взятии Сард, смерть грозила его отцу. *Метценджер* и *Матисс* — современные французские художники; *супрематизм* — новейшее направление в живописи». (Прим. Брюсова.)

СТИХИ О ГОЛОДЕ

Стихи о голоде (стр. 156) — газ. «Известия», М., 1922, 5 апреля, № 77. Датируется по первой публикации. Это стихотворение — страстный отклик поэта на голод 1922 г., охвативший 35 губерний, когда голодало около 40 млн. человек. «*Халдеи* — первые

определили видимые пути планет между звездами; из «*эллинов*» мерил «просторы неба» еще Анаксимандр, точнее — Архимед и др. *Танганайка* — озеро в Африке. *Пи* — термин элементарной математики». (Прим. Брюсова.) *Оркан* — название тропических циклонов, образующихся в южном полушарии. *Апатура* — бабочка-радужница. *Чимборазо* — одна из величайших вершин Южно-американских Анд в Эквадоре.

МЕА

Сборник «Меа¹. Собрание стихов 1922—1924», М., вышел в Государственном издательстве тиражом 5000 экземпляров. З. И. Ясинская вспоминает, что во время похорон Брюсова студентам его института по дороге на кладбище «раздавали маленькую последнюю книжку стихотворений В. Я. Брюсова «Меа», что значит: «Спешите!» По странной иронии судьбы она вышла из печати в день похорон Брюсова — 12 октября, когда спешить автору книжки было уже некуда, и название ее звучало символично, как последний призыв и завет поэта, обращенный к живым» (*Чтения*, 1962, с. 318).

В послесловии к сборнику Брюсов привел первый абзац из предисловия к сб. «Дали» (см. с. 570). Далее Брюсов писал: «Продолжая стоять на той же точке зрения, имея в виду проложить пути к «научной поэзии», автор и в стихах этого сборника не считал возможным «приспосабливаться» к тому или иному уровню понимания. Он писал для читателя, который знает столько же, сколько он сам, и не настолько нескромен, чтобы считать такое требование преувеличенным. Понимая, однако, что один более ориентирован в одной области, например, в механике, в технике, другой — в другой, например, в истории, автор сознавал, что отдельные термины и намеки могут оказаться неизвестными отдельным читателям. Поэтому автор и к этому сборнику, как к предыдущему, был принужден присоединить «примечания», в которых, настолько кратко, насколько то возможно, пояснены наименее известные имена, названия и т. п. Само собой разумеется, что словам общеизвестным, как Наполеон, Шекспир, Гете, Седан, Ренессанс, атавизм, атолл, координата, алгоритм и т. п., объяснений не дано».

В архиве поэта (ГБЛ) имеется другой вариант послесловия, написанный в 1924 г.: «В предисловии к своей книге «Дали» я объяснял, почему писать стихи, понятные «для всех», — невозможно. При этом имею в виду не то, что надо учиться читать стихи, как учатся смотреть картины или слушать музыку. Имею в виду просто понимание самих слов. Автору могут быть хорошо знакомы такие научные темы, такие исторические факты, такие имена, термины, слова, которые тем или другим читателям неизвестны. Как поэту ограничить себя, запретить себе говорить об этом, что иному читателю может оказаться непонятно. И нужно ли такое ограничение? Не значит ли это насильственно закрыть в поэзию доступ всем проблемам современной науки, всем вопросам политической и общественной жизни, всем примерам из прошлых веков? Или в поэзии все это должно быть излагаемо «упрощенно», и книга стихов, выходя за

¹ Ме а — латинское слово (повелительное наклонение от глагола *meare*), значит: «спешите». (Прим. Брюсова.)

пределы тем о «любви» и «природе», непременно должна становиться «популяризацией»? Я этого не думаю. Я считаю, что поэт не только вправе, но и обязан идти в ногу с современным знанием. Стихи — не забава, и книга стихов — столь же «серьезное» чтение, как любое научное сочинение. Конечно, никак не возражая против «популяризующей» поэзии (как есть учебники, есть научно-популярные книжки), я настаиваю, что поэзия должна двигать мысли вперед, а не топтаться в мыслях, избитых и истолченных в ступе сколько-то веков назад. В своих последних сборниках стихов («Мир», «Дали») я занят исключительно (может быть, потому, что мне уже не так много осталось писать стихов и надо «спешить») — темами более сложными. Это вынуждает меня делать намеки на некоторые данные науки, истории и т. п., вероятно, не всем знакомые. Желание быть сжатым, ведет еще к некоторой осложненности синтаксиса, что, конечно, еще более затрудняет понимание текста. К сожалению, я не вижу возможности помочь этому без ущерба для сущности дела. Все, что я могу сделать, — и что я делаю в своих последних сборниках, — это присоединить к книге краткие «примечания», которые, может быть, объяснят некоторые выражения, наименее употребительные, термины, наименее известные, и намеки, наименее ясные».

В рецензии на сборник в *КН* литературный критик и поэт К. Лаврова писала: «В этом сборнике с символическим и многозначным заглавием, в сборнике тематически чрезвычайно пестром — последняя дань большого и умного поэта веку и его кумирам и своим личным, общественным и профессиональным пристрастиям. Сборник открывается циклом «В наши дни»: патетика революции, приветствия и размышления, пожалуй, главным образом, — размышления в торжественных и даже пышных словах; конечно — в привычной манере эрудита: от древности, от исторических камней — к кипению вихрей этого дня, к предчувствию будущей «эры эр»... Стихи этого сборника обременены обычной для Брюсова книжной мудростью и атрибутами ученого аппарата в стиле, ритмически нарочито (из-за профессионального пристрастия) усложненным; конструкция фразы произвольно затруднена иногда ради эффектов рифмы; словарь изобилует терминами и именами. Книжка в конце снабжена объяснительными примечаниями. Рекомендовать сборник можно только для читателя, уже в достаточной мере искушенного» (*КН*, 1924, № 7-8, с. 382—383).

В НАШИ ДНИ

М а г и с т р а л ь (стр. 161) — газ. «Известия», М., 1924, 6 февраля, № 30, под заглавием «СССР». В черновом автографе строфы 2:

Войнами царства страдали, как родами...
Армии шли убивать, умирать...
Кто-то добычу делил... Не народы лишь,
Та, от труда в бой влекомая рать!

Строфы 6 и 7:

Те, кто привыкли быть первыми, званными,
Поработив труд на радость себе...
Но — ветер взывал над земными саваннами,
Буря, что издавна тлела в судьбе.

Буря, чтоб сбросить победно, решительно
Жизнь, что себя до конца изжила.
В страшных развалах, в разгроме крушительном
Подлинно новая эра взмогла.

«Лемуры, атланты — полумифические расы, создатели первых культур на земле». (Прим. Брюсова.) Семирамида (IX в. до н. э.) — легендарная ассирийская царица. Пуанкаре Раймон (1860—1934) — французский президент (1913—1929).

После смерти В. И. Ленина (стр. 162) — газ. «Известия», М., 1924, 29 января, № 23. З. И. Ясинская вспоминает: «Смерть вождя революции потрясла и ошеломила нас. В день смерти Владимира Ильича, подавленные, нигде не находя себе места, мы, не сговариваясь, без всякого зова, сошлись к полуночи под красные знамена брюсовского института, забились в помещение ячеек... Далеко за полночь пришел ректор, бледный, как будто ставший еще стройней и выше ростом, спрашивающим взглядом окинул всех собравшихся и молча, быстро, неслышной походкой своей двинулся к дальнему углу, где потеснились, уступив ему место. Он сел к столу, опустил голову на руки. Было очень тихо. Глухие рыдания потрясли его согнутую спину» (*Чтения, 1962, с. 317*).

Ленин (стр. 163) — однодневная газ. «Ленин», М., 1924, январь, под заглавием «Эра». Еще задолго до революции Брюсов с большим вниманием и уважением следил за деятельностью В. И. Ленина: «Однажды, — вспоминает И. М. Брюсова, — в разговоре с одним поэтом Валерий Яковлевич сказал: «Скоро все переменится, ведь приехал Ленин!» — «А кто такой Ленин?» — спросил молодой поэт. Валерий Яковлевич встал и, слегка дотронувшись до плеча своего собеседника, удивленно спросил: «Как, вы не знаете, кто такой Ленин? Погодите, скоро все узнают Ленина» (В. Брюсов. Избранные стихи. «Academia», 1933, с. 144). В интересной работе С. Л. Гольдина «Брюсов и революционное подполье» приводится допесение полицейского агента за 1907 г., в котором сообщается, что Брюсов в дружеском кругу московских литераторов исключительно высоко отзывался о Ленине. В речи на торжественном заседании в Московском Доме печати в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина в апреле 1920 г. Брюсов сказал: «...мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего... Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего... Пройдут поколения, и они... также будут изучать и восхищаться образом тов. Ленина» (журн. «Экран», М., 1928, № 4).

Исследователь творчества В. Брюсова Б. М. Сиволов пишет об истории создания стихотворения «Ленин»: «...в то время как поэт продолжал еще работать над его окончательной отделкой, к нему явились представители московских литературных организаций и, невзирая на сопротивление поэта, не желавшего в таком виде отдавать свое произведение в печать, опубликовали его в однодневной газете «Ленин». Несмотря на экстренность такого предприятия, каким явилось издание газеты, посвященной Ильичу, Брюсов решил незамедлительно напечатать второй, исправленный вариант своего стихотворения» (*Чтения, 1963, с. 66—67*). Этот вариант появился в «Известиях», 1 февраля 1924 г.

У Кремля (стр. 164) — газ. «Известия», М., 1924, 12 октября, № 234. В черновом автографе строфа 6:

Ей пусть простят в огнях миганье:
 Ей дрожь нова, как жизнь вокруг,
 Как нов восторг — сливать дыханье
 С ста миллионов грудей вдруг.

На своем юбилейном вечере в Большом театре 17 декабря 1923 г. Брюсов прочел стихотворение «У Кремля». *Шпре* — в Берлине, *Понтийские болота* — под Римом, *Темза* — в Лондоне, *Гоанго* — в Китае, *Непал* — в Индии и т. д.). (Прим. Брюсова.)

Шестая годовщина (стр. 164) — «*Меа*». Беловой автограф под заглавием «Новый 1923—VI год». Выступая перед студентами ВЛХИ в связи с пятой годовщиной Октября, Брюсов говорил: «Наступают дни, когда вся новая Россия, весь РСФСР поминает свой Красный Октябрь, ту революцию, величайшую из всех известных в истории, которая вывела нас на пути новой жизни. Эта революция не только пересоздала Россию, но и сделала из нее великий пример всем народам, показала реальную возможность создать трудовое государство в современных условиях и указала единственный правильный метод к тому: диктатуру рабочего класса» (журн. «Новый мир», М., 1957, № 11, с. 314). *Люстр* — пять лет, промежуток между торжественными жертвоприношениями в Риме; *би-люстр* — десять лет.

СССР (стр. 165) — «*Меа*». Черновой автограф без заглавия. «*Ж созвездию Геракла* (Геркулеса), предположительно, направляется наше солнце в своем поступательном движении по пространству». (Прим. Брюсова.)

ЗСФСР (стр. 166) — «*Меа*». ЗСФСР образовалась в марте 1922 г. в результате объединения Армянской, Азербайджанской и Грузинской социалистических республик. В статье «О новом русском гимне» В. Брюсов писал: «Братство народов, населяющих Россию, их содружественный труд на общее благо, память о лучших людях родной истории, те благородные начала, которые отныне должны открыть нам путь к истинному величию...» (альманах «Ветвь», М., 1917). *Сателлиты* — здесь планеты-спутники. *Глядит к Алагязе седой Арарат*... — «В народных армянских песнях гора Арарат олицетворяется в образе седого старика и стоящая рядом гора Алагяз, или Алагяза, — в образе красивой девушки». (Прим. Брюсова.) *Яфетиды* — древнейшие народы. *Диადочи* — см. прим. на с. 586.

Штурм неба (стр. 167) — альманах «Лет», М., 1923, с посвящением М. С. Григорьеву. «*Персей и Икар*, в греческих мифах, — люди, летавшие на искусственных крыльях; *Леонардо да Винчи* и *Гойа* — художники, изображавшие летающих людей; «*вскрылит великая птица*...» — слова Леонардо да Винчи о летающем человеке; в полумифической *Атлантиде* люди, по преданию, умели летать. — В *Жювизи* — под Парижем, были одни из первых, после изобретения аэроплана, полетов, на которых автор присутствовал. *Кудрино* — площадь в Москве. «*Allons, enfants...*» и «*Ça ira!*» — революционные песни, соответствующие нашему гимну «Вставай, пробуждайся». (Прим. Брюсова.) «*Allons, enfants de la patrie...*» (франц.) — «Вперед, сыны отчизны милой...» — начальные слова «Марсельезы» Руже де Лилиа (1760—1836). «*Ça ira!*» (франц.) — «Это будет!» — слова припева революционной песни XVIII в. *Фарман* — одна из первых моделей самолета, названная по имени конструктора.

Э р ы (стр. 168) — «*Меа*». «*Сан-Франсиско* (то есть С.-Франциско), *Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы* — города, где происходили особенно сильные землетрясения (до японского, происшедшего после того, как стихи были написаны). *Самоа, Камерун, Того, Эюд-Африка, Вест-Африка, Каролины, Маршаллы* — бывшие колонии Германии. *Киры, Кадмы* и др. — знаменитые в древности государи. *Парфенон* и *Пергамский алтарь* — известные памятники античной <архитектуры и> скульптуры. *Веды, Книга Мертвых* и др. — древнейшие памятники литературы. *Мардук* — финикийский герой-бог. *Эйнштейн, Кантор* — математики. *Деви, Пристли* и др. — химики и физики. *Помпей* — правильнее, чем Помпея». (Прим. Брюсова.) *Пансейсм* (в «*Меа*» ошибочно Пансейм) — всемирное землетрясение. *Скайскрапер*, точнее скайскрапор (от англ. skyscraper) — небоскреб.

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

М а ш и н ы (стр. 170) — «*Меа*». *Змеи интеграла...* — «Интеграл означается знаком $\int$; d — условное обозначение дифференциала, f — функции». (Прим. Брюсова.)

Н е в о з в р а т н о с т ь (стр. 171) — «*Меа*». Черновой автограф под заглавием «Correspondances» с пометой: «переделано» и без пятой строфы. *Correspondances* (франц.) — соотношения. «Движение планет вокруг солнца по эллипсам есть лишь условное допущение. В силу поступательного движения солнца, подлинныя кривые, вычерчиваемые планетами в пространстве, нам неизвестны. *Фильма*, популяризующая «принцип относительности Эйнштейна», в 1923 г. обошла все кино Европы. *Гольфштрем, Куро-Сиво* — большие океанские течения». (Прим. Брюсова.) *Гераклит* (ок. 544 г. до н. э. — год смерти неизв.) — древнегреческий философ-материалист, автор известных изречений: «Все течет, и все изменяется»; «В один и тот же поток нельзя войти дважды».

М и р э л е к т р о н а (стр. 172) — МП, 1922, 18 сентября, № 14, под названием «Атом». «Современная физика рассматривает атом как систему, где вокруг центрального ядра вращаются электроны». (Прим. Брюсова.)

М и р Н и з м е р е н и й (стр. 172) — «*Меа*». Беловой автограф имел первоначальное заглавие «Пространство N измерений». В своих лекциях в ЛИТО Брюсов говорил: «...Кажется, что пространство, в котором мы живем, то есть которое воспринимается человеком, кажется, что пространство это не есть эвклидовское, а какое-то иное» (лекция № 1, 1920, ГБЛ). «Математика допускает возможность измерений свыше третьего, чему посвящен ряд исследований. *Пифагор* учил о «музыке сфер». *Демокрит* — основатель атомистической теории. *Лобачевский, Риман* — математики, много сделавшие для так называемой «не-эвклидовой» геометрии». (Прим. Брюсова.)

Я в ь (стр. 173) — «*Меа*». «*Малларме* — французский поэт. *Флорида* — в Америке, *Уэльс* — в Англии. *Хорь и Калиныч* — герои Тургенева. *Домби* — герой Диккенса». (Прим. Брюсова.) *Бармы* — оплечья в одежде русских царей и князей, украшенные драгоценными камнями. *Изотермы* — линии, соединяющие на карте точки с одинаковой средней температурой.

К а к л и с т ь я в о с е н ь (стр. 174) — «*Меа*». «*Как листья в осень...*» — «См. «Илиада», песнь VI, стих 446 и сл.: «Листьям

в дубравах подобны мы все, сыны человеков...» — и т. д. Вопрос о возможности *научным путем* бороться со смертью составлял предмет изысканий философа Федорова. (*Прим. Брюсова.*) Философ-мистик Н. Ф. Федоров (1828—1903) в книге «Философия общего дела» утверждал, что в будущем, когда человечество расселится в космосе и потребуются много людей, наука найдет способ воскрешать мертвых. Брюсова с детских лет волновала проблема межпланетных сообщений. Одно из первых его произведений (1895) — неопубликованный роман «Гора Звезды» рассказывает о пришельцах с Марса. Юный поэт так серьезно отнесся к теме, что даже проделал расчеты и выполнил чертежи для иллюстрации романа (см.: *ЛН*, т. 27-28, с. 477). Сохранились черновики неоконченного рассказа Брюсова «Экспедиция на Марс». Любопытен следующий отрывок из брюсовского «Предисловия редакторов» к этому рассказу: «Известно, что принципиально проблема межпланетных сообщений была решена еще в начале XX века, причем первые межпланетные корабли, сконструированные в то время, получили название «ракетных» по характеру тех двигателей, которыми они были снабжены. Однако на твердую почву конструкция подобных кораблей стала лишь с того времени, когда удалось найти практическое применение внутриатомной энергии и использовать ее в качестве моторной силы» (*ГБЛ*).

А т а в и з м (стр. 175) — «*Меа*». «*Приматы* — человекоподобные обезьяны. Некоторые натуралисты предполагают, что и обезьяна и человек развились из первобытного ящера. *Мост Ницше* — его учение о сверхчеловеке (человек есть «мост» к сверхчеловеку). *Силен*, по античным мифам, был бессмертен, но его ноги были с копытами». (*Прим. Брюсова.*)

Х в а л а з р е н и ю (стр. 175) — *МП*, 1922, 7 августа, № 8. *Аэролит* — метеорит.

В ДЕРЕВНЕ

Н е п а м я т ь... (стр. 177) — «*Меа*». «Автор — внук костромского крестьянина». (*Прим. Брюсова.*) Дед поэта, Кузьма Андреевич Брюсов (1817—1891), был крепостным у помещицы Ф. Ала-лыкиной. Предки поэта были крепостными графа А. Р. Брюса, отчего и возникла фамилия Брюсов.

Р о д н о е (стр. 178) — *КН*, 1923, № 3. «*Беарн* — во Франции, *Берн* — в Швейцарии. *Серебряная латынь* — условный термин латинского языка I—II в. по р. Х.». (*Прим. Брюсова.*)

И з л е с н о й ж у т и (стр. 178) — *КН*, 1923, № 3, под заглавием «В лесной жуте». «*Рюбецаль* — горный дух в германских народных сказаниях». (*Прим. Брюсова.*)

У м и л ь н ы е с л о в а (стр. 179) — *МП*, 1922, 17 июля, № 5. «*Эрлкёниг* («лесной царь») и *Лорелеи* — образы германских народных сказаний». (*Прим. Брюсова.*)

Л е с н а я т ь м а (стр. 180) — «*Меа*». Черновой автограф без заглавия, со строками 5 и 6:

Гуд оживленного металла
Прогнал богов, и власть ума
Во тьму вихрь света разметала,
Чтоб стала свет — лесная тьма.

Сквозь этот зов, гул своеправный
Теперь насквозь прошел наш ум,—
И предо мной, поэтом, равны
И матор, и «зеленый шум»!

«Пан — в греческой мифологии — божество природы. Дриады — там же — лесные полубожества». (Прим. Брюсова.) Василиск — мифическое животное, убивавшее взглядом.

Дождь перед ночью (стр. 181) — журн. «Россия», М., 1924, № 1. Черновой автограф имел заглавие: «Преднощный дождь». «При суточном движении земли тень непрестанно подвигается, как и день, с востока на запад. Пумы, змеи, колибри — фауна Америки». (Прим. Брюсова.)

Зимой (стр. 181) — «Меа». Фригия — северо-западная часть Малой Азии, для эллинской культуры символ варварства.

Современная осень (стр. 182) — «Меа». Черновой автограф имел заглавие: «Prosit осени» и последнюю строфу:

Где ж мне! Что ж мне! Как мне долг дополнить,
Если ты, под шум, под вздох, под просвет,
Чаркой брезжишь? Ах! весь день до полдня
Знать мне завтра осень в просьбе: Prosit.

Ночь Жуковских, Тютчевых... — «См. стихи Жуковского «Ужо утомившийся день...», Тютчева — «Тени сизые смешались...» и др. Геката — луна». (Прим. Брюсова.)

ИЗ КНИГ

Книга (стр. 183) — «Меа». Один из автографов имеет заглавие: «Связки белых параллелограммов», «Белые параллелограммы» — страницы книги; черные черточки — буквы на ней. Аустерлиц, Ваграм, Ватерлоо — известные места сражений Наполеона. Риккерт и Мах — философы. За гранью далее — на других планетах». (Прим. Брюсова.)

Общая станция (стр. 184) — «Меа». Черновой автограф с пометой: «ночь, 3 часа». Тэн Ипполит (1828—1893) — французский теоретик искусства и литературы, философ, историк. Монада — здесь, низший организм, переходный от растений к простейшим животным. Август Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император. «Гея — в греческой мифологии — богиня земли. Ступени (лестницы) Иакова — библейское сказание. Ариосто — итальянский поэт XV—XVI вв. Пир у феаков описан в «Одиссее» Гомера. Эриннии — божества из др.-греческой мифологии. Конфуций — китайский мудрец». (Прим. Брюсова.) Из Санцио Счастливица «Афинская школа»... — На фреске Рафаэля Санцио (1483—1520) «Афинская школа» в Ватикане изображены великие ученые и художники всех эпох, как современники.

Тетрадь (стр. 184) — «Меа». В черновом автографе строфа 2:

Правда ль? Клише ль? — вермишель, свежих, дряхлых
Снимков, гравюр, диорам, карт; — лапша
Мифов, трактатов, каталогов — в ряд их
Ставь, лик за ликом, в воде, She-Aishà!

Там же строфа 7:

Правда ль? Клише ль? спят гиганты (Случевский)
В нас. Их будить (тралить сны) сил не трать!
Ниящий богач! В Дантов ад, в вихрь Франчески,—
Эллин и скиф, лейбниц-глифы, тетрадь!

«*Лейбниц-глифы* — знаки, которые философ Лейбниц предлагал как систему универсального письма и которые представляли бы не звуки, а идеи. Далее следуют краткие характеристики разных эпох и народов всемирной истории. *С утра* и др. — индусы. *Сутки в седле* и др. — скифы. *Babel und Bibel*¹ — (заглавие популярной книги Ф. Делича) и др. — халдо-вавилоняне, у которых Библия заимствовала многие из своих сказаний и которые придавали особое значение числам: 7, 12, 60. *В белый мрамор* и др. — эллины. *Тоги* и др. — римляне. *Тут же суд* и др. — первые христианские общины, собиравшиеся в катакомбах. *Замок* и др. — феодальное средневековье. *Брат ли Кабраль кораблю* — эпоха Возрождения, с ее океанскими экспедициями конкистадоров, с развитием заморской торговли Фландрии и т. п. (Педро Альварес Кабраль — мореплаватель, 1460—1526 г., открывший Бразилию). *Вопль толп* и др. — эпоха капитализма. *Жизнь вошь* и др. — будущее. *Вновь у башни троянской* и др. — намек на известные стихи Гомера, «Илиада», песнь III, стихи 145 и сл. *Übermensch* — сверхчеловек». (Прим. Брюсова.) *Майя* — обманчивая видимость мира. *Мантра* — короткая молитва или заклинание у индусов.

Е л е н а у П а р и д а (стр. 185) — «*Меа*». «Пересказ сцены, изображенной Гомером, «Илиада», песнь III, стихи 418—448. *Краяня, Крава́н* — остров». (Прим. Брюсова.) *Атрид* — Менелай, муж Елены, сын микенского царя Атрея.

Д и а д о х и (стр. 186). — «*Меа*». «*Диадокси* — общее название для ближайших преемников Александра Македонского, основателей так называемых «эллинистических» царств. Диадокхамн были и *Селевк* и (Деметрий) *Полиоркет*. *Край Хем* — Египет. «*Достойнейшему*», по преданию, завещал Александр свою империю. *Александриями* назывался целый ряд городов, основанных Александром в разных странах. Исторический смысл эллинизма заключался в том, чтоб объединить культуры *Запада* (Эгейи, Элады) и *Востока* (Передней Азии, Египта); позднее Рим объединил эту эллинистическую культуру и культуры крайнего Запада (италийские, друидические и др.) в единой античной». (Прим. Брюсова.) *Бактрия* — местность в районе Гиндукуша, одна из сатрапий Александра Великого.

Б о д л е р (стр. 187) — «*Меа*». *Бодлер* Шарль (1821—1867) — французский поэт. Брюсов в критико-биографическом очерке, приложенном к его переводам Бодлера, пишет: «Бодлер занимает во французской поэзии обособленное место. Романтик по воспитанию, парнасец по стилю, реалист по приемам творчества, он не принадлежал ни к какой школе, он создал свою. Он не лирик, пересказывающий в своих стихах личные горести и радости; но он и не спокойный воссоздатель исторических и экзотических картин: он первый поэт современности. Бодлер осмелился воплотить в поэзии, в стихах, всю сложность, всю противоречивость души современного человека. Он заглянул в темную сторону души, нашел красоту и

¹ «Вавилон и Библия» (нем.).

поэзию там, где до него видели только отвратительное: во зле, в пороке, в преступлении. В то же время Бодлер один из первых создал поэзию современного города, поэзию современной жизни, ее мелочей, ее ужаса, ее тайны» (*ПСС, XXI*, с. 253—254). Брюсов снабдил стихотворение примечанием: «В стихотворении ряд намеков на поэмы и отдельные стихи Бодлера: «Гимн Сатане», «Каин и Авель», «Падалъ», «*Emporte-moi, vagon! enlève-moi, frégate!*» и др. (*Ерaves*)» — заглавие одного цикла стихотворений Бодлера (и одной посмертной книги). *Бездна коммун* — Парижская коммуна 1871 г. *Нево*, в библейском предании, гора, с которой Моисей обозрел «обетованную землю», вступить в которую ему не было дано». (*Прим. Брюсова.*) *Вторая империя* — время правления во Франции Наполеона III (1852—1870). *Лансье* — разновидность кадрили. *Валансьен* — вид кружев, получивших название по французскому городу, где они вырабатывались. *Каиниты* — религиозная секта II в., чтит Каина и Иуду. *Надир* — см. прим. на с. 565. *Седан* — город во Франции, около которого германские войска окружили в 1870 г. французскую армию и заставили ее капитулировать.

В а р и а ц и и, на тему «Медного всадника» (стр. 188) — «*Меа*». Беловой автограф под заглавием «Вариации». П. П. Лозовский вспоминает: «Однажды Валерий Яковлевич дал нам задание — написать стихи, близкие по духу пушкинским — по размеру и стилю «Медного всадника», но чтобы они были не подражанием, а совершенно оригинальными. Через неделю, когда мы собрались на очередное занятие по стихологии, он спросил: «Что же, приготовили?» Никто из нас, конечно, этого задания не выполнил. Мы смущенно молчали, некоторые виновато и робко оправдывались. «Ну, а я свое слово сдержал и прочту вам стихи». Валерий Яковлевич встал. Охватив тонкими кистями спинку стула и слегка наклонясь вперед, начал читать «Вариации на тему «Медного всадника»... Стихи лились. Все больше и больше разгорался взгляд чтеца, устремленный куда-то вдаль, поверх наших голов, словно следивший за неистовым галопом медного всадника; голос повышался, но без обычного у поэтов декламационного завывания, приобретал звучность и торжественность... Великая любовь к Пушкину прозвучала в этих «Вариациях» (*Чтения, 1962*, с. 339—340).

А. В. Луначарский, вспоминая торжество в Большом театре, посвященное 50-летию В. Я. Брюсова, писал: «...Мы чествовали Брюсова... И вот в самом конце Брюсов заявил, что вместо благодарности он попытается прочесть несколько своих стихотворений. Он вышел на авансцену. Он был бледен, как смерть, страшно взволнован. Он чувствовал, что в этот момент лично выступает перед народом, представленным этой переполненной залой, и своим четким, хотя глуховатым голосом, слегка картавя, стараясь говорить как можно громче, он прочел свой ответ на пушкинскую тему «Медный всадник» и свой гимн новой Москве. В ритме этих стихотворений, каждым обороте и образе, как и в этом бледном лице с загоревшимися глазами, со спутанным вспотевшим чубом надо лбом, было столько энтузиастической веры в новую грозную и плодотворную силу, что зал разразился громкими аплодисментами, и все почувствовали, как потускнели остальные моменты юбилейного чествования» (газ. «Правда», М., 1924, 12 октября, № 233). Любопытный анализ «Медного всадника» как поэтического ответа на сатиры А. Мицкевича «*Ustęp*» приведен В. Я. Брюсовым в его комментариях к Собр. соч. А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1909,

с. 456—472 (см. также: В. Брюсов. *Мой Пушкин*, ГИЗ, 1929, с. 63). *Стоял он...* — «Он вариаций — Пушкин; время действия — эпоха польского восстания 1831 г. *Двое под одним плащом* — Пушкин и Мицкевич; сохранилось известие, что Пушкин и Мицкевич однажды, во время непастьи, укрывались у памятника Петра, под одним плащом. *Народы мира и т. д.* — Намек на стихи Пушкина к Мицкевичу, мечтавшему «о временах, когда народы; распри позабыв, в великую семью соединятся». (Цитата из стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» — Р. Щ.) *Другой* — Мицкевич. *Здесь* — на Сенатской площади. *Первой вольности предтечи* — декабристы. *Вильгельм* — школьный товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, один из декабристов, сосланный в Сибирь. В стихотворении — ряд стихов и выражений из «Медного всадника» Пушкина. Мысль «Вариаций» подсказана прекрасными вариациями Б. Пастернака, которому автор почтительно посвящает эти стихи». (Прим. Брюсова.) Брюсов имеет в виду цикл стихов о Пушкине Б. Л. Пастернака под названием «Вариации», напечатанный впервые в 1923 г. в альманахах «Круг» (№ 2). Одна из вариаций — «Подражательная» — начиналась первыми строками вступления к «Медному всаднику».

МЫСЛЕННО

Мысленно, да! (стр. 190) — «*Меа*». «*Бирма* — в Индо-Китае. *Мози-оа-Тунья* (то есть «дымы делают шум») — водопад на реке Замбези, в Африке, который Ливингстон предлагал назвать водопад Виктории. *Сирий* — правильное, чем Сириус». (Прим. Брюсова.) *Мальстрем* — см. т. 1, с. 610.

Молодость мира (стр. 191) — журн. «Петроград», 1923, 3 июня, № 3. Черновой автограф имеет эпиграф: «Их свободно и вольно в мечтах узнают. ВН». Приводя по памяти эпиграф, Брюсов ошибся: это строка из стихотворения «В раю» (УО). На рукописи пояснение: «*Люцифер* — утренняя звезда, планета Венера». «*Церлина*, *Дон Жуан* — типы из комедии Мольера. *Вобан* — знаменитый французский инженер XVII в. *Лаплас* — знаменитый астроном. *Дюрер* — знаменитый художник». (Прим. Брюсова.) *Один* — см. т. 1, с. 604.

Над снегом Канады (стр. 191) — сб. «Навстречу», М., 1923. «Картина *Оттанукэгла* нарисована по изображениям американского писателя Ч. Робертса». (Прим. Брюсова.) Чарлз Робертс (1860—1943) — канадский писатель и натуралист.

В Тихом океане (стр. 192) — «*Меа*». «*Дж. Кук* (1728—1779) — известный английский мореплаватель, один из первых обследовавший южную часть Тихого океана». (Прим. Брюсова.)

Марриэтовы мичманы (стр. 193) — «*Меа*». По воспоминаниям И. М. Брюсовой, Брюсов в последние годы жизни «поглощал невероятное количество романов Купера, Марриэта, Дюма и т. п. Надо полагать, что он читал их для маленького Коли < племянника >, которому многие из них были прочитаны с заранее отмеченными купюрами» (Н. А. Пушкин, Валерий Брюсов, М., 1929, с. 379). *Марриэт* Фридерик (1792—1848) — английский писатель, автор многочисленных романов о морских приключениях. «Имеются в виду такие романы Марриэта, как «Питер Симпль», «Мичман Изидр». (Прим. Брюсова.) *Антилла* — см. т. 1, с. 635. *Антиллы* — Антильские острова в Карибском море.

Песня девушки в тайге (стр. 194) — *КН*, 1923, № 3.
Где-то (стр. 195) — «*Меа*».

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Та же грудь (стр. 196) — «*Меа*». «...Брокен — в германских сказаниях место, где справляли свой шабаш ведьмы». (*Прим. Брюсова.*)

Это я (стр. 197) — «*Меа*». Выкрик детской мечты: это — я! Второй сборник стихов Брюсова назывался «*Meum esse*» (Это — я).

У Смерти на примете (стр. 197) — «*Меа*». «Заглавие взято из стихов Адалис: «Опять у смерти на примете...». *Тень к свету* — путь в поэме Данте, из ада через чистилище к раю. *Гаучосы* — конные пастухи Ю. Америки». (*Прим. Брюсова.*) *Иаков* — младший из сыновей патриарха Исаака. В Библии (книга Бытия, гл. XXVIII) рассказывается, что Иакову приснилась уходящая в небо лестница, стоя на которой бог обещал процветание его роду.

Домовой (стр. 198) — «*Меа*». «*Эдгаров Янек*... — Волкан Янек, «что огнем кипит подо льдом» — в поэме Эдгара По «Улалюм». (*Прим. Брюсова.* — ГБЛ).

Ариадне (стр. 199) — «*Меа*». Беловой автограф имеет эпиграф: «Ариадна! Ариадна! Ты, кого я на песке... В. Б.» — из стихотворения «Жалоба Фессея» (см. с. 27).

Мертвец (стр. 199) — «*Меа*». В черновом автографе строфа 5:

Ты, чтоб своим лыняным
Покровом плотно кутать
Мечты векам иным,—
Любовных язв цыкута!

«*Халд* — правильное, чем халдей. *Селена* — луна. *Хлоя* и *Дафнис* — известный др. греч. роман». (*Прим. Брюсова.*)

Так вот где... (стр. 200) — «*Меа*», с датой 1922 г. Автограф датирован 16 ноября 1923 г., имеет заглавие «Час сумрачных разлук» (зачеркнуто — «Разрыв») и эпиграфы из стихотворения Тютчева «1 декабря 1837» и стихотворения Брюсова «Гимн Афродите» (*В ТД*):

Так здесь-то суждено нам было...
Где поздних бледных роз дышаньем
Декабрьский воздух разогрет.

Ф. Тютчев

Что видеть мне в час сумрачных разлук
Разомкнутым кольцо горячих рук.

Валерий Брюсов (1920)

Кураре — сильный яд, изготавливаемый индейцами. *Пентакль* — пятиконечная звезда, служившая прежде магическим знаком.

Два крыла (стр. 201) — «*Меа*». В автографе под заглавием «Для двоих» после строф 4 и 5:

И истины спутались (в лабиринте нить Эллина!):
На меня намечтала ты же, чем юность увлечь,
И мудрые тайны, как над пифийской расщелиной,
Обретал я, вдыхая ласковость плеч.

Что нам разных названий измятые мантии,
Терпши хвал и венки укоризн!
Оба пили мы нектар на Олимпе Романтики,
Иль амбросия — символ? Эликсир — футуризм?

«В стихотворении имеются в виду разные сборники стихов автора, которые выходили под заглавием: «Пути и перепутья», «Зеркало теней», «Все напевы», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена», «Опыты», «Миг», «Дали», «В такие дни» и сборник стихов Адалис под заглавием «Первое предупреждение». *Казот* — французский писатель XVIII в., с которым связаны разные легендарные сказания». (Прим. Брюсова.) *Рим и мир миновала я, ты — первое предупреждение объявляла, вступая в жизнь...* — Неточность, допущенная Брюсовым. Сборник «*Urbi et Orbi*» («Риму и миру») вышел в 1903 г., А. Адалис родилась в 1900 г. Сб. Адалис «Первое предупреждение» не был издан. *Евридику жалит из трав* — см. т. 1, с. 623.

Пятьдесят лет (стр. 202) — «*Mea*». В белом автографе, с подзаголовком: 1873—1923, строки 29—48:

Всех минут зов был труд, каждый день был ступень, год за годом!
Вышла... Тишина... Звезды — весть... Но ведь знаю,
Есть для рук сильных круг — шире! Есть даль иная!
Только бы дней! Вдвое вольней буду всходить! Ветер, непрошен ты!
В новый обзор дай кинуть взор, раньше, чем вниз ринусь я,
сброшенный!

БРЕДЫ

На рынке белых бредов (стр. 204) — «*Mea*». «*Игуанадон* — вымершее животное. *Les Soirs* — сборник стихов Э. Верхарна <«Вечера»>. *Мойра* — судьба. *Фра-Беато* Анджелико — художник, любивший изображать ангелов. *Vicentoro* — праздничный корабль венецианского дожа». (Прим. Брюсова.) *Кайман* — американский крокодил. *Написями «А. М. Д.»* — Намек на строфу «Сцены из рыцарских времен» А. Пушкина: «Полон чистою любовью,|| Верен сладостной мечте,|| А.М.Д. своею кровью|| Начертал он на щите». *А.М.Д.* — Ave, Mater Dei (лат.) — радуйся, мать божья; начало католической молитвы. *Казуар* — птица, обитающая в Австралии. *Эсхил* (525—456 гг. до н. э.) — греческий драматург. *Ойра* (или ой-ра) — название популярного танцевального мотива начала XX в. *Фрина* — греческая гетера, натурщица скульптора Проксителя (IV в. до н. э.).

Ночь с привидениями (стр. 205) — «*Mea*». «*Гоплиты* — тяжеловооруженные воины в древней Греции». (Прим. Брюсова.) *Гоббс* Томас (1588—1679) — английский философ-материалист. *Новалис* Фридрих — литературный псевдоним немецкого поэта-романтика Фридриха Филиппа фон Гарденберга (1772—1801). *Федра* — см. т. 2, с. 405.

Симпосион заката (стр. 206) — «*Mea*». Беловой автограф имеет заголовок: «Пиршество. Симпосион заката». Черновой автограф — «Пьянство заката». «*Симпосион* — пир. *Стерлядь Державина* — намек на стихотворение Державина «Шекспирская стерлядь золотая...». Далее — такие же намеки на стихи Пушкина и Языкова. *Тинторетто* — итальянский художник XVI в.». (Прим. Брюсова.)

Карусель (стр. 206) — «*Меа*». «Кермесы — народные праздники во Фландрии, которые любил изображать Рубенс». (Прим. Брюсова.)

Волшебное зеркало (стр. 208) — журн. «Корабль», Калуга, 1923, январь, № 1-2 (7-8). «Заглавие намекает на известную сказку Г.-Х. Андерсена. *Ассурбанипал* — ассирийский царь. *Фидиев Zeus* — знаменитая статуя Зевса, исполненная Фидием из золота и слоновой кости (эбур). *Кук* — английская фирма, организующая поездки туристов. *Эгейская культура* предшествовала др. греческой на Балканском полуострове... (Прим. Брюсова.) *Мудания* — место заключения перемирия держав Антанты с Турцией 11 октября 1922 г. *Рапалло* — см. прим. на с. 575. *Цейс* — известная оптическая фирма. Имеется в виду перевернутый бинокль. *Оппозиция Марса* — великое противостояние Земли и Марса. *С.Т.О.* — Совет труда и обороны.

Дачный бред (стр. 209) — «*Меа*». В беловом автографе дата — 9 июля 1922 г., в черновом — 8 июля 1922 г. «*Жакерии* — вооруженные восстания французских крестьян в XIV в.». (Прим. Брюсова.) *Виллан* — крепостной крестьянин во Франции.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В. Я. БРЮСОВЫМ В СБОРНИКИ

Незадолго до смерти Брюсов отмечал: «Написано мною гораздо больше, нежели собрано в книгах. С конца 90-х годов я стал сотрудничать в разных журналах и газетах. За 25 лет я состоял сотрудником большинства выходивших за этот период повременных изданий, в том числе сборников и альманахов. В этих изданиях напечатано мною бесчисленное число статей, заметок, рецензий... Там же есть немалое количество стихов, рассказов и драматических сцен, также не включенных в отдельные издания. Пожалуй, еще большее количество написанного мною остается в рукописях» (сб. «Валернпо Брюсову», М., 1924, с. 14).

После смерти поэта вышли две объемистые книги — «Неизданные стихи 1914—1924 гг.», ГИЗ, 1928, и «Неизданные стихотворения», Гослитиздат, 1935, был предпринят целый ряд публикаций, — тем не менее значительная часть поэтического наследия Брюсова все еще остается неопубликованной. Настоящее издание также не исчерпывает искомого материала. Особенно много остается в архиве ранних стихов поэта (по собственным подсчетам Брюсова, к 1893 г. им было написано около двух тысяч стихотворений).

В данный раздел включены преимущественно законченные произведения, которые расположены в хронологическом порядке. До начала 1902 г. Брюсов вносил свои стихи в записные книжки, обычно с указанием даты. Позже он стал записывать их на отдельных листах и дату проставлял не всегда. В таких случаях дата написания определялась по хронологической раскладке неизданных стихотворений, произведенной И. М. Брюсовой.

Большинство стихотворений печатается по рукописям (ГБЛ). В этих случаях источник текста в примечаниях не оговаривается. Те стихотворения, которые публиковались автором при жизни, воспроизводятся, как правило, по этим публикациям.

Поэзия (стр. 213) — *Неизд. 1935*. Юноша В. Я. Брюсов, впервые посылая стихи в редакцию «Северного вестника» (20. VI. 1892), включил эту октаву в число лучших своих стихотворений. Брюсов писал редактору: «Выбирая эти шесть стихотворений, я старался избегать слишком субъективных, хотя бы с внешней стороны они и были отделаны удачно. Равным образом, я не брал тех, где не удовлетворяла меня форма, отказываясь при этом даже от лучших по содержанию» (*ГБЛ*). Анализируя ранее творчество Брюсова, Н. К. Гудзий замечает по поводу этого стихотворения: «Здесь Брюсов, видимо, под влиянием Ал. Толстого, пытается философски осмыслить существо поэзии» (*ЛН*, № 27-28, с. 219).

Поэзия (стр. 213) — газ. «Московский университет», 1965, 14 декабря, № 69. В другой редакции — в кн. А. Н. Емельянов-Коханский. «Обнаженные нервы». М., 1901, с. 24.

«Я за то свою мысль ненавижу...» (стр. 214) — впервые. В рукописи — посвящение: «Леле» — Елене Масловой (см. т. 1, с. 566).

При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов» (стр. 214) — *Неизд. 1935*. В рукописи под стихотворением приписка: «Конечно, я не назову себя Вашим последователем, но стремлюсь (*veux être*, как и другие, *moi-même original au soleil de la postérité, aimant Verlaine et ses vers*)¹. Поль Верлен (1844—1896) оказал огромное влияние на русский символизм и творчество раннего Брюсова. В 1911 г. Брюсов писал: «Я был едва ли не первым, кто начал переводить Верлена на русский язык, эти мои ранние опыты были напечатаны в сборниках «Русские символисты» (1894 и 1895 гг.), и тогда же (1894) вышел отдельной книжкой мой перевод «Романсов без слов». В этих опытах было гораздо больше усердия и восторга перед поэзией Верлена, чем действительно воссоздания его стихов на русском языке...» (П. Верлен. Собр. стихов в переводе В. Брюсова. М., «Скорпион», 1911).

Тема предчувствий (стр. 214) — *Неизд. 1935*.

«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...» (стр. 215) — *Неизд. 1935*, с ошибочной датой. По всей вероятности, посвящено Н. А. Дарузес (см. т. 1, с. 570).

«Чужда мне красота раскинутых степей...» (стр. 215) — впервые.

«Гнутся высокие лотосы...» (стр. 216) — *Неизд. 1935*. В рукописи помета: «Кошмар». *Адамова* или мертвая голова — крупная ночная бабочка, обитающая в Африке, Азии и на юге Европы.

«У друга на груди забылася она...» (стр. 216) — впервые. К древнегреческому мифу о Тезее (Фесее) и Ариадне Брюсов обращался несколько раз. См. «Нить Ариадны» (*УО*), «Тезей Ариадне» (*Ст.*), «Жалоба Фесеея» и «Ариадна» (*ПМ*).

«Что за тени: ты ли, греза?...» (стр. 217) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Под окном». На рукописи помета Брюсова: «В Ch» (В «Шедевры»). В 1907 г. автор внес в текст стихотворения незначительные поправки.

«Печален был туманный взор...» (стр. 217) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Узор решетки».

¹ Быть... самим собою под солнцем вечности, любя Верлена и его стихи (*франц.*).

«Сегодня мертвые цветы...» (стр. 218) — впервые.
«Мне дорог весь мир...» (стр. 218) — впервые. Судя по положению в тетради, стихотворение написано между 24 и 29 декабря 1894 г.

Кучи свежеснегого снега (стр. 219) — *Неизд. 1935*. Позднее Брюсов вспоминал: «Под влиянием Эмара, Купера и Майн-Рида я затеял игру «в индейцы». Игра эта не прекращалась, следующий раз мы начинали ее с того момента, где остановились в предыдущий». (*Из моей жизни*, с. 19—20.)

«Слово бросает на камни одни бестелесны тени...» (стр. 220) — *Неизд. 1935*.

В библиотеке (стр. 220) — впервые. Вероятно, это стихотворение является первоначальным вариантом «Знаешь, Миньона, один только раз» — см. т. 1, с. 60.

«Призрак луны непонятен глазам...» (стр. 221) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Призрак луны». Судя по положению в тетради, стихотворение написано между 23 и 30 марта 1895 г.

«Светлым гаснущим закатом...» (стр. 221) — впервые.

«Умрем в объятиях полночной тишины!..» (стр. 222) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Все кончено».

«Белеет ночь. Деревья сквера...» (стр. 222) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Луна-химера».

«Небо задержала бледная пленка...» (стр. 223) — впервые.

«За годами год, девятнадцатый год...» (стр. 223) — *Неизд. 1935*.

«Грезы быстрые, как чайки...» (стр. 224) — впервые. Первоначальный вариант строф 2 и 3:

Область божеского блеска
Этим стуком смущена,
И невольно занавеска
Колыхнулась у окна.

Жизни свет пахнул в глаза мне,
Ясно мне, что был я слеп,
И все то, что было хлеб,
Только камни! Только камни!

«Вся жизнь моя — бесформенная греза...» (стр. 224) — *Неизд. 1935*.

Ранняя весна (стр. 225) — *Неизд. 1935*. К строке 8 помета Брюсова: «плохо. 1907».

«На самом дне мучительной темницы...» (стр. 225) — впервые.

«Безобоев бревна и тес...» (стр. 226) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Мечта человека».

«Я свечку погасил — и прямо под окном...» (стр. 226) — впервые.

Спинозианы (стр. 226) — *Неизд. 1935*. Судя по положению в тетради, стихотворение написано между 24 и 26 июня 1895 г. В рукописи зачеркнута строфа 3:

И пред образом конечным
Полон страхом и стыдом,
Я пытаюсь слиться с вечным,
Бесконечным существом.

По всей видимости, В. Брюсов намеревался написать цикл философских стихов. Еще в гимназии поэт заинтересовался идеями Спинозы. В марте 1894 г. в дневнике Брюсова запись: «Весною я увлекался Спинозой» (*ГБЛ*). В автобиографии Брюсов писал: «Другим моим увлечением того времени была философия: я прочел несколько курсов истории философии, читал Канта, Шопенгауэра, но более всего заинтересовался системой Спинозы, настолько, что читал «Этику» в подлиннике и написал к ней обширный комментарий» («Русская литература XX века». М., 1914, вып. I, с. 107). *Спиноза* (1632—1677) — голландский философ, развивавший учение о единстве материи и души. Спиноза признавал лишь одну субстанцию, называя ее по старой терминологии богом. В сущности, бог Спинозы — Природа.

«Я люблю у застав переулки Москвы...» (стр. 227) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета: «Из анапестов».

«Я часто размышлял о сущности вещей...» (стр. 227) — *Неизд. 1935*. Эпиграф из стихотворения Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...».

К ветрам (стр. 228) — впервые.

Два мака (стр. 228) — впервые.

Всталка (стр. 229) — *Неизд. 1935*. Стихотворение намечалось для цикла «*Satirae*».

Слишком (стр. 229) — *Неизд. 1935*.

«Торжественно-больное беспокойство...» (стр. 230) — впервые. Стихотворение намечено для цикла «*Satirae*». *Зороастр*, или Заратустра, — основатель древней персидской религии.

«Полно, не во сне ли видел я вчера...» (стр. 230) — *Неизд. 1935*.

«Иду по бульвару. В померкшей листве...» (стр. 231) — впервые.

Охота за кабаном (стр. 231) — *Неизд. 1935*.

«В глуби пустыни, в безвестном оазе...» (стр. 232) — *Неизд. 1935*, под заглавием «В глуби пустыни».

«Дрожащие листья на бледные щеки...» (стр. 233) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Дрожащие листья». 1 октября 1895 г. в дневнике поэта запись: «Вчера было горестное объяснение с Маней. Я сказал, что не люблю ее. В первый раз в жизни Маня была поэтична, плакала и говорила о смерти. В конце концов мне пришлось почти силой увести ее с бульвара... Смотрела Маня бледная, бледная — с заплаканными глазами, и на лицо ее шелестевшие листья клалли переменчивые тени» (*ГБЛ*). Маня — Мария Павловна Ширяева, см. т. 1, с. 571.

А. М. Добролюбову (стр. 234) — *Дневник*, с. 150. Александр Михайлович Добролюбов — см. т. 1, с. 615. 19 июня 1894 г. в дневнике поэта запись: «...Минувшая неделя была очень ценна для моей поэзии. В субботу явился ко мне маленький гимназист, оказавшийся Александром Добролюбовым. Он поразил меня гениальной теорией литературных школ, меняющей все взгляды

на эволюцию всемирной литературы, и выгрузил целую тетрадь странных стихов» (*Дневник*, с. 17).

Стихи о любви (стр. 234) — впервые. В. Брюсов предполагал создать цикл стихов «О любви». В него должны были войти: «По лестнице узкой» (*ГБЛ*), «За тонкой стеной замирала рояль...», «Я шел, подымаясь... ты к низу спускалась...» (*ГБЛ*), «Утренняя звезда» (т. 1, с. 62), «Во мгле» (т. 1, с. 62), «Глупое сердце» (т. 1, с. 61).

Подземные растения (стр. 235) — впервые.

Колпцу (стр. 235) — впервые. *Дневник*, 26 ноября 1895 г.: «...мы ушли с Курсинским и направились (в 12 часов ночи) к Облеуховым. Там встретили нас восторженно; мы опять читали стихи, опять спорили и потом блуждали по желтым бульварам. Смотри мое стихотворение «Летит Земля на крыльях духа тьмы» (*ГБЛ*).

Песня (стр. 236) — *Неизд. 1935*.

Однострочные стихотворения (стр. 236—237) — *Неизд. 1935*. Стихотворение III имеет приписку: «В оглавл. «Кошмар». Стихотворение V написано между 24 и 30 августа. Подробный комментарий к однострочным стихотворениям см. т. 1, с. 568.

Эпиталама (стр. 237) — *Неизд. 1935*. Эпиграф (неточный) из стихотворения Фета «Кому венец: богине ль красоты...» В черновой рукописи стихотворение, озаглавленное «Эпиталама. Другу моему А. Л. Миропольскому в день его свадьбы с Дуней Ш.», состояло из трех строф; приводим две последние, наиболее отличающиеся от публикуемых.

Согласно, юные, вдвоем
Вступайте в мир полупрозрачный
С его магическим огнем.
Стыдливо, юные, вдвоем
Отдайтесь ночи новобрачной —
И в мире грез, в краю ночном
Счастливы, юные, вдвоем
Вступайте в мир полупрозрачный.

Для первых ласк — созвучий нет,
Нет слов для девственных желаний,
И клонит голову поэт;
В его душе созвучий нет
Для золотых очарований!
Примите ж бледный триолет:
Для первых ласк созвучий нет,
Нет слов для девственных желаний.

На рукописи помета: «в больнице». 7 января 1896 г. в дневнике поэта запись: «...Пишу это в лечебнице, где живу со среды... Заходил еще Ланг со своей невестой Дуней. Двое счастливых у постели полумертвого — прекрасный контраст, но банальный» (*ГБЛ*). О А. Л. Ланге — *Миропольском* см. т. 1, с. 573. *Дуня Ш.* — Авдотья Павловна Ширяева.

Сквозь разноцветные стекла закат... (стр. 238) — впервые. Посвящено памяти Е. А. Масловой.

Женский голос — он прозрачен... (стр. 238) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Женский голос».

«Не говори мне, что ты любишь меня!..» (стр. 239) — впервые.

«Последним отблеском овеванный...» (стр. 239) — *Неизд. 1935*. В рукописи две последние строки с пометой Брюсова: «рассудительно. 1907».

Я люблю другого (стр. 240) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета: «Кисловодск». Посвящено Катерине Александровне — см. т. 1, с. 581.

«Я угадал за яркой сменой...» (стр. 240) — впервые. Посвящено Катерине Александровне — см. т. 1, с. 581.

«Дальний шум фонтана...» (стр. 241) — впервые. На рукописи помета: «Пятигорск».

Летний праздник (стр. 241) — впервые.

«Отвращенье...» (стр. 241) — *Неизд. 1935*. В рукописи помета: «Москва».

«Есть одно, о чем плачу горько...» (стр. 242) — журн. «Новый мир», М., 1963, № 12. В этом же номере опубликованы воспоминания С. Мотовиловой об истории возникновения этого стихотворения:

«Черный лес луной пронизан...» (стр. 242) — впервые.

«Речи несмелых признаний...» (стр. 243) — впервые.

К прошлому (стр. 243) — впервые.

«В последний раз пропел потух...» (стр. 244) — впервые. Эпиграф из стихотворения Тютчева «День и ночь».

«Люблю я вспоминать утраченные дни...» (стр. 244) — впервые.

Поликрят (стр. 244) — впервые. *Поликрят* — властитель острова Самос. Древнегреческий историк Геродот рассказывает, что боги позавидовали его удачам. Он выбросил в море свой любимый перстень, чтобы умилиستив богов. Найдя свой перстень в брюхе пойманной для его стола рыбы, он понял, что обречен. Этот сюжет использовал Ф. Шиллер в балладе «Поликратов перстень», переведенной В. Жуковским.

«Если мне суждено умереть...» (стр. 245) — *Неизд. 1935*.

«Мы гордо людей презираем...» (стр. 245) — впервые. На рукописи помета: «Корона». Брюсов наметил это стихотворение в сб. «Корона», который собирался выпустить после МЕЕ.

«Твои стихи — как луч случайный...» (стр. 245) — впервые.

Весенняя поэма (стр. 246) — впервые. В рукописи заглавие заключено в скобки.

Вступления к поэме «Атлантида» (стр. 247) — впервые. Судя по месту в тетради, часть I написана между 14 и 20 февраля, а часть II в конце апреля или в мае 1897 г. В рукописи сохранился план начала: «Атлантида». Поэма эпическая. Песнь первая (Призвание эпической музы. Предмет песнопений. Посвящение К. Д. Бальмонту)» (ГБЛ). 15 марта 1897 г. в дневнике поэта запись: «Задумано: «Атлантида»... (ГБЛ). Вступление к поэме — первые попытки Брюсова воплотить в стихах древнее предание о погибшем материке. Интерес к этой теме никогда не остывал у поэта (см. «Женщины Лабиринта», «Город Вод», «Эгейские вазы», «Атлантида» в сб. «Сны человечества»).

Отрывок (стр. 248) — впервые.

Пифия (стр. 248) — впервые. *Пифия* — мифическая прорицательница, которую подвешивали на золотом треножнике над расселиной в скале, выделявшей ядовитые испарения. Одурманенная ими, она предсказывала будущее.

Полнолуние (стр. 249) — журн. «Огонек», М., 1973, № 50.

Встреча (стр. 249) — впервые.

«Встеруныло летает над палубой...» (стр. 249) — впервые.

Сестре (стр. 250) — впервые. Сестра Брюсова, Надежда Яковлевна, была тайно влюблена в поэта А. М. Добролюбова. В дневнике Брюсова 4 августа 1898 г. запись о проводах Добролюбова: «Он уехал, и стало как-то одиноко и тоскливо... И вспомнил я вдруг, что совсем забыл о своей сестре Наде. То есть я видел ее взор, моливший позволения идти с нами, но как-то не воспринял его, так смотрел и не увидел, а теперь вспомнил. Может быть, она плакала. И стало мне совсем тоскливо» (*Дневник*, с. 46).

К Бальмонту (стр. 250) — впервые. В дневнике поэта 29 августа 1898 г.: «Брожу и слагаю стихи, и вспоминаю Бальмонта, который только что издал свою «Тишину»... Это все что-то бывшее, что-то близкое, но это выплеснуться может лишь на миг» (*ГБЛ*).

Перепевы Бальмонта (стр. 251) — впервые.

«Костой, бутылок продавать!..» (стр. 251) — впервые.

«Засияла моя стена...» (стр. 251) — впервые.

Сонет, посвященный поэту П. Д. Бутурлину (стр. 252) — *Неизд. 1935*. Петр Дмитриевич *Бутурлин*, граф (1859—1895) — поэт, писавший стихи на английском и русском языках. Первый переводчик на русский язык Х.-М. де Эредиа. Пропагандировал форму классического сонета.

Рондо (стр. 252) — *Неизд. 1935*. Публикуемое стихотворение не является строго выдержанным рондо. Образец этой стихотворной формы см.: т. 1, с. 475 — «Ее колени я целую...».

Дома (стр. 253) — *Неизд. 1935*. В черновой рукописи была строфа 2:

Мне часто грезится человек,
Который родился в громадном доме,
Не покинув его, прожил свой век
И умрет все в том же доме.

«Я в высокой узкой башне...» (стр. 253) — *Неизд. 1935*.

На заданную тему у Случевского (стр. 254) — впервые. В дневнике поэта за март 1899 г. запись: «На ужин у Случевского предложили писать экспромт на тему: «Весна». Писали, хотя и плачевно. Бальмонт написал и прочел злобные строки, яростно глядя на всех присутствующих:

Я был среди толпы бессмысленных людей.
Пустые, пошлые... и это ли поэты!
И я подобен им... — и т. д.» (*ГБЛ*)

Сонет о поэте (стр. 254) — *Неизд. 1935*. В рукописи посвящение Георгу Бахману.

Железный путь (стр. 255) — впервые. К этому стихотворению автор, как видно из черновой рукописи, намечал эпиграф из Дж. Рескина.

На осуждение Дрейфуса (стр. 255) — впервые. В рукописи вариант строфы 4:

Пусть же там, где пышные зданья,
Разрастет лес теперь,
Ходит ветра завыванье,
Изумленно бродит зверь...

В дневнике 22 февраля 1898 г. Брюсов записал: «Золя осужден. Я когда-то любил Францию и французов вообще, но после этого «дела Дрейфуса» и осуждения Золя я их презираю и проклинаю» (*Дневник*, с. 33).

За пределами сказок (стр. 256) — впервые. Это стихотворение второе в одноименном цикле. Первое (под тем же названием) — см. т. 1, с. 217.

«Я люблю в твоих стихах...» (стр. 257) — *Неизд. 1935*. Судя по месту в тетради, стихотворение написано между 18 и 23 сентября 1899 г. Обращено, очевидно, к Бальмонту, с которым Брюсов часто встречался осенью 1899 г. (см. *Дневник*, с. 74—77).

«А сколько радости неги...» (стр. 257) — впервые. Вероятно, это стихотворение первоначально предназначалось для поэмы «Царю Северного полюса» как песня Свена.

«Будущий век...» (стр. 258) — газ. «За коммунистическое просвещение», М., 1934, 9 октября, № 233. Под стихотворением помета: «импровизация» (*ГБЛ*).

Материалы именины (стр. 259) — впервые. Стихотворение предназначалось для задуманного Брюсовым цикла «Из детской книжки» (вошел в сб. *TV* под названием «Книжка для детей»).

Из детской книжки (стр. 259) — впервые. См. прим. к предыдущему стихотворению.

«Есть слова волшебства. Вы все сильны...» (стр. 259) — *Неизд. 1935*. В черновой рукописи посвящение Л. А. Ш — ой — Анне Александровне Шестеркиной.

«Я от стыда закрыл лицо...» (стр. 260) — *Неизд. 1935*. Судя по месту в тетради, стихотворение написано после 22 января 1900 г.

«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...» (стр. 260) — *Неизд. 1935*.

За городом (стр. 260) — впервые.

«Люблю я имя Анна...» (стр. 261) — журн. «Звезда», М., 1973, № 12. Анна — Анна Александровна Шестеркина. Иоанна — Иоанна Матвеевна Брюсова.

«Я жду у ветхого забора...» (стр. 262) — впервые.

«— Кто ты? — Я — чувство, я — любовь...» (стр. 263) — *Неизд. 1935*.

«Настали дни печальные, как воды...» (стр. 263) — впервые.

«В неисполненных надеждах...» (стр. 264) — впервые.

«Я жизнью пьян. Напиток жгучий...» (стр. 264) — впервые.

«Торжествовать! Какие звуки!..» (стр. 264) — *Неизд. 1935.*

«В глубитайные вселенной...» (стр. 265) — впервые.

«Хорошо бы нам додуматься...» (стр. 265) — впервые.

Мона Лиза (стр. 266) — журн. «Москва», 1973, № 12. В рукописи помета: «у Бахмана».

Братья бездомные (стр. 266) — *Неизд. 1935.* Это стихотворение содержит основные мотивы «Грядущих гуннов» (*St*).

«Так это будет летом. Кисея...» (стр. 267) — журн. «Москва», 1973, № 12.

«Вот брошен я какой-то силой...» (стр. 268) — *Неизд. 1935.*

«Нет душе покою...» (стр. 268) — впервые. На рукописи помета: «Людмиле».

«Непересказанные думы...» (стр. 269) — *Неизд. 1935.*

«Я снова одинок, как десять лет назад...» (стр. 269) — *Неизд. 1935.*

«Все бездонней, все безмерней...» (стр. 270) — *Неизд. 1935.* В одной из рукописей была последняя строфа:

Я хочу до дна спуститься,
До бесцветного песка,
Где никто не смел молиться
Бесконечные века.

«Надо струны перестроить...» (стр. 270) — *Неизд. 1935.*

«Неужели это была ты...» (стр. 271) — впервые.

«Я много лгал и лицемерил...» (стр. 273) — *Неизд. 1935.*

Sub specie aeternitatis (стр. 274) — *Неизд. 1935.*

Эпиграф из стихотворения Пушкина «Кавказ», приведен неточно.

«Я путешественник случайный...» (стр. 275) — журн. «Север», Петрозаводск, 1973, № 12. Стихи написаны на книге Брюсова, подаренной автором Л. Вилькиной-Минской — см. т. 1, с. 613.

«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...» (стр. 275) — впервые. В одной из черновых рукописей эпиграф из К. Бальмонта:

«Мне нравятся публичные дома,
Их шум и гам, все наглые их звуки...»

«Дивный генуэзец! как нам стали понятны...» (стр. 276) — *Неизд. 1935.* *Дивный генуэзец* — Христофор Колумб, родившийся в Генуе. *Крокодилова река* — Лимпопо, река в Африке. В день создания этого стихотворения Брюсов написал также стихотворение в прозе:

«Мир мал! Как вняты нам, дивный генуэзец, твои слова!

Мир мал! Мы можем обозреть его единым взором от полюса до полюса, от океана до океана. И больше нет тайн на земле!

Сначала малая песчинка в неизмеримых просторах, упорно, век за веком, работал обитатель этой планеты боролся, завоевывал небо да землю, и вот своей планетой владеет человек.

Больше нет тайн на земле. Через пустыни Сибири стали иглы рельс соединять Японию с Лондоном; паровозы свистят у водопада Мози-оа-Тунья; стимеры срочно прорезают океан, отделяющий архипелаг Полинезии. Сами ледяные сфинксы полюсов выдают свой лик дулу на них направленного кодака...

По следам путешественника идет культура. Возрождаются к новой жизни берега Месопотамии, где когда-то цвели великие города; новые города вырастают в глуши лесов Бразилии; Япония соперничает на мировом рынке с Европой. Новая Гвинея соперничает с Оксфордом своим университетом... меркнет почь, свет врывается в самые отдаленные углы земли...

Изумленно, люди узнают, что они все соседи друг друга. Более нет народов, разделенных пустынями.

Азиат слышит речь европейца, негр приучается понимать язык индуса. Английские машины стучат на всех концах земли, русским зерном кормится испанец в Аргентине, бухарский хлопок оценивают в Мадуре.

Стучат колеса паровозов, мощно врезаются в океан трансокеанские стимеры, обвил землю телеграфный провод, скоро полетят из страны в страну новые, одушевленные человеком птицы, аэропланы... Не новая ли наступает эра?

Земля! Земля! Вот ты стала достоянием человека. Не того или другого племени, не того или иного царя, но достоянием человека, завоеванным его гением, его умом, его наукой.

Подчинись, старая мятежница, дай обуздать себя, как покорный вол, повинуйся голосу господина!

Торжествуй, человек, сознай свое величие и величие задачи, открывшей путь тебе.

Дадим руки друг другу за новый, за общий, за великий труд. Бодро и смело вперед, единой семьей к единой цели: к общему счастью...

1902 год» (ГБЛ).

«— Пусть лобзает меня — он лобзанием своим!» (стр. 277) — *Неизд. 1935*. Стилизованное переложение библейской книги «Песнь песней».

«Влачась по дням, при новой встрече...» (стр. 278) — газ. «Известия», М., 1934, 6 октября, № 235.

«Прими послание, о Виктор!» (стр. 278) — Виктор Гофман. Собр. соч., т. 1, М., 1917. Датируется по надписи на портрете, подаренном В. Гофману Брюсовым (ГБЛ). Виктор Викторович Гофман (1884—1911) — поэт, прозаик и переводчик. Вспоминая о Гофмане, Брюсов писал: «...стихи юноши-поэта меня поразили... Было в этих стихах одно преимущество... они нели, была в них «прирожденная» псвучесть, не приобретенная никакой техникой, особый «дар неба», достающийся в удел лишь немногим, истинным поэтам...

Одно время Гофман так много времени проводил со мной, что его в нашем кружке прозвали моим «ликтором»: мы часто приходили вдвоем, часто вдвоем гуляли по улицам, случалось — вдвоем проводили и ночи» (В. Брюсов. Мои воспоминания о Викторе Гофмане. — Виктор Гофман, Собр. соч., т. 1, М., 1917). Ликтор — почетный стражник при консулах и других высокопоставленных лицах в Древнем Риме. Цитера (Кифера) — остров, один из центров

культа Афродиты. *Геликон* — лесистая гора в Греции, посвященная Аполлону и музам. На ее склонах находились источники, возбуждавшие, согласно мифам, поэтический дар.

«И в д р у г в с е с т а н е т т а к п о н я т н о...» (стр. 279) — впервые.

«Н а д б р е д о м н а ш и х р а з н ы х л и к о в...» (стр. 279) — *Неизд. 1935*. *М. Н. Семенов* — издатель журнала «Новое слово» и переводчик Ст. Пшибышевского.

О р ф е й (стр. 280) — *Неизд. 1935*. В рукописи зачеркнутые строфы:

Унынье прочь! Что возрожденье,
Когда прекрасен каждый миг!
В священной неге опьянения
Бог Дионис и в нас проник.

Бог песни — бог живых и мертвых,
Что зимний ветер, сияет май!
Оставь бессильно распростертых,
Вперед бегущих постигай!

Орковы врата — ворота у входа в ад, которыми управлял, согласно римской мифологии, Оркус (Плутон). *Обол* — мелкая монета (шестая часть драхмы), которой оплачивали Харону переправу через Стикс.

«— Д и т я , с к а ж и м н е , ч т о л ю б о в ь ?...» (стр. 281) — *Неизд. 1935*.

С ф и н к с (стр. 282) — *Неизд. 1935*. *Лай* — отец Эдипа, разгадавшего загадку сфинкса.

«Е с т ь п о р а з и т е л ь н а я б е л о с т ь...» (стр. 283) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Свет и тьма».

«С к о р п и о н у» и «Г р и ф у» (стр. 284) — впервые. «...В 900-х годах в среде писателей, составлявших «школу символистов», определилось два не стольких течения, сколько кружка. Один группировался около издательства «Скорпион» и его журнала «Весы»; издателем книг с маркой «Скорпиона» и «Весов» был С. А. Поляков, а в редакции, наряду с ним, одна из главных ролей принадлежала мне. Другой кружок примыкал к издательству «Гриф»... Как то часто бывает в родственных группах, между двумя издательствами и редакциями существовало некоторое соперничество и род антагонизма» (В. Брюсов. Мои воспоминания о Викторе Гофмане. — Виктор Гофман, Собр. соч., т. 1, М., 1917).

М а к с и м и л и а н у Ш и к у (стр. 284) — впервые. *М. Я. Шик* — см. т. 1, с. 614.

«Я н е в и д а л т а и н с т в е н н ы х л е с о в...» (стр. 284) — журн. «Звезда», М., 1973, № 12.

«Ц а р и л н а д м и р о м р и ф м к о г д а т о...» (стр. 285) — *Неизд. 1935*.

«Н а п л о щ а д и , п о л н о й с м я т е н ь е м...» (стр. 286) — журн. «Стройка», М., 1931, № 29-30. На рукописи помета: «Антоновка». *Антоновка* — деревня близ Тарусы, где отдыхал Брюсов летом 1904 г.

К н а р о д у (стр. 286) — *Избр. пр., II*. Эта же тема разработана Брюсовым в «Miscellanea» (см. *Избр. соч., II*, с. 559).

«У ж е л ь д о с е л е н е д о в о л ь н о ?...» (стр. 287) — *Неизд. 1935*. В черновой рукописи еще одна строфа:

Меж нами быть на может мира!
Вовек друг друга не поймем!
Вы — шум, я — песнь, вы — меч, я — лира,
В одном строю мы враг с врагом.

В е с ы к а ч н у л и с ь (стр. 288) — *Неизд. 1935*. Вариант стихотворения «На новый 1905 год» (см. т. 1, с. 424).

Б л и з к и м (стр. 288) — альманах «Факелы», СПб., 1906, кн. 1.

П р е д а н и е (стр. 290) — *Неизд. 1935*. Вариация стихотворения А. Белого под тем же названием из сб. «Золото в лазури», навеянного сложными отношениями с Н. Петровской. Приводим варианты из черновой рукописи:

Первое начало II главы:

Высок и строг нагорный храм,
В нем белы верные колонны,
В нем вечно ходит фимиами,
К престолу Света вознесенный,

В нем реют стаи белых птиц,
Как некий призрак златокрылый,
И служит богу с сонмом жриц
Верховный жрец, седой и хилый...

Глава III, вариант строфы 3:

И вечер был. Погас в огнях
Диск солнца, утонув во влаге.
На хризолитовых струях
Плясали бешено зигзаги.

Глава III, после строфы 6:

И голос был во мраке тих:
«Здесь ты? Свидание настало!»
Но в красоте волос седых
Сибилла перед ним стояла.

И он спросил: «Ты мне верна?»
И «да» она в ответ сказала,
Лучом Луны озарена,
Светла, как бледный сон опала.

И громко в ясной тишине
Раздалось строгое воззвание:
— Вот я воскрес. Сойди ко мне.
Настал твой суд и день свиданья.

И вспыхнув, отблески огней
Погасли в окнах башни старой,
Уже Сибилла у дверей
Зареяла под лунной чарой.

И здесь стоял он, как живой,
Мертвец, оживший темной силой,
И долго в облик дорогой
Она вперяла взор унылый

Сибилла мертвому в лицо,
Тому, кто быть живым поклялся,
И молча бросила кольцо,
Которым с ней он обручался.

И он сошел к прибою волн,
Чтоб вновь уплыть — навек отныне.
Как черный лист блуждает челн
На хризолитовой пустыне.

Плач Лаодамии (стр. 293) — *Неизд. 1935. Лаодамия* (греч. миф.) — супруга Филакского царя Протесилая, который сразу после свадьбы отправился воевать под стены Трои и погиб в первом же бою. На тему мифа о Протесилае В. Брюсов написал драму «Протесилай умерший».

Под утро (стр. 293) — *Неизд. 1935.*

Остров (стр. 294) — впервые. На рукописи помета: «Ю. Балтрушайтису, к его книге «Остров» (книга издана не была).

Нить (стр. 294) — «Литературная газета», М., 1931, 7 октября, № 54.

«Встав, прошумят и сгинут города...» (стр. 295) — *Неизд. 1935.*

«Все ближе, все ближе, все ближе...» (стр. 295) — *Неизд. 1935.*

«Я безволен, я покорен...» (стр. 296) — впервые.

Балаганы (стр. 296) — газ. «Курская правда», 1929, 6 октября, № 229.

Жигули (стр. 298) — газ. «Столичное утро», М., 1907, 4 октября, № 105. См. прим. к стихотворению «Быть без людей» в т. 1, с. 639.

«Трубите в траурные трубы...» (стр. 298) — *Неизд. 1935.*

Сходные решения (стр. 298) — *Неизд. 1935.*

У вагонного окна (стр. 299) — *Неизд. 1935.* На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Зеркало теней». Стихи для второго издания». *Jura* (Юра) — горный массив во Франции и Швейцарии. Лето и осень 1909 г. Брюсов провел, путешествуя по этим странам. См. в *3Т* стихотворения в разделе «Милое воспоминание».

И кот (стр. 300) — впервые.

«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...» (стр. 301) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Москва в прошлом». Стихотворение не окончено; упомянуто в проекте состава сборника «*Sed non satiatu*», в разделе «На шумных улицах».

«Здесь раннего посева всходы...» (стр. 302) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Все папевы».

Кладбище (стр. 302) — *Неизд. 1935.*

Ветреный вечер (стр. 303) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Вечерний ветер». В рукописи после подписи и даты приписан набросок еще одной строфы. В *Неизд. 1935* она была введена в основной текст:

Но ветер, тихий и вечерний,
Отвеял долгий, трудный день.
Приветствую лучи косые
И длинную, сухую тень!
Уже шаги мои размерней,
Уже душа моя светлей.
Надежды давние, святые
воскресают в пей.

Вечер в поле (стр. 303) — *Неизд. 1935*.

Одинокая ель (стр. 304) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала».

Рабы (стр. 304) — *Неизд. 1935*.

«Желанье, ужасу подобно...» (стр. 306) — *Неизд. 1935*. В одной из рукописей зачеркнут набросок второй строфы:

Блаженны вы, молчать умевшие,
Таившие мечты свои,
Заветных песен не допевшие,
Как , как де Виньи!

«Нестакжелгоды, годы прежде...» (стр. 307) — *Неизд. 1935*; под заглавием «На закате дня», без последней строфы и рядом других ошибок. На полях рукописи набросок состава раздела: «Деревня. По меже. На лесной дороге. Ветреный вечер. «И снова <давние картины>...». «Ель» <видимо, «Одинокая ель»>, «В полях забытые усадьбы...». В *ЗТ*, куда вошло большинство этих стихотворений, раздел был озаглавлен «Родные степи».

Весна (стр. 308) — *Неизд. 1935*.

«Душа томится надеждой тщетной...» (стр. 308) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Душа томится». Эпиграф — из стихотворения «Ни красок, ни лучей, ни аромата...». Книга раздумий — вышедший в 1899 г. сборник стихотворений К. Бальмонта, Брюсова, М. Дурнова, И. Коневского. На рукописи помета Брюсова: «Зеркало теней».

«Я видел много городов...» (стр. 309) — *Неизд. 1935*.

Воробушек (стр. 309) — *Неизд. 1935*.

«Так повелел всеильный Демидург...» (стр. 310) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Сопет». Демидург — творец, создатель (греч.). Протей (греч. миф.) — морское божество, старец, обладавший способностью принимать различные облики. Янус (римск. миф.) — одно из божеств римского пантеона, его изображения имели два лица.

«Двадцать лет назад ты умерла...» (стр. 311) — впервые. В рукописи пометы: «Для себя, не для печати. Сон 3/4 декабря 1911». Воспоминание о Е. Масловой — см. т. 1, с. 566. Ночью звездной... Ты уснешь на белых простынях... — В рукописи к этим строкам сноска: «Стихи А. Блока». См. в стихотворении А. Блока «Все это было, было, было...»:

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

«Как ангел тьмы и ангел света...» (стр. 311) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Две тени». Эпиграф — из не вошедшего в основной текст окончания стихотворения А. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»). На рукописи помета Брюсова: «Зеркало <теней>?».

М о е й Д ж е н н и (стр. 312) — *Неизд. 1935*, где датировано 1912 г. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «По поводу конкурса «Свободной эстетики» на слова Пушкина: «А Эдмонда...». В. Я. был в жюри, сам стихов не представлял. Надо установить год: 1912 или 1914» (ГБЛ). В наст. изд. датируется 1911 г. по воспоминаниям М. Цветаевой, которая в статье «Герой труда», посвященной памяти Брюсова, пишет: «Был сочельник 1911 г. — московский, метельный, со звездами в глазах и на глазах. Утром того дня я узнала от Сергея Яковлевича Эфрона, за которого вскоре вышла замуж, что Брюсовым объявлен конкурс на следующие две строки Пушкина:

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

...Приз, данный мне Брюсовым за стихи, представленные в последний час последнего дня (предельный срок был сочельник) — идея была соблазнительной!.. Получать призы нужно было в «Обществе свободной эстетики». Подробности стерлись. Помню только, что когда Брюсов объявил: «Первого не получил никто, первый же из двух вторых — госпожа Цветаева», — по залу прошло недоумение, а по моему лицу усмешка. Затем читались, кажется, Брюсовым же, стихи после «премированных» (Ходасевич, Рафалович, я) — «удостоившиеся одобрения», не помню чьи. Выдача самих призов производилась не на эстраде, а у входного столика, за которым что-то вписывала и выписывала милая, застенчивая, всегда все по возможности сглаживавшая и так выигрывавшая на фоне брюсовской жесткости — жена его, Жанна Матвеевна.

Приз — именной золотой жетон с черным Пегасом — непосредственно Брюсовым — из руки в руку — вручен. Хотя не в рукопожатии, но руки встретились! И я, продевая его сквозь цепочку браслета, громко и весело:

— Значит, я теперь — премированный щенок?

Ответный смех залы и — добрая — внезапная — волчья — улыбка Брюсова» (журн. «Воля России», Прага, 1925, № 9-10).

Цветаева представляла на конкурс стихотворение «Воспоминание слишком давит плечи...». Строки Пушкина взяты из «Пира во время чумы». «Моей Дженни» Брюсов предполагал включить в сб. «Sed non satiatius», в раздел «На памятном листе».

В о т в е т т о м у , к т о п р е д л о ж и л м н е « В ы б о р » . (стр. 313) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета Брюсова: «Все напевы. Послания». *Стреловержец* — Аполлон, который поразил чудовищного змея *Пифона* и основал на этом месте Дельфийский оракул (греч. миф.).

«Нет тебе на свете равных...» (стр. 313) — В. Брюсов, Стихотворения, Л., 1952; под заглавием «Москва»,

без последней строфы. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Зеркало теней». Стихи для второго издания». *Стародавняя Москва*... — ср. у Ф. Тютчева: «Над русской Вильной стародавней...»

«Прости мой стих, безумьем гневный...» (стр. 314) — впервые. Стихотворение отнесено И. М. Брюсовой к 1909 г. В наст. изд. датируется 1911 г., поскольку черновая рукопись стихотворения — на обороте машинописи стихотворения «Как птицы очковой змеей очарованы...», написанного в 1911 г. В рукописи — первый вариант начала:

Прости мой гнев,— я был безумен.

Прости мой стих,— я был неправ.

«— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мною!...» (стр. 315) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Начала à faire». («Начала для работы»).

«Чуть видные слова седого манускрипта...» (стр. 315) — «Литературная газета», М., 1931, 7 октября, № 54. На одной рукописи помета И. М. Брюсовой: «В папке *СДР*»; на другой: «Из папки: «Шутки». Анри де Ренье (1864—1936) — французский писатель, эстет.

При электричестве (стр. 316) — журн. «Новый мир», М., 1926, № 12. Видимо, именно это стихотворение Брюсов указал в проекте состава сборника «*Sed non satiat*» под заглавием «Свершилось многое, о чем мечтал я с детства». В воспоминаниях о своей юности Брюсов писал: «Я нашел Жюль Верна... Не знаю писателя, кроме разве Эдгара По, который произвел бы на меня такое же впечатление. Я впитывал в себя его романы. Некоторые страницы производили на меня неотразимейшее действие. Тайны «Таинственного острова» заставляли меня леденеть от ужаса. Заключительные слова в «Путешествии капитана Гаттераса» были для меня высшей — доступной мне — поэзией... Последние страницы в «8000 лье под водой», рассказ о Навтилусе, замерзшем и безмолвном, до сих пор потрясает меня при перечитывании, может быть, по воспоминаниям» (*Из моей жизни*, с. 18). «*Титаник*» — в те годы самое крупное трансатлантическое судно. Маркони Гульельмо (1874—1937) — итальянский инженер, с его именем в то время было связано изобретение радио.

«Зыблются полосы света...» (стр. 317) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire». («Начала для работы»).

«Три женщины — белая, черная, алая...» (стр. 317) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Три женщины». На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire» («Начала для работы»). Развитие этой темы — в стихотворении «Три змеи, три кольца окружили меня...» (см. с. 326).

«Сердце утомленное хочет одного...» (стр. 318) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Стихи из книги «*Sed non satiat*».

«Как струны оборвавшейся жалобный звук...» (стр. 319) — *Неизд. 1935*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Стихи из книги «*Sed non satiat*».

«Любовь, как властный недруг, вяжет...» (стр. 319) — *Неизд. 1935*. Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...». Брюсов предполагал включить стихотворение в сб. «*Sed non satiat*», в раздел «В буйной слепоте».

«Безумец! думал плыть ты по...» (стр. 320) — «Литературная газета», М., 1931, 7 октября, № 54. На рукописях пометы И. М. Брюсовой: на одной — «Из папки: «Ближайшая работа»; на другой — «Из папки: «Стихи из книги «*Sed non satiat*», сохраняемые для ее второго издания». Герой *Эдгара По*... — Речь идет о герое рассказа «Низвержение в Мальстрем». ...*Припомни книгу Архимеда*... — Герой упомянутого рассказа По, попавший в водоворот, замечает, что тела разной формы втягиваются в водоворот с различной быстротой. Автор рассказа делает при этом ссылку на книгу: *Архимед. De Incidentibus in Fluido*.

«Огни! лучи! сверканья! светы!...» (стр. 320) — «Литературная газета», М., 1931, 7 октября, № 54. *Трам — трам-вай*.

Ребенок (стр. 321) — *Неизд. 1935*.

«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...» (стр. 322) — *Неизд. 1935*. Первый из задуманного венка сонетов. Среди рукописей — набросок следующего сонета:

Камены строгие! — я в вашей грозной власти.
Вы не позволите, чтоб пел я ложь.
Мне повторите: «Снова ты пройдешь
Путем былых блаженств, былых несчастий!»

Я помню, — вечер странно был хорош,
Лилась на землю, как из львиной пасти,
Кровь. Облака как ряд больших запылей
Вились. Была даль из гепардных кож.

На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Сны человечества». *Камены* — см. т. 2, с. 441.

«Речи медной, когда-то звучавшей на фруме Римском...» (стр. 322) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Ф. Е. Коршу». На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Стихи из книги «*Sed non satiat*». Обращено к Федору Евгеньевичу *Коршу* (1843—1915) — известному филологу, академику. Брюсов учился у него в Московском университете. «Много блистательных, а порой и прямо гениальных соображений довелось мне слышать на семинариях Ф. Е. Корша», — вспоминал он в автобиографии («Русская литература XX века», вып. I. М., 1914, с. 108). 22 апреля 1913 г. в день, когда отмечался юбилей Ф. Корша, Брюсов направил ему следующее приветствие: «Московский литературно-художественный кружок присоединяет свои приветствия к голосу всей России, чтущей день Вашего семидесятилетия, своего великого ученого, славного писателя и прекрасного поэта. Председатель Валерий Брюсов» («Древности восточные. Труды восточной комиссии императорского московского археологического общества», т. IV. М., 1913, с. XXV). Квинт Аврелий *Симмах* (ок. 340 — ок. 405 гг. н. э.) — древнеримский оратор и писатель; стиль его писем отличался особой изысканностью. *Кто в авсонийский размер Пушкина стих заключил...* — Ф. Корш перевел несколько стихотворений Пушкина на латинский язык (см., например, «Филологическое обозрение», 1895, т. 8, кн. 2, приложение). *Камены* — см. т. 2, с. 441. *Полигимния* — см. т. 1, с. 653.

«День красочный, день ярко-пестрый...» (стр. 323) — *Неизд. 1935*; под заглавием «День красочный». Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Видение» (у Тютчева: «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...»). На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire» («Начала для работы»).

«Разбегаются снова поля за окном...» (стр. 323) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Максимилиану Волошину». Обращено к М. А. Волошину — см. прим. на с. 620. Стихотворение указано в проекте состава сборника «*Sed non satiat*», в разделе «Неведомый прохожий». Я, как ты, задремал, убаюкан их «титатью»... — Брюсов имеет в виду стихотворение М. Волошина «В вагоне».

«Строго и молча, без слов, без угроз...» (стр. 324) — впервые; указано, под названием «Падают хлопья...» в проекте состава сборника «*Sed non satiat*».

«Мне кажется, что в саване я...» (стр. 325) — *Неизд. 1935. Эдинбург II* — см. т. 2, с. 419.

«После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!..» (стр. 326) — *Неизд. 1935*; под заглавием «После долгих скитаний». На одной рукописи помета В. Брюсова: «Подарено В. Эльснеру, с тем, чтобы не печатать (пока, разумеется, то есть, например, до моей смерти)». На другой рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Ближайшая работа». набросок первой строфы:

В поле с тобой хорошо, моя девочка,—
Свежестью веет и пахнет травой...
Видишь,— скользит мотылек-однодневочка:
Пестрою сеткой кисейной прикрой!

«Три змеи, три кольца окружили меня...» (стр. 326) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Три змеи, три кольца». Стихотворение имеет три редакции: в первой, датированной 1912 г., — первая и вторая строфы близки к окончательному тексту, вместо третьей и четвертой одна:

Три змеи, три кольца, окружили меня.
В теле — боль, в членах — смерть, в сердце — жало огня.
Все тесней, все нежней, за изгибом изгиб.
В ласке змей застываю,— я гибну, погиб!

На этой рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire». Рукопись второй редакции, датированная «1912—1913», близка окончательному тексту; на рукописи помета Брюсова, показывающая, что он намеревался развить это стихотворение в целый цикл: «Три змеи, три кольца. I. Первое кольцо. II. Второе кольцо. III. Третье кольцо». Стихотворение упомянуто в составе сборника «*Sed non satiat*», в разделе «В буйной слепоте».

«Как из коры точит желтеющую камедь...» (стр. 327) — «Литературная газета», М., 1934, 10 октября, № 136, под заглавием «Воспоминание».

«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...» (стр. 327) — журп. «Стройка», Л., 1931, № 29-30. *Верхарн* — см. прим. на с. 559. «Властительные ритмы» — название сборника стихотворений Верхарна; точнее — «Державные ритмы» («*Les ryth-*

mes souverains»). На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Начала à faire» («Начала для работы»).

«Проходит день, как смена отражений...» (стр. 328) — впервые. На рукописи — помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire» («Начала для работы»).

«Я в море не искал таинственных Утопий...» (стр. 328) — *Неизд. 1935*; под заглавием «По маленькой Европе», с ошибками в порядке строк и чтении отдельных стихов. Стихотворение не окончено, ряд стихов не дописан. Брюсов предполагал открыть этим стихотворением раздел «Неведомый прохожий» в сб. «Sed non satiat». В автобиографии Брюсов писал: «Еще ребенком я был с родителями в Крыму. Студентом я ездил опять в Крым и на Кавказ, потом в Ригу и Варшаву и совершил маленькое путешествие по Германии. По окончании университета я... провел два лета в Крыму и одно в Ревеле. Потом мы несколько раз ездили за границу. Первая наша поездка ограничилась северной Италией, произведшей на меня сильное впечатление. Вторая поездка имела целью Париж... В революционный год (1906) мы летом жили в Швеции. Следующая наша (1908) поездка охватила всю Италию, южную Францию, часть Испании и закончилась в Париже... В следующем (1909) году мы опять совершили довольно большое путешествие по всей южной Германии и Швейцарии... Последний раз (летом 1913 г.) мы посетили Голландию. Таким образом из европейских стран мне остались неизвестны только Англия и Балканский полуостров...» («Русская литература XX века», вып. I. М., 1914, с. 117). *Как Вяземский, и я принес поклон Олау...* — Имеется в виду стихотворение П. Вяземского «Поручение в Ревель», в котором упоминается церковь св. Олая в Ревеле (ныне — Таллин). ...*Эдды край* — Швеция; «Эдда» — скандинавский эпос. ...*падающие цари*... — из стихотворения Ф. Тютчева «Альпы». *Мэлар* — озеро в Швеции (см. т. 1, с. 639). *Гальс* — см. т. 2, с. 422. ...*суровый Стефан*... — собор св. Стефана в Вене. «*Сена*» — «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, находящаяся в трапезной монастыря Санта-Мария делле Грации в Милане. *Кемпер* — см. т. 1, с. 649. *Нюнесегем* — см. т. 1, с. 639. *Каркасон* — город на юге Франции. *Лидо* — побережье возле Венеции. *Город Шумных Вод* — гипотетическая столица Атлантиды, иногда Брюсов называл ее — Город Золотых Ворот (см. т. 2, с. 468).

«О пять мой посох приготовлен...» (стр. 330) — *Неизд. 1935*.

«— Плохо приходится старому лешему...» (стр. 331) — *Избр. соч. I*; в составе «Снов человечества». На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Папка СЦР».

«Ступени разрушенной лестницы...» (стр. 331) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Ступени разрушенной лестницы». Это стихотворение — одно из последних, написанных до начала первой мировой войны. Как вспоминает И. М. Брюсова, лето 1914 г. Брюсов, «еще не совсем оправившись... отдыхал в Опалихе, близ Москвы, под наблюдением врача. В день разразившейся войны покинул дачу, забыв о лечении...» (Валерий Брюсов. Избранные стихи. М.—Л., 1933, с. 139).

Э л л и с у (стр. 332) — *Неизд. 1935*. Стихотворение написано, очевидно, до отъезда Брюсова на фронт в качестве корреспондента «Русских ведомостей», поскольку его нет ни в одном из блокнотов, в которые он вписывал свои стихотворения в период пребывания на фронте. *Эллис* (псевдоним Льва Львовича Кобылинского; 1879 —?) —

русский литератор, поэт и переводчик, один из сотрудников журнала «Весы», впоследствии принял католичество и стал монахом-иезуитом.

Листок, спрятанный в коре (стр. 332) — *Неизд. 1928*. В одной из рукописей озаглавлено: «Листок, спрятанный в дереве».

«Не как молния, смерти стрела...» (стр. 333) — *Неизд. 1935*.

Последний путь (стр. 334) — *Неизд. 1928*. Стихотворение должно было войти в готовившееся Брюсовым 2-е изд. *СЦР*, в раздел «Там, у входа» и занять место между стихотворениями «Как неяркие бутоны...» и «Сиреночка». Печатается по *Грж. экз.*

Вхождение (стр. 335) — *Неизд. 1928*. Эпиграф из стихотворения «Лестница».

«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» (стр. 336) — *Неизд. 1928*. *Атлантида* — см. т. 2, с. 467.

Два врага (стр. 336) — *Неизд. 1928*.

Больше никогда (стр. 337) — журн. «Москва», 1918, № 1. Печатается по этому тексту ...*певец Inferno* — Данте («Inferno» — «Ад» (*итал.*) — первая часть «Божественной комедии»). Первая редакция датирована 1911 г.; вместо строф 3—6:

Больше никогда под громкий говор птичий
Не пойду вдвоем у звонко-шумных струй.
В прошлом — радость жизни, в прошлом — Беатриче,
В прошлом — долгожданный робкий поцелуй.

В строфах непонятных с мировой трибуны
Людам расскажу о тайных снах души,
Но в ответ не встречу взгляд смущенно-юный,
Не услышу голос, дрогнувший в тиши.

Угасают молча тихие признанья,
На устах усталых нежные слова...
О зачем мне снятся лунные свиданья,
Сосен мягкий сумрак и в росе трава!

Германия (стр. 338) — Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. М., 1945. На рукописи помета Брюсова: «плохо».

Семейная картинка (стр. 339) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета Брюсова: «Шутка». Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «1856» («Стоим мы слепо пред Судьбою...») (с неточностями). *Бенц* — марка автомобиля.

Битраж-триптих (стр. 340) — *Неизд. 1928*.

«Да, я безумец! я не спорю!..» (стр. 343) — *Неизд. 1928*.

«Мелькали мимо снежные поляны...» (стр. 343) — *Неизд. 1928*. Стихотворение написано Брюсовым во время возвращения на фронт после недолгой поездки в Москву. В одной из первых корреспонденций по возвращении в Варшаву он писал: «Следя за московской жизнью по газетам (так как, выехав из Москвы в начале августа, я пять месяцев не покидал «района военных действий») ... Но вот... я сам побывал вновь в Москве, провел в ней почти три недели, присмотрелся к ее жизни... Тяжелого жре-

бия непосредственно *переживать* войну на долю Москвы не выпало; война остается где-то далеко от Москвы, не встает перед москвичами в зримых осязательных обликах» (газ. «Русские ведомости», М., 1915, 4 февраля, № 27).

М а й с к и й д о ж д ь (стр. 344) — *Неизд. 1928.*

«Я устал от светов электрических...» (стр. 344) — *Неизд. 1928. Цицero* — разновидность мелкого шрифта.

«Н о ч ь ю у ж а с б е с п р и ч и н н ы й...» (стр. 345) — *Неизд. 1928*; с ошибочной датой. В рукописи помета Брюсова: «Шутка».

П о л ь ш а е с т ь! (стр. 346) — Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. М., 1945; без подзаголовка и эпиграфа. В рукописи примечание Брюсова: «Поэт Эдуард Слонский напечатал два сонета, обращенные к автору этого «ответа» и заканчивающиеся восклицанием: «Еще Польша есть!» *Эдвард Слонский* (1872—1926) — польский поэт и прозаик.

«Я прошел пути и перепутья...» (стр. 347) — *Неизд. 1928.*

З а в е т С в я т о с л а в а (стр. 348) — газ. «Биржевые ведомости», П., 1915, 9 августа, № 15015. Печатается по этому тексту, Посылая это стихотворение и стихотворение «Заложница» (в окончательной ред.— «Чаша испытаний», см. т. 2, с. 146) А. Измайлову, Брюсов писал ему 1 августа 1915 года: «Сначала я не хотел их печатать. Во-первых, потому что оба они не вполне хороши: в «Заложнице» — много риторики, в «Завете Святослава» — не удалось (чего я хотел) передать манеру *старых* поэтов, пушкинской эпохи, получилась какая-то двойственность, старое смешено с новым и кажется просто несовершенным... Во-вторых, потому что я не надеюсь, чтобы эти стихи *могли* быть напечатаны в наши дни: очень вероятно, что обстоятельства «независящие» закроют этим стихам путь в печать» (*ИРЛИ*). *Мертвые сразу не умут!* — По словам летописца, с этими словами великий князь Киевский Святослав Игоревич обратился к своим воинам перед битвой с греками в 970 г. Святослав погиб не в этом бою, а спустя два года в сражении с печенегами у Днепровских порогов.

К с т а л ь н ы м п т и ц а м (стр. 349) — сб. «The soul of Russia», London, 1916 — на английском (перевод Louise Maude) и русском языках; без третьей строфы. Печатается по тексту газ. «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1916, 25 декабря, № 340, где стихотворение было опубликовано со следующим примечанием: «Автор вспоминает свои стихи по поводу первых полетов Райта, в Париже (Брюсов имеет в виду свое стихотворение «Кому-то» в сб. *ВН.— А.К.*). Как известно, аэроплан Райта поднимался только после разбега по рельсу. Леонардо, то есть Леонардо-да-Винчи, один из первых разрабатывал теорию воздухоплавания. «Альбатросы» и «голуби» («таубе») — типы германских аэропланов». Брюсов предполагал включить стихотворение во 2-е изд. *СЦР*. Оно должно было идти после «На бомбардировку Дарданелл» и завершать раздел «Там, на Западе».

З о в с т а р и н н ы й (стр. 350) — впервые, по рукописи *Грж. экз.* Стихотворение должно было войти во 2-е изд. *СЦР*, в раздел «В минуту жизни», и занять место между стихотворениями «Чей-то зов» и «В лесу».

З а г р о б н ы й п р и з ы в (стр. 350) — *Неизд. 1928.*

«Ты приходишь из страны неизвестной...» (стр. 351) — впервые.

В альбом (стр. 352) — Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. В рукописи помета Брюсова: «Эти четыре строфы написаны как «экспромт» в альбоме одной дамы. Получив после от нее эти стихи, мною совершенно забытые, считаю возможным дать им место в этой книге, как искреннему, хотя и неискусному» выражению чувств, в свое время волновавших всю Россию. В. Б.». Судя по некоторым пометам И. М. Брюсовой, книга, о которой идет речь, — *ССР*, в которую это стихотворение не вошло. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Неудачное». В чей альбом были вписаны эти строки Брюсова — не установлено.

Все краски радуги (стр. 352) — впервые. Судя по содержанию, стихотворение предназначалось для *ССР*.

«Волны волос упали...» (стр. 353) — впервые. Стихотворение написано на вырванном из книги титульном листе первого тома «Путей и перепутий» и датировано Брюсовым 1891 г. На том же листе набросок титула: «Валерий Брюсов. Избранные стихотворения. XXV. 1891—1915» и перечень разделов предполагаемого сборника: «Любовь. Природа. Предания. Герои. Раздумья. Поэмы». Стихотворение, видимо, должно было открывать сборник, который Брюсов предполагал выпустить к двадцатипятилетию своей литературной деятельности. Поскольку среди стихотворений 1891 г. это стихотворение не обнаружено, а рукопись явно относится к 1915 г., стихотворение в наст. изд. условно датируется 1891—1915. Возможно, этот план относится к сборнику «Избранные стихи», вышедшему в 1915 г. в изд. «Универсальная библиотека».

«Из Венка сонетов» (стр. 353) — 1 — впервые; 15 — *Неизд. 1928*. Из предполагавшегося венка сонетов были написаны только эти два. Заглавие дано редакцией. *Ассур* — см. т. 2, с. 435. *Cordiana* — древняя страна, граничившая с Ассирией. *Халдеи* — племя, обитавшее в районе Персидского залива. *Гиксы* — см. т. 2, с. 433. *Фивы* — столица Египта. *Даки* — фракийские племена, обитавшие на территории современной Румынии; во II в. н. э. были разбиты римскими войсками императора Траяна. *Мара* — Марат (Marat) Жан-Поль (1743—1793) — французский революционер, якобинец; Брюсов транскрибирует его имя в соответствии с французским произношением.

«С волнением касаюсь я пера...» (стр. 354) — *Неизд 1935*; под заглавием «Отрывок поэмы». Рукопись не датирована, отнесена И. М. Брюсовой к 1915 г., что вызывает большие сомнения. ...как Лермонтов нам указал когда-то... — Брюсов имеет в виду начало «Сказки для детей» М. Лермонтова («Умчался век эпических поэм, || И повести в стихах пришли в упадок...»). *Эрато* — одна из девяти муз, покровительница любовной поэзии. *Муса* — архаическое написание слова «муза». *Омир* — архаическая форма имени Гомер.

«Пришли рассеяния годы...» (стр. 355) — *Неизд. 1928*. Эпиграф — измененная строка из стихотворения А. Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (у Пушкина: «Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет...»). В тексте Брюсова ряд реминисценций из этого стихотворения А. Пушкина.

Верные лире (стр. 356) — *Неизд. 1928*; в ранней редакции под заглавием «В недрах». Вторая строка второй строфы не дописана. Эпиграф — из стихотворения «Нить Ариадны».

Л е в и С в и п ъ л я (стр. 357) — газ. «Биржевые ведомости», П., 1916, 2 мая, № 15533; с примечанием: «Басня рассказана Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» за 1873 г., статья I». Печатаются и датируются по первой публикации. Отправляя для публикации в «Биржевых ведомостях» ряд стихотворений, Брюсов писал 4 апреля 1916 г. А. Измайлову: «Наконец решился послать Вам стихи, но опять надеюсь на Ваше просветительное внимание: что печатать, что — нет, ибо все стихотворения — не «бесспорны»:... 4) «Рыбье празднество» — столь не в моем духе, что я и судить не берусь, терпимо ли это. 5) «Басня» — тем более, но, впрочем, это дословное переложение Достоевского. Кстати: «личности» в басне нет; никто меня не вызывает к «газетному барьеру», — в настоящее время, по крайней мере» (*ИРЛИ*).

«Иногда хорошо и отрадно...» (стр. 358) — впервые. *Лечебница доктора Постыкова* — см. т. 2, с. 457.

М о л и т в а (стр. 359) — впервые.

«В кружении жизни многошумной...» (стр. 359) — *Неизд. 1935*; под заглавием «Отшедшие века».

«Рядность померкла за очерком гор...» (стр. 360) — *Неизд. 1935*. *Десная* (десница) — правая рука (старосл.).

«Закат ударил в окна красные...» (стр. 361) — *Неизд. 1928*. Рукопись датирована 1916 г.; на обороте наброска письма к вдове Верхарна от 24 декабря 1916 г. Исходя из этого, стихотворение датируется декабрем 1916 г. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Начала à faire. 1915—1916» («Начала для работы»).

Б а л л а д а (стр. 361) — *Неизд. 1928*. Среди рукописей — несколько вариантов (весьма далеких) этой баллады. Первый относится к 1913 г.; текст связан с воспоминаниями о Н. Петровской (см. т. 1, с. 619); заключительная строфа этой редакции:

Тебе — мои стихи о Нине!
Ты тихим взглядом обледел
Мечты о счастье дальних дней,
Об ней, затерянной в пустыне.

Есть еще одна редакция, не датированная, отнесенная И. М. Брюсовой к 1913 г. К 1915 г. отнесена И. М. Брюсовой еще одна, также не датированная редакция баллады (опубликована в *Неизд. 1935*, с. 192).

В е ч е р н и е п е о н ы (стр. 362) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки: «Неудачное». *Пеоны* — см. прим. на с. 532.

Р и м л я н е в К и т а е (стр. 363) — *Избр. соч. I*; в составе «Снов человечества». Стихотворение не окончено. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «1916? Из папки: «Неудачное».

«В том сером доме, в этом переулке...» (стр. 364) — *Неизд. 1928*.

«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...» (стр. 365) — *Неизд. 1935*.

П о с л е н е у д а ч и (стр. 365) — *Неизд. 1928*.

К о с ц ы в «с ф е р е о г н я» (стр. 366) — *Неизд. 1928*. «*Сфера огня*» — военный термин: простреливаемое пространство.

V i a A p p i a (стр. 367) — *Неизд. 1935*; в составе «Снов чело-

вчества» и датой «1914». В наст. изд. датируется в соответствии с пометой И. М. Брюсовой на рукописи: «Из папки: «Начала à faire. 1916—1917» («Начала для работы»). *Via Appia* — Аппиева дорога, одна из античных дорог близ Рима, вдоль нее расположен ряд памятников. *Столла* — см. т. 1, с. 623.

«Тот облик вековой огромных городов...» (стр. 367) — *Неизд. 1928*. Стихотворение развивает тему поэмы «Замкнутые» (TV).

В ночь под Новый год (стр. 368) — *Неизд. 1935*; с искажениями в строках 8 и 9.

Краткий дифирамб (стр. 369) — журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 3; с пропуском 6-й строки. Печатается по этому тексту; с исправлением по рукописи. Датируется на основании пометы И. М. Брюсовой на рукописи: «Из папки: «1910—1918». В рукописи после первой строфы зачеркнуто:

Кто был прикован,
Тот стал свободен,
Отныне нов он
И птицам сроден.

Голос города (стр. 369) — впервые.

«На дальней полке мирным строем стоя...» (стр. 370) — журн. «Молодая гвардия», М., 1958, № 12. См. прим. к стихотворению «Марриэтовы мичманы» на с. 588.

Табакерка (стр. 371) — впервые. *Стиль Буль* — стиль мебели конца XVII — начала XVIII в.; сочетал строгость форм с пышностью украшений. «Табакерка» — поэтическое кафе в Москве В. Шершеневича.

Скользкая терцина (стр. 372) — *Неизд. 1935*, с опечаткой в 8-й строке. В архиве поэта имеется 2 варианта этих терцин.

«Я — междумирик. Равен первым...» (стр. 373) — *РУ*, 1918, 7 июня, № 101, под заглавием «Признание». В первоначальном варианте, датированном 18 июля 1911 г., вместо первых четырех строф было:

Я — междумирик: равен первым,
Я — пэр, меж знатностей Земли,
И каждым чувством, каждым первым
Я вторю тем, что не пришли,

Но создан я из темной глины,
И с низшими — родной я брат,
И если я достиг вершины,
Все ж каждый миг стремлюсь назад!

Мне Теннисон и Бердсли — братья,
Им гордо я дарю любовь,
Но людям всем открыл объятия
Тот, в жилах чьих мужичья кровь!

Шел «в рабском виде» царь небес... — перефразировка из стихотворения Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...»:

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

Теннисон Альфред — см. т. 1, с. 619. Бердслей Обри — см. т. 1, с. 610.

«Н а р о д н ы е в о ж д и! в ы — в а л, в з а м е т е н н ы й
б у р е й...» (стр. 374) — *Неизд. 1928.*

«С л е п о й ц и к л о н, о п у с т о ш и в...» (стр. 374) —
Неизд. 1928, с примечанием: «Стихотворение с формальной стороны
интересно использованием редкой рифмы на «изни».

В е ш н и е в о д ы (стр. 375) — журн. «Сирена», Воронеж,
1919, № 2. В беловой рукописи приписка: «Предлагаемое стихо-
творение было автором импровизировано на тему «Вешние воды»,
предложенную из публики, на вечере в кафе «Десятая муза» 30
(17) апреля с. г. *Ред.*».

«П а р к и б а б ь е л е п е т а н ь е...» (стр. 377) — *Неизд.
1928.* Некоторые строки заимствованы из стихотворения А. Пушкина
«Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы».

Т о м н ы е г р е з ы (стр. 378) — *Неизд. 1928.*

«Н о ч н о е н е б о д а л ь р е в н и в о с ж а л о...»
(стр. 378) — *Неизд. 1928.*

С о н е т (стр. 379) — *Неизд. 1928.*

О к т а в ы (стр. 379) — *Неизд. 1935.*

«В т и х о м б л е с к е д р е м л е т л е с к а...» (стр. 381) —
журн. «Звезда», М., 1973, № 12.

П о с л е с е н о к о с а (стр. 382) — журн. «Пламя», Л., 1929,
№ 18.

С в е т о ч м ы с л и (стр. 383) — журн. «Искусство», М., 1925,
№ 2. В журнале опубликована первая черновая редакция венка
сонетов, вышедшая в том же году отдельной брошюрой (ГАХИ,
Москва). В *Неизд. 1928* напечатан найденный позднее беловой вари-
ант, автограф которого в настоящее время хранится у бывшего со-
трудника Гослитиздата М. И. Щелкунова. Рукописи венка сонетов
датированы 1918 г. Однако исследователь творчества Брюсова
А. А. Ильинский считает, что работа над ним началась еще в 1917 г.

Венок сонетов должен состоять из 15-ти сонетов, последний из
которых составлен из первых строк остальных 14-ти. Он свивает
венок в единое целое. Кроме того, каждый последующий сонет на-
чинается последней строкой предыдущего. (О форме сонета см. прим.
Брюсова к сборнику «Опыты», на с. 542.) В творчестве Брюсова
«Светоч мысли» — второй венок сонетов. До него был написан
«Роковой ряд» (см. т. 2, с. 303).

Тема венка сонетов — поступательное развитие человечества
и преемственность культур — одна из излюбленных брюсовских
тем. Ей посвящены стихотворения «Фонарики», «Мировой кинема-
тограф», драма «Пифагорейцы» и др. Наиболее полно она разработа-
на Брюсовым в исследовании «Учители учителей». Незадолго до
смерти Брюсов приступил к статье «Смена культур».

І. А т л а н т и д а (стр. 383). *Зажглось издревле Слово в чело-
веке...* — Имеется в виду не столько Евангелие от Иоанна (начи-
нающееся фразой «В начале было Слово...»), сколько «слово» в фи-
лософском смысле. Слово Брюсов понимает как человеческую
мысль, первоначальное введение названий, определение понятий.
Лемуры и Атланты — см. прим. на с. 581.

ІІ. Х а л д е я (стр. 383). *Халдей* — см. т. 1, с. 590. *Надир* —

см. прим. на с. 565. *Эгейцы* — создатели крито-микенской культуры на берегах Эгейского моря. *Страча Наири* — древняя Армения. *Аймарá* — южноамериканское племя, в религии которого главным божеством был Кукулкан. *Тир* — город в Финикии. *Ягве* (древнееврейск.) — имя бога.

III. *Египет* (стр. 384). *Их формы, грани, связи — не случайны...* — Высказывалось мнение, что в геометрических размерах пирамид зашифрованы знания, известные египетским жрецам. *Тот* (егип. миф.) — бог времени и культуры. *В числах три, двенадцать и четыре...* — В древнем Египте числа 3, 4, 7 и 12 считались священными (подробнее см. «Учители учителей»).

IV. *Эллада* (стр. 384). *Обточенный сапфир* — гемма; изготовление гемм достигло в Древней Греции высокого совершенства. *Край Осириса* — Египет. *К знанию по пути мистерий...* — Религиозные обряды — мистерии оказали огромное влияние на развитие греческой трагедии и философской мысли.

V. *Эллинизм и Рим* (стр. 384). *Встал Александр...* — Александр Македонский — см. т. 1, с. 591. *Первый триумvir* — Юлий Цезарь.

VI. *Римская империя* (стр. 385). *Врата Мелькарта* — см. прим. на с. 577. *Под сенью римских прав...* — Римское право, в особенности кодекс Юстиниана, оказало огромное влияние на мировую юриспруденцию.

VII. *Переселение народов* (стр. 385). — Ряд последовательных нашествий азиатских народов на Западную Европу от гуннов (IV—V вв.) до венгров (X в.). *Трон свой выслал Карл Великий...* — Король франков Карл Великий (см. прим. на с. 554) с 800 г. принял титул римского императора. *Валькирии* — см. т. 1, с. 604.

VIII. *Средние века* (стр. 386). *В прениях о вампире...* — Существование мертвецов, встающих из гроба, чтобы пить кровь спящих людей, было темой многочисленных дискуссий средневековых схоластов.

IX. *Возрождение* (стр. 386). *Кортес* Эриан (1485—1547) — испанский мореплаватель, завоеватель Мексики.

X. *Реформация* (стр. 387). *Лютер* Мартин (1483—1546) — германский реформатор церкви. *Густав-Адольф* (1594—1632) — шведский король, возглавивший шведскую протестантскую армию во время 30-летней войны. *Тилли* Иоганн (1559—1632) — немецкий фельдмаршал, командовавший католической армией в этой войне. *Кромвель* Оливер (1599—1658) — лорд-протектор Английской республики. *Варфоломеевская ночь* — ночь на 24 августа 1572 г., когда католики начали избиение гугенотов в Париже.

XI. *Революция* (стр. 387). — Имеется в виду Французская революция 1789 года. *Державный Север...* — Коалиция монархических государств Европы против революционной Франции.

XII. *Наполеон* (стр. 388). *Ваграм, Дрезден, Аустерлиц, Иена* — места победоносных сражений армии Наполеона.

XIII. *Девятнадцатый век* (стр. 388). *Фонограф* — изобретение Эдисона, предшественник граммофона.

XIV. *Мировая война XX века* (стр. 389). — Первая мировая война (1914—1918 гг.).

XV. *Заключение* (стр. 389).

«*Пора! Склоняю взор усталый...*» (стр. 390) — *Неизд. 1928*. Эпиграф из стихотворения «К устью!». На рукописи помята И. М. Брюсовой: «Из бумаг «Такие дни».

Вступление (стр. 391) — «Из моей жизни».

Праздник труда (стр. 391) — *Неизд. 1928.*

Труд (стр. 393) — газ. «Вечерняя Москва», 1925, 8 октября, № 230. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из Так. Дни. По воспом. май».

Первый привет (стр. 394) — В. Брюсов. «Новые стихи». Сб. 2-ой, М., 1927. На списке, сделанном Н. Минаевым, помета: «Это автограф на книге стихов В. Брюсова, подаренной Ник. Ник. Минаеву».

«Что день, то сердце все усталей...» (стр. 394) — *Неизд. 1928.*

У цели (стр. 395) — *Неизд. 1928.*

«Сложив стихи, их на год спрятать в стол...» (стр. 396) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Импровизация». Рукопись не датирована. Отнесено к 1919 г. по раскладке И. М. Брюсовой. *Гораций* Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт. Ссылка Брюсова на Горация не совсем точна, так как у последнего сказано:

...и лет девять хранить без показу!

Втайне свой труд продержавши, покуда

Он в свет не явился.

(«Наука поэзии». Перевод М. Дмитриева)

«Мелькают дни, и скаждым новым годом...» (стр. 397) — *Неизд. 1935*. Рукопись не датирована. По раскладке И. М. Брюсовой отнесена к 1919 г.

Знакомый стих (стр. 397) — *Неизд. 1935. Как Паоло с Франческой — Ланчелот!* — Читая роман о рыцаре короля Артура Ланчелоте, объяснились в любви Паоло и Франческа (см. прим. на с. 566—567).

Набросок (стр. 398) — *Неизд. 1935.*

«Я доживаю полстолетья...» (стр. 399) — газ. «Известия», М., 1934, 6 октября, № 235. Мерцал «Реформ» *прощальный свет...* — В 1860-е гг. была осуществлена реформа, отмечившая крепостное право. В день марта первого... — 1 марта 1881 г. по приговору «Народной воли» был убит Александр II.

«Я вырастал в глухое время...» (стр. 400) — *Неизд. 1928.*

«Пусть вечно милы посевы, скаты...» (стр. 401) — *Неизд. 1928*. Рукопись не найдена. Датируется по хронологической раскладке, произведенной И. М. Брюсовой (ГБЛ).

Бессонная ночь (стр. 402) — *Неизд. 1928*. В стихотворении используются образы «Фауста» Гете, над переводом которого В. Брюсов работал в эти годы. На рукописи пометы автора: «ночь» и И. М. Брюсовой: «Из папки: «В такие дни». Вариант последней строфы:

Вы на миг этот пол разузорите,

Тая робко в улыбке дневной,—

И покорно вы хором заворите:

«Почему ты теперь не со мной».

«Гордись! я свой корабль в Египет...» (стр. 403) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из Т. Д.». *Как он, вслед за тобой провлек...* — Как римский триумвир Антоний (см. т. 1, с. 625).

Уныние (стр. 404) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из Т. Д.».

Паломничество в века (стр. 405) — *Неизд. 1928*.

ЛИТО — литературный отдел Наркомпроса, в котором в 1921—1922 гг. работал В. Брюсов. «Домино» — кафе поэтов, где Брюсов часто выступал с чтением стихов и докладов. *Тристан* — герой средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда». *Сансовино* (1477—1570) — итальянский архитектор. СРКД — Совет рабочих и крестьянских депутатов.

«Не лги, мечта! былого жгуче жаль...» (стр. 406) — *Неизд. 1935*, под заглавием «Сонет».

Дворец центромашин (стр. 407) — *Неизд. 1928*.

«Когда над городом сквозь пыль поют...» (стр. 408) — *Неизд. 1928*. Начало недописанного сонета.

Бунт (стр. 409) — *Неизд. 1928*.

«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...» (стр. 409) — *Неизд. 1928*.

«Когда стоишь ты в звездном свете...» (стр. 410) — *Неизд. 1928*. Помета И. М. Брюсовой: «Из Такие Дни».

«Современность грохочет, грозит, негодует...» (стр. 411) — *Неизд. 1928*. *Песнь песней* — одна из книг Библии.

«Не довольно ль вы прошлое не жили...» (стр. 411) — «Красная газета», Л., 1925, 9 октября, № 246. *Палладио* (1508—1580) — итальянский архитектор. *Клавдий* (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.) — римский император, при котором бурно строился Рим. *Ауэрбах-келлер* — погребок Ауэрбаха в Лейпциге, где происходит одна из сцен «Фауста».

«С тех пор как я долго в немом ожидании...» (стр. 412) — *Неизд. 1928*. *Офелия*, *Лаврт* — действующие лица «Гамлета» Шекспира.

«Снова сумрак леса зелен...» (стр. 413) — *Неизд. 1928*. Черновая рукопись из трех строф. Зачеркнута строфа 3:

Здесь в бору, лучом сожженном,
Как в дни юности, брожу,
Обновленным, умиленным
В яркий храм твой прихожу.

Всадник в городе (стр. 414) — газ. «Литературный Ленинград», 1934, 8 октября, № 51.

В вагоне (стр. 415) — впервые.

Болезнь (стр. 416) — журн. «Москва», 1920, № 5. На списке, сделанном И. М. Брюсовой, ее помета: «Рук. не сохранилась».

Возвращаясь (стр. 417) — впервые.

«Дни для меня не замысловатые фокусы...» (стр. 418) — *Неизд. 1928*. $f(x, y) = 0$ — общая запись уравнения с двумя переменными.

«Еще раз, может быть, в последний...» (стр. 419) — *Неизд. 1928*.

«В священной бездне мглы архангел мне предстал...» (стр. 419) — *Неизд. 1928*. Стихотворение написано под влиянием Виктора Гюго, переводами которого занимался Брюсов в эти годы. *Ра* (егип. миф.) — верховное божество. *Буйный триумфур* — Марк Антоний, см. т. 1, с. 625. *Квири́ты* — офици-

альное наименование римских граждан. *Гракс* Тиберий (163—133 гг. до н.э.) — римский политический деятель. *Гибеллины и гвельфы* — см. т. 1, с. 592. *Аутодафе* — церемония сожжения осужденных инквизицией. *Филипп II* (1527—1598) — испанский король, в царствование которого процветала инквизиция. *Эскуриал* — дворец-монастырь, построенный Филиппом II. *Декарт* Рене (1596—1650) — французский философ и математик, долгие годы был военным. Одна из основных формул его философии «*Cogito, ergo sum*» — «Мыслю, следовательно, существую». *А. В. Луначарский* — нарком просвещения, после революции жил в «Потешном» дворце Кремля.

«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!» (стр. 421) — «Наша газета», М., 1926, 9 октября, № 233.

А. К. Глазунову (стр. 421) — *Неизд. 1928*. Александр Константинович *Глазунов* (1865—1936) — композитор и дирижер. В стихотворении, посвященном 40-летию его музыкальной деятельности, перечислены названия произведений Глазунова.

«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!» (стр. 422) — *Неизд. 1928*. Рукопись не датирована.

«Быть может, у египетских жрецов...» (стр. 422) — впервые. Датируется по хронологической раскладке И. М. Брюсовой. *Тир* — город в Малой Азии, в 25 км. от Смирны. *Сидон* — см. т. 1, с. 590, 607. *Пилат* Понтий (ум. около 37 г. н. э.) — римский прокуратор Иудеи при императоре Тиберии. По библейской легенде, утвердил смертный приговор Христу. *Назарет* — город, где, по библейской легенде, родился Христос. *Иоанн Креститель* — один из предшественников Христа, предсказавший его появление. *Генисаретское озеро* — озеро в Палестине.

«Люблю в закатном замирапии...» (стр. 423) — газ. «Неделя», М., 1967, 11 июня, № 25.

Ультиматум весны (стр. 424) — *Неизд. 1928*.

Республика последних снов (стр. 424) — *Неизд. 1928*. *Кибела* (римск. миф.) — богиня земли, ее культ проник в Рим из Малой Азии. *Омен* (лат.) — предзнаменование. *Вызов мечут журавлям пигмеи...* — В «Илиаде» Гомера рассказывается о битвах сказочных карликов пигмеев с журавлями. *Край Носорогов* — упоминаемая Плинием страна в Африке.

«Разверстывается скатерть, как в рассказе о Савле...» (стр. 425) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «*Меа*»; дата не проставлена. *Рассказ о Савле...* — История Савла (апостола Павла) изложена в Библии, книга «Деяния апостолов». *Шапокляк* — складной цилиндр.

Шарманка (стр. 426) — альманах «Недра», М., 1925, кн. 6.

Германии (стр. 427) — *Неизд. 1928*. Рукопись не закончена и не датирована. Стихотворение написано под впечатлением оккупации Рурской области французскими войсками в 1923 г. в качестве санкции против Германии, приостановившей репарационные платежи. *Фаски* — см. прим. на с. 562. Итальянские фашисты заимствовали этот символ власти у древних римлян. *Клио* (греч. миф.) — муза истории. *Лемурия* — см. прим. на с. 575.

На смерть Вождя (стр. 429) — Листовка Моссовета, выпущенная в траурные дни смерти В. И. Ленина. В письме редактору «Известий» Ю. М. Стеклову Брюсов сообщает: «В самый день кончины Владимира Ильича ко мне обратились представители Моссовета с просьбой написать <для них> «кантату», которая будет немедленно положена на музыку и, может быть, будет исполняться на

похоромах. Несмотря на болезнь, я тотчас принялся за работу, написал эту «кантату», в которую постарался ввести мотивы «похоронного марша» и «Интернационала» (Труды отдела рукописей ГБЛ, вып. 29, М., изд-во «Книга», 1967, с. 244).

Реквием (стр. 430) — *Неизд. 1935*. В письме Ю. М. Стеклову Брюсов сообщает: «...ко мне обратился Большой театр (т. Малиновская). Было решено исполнить на похоронах Реквием Моцарта, и меня просили написать к нему новые слова... Когда работа была окончена, мне объявили, что Реквием отменен...» (Труды отдела рукописей ГБЛ, вып. 29, М., изд-во «Книга», 1967, с. 244).

«Свет обмер, тени наклонились...» (стр. 430) — *Неизд. 1928*.

Трава весенняя допела... (стр. 431) — Сб. «Валерию Брюсову», М., 1924, напечатано в виде факсимиле. *Капелла* — звезда первой величины в созвездии Возничего.

Dolce far niente (стр. 432) — журн. «Новый мир», М., 1925, № 3. Эпиграф из стихотворения В. Брюсова «День растоплен, море синее...».

«Краткими складками взморщи...» (стр. 432) — *Неизд. 1928*.

Максимилиану Волошину (стр. 433) — «Красная газета», Л., 1926, 9 октября, № 238. *Волошин* Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, художник и переводчик, в юности примыкал к символизму, печатался в «Весах». Брюсов писал в рецензии на сборник стихотворений Волошина: «Стихи М. Волошина не только признания души, сколько создания искусства; это — литература, но хорошая литература». («Далекое и близкое». М., 1912, с. 172). Леонид Гроссман вспоминает: «Август 1924 г. Валерий Брюсов проводил в Коктебеле, в гостях у Максимилиана Волошина. Собрание здесь обширное общество поэтов, ученых, художников и музыкантов во главе с гостеприимным хозяином сумело создать оживленную, культурнонасыщенную атмосферу, которая, видно, пришлась по вкусу Брюсову... Он стал не только участником, но и руководителем многих «литературных игр» и культурных развлечений. Одной из таких забав, всецело организованной им, были стихотворные конкурсы» («Борьба за стиль». М., 1927, с. 286, 288). «По установившейся традиции, 17 августа, в пору созревания крымских плодов и винограда, отмечался день рождения Максимилиана Волошина (хотя родился он в мае). Брюсов в честь юбиляра написал оду, выдержанную в шутливо-иронических тонах» (П. Дегтярев, Р. Вуль. У литературной карты Крыма. Симферополь, 1965, с. 142). Первая публикация сопровождалась примечанием, в котором сообщалось, что это «стихотворение относится к числу поэтических портретов владыки Киммерии и написано Брюсовым в Коктебеле».

Портрет женщины (стр. 434) — «Красная газета», Л., 1926, 9 октября, № 238, с предисловием, подписанным Э.Г.: «Летом 1924 года, незадолго до своей смерти, В. Я. Брюсов жил в Коктебеле (Крым) у Максимилиана Волошина. В кругу поэтов, живших тогда в волошинском «Доме Отдыха», нередко возникали состязания в стихосложении. Темой одного из таких состязаний был «старый портрет» (темой другого «Соломон»). Брюсов принимал участие в этой игре и написал приведенное ниже стихотворение...»

Соломон (стр. 435) — *Неизд. 1928*. На рукописи помета: «Коктебель». Стихотворение написано на конкурсе у М. Волошина. *Ашур*, или *Ассур*, — древняя Ассирия. *Хеми* — древний Египет.

Крылатый бык — символ силы в религиях древнего Востока. *Коршун-Гор* — у древних египтян бог солнца изображался с головой коршуна. *Ханаан* — в Библии этим именем названы Палестина и Финикия. *Сион* — Иерусалим. *Пунт* — древнее название юго-восточных стран черноморского побережья. *Храм Аммона* — храм в Египте. *Колонны San Marco* — см. прим. на с. 576.

К р ы м (стр. 436) — газ. «Неделя», М., 1967, 11 июня, № 25.

«В о т я — о б в я з а н, о к о в а н...» (стр. 437) — сб. «Стык», М., 1925. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Стихотворение написано, как я восстанавливаю в памяти, в последние дни перед болезнью (до 25 окт. 24 г.)». *Асканий* (греч. миф.) — сын Энея. *Сашем* — вождь племени у североамериканских индейцев. *Калюмет* — трубка мира у индейских племен.

Е г и п е т с к и е н о ч и (стр. 438) — альманах «Стремнины», М., 1916, № 1; с предисловием Брюсова: «Как известно, поэма «Египетские ночи» не была закончена Пушкиным. Сохранилось несколько черновых, подготовительных набросков и довольно большой отрывок, включенный в повесть, написанную прозой. Воссоздать по этим данным, что представляло бы целое, — и было задачей моей работы, которую можно назвать «дерзновенной», но ни в коем случае, думаю я, не «кошунственной», ибо исполнена она с подлинной любовью к великому поэту. Почти излишне говорить, что ни на миг не мечтал я сравниться с Пушкиным и своими стихами *заменить* ненаписанные части поэмы; я желал только помочь читателям, по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из его глубочайших созданий. При этом я вовсе не стремился писать непременно «под Пушкина», что крайне стеснило бы свободу творчества, и, чуждаясь всякой стилизации, довольствовался тем, что старался не выходить за пределы Пушкинского словаря, его ритмики, его рифм. Ограничивать себя теми выражениями, образами, мыслями, которые встречаются у Пушкина, казалось мне неправильным, так как поэт, в дальнейших главах поэмы, мог обнаружить и такие стороны своего гения, которые еще не проявлялись отчетливо в других его произведениях.

Все, что уже было сделано Пушкиным для «Египетских ночей», тщательно мною сбережено, не исключая черновых набросков, и заняло соответственные места целого. Стихи, набросанные Пушкиным начерно, остались без изменений, хотя несомненно, что многие из них поэт переделал бы при окончательной обработке поэмы. В недовершенных Пушкиным строфах приходилось прибавлять, иногда, по одному или по два стиха, в недовершенных стихах — по одному, по два слова, необходимых для рифмы или для смысла, но таких добавлений — очень немного. Впрочем, чтобы быть вполне точным, я должен указать, что в одной из недовершенных Пушкиным строф выражение «опа пошла» изменено на «пойдет», а в известном, более обработанном отрывке, включенном в повесть, два слова переставлены, для связи с предыдущим: вместо «вдруг» поставлено «вновь» и вместо «вновь» — «вдруг». Следует также добавить, что, во вновь написанных главах, в некоторые стихи введены образы и выражения Пушкина, взятые из черного наброска, позднее переработанного поэтом (переложенного из шестистопных ямбов в четырехстопные).

В заключение, для правильного определения моей ответственности, как поэта, считаю необходимым подробно перечислить все мои заимствования. Пушкину принадлежат: стихи 33—45, 47—54, первая половина стиха 55, стихи 58—59, рифмы стихов 64—65,

стих 66, первое слово стиха 67, стихи 69—72, 88—111, 112—115 (из чернового наброска), 116—164, 165—168, 215—222, также отдельные выражения стихов 346—347; 421; 425—426; 468; 497; 505. Все остальные стихи принадлежат мне всецело.

В 1910 г. в статье о «Египетских ночах» Пушкина В. Я. Брюсов писал: «Пушкин не довершил своей поэмы. Он показал нам, какой великий соблазн, какая страшная сила сокрыта для человеческого существа в сладострастии. Показал нам, как люди готовы ринуться в эту черную пропасть, даже если бы за то надо было заплатить жизнью. Намекнул нам на таинственную близость между страстью и смертью. Но Пушкин не договорил начатых слов.

Что могло следовать дальше? Хотел ли Пушкин представить в образах купленные ночи? три отношения к страсти и к смерти трех разных душ? и отношение к ним Клеопатры? Может быть, хотел он, в дальнейших стихах, придать несколько больше человечности образу Клеопатры, остающемуся в написанной части поэмы почти бездушным олицетворением красоты и соблазна? Не на это ли намекают стихи первоначального наброска, где Клеопатра не может сдержат в себе чувства горести, видя третьего из своих «властителей»?... Ответа нет на наши вопросы. Тайну своей поэмы Пушкин унес с собой» (Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова. т. IV, СПб. 1910, с. 444—449).

В 1914 г. Брюсов работал над поэмой. Под одной из рукописей (ГБЛ) помета: «начата зимой 1914—1915 гг., конечно — 25 июля 1916 г. Варшава — Белосток — Москва — Берег Клязьмы». Предисловие датировано 1 июля 1916 г. 10 июля 1916 г. Брюсов, отдохнувший в дер. Бурково под Москвой, пишет сотруднику альманаха «Стремнины» В. И. Язвицкому: «Год назад, в Варшаве, я сделал одну работу, которую в деревне теперь окончательно отделал... Это поэма «Египетские ночи» на Пушкинский сюжет... Ответственность, которую я беру на себя, продолжая дело Пушкина, конечно, огромна, и редакция поступит только осторожно, если откажется и в малой степени разделять со мной эту ответственность» (ГБЛ). Еще большее беспокойство чувствуется в приписке Брюсова к черновому автографу: «Всем известны отрывки из неоконченной поэмы Пушкина. В дальнейшем я делаю, может быть, святотатствую, попытки угадать, что могло бы следовать за этими начальными стихами». И тем не менее вначале Брюсов подумывал о возможности мистификации критики и хотел подписаться только под предисловием, но потом, по совету В. И. Язвицкого, отказался от этой мысли (см. воспоминания В. Язвицкого в кн.: А п у ш к и н. В. Брюсов. М., 1929, с. 340—341). В 1919 г. изд-во «Факелы» готовило к изданию сборник поэм В. Брюсова, куда входили и «Египетские ночи». Возможно, в связи с этим Брюсов начал переработку текста в 1919—1920 гг. Приводим набросок первой главы, относящийся к этому времени:

Сошла, пылая зноем, тьма
На дали Африки нагие.
Вкусила сон Александрия,
Утихли стогны, спят дома,
Лишь дальний Фарос одиноко
Горит на пристани широкой,
Как свет лампы, что зажжен
Лелеять девы чуткий сон.
Одни чертоги Птолемея

Шумят и блещут, пламенея,
Там созваны на новый пир
Друзья египетской царицы.
И, мнится, весь огромный мир
Вместился в тесные границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским мрамором обложен,
За пышно убранном столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей.
На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Светильников высокий строй
В день обращает мрак ночной,
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И триста дев скользят, цедя
Вино хиосское в фиалы,
И триста юношей стоят,
Держа тяжелые амфоры;
А черных свнухов следят
За ними сумрачные взоры.
Блистают сочные плоды,
Дары Финикии прекрасной,
Музыка стонет сладострастно,
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою
Точа во глубь струю воды.
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснятся толпами народ,
Глядя на смены наслаждений
Из-за растворенных ворот.
Открыта к морю колоннада
И ветра дуновенья ждут,
Но ветра нет, не колыхнут
Огня треножные лампы,
И дым курильниц недвижим;
И море зеркалом литым
Лежит у розовых ступеней,
Сторожевые сфинксы в нем
Отражены, но — без движений,
Уснув с гранатовым хвостом
И золочеными когтями.
Лишь звуки флейт и зов кифар,
Полны неизъяснимых чар,
Чуть движут сонными зыбями.

Появление «Египетских ночей» Брюсова вызвало многочисленные и противоречивые отклики. «Брюсов заимствовал у Пушкина, — писал В. М. Жирмунский, — лишь внешнее и немногое — материал

для поэтической постройки; это немногое он использовал по-своему, подчинив его формальным законам своего искусства. Тему «Клеопатры» он понял как тему эротической баллады, соединяющей напряжение радости и страдания, чувственное наслаждение и муку, страсть и смерть... Красота его баллад заключается в их напевности, в искусном повторении звуков и слов, ступающих эмоциональную насыщенность, смутно волнующих и создающих лирическое настроение, но не дающих четкого зрительного образа и не овладевающих логическим смыслом слов. По характеру своей поэтики Брюсов не классик, а романтик» (В. Ж и р м у н с к и й. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. П., 1922, с. 84—85). Иным было мнение М. Горького, писавшего Брюсову 23 февраля (8 марта) 1917 г.: «Если Вам интересно мнение профана в поэзии, — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый, и Вы — поэт божьей милостью, что бы ни говорили и ни писали люди «умственные» (М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 29. М., 1955, с. 380). *Киликия* — юго-восточная часть Малой Азии, во времена Клеопатры римская провинция. *Эпикур* (341—270 гг. до н. э.) — греческий философ-материалист, считавший, что высшим благом для человека является счастье. *Гимен* (греч. миф.) — бог брака. *Во дни жестокие Фарсала...* — В 48 г. до н. э. в битве при Фарсале Цезарь разбил армию сената во главе с Помпеем, который после поражения бежал в Египет. *Помпей Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец, участник первого триумvirата, погиб в Египте. *Андиомена* — см. т. 1, с. 629. *Антоний* — см. т. 1, с. 625.

«ОПЫТЫ»

«Опыты» — книга, стоящая особняком в творчестве Брюсова. Ближе всего она смыкается, пожалуй, с другой столь же особняком стоящей его книгой — «Снами человечества». Не случайно для Брюсова эти предприятия почти одновременны: как наиболее интенсивная работа над «Снами человечества» падает на 1912—1913 гг., так и на обложке «Опытов» стоит подзаголовок «стихи 1912—1918 г.». Оба замысла одинаково связаны с направлением творческих исканий Брюсова 1910-х гг. — направлением, которое можно назвать систематизаторским. «Образы веков» присутствовали в каждой книге зрелого Брюсова — в «Снах человечества» они сложились в связную галерею культурно-исторических картин, посвященных всем временам и странам. Стиховые эксперименты были издавна знакомы Брюсову (распатажные дольки в *TV*, ассонапы вместо рифм в *ВН*, переводы верхарновского стиха); в *СЦР* и *ДК* они являются еще чаще, чем в предыдущих сборниках, а в «Опытах» они складываются в широкую и продуманную антологию поэтических форм.

Таким образом, при всей необычности облика этого сборника, он полностью стоит в русле органической эволюции брюсовской поэзии 1910-х гг. Всего в «Опытах» 112 стихотворений и стихотворных циклов, но из них только 40 были новыми, написанными (хотя бы частично) специально для этой книги; остальные пришли в нее из *СЦР*, *ДК* и «Снов человечества».

В самом деле, программой «Снов» было представить «все формы, в какие облекалась человеческая лирика» (предисловие Брюсова); эти «формы» для Брюсова, конечно, были не только формами

поэтического мышления или эмоций, но и формами стиха и стиха. Поэтому воспроизведение экзотических форм виланели, риторнели, канцоны, газеллы, танки и пр. было для Брюсова в «Спах человеческого» законом; а оттуда соответствующие образцы легко переключались и в «Опыты». Наряду с такими стилизациями вошли в «Опыты» и прямые переводы — во-первых, из позднелатинских поэтов, которыми Брюсов занимался в это время в связи с другим своим неосуществленным замыслом (антология «Римские цветы»), во-вторых, из армянской поэзии, которую он открыл для себя и русского читателя именно в эту пору.

Параллельно с поэтическими экспериментами шло у Брюсова и теоретическое их осмысление. Его интерес к теории стиха был огромен и также имел свою историю. Еще в 1890-х гг. он задумывал написать «Учебник стиховорства»; черновых заметок к нему сохранилось очень много, и они не утратили научной ценности до наших дней. 1900-е гг. опять-таки увели Брюсова в сторону от этих замыслов. Новым толчком для теоретических занятий по стиху была для Брюсова работа тех же лет, что и первые «Опыты», — заказ на статью «Стихотворная техника Пушкина» для С. А. Венгерова (1913 г., закончена в феврале 1914 г.). Конкретный анализ пушкинского стиха заставил Брюсова вновь задуматься над общими проблемами метрики и ритмики. По-видимому, в первые месяцы 1914 г. он пишет первые частичные наброски общего очерка русского стихосложения, а зимой 1914/15 г. в Варшаве напряженно работает над большим исследованием «Законы русского стиха». Именно здесь сформулировались основные понятия брюсовского стиховедения; именно здесь определился главный практический интерес Брюсова в стиховедении — сколько и какие существуют *все* возможные ритмические вариации каждого стихотворного размера, и нельзя ли использовать их огромный запас шире, чем это делалось до сих пор? Отсюда уже вел прямой путь к собственным «Опытам по метрике и ритмике...». «Законы русского стиха» остались в нескольких черновых незаконченных вариантах; в 1915—1917 гг. Брюсов был отвлечен от них работой над армянской поэзией, над «Учителями учителей», над лекциями «Рим и мир»; но к весне 1918 г. брюсовская теория стиха уже была выношена настолько, что стала предметом курса в московской «Студии стиховедения», — а летом того же года вышли в свет «Опыты». Вступительная лекция с полной программой курса послужила предисловием к «Опытам», а конспективное изложение главной части курса было издано в 1919 г. под заглавием «Краткий курс науки о стихе (на обложке: «Наука о стихе»); часть I, частная метрика и ритмика русского языка» и переиздано с существенной переработкой в 1924 г. под заглавием «Основы стиховедения. Курс в. у. з.». Как и в «Опытах», за этой первой частью должны были последовать вторая — об евфонии, и третья — о строфах и формах; но окончательной обработки эти части не получили, хотя материал по евфонии Брюсовым был собран огромный и систематизирован очень глубоко (в самой сжатой форме он изложен в статье «Звукопись Пушкина», 1923).

Таким образом, можно даже в трех разделах сборника «Опыты» отметить связь с тремя истоками брюсовских экспериментальных интересов: в «опытах по метрике и ритмике» больше чувствуется Брюсов-теоретик, пробующий возможные, но доселе малоупотребительные метры и ритмы; в «опытах по евфонии» — Брюсов-практик, полагающийся преимущественно на свой поэтический слух (здесь

больше всего заимствований из *СЦР* и *ДК*); в «опытах по строфике» — Брюсов-стилизатор, воспроизводящий формы чужих и былых поэзий (здесь больше всего заимствований из «Снов человечества»; в одном из варпантов плана этот раздел назывался «Формы веков и стран»).

При всей пестроте сложившегося таким образом сборника, он достаточно отчетливо обрисовывает направления брюсовских исканий. В метрике это — «сверхкороткие» стихи, лишь изредка — «сверхдлинные» (для читателя 1910-х гг. они были уже не новинкой), имитации античных размеров, и лишь в последнюю очередь — игра редкими ритмами классических размеров («пеоны», «спондеи» и пр.) и разработка не-классических, чисто-тонических размеров («двух-трехдолники»). В евфонии это — «сверхдлинные» рифмы, неравносложные рифмы, удлинённые цепи рифм («перезвучия»), и лишь в последнюю очередь — ассонансы и опорные согласные («левизна в рифмах», по позднейшей терминологии Брюсова). В строфике это — имитация традиционных «форм веков и стран». Рукописный и машинописный материал, относящийся к «Опытам», хранится в *ГБЛ*. Первый набросок состава сборника относится к 1914 г. (заглавие: «Опыты, книга стихов 1912—1914 гг.»), второй — не раньше конца 1915 г. (в записной книжке. 14.6/1, рядом с планом нового «Учебника стихотворства»), третий — к окончательной стадии работы в 1918 г. (вариант заглавия — «Опыты оригинальные и переводные. Собрание стихов за XXV лет: 1892—1917»). Готовилась к печати книга очень быстро: недостававшие для полноты плана экспериментальные стихотворения были написаны в январе — марте 1918 г. (для иллюстраций к лекциям в «Студии»?) почти сразу набело, без поправок, и порой шли в типографию прямо с письменного стола. Некоторые из первоначально намеченных «опытов» не были написаны или не вошли в книгу: например, «одноstopный сонет» (очевидно, «Тема предчувствия», см. выше, с. 214), «сентон из стихов Пушкина», «Стихи на одной гласной (1-й стих на «а», 2-й стих на «е» etc.)», «à la Уолт Уитман», «полустипшия образуют отдельные стихотворения» (очевидно, сонет «Отточенный булат — луч рдяного заката!..», см. с. 379), «Томные грезы (вариации)» (с. 378), «Из Гейне (ритмы)», «чтение зигзагом (Шершеневич, Порфирий)», «спенсеровы строфы» и др. «Спенсеровы строфы», отсутствие которых в брюсовском сборнике, действительно, очень заметно, должны были быть вставлены в книгу в корректуре; Брюсов начал их, но не закончил.

ПОД ЯРМОМ

(Спенсеровы строфы. С английского)

Ворвался в дверь осенний жгучий холод,
В окоп мерцают звезды, как венец...
Стучал по мрамору привычный молот,
И с визгом бил уверенный резец.
Ваял надгробье дочери отец,
Седой скульптор. Жена, еще угрюмей,
Следила за трудом. Стук двух сердец
Отчетливо был слышен в ровном племе...

Но оба медлили, томясь в безмолвной думе.

А на столе, прекрасна и бледна,
Лежала девушка — безмолвна тоже.
К ней нежно саван льнул, как пелена,
На белый свадебный наряд похожий.

Был кроток лик, лишь губы стали строже,
 Чтоб тайну сохранить они могли.
 Ужель недавно, на греховном ложе,
 Все те же губы сладострастно жгли,
 И билась эта грудь восторгами земли?

Седой скульптор закончил изваянье:
 Печальный ангел, факел опустив,
 Глядит на небо, в знак обетованья.
 Покончен навсегда земной порыв,
 И свыше слышен радостный призыв.
 Но что ж! Здесь, на земле, во всех — страданье.
 Теперь поник отец, и плачет мать,
 И ветру вторит мрачное рыданье...
 [О если б только правду разгадать!..]

«Чтение зигзагом» (разновидность фигурных стихов, разработанная в IV в. Порфирием Оптацианом, которого Брюсов пытался переводить) — это, очевидно, стихотворение «Запоздалый ответ. Вадиму Шершеневичу» (1913), в ответ на аналогичное фигурное стихотворение Шершеневича, посвященное Брюсову (вошло в его книгу «Автомобилья поступь». М., 1916):

В л е к с у р о в у ю м е ч т у,
 д а й у т о м л е н н о й р е ч и,
 в а д и м ъ, и э т у д а л ь И т у,
 д а р И н а с т а р о м ъ В е ч е
 с е б е М г н о в е н и Е о г н я,
 д а й с м У т е с т е Н ы в о л и.
 т ы и с к у Ш е н и Е к р е м п я:
 з а т м е н и Е о Ш и б к у д н я —
 т р о н ь и с к Р о ю д о б о л и!

Стиховедческая терминология, которой пользуется в «Опытах» Брюсов, кратко раскрыта в его вступительной статье и подробно — в «Кратком курсе науки о стихе»; местами эта система понятий устарела, но отмечать это во всех частных случаях мы не считали нужным. Укажем только, что большинство количественных показателей обилия метрических и ритмических вариаций и пр., приводимых Брюсовым, по разным причинам сильно завышено.

Все стихотворения печатаются по текстам сб. «Опыты»; датируются по рукописям (ГБЛ). Ряд стихотворений датируется по первой публикации; эти даты поставлены в угловые скобки.

Р е м е с л о п о э т а (стр. 457) — «Опыты». В автографах — существенные варианты. Основная мысль статьи — о необходимости «Академий поэзии» — впервые высказана Брюсовым еще в 1902 г. в заметке «Школа и поэзия» (журн. «Семья», приложение к газ. «Русский листок», 10 марта) и отчасти реализована им при организации Высшего литературно-художественного института в Москве (1920—1921). Стр. 457. *Poetae nascuntur...* — Поэтами рождаются (лат.) Стр. 460. *Имеется небольшое количество... работ по некоторым отдельным вопросам...* — Брюсов имеет в виду работы: W. W u n d t. Grundzüge der physiologischen Psychologie, 3 Aufl., Lpz., 1887; A. C a s s a g n e. Versification et métrique de Ch. Baudelaire, P., 1906; и особенно А. Б е л ы й. Символизм. М.,

1910. Стр. 466. См. мою статью в «Аполлоне»... — Брюсов ссылается на свою статью «Об одном вопросе ритма (По поводу книги А. Белого «Символизм»)» — журн. «Аполлон», СПб., 1910, № 11, с. 52—60. По ипостасам они тождественны... — Неточность: первый пример имеет, кроме того, ипостасу спондеем в первой стопе.

ОПЫТЫ ПО МЕТРИКЕ И РИТМИКЕ¹

П л я с к а д у м (стр. 480, 531) — «Опыты».

В е ч н а я в е с н а (стр. 480, 532) — «Опыты». В своем примечании Брюсов прав: первое из двух стихотворений в таком виде, как оно напечатано, имеет вид трехстопного хорей, а второе — четырехстопного амфибрахия с рифмовкой каждого слова.

В е р е т е н а (стр. 481, 532) — «Опыты».

Б у р я с б е р е г а (стр. 481, 532) — «Опыты». Разница между пеонами и диямбами и дихореями в русском стихе очень сомнительна, и поэтому Брюсов для демонстрации самостоятельности пеонического размера заменяет в этом стихотворении 2-ю и 4-ю стопу каждой нечетной строки гораздо более редким размером — дипиррихием (два пропуска ударения подряд), не оговаривая этого в примечаниях.

Н а п р и ч а л е (стр. 482, 532) — «Опыты». Одна из первых проб того «спондеизированного» ритма, который стал обычен у Брюсова в стихах 1919—1924 гг.

У е д и н е н н ы й о с т р о в (стр. 482, 533) — «Опыты». Размер такого рода близок к ритму древнелатинского «сатурнийского стиха», которым Брюсов в это самое время переводил отрывки ранних римских поэтов для неосуществленной антологии.

В о с х о д л у н ы (стр. 483, 533) — см. прим. т. 2, с. 455. Интересной параллелью к этому стихотворению является «Тропическая ночь» в ПМ, написанная тем же 5-стопным хореем («4-стопный хорей» — ошибка Брюсова), но не с максимальным, а с минимальным ритмическим разнообразием — только полноударными строками.

А л т а р ь с т р а с т и (стр. 483, 533) — «Опыты». Размер 1-й и 3-й части — 4-стопный ямб, 2-й — 7-стопный хорей, 4-й — 3-стопный хорей. У А. Блока 7-стопный хорей встречается в стихотворениях цикла «Город», но лишь в сочетании с другими размерами.

Из Мениппей Варрона (стр. 486, 533) — «Опыты». Варрон Реатинский (I в. н. э.) — римский поэт, чьи «Мениппеи» («Менипповы сатиры») сохранились лишь в отрывках, среди которых переведенный Брюсовым — один из самых длинных. Перевод соблюдает в триметре цесуру после пятого слога.

В у с л о в н ы й ч а с (стр. 486, 533) — «Опыты».

Из п е с е н С а п ф о (стр. 487, 534) — см. прим. т. 2, с. 468.

Из Венка (стр. 487, 534) — см. прим. т. 2, с. 468 — «Из Александрийской антологии». В «Опытах» строфы 1 и 3 имеют обратный порядок.

В д у х е л а т и н с к о й а н т о л о г и и (стр. 487, 534) — см. прим. т. 2, с. 469 — «В духе Катулла» и «В духе римских эротиков» (№ 1). Вариант первого стихотворения с соблюдением цесуры после пятого слога (перед арсисом 3-й стопы) — см. *Неизд. 1928*, с. 49 («Ах! напрасно я верил в поцелуй...»). *Гендекасиллаб* — 11-сложный стих; *Фалех* (точнее Фалек, III в. до н. э.) — имя изобретателя этого размера.

¹ Курсивом даны страницы примечаний Брюсова.

Памятник (стр. 488, 534) — журн. «Гермес», СПб., 1913, № 8. Всего в архиве Брюсова сохранилось 6 редакций этого перевода. На одной из черновых рукописей дата: 20 августа 1912. *Либитина* — богиня смерти. *Дева безмолвная* — весталка; имеется в виду обряд ежегодного молебствия о благе Рима на главном римском холме — Капитолии. *Афид* — речка на родине Горация, в Апулии, царстве легендарного Давна. *Песни Эолли* — греческие лирические размеры, впервые введенные Горацием в римскую поэзию.

Рок (стр. 488, 534) — *РМ*, 1911, № 3, в статье об Авсонии «Великий ритор». Перевод первого стихотворения из цикла Авсония «Технопегнион» («Забавы в ремесле стиха»).

Пророчество мечты (стр. 489, 534) — «Опыты». Соразмерность слов в стихотворении дополнительно подчеркнута внутренними рифмами. Сохранился черновик перевода начальных стихов классического «ропалического» стихотворения — «Молитвы» Авсония:

Бог, отец, податель бессмертного существования,
Мы мольбой безгрешной прощения предумоляем;
Сим внемли молитвам смиреннейшим, препорочный,
Дай, Христе, увидеть образчики...

Гном о жизни (стр. 489, 534) — «Опыты». Гном — краткое сентенциозное стихотворение. Источник стихотворения (если ссылка на него — не мистификация) не обнаружен.

Послескитаний (стр. 490, 534) — см. прим. т. 2, с. 423. В «Опытах» стихотворение имеет иную строфику.

Весной (стр. 490, 535) — см. прим. т. 2, с. 422. В «Опытах» стихотворение разбито на строфы.

Клинопись (стр. 490, 535) — см. прим. т. 2, с. 468. В «Опытах» без разбивки на двустишия.

Из китайской поэзии (стр. 490, 535) — см. прим. т. 2, с. 477 — «Китайские стихи», № 1 и № 4.

Вечер после свиданья (стр. 490, 535) — «Опыты».

Ночная песнь странника (стр. 491, 535) — «Опыты». Перевод стихотворения Гете «Wanderers Nachtlied».

Друзья (стр. 491, 535) — см. прим. т. 2, с. 475. В «Опытах» с разбивкой на строфы.

Дождь (стр. 491, 535) — Э. В е р х а р н. Собрание стихов. М., «Универсальная библиотека», 1915. Перевод стихотворения «La pluie».

Присловья (стр. 493, 535) — «Опыты».

Частушки (стр. 494, 535) — «Опыты».

ОПЫТЫ ПО ЕВФОНИИ

Стр. 536. «Таблицы типов рифм», о которых говорит Брюсов, он пытался составлять в начале 1920-х гг. Но они остались лишь в черновых начатках.

Закатный театр (стр. 496, 537) — «Опыты». Первые опыты «укороченных рифм» появляются у Брюсова гораздо раньше *ВН* — в *МЕЕ* («Побледневшие звезды дрожали...» — см. т. 1, с. 116).

На пруду (стр. 497, 537) — «Опыты». Ср. позднейшее стихотворение «Где-то» («Меа», с. 195) с тройными омофоническими рифмами.

На берегу (стр. 498, 538) — см. прим. т. 2, с. 406.

Восторг женщины (стр. 498, 538) — «Опыты». До Брюсова рифмы такого рода были употреблены В. Ивановым («Поразвешены сети по берегу...» — в сб. «Нежная тайна», М., 1912).

Пожар (стр. 498, 538) — «Опыты».

Она — прелестна... (стр. 499, 539) — «Опыты».

На льдинах (стр. 499, 539) — «Опыты». В обычной терминологии «богатой рифмой» (на всех языках) называется то, что Брюсов называл «сочной» или «глубокой» рифмой; интерес к грамматической разнородности рифм — индивидуальная черта Брюсова (ср. примеры рифм на с. 536). *Тибериком* назван здесь (неточно) римский император Калигула (37—41 гг. н. э.), известный изречением «Как жаль, что у Рима не одна шея» (т. е. чтобы можно было перерубить ее разом).

Ты — что загадка... (стр. 500, 539) — «Опыты».

Ночь (стр. 501, 539) — см. прим. т. 2, с. 436.

Холод (стр. 501, 539) — см. прим. т. 1, с. 643.

С губами, сладко улыбающимся (стр. 501, 539) — «Опыты».

Длитесь, мгновенья! (стр. 502, 539) — «Опыты».

Как дельфин (стр. 502, 539) — «Опыты». В примечаниях Брюсова имеются в виду стихи З. Гиппиус «Неужные рифмы» («Северные цветы» на 1911 г.).

Реет тень (стр. 503, 539) — «Опыты».

Меж развалин (стр. 504, 539) — «Опыты».

Усни, белоснежное поле! — (стр. 504, 539) — см. прим. т. 2, с. 436.

Монопланы (стр. 504, 540) — «Опыты».

Вечером в дороге (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 422.

Две головки (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 430.

На лыжах (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 424 — «Мгновенья мгновенные», № 2. *Переводы Пушкина из Мицкевича...* — Имеется в виду стихотворение «Будры и его сыновья». Кроме напечатанных здесь образцов «сплошных и внутренних постоянных рифм», см. также стихотворение «Недосказанная, непонятная сказка жизни: с ней...» — из кн. «Стихи Нелли». М., 1913, с. 38.

Мгновенья мгновенье (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 424 — «Мгновенья мгновенные», № 1.

Как неяркие бутоны (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 424 — «Мгновенья мгновенные», № 3.

Лесные тропинки (стр. 505, 540) — см. прим. т. 2, с. 454.

Две малайских песни (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 471. В «Опытах» стихотворения не разбиты на строфы.

Две испанских песенки (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 472. В «Опытах» стихотворения расположены в обратном порядке и не разбиты на строфы.

Вербная суббота (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 430.

Сухие листья (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 422.

Лишь безмятежного мира... (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 441.

Это — надгробные нении... (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 456.

Утренняя тишь (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 454.

Последний спор (стр. 506, 540) — см. прим. т. 2, с. 458.

Мой маяк (стр. 507, 540) — см. прим. т. 2, с. 438.

Слово (стр. 507, 540) — «Опыты».

Июльская ночь (стр. 507, 540) — «Опыты».

В дорожном полусне (стр. 508, 540) — «Опыты».

В черновиках Брюсова сохранилось много набросков одностроичных палиндромов. Имя В. Каменского в примечании названо, по-видимому, по ошибке вместо имени В. Хлебникова с его стихотворением «Перевертень» («Коня. Топот. Инок...»); палиндромическая поэма Хлебникова «Уструг Разина» была написана уже после выхода «Опытов».

Голос луны (стр. 508, 540) — «Опыты».

Шутки (стр. 508, 540) — «Опыты».

Виденья былого (стр. 509, 540) — «Опыты».

Из латинской антологии. «Волн колыханье так наяд побеждает стремленье...» (стр. 509, 540) — «Опыты».

Из латинской антологии. I. «Нежный стихов аромат улаживает безделье девы...» (стр. 509, 540) — см. прим. т. 2, с. 469 — «В духе римских эротиков», № 3. II. «Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил...» (стр. 510, 540) — журн. «Гермес», СПб., 1911, № 9, под заглавием «О буквах на коре». Латинская антология — сборник позднеантичных стихотворений, составленный в латинской Африке в VI в. н. э. и переиздававшийся с многочисленными дополнениями; Брюсов пользовался им по изданию: Poetae latini minores, ed. Aem. Baehrens, Lipsiae, III — V, 1880—1883. Стихотворение «Волн колыханье так наяд побеждает стремленье...» — перевод стихотворения III, 27 (анонимное; смысл: «Стремление плывущих наяд побеждает колыханье волн так же, как пламенеющий южный ветер побеждает вал Икарова моря»); «Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил...» — автор Флор (II в. н. э.), IV, 415.

Характеристика Вергилия (стр. 510, 540) — РМ, 1910, № 1, в статье «Пентадий». Перевод стихотворения «Pastor, arator, eques...».

Восточное изречение (стр. 510, 541) — «Опыты».

ОПЫТЫ ПО СТРОФИКЕ

Рим (стр. 511, 541) — РМ, 1911, № 3, в статье «Великий ритор». Стихотворение — вступительное в цикле Авсония «Города». Моностихом было и знаменитое раннее стихотворение Брюсова «О, закрой свои бледные ноги» (см. т. 1, с. 36).

О императорах (стр. 511, 541) — РМ, 1911, № 3, в статье «Великий ритор». В стихотворении перечисляются первые двенадцать римских императоров от Цезаря до Домициана (I в. до н. э. — I в. н. э.).

О приближении весны (стр. 511, 541) — РМ, 1910, № 1, в статье «Пентадий». Эвр — юго-восточный ветер. Филомела — соловей (имя царицы, убившей сына и превращенной за то в птицу).

Подражание Горацию (стр. 512, 541) — см. прим. т. 2, с. 468.

К Лидии («Реже всё трясут запертые двери...» — стр. 512, 541) — журн. «Гермес», СПб., 1916, № 15-16. Перевод оды Горация I, 25.

К Л и д и и («Лидия! мне, во имя...» — стр. 513, 541) — журн. «Гермес», СПб., 1916, № 15-16. Перевод оды Горация I,8. В подзаголовках ошибка: первая из этих од написана «малой сапфической строфой», вторая — «большой сапфической строфой».

Н а б р е н н о с т ь (стр. 514, 541) — журн. «Гермес», СПб., 1911, № 9. Перевод стихотворения IV, 118 по указ. изд. «Латинской антологии». На черновой рукописи примечание Брюсова: «Время жизни Суллиция Луперка или Серваста (Сервазия) в точности неизвестно. Некоторые места из другого его стихотворения «De cupiditate» позволяют думать, что он был ритором и жил в последние годы существования Западной империи».

И з А л и р е Ш е н ь е (стр. 514, 541) — «Опыты». Перевод стихотворения «Voilà ce que chantait aux naïades prochaines...».

У м и р а ю щ и й д е н ь (стр. 515, 542) — см. прим. т. 2, с. 435. Теория терцин сводится к «цепному» расположению рифм по схеме: АВА ВСВ СDC DED... ХУХ УЗУ Z.

С о п е т ы. I. «В горах, в монастыре, песнь колокола плачет...» (стр. 515, 542) — П.А. II. «Цветы роют робко лепестки...» (стр. 516, 542) — П.А. М. Мицарэнц (Мецаренц, 1886—1908) — западноармянский поэт-лирик. Теория сонета — рифмовка 14 строк в двух четверостишиях и двух трехстишиях; четверостишия — преимущественно по схеме АВАВ АВАВ или АВВА АВВА, трехстишия — ССD EDE или ССD EED.

Н и к о л а ю Б е р н е р у (стр. 516, 542) — см. прим. т. 2, с. 438.

О В Л А Т (стр. 516, 542) — «Опыты». Теория рондо — рифмовка 13 строк в трех строфах по схеме (обычно) АВААВ ВААР АВАР, где Р — припев, повторяющий начало первой строки.

Е е к о л е н и (стр. 517, 542) — см. прим. т. 1, с. 642.

Т р и с и м в о л а (стр. 517, 542) — «Опыты».

Ф. Сологубу (стр. 517, 542) — см. прим. т. 2, с. 437. Схема рифм в триолете АВААВАВ (выделены повторяющиеся строки); в виланели — АВА АВА АВА... (первый и последний стих начального трехстишия по очереди замыкают следующие трехстишия); в балладе — три строфы АВАВВАВА и послышка ВАВА. В секстине каждая из шести строф повторяет рифмы предыдущей в последовательности 6, 1, 5, 2, 4, 3. Газелла — стихотворение, написанное двустишиями с рифмовкой АА ВА СА ДА..., причем после рифмующегося слова может следовать одно или несколько неизменно повторяющихся слов («редиф», род тавтологической рифмы). Персидские четверостишия (с рифмовкой ААХА) в настоящее время чаще называются их персидским названием «рубаи».

С о н м г н о в е н н ы й (стр. 517, 542) — см. прим. т. 2, с. 473 — «Виланель».

О ж е н щ и н а х б ы л ы х в р е м е н (стр. 518, 542) — см. прим. т. 2, с. 472.

О л ю б в и и с м е р т и (стр. 518, 542) — см. прим. т. 2, с. 431.

К Д а м е (стр. 518, 543) — см. прим. т. 2, с. 472.

Б е з н а д е ж н о с т ь (стр. 518, 543) — см. прим. т. 2, с. 432 — «Секстина».

П е с н я и з т е м п и ц ы (стр. 518, 543) — см. прим. т. 2, с. 473.

Д в о р е ц Л ю б в и (стр. 518, 543) — см. прим. т. 2, с. 472.

В т у н о ч ь (стр. 518, 543) — см. прим. т. 2, с. 470 — «Газели», № 1.

Твой взор (стр. 519, 543) — см. прим. т. 2, с. 470 — «Гавель», № 2.

Персидские четверостишия (стр. 519, 543) — см. прим. т. 2, с. 470.

Песнь норманнов в Сицилии (стр. 519, 544) — «Опыты». Сицилия была отвоевана норманнами у арабов в XI в.

Армянская песня (стр. 520, 544) — см. прим. т. 2, с. 471.

Джап-гюлюмы (стр. 520, 544) — ПА.

Армянская песня («Твоих грудей гранат—что меч!..») — стр. 521, 544) — ПА.

Армянская песня («Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!..») — стр. 521, 544) — ПА.

Армянская песня любви (стр. 522, 544) — ПА.

Японские танки и хай-кай (стр. 524, 544) — см. прим. т. 2, с. 470.

Треугольник (стр. 524, 544) — «Опыты». В русской поэзии первые «фигурные стихи» такого рода принадлежат А. Сумарокову и А. Ржевскому; незадолго до Брюсова четыре таких стихотворения опубликовал И. Рукавишников.

Терем мечты (стр. 524, 544) — «Опыты».

Вечеровое свидание (стр. 525, 544) — «Опыты». Обычно такое *бесконечное рондо* называется малайским термином «пантум» или «пантун». «Образец», упоминаемый в прим., — стихотворение Ш. Бодлера «Вечерняя гармония» (сб. «Цветы зла», раздел «Сплин и идеал»), образы которого использованы здесь Брюсовым.

Вечерний Пан (стр. 526, 544) — см. прим. т. 2, с. 422.

Итак, это — сон... (стр. 526, 544) — см. прим. т. 2, с. 423.

Городская весна... (стр. 526, 544) — «Опыты».

Закатная алость (стр. 527, 544) — журн. «Инокрена», М., 1918, № 2-3.

Голосинных миров (стр. 528, 544) — см. прим. т. 3, с. 551.

Молитва (стр. 528, 544) — газ. «Свобода и жизнь», М., 1917, 2 октября, № 12.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

(I—III тт.)

- «А сколько радости и неги...» — III, 257.
 Август («Здравствуй, Август, венчан хмелем...») — I, 461.
 «Авто, что Парижем шумят...» (Кругами двумя) — III, 135.
 Аганат («Небесная девственница...») — I, 241.
 «Адам! Адам! приникни ближе...» (Адам и Ева) — I, 384.
 Адам и Ева («Адам! Адам! приникни ближе...») — I, 384.
 «Ала зола.» (Шутки) — III, 509.
 Александр Великий («Неустанное стремление от судьбы к иной судьбе...») — I, 149.
 Александрийский столп («На Невском, как прибой нестройный...») — II, 78.
 Алтарь страсти («Любовь и страсть — несовместимы...») — III, 483.
 «Алуя розу любви, цветок, Эрицине любезный...» (В духе латинской антологии) — II, 327.
 «Алый бархат вечерет...» (Июльская ночь) — III, 507.
 Амалтея («Пустынен берег тусклого Аверна...») — I, 151.
 Анатолий («Я видела в окно: на маленькой гондоле...») — I, 74.
 Ангел благого молчания («Ангел благого молчания...») — I, 469.
 Ангел бледный («Ангел бледный, снеглазый...») — I, 119.
 Антоний («Ты на зкатном небосклоне...») — I, 392.
 Апрель («Кто поет, мечта ль, природа ль?») — III, 101.
 Апрельский хмель («Лиловые тени легли по последнему снегу...») — III, 16.
 Арарат из Эривани («Весь ослепительный, весь белый...») — II, 242.
 Ариадна («Во дворце Афинском, скорбно мрачен...») — III, 29.
 Ариадна (1. Жалоба Фессея; 2. Ариадна) — III, 27—29.
 «Ариадна! Ариадна!..» (Жалоба Фессея) — III, 27.
 Ариадне («Слышу: плачут волны Эльбы...») — III, 199.
 Армянская народная песня («Ах, если алым стал бы я...») — II, 339.
 Армянская песня («Твоих грудей гранат — что меч!..») — III, 521.
 Армянская песня («Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!..») — III, 521.
 Армянская песня любви («Нежная! милая! алая! скажи...») — III, 522.
 «Артуру ехать в далекий путь!..» — II, 393.
 Ассаргадон («Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон...») — I, 144.
 «Ассура край постигло наводнение...» (Во храме Бэла) — I, 362.
 «Астарта! Астарта! и ты посмеялась...» (Из ада изведенные) — I, 406.
 Астролог («Звездное небо плывет надо мной...») — I, 157.
 Атавизм («Поэты — пророки! но много ли стих их...») — III, 175.
 «Атака заката.» (Шутки) — III, 509.
 Атлантида («Над буйным хаосом стихийных сил...») — III, 383.
 Атлантида («Провеял дух, идущий мимо...») — II, 380.
 Афинский поденник говорит: («Что моя жизнь? лишь тоска да забота!..») — II, 249.
 «Ах, где-то лотос нежно спит...» (Баллада ночи) — II, 172.
 «Ах, если алым стал бы я...» (Армянская народная песня) — II, 339.
 Ахиллес у алтаря («Знаю я, во вражьем стане...») — I, 390.
 Аэропланы над Варшавой («Как пред грозой касатки низко...») — II, 150.

Баку («Холодно Каспию, старый пор-
чит...») — II, 238.
Бал («Неверная, обманчивая яс-
ность...») — I, 515.
Балаганы («Балаганы, балаганы...») —
III, 296.
Баллада («Горит свод неба, ярко-си-
ний...») — III, 361.
Баллада воспоминаний («На склоне
лет, когда в огне...») — II, 173.
Баллада ночи («Ах, где-то лотос неж-
но спит...») — II, 172.
Баллада о женщинах былых времен
 («Скляните, где, в стране ль те-
ней...») — II, 349.
Баллада о любви и смерти («Когда
торжественный Закат...») — II,
173.
Юргису Балтрушайтису («Нам долж-
но жить! Лучом и светлой
пылью...») — I, 354.
Юргису Балтрушайтису («Ты был
когда-то каменным утесом...») —
I, 198.
Бальдеру Локи («Светлый Бальдер!
мне навстречу...») — I, 388.
К. Д. Бальмонту («Вечно вольный,
вечно юный...») — I, 348.
К. Д. Бальмонту («Как прежде, мы
вдвоем, в ночном кафе. За вхо-
дом...») — II, 83.
К. Д. Бальмонту («Нет, я люблю тебя
не яростной любовью...») — I, 197.
К. Д. Бальмонту («Ты нашел свой
путь к лазури...») — III, 82.
Г. Г. Бахману («Вся красота тебе до-
ступна!...») — I, 199.
«Бахус жирный, Бахус пьяный...»
 («Бахус» Рубенса) — II, 188.
«Бахус» Рубенса («Бахус жирный,
Бахус пьяный...») — II, 188.
Баязет («Нет! не с ума сошел Мура-
тов сын...») — I, 157.
Беглец («Израненной рукой схватив-
шись за карниз...») — I, 75.
Беглецы («Стоя роковой прошел по
Риму: «Каньны!») — III, 43.
«Вз обоев бревна и тес...» — III, 226.
«Безбрежность восторга! бездонность
печали!...» (Десятая часть) — II,
210.
Безвестная вестница («Что это? Пе-
ние, славленье...») — II, 133.
«Безликая, она забыла счет обли-
чий...» (Жизнь) — I, 497.
«Безлюдье. Глушь. Зеленоватый...»
 (Лесная тьма) — III, 180.
«Безмолвные свидетели...» — I, 234.
«Безумец! думал плыть ты по...» —
III, 320.
«Безумие белого утра смотрело в
окно...» — II, 128.
«Безумцы и поэты наших дней...»
 (Данте) — I, 154.
«Белая роза дышала на тонком стеб-
ле...» (Весна) — I, 104.
«Белеет ночь. Деревья сквера...» —
III, 222.
«Белея, ночь приняла к яхте...»
 (У круглого камня) — II, 109.
Андрею Белому («Нас не призвал
посланник божий...») — I, 540.

Андрею Белому («Я многим верил до
иступленности...») — I, 353.
«Белы волны на побережья моря...»
 (Две малайские песни) — II, 336.
Белые клавиши («Белые клавиши в
сердце моем...») — I, 94.
«Белый день, прозрачно-белый...»
 (Знойный день) — I, 341.
«Белый конь! Тебе ль подкова!...»
 (Дикан-гюломы) — III, 520.
«Белый цвет магнолий...» — I, 167.
«Белых звезд прозрачное дыханье...»
 (Восход луны) — II, 281.
«Березка любая в губернии...» (Род-
ное) — III, 178.
Николаю Бернеру («Немеют волн
причудливые гребни...») — II, 202.
«Беспощадно обритель...» — I, 42.
Бессонная ночь («За окном белый сум-
рак; над крышами...») — III, 402.
Бессонница («Луна стоит над приз-
рачной горой...») — II, 14.
Библиотеки («Власть, времени силь-
ней, затаена...») — III, 32.
Библия («О, книга книг! Кто не изве-
дал...») — III, 25.
Благовестие весеннего утра («Утро.
Душа умиленно...») — III, 15.
«Благодарю, священный Хронос!...»
 (К Арапату) — II, 241.
«Благодарю тебя, боже...» (Моли-
тва) — III, 528.
Благословение («Сиянье глаз твоих
благословляю!...») — I, 479.
«Бледнеет ночь. Свой труд окончив...»
 (На заре) — II, 44.
«Бледнеют тени. Из-за ставен...»
 (Последний пир) — I, 403.
«Близ медлительного Нила, там, где
озеро Мерида, в царстве пламен-
ного Ра...» (Встреча) — I, 474.
Близ моря («Засыпать под ропот
моря...») — II, 60.
Близким (I. «Нет, я не ваш! Мне чуж-
ды цели ваши...»; II. «Нам руки
свободные свяжут...») — III, 288—
289.
Близкой («И когда меня ты
убьешь...») — I, 191.
Близкой («Как страстно ты ждала
ответа!...») — I, 448.
«Блится шелковый камзол...» (Про-
рицание) — II, 375.
Блудный сын («Ужели, перешедши
реки...») — I, 276.
«Боги позволили, Арго достроен...»
 (Орфей и аргонавты) — I, 394.
Боллер («Давно, когда модно дышали
пачули...») — III, 187.
Бой («Нет, не могу покориться те-
бе!...») — I, 489.
Болезнь («Демон сумрачной болез-
ни...») — III, 416.
Больше никогда («Больше никогда
на нежное свиданье...») — III,
337.
«Большой дорогой, шоссе откры-
тым...» — II, 31.
«Борьба не стихнет. В каждом до-
ме...» (К согражданам) — I, 425.
Боттичелли («Что затеял ты, Рок?
не игрой ли...») — III, 79.

Брань народов («Брань народов не утихнет...») — I, 224.
 «Братцы, дружно! Свежие росы!..» (Косцы в «сфере огня») — III, 306.
 Братья бездомные («Братья бездомные, пьяные братья...») — III, 266.
 Братьям соблазненным («Светлым облаком плененные...») — I, 225.
 «Бред ночных путей, хмельные кубки...» (Хмельные кубки) — III, 70.
 «Бред дождь, расчеловеченный...» (Дождь перед ночью) — III, 181.
 «Брошен вялкой на холод...» (Жернова) — I, 232.
 «Будешь помнить!» Прогремела...» (Одиссей у берегов Феаков) — III, 76.
 «Будущий век...» — III, 258.
 «Будь меж святых в веках помянутая...» (Чаша испытаний) — II, 146.
 Будь мрамором («Будь мрамором, будь медью ратной...») — III, 89.
 Бунт («В огне ночном мне некий дух предрек...») — III, 409.
 Буря и затишье («Плывем пустынной Ладогой...») — II, 267.
 Буря с берега («Перекидываемые, опрокидываемые...») — III, 481.
 «Бушует вьюга и взметает...» (Умиравший костер) — I, 484.
 «Бывало, клекотом тревожа целый мир...» (Орел двуглавый) — II, 225.
 «Бывают миги тягостных раздумий...» (Миги) — III, 41.
 «Был день войны, но час предсмертный дня...» (На память об одном закате) — II, 152.
 «Был день хрустальный, даль опаловая...» (Сандрилопе) — II, 87.
 «Был дождь и замер; молний звизги...» (После дождя) — III, 67.
 Был мрак («Был мрак, был вскрик, был жгучий обруч рук...») — III, 114.
 «Был он, за шумным простором...» (Город Вод) — II, 318.
 «Была зима; лежали плотно...» (Солнцеворот) — III, 15.
 «Была пора ударить буре...» (Пора!) — II, 144.
 «Были лемуры, атланты и прочие...» (Магистраль) — III, 161.
 «Было? Не знаю. Мальстрёмом крутящим...» (В первый раз) — III, 88.
 Быть без людей («В лицо мне веет ветер нежащий...») — I, 452.
 «Быть может, суждено земле...» (Предвещание) — II, 99.
 «Быть может, эти электроны...» (Мир электрона) — III, 172.
 «Быть может, у египетских жрецов...» — III, 422.
 «Быть может, я в последний раз...» (Последний путь) — III, 334.

В альбом («Многое можно прощать...») — III, 352.
 В альбом («Что наша жизнь? Несчастный случай!..») — II, 87.

В альбом девушке («В не новом мире грез и прозы...») — II, 86.
 В альбом Н*** («Люблю альбомы: отпечаток...») — II, 297.
 В альбом Н. («Она мила, как маленькая змейка...») — II, 86.
 В Баку («Стыдливо стучатся о пристань валы...») — II, 243.
 «В белом и трепетном озере груди твоей...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 330.
 В библиотеке («Это было однажды... то было лишь раз...») — III, 220.
 «В борьбе с весной редет зимний холод...» — I, 178.
 «В бочке обмерзлой вода колыхается...» (Мальчик) — I, 330.
 В будущем («Я лежал в аромате азалий...») — I, 75.
 «В былые дни луна была...» (Предание о луне) — I, 257.
 В вагоне («В ее глаза зеленые...») — I, 417.
 В вагоне («Душно, тесно, в окна валит...») — III, 415.
 В Варшаве («В первый раз по улицам Варшавы...») — II, 149.
 В вертеле («В сию минуту изысканном вертеле...») — I, 81.
 «В вечерних далах реет предо мной...» (Женя) — II, 307.
 В Вильно («Опять я — бродяга бездомный...») — II, 148.
 В гамма («В небе слабо синеватом...») — II, 275.
 «В глуби пустыни, в безвестном оазисе...» — III, 232.
 «В глуби тайные вселенной...» — III, 265.
 «В годину бед, когда народной веры...» (Мировой кинематограф) — III, 29.
 «В годы — дни (вечный труд!) переплавлять...» (Это я) — III, 197.
 В Голландии («Эти милые, красно-зеленые домики...») — II, 113.
 «В горах, в монастыре, песнь колокола плачет...» (Сонеты) — III, 515.
 В горнем свете («Я сознаю, что постепенно...») — III, 7.
 «В городе дышит весна...» (За городом) — III, 260.
 «В гробу, под парчой серебристой, созерцал я последнее счастье...» (Последнее счастье) — II, 288.
 «В дали, благостно сверкающей...» — I, 379.
 В Дамаск («Губы мои приближаются...») — I, 311.
 В день святой Агаты («Имя твоё непорочно и свято...») — I, 190.
 «В дни весенних новолуний...» (Ламия) — I, 150.
 В дни запустений («Придут дни последних запустений...») — I, 223.
 В дни, когда... («В дни, когда Роком я кинут...») — III, 74.
 «В дни отрочества, я пророчествам...» (Пророчества весны) — III, 8.
 «В дни победы, где в вихре жестоком...» (А. В. Луначарскому) — III, 81.

«В дни юности, на светлом небе...» (Звезда) — I, 556.

В дорожном полусне («Я — идилия?.. Я — иль Лидия?..») — III, 508.

В духе Катутлы («Обманули твои, ах! поделуи...») — II, 327.

В духе латинской антологии (1. «Алую розу любви, цветов, Эрицине любезный...»; 2. «Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...»; 3. «Голос, груди, глаза, уста, волосы, плечи, руки...») — II, 327—328.

В духе лириков VI—VII вв. (1. «Дождь! тебя благословляю!...»; 2. «Уже за горы канул месяц...»; 3. «В белом и трепетном озере груди твоей...»; 4. «Я брошен ею, но я не плачу...»; 5. «Через речку цепкие лианы...»; 6. «Я не всходил на Гималаи...») — II, 330—331.

В духе первых христианских гимнов («Воставши ночью, бога восславим мы...») — II, 329.

В духе римских эротиков (1. «Как корабль, что готов менять оснастку...»; 2. «Дедал, корова твоя глаза быга обманула...»; 3. «Нежный стихов аромат улаживает безделье девы...») — II, 328.

В духе Эйхендорфа («Я стою на опущенных лесах...») — II, 369.

«В ее глаза зеленые...» (В вагоне) — I, 417.

«В замке пышном и старинном, где пустынный круг покоев...» (Сны) — II, 182.

В застенке («Кто нас двух, душой враждебных...») — I, 400.

В игорном доме («Как Цезарь жителю Алезии...») — II, 57.

В игорном доме («Кто они, скажи мне, птица...») — I, 416.

В итальянском храме («Да, ранят все, последний убивает...») — II, 63.

В камышах («Луна в облаках — далека, хороша...») — I, 83.

«В круженье жизни многошумной...» — III, 359.

«В лабиринте аллей...» — I, 116.

В ладье («Дрожит ладья, скользит медлительно...») — II, 290.

В лесу («Если сердцу тяжело и грустно...») — II, 199.

«В лесу пропела пеленочка...» (Сиреночка) — II, 138.

«В лицо мне встает ветер нежащий...» (Быть без людей) — I, 452.

«В лицо осенний ветер встает. Колос...» (Предчувствие) — II, 43.

В лодке («Завечерело озера, легла благая тишь...») — II, 125.

В лодке рыбацкой («В лодке рыбацкой, недвижимой в снегу...») — II, 135.

В лугах («Задремал пастух понурый...») — I, 462.

В магическом саду («К скамье у мраморной цистерны...») — I, 76.

В мартовские дни («Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет...») — II, 220.

«В миг пред грозой набегающей трепещет...» (Пред грозой) — I, 211.

«В мире слов разнообразных...» (Труд) — III, 393.

«В мире широком, в море шумящем...» (Мы) — I, 230.

«В мое окно давно гляделся день...» (Сон пророческий) — I, 137.

«В моей душе, как в глубях оксана...» (<Из Венка сонетов>) — III, 353—354.

«В моей душе сегодня, как в пустыне...» (Хмель иступления) — I, 321.

В моей стране («В моей стране — покой осенний...») — II, 25.

«В моих словах бесстыдство было...» — I, 184.

В море («Ночью светлой, ночью белой...») — I, 455.

«В морозном тумане блещет Исакий...» (К Медному всаднику) — I, 527.

В наемной комнате («В наемной комнате все ранит сердце...») — II, 50.

«В нашем доме мыши поселились...» (Мыши) — I, 208.

«В не новом мире грез и прозы...» (В альбом девушке) — II, 86.

«В небе благодать, в небе радость, Солнце льет живую сладость, Солнцу — верность, Солнцу — вздох!...» (Осеннее прощание альфа) — I, 463.

«В небе, слабо синеватом...» (В гаммаке) — II, 275.

«В небе — яркость повечерия...» (Закатный театр) — III, 496.

В неконченом здании («Мы бродим в неконченом здании...») — I, 222.

В ночной полумгле («В ночной полумгле, в атмосфере...») — I, 65.

В ночь под Новый год («Минут годы. Станет наше время...») — III, 368.

«В огне ночном мне некий дух предвзвешен...» (Бунт) — III, 409.

«В одежде красной и черной...» (Мятеж) — III, 56.

«В одном из тех домов, придуманных развратом...» (Свиданье) — I, 310.

В окопе («В семье суровых ветеранов...») — II, 153.

В ответ («Еще я долго поброжу...») — I, 278.

В ответ на одно признание («Ты обо мне мечтала в годы те...») — II, 85.

В ответ тому, кто предложил мне «Выбор» («Давно, средь всех соблазнов мира...») — III, 313.

В первый раз («Было? Не знаю. Мальстрёмом крутящим...») — III, 88.

«В первый раз по улице Варшавы...» (В Варшаве) — II, 149.

В полдень («Свершилось! молодость окончена!...») — I, 396.

В полночь («Ты — мой, как прежде...») — «Твой, как прежде!» — I, 483.

«В полях забытые усадьбы...» — II, 31.

«В порыве скорби и отваги...» (Дух Земли) — I, 535.

- «В последний раз пропел петух...» — III, 244.
- В потоке («Я был простерт, я был как мертвый. Ты богомольными руками мой стан безвольный обвила...») — I, 478.
- «В пропасти улиц закинута...» (Слава толпе) — I, 437.
- В прошлом («Ты не ведала слов отречения...») — I, 74.
- В прятки («Ночь уснула, дождем убаюкана...») — III, 144.
- В публичном доме («Ходят и дерзко поводят плечами...») — I, 413.
- «В пустыне, где царственный Нил...» (Пирамиды) — II, 317.
- В пустынях («Так вот в какие пустыни...») — II, 22.
- В разные годы («В разные годы...») — II, 107.
- В разрушенном Мемфисе («Как царственно в разрушенном Мемфисе...») — II, 180.
- В раю («Лишь закрою глаза, как мне видится берег...») — I, 339.
- В ресторане («Вспоминаю под жалобой скрипки...») — II, 51.
- В ресторане («Горите белыми огнями...») — I, 414.
- В саду («Не дремлют тени...») — I, 47.
- «В светлом жемчуге росинок...» (Утренняя тишь) — II, 270.
- «В священной бездне мглы архангел мне предстал...» — III, 419.
- «В семье суровых ветеранов...» (В окопе) — II, 153.
- «В серебряной пыли полуночная влага...» (Отверженный герой) — I, 37.
- «В синеве пруда...» (Японские танки и хай-кай) — II, 335.
- «В сияющем изысканном вертепе...» (В вертепе) — I, 81.
- В сквере («— Что ты здесь медлишь в померкшей короне...») — I, 441.
- В склепе («Ты в гробнице распростерта в миртовом венце...») — I, 404.
- В смерть («В смерть, в вечный гром, в горящий вихрь, быть может...») — III, 91.
- «В смятении — думы; вся душа — в огне...» (Елена) — II, 308.
- «В снежной мгле угрюмы вопли вьюги...» (Тропическая ночь) — III, 19.
- В старинном храме («В этой хранилище тесной...») — I, 207.
- В старинной Риге («Здесь, в старинной Риге...») — II, 136.
- В старом Париже («Холодная ночь над угрюмою Сенной...») — I, 73.
- «В столярном зареве пожара...» (Россия) — III, 47.
- «В сумраке вечера ты — неподвижна...» (Видение) — I, 489.
- В такие дни («Расплавлены устопицины прежней...») — III, 59.
- «В твоём, в века вознзном имени...» (Римини) — III, 99.
- «В темном поле, в темном поле...» (Испанская песенка) — II, 391.
- В Тифлисе («Увидеть с улицы грохочущей...») — II, 239.
- «В тихом блсске дремлет леска...» — III, 381.
- В Тихом океане («Что за бурь, какого случая...») — III, 192.
- «В тиши задремавшего парка...» — I, 43.
- В том же парке («И в том же парке, давнем, старом...») — II, 123.
- В том же парке («Здравствуй, листик, тихо падающий...») — I, 512.
- «В том сером доме, в этом переулке...» — III, 364.
- «В торжественном, лучистом свете...» (Тигран Великий) — II, 244.
- «В тот год, когда господь сурово...» (К Армении) — II, 237.
- В трауре («Она была в трауре с длинной вуалью...») — I, 105.
- В трюме («Мы — двое, брошенные в трюм...») — I, 402.
- «В ту ночь нам птицы пели, как серебряном звеня...» (Газзли) — II, 333.
- «В уголку далекого парка...» (Мраморная арка) — II, 273.
- «В угрюмом сумраке ночей безлунных...» (У канала) — II, 167.
- В условный час («Приходи!» — страстно мечта сонет...») — III, 486.
- В церкви («Оплетены колонки...») — II, 58.
- В цыганском таборе («У речной изложжины...») — II, 266.
- «В час, когда гений вечерней прохлады...» — I, 129.
- В шхерах («Морской залив, вошедший в сушу...») — I, 458.
- «В этой хранилище тесной...» (В старинном храме) — I, 207.
- «В этом замке живет рыцарь сильный...» (Надписи на воротах) — II, 359.
- «В этом море кто так щедро...» (К Швеции) — I, 453.
- «В этом мутном городе туманов...» (Три кумира) — II, 187.
- «В этот светлый вечер мая...» (Одна) — I, 79.
- «В ярком венке из пурпурного мака...» (Сладострастие) — I, 338.
- «В ярком летнем свете...» (Детская площадка) — III, 36.
- «Вакханки встретили Орфея...» (Орфей) — III, 280.
- «Вам знакома ли Иньес...» (Иньес) — II, 367.
- «Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым...» (Романтикам) — III, 75.
- Вариации, на тему «Медного всадника» («Над омраченным Петроградом...») — III, 188.
- Вдоль моря («Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...») — II, 278.
- «Вдоль тихого канала...» (Туман) — I, 373.
- «Веет древний ветр...» (Закатный ветер) — II, 282.
- «Веет нежная прохлада...» (Всечер среди снегов) — I, 452.
- Век за веком («Взрывают весенние плуги...») — I, 460.

«Веками, эпохами, эрами...» (Общая станция) — III, 184.
 «Вековечней взойдиг меди я памятник...» (Памятник) — III, 488.
 «Великое презрение и к людям и к себе...» (Презрение) — I, 346.
 Величание («Величит душа моя господа...») — I, 214.
 «Величит душа моя господа...» (Величание) — I, 214.
 Венеция («Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах...») — I, 351.
 Бенок из васильков («Любо василечки...») — II, 272.
 «Венчальные платья мы сняли...» (Позор) — I, 106.
 Вера («Да! Каждый образ для меня священ!..») — II, 307.
 Вербная суббота («С вербочками девочки...») — II, 170.
 Веретена («Застонали, зазвенели золотые веретена...») — III, 481.
 Верные лире («К нам не была ль судьба скупа...») — III, 356.
 «Верные челны, причальте...» (Из песен Мальдуна) — I, 410.
 Веселая («Дай мне, Ваня, четвертак...») — I, 285.
 «Веселой тешились охотой...» (Rico Franco) — II, 347.
 «Веселый зов весенней зелени...» — II, 7.
 Весеннее («Остуженный последним снегом...») — II, 118.
 «Весенней ночью встречу звон пасхальный...» (Сорок пятый раз) — III, 11.
 Весенний дождь («Над простором позлащенным...») — I, 461.
 Весенняя песня девушек («Сини все проталины...») — I, 510.
 Весенняя песня о любви («Тосковать в снег весны, — о, банальные...») — III, 142.
 Весенняя поэма («И серое небо, и проволоки сети...») — III, 246.
 Весна («Белая роза дышала на тонком стебле...») — I, 104.
 Весна («С пестрым мешком за плечами татарин...») — III, 308.
 Весной («Не в первый раз твою поля...») — III, 51.
 Весной («Попискивают птицы...») — II, 117.
 Веснянка («Лишь на севере мы ценим...») — III, 17.
 Весталка («У забора, где травы так редки...») — III, 229.
 Весы качнулись («Весы качнулись мировые...») — III, 288.
 «Весь год прошел как сон кровавый...» (На новый 1905 год) — I, 424.
 «Весь город в серебряном блеске...» (Летучая мышь) — I, 82.
 «Весь день был тусклым, бледный и туманный...» — I, 164.
 «Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...» (In hac lacrimarum valle) — I, 306.
 «Весь ослепительный, весь белый...» (Арапат из Эривани) — II, 242

Ветви («Ветви склонялись в мое окно...») — I, 106.
 «Ветер вешний, ветер нежный...» (Льдянка) — II, 42.
 «Ветер гонит искры снега...» (От виска и до виска) — III, 145.
 «Ветер качает, надывавшийся чампаком...» (Две малайские песни) — II, 336.
 «Ветер печальный...» (Вечер после дождя) — I, 377.
 «Ветер с моря волны гонит...» — I, 168.
 «Ветер, сумрачно пророчащий...» (Над омутом) — II, 193.
 «Ветер уныло летает над палубой...» — III, 249.
 «Ветки, листья, три сучка...» (Даль) — III, 115.
 «Ветки темным балдахином свешивающиеся...» (Ночь) — II, 192.
 Ветренный вечер («Шумят задумчивые липы...») — III, 303.
 Вечер («Утомленный, сонный вечер...») — I, 111.
 Вечер в поле («Солнце сквозь деревья...») — III, 303.
 «Вечер мирный, безмятежный...» (Тишина) — I, 375.
 Вечер над морем («Желтым золотом окрашены...») — II, 115.
 Вечер после дождя («Ветер печальный...») — I, 377.
 Вечер после свиданья («Вода едва качает...») — III, 490.
 Вечер среди снегов («Вет нежная прохлады...») — I, 452.
 Вечерние пеоны («По широкому простору предвечерней синевы...») — III, 362.
 Вечерний Пан («Вечерний Пан исполнен мира...») — II, 116.
 Вечерний прилив («Кричат афиши, пышно-пестрые...») — I, 516.
 Вечерняя флейта («Вечерней флейты страстный трепет...») — III, 117.
 Вечерняя песня («Я тебе посвятил умиленные песни...») — II, 47.
 Вечернее свидание («Наступают мгновенья желанной прохлады...») — III, 525.
 Вечером («Дрожащей проволоки алы...») — II, 165.
 Вечером в дороге («Кричат дрозды; клонясь, дрожат...») — II, 117.
 Вечером перед церковью («Черной полоскою крест...») — I, 41.
 Вечная весна («И ночи — коротче, и тени — светлей...») — III, 480.
 «Вечно вольный, вечно юный...» (К. Д. Бальмонту) — I, 348.
 Вешние воды («Есть ряд картин, и близких и далеких...») — III, 375.
 Вещий ужас («Рук ласковых касанья; приближенья...») — III, 61.
 Вознесенный («Закатной яркостью взнесенный...») — III, 100.
 «Взрывают весенние плуги...» (Век за веком) — I, 460.
 «Видел я, над морем серым...» (Закат) — I, 169.
 Видение («В сумраке вечера ты — неподвижна...») — I, 489.

Видение крыльев («Связанные взглядом...») — I, 401.
 «Видениями заселенный дом...» (Дом видений) — III, 119.
 Виденья былого («Жестоко — раздумье. Ночное молчанье...») — III, 509.
 Виденья города («Предутреннего города виденья...») — II, 267.
 «Вижу лик луны...» (Японские танки и хай-кай) — II, 334.
 Вила («Я тебе скажу, мой милый...») — I, 215.
 Виланель («Все это было сон мгновенный...») — II, 351.
 «Вино ли пенится...» (Искра) — III, 111.
 Висби («Старый Висби! Старый Висби!...») — I, 457.
 Витраж-триптих («Рыцарь по отмели едет один...») — III, 340.
 Витязь («— О чем же ты тоскуешь, витязь...») — I, 344.
 «Вихри войны, кони гибели, не успокоены...» (Под гулы и взрывы) — III, 60.
 «Владыка слов небесных, Тот...» (Жрице луны) — I, 398.
 «Власть, времени сильней, затаена...» (Библиотеки) — III, 32.
 «Влачась по дням, при новой встрече...» — III, 278.
 «Внезапно ночью, близко от полуночи...» (Из Мениппей Варрона) — III, 486.
 «Вновь одинок, как десять лет назад...» (Mon rêve familier) — I, 324.
 «Вновь тот же кубок с влягой черной...» (Кубок) — I, 399.
 «Внутри земли, в холодном царстве тьмы...» (Подземные растения) — III, 235.
 «Во все века жила, затаена...» (Возрождение) — III, 386.
 «Во вселенной, страшной и огромной...» (Встречной) — I, 542.
 «Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми...» (Чудовища) — I, 333.
 «Во дворце Афинском, скорбно мрачен...» (Ариадна) — III, 29.
 Во мгле («Страстно, в безумном порыве ко мне ты прижалась...») — I, 62.
 «Во мгле ночной...» (Песня) — III, 236.
 «Во мгле, под шумный гул мести...» (Предчувствие) — II, 68.
 Во мне («Воспоминанья стран, — вопль водопадов...») — III, 89.
 Во храме Бэла («Асура край постигло наводнение...») — I, 362.
 «Вода едва качает...» (Вечер после свиданья) — III, 490.
 «Воды — свинца неподвижней; ивы безмолвно попики...» (Ночью у реки) — II, 281.
 Возвращаясь («Возвращаясь, мечтать, что завтра...») — III, 417.
 Возвращение («Я пришла к дверям твоим...») — I, 494.
 Возвращение («Я убежал от пышных брашен...») — I, 141.

«Возвысила ночь свою черную голову...» (Ночное одиночество) — II, 48.
 «Воздух живительный, воздух смолистый...» — I, 381.
 «Воздух становится синим...» — I, 372.
 Возрождение («Во все века жила затаена») — III, 386.
 «Вой, ветер осени третьей...» (Третья осень) — III, 48.
 Война («На камнях скал, под ропот бора...») — I, 423.
 «Война здесь прошла, прокричала...» (Пиршество войны) — II, 151.
 «Волн колыханье так наяд побеждает стремленье...» (Из латинской антологии) — III, 509.
 «Волной, как щупальцем огромным...» (Отлины) — I, 531.
 «Волны избегают и пенятся...» — I, 162.
 «Волны волос упали...» — III, 353.
 «Волны приходят, и волны уходят...» — I, 166.
 «Волны приходят, и волны уходят...» (Пифия) — III, 248.
 Максимилиану Волошину («Наш Агамемнон, наш Амфитрион...») — III, 433.
 «Волшебница северной ночи...» (К Большой Медведице) — I, 214.
 Волшебное зеркало («Все шло — точно-в-точь обыкновенное...») — III, 208.
 Воробушек («Озимь зеленые, оголенный лес...») — III, 309.
 «Ворожила мне маменька...» (Частушки) — III, 495.
 «Воспоминанье, с нежной грустью...» (Час воспоминаний) — I, 466.
 «Воспоминанья стран — вопль водопадов...» (Во мне) — III, 89.
 Воссоздатель («Спокойный взор вперив в обломок...») — I, 542.
 «Восставши ночью, бога восславим мы...» (В духе первых христианских гимнов) — II, 329.
 «Восток и Запад, хитрый Змей и Лев...» (Проблеск) — I, 227.
 Восторг женщины («Я — под синим пологом...») — III, 498.
 Восточное изречение («Что нам весной или за ней лано?...») — III, 510.
 Восход луны («Белых звезд прозрачное дыханье...») — II, 281.
 «Вот близкие склоняются ко мне...» (Надя) — II, 308.
 «Вот брошен я какой-то силой...» — III, 268.
 «Вот — вдоль исписана книгами, черной...» (Тетрадь) — III, 184.
 «Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец...» (1812—1912) — II, 183.
 «Вот замолкла, заснула, закуталась...» (Разочарование) — III, 139.
 «Вот и ты, печальная, отчалила...» (Прощание) — I, 411.
 «Вот он стоит, в блестящем орседе...» (Ученый) — I, 36.

«Вот они, скорбные, гордые тени...» (Женщинам) — I, 309.

«Вот опять мы уносимся, взброшенные...» (Кацели) — II, 289.

«Вот снова, с беззвучными стуками киров...» (Ночь с привидениями) — III, 205.

«Вот я — обязан, окован...» — III, 437.

«Вот я опять поставлен на астраде...» (Октавы) — III, 379.

«Вперяю взор, бессильно жадный...» (Нить Ариадны) — I, 275.

М. А. Врубелю («От жизни лживой и известной...») — I, 538.

Всадник в городе («Дух наших дней свое величество...») — III, 414.

«Все бездонней, все безмерней...» — III, 270.

«Все ближе, все ближе, все ближе...» — III, 295.

«Все дни — друг на друга похожи...» (Китайские стихи) — II, 387.

«Все ж, наклонясь над пропастью...» (Советская Москва) — III, 106.

«Все ж топот армий, гулы артиллерий...» (Девятнадцатый век) — III, 388.

«Все же где-то в сонном атолле...» (Мы все — Робинзоны) — III, 134.

«Все как было, все как вечно...» (К олимпийцам) — I, 420.

«Всё каменной ступени...» (Лестница) — I, 269.

Все кончено... («Эта светлая ночь, эта тихая ночь...») — I, 59.

«Все кончено! Я понял безнадежность...» (Отречение) — I, 472.

Все краски радости («Все краски радости — небесные цвета...») — III, 352.

«Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами...» (Симпозион заката) — III, 206.

Все люди («Все люди, люди и люди...») — III, 80.

«Все непрочное в мире родит, и ведет, и крушит Рок...» (Рок) — III, 488.

«Все рже я и все бесстрастней...» (Прелести земли) — I, 336.

«Все роковое божественно...» (Набросок) — III, 398.

«Все улицы полны народом...» (Римляне в Китае) — III, 363.

Все чаще («Все чаще по улицам Вильно...») — II, 148.

«Все шло — точь-в-точь обыкновенное...» (Волшебное зеркало) — III, 208.

«Все это было сон мгновенный...» (Виланель) — II, 351.

Всем («О, сколько раз блаженно и безгласно...») — II, 193.

«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...» — III, 322.

Вскрою двери («Вскрою двери ржавые столетий...») — III, 113.

«Вслед за картиной движется другая...» (Exodium) — III, 398.

«Вспоминаю под жалобы скрипки...» (В ресторане) — II, 51.

«Вспомни вскрики в огненной купели ласк...» (Trionfo della morte) — II, 287.

«Встав, прошумят и сгинути города...» — III, 295.

«Встарь исчерченная карта...» (Над картой Европы 1922 г.) — III, 149.

«В стозарном зареве пожара...» (Росси) — III, 47.

Встреча («Близ молчаливого Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра...») — I, 474.

Встреча («Еще мы чужие в мгновение при встрече...») — III, 249.

Встреча («О, эти встречи мимолетные...») — I, 412.

Встреча («Ты мне предстала как виденье...») — I, 499.

Встреча после разлуки («Забытая, бывшая обстановка...») — I, 48.

Встречной («Во вселенной, страшной и огромной...») — I, 542.

Вступление («Жизнь кончена, я это сознаю...») — III, 391.

Вступление к поэме «Атлантида» (I. «Муза в измятом венке, богиня, забытая миром!..»; II. «О, двойственность природы и искусства!..») — III, 247.

Вхождение («Как вит чудовищный, свиваясь вокруг стены...») — III, 335.

«Вся дрожа, и стою на подъезде...» (Туманные ночи) — I, 78.

«Вся жизнь моя — бесформенная греза...» — III, 224.

«Вся красота тебе доступна!..» (Г. Г. Бахману) — I, 199.

Втируша («Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу...») — I, 320.

«Вчера лесной я презрала дорогой...» (Сонет в духе Петрарки) — II, 352.

«— Вы бледны, моя сеньора...» (Испанские народные песни) — II, 346.

«Вы неисполненных надежд...» — II, 264.

«Вы, снежки, вейте...» — I, 174.

«Вы только промелькнули, — аккуратной...» (Клавдии Николаевне ***) — II, 299.

«Вы, флорентинки прошлых дней! — о вас...» (Флоренция Декамерона) — I, 156.

«Высока гора Кунак на Юге...» (Песня гренландцев) — II, 378.

«Высокая барка, — мечта-изваянье...» (Последние поэты) — II, 255.

«Высоко, высоко до небес...» (Присловья) — III, 494.

«Высоко над городом...» (Моноплац) — III, 504.

«Вьсь, ширь, глубь. Лишь три координаты...» (Мир N измерений) — III, 172.

Выходы («Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный...») — II, 292.

«Вышел Лепший, сел на пень...» (Друзя) — II, 369.

«Вьет дорога на деревни...» (Голос прошлого) — I, 373.

Газели (1. «В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...»; 2. «Пылают летом розы, как жгучий костер...») — II, 333.

Гарибальди («Что сделал ты, кем был, не это важно!..») — II, 185.

«Гаснут розовые краски...» (Осеннее чувство) — I, 33.

«Где? — в детстве, там, где ржавый пруд...» (Там, в днях...) — III, 141.

«Где вы, грядущие гунны...» (Грядущие гунны) — I, 433.

«Где море, сжатое скалами...» (Цусима) — I, 426.

«Где океан, век за веком, стучась о граниты...» (Ultima Thule) — II, 106.

«Где подступает к морю сад...» — I, 163.

Где-то («Островки, заливы, косы...») — III, 195.

«Где-то есть, за темной далью...» (Геспериовы сады) — I, 521.

«Где ты? где ты, милый?...» (Два голоса) — I, 404.

«Где твои стрелы, Эрот, — разившие взором Ифтимы...» (Из Александрийской антологии) — II, 325.

«Где я последнее желанье...» (Последнее желанье) — I, 270.

Германии («Кошмар! Кошмар опять! Один из многих...») — III, 427.

Германия («Германия! Германия!..») — III, 338.

Геро и Леандр («Геро, слушай! слышишь, Геро!..») — III, 78.

«Геро, слушай! слышишь, Геро!.. (Геро и Леандр) — III, 78.

«Геспер, приводишь ты все, разматала что светлая Эос...» (Из песен Сафо) — II, 324.

Геспериовы сады («Где-то есть, за темной далью...») — I, 521.

Гиацинт («Словно кровь у свежей раны...») — I, 312.

Гимн Атону («Прекрасен восход твой, о Атон живущий, владыка столетий!..») — II, 384.

Гимн Афродите («Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине...») — II, 103.

Гимн Афродите («За длительность вот этих митов странных...») — III, 64.

Гимн богам («Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной...») — II, 102.

Гимн Нилу («Слава Нилу, в мир сошедшему...») — II, 382.

«Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине...» (Гимн Афродите) — II, 103.

3. Н. Гиппиус («Неколебимой истины...») — I, 354.

3. Н. Гиппиус («Твои стихи поют, как звучный...») — I, 539.

Глаза («На берегу Мерпающих Озер...») — I, 213.

А. К. Глазунову («Слава — властелину звуков! творцу вдохновенному — слава!..») — III, 421.

«Глупец восклицает: «Ломок...» (Киптайские стихи) — II, 387.

«Глупое сердце, о чем же печалиться!..» — I, 61.

Гном о жизни («Жизнь — игра желаний мимолетных...») — III, 489.

«Гнутые высокие лотосы...» — III, 216.

Годы в былом («Наискось, вдоль, поперечниками...») — III, 143.

«Годы делят нас и поколенье...» (Первый привет) — III, 394.

Годы молчания («Есть для избранных годы молчания...») — I, 131.

Голос («Ты — мой, моей рукой отмечен...») — I, 486.

Голос города («Когда я ночью, утомлен, иду...») — I, 513.

Голос города («Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...») — III, 369.

«Голос, груди, глаза, уста, волосы, плечи, руки...» (В духе латинской антологии) — II, 328.

Голос иных миров («Пусть мучит жизнь, и день, что прожит...») — III, 23.

Голос луны («Я — око покоя...») — III, 508.

Голос мертвого («На заре вечерней, в трауре...») — I, 504.

Голос прошлого («Вьет дорога на деревни...») — I, 373.

Голос часов («С высокой бапши колокольной...») — I, 331.

«Голубое, голубое...» — I, 381.

«Гордись! я свой корабль в Египет...» — III, 403.

«Горе! горе! умер Ленин...» (Реквием) — III, 430.

«Горит свод неба, ярко-синий...» (Баллада) — III, 361.

«Горите белыми огнями...» (В ресторане) — I, 414.

Город Вод («Был он, за шумным простором...») — II, 318.

«Город — дом многоколонный...» (Женщины Лабиринта) — II, 314.

Город женщин («Домчало нас к пристани в час предвечерний...») — I, 357.

«Город Змеи и Медного Всадника...» (К Петрограду) — II, 217.

Город сестер любви («Неспешным ровным шагом...») — II, 259.

Городская весна... («Городская весна полошла, растопила...») — III, 526.

Городу («Царя властительно над домом...») — I, 514.

Максиму Горькому в июле 1917 года («Не в первый раз мы наблюдаем это...») — III, 43.

«Горят электричеством луны...» (Сумерки) — I, 450.

«Горящее лицо земля...» (Ночь) — I, 335.

«Господи! Господи!..» — I, 37.

«Господин, прости...» (Пифагорейцы) — III, 122.

Гребцы триремы («Тесно во мгле мы сидим...») — I, 419.

«Грезы быстрые, как чайки...» — III, 224.

«Гремя, прошел экспресс. У светлых окон...» (На полустапке) — III, 42.

«Гретхен, Гретхен, в темной нише...» (Фауст) — II, 76.

Груз («Книг, статуй, гор, огромных городов...») — III, 98.

Грустный вечер («Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах...») — I, 467.

«Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах...» (Грустный вечер) — I, 467.

«Грушу с яблоней в саду я деревьями посадил...» (Из латинской антологии) — III, 510.

Грядущие гунны («Где вы, грядущие гунны...») — I, 433.

Грядущий гимн («Солнце летит неизмерной орбитой...») — III, 103.

«Губы мои приближаются...» (В Дамаск) — I, 311.

«Да! Боль былую память множить рала!..» (Лада) — II, 305.

«...Да будет праведно возмездие...» (И. Туманяну) — II, 300.

«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...» — III, 275.

«Да! Вы поставлены на грани...» (К армянам) — II, 234.

«Да! Каждый образ для меня священ!..» (Вера) — II, 307.

«Да, можно любить, ненавидя...» — II, 37.

«Да, на дороге поколений...» (Наполон) — I, 160.

«Да, Польша есть! Кто сомневаться может?...» (Польша есть!) — III, 346.

«Да притихнут щекоты славие...» (Присловья) — III, 493.

«Да, пробил последний, двенадцатый час!..» (Июль 1903) — I, 356.

«Да, раилт все, последний убивает...» (В итальянском храме) — I, 63.

«Да! Ты ль, венок сонетов, неизмен?...» (Кода) — II, 310.

«Да! Ты ль, венок сонетов, неизмен?...» (Последняя) — II, 309.

«Да, убегает зима! оживляют землю зефиры...» (О приближении весны) — III, 511.

«Да! цепи могут быть прекрасны...» (Цепи) — I, 429.

«Да, эту улицу я знаю...» — I, 181.

«Да, я безумец! я не спорю!..» — III, 343.

«Да, я — моряк! искатель остро-вов...» (Дон Жуан) — I, 158.

«Давно, когда модно дышали пачу-ли...» (Бодлер) — III, 187.

«Давно охладели, давно окамене-ли...» (Та же грудь) — III, 196.

«Давно, среди всех соблазнов ми-ра...» (В ответ тому, кто предло-жил мне «Выбор») — III, 313.

«Давно ушел я в мир, где думы...» — I, 101.

«Давно я оставил высоты...» (К на-роду) — II, 286.

«Дай мне, Ваня, четвертак...» (Весе-лая) — I, 285.

«Дай мне вечер, дай мне отдых...» (Подражание народным песням) — II, 365.

«Дай устам моим приникнуть...» — I, 409.

«Далеский Сириус, холодный и не-мой!..» (Жрец) — I, 72.

«Дали сумрачны и хмуры...» (У ва-гонного окна) — III, 299.

Даль («Ветки, листья, три сучка...») — III, 115.

«Дальный шум фонтана...» — III, 241.

Дама трэф («Я знаю, что вы — ста-ромодны...») — II, 263.

Данте («Безумцы и поэты наших дней...») — I, 154.

Данте в Венеции («По улицам Вене-ции, в вечерний...») — I, 155.

Дачи осенью («Люблю в осенний день несмелый...») — I, 218.

Дачный бред («Так бывает в июне. Часы свечерели...») — III, 209.

Два врага («Над глубиью бездны перс-кинут...») — III, 336.

Два голоса («Где ты? где ты, ми-лый?...») — I, 404.

Два крыла («После тех самых путей и перепутий...») — III, 201.

Два мака («Наши души — два яркие мака...») — III, 228.

«Двадцать лет назад ты умерла...» — III, 311.

Две вазы («Две малых вазы из аль-вастра...») — III, 69.

Две головки («Красная и синяя...») — II, 171.

«Две малых вазы из альвастра...» (Две вазы) — III, 69.

Две малайские песни (1. «Белы волны на побережья моря...»; 2. «Ве-тер качает, надывающийся чам-паком...») — II, 336.

«Две свечи горят бесстыдно...» (Das Weib und der Tod) — II, 358.

Дворец Любви («Дворец Любви не замкнут каменной стеной...») — II, 345.

Дворец центромашин («Из тьмы, из бездн ипых столетий...») — III, 407.

Девичья («То-то жизнь наша при-скорбна...») — I, 284.

Девочка («Что же ты плачешь...») — I, 211.

«Девочка далекая...» (Колыбельная песня) — I, 343.

Девочка и ангел («Маленькая дево-чка плакала вчера...») — II, 169.

Девочка с куклой («— Что же ты сде-лала, девочка милая...») — II, 168.

Девочка с цветамп («Собирай свои цветочки...») — II, 169.

Девятнадцатый век («Все ж топот армий, гулы артиллерий...») — III, 388.

Девятое марта («Сорок было их в во-де холодной...») — II, 204.

Дедал и Икар («Мой сын! мой сын! будь осторожен...») — I, 522.

«Дедал, корова твоя глаза быка обманула...» (В духе римских эротиков) — II, 328.

Демон самоубийства («Своей улыбкой, странно-длительной...») — II, 16.

«Демон сумрачной болесани...» (Болезнь) — III, 416.
 Демоны пыли («Есть демоны пыли...») — I, 209.
 День («Еще раз умер, утром вновь воскрес...») — III, 90.
 День за днем («Мясорубками тело измолото...») — III, 94.
 «День, из душных дней, что клеймешы...» (На рынке белых бретелей) — III, 204.
 «День красочный, день ярко-пестрый...» — III, 323.
 «День обессилел, и запад багряный...» (У гроба дня) — I, 451.
 «День рассветает, встречая мечту...» (Рассвет) — I, 108.
 «День растоплен; море сине...» — I, 163.
 Деревенские рифмы («Опять — развесистые липы...») — II, 154.
 Десятая часть («Безбрежность восторга! бездонность печали!...») — II, 210.
 Детская («Палочка-выручалочка...») — I, 283.
 Детская площадка («В ярком летнем свете...») — III, 36.
 Детская спевка («На веселой спсноче...») — III, 39.
 Детские упования («Снова ночь и небо, и надменно...») — II, 101.
 Джан-гюлюмы (1. «Белый конь! Тебе ль подкова!...»; 2. «Как у нас за домом — старый склад...»; 3. «Дождь прошел и просверкал...») — III, 520.
 Дядохи («Искали царств, дробили грады...») — III, 186.
 «Дивный генуэзец! как нам стали понятны...» — III, 276.
 Дина («Ты — слаще смерти, ты — желанней яда...») — II, 306.
 «— Дитя, скажи мне, что любовь?...» — III, 281.
 Длится, мгновенья! («Реет река, лиловеющая...») — III, 502.
 «Для всех приходят в свой черед...» (Строгое зveno) — I, 134.
 «Для кого я пишу? — не знаю...» (К прошлому) — III, 243.
 Длятся, длятся... («Длятся, длятся, сцеплены, союзна...») — III, 71.
 «Дни для меня не замысловатые фокусы...» — III, 418.
 А. М. Добролюбову («Смутно куритесь, туманы былого!...») — III, 234.
 Довольным («Мне стыдно ваших поздравлений...») — I, 432.
 «Долгунул ветер, влажный и соленый...» (Под зимним ветром) — III, 146.
 Дождь («Как длинные нити, нетихнувший дождь...») — III, 491.
 Дождь в городе («Дождь окрасил цветом бурым...») — II, 55.
 «Дождь песенный, дождь веселый...» (Майский дождь) — III, 344.
 Дождь и солнце («Муаровые отблески сверкают под лучом...») — II, 126.
 «Дождь окрасил цветом бурым...» (Дождь в городе) — II, 55.

Дождь перед ночью («Брел дождь расчетливо-скупой...») — III, 181.
 «Дождь прошел и просверкал...» (Джан-гюлюмы) — III, 520.
 «Дождь! тебя благословляю!...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 330.
 Дозор («Я слежу дозором...») — I, 204.
 Должен был... («Должен был Герострат сжечь храм Артемиды в Эфесе...») — II, 96.
 Дом видений («Видениями заселенный дом...») — III, 119.
 Дома («Я люблю высокие дома...») — III, 253.
 Домовой («Опять, опять, опять, опять...») — III, 198.
 «Домчало нас к пристани в час предвечерний...» (Город женщин) — I, 357.
 Дон Жуан («Да, я — моряк! искатель островов...») — I, 158.
 Драма в горах («Пропел протяжный стон стрелы...») — II, 250.
 «Древний замок мой весь золотой и мраморный...» (Потомок) — I, 479.
 «Дремлет Москва, словно самка спящего страуса...» (Ночью) — I, 82.
 «Дрожащей проволоки альт...» (Вечером) — II, 165.
 «Дрожащие листья на бледные щеки...» — III, 233.
 «Дрожит ладья, скользя медлительно...» (В ладье) — II, 290.
 «Друг моих былых мечтаний, милый сон...» (Милый сон) — II, 45.
 Друзья («Вышел Леший, сел на пеню...») — II, 369.
 «Дуй, дуй, Дувун! Стоя тьмы по трубам...» (Зимой) — III, 181.
 Дух Земли («В порыве скорби и отваги...») — I, 535.
 «Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире...» (Средние века) — III, 386.
 «Дух наших дней свое величество...» (Всадник в городе) — III, 414.
 Духи земли («Со всеми мы братья...») — I, 232.
 Духи огня («Потоком широким тянулся асфальт...») — I, 439.
 «Душа твоя, быть может, ослепительней...» (К. А. Коровину) — II, 299.
 «Душа томится надеждой тщетной...» — III, 308.
 «Душен воздух вольных прерий...» (Ожидание) — I, 415.
 «Душно, тесно, в окна валит...» (В вагоне) — III, 415.
 Е. Т. («Кто глаза ее оправил...») — I, 543.
 Евангельские звери («У светлой райской двери...») — II, 251.
 Еврейским девушкам («Красивые девушки еврейского племени...») — III, 101.
 Египет («Исканьем тайн дух человека жил...») — III, 384.
 Египетские ночи («Прекрасен и беснечен пир...») — III, 438.

Египетский профиль («Когда во тьме
закинут твой...») — III, 67.
Египетский раб («Я жалкий раб ца-
ря. С восхода до заката...») —
II, 69.
«Едва ли ей было четырнадцать
лет...» (Продажная) — I, 108.
Единоборство («Я — побежден, и,
не упорствуя...») — II, 196.
«Единое счастье — работа...» (Рабо-
та) — III, 20.
«Единый раз свершилось чудо...»
(Патмос) — I, 393.
«Ее движения неprovорны...» (Habet
illa in alvo) — I, 295.
Ее колени... («Ее колени я целую. Те-
ни...») — I, 475.
«Ее он увидел в магический час...»
(Идеал) — I, 135.
Ей же («Огонь еще горит, и светит,
светит нам...») — I, 200.
«Ей лет четырнадцать: ее глаза...»
(Портрет) — II, 54.
Елена («В смятении — думы; вся
душа — в огне...») — II, 308.
Елена у Париды («Идет, безвольно
уступая...») — III, 185.
Ему же («Нет, мой лучший брат, не
прав ты...») — I, 349.
«Если б некогда гостем я прибыл...»
(Скифы) — I, 152.
«Если мне суждено умереть...» —
III, 245.
«Если сердцу таяно и грустно...» (В
лесу) — II, 199.
«Есть в жизни миги счастья, есть
женщины, вино...» (Персидские
четверостишия) — II, 332.
«Есть в мире демон, с женственным
лицом...» (Кошмар) — III, 31.
«Есть демоны пыли...» (Демоны пы-
ли) — I, 209.
«Есть для избранных годы молча-
ния...» (Годы молчания) — I, 131.
«Есть древняя чистая ласка...» (Il
basio) — I, 101.
«Есть месяцы, отмеченные Роком...»
(Октябрь 1917 года) — III, 104.
«Есть обольщение в вине...» (Мона
Лиза) — III, 266.
«Есть одно, о чем плачу я горько...» —
III, 242.
«Есть поразительная белость...» —
III, 283.
«Есть ряд картин, и близких и дале-
ких...» (Вешние воды) — III, 375.
«Есть слова волшебства. Вы всеиль-
ны...» — III, 259.
«Есть тонкие властительные связи...»
(Сонет к форме) — I, 33.
«Есть улица в нашей столице...»
(Фабричная) — I, 282.
«Есть что-то позорное в мощи приро-
ды...» — I, 112.
«Еще было совсем темно...» (Под
утро) — III, 293.
«Еще в мечтах чернеют стрелы...»
(Стрелы ресниц) — III, 66.
Еще закат («Свой круг рисуя все
ясней...») — I, 169.
Еще «мы» («Мы только стон у вечной
границы...») — I, 235.

«Еще мы чужие в мгновенье при
встрече...» (Встреча) — III, 249.
«Еще надеяться — безумие...» — I,
132.
«Еще недавно, всего охотней...» (То-
варищам интеллигентам) — III,
53.
«Еще нелогичный срок тебе рыдать, ре-
ка...» — III, 365.
«Еще немало перекрестков...» (У
цели) — III, 395.
«Еще покорный ваш вассал...» (При
посылке П. Верлену перевода
«Романсов без слов») — III, 214.
«Еще раз, может быть, в послед-
ний...» — III, 419.
«Еще раз умер, утром вновь воскре-
сес...» (День) — III, 90.
Еще так нежны... («Слова любви еще
так нежны...») — III, 117.
«Еще я долго поброжу...» (В ответ) —
I, 278.
«Жадно тобой наслаждаюсь...» —
I, 173.
Жалоба героя («Нас темного осталось
от грозного племени...») — I, 506.
Жалоба Фессея («Ариадна! Ариад-
на!...») — III, 27.
«Ждать в детстве воскресенья...»
(Праздники) — III, 37.
«Желанье, ужасу подобное...» — III,
306.
Железный путь («На середине жиз-
ненной дороги...») — III, 255.
«Желтым золотом окрашены...» (Ве-
чер над морем) — II, 115.
«Желтым шелком, желтым шел-
ком...» — I, 378.
«Женский голос — он прозра-
чен...» — III, 238.
Женский портрет («Что я могу при-
помнить? Ясность глаз...») — II,
160.
Женщинам («Вот они, скорбные, гор-
дые тени...») — I, 309.
Женщине («Ты — женщина, ты —
книга между книг...») — I, 179.
Женщины Лабиринта («Город — дом
многоколонный...») — II, 314.
Женя («В вечерних далах реет предо
мною...») — II, 307.
Жернова («Брошен вялкой на хо-
лод...») — I, 232.
«Жестоко — раздумье. Ночное мол-
чанье...» (Виденья былого) — III,
509.
Жигули («Над водой поникли
ивы...») — III, 298.
Жизнь («Безликая, она забыла счет
обликов...») — I, 497.
Жизнь («Подобна жизнь огням по-
тешным...») — I, 220.
«Жизнь — игра желаний мимолет-
ных...» (Гном о жизни) — III, 489.
«Жизнь кончена, я это сознаю...»
(Вступление) — III, 391.
«Жизнь трепетов любви не старит...»
(На выдох) — III, 59.
Жрец («Далекий Сириус, холодный
и немой!...») — I, 72.

Жрец Изиды («Я — жрец Изиды свет-
локудрой...») — I, 146.
Жрице луны («Владыка слов небес-
ных, Тот...») — I, 398.
Жрице луны («По твоей улыбке сон-
ной...») — I, 398.
«Жутко в затворенной спальне...»
(Ночной гном) — II, 283.

«За годами год, девятнадцатый
год...» — III, 223.
«За годом год, ряды тысячелетий...»
(Наряд весны) — III, 41.
За горопом («В городе дышит вес-
на...») — III, 260.
«За длительность вот этих мигнов
странных...» (Гимн Афродите) —
III, 64.
За картами («Опять истомой дышит
март...») — II, 174.
«За круглый стол однажды сел...»
(Смерть рыцаря Ланцелота) — II,
354.
«За окном белый сумрак; над крыша-
ми...» (Бессонная ночь) — III, 402.
«За полем снежным — поле снеж-
ное...» (Снежная Россия) — II,
269.
За пределами сказок («Они сошлись в
дубраве дикой...») — I, 217.
За пределами сказок («Под навесом
темной ели...») — III, 256.
«За тонкой стеной замкнула роля...»
(Стихи о любви) — III, 234.
За утесом («Плыви, плыви рекой вол-
нистой!...») — I, 498.
«Забава милой старины...» (Калей-
доскоп) — II, 194.
«Заботы дня, как псы, меня бесславно
травят...» — III, 260.
«Забывая, бывшая обстановка...»
(Встреча после разлуки) — I, 48.
«Забудь ли час, когда у сныны...»
(Победа при Каррах) — II, 245.
Завет Святослава («По знакомой доро-
ге назад...») — III, 348.
«Заветные ветры! скользая по пусты-
не...» (К ветрам) — III, 228.
Заветный сон («Заветный сон всту-
пает на ступени...») — I, 40.
«Завечерело озеро, легла благая
тишь...» (В лодке) — II, 125.
Завещание («Я жизнь прожила безот-
радно, бесцельно...») — II, 160.
«Завтра, когда мое тело найдут...»
(Записка самоубийцы) — I, 123.
Загадка Сфинкса («Зеленый шарик,
зеленый шарик...») — III, 152.
«Загорелся луч денницы...» (Песня из
темницы) — II, 350.
Загробный призыв («Опять, опять
я — близко, рядом!...») — III, 350.
«Задремал пастух погурий...» (В
лугах) — I, 462.
«Залучиво я слушаю...» (На льди-
нах) — III, 499.
Закат («Видел я, над морем се-
рым...») — I, 169.
Закат над морем («Над морем из се-
рого креп...») — II, 111.
«Закат спокойный и огнистый...» —
I, 464.

«Закат ударил в окна красные...» —
III, 361.
Закатная алость («Закатная алость
пылала...») — III, 527.
«Закатной яркостью взнесенный...»
(Взнесенный) — III, 100.
Закатный ветер («Веет древний
ветр...») — II, 282.
Закатный театр («В небе — яркость
повечерия...») — III, 496.
Закливание («Красный огонь, рас-
крутись, раскрутись!») — I, 508.
Закливание («Хавват владычи-
ца!...») — II, 385.
Заклочение («Над буйным хаосом
стихийных сил...») — III, 389.
Заклочительный («Четырнадцать на-
звать мне было надо...») — II, 309.
Заклятые Эроса («Проходя страду
аемную...») — III, 62.
«Закрыв измученные векп...» (На бе-
регу) — II, 48.
«Залито поле, как золотом...» (Поле
биты) — II, 150.
Залог («К нам немного доходит из
прошлого мира...») — I, 231.
Замкнутые («Я год провел в старин-
ном и суровом...») — I, 259.
Западный фронт («От Альп неподвиж-
ных до Па-де-Кале...») — II, 155.
Записка самоубийцы («Завтра, когда
мое тело найдут...») — I, 123.
«Засияла моя стена...» — III, 251.
«Заслушались тебя безмолвные на-
ды...» (Из Андре Шенье) — III, 514.
«Застонали, зазвенели золотые вере-
тена...» (Веретена) — III, 481.
«Засыпать под ропот моря...» (Близ
моря) — II, 60.
«Затерявшись в толпе, я люблю...»
(Летний праздник) — III, 241.
Затравленный зверь («Олень затрав-
ленный напрасно взор моля-
щий...») — III, 32.
Зачем? («Зачем? Разве я знаю?») —
III, 109.
Звезда («В дни юности, на светлом
небе...») — I, 556.
«Звезда затеплилась стыдливо...» —
I, 162.
Звезда морей («И нам показалось: мы
близко от цели...») — I, 216.
«Звездное небо бесстрастное...» — I,
43.
«Звездное небо плывет падо мной...»
(Астролог) — I, 157.
«Звезды закрыли ресницы...» — I, 45.
«Звезды тихонько шептались...» —
I, 45.
Звено в цепь («И в папах горах, в
этой каменной бойне...») — III,
112.
«Звон отдаленный, пасхальный...» —
I, 109.
«Звучный, мерный стук копыт...»
(Via Appia) — III, 367.
«Зданья громадные строите...» (Зем-
ля молодая) — II, 100.
«Здесь, в гостини полутемной...»
(Поцелуй) — I, 61.
«Здесь в рощах помоях лавры...»
(Песнь норманнов в Сицилии) —
III, 519.

«Здесь, в старинной Риге...» (В старинной Риге) — II, 136.
 «Здесь, где к прудам нависают раки-ты...» (Пленный лев) — III, 153.
 «Здесь же, в театре, когда-то с тобой...» — III, 215.
 «Здесь раннего посева всходы...» — III, 302.
 «Здесь снов не ваял Сансовино...» (Петербург) — II, 186.
 «Здравствуй, Август, венчан хмелем...» (Август) — I, 461.
 «Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!» (Повольник) — I, 502.
 «Здравствуй, здравствуй, новая сестра...» (Новая сестра) — II, 189.
 «Здравствуй, листик, тихо падающий...» (В том же парке) — I, 512.
 «Здравствуй, тяжкая работа...» (Работа) — I, 272.
 «Зев беспощадной орхидеи...» (Ф. Соллогу) — II, 201.
 «Зелен березами, липами, кленами...» (Хвала зрению) — III, 175.
 Зеленый червячок («Как завидна в час уныний...») — I, 203.
 «Зеленый шарик, зеленый шарик...» (Загадка Сфинкса) — III, 152.
 Земле («Как отчий дом, как старый горец горы...») — II, 98.
 Земля молодая («Здесь громадные стройте...») — II, 100.
 Зерно («Лежу в земле, и сон мой смутен...») — II, 26.
 «Зигзаги...» (Тема предчувствий) — III, 214.
 Зимнее возвращение к морю («Я скорей тебя увидел снова...») — II, 115.
 Зимние думы («Хорошо нам, вольным дымам...») — I, 333.
 Зимняя красота («Твердая серебряные сени...») — I, 336.
 Зимой («Дуй, дуй. Дууу! Стон тьмы по трубам...») — III, 181.
 «Злобный змей, зигзагом длинным...» (Перед электрической лампой) — III, 34.
 Змей («Припики головкой твоей...») — I, 46.
 «Знаешь, Миньона, один только раз...» — I, 60.
 Знакомая песнь («Эта песнь душе знакома...») — I, 428.
 Знакомый стих (I. Expositio; 2. Exodium) — III, 397—398.
 «Знакомый стих любимого поэта...» (Expositio) — III, 397.
 «Знаю сумрачный наход...» (Пеплум) — I, 287.
 «Знаю я, во вражьем стане...» (Ахиллес у алтаря) — I, 390.
 «Знаю я сладких четыре отрады...» (Отрады) — I, 228.
 Знойный день («Белый день, прозрачно-белый...») — I, 341.
 Зов автомобиля («Призыв протяжный и двухтонный...») — III, 13.
 Зов старинный («Свет из небесных скажиг...») — III, 350.
 «Зодчество церквей старинных...» — I, 174.

«Золотистые феи...» (Самоуверенность) — I, 34.
 Золото («Золото сделал я, золото...») — I, 233.
 «Золото сделал я, золото...» (Золото) — I, 233.
 «Золото, убранство тайного ковчега...» (К металлам) — I, 216.
 Золотой олень («Кем этот призраж заколдован?») — II, 247.
 ЗСФСР («Планеты и Солнце: Союз и Республики строим...») — III, 166.
 «Зубцы, ремни, колеса, печи...» (Машины) — III, 170.
 «Зыблются полосы света...» — III, 317.

«И вас я помню, перечни и списки...» (Терцины к спискам книг) — I, 326.
 «И вдруг все станет так понятно...» — III, 279.
 «И в наших городах, в этой каменной бойне...» (Звено в цепь) — III, 112.
 «И в том же парке, давнем, старом...» (В том же парке) — II, 123.
 «И в ужасе я оглянулся назад...» — I, 131.
 «И вы, святости снега, обесчещены...» (На леднике) — II, 62.
 «И когда меня ты убьешь...» (Близкой) — I, 191.
 «И нам показалось: мы близко от цели...» (Звезда морей) — I, 216.
 «И небо, и серое море...» — I, 192.
 «И ничего и ничего в ответ.» (Однострочные стихотворения) — III, 237.
 «И ночи и дни примелькались...» — I, 121.
 «И ночи — короче, и тени — светлей...» (Вечная весна) — III, 480.
 «И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день...» — I, 105.
 «... и, покинув людей, я ушел в тишину...» — I, 100.
 «И после долгих, сложных, трудных...» (Dolce far niente) — III, 432.
 «И серое небо, и проволоч сети...» (Весенняя поэма) — III, 246.
 «И снова бредешь ты в толпе неизменной...» — I, 107.
 «И снова давние картины...» — II, 33.
 «И снова дрожат они, грезы бессильные...» — I, 115.
 «И снова ты, и снова ты...» — I, 184.
 «И снова я, простерши руки...» — II, 35.
 «И ты стремишься ввысь, где солнце — вечно...» (Игорю Северянину) — II, 202.
 «И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье...» (Памяти И Коневского) — I, 352.
 «И я к тебе пришел, о город многоликий...» (Париж) — I, 302.
 «И я опять пишу последние слова...» (Последние слова) — I, 122.
 Иван-да-марья («Иван-да-марья...») — II, 271.
 Вячеславу Иванову («Когда впервые, в годы блага...») — I, 369.

Идеал («Ее он увидел в магический час...») — I, 135.
 «Идет, безвольно уступая...» (Елена у Париды) — III, 185.
 «Иду по бульвару. В померкшей листве...» — III, 231.
 «Иду скоро в дом свой я...» (Стихи на изразцах) — I, 505.
 «Идут года. Но с прежней страстью...» — II, 11.
 Из ада изведенные («Астарта! Астарта! и ты посмеялась...») — I, 406.
 Из Александрийской антологии (1. «Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою камнем...»; 2. «Где твои стрелы, Эрот, — разившие взором Ифиты...»; 3. «Общая мать, Земля, будь легка над моей Айсигеной...») — II, 325.
 Из Андре Шенье («Заслушались тебя безмолвные наяды...») — III, 514.
 Из арабской лирики («Натамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор...») — II, 338.
 «Из бездны ужасов и слез...» — I, 128.
 «Из Венка сонетов» (1. «В моей душе, как в глубях океана...»; 15. «В моей душе, как в глубях океана...») — III, 353—354.
 «Из викингов кто-то, Фритиоф ли, Гаральд ли...» (Искушение гибели) — III, 147.
 Из детской книжки («Мой плющ расцветает; живые побеги...») — III, 259.
 Из дневника (1. Полно; 2. Потоп) — II, 223—224.
 «Из-за облака скользящий...» — I, 168.
 Из латинской антологии («Волн колыханье так наяд побеждает стремленье...») — III, 509.
 Из латинской антологии (1. «Нежный стихов аромат улаживает безделье левы...»; II. «Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил...») — III, 509—510.
 Из лесной жути («Один — в лесную жуть, когда на муть речную...») — III, 178.
 Из Мениппей Варрона («Внезапно ночью, близко от полуночи...») — III, 486.
 Из наблюдений («Меж лун искусственных — луна...») — III, 34.
 «Из пожен вырван он и блещет вам в глаза...» (Кипжал) — I, 422.
 Из песен австралийских дикарей (1. «Кенгуру бежали быстро...»; 2. «Много женщин крепкотелых...») — II, 313.
 Из песен Мальдуна («Верные челны, причальте...») — I, 410.
 Из песен Саффо (1. «Сокрылась давно Селена...»; 2. «Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками...»; 3. «Геспер, приводишь ты все, разметала что светлая Эос...»; 4. «Рыбарю Пелагону отец Мениск вопреки влез...») — II, 324.
 Из письма («Милый, прости, что хочу повторять...») — I, 40.

Из тихих бездн («Их тихих бездн — к тебе последний крик...») — I, 484.
 «Из тьмы, из бездн иных столетий...» (Дворец центромашин) — III, 407.
 Измела («Сегодня! сегодня! как странно! как странно!...») — I, 58.
 «Израненной рукой схватившись за карниз...» (Беглец) — I, 75.
 Изречения (1. Афинский поленищик говорит; 2. Эпитафия римским воинам) — II, 249.
 Иксион и Зевс («О Зевс! где гром твой? до земли он...») — II, 179.
 Иматра («Кипит, шумит. Она — все та же») — II, 108.
 «Имса любимых, памятных, живых...» (Талья) — II, 303.
 «Имя твоё — из золота...» (Мадригал) — III, 84.
 «Имя твоё непорочно я свято...» (В день святой Агаты) — I, 190.
 Инкогнито («Порой Любовь проходит инкогнито...») — II, 110.
 «Иногда хорошо и отраднo...» — III, 358.
 Иньес («Вам знакома ли Иньес...») — II, 367.
 Ов. Иоаннисиану («К тебе приближаться, то значит...») — II, 300.
 «Искали царств, дробили грады...» (Диадохи) — III, 186.
 «Исканьем тайн дух человека жил...» (Египет) — III, 384.
 Искатель («Пришел я в крайние пустыни...») — I, 274.
 Искра («Вино ли пенится...») — III, 111.
 «Искры потоками сея...» (Путевые заметки) — II, 240.
 Искушение («Я иду. Спотыкаясь и падая ниц...») — I, 297.
 Искушение гибели («Из викингов кто-то, Фритиоф ли, Гаральд ли...») — III, 147.
 Испанская песенка («В темном поле, в темном поле...») — II, 391.
 Испанские народные песни (1. «— Вы бледны, моя сеньора...»; 2. «— Мой товарищ! мой товарищ!...») — II, 346.
 Исполненное обещание («Угрюм и грозен замок Твид...») — I, 545.
 Истинный ответ («Ты умрешь, и большего не требуй!...») — II, 105.
 «Истoma тайного похмелья...» (Le Paradis artificiel) — II, 21.
 «Итак, это — сон, моя маленькая...» — II, 127.
 Италия («Страна, измученная страстностью судьбы!...») — I, 300.
 «Ища забав, быть может, сатана...» (Memento mori) — III, 44.
 «Ишу грибы, вскрывая палочкой...» (По грибы) — II, 275.
 Июль 1903 («Да, пробил последний, двенадцатый час!...») — I, 356.
 Июльская ночь («Алый бархат вечерет...») — III, 507.
 «Июльский сумрак лепится...» (Нарусель) — III, 206.
 «Июльских сумерек лесная...» (Умильные слова) — III, 179.

К А — («Шаги судьбы по камням мира, свисты...») — III, 85.
 К Адалис («Твой детски женственный анализ...») — III, 85.
 К Арату («Благодарю, священный Хронос!...») — II, 241.
 К Армении («В тот год, когда господь сурово...») — II, 237.
 К армянам («Да! Вы поставлены на грани...») — II, 234.
 К Бальмонту («Погасни, исчезни...») — III, 250.
 К близкой («Предстанет миг, и дух мой канет...») — I, 314.
 К Большой Медведице («Волшебница северной ночи...») — I, 214.
 К Варшаве! («К Варшаве, красноармейцы...») — III, 55.
 «К великой цели двигались народы...» (Революция) — III, 387.
 К ветрам («Заветные ветры! скользя по пустыне...») — III, 228.
 «К встающим башням Карфагена...» (Эней) — I, 525.
 К Деметре («Небо четко, небо синее...») — I, 383.
 К Лидии («Лидия! мне, во имя...») — II, 513.
 К Лидии («Реже всё трясут запертые двери...») — III, 512.
 К Медному всаднику («В морозном тумане белеет Исакий...») — I, 527.
 К металлам («Золото, убранство тайного ковчега...») — I, 216.
 К моей стране («Моя страна! Ты доказала...») — II, 80.
 К монахине («Ты — монахиня! лилия бога!...») — I, 72.
 «К нам не была ль судьба скупа...» (Верные лире) — III, 356.
 «К нам немного доходит из прошлого мира...» (Залог) — I, 231.
 К народу («Давно я оставил высоты...») III, 286.
 К олимпийцам («Все как было, все как вечно...») — I, 420.
 К Пасифае («Нет, не тебя так рабски я ласкаю!...») — I, 476.
 К Петрограду («Город Змеи и Медного Всадника...») — II, 217.
 К портрету К. Д. Бальмонта («Угрюмый облик, каторжника взор!...») — I, 197.
 К портрету Лейбница («Когда внимаю я, как робкий ученик...») — I, 195.
 К портрету М. Ю. Лермонтова («Казался ты и сумрачным и властным...») — I, 195.
 К прошлому («Для кого я пишу? — не знаю...») — III, 243.
 К русской революции («Ломая кольцо блокады...») — III, 49.
 К самому себе («Я желал бы рекой изливаться...») — I, 202.
 К Северному морю («Я пришел с тобой проститься, море...») — II, 114.
 «К скамье у мраморной цистерны...» (В магическом саду) — I, 76.
 К собору Кемпера («Я был разорван мукой страстной...») — I, 528.

К согражданам («Борьба не стихнет. В каждом доме...») — I, 425.
 К солнцу («Летит земля на крыльях духа тьмы...») — III, 235.
 К стальным птицам («Я первые полеты славил...») — III, 349.
 «К стене причалил челн полночный...» (Освобождение) — I, 499.
 К счастливым («Свершатся сроки: загорится век...») — I, 434.
 «К твоему плечу прижаться...» — I, 193.
 «К тебе приблизиться, то значит...» (Ов. Иоаннисиану) — II, 300.
 К Тихому океану («Снилось ты нам с наших первых веков...») — I, 423.
 К устью! («На волны набегают волны...») — I, 346.
 К финскому народу («Упорный, упрямый, угрюмый...») — II, 79.
 «К чему чернеющий контур...» (Кондор) — III, 116.
 К Швеции («В этом море кто так щедр...») — I, 453.
 «Каждогодшо все так же, из миллионлетия в новые...» (Ультиматум весны) — III, 424.
 Каждый день («Каждый день поминайте молитвой умильной...») — II, 154.
 Каждый миг («Каждый миг есть чудо и безумье...») — I, 225.
 «Казался ты и сумрачным и властным...» (К портрету М. Ю. Лермонтова) — I, 195.
 Казачье становье («Отбрасывая версты, стучит автомобиль...») — II, 153.
 «Как ангел тьмы и ангел света...» — III, 311.
 «Как будто призраков туманный строй...» (Любовь) — II, 307.
 «Как в полдень колесница Феба...» (Фазтон) — I, 557.
 «Как вдруг неожиданно стали гулки...» (Прогрулка) — II, 363.
 «Как винт чудовищный, свиваясь вокруг стены...» (Всхождение) — III, 335.
 «Как всплывает алый щит над морем...» (При свете луны) — III, 9.
 «Как всякий, кто Любви застенок ведал...» (Сонет в манере Петрарки) — II, 392.
 «Как город призрачный в пустыне...» (Сон) — I, 340.
 «Как девушки скрывались в терем...» (Терем мечты) — III, 524.
 Как дельфин («Как дельфин тропических морей...») — III, 502.
 «Как длинные нити, нетихнувший дождь...» (Дождь) — III, 491.
 «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут...» (Подражание ашугам) — II, 340.
 «Как дни тревожит сон вчерашний...» (Не память...) — III, 177.
 «Как долго о прошлом я плакал...» (Отречение) — I, 133.
 «Как завидна в час уныний...» (Зеленый червячок) — I, 203.
 «Как золото на черни...» (Ночные страхи) — II, 284.

«Как золотые...» (Японские танки и ута) — II, 388.
 «Как из коры точит желтеющую камедь...» — III, 327.
 «Как корабль, что готов менять оснастку...» (В духе римских эротиков) — II, 328.
 Как листья в осень («Как листья в осень» — вновь слова Гомера...) — III, 174.
 «Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч...» (Первые встречи) — I, 376.
 «Как Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник...» (Памяти В. Ф. Комиссаржевской) — II, 82.
 «Как мечты о мечтах отошедшего детства...» (Nihil) — III, 137.
 Как неяркие бутоны («Как неяркие бутоны превращают лепестки...») — II, 137.
 «Как отчий дом, как старый горец горы...» (Земле) — II, 98.
 «Как по морю, морю снимему...» (При словья) — III, 494.
 «Как пойду я по бульвару...» (Фабричная) — I, 281.
 «Как пред грозой касатки низко...» (Аэропланы над Варшавой) — II, 150.
 Как прежде («Земля, как и прежде, все будет кружиться...») — III, 281.
 «Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом...» (К. Д. Бальмонту) — II, 83.
 «Как птицы очковой эмсеей очарованы...» — II, 39.
 «Как с камней пыль, мгновеньем сняты...» (Паломничество в века) — III, 405.
 «Как силы светлого и грозного огня...» (Сонет о поэте) — III, 254.
 «Как странно! Круг луны...» (Мертвец) — III, 199.
 «Как страстно ты ждала ответа!...» (Близкой) — I, 448.
 «Как струны оборвавшейся жалобный звук...» — III, 319.
 «Как у нас за домом — старый склад...» (Джан-гюлюмы) — III, 520.
 «Как царственно в разрушенном Мемфисе...» (В разрушенном Мемфисе) — II, 180.
 «Как царство белого снега...» — I, 99.
 «Как Цезарь жителям Алезии...» (В игорном доме) — II, 57.
 «Как ясно, как ласково небо!...» (По меже) — II, 30.
 Калейдоскоп («Забава милой старин...») — II, 194.
 Каменщик («Каменщик, каменщик в фартуке белом...») — I, 329.
 Каменщик («Камни, полдень, пыль и молот...») — I, 415.
 «Каменщик, каменщик в фартуке белом...» (Каменщик) — I, 329.
 Камни («Камни, камни! о вас сожаленье!...») — I, 345.
 «Камни, полдень, пыль и молот...» (Каменщик) — I, 415.

«Камни, камни! о вас сожаленье!...» (Камни) — I, 345.
 «Канули краски заката...» (Привет через звезды) — II, 286.
 Канцона к Даме («Судил мне бог пылать любовью...») — II, 344.
 «Наркайте, черные вороны...» (Черные вороны) — II, 277.
 Карл XII («Ты в древних сагах был предсказан...») — I, 528.
 Карусель («Юльский сумрак лепит...») — III, 206.
 Кассандра («Пророчица Кассандра! — тень твоя...») — I, 148.
 «Катамня! оставь притворство, дольно хитростей и ссор...» (Из арабской лирики) — II, 338.
 Качели («Вот опять мы уносимся, взброшенные...») — II, 289.
 Квартет («Четыре девочки по четырнадцать лет...») — II, 170.
 «Кем открыт в куске металла...» (Лев святого Марка) — I, 350.
 «Кем этот призрак заколдован?...» (Золотой олень) — II, 247.
 «Кенгуру бежали быстро...» (Из песен австралийских дикарей) — II, 313.
 Кинжал («Из ножен вырван он и блещет вам в глаза...») — I, 422.
 «Кипит встревоженное море...» — I, 165.
 «Кипит, шумит. Она — все та же...» (Иматра) — II, 108.
 Китайские стихи (1. «Твой ум — глубокий, что море!...»; 2. «Пусть этот чайник ясный!...»; 3. «Ты мне дороже, чем золото...»; 4. «Все дни — друг на друга похожи...»; 5. «Глупец восклицает: «Ломок...») — II, 387.
 Клавдий Николаевне *** («Вы только промелькнули, — аккуратной...») — II, 299.
 Кладбище («Солнце палит утомленную землю...») — III, 302.
 Клеопатра («Нет, как раб не буду распят...») — I, 391.
 Клеопатра («Я — Клеопатра, я была царица...») — I, 153.
 Клинопись («Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь...») — II, 323.
 Клитемнестра («Сестра — царит в надменной Трое...») — II, 71.
 «Книг, статуй, гор, огромных городов...» (Груз) — III, 98.
 Книга («Сцепень белых параллелограммов...») — III, 183.
 «Ко мне вошел ты, Соблазнитель...» (Соблазнитель) — II, 19.
 «Когда были дни я вижу сквозь туман...» — I, 86.
 «Когда вникаю я, как робкий ученик...» (К портрету Лейбница) — I, 195.
 «Когда во тьме закинут твой...» (Египетский профиль) — III, 67.
 «Когда впервые, в годы блага...» (Вячеславу Иванову) — I, 369.
 «Когда встречалось в детстве горе...» (У моря) — I, 292.
 «Когда мечта, под волей господина...» (Скользкая терцина) — III, 372.

«Когда мечты любви томили...» (О себе самом) — II, 244.
 «Когда мы бывали...» — I, 409.
 «Когда над городом сквозь пыль поют...» — III, 408.
 «Когда опускается штора...» — I, 172.
 «Когда овятых наук начала...» (Образы времен) — II, 176.
 «Когда сажу один я в комнате темно...» — I, 172.
 «Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» — III, 386.
 «Когда стоишь ты в звездном свете...» — III, 410.
 «Когда, счастливый, я уснул, она...» (Радостный миг) — II, 15.
 «Когда твою душу в объятиях нес...» (Н. Н. Сапунову) — II, 200.
 «Когда тебе, дитя, я приношу игрушки...» (Подражание Рабиндранату Тагору) — II, 331.
 «Когда торжественный Закат...» (Баллада о любви и смерти) — II, 173.
 «Когда шесть круглых дул нацелено...» (У Смерти на примете) — III, 197.
 «Когда я ночью, утомлен, иду...» (Голос города) — I, 513.
 «Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...» — III, 327.
 «Кого из жизни бури выбили...» (Уйди уверенно) — II, 294.
 Кода («Да! ты ль, венок сонетов, неизменен?») — II, 310.
 Колыбельная («Кто пришел, кто стоит...») — III, 494.
 Колыбельная («Спи, мой мальчик! Птицы спят...») — III, 40.
 Колыбельная песня («Девочка далекая...») — I, 343.
 Колыбельная песня («Мы забавляемся...») — I, 193.
 Коляда («Я Баба-Яга, костяная нога...») — I, 209.
 Коммунарам («Под вопль вражды, под гулким гневом...») — III, 104.
 Кому-то («Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!») — I, 537.
 Кондор («К чему чернеющий контур...») — III, 116.
 «Кончено! кончено! Я побежден...» — I, 123.
 Конь блед («Улица была — как буря. Толпы проходили...») — I, 442.
 К. А. Коровину («Душа твоя, быть может, ослепительней...») — II, 299.
 «Костей, бутылок продавать!..» — II, 251.
 «Костра расторгнутая сила...» — I, 408.
 Косцы в «сфере огня» («Братцы, дружно! Свежи росы!..») — III, 366.
 Который раз («Опять весна. Знакомый круг...») — I, 467.
 Кошмар («Есть в мире демон, с женственным лицом...») — III, 31.
 Кошмар («Эту женщину я раз единственный видел...») — II, 13.
 «Кошмар! Кошмар опять! Один из многих...» (Германии) — III, 427.
 «Красивые девушки еврейского племени...» (Еврейским девушкам) — III, 101.

Краски («Я сегодня нашел свои старые краски...») — I, 237.
 «Красная и синяя...» (Две головки) — II, 171.
 Красная шапочка («Красная шапочка! Красная шапочка!..») — I, 204.
 «Красное знамя («Красное знамя, весть о пролетариате...») — III, 133.
 «Красный огонь, раскрутись, раскрутись!..» (Закливание) — I, 508.
 «Красным закатом забрызгано поле...» (На закатном поле) — II, 284.
 Краткий дифирамб («Летайте, птицы...») — III, 369.
 «Краткими складками взморщи...» — III, 432.
 Крестная смерть («Настала ночь. Мы ждали чуда...») — II, 75.
 «Крестят нас огненной купелью...» (Нам проба) — III, 52.
 «Кричат афиши, пышно-пестрые...» (Вечерний прилив) — I, 516.
 «Кричат дрозды; клонясь, дрожат...» (Вечером в дороге) — II, 117.
 Крот («Роет норы крот угрюмый...») — II, 120.
 Кругами двумя («Авто, что Парижем шумят...») — III, 135.
 Круги на воде («От камня, брошенного в воду...») — II, 143.
 «Крут и терпк осенний вечер; с поля...» (Современная осень) — III, 182.
 Крым («Лестью солнца в лоск облакан...») — III, 436.
 Крысолов («Я на дудочке играю...») — I, 417.
 «Кто был он? — Вождь, земной Вожатый...» (Лепина) — III, 163.
 «Кто глаза ее оправил...» (Е. Т.) — I, 543.
 Кто? — мы? иль там... («Моя рука — к твоей святине...») — III, 146.
 «Кто назвал Любовь?..» (Японские танки и хай-кай) — II, 335.
 «Кто нас двух, душой враждебных...» (В застенке) — I, 400.
 «Кто они, скажи мне, птица...» (В игорном доме) — I, 416.
 «Кто поет, мечта ль, природа ль?..» (Апрель) — III, 101.
 «Кто поздно иль рано придет к сим воротам...» (Надписи на воротах) — II, 359.
 «Кто председатель? кто вожатый?..» (Уличный митинг) — I, 430.
 «Кто пришел, кто стоит...» (Колыбельная) — III, 494.
 «Кто сожалеет о прекращении днях...» (Oblat) — III, 516.
 « — Кто ты? — Я — чувство, я — любовь...» — III, 263.
 Кубок («Вновь тот же кубок с влажной черной...») — I, 399.
 Кубок Эллады («Слишком полно мойрами был налит...») — III, 115.
 М. А. Кузмину («Мгновенья льются, как поток бессменный...») — I, 541.
 Кучи свежего снега («Кучи свежего снега...») — III, 219.

Лада («Да! Боль былую память мно-
жить рада...») — II, 305.
Ламия («В дни весенних новолу-
ний...») — I, 150.
Ландыш («Ландыш милый, ландыш
нежный...») — II, 271.
Лев и Свинья («Однажды Лев...») —
III, 357.
Лев святого Марна («Кем открыт в
куске металла...») — I, 350.
Легенда лет («Мощь — в плиты пи-
рамиды; гнев холодный...») — III,
135.
Лед и уголь («Лед и уголь, вы —
могильны!») — I, 340.
«Лежу в земле, и сон мой смутен...»
(Зерно) — II, 26.
«Лежу на камне, солнцем разогре-
том...» — I, 185.
Леля («Четырнадцать имен назвать
мне надо...») — II, 303.
Лисии («Кто был он? — Вождь, зем-
ной Вожатый...») — III, 163.
«Лепесток отцветающей розы...» (Со-
фии С., подарившей мне лепесток
розы) — I, 113.
«Лес, луга, плоскогорья — невидан-
ной фауны...» (Молодость мира) —
III, 191.
Песня дева («На перекрестке, где
сплелись дороги...») — I, 322.
«Песня птица, влетевшая в сумрач-
ный зал...» (Песня древнего на-
рода) — II, 378.
Песня тьма («Безлюдье. Глушь.
Зеленоватый...») — III, 180.
Песные тропинки («Лесные тропинки!
лесные тропинки! не раз и не
два...») — II, 274.
Пестница («Всё каменней сту-
пени...») — I, 269.
«Пестью солнца в лоск обласкан...»
(Крым) — III, 436.
«Летайте, птицы...» (Краткий дифи-
рамб) — III, 369.
«Летит земля на крыльях духа
тьмы...» (К солнцу) — III, 235.
Летний бал («Я вас благословляю,
рощи...») — II, 362.
«Летний вечер пышен...» (Я люблю
другого) — III, 240.
Летний праздник («Затерявшись в
толпе, я люблю...») — III, 241.
Летняя гроза («Синие, чистые да-
ли...») — II, 32.
Летом 1912 года («Пора сознаться:
я — не молод; скоро — сорок...») —
II, 95.
Летучая мышь («Весь город в сере-
бряном блеске...») — I, 82.
«Лидия! мне, во имя...» (К Лидии) —
III, 513.
Лик Медузы («Лик Медузы, лик
грозящий...») — I, 431.
Ликорн («Столетний бор. Вечерний
сумрак зелен...») — I, 470.
Лила («Навен закрепощенных в чет-
кий стих...») — II, 306.
«Лиловые тени легли по последнему
снегу...» (Апрельский хмель) —
III, 16.
Лири («Прозрев, я в лиру верую...») —
II, 205.

Лири и ось (1. Лири; 2. Ось) — II,
205—206.
«Лист широкий, лист банана...» (На
журчащей Годавери) — I, 67.
Листок, спрятанный в коре («Над
Озером Грез, где большие бере-
зы...») — III, 332.
«Листья бледные кружатся...» (Под-
ражания народным песням) — II,
365.
Лишь безмятежного мира («Лишь
безмятежного мира жаждет душа,
наконец...») — II, 212.
«Лишь закрою глаза, как мне видит-
ся берег...» (В раю) — I, 339.
Лишь миги («Не шествия, где в гул
гуляют знамена...») — III, 144.
«Лишь на севере мы ценим...» (Вес-
нянка) — III, 17.
Лишь одного! («Лишь одного: я быть
с тобой хочу!...») — I, 476.
«Лишь только закят над волнами...»
(На острове Пасхи) — I, 68.
«Лодка, порывистым ветром качае-
ма...» (Сайма) — II, 110.
«Ломая кольцо блокады...» (К русской
революции) — III, 49.
«Луна была скрыта за тучей...» (Пес-
ня в духе Г. Гейне) — II, 368.
«Луна в облаках — далека, хоро-
ша...» (В камышах) — I, 83.
«Луна стоит над призрачной горой...»
(Бессонница) — II, 14.
А. В. Луначарскому («В дни победы,
где в вихре жестоком...») — III,
81.
Луная ночь («Смотрю, дыша травой
и мятой...») — III, 14.
Лунный дьявол («Лунный дьявол,
бледно-матовые...») — I, 490.
«Луны холодные рога...» (Снега) —
I, 90.
Львица среди развалин («Холодная
луна стоит над Пасаргадой...») —
I, 71.
Льдинка («Ветер вешний, ветер неж-
ный...») — II, 42.
Любимые мелочи («Опять к любимым
мелочам...») — II, 227.
«Люблю альбомы: отпечаток...» (В
альбом Н ***) — II, 297.
«Люблю в закатном замираньи...» —
III, 423.
«Люблю в осенний день несмелый...»
(Дачи осенью) — I, 218.
«Люблю вечерний свет, и первые
огни...» — I, 173.
«Люблю встречать на улице...» (Сле-
пой) — I, 207.
Люблю одно («Люблю одно: бродить
без цели...») — I, 328.
«Люблю согласное стремленье...» (На
скачках) — I, 332.
«Люблю я вспоминать утраченные
дни...» — III, 244.
«Люблю я имя Анна...» — III, 261.
«Люблю я линий верность...» — I,
171.
«Любо василечки...» (Венок из ва-
сильков) — II, 272.
Любовь («Как будто призраков ту-
манный строй...») — II, 307.

Любовь («Не мысли о земном и малом...») — I, 179.
 «Любовь ведет нас к одному...» — II, 41.
 «Любовь и страсть — несовместимы...» (Алтарь страсти) — III, 483.
 «Любовь, как властный недруг, вяжет...» — III, 319.
 «Люди! Вы слышите...» (На осуждении Дрейфуса) — III, 255.
 «Людское море всколыхнулось...» (Потоп) — II, 224.
 Люцифер («Я — первый, до века восставший...») — I, 231.

Магистраль («Были лемуры, атланты и прочие...») — III, 161.
 Мадригал («Имя твоё — из золота...») — III, 84.
 Майский дождь («Дождь весенний, дождь веселый...») — III, 344.
 «Маленькая девочка...» (Па песке) — I, 342.
 «Маленькая девочка плакала вчера...» (Девочка и ангел) — II, 169.
 Мальчик («В бочке обмерзлой вода колышется...») — I, 330.
 «Манит! Манит! Манит!..» (Песня североамериканских индейцев) — II, 379.
 Мания («С какой отравно-ранящей услугой...») — II, 304.
 Маргерит («Ты — как камень самоцветный...») — I, 406.
 Мария Стюарт («О, если б знала ты, что пред тобою было...») — I, 158.
 Марриэтовы мичманы («Марриэтов мичманы...») — III, 193.
 «Март! Пора нам жить наруже!..» (На заданную тему у Случевского) — III, 254.
 Марфа и Мария («Печемся о многом...») — II, 291.
 Матери на именины («От ранних детских лет, как свет среди теней...») — III, 259.
 Машины («Зубцы, ремни, колеса, цепи...») — III, 170.
 Мгновение («Один ее взгляд ярче тысячи звезд!..») — I, 105.
 «Мгновенья лютуют, как поток бесслесный...» (М. А. Кузмину) — I, 541.
 Мгновенья мгновенье (1. Утром; 2. На лыжах; 3. Как неяркие бутонны) — II, 136—137.
 «Медвежья шкура послана...» (Песня девушки в тайге) — III, 194.
 Медведь («На позлащенной колеснице...») — I, 387.
 «Медленно всходит луна...» (Пурпур бледнеющих губ) — I, 84.
 «Меж братьями я меньший был...» (Псалом Давида) — II, 386.
 «Меж лун искусственных — луна...» (Из наблюдений) — III, 34.
 «Меж облаков, обвивших скалы...» (Мюльбах) — II, 61.
 Меж развалин («Я, печален, блуждаю меж знакомых развалин...») — III, 504.

«Меж скал разбитых...» — I, 117.
 «Между гор грохочет эхо...» (Эхо) — I, 458.
 «Между нами частая решетка...» (Решетка) — I, 291.
 «Мелькали мимо снежные поляны...» — III, 343.
 «Мелькают дни, и с каждым посылем голодом...» — III, 397.
 «Меня, искавшего безумий...» — I, 378.
 «Мерно вьет дорога...» — I, 167.
 «Мерный шум колес...» — I, 110.
 Мертвец («Как странно! Круг луны...») — III, 199.
 «Месля бледный, словно облако...» — I, 110.
 «Месля в дымке отуманенной...» — II, 130.
 «Месля серпом умирающим...» — I, 176.
 «Месля свет электрический...» — I, 164.
 Мечта («О, если б я мог быть невинным, как ты...») — I, 85.
 «Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...» — III, 409.
 Мечтание («О, неужели день придет...») — I, 273.
 «Мечтатели, сибиллы и пророки...» (Числа) — I, 133.
 «Мечты, как лентами, словами...» — I, 40.
 «Мечты любимые, заветные мечты...» — II, 28.
 Мечты о померкшем («Мечты о померкшем, мечты о былом...») — I, 46.
 «Миг, лишь миг быть Земле в данной точке вселенной!..» (Несовместимость) — III, 171.
 Миги («Бывают миги тигристых раздумий...») — III, 41.
 «Миллионы, миллиарды, числа невыговариваемые...» (Мы и те) — III, 138.
 «Милый, прости, что хочу повторять...» (Из письма) — I, 40.
 Милый сон («Друг моих былых мечтаний, милый сон...») — II, 45.
 «Мимо стен таинственного Рая...» (У райских врат) — II, 195.
 «Минувший день, склоняясь головой...» (Умирающий день) — II, 190.
 «Минут годы. Станет наше время...» (В ночь под Новый год) — III, 368.
 Мир («Я помню этот мир, утраченный мной с детства...») — I, 304.
 «Мир шумящий, как далекий он...» (Синема моего окна) — II, 158.
 Мир электрона («Быть может, эти электроны...») — III, 172.
 Мир N измерений («Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты...») — III, 172.
 Мировая война XX века («Не заглушить стремленья к высшей сфере...») — III, 389.
 Мировой кинематограф («В годину бед, когда народной вере...») — III, 29.

Младшим («Они Ее видят! она Ее слышат...») — I, 353.
 «Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли...» (Юношам) — II, 92.
 «Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно...» — II, 129.
 «Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...» (В духе латинской антологии) — II, 327.
 «Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...» — I, 188.
 «Мне дорог весь мир...» — III, 218.
 «Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет...» (В мартовские дни) — II, 220.
 «Мне кажется, что в саване я...» — III, 325.
 «Мне опять приспились дебри...» (Опять сон) — I, 66.
 «Мне первым мужем был купец богатый...» (Помпеянка) — I, 289.
 «Мне поется у колодца...» (Песня) — I, 219.
 «Мне помнятся и книги эти...» (По поводу сборников «Русские символы») — I, 201.
 «Мне снилось: мертвенно-бессильный...» (Посв. ***) — I, 123.
 «Мне снилось, я в городе дальнем...» (Подражание Гейне) — I, 313.
 «Мне стыдно ваших поздравлений...» (Довольным) — I, 432.
 «Много было песен сложено...» (Царю Северного Полуся) — I, 246.
 «Много женщин крепкотелых...» (Из песен австралийских дикарей) — II, 313.
 «Многое можно прощать...» (В альбом) — III, 352.
 «Мое упорство («Мое упорство, ты — неукротимо!») — II, 301.
 «Мое чело в последний раз...» (Триумфатор) — I, 507.
 «Моей Джени («Уже овсянная те-нями...») — III, 312.
 «Моей мечте люб кругозор пустынь...» (Моя мечта) — I, 71.
 «Моисей («Пророк, чей грозный нимб ваятель...») — II, 69.
 «Моисей («Я к людям шел назад с таинственных высот...») — I, 149.
 «Мой верный друг! мой враг коварный!..» (Родной язык) — II, 66.
 «Мой дорогой Малерб! Ты долго ль будешь горе...» (Послание Малербу) — II, 360.
 «Мой дух не измог во мгле противоречий...» (Я) — I, 142.
 «Мой маяк («Мой милый маг, моя Мария...») — II, 204.
 «Мой милый маг, моя Мария...» (Мой маяк) — II, 204.
 «Мой памятник стоит, из строф со-звучных сложен...» (Памятник) — II, 96.
 «Мой плющ расцветает; живые побеги...» (Из детской книжки) — III, 259.
 «Мой рок, благодарю, о верный, муд-рый змий!..» (Отвержение) — I, 320.
 «Мой сын! мой сын! будь осторо-жен...» (Дедал и Икар) — I, 522.

«— Мой товарищ! мой товарищ!..» (Испанские народные песни) — II, 346.
 «Мой трубный зов, ты мной заслушан...» (Побег) — I, 271.
 «Мой факел старый, просмоленный...» (Посвящение) — II, 84.
 «Молитва («Благодарю тебя, боже...») — III, 528.
 «Молитва («Отче! полмира объемлешь ты тенью...») — III, 359.
 «Молитесь («Молитесь о праздничных розах...») — II, 216.
 «Молиться («Молиться? Я желал...») — II, 197.
 «Молния («Опять душа моя расколо-та...») — I, 400.
 «Молодой моряк вселенной...» (Хва-ла человеку) — I, 518.
 «Молодость мира («Лес, луга, плоско-горья — невиданной фауны...») — III, 191.
 «Молодость мира («Нет! много ли, ма-ло ли, чем бы ты вымерил...») — III, 139.
 «Мона Лиза («Есть обольщение в ви-не...») — III, 266.
 «Монах («На поле жизненного боя...») — I, 500.
 «Монетой, плохо отчеканенной...» (Футуристический вечер) — II, 261.
 «Монопланы («Высоко над горо-дом...») — III, 504.
 «Море — в бессильном покое...» — I, 169.
 «Море, прибоем взмязеженным...» (Путевые заметки) — II, 240.
 «Морской залив, вошедший в сушу...» (В шхерах) — I, 458.
 «Моря вязкий шум...» (Пляска дум) — III, 480.
 «Мох, да вереск, да граниты...» — I, 379.
 «Мощь — в плиты пирамиды; гнев холодный...» (Легенда лет) — III, 135.
 «Мощь разума распространялась в мире...» (Эллада) — III, 384.
 «Мою милку не забуду...» (Частуш-ки) — III, 495.
 «Моя дорога — дорога бури...» (Признание) — II, 83.
 «Моя душа свободная...» (Перепевы Вальмонта) — III, 251.
 «Моя любовь — палящий полдень Явы...» (Предчувствие) — I, 57.
 «Моя мечта («Моей мечте люб кругозор пустынь...») — I, 71.
 «Моя рука — к твоей святыне...» (Кто? — мы? иль там...) — III, 146.
 «Моя страна! Ты доказала...» (К моей стране) — II, 80.
 «Мраморная арка («В уголку далеком парка...») — II, 273.
 «Мрачной повилкой...» — I, 42.
 «Муаровые отблески сверкают под лучом...» (Дождь и солнце) — II, 126.
 «Муза в измятом венке, богиня, забы-тая миром!..» (Вступления к поэме «Атлантида») — III, 247.

Мумия («Я — мумия, мертвая мумия...») — II, 178.

Мучительный дар («Мучительный дар даровали мне боги...») — I, 101.

Мы («В мире широко, в море шумящем...») — I, 230.

Мы («Мы были гребень волны взнесенной...») — II, 297.

«Мы бродили, вдвоем и печально...» — I, 119.

«Мы бродим в неконченом здании...» (В неконченом здании) — I, 222.

«Мы были гребень волны взнесенной...» (Мы) — II, 297.

«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...» — I, 380.

«Мы волны морские, мы дышим лунной...» (Полнолуние) — III, 249.

«Мы встанем с тобой при свечах...» (Утренняя звезда) — I, 62.

Мы все — Робинзоны («Все же где-то в сонном атолле...») — III, 134.

«Мы встретились с нею в пустыне...» (Памяти Е. И. П.) — I, 200.

«Мы встретились с нею случайно...» — I, 38.

«Мы гордо людей презираем...» — III, 245.

«Мы — двое, брошенные в трюм...» (В трюме) — I, 402.

«Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...» (Вдоль моря) — II, 278.

«Мы сходили долго, без цели, куда-то...» — I, 113.

«Мы забавляемся...» (Колыбельная песня) — I, 193.

«Мы здесь собрались дружным кругом...» (В. И. Прибыткову) — I, 355.

«Мы — здесь! мы — близко! Ты не веришь?..» (Перешедшие — оставшимся) — II, 295.

Мы и те («Миллионы, миллиарды, числа невыговариваемые...») — III, 138.

«Мы к ярким краскам не привыкли...» — I, 174.

«Мы с дрожью страсти и печали...» (После пира) — I, 418.

Мы — скифы («Мы — те, об ком шептали в старину...») — II, 248.

«Мы — те, об ком шептали в старину...» (Мы — скифы) — II, 248.

«Мы только стон у вечной грани...» (Еще «мы») — I, 235.

«Мы — электрические светя...» (Электрические светя) — II, 164.

Мысленно, да! («Мысленно, да! но с какой напряженностью...») — III, 190.

«Мысли священные, жалые...» (На вечернем асфальте) — II, 9.

«Мысль о тебе меня весь день ласкает...» — I, 185.

Мыши («В нашем доме мыши поселились...») — I, 208.

Мюльбах («Меж облаков, обвивших скалы...») — II, 61.

«Мясорубками тело измолото...» (День за днем) — III, 94.

Милтеж («В одежде красной и черной...») — III, 56.

На берегу («Закрыв измученные веки...») — II, 48.

«На берегу Мерцающих Озер...» (Глаза) — I, 213.

«На бледный лик луны упал дрожащий свет...» (Однострочные стихотворения) — III, 237.

На брентность («Суждена всему, что творит Природа...») — III, 514.

На бульваре («С опущенным взором, в пелеринке белой...») — I, 104.

«На веселой певочке...» (Детская песенка) — III, 39.

На вечернем асфальте («Мысли священные, жалые...») — II, 9.

«На волны набегает волны...» (К устью!) — I, 346.

«На всех вершинах...» (Ночная песнь странника) — III, 491.

На всях («Жизнь трепетов любви не старит...») — III, 59.

«На всях дремлет бор сосновый...» (Угрюмый час) — I, 456.

«На горы тихие ложилась мгла...» (Sancta Agatha) — I, 325.

На горячем песке («На горячем песке, пред ленивым прибоем...») — II, 54.

На Готланде («Тошнотный мох, кустарник чахлый...») — I, 456.

На гранитах («Снова долгий тихий вечер...») — I, 455.

«На дальней полке мирным стросм стоя...» — III, 370.

На даче («Растопленный день вечерет...») — I, 175.

На журчащей Годавери («Лист широкий, лист банана...») — I, 67.

На заданную тему у Случевского («Март! Пора нам жить наруже!...») — III, 254.

На закатном поле («Красным закатом забрызгано поле...») — II, 284.

На заре («Блещет ночь. Свой труд окончив...») — II, 44.

«На заре вечерней, в трауре...» (Голос мертвого) — I, 504.

«На камнях скал, под ропот бора...» (Война) — I, 423.

На Карпатах («Уступами всходят Карпаты...») — II, 145.

На Ладого (1. Буря и затишье; 2. Парус и чайка) — II, 267—268.

На леднике («И вы, святини снега, обещены...») — II, 62.

На лесной дороге («По дороге встречный странник...») — II, 34.

На лыжах («Опьяняет смелый бег...») — II, 137.

На льдинах («Задумчиво я слушаю...») — III, 499.

«На людной улице, безумной и мятеной...» (На улице) — I, 413.

«На медленном огне горюшь ты и сгораешь...» (Себастьян) — I, 488.

На могиле, Ивана Конева («Я посетил твой прах, забытый и далекий...») — II, 63.

На Мэларе («Нежно веет свежий ветер...») — I, 454.

«На Невском, как прибой нестройный...» (Александровский столп) — II, 78.

На новый 1905 год («Весь год прошел как сон кровавый...») — I, 424.

На острове Пасхи («Лишь только закаты над волнами...») — I, 68.

На осуждение Дрейфуса («Люди! Вы слышите...») — III, 255.

На память об одном закате («Был день войны, но час предсмертный дня...») — II, 152.

«На перекрестке, где сплелись дороги...» («Тесная дева») — I, 322.

На песке («Маленькая девочка...») — I, 342.

На песке («На песке, пред дверью бестиария...») — II, 183.

«На песке, пред дверью бестиария...» (На песке) — II, 183.

«На пестрых площадях Занзибара...» (Сегодия) — III, 151.

«На площади, полной смятением...» — III, 286.

На пляже («Я видел их. Они вдвоем на пляже...») — II, 17.

«На побережьях реки быстрой...» (Счастье усугубления) — II, 258.

«На позлащенной колеснице...» (Медя) — I, 387.

«На поле жизненного боя...» (Монах) — I, 500.

На полетах («Пропеллеры, треща, стрекочут...») — II, 166.

На полустанке («Гремя, прошел экспресс. У светлых окон...») — III, 42.

«На пристани пустынный бледный мальчик...» (Прощание) — II, 55.

На причале («Удерживаемый причалом...») — III, 482.

На пруду («Ты белых лебедей кормила...») — III, 497.

На рынке бредов («День, из душных дней, что клеймены...») — III, 204.

«На самом дне мучительной темноты...» — III, 225.

На санках («Санки, в радостном разбеге...») — II, 134.

«На середине жизненной дороги...» (Железный путь) — III, 255.

На скачках («Люблю согласное стремление...») — I, 332.

«На склоне лет, когда в огне...» (Баллада воспоминаний) — II, 173.

На смерть Вождя («Пред гробом Вождя преклоняя колени...») — III, 429.

На смерть И. Лялечкина («Набсают вечерние тени...») — I, 196.

На смерть А. Н. Скрябина («Он не искал — минутно позабавить...») — II, 200.

«На сонных капалах Венеции...» (Праздник труда) — III, 391.

«На сухой осине серая ворона...» — II, 32.

На улицах («На улицах красные флаги...») — II, 219.

«На улицах красные флаги...» (На улицах) — II, 219.

На улице («На людной улице, безумной и мятежной...») — I, 413.

На форуме («Не как пришлец на римский форум...») — I, 530.

На церковной крыше («На церковной крыше...») — II, 161.

«На этой ели благосклонной...» (Побег пастуха) — I, 505.

«Набегают вечерние тени...» (На смерть И. Лялечкина) — I, 196.

Набросок («Все роковое божественно...») — III, 398.

«Навек закрепошенных в четкий стих...» (Лила) — II, 306.

«Над бредом наших разных личков...» — III, 279.

«Над бредом предзакатных марев...» (Охотник) — I, 374.

«Над буйным хаосом стихийных сил...» (Атлантида) — III, 383.

«Над буйным хаосом стихийных сил...» (Заключение) — III, 389.

«Над водой поникли ивы...» (Жигули) — III, 298.

«Над глубиной бездны перекинут...» (Два врага) — III, 336.

Над Иматрой («Размер ямбического триметра...») — II, 108.

Над картой Европы 1922 г. («Встарь исчезленная карта...») — III, 149.

«Над морем, где древние фриз...» (Над Северным морем) — II, 111.

«Над морем из серого крепла...» (Закат над морем) — II, 111.

«Над Озером Грез, где большие безрезы...» (Листок, спрятанный в коре) — III, 332.

Над океаном (I. Отлив; II. Прилив) — I, 531.

«Над омраченным Петроградом...» (Вариации на тему «Медного всадника») — III, 188.

Над омутом («Ветер, сумрачно проворачивает...») — II, 193.

«Над простором позлащенным...» (Весенний дождь) — I, 461.

Над Северным морем («Над морем, где древние фриз...») — II, 111.

Над снегом Канады («Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада...») — III, 191.

Над сном надежд («Над сном надежд, что стаи птичьих, рея...») — III, 109.

«Надежда — вскрыть все таинства природы...» (Реформация) — III, 387.

«Надежды рухнули, как строй картонных доминов...» (После неудачи) — III, 365.

«Надо струны перестроить...» — III, 270.

Надписи на воротах (1. «Кто поздно или рано придет к сим воротам...»; 2. «Путник! в этом городе можешь дни провести...»; 3. «В этом замке живет рыцарь сильный...») — II, 359.

Надпись («Наше войско двигалось мирно...») — II, 381.

Надя («Вот близкие склоняются ко мне...») — II, 308.

«Наискось, вдоль, поперечниками...» (Годы в былом) — III, 143.

«Нам должно жить! Лучом и светлой пылью...» (Юргису Балтрушайтису) — I, 354.

Нам проба («Крестит нас огненной купелью...») — III, 52.

«Нам руки свободные свяжут...» (Близким) — III, 288.

Наполеон («Да, на дороге поколений...») — I, 160.

Наполеон («Шумя, Европу обвила война...») — III, 388.

«Народ Верхарна! не напрасно вещей...» (Фламандцам) — II, 156.

«Народные вожди! вы — вал,代替 бурей...» — III, 374.

Народ весны («За годом год, ряды тысячелетий...») — III, 41.

«Нас было много. Мы инокорно...» (Рабы) — III, 303.

«Нас влекут пурпурные встрила...» (Цезарь Клеопатре) — III, 77.

«Нас — миллионы. Всюду в мире...» (Эпитафия римским воинам) — II, 249.

«Нас не призвал посланник божий...» (Андрею Белому) — I, 540.

«Нас немного осталось от грозного племени...» (Жалоба героя) — I, 506.

«Настал заветный час дремотный...» — I, 186.

«Настала ночь. Мы ждали чуда...» (Крестная смерть) — II, 75.

«Настали дни печальные, как воды...» — III, 263.

«Наступают мгновенья желанной прохлады...» (Вечеровое свидание) — III, 525.

Наутро после шабаша («Чу! под окошком звенят колокольчики...») — III, 33.

«Начинается песня недлинная...» (Сказание о разбойнике) — I, 239.

Начинающему («Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!...») — I, 544.

«Наш Агамемнон, наш Амфитрион...» (Максимилиану Волошину) — III, 433.

Наш демон («У каждого свой тайный демон...») — I, 536.

«Наш мир храня от силы вражьей...» («Скорпиону» и «Грифу») — III, 284.

Наша тень («Наша тень вырастала в длину тротуара...») — I, 511.

«Наше войско дигалось мирно...» (Надпись) — II, 381.

Наши дни («Не брошены ль в былое все мы...») — II, 142.

«Наши души — два яркие мака...» (Два мака) — III, 228.

«Наших предков табакерки!..» (Табакерка) — III, 371.

«Не в первый раз мы наблюдаем это...» (Максиму Горькому в июле 1917 года) — III, 43.

«Не в первый раз твои поля...» (Весной) — III, 51.

«Не брошены ль в былое все мы...» (Наши дни) — II, 142.

«Не весенний снег...» (Японские танки и ута) — II, 388.

«Не все ль равно, была ль ты мне верна?...» (Неизбежность) — I, 475.

«Не говори мне, что ты любишь меня!..» — III, 239.

«Не довольно ль вы прошлое не жили...» — III, 411.

«Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!..» (Усталость) — I, 469.

«Не дремлют тени...» (В саду) — I, 47.

«Не заглушить стремленья к высшей сфере...» (Мировая война XX века) — III, 389.

«Не запела, застопала...» (Шарманка) — III, 426.

«Не как молния, смерти стрела...» — III, 333.

«Не как пришел на римский форум...» (На форуме) — I, 530.

«Не лги, мечта! былого жгуче жаль...» — III, 406.

«Не мудрецов ли прахом земля везде полла?...» (Персидские четверостишия) — II, 332.

«Не мысли о земном и малом...» (Любовь) — I, 179.

«Не падо заносчивых слов...» (Старый вопрос) — II, 141.

«Не надо спора. Буду мудрым...» (Покорность) — II, 44.

Не память... («Как дни тревожит сон вчерашний...») — III, 177.

«Не плачь и не думай...» — I, 129.

«Не правда ли: мы в сказке...» (Эпизод) — I, 316.

«Не смею все мечты вложить я в стих...» (Рондо) — III, 252.

«Не так же ль годы, годы прежде...» — III, 307.

«Не тем горжусь я, Фебом отмеченный...» (Ода в духе Горация) — II, 326.

«Не только здесь, у стен Кремля...» (После смерти В. И. Ленина) — III, 162.

«Не часто радует поэта...» (Столп огненный) — II, 221.

«Не шествия, где в гул гудят знамена...» (Лишь миги) — III, 144.

«Небесная девственности...» (Агата) — I, 241.

«Небо задернула бледная пленка...» — III, 223.

«Небо — серое от туч...» (Отрывок) — III, 248.

«Небо черпало с огнями...» — I, 166.

«Небо четко, небо синее...» (К Деметре) — I, 383.

«Небо ярко, небо синее...» (Осенью) — I, 487.

«Неверная, обманчивая ясность...» (Бал) — I, 515.

Невозвратность («Миг, лишь миг быть Земле в данной точке вселенной!..») — III, 171.

«Ненная! милая! злая! скажи...» (Армянская песня любви) — III, 522.

«Неско вьет свежий ветер...» (На Маларе) — I, 454.

«Нежный стихов аромат услаждает безделье девы...» (В духе римских эротиков) — II, 328.

Неизбежность («Не все ль равно,
была ль ты мне верна?») — I, 475.
«Неколебимой истине...» (З. Н. Гиппиус) — I, 354.
«Немеют волн причудливые гребни...»
(Николаю Бернеру) — II, 202.
«Неперсказанные думы...» — III, 269.
«Неспешным ровным шагом...» (Город сестер любви) — II, 259.
«Нет душе покою...» — III, 268.
«Нет! к озаренной сиянием бездне...»
(Эллису) — III, 332.
«Нет, как раб не буду распят...»
(Клеопатра) — I, 391.
«Нет мне в молитве отрады...»
(Одна) — I, 80.
Нет! много ли, мало ли, чем бы ты
вымерил...» (Молодость мира) —
III, 139.
«Нет, мой лучший брат, не прав ты...»
(Ему же) — I, 349.
«Нет, мы не только творцы, мы все
и хранители тайны!» (Начинающему) — I, 544.
«Нет, не бойся слов враждебных...»
(Равному) — I, 541.
«Нет, не могу покориться тебе!..»
(Бой) — I, 489.
«Нет! не с ума сошел Муратов сын...»
(Баязет) — I, 157.
«Нет, не струны, нет, не трубы...»
(Сест Хронос) — III, 108.
«Нет, не тебя так рабски я ласкаю!..»
(К Пасифае) — I, 476.
«Нет, никогда не мог Амур в сем
мире...» (Подражание труверам) —
II, 389.
«Нет! ожиданья еще не иссякли!..»
(Ожиданья) — II, 209.
«Нет, слова гонцов не ложны!..»
(Плач Лаодамии) — III, 293.
«Нет таких дней, когда песни — не
нужны...» (Песни) — II, 226.
«Нет тебе на свете равных...» — III,
313.
«Нет, я люблю тебя не яростной любовью...»
(К. Д. Вальмонту) — I, 197.
«Нет, я не ваш! Мне чужды цели
ваши...» (Близким) — III, 288.
«Неужели это была ты...» — III, 271.
«Неустанное стремленье от судьбы
к иной судьбе...» (Александр Великий) — I, 149.
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»
— I, 125.
«Ни умолять, ни плакать неспособный...»
(Сонет к мечте) — I, 85.
«Никнут тени, обессилены...» (Рассвет) — III, 62.
«Никогда не смею, никогда я не
плачу.» (Однострочные стихотворения) — III, 237.
Нить («Отдамся ль я случайному наитию...») — III, 294.
Нить Ариадны («Вперяю взор, бес-
сильно жадный...») — I, 275.
Новая сестра («Здравствуй, здравствуй,
новая сестра...») — II, 189.
Новый синтаксис («Язык изломан? Что ж! — глядите...») — III, 154.
«Ночи, когда над городом...» (Klassische Walpurgisnacht) — III, 63

«Ночи светлой, ночи летней...» (Ночью светлой) — II, 119.
Почная песнь странника («На всех
вершинах...») — III, 491.
Ночная улица («Фонарей отрубленные
головы...») — III, 69.
«Ночное небо даль ревниво сжало...»
— III, 378.
Ночное одиночество («Возвысила ночь
свою черную голову...») — II, 48.
Ночной гном («Жутко в затворенной
спальне...») — II, 283.
Ночные страхи («Как золото на черни...») — II, 284.
Ночные цветы («Под аномом дня в пыли
заботы...») — I, 477.
«Ночным дождем повалена...»
(Утро) — I, 211.
Ночь («Ветки темным балдахинном
свеживающихся...») — II, 192.
Ночь («Горящее лицо земля...») —
I, 335.
Ночь («Пришла и мир отгородила...») —
II, 280.
Ночь с привидениями («Вот снова, с
беззвучными стуками кипок...») —
III, 205.
«Ночь уснула, дождем убавкана...»
(В прятки) — III, 144.
Ночью («Дремлет Москва, словно самка
спящего страуса...») — I, 82.
Ночью светлой («Ночи светлой, ночи
летней...») — II, 119.
«Ночью светлой, ночью белой...» (В
море) — I, 455.
Ночью у реки («Воды — свинца неподвижной;
ивы безмолвно поныкли...») — II, 281.
«Ночью ужас беспричинный...» — III,
345.
«Ну, затеял перебрапку...» (Черт и
ведьма) — II, 370.
«О, господи, какое счастье...» (Sub
specie aeternitatis) — III, 274.
«О, да! Я темный мотылек...» —
I, 187.
«О, двойственность природы и искусства!..»
(Вступления к поэме «Атлантида») — III, 247.
«О, дремлотный пруд!..» (Японские
танки и хай-кай) — II, 335.
«О, если б знала ты, что пред тобою
было...» (Мария Стюарт) — I, 158.
«О, если б я мог быть невинным, как
ты...» (Мечта) — I, 85.
«О, закрой свои бедные ноги.» —
I, 36.
«О Зевс! где гром твой? до земли он...»
(Иксон и Зевс) — II, 179.
«О, злая! с черной красотой! о дорогая!
ангел мой!..» (Подражание ашугам) — II, 340.
О императорах («Первый Юлий рас-
крыл чертоги царские Цезарь...») —
III, 511.
«О, книга книг! Кто не извещал...»
(Библия) — III, 25.
«О, когда бы я назвал своею...» —
I, 130.
«О, лета тело!» (Шутки) — III, 509.

«О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»...» (Сонет) — I, 321.
 «О, неужели день придет...» (Мечтание) — I, 273.
 «О, плачьте, о, плачьте...» — I, 111.
 О последнем рязанском князе Иване Ивановиче («Ой вы, струночки — многозвончатые!...») — I, 159.
 О приближении весны («Да, убегают зима! оживают землю асфиды...») — III, 511.
 О себе самом («Когда мечты любви томили...») — II, 214.
 «О, сколько раз, блаженно и безгласно...» (Всем) — II, 193.
 «О, счастье мук, порывов молодых!...» (Таня) — II, 305.
 О чем еще мечтать? («О чем еще мечтать мне в жизни этой?») — II, 93.
 «— О чем же ты тоскуешь, витязь...» (Витязь) — I, 344.
 «О, эти встречи мимолетные...» (Встреча) — I, 412.
 «О, эти звенящие строки!...» (По поводу «Me cum esse») — I, 201.
 Облака («Облака опять поставили...») — I, 341.
 «Облака опять поставили...» (Облака) — I, 341.
 «Облака цепляются...» — I, 167.
 «Облегчи нам страдания, боже!...» — I, 88.
 «Облеченные в одежды...» — I, 175.
 «Обмапули твои, ах! поцелуй...» (В духе Катуллы) — II, 327.
 «Обошла тропа утес...» — I, 166.
 Образы времен («Когда святых наук начала...») — II, 176.
 Обряд ночи («Словно в огненном дыме и лица и вещи...») — I, 492.
 «Общая мать, Земля, будь легка над моей Айсигоной...» (Из Александрийской антологии) — II, 325.
 Общая станция («Веками, эпохами, «рами...») — III, 184.
 Обязательства («Я не знаю других обязательств...») — I, 132.
 «Огни! лучи! сверканья! свет!» — III, 320.
 «Огни твоей земной вселенной...» (Оправдание земного) — I, 555.
 «Огни «электрических коночек»...» — I, 176.
 «Огонь еще горит, и светит, светит нам...» (Ей же) — I, 200.
 Ода в духе Горация («Не тем горжусь я, Фебом отмеченный...») — II, 326.
 «Олин — в лесную жуть, когда на муть речную...» (Из лесной жуты) — III, 178.
 «Один ее взгляд ярче тысячи звезд!...» (Мгновение) — I, 105.
 Одинокая ель («Одинокая старая ель...») — III, 303.
 «Одинокая старая ель...» (Одинокая ель) — III, 303.
 Одиночество («Отступи, как отлив, все дневное, пустое волненье...») — I, 449.
 Одиночество («Проходят дни, проходят сроки...») — I, 318.

Одиссей («Певцами всей земли прославлен...») — I, 524.
 Одиссей у берегов феаков («Будешь помнить! Прогрела...») — III, 76.
 Одиссей у Калипсо («Сквозь легкий дым земных воспоминаний...») — III, 75.
 Одиссей у Калипсо («Снова сон, векам знакомый!...») — III, 98.
 Одна («В этот светлый вечер мая...») — I, 79.
 Одна («Нет мне в молитве отрады...») — I, 80.
 «Однажды Лев...» (Лев и Свинья) — III, 357.
 Одно лишь («Я ль не искал под бурей гибели...») — III, 92.
 Одному из братьев («Свой суд холодный и враждебный...») — I, 428.
 Однострочные стихотворения (I. «Я прекрасна, о смертный! Как греза камней»; II. «Никогда не смеюсь, никогда я не плачу»; III. «И ничего и ничего в ответ»; IV. «Твои глаза простят мои мечты»; V. «На бледный лик луны упал дрожащий свет...») — III, 236—237.
 Ожерелье («Руки, вечно молодые...») — II, 94.
 Ожерелья дней («Пора бы жизнь осмыслить, подытожить...») — II, 212.
 Ожидание («Душен воздух вольных прерий...») — I, 66.
 Ожидание («Пусть воск прозрачный топится...») — I, 509.
 Ожиданья («Нет! ожиданья еще не иссякли!...») — II, 209.
 «Озими зеленые, оголенный лес...» (Воробушек) — III, 309.
 «Ой вы, струночки — многозвончатые!...» (О последнем рязанском князе Иване Ивановиче) — I, 159.
 Океан и дюны («Рушатся волны белопенные гребни...») — II, 112.
 Океан — ручью («Я — океан, соленый и громадный...») — II, 191.
 «Окликаю Коршуна в пустыне...» (Оклик) — III, 105.
 Оклик («Окликаю Коршуна в пустыне...») — III, 105.
 Оклик Демона («Свистик паровозов в предутренней мгле...») — I, 334.
 «Окна зеркальные...» (Улица) — II, 57.
 Октавы («Вот я опять поставлен на эстраде...») — III, 379.
 Октябрь 1917 года («Есть месяцы, отмеченные Роком...») — III, 104.
 «Олень затравленный напрасно взор молящий...» (Затравленный зверь) — III, 32.
 «Он в старой раме, с блеклыми тонами...» (Портрет женщины) — III, 434.
 «Он вошел к Ней с пальмовой ветвью...» (Рождество Христово) — I, 205.
 «Он встал, как царь, в торжественной порфире...» (Римская империя) — III, 385.

«Он не искал — минутно позабавить...» (На смерть А. Н. Скрябина) — II, 200.

«Он придет, обдумавший мир...» (Последний день) — I, 359.

«Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый...» (Старый викинг) — I, 154.

Она («Она любила строй беспечный...») — II, 163.

«Она была в трауре с длинной вуалью...» (В трауре) — I, 103.

«Она в густой траве заприталась ничком...» — I, 36.

Она идет («Фонарь дуговой принахмурился...») — II, 262.

«Она любила строй беспечный...» (Она) — II, 163.

«Она мила, как маленькая змейка...» (В альбом II.) — II, 86.

Она — прелестна... («Она прелестна, как весной лился...») — III, 499.

«Она прошла и опьянила...» (Прохожей) — I, 331.

«Она, свои скрывая груди...» (Русалка) — I, 502.

«Они Ее видят! они Ее слышат!...» (Младшим) — I, 353.

«Они кричат: «за нами право!...» (Юлий Цезарь) — I, 427.

«Они пленительны и нежны...» (Эгейские вазы) — II, 320.

«Они сошлись в дубраве дикой...» (За пределами сказок) — I, 217.

«Оплетены колонки...» (В церкви) — II, 58.

Оправдание земного («Огни твоей земной вселенной...») — I, 555.

«Опрокинут, распластан, рассужден врозь...» (Явь) — III, 173.

«Опьяняет смелый бег...» (На лыжах) — II, 137.

«Опять безжалостные руки...» — II, 38.

Опять в Венеции («Опять встречаю с дрожью прежний...») — I, 529.

«Опять весна. Знакомый круг...» (Который раз) — I, 467.

«Опять встречаю с дрожью прежней...» (Опять в Венеции) — I, 529.

«Опять душа моя расколота...» (Молния) — I, 400.

«Опять истомой дышит март...» (За картами) — II, 174.

«Опять к любимым мелочам...» (Любимые мелочи) — II, 227.

Опять мгновения (1. Снежный призраки; 2. Качели; 3. В ладье) — II, 289—290.

«Опять мой посох приготовлен...» — III, 330.

«Опять, опять, опять, опять...» (Домовой) — III, 198.

«Опять, опять я — близко, рядом!...» (Загробный призыв) — III, 350.

«Опять — развесистые липы...» (Деревенские рифмы) — II, 154.

Опять сон («Мне опять приснились дебри...») — I, 66.

«Опять я — бродяга бездомный...» (В Вильно) — II, 148.

Орел двуглавый («Бывало, клекотом

тревожа целый мир...») — II, 225.

Орфей («Вакханки встретили Орфея...») — III, 280.

Орфей и аргонавты («Боги позволили, Арго построено...») — I, 394.

Орфей и Эвридика («Слышу, слышу шаг твой нежный...») — I, 385.

Оры («Устремив друг к другу взоры...») — I, 520.

Освобожденная Россия («Освобожденная Россия...») — II, 218.

Освобождение («К стене причалил челн полночный...») — I, 499.

Осеннее прощание эльфа (В небе благость, в небе радость, Солнце льет живую сладость, Солнцу — верность, Солнцу — вздох!...) — I, 463.

Осеннее чувство («Гаснут розовые краски...») — I, 33.

Осенний день («Ты помнишь ли больной осенний день...») — I, 49.

«Осенний день был тускл и скуден...» — I, 180.

«Осенний скучный день. От долгого дождя...» (Тени прошлого) — I, 215.

Осенью («Небо ярко, небо синее...») — I, 487.

«Остуженный последним снегом...» (Весеннее) — II, 118.

«Остро и пламенно ранит...» (Ответ) — I, 487.

Остров («Пусть он останется безвестным...») — III, 294.

«Островки, заливы, косы...» (Где-то) — III, 195.

Ось («Ты — мне. Когда у пижмы меты...») — II, 206.

От автора (Предисловие к сб. «Опыты») — III, 477.

«От Альп неподвижных до Падде-Кале...» (Западный фронт) — II, 155.

От виска и до виска («Ветер гонит искры снега...») — III, 145.

«От жизни лживой и известной...» (М. А. Врубелю) — I, 538.

«От камня, брошенного в воду...» (Круги на воде) — II, 143.

«От рапших детских лет, как свет среди теней...» (Матери на именины) — III, 259.

От столетий... («От столетий, от книг, от видений...») — III, 72.

«Отбрасывал версты, стучит автомобиль...» (Казачье становье) — II, 153.

Отвержение («Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий!...») — I, 320.

Отверженный герой («В серебряной пыли полуночная влага...») — I, 37.

Ответ («Остро и пламенно ранит...») — I, 487.

Ответ («Растут дома, гудят автомобили...») — II, 67.

«Отрашенье...» — III, 241.

«Отдамся ль я случайному наитью...» (Нить) — III, 294.

«Отели, с пышными порталами...»
(Фирвальштеттское озеро) — I, 61.
«Отвенеши дни зимы...» (Флореаль
3 года) — I, 534.
Отлив («Волной, как шупальцем ог-
ромным...») — I, 531.
Отрады («Знаю я сладких четыре от-
рады...») — I, 228.
Отречение («Все кончено! Я понял без-
надежность...») — I, 472.
«Отреченного веселья...» — I, 103.
Отречение («Как долго о прошлом я
плакал...») — I, 133.
Отрывок («Небо — серое от туч...») —
III, 248.
«Отступи, как отлив, все дневное,
пустое волнение...» (Одиноче-
ство) — I, 449.
«Отторжен от тебя безмолвием столе-
тий...» (Халдейский пастух) —
I, 144.
«Отточенный булат — луч рдяного
заката!..» (Сонет) — III, 379.
«Отче! полмира объемлешь ты
тенью...» (Молитва) — III, 359.
Офелия («Ты не сплела венков Офе-
лии...») — II, 18.
Охота за кабаном («Я слышу лай
моих любимых дум...») — III, 231.
Охотник («Над бредом предзакат-
ных марев...») — I, 374.

Падшие цари («Я смотрел, в озареньи
заката...») — II, 227.
Паломникам свободы («Свои торже-
ственные своды...») — I, 430.
Паломничество в века («Как с кам-
ней пыль, мгновеньем свиты...») —
III, 405.
«Палочка-выручалочка...» (Дет-
ская) — I, 283.
Памяти другой («Ты здесь, на ложе
ласк неверных...») — III, 83.
Памяти В. Ф. Комиссаржевской
 («Как Мелизанда, и ты уронила
корону в глубокий родник...») —
II, 82.
Памяти И. Коневского («И ты счаст-
лив, нам скорбь — тебе веселье...») —
I, 352.
Памяти одной («Помню, помню: ве-
чер нежный...») — III, 83.
Памяти Е. И. П. («Мы встретились
с нею в пустыне...») — I, 200.
Памятник («Вековечный воздвиг мели
я памятник...») — III, 488.
Памятник («Мой памятник стоит, из
строф созвучных сложен...») —
II, 96.
Павихида («Тоненькие свечечки...») —
II, 167.
Папоротник («Предвечерний час
объемлет...») — I, 219.
Париж («И я к тебе пришел, о город
многоликий...») — I, 302.
«Парки бабье лепетанье...» — III,
377.
Парки в Москве («Ты постиг ли, ты
почувствовал ли...») — III, 50.
Парус и чайка («То поспешно парус
складывая...») — II, 268.
«Пастырь, оратай, воин, пас, воз-

делывал, низил...» (Характери-
стика Вергилия) — III, 510.
Пасха, праздники праздник («Про-
клинайте молодость...») — I, 206.
Патмос («Единый раз свершилось
чудо...») — I, 393.
«Певцами всей земли прославлен...»
(Одиссей) — I, 524.
Певцу («Слова» (Стародавней Яросла-
вне тихий ропот струн...)) —
II, 186.
Пеплум («Знаю сумрачный на-
ход...») — I, 287.
Первал звездочка («Первая звездоч-
ка! око печернее...») — I, 190.
«Первозданные оси сдвинуты...»
(Принцип относительности) —
III, 136.
Первые встречи («Как любил я, как
люблю я эту робость первых
встреч...») — I, 376.
Первый меридиан («Через сердце к
весеннему полю...») — III, 93.
Первый привет («Годы делят нас и
поколенья...») — III, 394.
Первый снег («Серебро, огни и бле-
стки...») — I, 79.
«Первый Юлий раскрыл чертоги
парские Цезарь...» (О импера-
рах) — III, 511.
Перед масм («Под землей, под слоем
снега...») — III, 17.
Перед съездом в Генуе («Перед съез-
дом в Генуе...») — III, 150.
Перед темной завесой («Слова теряют
смысл первоначальный...») — I,
57.
Перед электрической лампой («Злоб-
ный змей, зигзагом длинный...») —
III, 34.
«Перекидываемые, опрокидывае-
мые...» (Буря с берега) — III,
481.
Перепевы Бальмонта («Моя душа сво-
бодная...») — III, 251.
Переселение народов («Хоть иногда
лампасы Рок гасил...») — III, 385.
Перепешные — оставшимся («Мы
— здесь! мы — близко! Ты не ве-
ришь?») — II, 295.
Персидские четверостишия (1. «Не
мудрецов ли прахом земля всде
полна?...»; 2. «Есть в жизни миги
счастья, есть женщины, вино...»;
3. «Только ночью гьют газели из
источника близ вишен...»; 4. «Той,
которую прекрасной называли все
в мечтах...») — II, 332.
Песни («Нет таких дней, когда пе-
сни — не нужны...») — II, 226.
Песни в духе Г. Гейне (1. «Тихо плещут
воды Рейна...»; 2. «Луна была
скрыта за тучей...») — II, 368.
Песнь норманнов в Сицилии («Здесь
в рощах помагают лавры...») —
III, 519.
Песнь проклятого («Сторопи-
тись!..») — II, 390.
Песня («Во мгле ночной...») —
III, 236.
Песня («Мне поется у колодца...») —
I, 219.
Песня гренландцев («Высока гора

Кунак на Юге...) — II, 378.
 Песня девушки в тайге («Медвежья шкура послана...») — III, 194.
 Песня древнего народа («Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал...») — II, 378.
 Песня из темницы («Загорелся луч денницы...») — II, 350.
 Песня североамериканских индейцев («Маниту! Маниту! Маниту!...») — II, 379.
 Петербург («Здесь снов не ваял Сан-совино...») — II, 186.
 «Печален был туманный взор...» — III, 217.
 «Печемся о многом...» (Марфа и Мария) — II, 291.
 Пирамиды («В пустыне, где царственный Нил...») — II, 317.
 Пиршество войны («Война здесь прошла, прокричала...») — II, 151.
 Пифагорейцы («Господин, прости...») — III, 122.
 Пифия («Волны приходят, и волны уходят...») — III, 248.
 «Пламя факелов кружится, длится пляска саламандр...» (Смерть Александра) — II, 73.
 «Планеты и Солнце: Союз и Республики строим...» (ЗСФСР) — III, 166.
 Плач Лаодамии («Нет, слова говнов не ложны!...») — III, 293.
 Пленный лев («Здесь, где к прудам нависают ракиты...») — III, 153.
 «— Плохо приходится старому лешему...» — III, 331.
 «Плывем пустынной Ладогой...» (Буря и затишье) — II, 267.
 «Плыви, плыви рекой волнистой!...» (За утесом) — I, 498.
 Пляска дум («Моря вязкий шум...») — III, 480.
 Пляска смерти («Эй, старик! чего у плуга...») — II, 356.
 «По бездорожьям царственной пустыни...» (Рамсес) — I, 145.
 «По беломраморным ступеням...» (Путник) — I, 289.
 «По бульвару ходят девки...» (Провинциальная картинка) — II, 264.
 «По волнам реки...» (Японские танки и хай-кай) — II, 334.
 По грибы («Ищу грибы, вскрывал палочкой...») — II, 275.
 «По дороге встречной странник...» (На лесной дороге) — II, 34.
 «По знакомой дороге назад...» (Завет Святослава...) — III, 348.
 По меже («Как ясно, как ласково небо!...») — II, 30.
 «По небу тучи ходят, крутятся...» (Японские танки и ута) — II, 388.
 По поводу сборников «Русские символисты» («Мне помнятся и книги эти...») — I, 201.
 По поводу Chefs d'œuvre («Ты приняла мою книгу с улыбкой...») — I, 102.
 По поводу «Me eum esse» («О, эти звенящие строки!...») — I, 201.
 «По снегу тень — зубцы и башни...» (У Кремля) — III, 164.

«По твоей улыбке сонной...» (Жрице Луны) — I, 398.
 «По улицам Венеции, в вечерний...» (Данте в Венеции) — I, 155.
 «По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...» — I, 269.
 «По холодным знакомым ступеням...» — I, 181.
 «По широкому простору предвечерней синевы...» (Вечерние песни) — III, 362.
 Побег («Мой трубный зов, ты мной слышан...») — I, 271.
 Побег пастуха («На этой ели благосклонной...») — I, 505.
 Победа при Каррах («Забыть ли час, когда у сцены...») — II, 245.
 «Поблудившие звезды дрожали...» — I, 116.
 «Поблек предзакатный румянец...» (Приветствие) — I, 371.
 «Повеял ветер голубой...» (Предание) — III, 290.
 Повольник («Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!...») — I, 502.
 «Погасни, исчезни...» (К Вальмонту) — III, 250.
 «Под бананом, под бананом...» — II, 389.
 «Под вопль вражды, под гулким гневом...» (Коммунарам) — III, 104.
 Под гулы и взрывы («Вихри войны, кони гибели, не успокоены...») — III, 60.
 «Под землей, под слоем снега...» (Перед масм) — III, 17.
 Под зимним ветром («Долгул ветер, влажный и соленый...») — III, 146.
 «Под зноем дня в пыли заботы...» (Ночные цветы) — I, 477.
 «Под навесом темной ели...» (За пределами сказок) — III, 256.
 «Под небом тускло-синеватым...» (Тусклая картинка) — II, 279.
 Под утро («Еще было совсем темно...») — III, 293.
 Подземные растения («Внутри земли, в холодном царстве тьмы...») — III, 235.
 «Подобна жизнь огням потешным...» (Жизнь) — I, 220.
 Подражание ашугам (1. «О, алая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!...»; 2. «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут...») — II, 340.
 Подражание Гейне («Мне снилось, я в городе дальнем...») — I, 313.
 Подражание Рабиндранату Тагору («Когда тебе, дитя, я приношу игрушки...») — II, 331.
 Подражание труверам («Нет, никогда не мог Амур в сем мире...») — II, 389.
 Подражание народным песням (1. «Дай мне вечер, дай мне отдых...»; 2. «Листья бледные кружатся...»; 3. «Шuka синяя, зеленая...») — II, 365–366.

Подруги («Три женщины, грязные, пьяные...») — I, 78.
 «Поезд врывается в древние скалы...» — I, 113.
 Пожар («Рвется востер одичалый...») — III, 498.
 «Пожертвуйте, благодетели...» (Сборщиков) — I, 283.
 Позор («Венчальные платья мы сняли...») — I, 106.
 Пока есть небо («Пока есть небо, будь доволен!...») — III, 21.
 «Поклоняются многие мне...» — I, 235.
 Покорность («Не падо спора. Буду мудрым...») — II, 44.
 Поле битвы («Залито поле, как золотом...») — II, 150.
 Поликрат («Я читал у поэтов о счастье, похожем на сон...») — III, 244.
 Полно («Полно! Не впервые...») — II, 223.
 «Полно, не во сне ли видел я вчера...» — III, 230.
 Полнолуние («Мы волны морские, мы дышим луной...») — III, 249.
 «Полутемное окошко...» — I, 39.
 Польша есть! («Да, Польша есть! Кто сомневаться может?...») — III, 346.
 Польша («Провидец! Стих твой осужденный...») — II, 147.
 «Помнишь эту пурпурную ночь?...» (С кометы) — I, 70.
 «Помню вечер, помню лето...» — I, 372.
 «Помню, помню: вечер нежный...» (Памяти одной) — III, 83.
 «Помоги мне, мать-земля!...» (У земли) — I, 277.
 Помпеянка («Мне первым мужем был купец богатый...») — I, 289.
 «Пописывают птицы...» (Весной) — II, 117.
 Пора! («Была пора ударить буре...») — II, 144.
 «Пора бы жизнь осмыслить, подытожить...» (Ожерелья дней) — II, 212.
 «Пора разгадывать загадки...» (Сходные решения) — III, 298.
 «Пора! Склоняю взор усталый...» — III, 390.
 «Пора сознаться: я — не молод; скоро — сорок...» (Летом 1912 года) — II, 95.
 «Порой Любовь проходит инкогнито...» (Инкогнито) — III, 110.
 Портрет («Ей лет четырнадцать: ее глаза...») — II, 54.
 Портрет («Привык он рано презирать святых...») — II, 159.
 Портрет («Черты твои — детские, скромные...») — I, 397.
 Портрет женщины («Он в старой раме, с блеклыми тонами...») — III, 434.
 Посл*** («Мне снилось: мертвенно-бессильный...») — I, 123.
 Посвящение («Мой факел старый, просмоленный...») — II, 84.
 Посвящение («Ты, предстоящая, с кем выбор мой!...») — III, 86.

Послание Малербу («Мой дорогой Малерб! Ты долго ль будешь горе...») — II, 360.
 После грез («Я весь день, всё вчера, проблуждал по стране моих снов...») — I, 86.
 После дождя («Был дождь и замер; молний взвизги...») — III, 67.
 «После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!...» — III, 326.
 После неудачи («Надежды рухнули, как строй картонных домиков...») — III, 365.
 После ночи («После ночи свиданья любовного...») — II, 52.
 «После ночи бессонной...» — I, 121.
 «После ночи свиданья любовного...» (После ночи...) — II, 52.
 После пира («Мы с дрожью страсти и печали...») — I, 418.
 После снохоса («Цветы подкошенные...») — III, 382.
 После скитаний («После скитаний...») — II, 126.
 После смерти В. И. Ленина («Не только здесь, у стен Кремля...») — III, 162.
 «После тех самых путей и перепутей...» (Два крыла) — III, 201.
 Последнее желание («Где я последнее желание...») — I, 270.
 Последнее счастье («В гробу, под парчой серебрястой, созерцал я последнее счастье...») — II, 288.
 «Последние думы...» — I, 128.
 Последние поэты («Высокая барка, — мечта-изваянье...») — II, 255.
 Последние слова («И я опять пишу последние слова...») — I, 122.
 Последний день («Он придет, обезумевший мир...») — I, 359.
 Последний пир («Блудясот тспп. Из-за ставен...») — I, 403.
 Последний путь («Быть может, я в последний раз...») — III, 334.
 Последний спор («Северным ветром взволнован, остужен...») — II, 301.
 «Последним отблеском овсянный...» — III, 239.
 Последняя («Да! Ты ль, венко сонетов, леизмнен?...») — II, 309.
 Последняя война («Свершилось. Рок рукой суровой...») — II, 140.
 П. И. Постникову («Что в протоплазме зыблил океан...») — II, 298.
 «Потоком широким тянулся асфальт...» (Духи огня) — I, 439.
 Потомок («Древний замок мой весь золотой и мраморный...») — I, 479.
 Потоп («Иудское море всколыхнулось...») — II, 224.
 Поучение («Тот, владыка, написанных слов...») — II, 322.
 Похищение Берты («Шел пир небывалый за круглым столом...») — II, 372.
 Поцелуй («Здесь, в гостиной полутемной...») — I, 61.
 «Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах...» (Венеция) — I, 351.
 «Почему мы снова связаны...» (Снова) — I, 482.

«Почему я только мальчик...» — I, 117.

Поэзия («Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...») — III, 213.

Поэзия («Ты знаешь, чью любовь мы ипивоаем в звуки?...») — III, 213.

«Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...» (Поэзия) — III, 213.

Поэт — Музе («Я изменял и многому и многим...») — II, 65.

Поэту («Ты должен быть гордым, как знамя...») — I, 447.

«Поэты — пророки! но много ли стих их...» (Атавизм) — III, 175.

Праздник в деревне («Ударил звон последний...») — II, 265.

Праздник труда («На сонных каналах Венеции...») — III, 391.

Праздники («Ждать в детстве воскрессенья...») — III, 37.

«Пред громом Вождя преклопя колени...» (На смерть Вождя) — III, 429.

Пред грозой («В миг пред грозой набегающей трепет...») — I, 211.

Предание («Повеял ветер голубой...») — III, 290.

Предание о луне («В былые дни луна была...») — I, 257.

«Предвечерний час объемлет...» (Папоротник) — I, 219.

Предвещание («Быть может, суждено земле...») — II, 99.

Пределы («Пределы? нет их!...») — III, 92.

«Предстанет миг, и дух мой канет...» (К близкой) — I, 314.

«Предутреннего города виденье...» (Виденье города) — II, 267.

Предчувствие («В лицо осенний ветер веет. Колос...») — II, 43.

Предчувствие («Во мгле, под шумный гул метели...») — II, 68.

Предчувствие («Моя любовь — палящий полдень Явы...») — I, 57.

Презрение («Великое презрение и к людям и к себе...») — I, 346.

«Прекрасен восход твой, о Атон живущий, владыка столетий!...» (Гимн Атону) — II, 384.

«Прекрасен и беспечен нир...» (Египетские ночи) — III, 438.

«Прекрасен, светел, вепчан, златокрыл...» (Эллинизм и Рим) — III, 384.

«Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный...» (Выходы) — II, 292.

Прелести земли («Все реже и все бесстрастней...») — I, 336.

При послышке П. Верлену перевода «Романсов без слов» («Еще покорный ваш вассал...») — III, 214.

При свете луны («Как всплывает алый щит над морем...») — III, 9.

При электричестве («Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна...») — III, 316.

Прибой («С шумом па белые камни...») — I, 458.

В. И. Прибытков («Мы здесь собрались дружным кругом...») — I, 355.

Привет через звезды («Канули краски заката...») — II, 286.

Приветствие («Поблек предзакатный румянец...») — I, 371.

«Привык он рано презирать святыни...» (Портрет) — II, 159.

«Придет к моим стихам неведомый поэт...» (Сонет, посвященный поэту П. Д. Бутурлину) — III, 252.

Признание («Моя дорога — дорога бури...») — II, 83.

«Призраки луны непонятен глазам...» — III, 221.

Призраки неизбежных («Твой лик, загадочный и нежный...») — I, 477.

«Призраки», картина М. Дурнова («Это они — соблазненные!...») — I, 198.

«Призыв протяжный и двухнотный...» (Зов автомобиля) — III, 13.

«Приндут дни последних запустений...» (В дни запустений) — I, 223.

Прикованный Прометей («Те в храме, негу льющей в кровь Мелитты...») — III, 152.

Прилив («Пробил час. Ты вновь безволен...») — I, 531.

«Прими послание, о Виктор!...» — III, 278.

«Примите скромный триолет...» (Эпиталама) — III, 237.

«Приникни головкой твоей...» (Змеи) — I, 46.

Принцип относительности («Первозданные оси сдвинуты...») — III, 136.

Присловья (1. «Да притихнут щекры славие...»; 2. «Высоко, высоко до поднебесья...»; 3. «Как по морю, морю синему...»; 4. Колыбельная) — III, 493—494.

«Приходи!» — страстно мечта стоит...» (В условный час) — III, 486.

«Пришел я в крайние пустыни...» (Искатель) — I, 274.

«Пришла и мир отгородила...» (Ночь) — II, 280.

«Пришли рассеяния годы...» — III, 355.

«Пробил час. Ты вновь безволен...» (Прилив) — I, 531.

Проблеск («Восток и Запад, хитрый Змей и Лев...») — I, 227.

«Провеял дух, идущий мимо...» (Атлантида) — II, 380.

«Провидец! Стих твой осужденный...» (Польша) — II, 147.

Провинциальная картинка («По бульвару ходят девки...») — II, 264.

Прогулка («Как вдруг неожиданно стали гули...») — II, 363.

Продажная («Едва ли ей было четырнадцать лет...») — I, 108.

«Прозрев, я в лиру верую...» (Лири) — II, 205.

Прокаженный («Прокаженный молился. Дорога...») — I, 69.

«Проклинайте молодость...» (Пасха, праздникам праздник) — I, 206.

«Пропел протяжный стон стрелы...» (Драма в горах) — II, 250.
 «Пропеллеры, треща, стрекочут...» (На полетах) — II, 166.
 Прорицание («Влистан шелковый ка-мзол...») — II, 375.
 «Пророк, чей грозный нимб ваятель...» (Моисей) — II, 69.
 Пророчества весны («В дни отроче-ства, я пророчествам...») — III, 8.
 Пророчество мечты («Пусть мечта рыдает горестными восклицаньями...») — III, 489.
 Пророчество о гибели азов («Слушай-те, все люди, сумрачные пес-ни...») — II, 342.
 «Пророчица Кассандра! — тень твоя...» (Кассандра) — I, 148.
 Простенькая песня («Ты, в тени про-зрачной...») — II, 162.
 «Прости меня, сестра, я много вино-ват...» (Сестре) — III, 250.
 «Прости мой стих, безумьем гнев-ный...» — III, 314.
 Противоречия (1. Песни; 2. Любимые мелочи) — II, 226—227.
 «Прохлада утренней весны...» — I, 127.
 «Проходит день, как смена отраже-ний...» — III, 328.
 «Проходя страду земную...» (За-клятье Эроса) — III, 62.
 «Проходят дни, проходит сроки...» (Одиночество) — I, 318.
 Прохожей («Она прошла и опьяни-ла...») — I, 331.
 «Прошел печально день субботный...» (Noli me tangere, Maria) — I, 501.
 Прощальный взгляд («Я сквозь не-запертые двери...») — I, 313.
 Прощание («Вот и ты, печальная, от-чалила...») — I, 411.
 Прощание («На пристани пустынной бледный мальчик...») — II, 55.
 «Прощаю все, — и то, что ты лгала мне...» — II, 39.
 Псалом Давида («Меж братьями я меньший был...») — II, 386.
 Психея («Что чувствовала ты, Пси-хея, в оный день...») — I, 147.
 Пурпур бледящих губ («Медленно всходит луна...») — I, 84.
 «Пустынен берег тусклого Аверна...» (Амалтея) — I, 151.
 «Пусть вечно милы посевы, скаты...» — III, 401.
 «Пусть восток прозрачный топится...» (Ожидание) — I, 509.
 «Пусть гнал нас временный ущерб...» (Серп и Молот) — III, 58.
 «— Пусть лобзает меня — он лобза-нем своим!..» — III, 277.
 «Пусть мечта рыдает горестными восклицаниями...» (Пророчество мечты) — III, 489.
 «Пусть прочит жизнь, и день, что про-жит...» (Голос иных миров) — III, 23.
 «Пусть он останется ненайденным...» (Остров) — III, 294.
 Пусть пред окном моим... («Пусть пред окном моим не вносит...») — III, 22.

«Пусть царит уныние где-то на зе-мле!..» (Рыбье празднество) — II, 228.
 «Пусть этот чайник ясный...» (Китай-ские стихи) — II, 387.
 Путевые заметки (1. «Море, прибором взматеженным...» 2. «Искры пото-ком сея...» 3. «Разноодежная, разноплеменная...») — II, 240—241.
 Путник («По беломраморным ступе-ням...») — I, 289.
 «Путник! в этом городе можешь дни провести...» (Надписи на воро-тах) — II, 359.
 Путь к высотам («Путь к высотам, где музы пляшут хором...») — II, 203.
 «Пылают летом розы, как ягучий костер...» (Газели) — II, 333.
 Пытка («Эта боль не раз мной испы-тана...») — I, 315.
 «Пьяные лица и дымный туман...» (Туман) — I, 107.
 Пятьдесят лет («Пятьдесят лет...») — III, 202.
 Раб («Я — раб, и был рабом покор-ным...») — I, 286.
 Работа («Единое счастье — работа...») — III, 20.
 Работа («Здравствуй, тяжкая рабо-та...») — I, 272.
 Рабы («Нас было много. Мы покор-но...») — III, 304.
 Равному («Нет, не бойся слов враж-дебных...») — I, 541.
 Радостный миг («Когда, счастливый, я уснул, она...») — II, 15.
 Радуга («Семцветным полукру-гом...») — I, 464.
 «Разбегаются слова поля за ок-ном...» — III, 323.
 «Развертывается скатерть, как в рас-сказе о Савле...» — III, 425.
 Разговор («У подножья башни древ-ней...») — II, 229.
 «Размер ямбического trimetra...» (Над Иматрой) — II, 108.
 «Разноодежная, разноплеменная...» (Путевые заметки) — II, 241.
 Разоренный Киев («Четыре дня мы шли опустошенной степью...») — I, 159.
 Разочарование («Вот замолкла, за-снула, закуталась...») — III, 139.
 Рамсес («По бездорожьям царствен-ной пустыни...») — I, 145.
 Ранняя весна («Темнеет. Тонкая луна...») — III, 225.
 Ранняя осень («Ранняя осень любви умирающей...») — I, 481.
 Раньше утра («Я знаю этот свет, неу-молимо четкий...») — I, 328.
 «Расплавлены устои жизни преж-ней...» (В такие дни) — III, 59.
 Рассвет («День рассветает, встречая мечту...») — I, 108.
 Рассвет («Никнут тени, обесси-лены...») — III, 62.
 «Рассудка вечные устои...» (Устой) — I, 226.

«Растопленный день вечерест...» (На даче) — I, 175.
 «Растут дома; гудят автомобили...» (Ответ) — II, 67.
 «Рвется ветер одичалый...» (Пожар) — III, 498.
 «Рядность померкла за очерком гор...» — III, 360.
 «Ребенком я, не зная страху...» — I, 143.
 Ребенок («Тебе тринадцать лет, но по щекам, у глаз...») — III, 321.
 Революция («К великой цели двигались народы...») — III, 387.
 «Речт река, лиловеющая...» (Длится, мгновенья!) — III, 502.
 Речт тень («Речт тень голубая, объята...») — III, 503.
 «Реже всё трясут зампертые двери...» (К Лидии) — III, 512.
 Реквием («Горе! горе! умер Ленин...») — III, 430.
 Ремесло поэта (вступительная статья к сб. «Опыты») — III, 457.
 Республика последних снов («Республика последних снов на грани...») — III, 424.
 Реформация («Надежда — вскрыть все таинства природы...») — III, 387.
 «Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском...» — III, 322.
 «Речи несмелых признаний...» — III, 243.
 Решетка («Между нами частая решетка...») — I, 291.
 Рим («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый...») — III, 511.
 Римини («В твоём, в века вонзенном имени...») — III, 99.
 Римляне в Китае («Все улицы полны народом...») — III, 363.
 Римская империя («Он встал, как царь, в торжественной порфире...») — III, 385.
 Родное («Березка любая в губернии...») — III, 178.
 Родной язык («Мой верный друг! мой враг коварный!...») — II, 66.
 Родные цветы (1. Ландыш; 2. Иван-да-марья; 3. Венок из васильков) — II, 271—272.
 «Роет норы крот угрюмый...» (Крот) — II, 120.
 Рождество Христово («Он вошел к Ней с пальмовой ветвью...») — I, 205.
 Рок («Все непрочное в мире родит, и ведет, и крушит Рок...») — III, 488.
 Роковой ряд (1. Пеля; 2. Талья; 3. Маня; 16. Кода) — II, 303—310.
 Романс («Ты приходишь ко мне, холодный...») — II, 53.
 Романтикам («Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым...») — III, 75.
 Рондо («Не смею все мечты вложить я в стих...») — III, 252.
 Рондо («Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд...») — II, 198.
 «Роса ложится, но солнце всходит...» (Японские танки и ута) — II, 388.

«Роскошен лес в огне осеннем...» — I, 183.
 России («В стозарном зареве пожара...») — III, 47.
 «Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...» (Голос города) — III, 369.
 «Рук ласковых касанья, приближенья...» (Вещий ужас) — III, 61.
 Руками плечи... («Руками плечи опоясаны...») — III, 72.
 «Руки, вечно молодые...» (Ожерелье) — II, 94.
 Русалка («Она, свои скрывая груди...») — I, 502.
 Ручей («Ручей, играющий в долине...») — II, 363.
 «Рушатся волн белопенные гребни...» (Океан и дюны) — II, 112.
 «Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил здесь...» (Из песен Сапфо) — II, 324.
 Рыбье празднество («Пусть царит уныние где-то на земле!...») — II, 228.
 «Рыцарь по отмени едет один...» (Витраж-триптих) — III, 340.
 «С вербочками девочки...» (Вербная суббота) — II, 170.
 «С волнением касаюсь я пера...» — III, 354.
 «С высокой башни колокольной...» (Голос часов) — I, 331.
 С Ганга, с Гоанго... («С Ганга, с Гоанго, под гонг, под тимпаны...») — III, 142.
 С губами, сладко улыбающимися («С губами, сладко улыбающимися...») — III, 501.
 «С какой отравно-раящей усладой...» (Маня) — II, 304.
 С кометы («Помнишь эту пурпурную ночь?...») — I, 70.
 «С конки сошла она шагом богини...» (Парица) — I, 320.
 «С неустанными молитвами...» — I, 236.
 «С опущенным взором, в пелериночке белой...» (На бульваре) — I, 104.
 «С пестрым мешком за плечами татарин...» (Весна) — III, 308.
 «С тех пор как я долго в несом ожидании...» — III, 412.
 «С шумом на белые камни...» (Прибой) — I, 458.
 Сайма («Подка, порывистым ветром качаемая...») — II, 110.
 Самоубийца («Томный, стройный, строгий, грустный...») — I, 503.
 Самоуверенность («Золотистые феи...») — I, 34.
 Сандрильоне («Был день хрустальный, даль опаловая...») — II, 87.
 «Санки, в радостном разбеге...» (На санках) — II, 134.
 Н. Н. Сапунову («Когда твою душу в объятиях нес...») — II, 200.
 Сборщиков («Пожертвуйте, благодетели...») — I, 283.
 «Свежей и светлой прохладой...» (Февраль) — I, 450.

«Свершатся сроки: загорится век...» (К счастливым) — I, 434.
 «Свершилось! молодость окончена!..» (В полдень) — I, 396.
 «Свершилось. Рок рукой суровой...» (Последняя война) — II, 140.
 «Свет из небесных скважин...» (Зов старинный) — III, 350.
 «Свет обмер, тени наклонились...» — II, 430.
 «Светлый Бальдер! мне навстречу...» (Бальдеру Локи) — I, 388.
 «Светлым гаснувшим закатом...» — III, 221.
 «Светлым облаком плененные...» (Братьям соблазненным) — I, 225.
 Светоч мысли (I. Атлантида; II. Халдес; III. Египет;..... XV. Заключение) — III, 383—389.
 «Свиваются бледные тени...» — I, 88.
 Свидания («В одном из тех домов, придуманных развратом...») — I, 310.
 «Свитки паровозов в предутренней мгле...» (Оклики демонов) — I, 334.
 «Свищет вполголоса арии...» (Уличная) — I, 516.
 Свобода и война («Свобода! Свобода! Восторженным кликом...») — II, 222.
 «Свобода! Свобода! Восторженным кликом...» (Свобода и война) — II, 222.
 «Своей улыбкой, странно-длительной...» (Демон самоубийства) — II, 16.
 «Свои торжественные своды...» (Паломникам свободы) — I, 430.
 «Свой круг рисуя все ясней...» (Еще закат) — I, 169.
 «Свой суд холодный и враждебный...» (Одному из братьев) — I, 428.
 «Свой хор заветный водят музы...» (Служителю муз) — I, 533.
 «Связанные взглядом...» (Видение крыльев) — I, 401.
 Святогор («Сплошное кваканье лягушек...») — II, 276.
 «Сдвинь плотно, память, жалюзи!..» (Штурм неба) — III, 167.
 Себастьян («На медленном огне горюшь ты и сгораешь...») — I, 488.
 «Северным ветром взволнован, остужен...» (Последний спор) — II, 301.
 Игорю Северянину («И ты стремишься ввысь, где солнце — вечно...») — II, 202.
 Игорю Северянину («Строя струны лиры клирной...») — II, 201.
 Сегодня («На пестрых площадях Занзибара...») — III, 151.
 «Сегодня мертвые цветы...» — III, 218.
 «Сегодня! сегодня! как странно! как странно!..» (Иамена) — I, 58.
 Сеет Хронос («Нет, не струны, нет, не трубы...») — III, 108.
 Секстина («Я безнадежность воспеваю когда-то...») — II, 175.
 Семейная картинка («Ты спишь «в железной колыбели»...») — III, 339.

«Семицветным полукругом...» (Радуга) — I, 464.
 «Серафимов вереницы...» — I, 408.
 «Сердце, полное упышеством...» (Уныние) — I, 35.
 «Сердце утомленное хочет одного...» — III, 318.
 «Серебро, огни и блестики...» (Первый снег) — I, 79.
 «Серо...» (Три символа) — III, 517.
 Серп и Молот («Пусть гнал нас временный ущерб...») — III, 58.
 «Сестра — парит в надменной Трое...» (Клитемнестра) — II, 71.
 Сестре («Прости меня, сестра, я много виноват...») — III, 250.
 Сеятеля («Я сеятеля труд, упорно и сурово...») — I, 556.
 Симпосион заката («Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами...») — III, 206.
 Синема моего окна («Мир шумящий, как далек он...») — II, 158.
 «Сини все проталины...» (Весенняя песня девушек) — I, 510.
 «Синие, чистые дали...» (Летняя гроза) — II, 32.
 Сиреночка («В лесу пропела пеночка...») — II, 138.
 «Сняла людям Мысль, как свет в эфире...» (Халдес) — III, 383.
 «Сияние глаз твоих благословляю!..» (Благословение) — I, 479.
 Сказание о разбойнике («Начинается песня недлинная...») — I, 239.
 Сказка («Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым...») — II, 124.
 «Скажите, где, в стране ль теней...» (Баллада о женщинах былых времен) — II, 349.
 «Скала к скале; безмолвие пустыни...» — I, 89.
 «Сквозь легкий дым земных воспоминаний...» (Одиссей у Калипсо) — III, 75.
 «Сквозь разноцветные стекла закат...» — III, 238.
 «Сквозь туман таинственный...» — I, 115.
 Скифы («Если б некогда гостем я прибыл...») — I, 152.
 Скользящая терцина («Когда мечта, под волей господина...») — III, 372.
 «Скорпиону» и «Грифу» («Наш мир храня от силы вражьей...») — III, 284.
 «Слава — властителю звуков! творцу вдохновенному — слава!..» (А. К. Глазунову) — III, 421.
 «Слава Нилу, в мир сошедшему...» (Гимн Нилу) — II, 382.
 Слава толпе («В пропасти улиц закутуты...») — I, 437.
 «Славный кот мой одноглазый...» (Я и кот) — III, 300.
 «Сладко скользить по окраинам бездны...» — I, 188.
 Сладострастие («В ярком венке из пурпурного мака...») — I, 338.
 «Сладострастные тени на темной постели окружили, легли, притаились, манят...» (Тени) — I, 59.

«Слезам блестящие глазки...» — I, 45.
 Слепой («Люблю встречать на улице...» — I, 207.
 «Слепой циклон, опустошив...» — III, 374.
 Слишком («Слишком, слишком много счастья!..» — III, 229.
 «Слишком полно мойрами был налит...» (Кубок Элады) — III, 115.
 «Слишком, слишком много счастья!..» (Слишком) — III, 229.
 «Слова любви еще так нежны...» (Еще так нежны...) — III, 117.
 «Слова теряют смысл первоначальный...» (Перед темной завесой) — I, 57.
 «Словно в огненном дыме и лица и вещи...» (Обряд ночи) — I, 492.
 «Словно кровь у свежей раны...» (Гиаднт) — I, 312.
 «Словно над глубинами зеркала...» (Стокгольм) — I, 454.
 «Словно нездешние тени...» — I, 177.
 «Словно птица большая...» — I, 164.
 Слово («Слово — событий скрижаль, скиптр серебряный созданной славы...») — III, 507.
 «Слово бросает на камни одни бестелесные тени...» — III, 220.
 «Слово — событий скрижаль, скиптр серебряный созданной славы...» (Слово) — III, 507.
 «Сложив стихи, из на год спрятать в стол...» — III, 396.
 Служителю муз («Свой хор заветный водят музы...») — I, 533.
 Случайная стрела («Стоял я в этот час, незрячий...») — II, 49.
 Случайный («Я люблю в глазах оплывших...») — I, 199.
 Случайности («Я верю всегдашним случайностям...») — I, 217.
 «Случайность и намеренность...» — I, 236.
 «Слушайте, все люди, сумрачные песни...» (Пророчество о гибели азов) — II, 342.
 «Слышишь! по узорам плит...» (Шаги Афродиты) — III, 65.
 «Слышу: плачут волны Эльбы...» (Ариадне) — III, 199.
 «Слышу, слышу шаг твой нежный...» (Орфей и Эвридика) — I, 385.
 Смерть Александра («Пламя факелов кружится, длится пляска саламандр...») — II, 73.
 «Смерть! обмороч невыразимо-сладкий!..» (Сонет к Смерти) — II, 296.
 Смерть рыцаря Ланцелота («За круглый стол однажды сел...») — II, 354.
 Смотреть в былое («Смотреть в былое, видеть все следы...») — III, 97.
 «Смотрю, дыша травой и мятой...» (Лунная ночь) — III, 14.
 «Смутно куритесь, туманы былого!..» (А. М. Добролюбову) — III, 234.
 Снега («Луны холодные рога...») — I, 90.
 Снежная Россия («За полем снежным — поле снежное...») — II, 269.

Снежный призрак («Томно-мятежный...») — II, 289.
 «Снилось ты нам с наших первых веков...» (К Тихому океану) — I, 423.
 Снова («Почему мы снова связаны...») — I, 482.
 «Снова долгий тихий вечер...» (На гранитах) — I, 455.
 «Снова почь и небо, и падменно...» (Детские упования) — II, 101.
 «Снова сон, векам знакомый!..» (Одиссей у Калипсо) — III, 98.
 «Снова, с тайной благодарностью...» — II, 10.
 «Снова сумрак леса зелен...» — III, 413.
 Сны («В замке пышном и старинном, где пустынный круг покоен...») — II, 182.
 Сны («Сните, дети! спите, люди!..») — I, 468.
 «Со всеми мы братья...» (Духи земли) — I, 232.
 «Собирай свои цветочки...» (Девочка с цветами) — II, 169.
 Соблазнитель («Ко мне вошел ты, Соблазнитель...») — II, 19.
 Советская Москва («Все ж, наклонясь пад пропастью...») — III, 106.
 Современная осень («Крут и терик осенний вечер; с поля...») — III, 182.
 «Современность грохочет, грозит, негодует...» — III, 411.
 «Сокрылась давно Селена...» (Из песни Сапфо) — II, 324.
 «Солнца уголь кругло-красный...» (Уголек) — I, 511.
 «Солнце летит неизмерной орбитой...» (Гридуший гимн) — III, 103.
 «Солнце палит утомленную землю...» (Кладбище) — III, 302.
 «Солнце сквозь деревья...» (Вечер в поле) — III, 303.
 «— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!..» — III, 315.
 Солнцеворот («Была зима; лежали плотно...») — III, 15.
 Ф. Сологубу («Зев беспощадной орхидеи...») — II, 201.
 Соломон («Что было? Вихрь тысячелетий...») — III, 435.
 Сон («Как город призрачный в пустыне...») — I, 340.
 Сон («Ты вновь меня ведешь, и в отдаленных, робко...») — II, 12.
 Сон пророческий («В мое окно давно гляделся день...») — I, 137.
 Сонет («О ловкий драматург, судьба, кричу и «браво»...») — I, 321.
 Сонет («Отточенный булат — луч рдяного заката!..») — III, 379.
 Сонет в духе Петрарки («Вчера лесной я проезжал дорогой...») — II, 352.
 Сонет в духе XIV в. («Тебе ль не жаль родимых побережий...») — II, 352.
 Сонет в манере Петрарки («Как всякий, кто Любви застенек ведал...») — II, 392.

Сопет к мечте («Ни умолять, ни пла-
кать неспособный...») — I, 85.
Сопет к Смерти («Смерть! обморок
невыразимо-сладкий!..») — II, 296.
Сопет к форме («Есть тонкие власти-
тельные связи...») — I, 33.
Сопет о поэте («Как силы светлого и
грозного огня...») — III, 254.
Сопет, посвященный поэту П. Д. Бу-
турлину («Придет к моим стихам
неведомый поэт...») — III, 252.
Сонеты (1. «В горах, в монастыре,
песнь колокола плачет...»;
2. «Цветы роняют робко лепест-
ки...») — III, 515—516.
«Сорок было их в воде холодной...»
(Девятое марта) — II, 204.
Сорок пятый раз («Весенней ночью
встречу звои пасхальный...») —
III, 11.
Софии С., подарившей мне лепесток
розы («Лепесток отцветающей
розы...») — I, 113.
«Спи, мой мальчик! Птицы спят...»
(Колыбельная) — III, 40.
Спинозианы («Утром жадно пахнут
розы...») — III, 226.
«Спит вагон, мерцает газ...» — I, 112.
«Спите, дети! спите, люди!..» (Сны) —
I, 468.
«Сплошное кваканье лягушек...» (Свя-
тогор) — II, 276.
«Спокойный взор вперед в обломки...»
(Воссоздателю) — I, 542.
«Среди детей, на мраморной сту-
пени...» (У колонны) — II, 56.
Средние века («Дух знания жил,
скрыт в тайном эликсире...») —
III, 386.
Срок («Я знаю, ты, земля, вращаешь
быстрым...») — III, 68.
СССР («Эй, звезда, отвечай, на по-
теху ли...») — III, 165.
«Старик шел мимо башни...» — II,
386.
«Старолавней Ярославне тихий ропот
струн...» (Певцу «Слова») — II,
186.
Старый викинг («Он стал на утесе;
в лицо ему ветер суровый...») —
I, 154.
«Старый Висби! Старый Висби!..»
(Висби) — I, 457.
Старый вопрос («Не надо заносчи-
вых слов...») — II, 141.
«Стал снег... земля, камень...» —
I, 109.
Стихи на изразцах («Иду скоро в дом
свой я...») — I, 505.
Стихи о голоде («Умирают с голо-
да...») — III, 156.
Стихи о любви («За тонкой стеной
замирала роуль...») — III, 234.
Стокгольм («Словно над глубинами
зеркала...») — I, 454.
«Столетия—фонарики! о, сколько
вас во тьме...» (Фонарики) — I,
435.
«Столетний бор. Вечерний сумрак
зелен...» (Дикори) — I, 470.
Стопп огненный («Не часто радуется
поэта...») — II, 221.
«Стоп роковой прошел по Риму:

«Капны!...» (Беглецы) — III, 43.
«Стонет старая шарманка...» (Ут-
ром) — II, 49.
«Сторонитесь!..» (Песнь прокажен-
ного) — II, 390.
«Стоял я в этот час, незрящий...»
(Случайная стрела) — II, 49.
«Страпа, измученная страстностью
судьбы!..» (Италия) — I, 300.
«Страстующий рыцарь, Дон Ки-
хот!..» — III, 422.
«Страстно, в безумном порыве ко
мне ты прижалась...» (Во мгле) —
I, 62.
Стрелы ресниц («Еще в мечтах чер-
неют стрелы...») — III, 66.
«Строгий, холодный и властный...» —
I, 182.
«Строго и молча, без слов, без
угроз...» — III, 324.
Строгое звено («Для всех приходят в
свой черед...») — I, 134.
«Строя струны лиры килрной...»
(Игорю Северянину) — II, 201.
«Ступени разрушенной лестницы...» —
III, 331.
«Стыдливо стучатся о пристань ва-
лы...» (В Баку) — II, 243.
«Судил мне бог пылать любовью...»
(Кандона к Даме) — II, 344.
«Суждена всему, что творит При-
рода...» (На брэнность) — III,
514.
Сулла («Утонченник седьмого ве-
ка...») — II, 75.
Сумасшедший («Чтоб меня не увидел
никто...») — I, 83.
Сумерки («Горят электричеством лу-
ны...») — I, 450.
«Сумрак за черным окном...» — I, 126.
«Сумрак тихий, сумрак тайный...» —
II, 127.
Сухие листья («Сухие листья, сухие
листья...») — II, 121.
Сфинкс («Я пустынный шел доро-
гой...») — III, 282.
Сходные решения («Пора разгады-
вать загадки...») — III, 298.
«Сцепень белых параллелограммов...»
(Книга) — III, 183.
Счастье усиления («На побережьях
речки быстрой...») — II, 258.
Сын земли («Я — сын земли, дитя
платеты малой...») — II, 97.
Та же грудь («Давно охладели, давно
окаменели...») — III, 196.
Табакерка («Наших предков таба-
керки!..») — III, 371.
Тайнства ночей («Хранятся в памяти,
как в темной книге...») — I, 318.
Тайна дела («Юноша! грустную пра-
вду тебе рассказу я...») — II, 250.
«Тайны мрака побледили...» — I,
127.
«Тайны, что смутно святыся...» (Со-
гопа) — I, 231.
«Так бывает в июне. Часы свечер-
лы...» (Лачный бред) — III, 209.
«Так вот в какие пустыни...» (В пусты-
нях) — II, 22.

Так вот где... («Так вот где жизнь таила грани...») — III, 200.
 «Так все понятно и знакомо...» (У себя) — I, 271.
 «Так повелел всеильный Демиург...» — III, 310.
 «Так это будет летом. Кисей...» — III, 267.
 Таля («Имен любимых, памятных, живых...») — II, 303.
 Там, в днях... («Где? — в детстве, там, где ржавый пруд...») — III, 141.
 «Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада...» (Над снегом Канады) — III, 191.
 Таня («О, счастье мук, порывов моллодых!...») — II, 305.
 «Твердят серебряные сени...» (Зимняя красота) — I, 336.
 «Твои глаза простят мои мечты.» (Однострочные стихотворения) — III, 237.
 «Твои стихи — как луч случайный...» — III, 245.
 «Твои стихи поют, как звучный...» (З. Н. Гиппиус) — I, 539.
 «Твоих грудей гранат — что меч!...» (Армянская песня) — III, 521.
 «Твой детски женственный анализ...» (К Адалис) — III, 85.
 «Твой лик, загадочный и нежный...» (Призрак неизбежный) — I, 477.
 «Твой ум — глубок, что море!...» (Китайские стихи) — II, 387.
 Творчество («Тень несозданных созданий...») — I, 35.
 «Те в храме, негу льющей в кровь Мелитты...» (Прикованный Прометей) — III, 152.
 «Тебе ль не жаль родимых побережий...» (Сонет в духе XIV в.) — II, 352.
 «Тебе мы поклоняемся, Нил!...» — II, 383.
 «Тебе тринадцать лет, но по щекам, у глаз...» (Ребенок) — III, 321.
 Тевтону («Ты неперполнил чашу меры...») — II, 157.
 Тезей Ариадне («Ты спишь, от долгих ласк усталая...») — I, 389.
 Тема предчувствий («Зигзаги...») — III, 214.
 «Темная улица; пятнами свет фонарей...» — II, 262.
 «Темнеет. Тонкая луна...» (Ранняя весна) — III, 225.
 Тени («Сладострастные тени на темной постели окружили, легли, притаились, маят...») — I, 59.
 Тени прошлого («Осенний скучный день. От долгого дождя...») — I, 215.
 «Тень несозданных созданий...» (Творчество) — I, 35.
 «Теперь, в тоске, я повторяю их...» (Юдифь) — II, 304.
 Терем («Тихи дни и годы — годы в терему...») — I, 343.
 Терем мечты («Как девушки скрывались в тереме...») — III, 524.
 Терцины к спискам книг («И вас я

помню, перечни и списки...») — I, 326.
 «Тесно во мгле мы сидим...» (Гребцы триремы) — I, 419.
 Тетрадь («Вот — вдоль исписана книгами, черной...») — III, 184.
 Тигран Великий («В торжественном, лучистом свете...») — II, 244.
 «Тихи дни и годы — годы в терему...» (Терем) — I, 343.
 «Тихо плещут воды Рейна...» (Песни в духе Г. Гейне) — II, 368.
 Тишина («Вечер мирный, безмятежный...») — I, 375.
 «То поспешно парус складывая...» (Парус и чайка) — II, 268.
 «То-то жизнь наша прискорбна...» (Цевичль) — I, 284.
 Товарищам интеллигентам («Еще недавно, всего охотней...») — III, 53.
 «Той, которую прекрасной называли все в мечтах...» (Персидские четверостишия) — II, 332.
 «Только почью льют газели из источника близ вишен...» (Персидские четверостишия) — II, 332.
 Только русский («Только русский, знавший с детства...») — III, 54.
 «Томно-мятежный...» (Снежный призрак) — II, 289.
 Томные грезы («Томно спали грезы») — III, 378.
 «Томный, стройный, строгий, грустный...» (Самоубийца) — I, 503.
 «Тоненькие свечки...» (Панихида) — II, 167.
 «Тонкой, но частою сеткой...» — I, 87.
 «Торжественно-большое беспокорство...» — III, 230.
 «Торжествовать! какие звуки!...» — III, 264.
 «Тоска бродячего светила...» — I, 186.
 «Тосковать в снег весны, — о, баальные...» (Весенняя песня о любви) — III, 142.
 «Тот, владыка написанных слов...» (Поучение) — II, 322.
 «Тот облик вековой огромных городов...» — III, 367.
 «Тошнй мох, кустарник чахлый...» (На Готланде) — I, 456.
 «Трава весенняя допела...» — III, 431.
 Третья осень («Вой, ветер осени третьей...») — III, 48.
 Треугольник («Я...») — III, 524.
 «Три женщины — бслая, черная, алая...» — III, 317.
 «Три женщины, грязные, пьяные...» (Подруги) — I, 78.
 «Три змеи, три кольца, окружили меня...» — III, 326.
 Три кумира («В этом мутном городе туманов...») — II, 187.
 Три свидания («Черное море голов колыхается...») — I, 92.
 Три символа («Серо...») — III, 517.
 Три яблока («Три яблока, излюбленных преданьем...») — III, 26.
 Тридцатый месяц («Тридцатый месяц в нашем мире...») — II, 233.

Триумфатор («Мое чело в последний раз...») — I, 507.
 Тропическая ночь («В снежной мгле угрюмы вопли вьюги...») — III, 19.
 Трубите в траурные трубы... — III, 298.
 Труд («В мире слов разнообразных...») — III, 393.
 Туман («Вдоль тихого канала...») — I, 373.
 Туман («Пьяные лица и дымный туман...») — I, 107.
 Туман осенний («Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей...») — II, 120.
 Туманные ночи («Вся дрожа, я стою на подъезде...») — I, 78.
 И. Туманьяну («...Да будет праведно возмездие...») — II, 300.
 Тусклая картинка («Под небом тускло-синеватым...») — II, 279.
 «Ты белых лебедей кормила...» (На пруду) — III, 497.
 «Ты был когда-то каменным утесом...» (Юргису Балтрушайтису) — I, 198.
 «Ты в гробнице распростерта в мировом венце...» (В склепе) — I, 404.
 «Ты в древних сагах был предсказан...» (Карл XII) — I, 528.
 «Ты, в тени прозрачной...» (Простенькая песня) — II, 162.
 «Ты вповь меня ведешь, и в отдалении, робко...» (Сон) — II, 12.
 «Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу...» (Втируша) — I, 320.
 «Ты должен быть гордым, как знамя...» (Поэту) — I, 447.
 «Ты — женщина, ты — книга между книг...» (Женщине) — I, 179.
 «Ты здесь, на ложе ласк неверных...» (Памяти другой) — III, 83.
 «Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?...» (Поэзия) — III, 213.
 «Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво...» (Царица Страсть) — II, 104.
 «Ты — как камень самоцветный...» (Маргерит) — I, 406.
 «Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками...» (Из песен Сапфо) — II, 324.
 «Ты ль пригоршнями строфы по радно...» (Pou sto) — III, 137.
 «Ты мне дороже, чем золото...» (Китайские стихи) — II, 387.
 «Ты — мне: «Когда у нижней меты...» (Ось) — II, 206.
 «Ты мне предстала как виденье...» (Встреча) — I, 499.
 «Ты — мой демон, ты — эринния...» — II, 36.
 «Ты — мой, как прежде?...» — «Твой, как прежде!..» (В полночь) — I, 483.
 «Ты — мой, моей рукой отмечен...» (Голос) — I, 486.
 «Ты — монахиня! ллия бога!..» (К монахине) — I, 72.
 «Ты, моя фея фонтанов...» (Фей фонтанов) — I, 192.

«Ты на закатном небосклоне...» (Антоний) — I, 392.
 «Ты нашел свой путь к лазури...» (К. Д. Бальмонт) — III, 82.
 «Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою камнем...» (Из Александрийской антологии) — II, 325.
 «Ты не ведала слов отречения...» (В прошлом) — I, 74.
 «Ты не сипетала венков Офелии...» (Офелия) — II, 18.
 «Ты обо мне мечтала в годы те...» (В ответ на одно признание) — II, 85.
 «Ты переполнил чашу меры...» (Тевтону) — II, 157.
 «Ты помнишь ли большой осенний день...» (Осенний день) — I, 49.
 «Ты постиг ли, ты почувствовал ли...» (Парки в Москве) — III, 50.
 «Ты, предстоящая, с кем выбор мой...» (Посвящение) — III, 86.
 «Ты приняла мою книгу с улыбкой...» (По поводу Chefs d'œuvre) — I, 102.
 «Ты приходил ко мне, холодный...» (Романс) — II, 53.
 «Ты приходишь из страны безвестной...» — III, 351.
 «Ты — слаще смерти, ты — желанней яда...» (Дина) — II, 306.
 «Ты спишь «в железной колыбели»...» (Семейная картинка) — III, 339.
 «Ты спишь, от долгих ласк усталая...» (Тезей Ариадне) — I, 389.
 «Ты умешь улыбаться...» — I, 187.
 «Ты умрешь, и большего не требуй!..» (Истинный ответ) — II, 105.
 Ты — что загадка... («Ты — что загадка, вовек не разгадывающаяся!..») — III, 500.
 1812—1912 («Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец...») — II, 183.
 «Тяжела, бесцветна и пуста...» — II, 27.

У вагонного окна («Дали сумрачны и хмуры...») — III, 299.
 У гроба дня («День обессилел, и запад багряный...») — I, 451.
 «У друга на груди забылася она...» — III, 216.
 «У забора, где травы так редки...» (Весталка) — III, 229.
 У земли («Помоги мне, мать-земля!..») — I, 277.
 «У каждого свой тайный демон...» (Наш демон) — I, 536.
 У канала («В угрюмом сумраке ночей безлунных...») — II, 167.
 У колонны («Среди детей, на мраморной ступени...») — II, 56.
 У Кремля («По снегу тень — зубцы и башни...») — III, 164.
 У круглого камня («Белая, ночь прилипла к яхте...») — II, 109.
 У моря («Когда встречалось в детстве горе...») — I, 292.
 «У перекрестка двух дорог...» — I, 163.

«У подножья башни древней...» (Разговор) — II, 229.

У райских врат («Мимо стен таинственного Рая...») — II, 195.

«У речной паложины...» (В цыганском таборе) — II, 266.

«У светлой райской двери...» (Евангельские звери) — II, 251.

У себя («Так все понятно и знакомо...») — I, 271.

У Смерти на примете («Когда шесть круглых дул нацелено...») — III, 197.

У цели («Еще немало перекрестков...») — III, 395.

«Увидеть с улицы грохочущей...» (В Тифлисе) — II, 239.

Уголек («Солнца уголь кругло-красный...») — I, 511.

Уголки улицы (I. «Темная улица, плитнами свет фонарей...»; II. Она идет) — II, 262.

«Угрюм и грозен замок Твид...» (Исполненное обещание) — I, 545.

«Угрюмый облик, каторжника взор!..» (К портрету К. Д. Бальмонта) — I, 197.

Угрюмый час («На высах дремлет бор сосновый...») — I, 456.

«Ударил звон последний...» (Праздник в деревне) — II, 265.

«Удерживаемый причалом...» (На причале) — III, 482.

Уединенный остров («Уединенный остров, чуть заметный в море...») — III, 482.

«Уже за горы канул месяц...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 330.

«Уже овеянная тенями...» (Моей Джени) — III, 312.

«Ужели, перешедши реки...» (Блудный сын) — I, 276.

«Ужель доселе не довольно?...» — III, 287.

Уйти уверенно («Кого из жизни бури выбили...») — II, 294.

Улица («Окна зеркальные...») — II, 57.

«Улица была — как буря. Толпы проходили...» (Конь блед) — I, 442.

«Улицей сонной и тихой...» — I, 176.

Уличная («Свищет вполголоса арии...») — I, 516.

Уличный митинг («Кто председатель? кто вожатый?...») — I, 430.

Ультиматум весны («Каждогодно все так же, из миллиолетия в новые...») — III, 424.

«Умереть, умереть, умереть!..» — I, 63.

Умершим мир! («Умершим мир! Пусть спят в покое...») — II, 139.

Умильные слова («Июньские сумерек лесная...») — III, 179.

«Умирают с голода...» (Стихи о голоде) — III, 156.

Умирающий день («Минувший день, склоняясь головой...») — II, 190.

Умирающий костер («Бушует вьюга и взмывает...») — I, 484.

«Умрем в объятиях полночной тишины!..» — III, 222.

Упыние («Сердце, полное упынием...») — I, 35.

Упыние («Упыние! твой берег скал безлесных...») — III, 404.

«Упорный, упрямый, угрюмый...» (К финскому народу) — II, 79.

Усни, белоснежное поле («Усни, белоснежное поле!..») — II, 192.

Усталость («Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!..») — I, 469.

Устой («Рассудка вечные устои...») — I, 226.

«Устремив друг к другу взоры...» (Оры) — I, 520.

«Устремил я взгляд...» (Японские танки и хай-кай) — II, 334.

«Уступами всходят Карпаты...» (На Карпатах) — II, 145.

«Утомянный, сонный вечер...» (Вечер) — I, 111.

«Утонченный седьмого века...» (Сулла) — II, 75.

Утренняя звезда («Мы встанем с тобой при свечах...») — I, 62.

Утренняя тишь («В светлом жемчуге росынок...») — II, 270.

Утро («Ночным дождем повалена...») — I, 211.

«Утро. Душа умиленно...» (Благовесть весеннего утра) — III, 15.

Утром («Стоплет старая шарманка...») — II, 49.

Утром («Черный и упрямый локон вьется нежно близ меня...») — II, 136.

«Утром жадно пахнут розы...» (Спиреи) — III, 226.

Ученик Орфея («Я всюду цени строф лелеял...») — III, 10.

Учный («Вот он стоит, в блестящем ортеле...») — I, 36.

Фабричная («Есть улица в нашей столице...») — I, 282.

Фабричная («Как пойду я по бульвару...») — I, 281.

«Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!..» (Кому-то) — I, 537.

Фауст («Гретхен, Гретхен, в темной нише...») — II, 76.

Фазтон («Как в полдень колесница Феба...») — I, 557.

Февраль («Свсжей и светлой прохладой...») — I, 450.

Фея фонтанов («Ты, моя фея фонтанов...») — I, 192.

Филлида («Я помню: мой корабль разбитый...») — II, 179.

Фирвальштетское озеро («Отели, с пыльными порталами...») — II, 61.

Фламандцам («Народ Верхарна! не напрасно вещий...») — II, 156.

Флораль 3 года («Отзвенели дни зимы...») — I, 534.

Флоренция Декамерона («Вы, флорентинки прошлых дис! — о вас...») — I, 156.

«Фонарей отрубленные головы...» (Ночная улица) — III, 69.

Фонарики («Столетия — фонарики! о, сколько вас во тьме...») — I, 435.

«Фонарь луговой принахмурился...» (Она идет) — II, 262.

Футуристический вечер («Монетой, плохо отчеканенной...») — II, 261.

«Хавват владычица!..» (Заклинание) — II, 385.

Халдейский пастух («Отторжен от тебя безмолвием столетий...») — I, 144.

Халдея («Сияла людям Мысль, как свет в эфире...») — III, 383.

Характеристика Вергилия («Пастырь, оратай, воин, пас, возделывал, низил...») — III, 510.

Хвала зрению («Зелен березами, липами, кленами...») — III, 175.

Хвала человеку («Молодой моряк вселенной...») — I, 518.

Хмель иступленья («В моей душе сегодня, как в пустыне...») — I, 321.

Хмельные кубки («Бред ночных путей, хмельные кубки...») — III, 70.

«Ходят и дерзко поводят плечами...» (В публичном доме) — I, 413.

Холод («Холод, тело тайно скрывающий...») — I, 482.

«Холод ночи: смерзлись лужа...» — I, 109.

«Холодная луна стоит над Пасаргадой...» (Львица среди развалин) — I, 71.

«Холодная ночь над угрюмою Сеной...» (В старом Париже) — I, 73.

«Холодно Каспию, старый ворчит...» (Баку) — II, 238.

«Хорошо бы нам додуматься...» — III, 265.

«Хорошо нам, вольным дымам...» (Зимние лыжи) — I, 333.

«Хорошо одному у окна!..» — I, 87.

«Хоть иногда лампы Рок гасил...» (Переселение народов) — III, 385.

«Хранятся в памяти, как в темной книге...» (Таинства ночей) — I, 318.

«Парил над миром рифм когда-то...» — III, 285.

Царица («С конки сошла она шагом богини...») — I, 330.

Царица Страсть («Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво...») — II, 104.

«Парь. Бил-Ибус, я, это вырезал здесь...» (Клинопись) — II, 323.

Царь о себе самом («Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оазиса Хибиса, в зарослях...») — II, 380.

Царю Северного Полюса («Много было песен сложено...») — I, 246.

«Паря властительно над долом...» (Городу) — I, 514.

«Цветами вишни...» (Японские танки и ута) — II, 388.

Цветики убогие («Цветики убогие северной весны...») — II, 119.

«Цветок засохший, душа моя!..» — II, 27.

«Цветы подкошенные...» (После сноса) — III, 382.

«Цветы роняют робко лепестки...» (Сонеты) — III, 516.

Цезарь Клеопатре («Нас влекут пурпурные ветрила...») — III, 77.

Целение («Целит вечерисе безволие...») — I, 375.

Цепи («Да! цепи могут быть прекрасны...») — I, 429.

«Церкви, великие грани...» — I, 175.

Цирцея («Я — Цирцел, царица; мною зачатая знакомы...») — I, 148.

Пусима («Где море, скатое скалами...») — I, 426.

Час воспоминаний («Воспоминанье, с нежной грустью...») — I, 466.

Частушки (1. «Я присела на крыльцо...»; 2. «Мою милку не забуду...»; 3. «Ворожила мне маменька...») — III, 494—495.

«Часы прошли, как сон изменчивый...» — I, 185.

Чаша испытаний («Будь меж святынь в веках помянута...») — II, 146.

Чей-то зов («Чей-то зов, как вздох усталый...») — II, 198.

«Через речку цепкие лианы...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 331.

«Через сердце к весеннему полю...» (Первый меридиан) — III, 93.

Череп на череп («Череп на череп...») — III, 73.

«Черное море голов колыхается...» (Три свидания) — I, 92.

«Черной полоскою крест...» (Вечером перед церковью) — I, 41.

Черные вороны («Каркайте, черные вороны...») — II, 277.

«Черные тени узорной решетки...» — I, 64.

«Черный и упрямый локон выстел нежно близ меня...» (Утром) — II, 136.

«Черный лес луной пронизан...» — III, 242.

Черт и ведьма («Ну, затеял перебранку...») — II, 370.

«Черты твои — детские, скромные...» (Портрет) — I, 397.

«Четкие линии гор...» — I, 111.

«Четыре девочки по четырнадцать лет...» (Квартет) — II, 170.

«Четыре дня мы шли опустошенной степью...» (Разоренный Кисев) — I, 159.

«Четырнадцать имен назвать мне надо...» (Леля) — II, 303.

«Четырнадцать назвать мне было надо...» (Заключительный) — II, 309.

Числа («Мечтатели, сибиллы и пророки...») — I, 133.

«Что было? Вихрь тысячелетий...» (Соломон) — III, 435.

«Что в протоплазме збылил океан...» (П. И. Постникову) — II, 298.

«Что во сне счастливом этот вскрик подавленный...» (Этот вскрик) — III, 114.

«Что день, то сердце все устает...» — III, 394.

«Что же мне делать, когда не прсыщен...» (Sed non satiat) — II, 91.
 «Что же ты плачешь...» (Девочка) — I, 211.
 «— Что же ты сделала, девочка милая...» (Девочка с куклой) — II, 168.
 «Что за бурь, какого случая...» (В Тихом океане) — III, 192.
 «Что за тени: ты ли, греза?...» — III, 217.
 «Что затеял ты, Рок? не игрой ли?...» (Боттичелли) — III, 79.
 «Что моя жизнь? лишь тоска да работа!...» (Афинский поденщик говорит:) — II, 249.
 «Что нам весной или за ней дано?...» (Восточное изречение) — III, 510.
 «Что наша жизнь? Несчастный случай!...» (В альбом) — II, 87.
 «Что Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы!...» (Эры) — III, 168.
 «Что сделал ты, кем был, не это важно!...» (Гарibaldi) — II, 185.
 «— Что ты здесь медлишь в померкшей короле...» (В сквере) — I, 441.
 «Чтоб чувствовала ты, Психея, в оный день...» (Психея) — I, 147.
 «Что это? Пение, славленье...» (Безвестная вестница) — II, 133.
 «Что я могу припомнить? Ясность глаз...» (Женский портрет) — II, 160.
 «Чтоб меня не увидел никто...» (Сумасшедший) — I, 83.
 «Чу! под окошком звенят колокольчики...» (Наутро после шаша) — III, 33.
 Чудовища («Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми...») — I, 333.
 «Чужда мне красота раскинутых стесей...» — III, 215.
 «Чуть видные слова седого манускрипта...» — III, 315.

Шаги Афродиты («Слышишь! по узорам плит...») — III, 65.
 «Шаги судьбы по камням мира, свисты...» (К А —) — III, 85.
 Шарманка («Не запела, застонала...») — III, 426.
 «Шел пир небывалый за круглым столом...» (Похищение Берты) — II, 372.
 Шестая годовщина («Шестой! да, шестой! вновь за черными красными цифры...») — III, 164.
 Максимилиану Шку («Эту веру я тебе вручаю...») — III, 284.
 Штурм неба («Сдвинь плотно, память, жалюзи!...») — III, 167.
 «Шумя, Европу обняла война...» (Наполеон) — III, 388.
 «Шумят задумчивые липы...» (Весенний вечер) — III, 303.
 Шутки (1. «Я — арка края. 2. «Атака заката». 3. «О, лета тепло!» 4. «Ала зола») — III, 508—509.

«Шука синяя, зеленая...» (Подражания народным песням) — II, 366.

Эгейские вазы («Они пленительны и нежны...») — II, 320.
 «Эй, звезда, отвечай, на потеху ли...» (СССР) — III, 165.
 «Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!...» — III, 421.
 «Эй, старик! чего у плуга...» (Пляска смерти) — II, 356.
 Электрические светы («Мы — электрические светы...») — II, 164.
 Эллада («Мощь разума распространилась в мире...») — III, 384.
 Эллинизм и Рим («Прекрасен, светел, вечан, златокрыл...») — III, 384.
 Эллису («Нет! к озаренной сиянием бездне...») — III, 332.
 Эней («К встающим башням Карфагена...») — I, 525.
 Эпизод («Не правда ли: мы в сказке...») — I, 316.
 Эпиталама («Примите скромный триолет...») — III, 237.
 Эпитафия римским воинам («Нас — миллионы. Всюду в мире...») — II, 249.
 Эры («Что Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы!...») — III, 168.
 «Эта боль не раз мной испытана...» (Пытка) — I, 315.
 «Эта песнь душе знакома...» (Знакомая песнь) — I, 428.
 «Эта светлая ночь, эта тихая ночь...» (Все кончено...) — I, 59.
 «Эти мылсе, красно-зеленые домики...» (В Голландии) — II, 113.
 «Это было безумие грезы...» — I, 118.
 «Это было? Неужели?...» — I, 38.
 «Это было однажды... то было лишь раз...» (В библиотеке) — III, 220.
 «Это матовым вечером мая...» — I, 120.
 Это — надгробные нении... («Это — надгробные нении в память угасших любовей...») — II, 286.
 «Это — не надежда и не вера...» — II, 132.
 «Это они — соблазненные!...» («Призраки, картина М. Дурнова») — I, 198.
 «Это ты, луна...» (Японские танки и хай-кай) — II, 334.
 «Это чувство — странно-невозможного...» — II, 129.
 Это я («В годы — дни (вечный труд!) переплавлять...») — III, 197.
 Этот вскрик («Что во сне счастливым этот вскрик подавленный...») — III, 114.
 «Эту веру я тебе вручаю...» (Максимилиану Шку) — III, 284.
 «Эту женщину я раз единый видел...» (Кошмар) — II, 13.
 «Эту ночь я дышал тишиной...» — I, 108.
 Эхо («Между гор грохочет эхо...») — I, 458.

Юлифь («Теперь, в тоске, я повторяю их...») — II, 304.
 Южный Крест («Я долго шел и, выбрав для ночлега...») — II, 43.
 Юлий Цезарь («Они кричат: за нами право!...») — I, 427.
 Юному поэту («Юноша бледный со взором горящим...») — I, 99.
 «Юноша бледный со взором горящим...» (Юному поэту) — I, 99.
 «Юноша! грустную правду тебе расскажу я...» (Тайна деда) — II, 250.
 Юношам («Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли...») — II, 92.

Я («Мой дух не изнемог во мгле противоречий...») — I, 142.
 «Я...» (Треугольник) — III, 524.
 «Я — арка края.» (Шутки) — III, 508.
 «Я Баба-Яга, костяная нога...» (Коллда) — I, 209.
 «Я безволен, я покорен...» — III, 296.
 «Я безнадежность воспеваю когда-то...» (Секстина) — II, 175.
 «— Я брошен ею, но я не плачу...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 330.
 «Я бы умер с тайной радостью...» — I, 124.
 «Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оазиса Хибиса, в зарослях...» (Царь о себе самом) — II, 380.
 «Я был простерт, я был как мертвый. Ты богомольными руками мой стан безвольный обвила...» (В потоке) — I, 478.
 «Я был разорван мукой страстной...» (К собору Кемпера) — I, 528.
 «Я в высокой узкой башне...» — III, 253.
 «Я в жизни вздоха не издам, доноле джан ты для меня!...» (Армянская песня) — III, 521.
 «Я в море не искал таинственных Утопий...» — III, 328.
 «Я вас благословляю, рощи...» (Летний бал) — II, 362.
 «...я вернулся на яркую землю...» — I, 124.
 «Я верую в мощного Зевса, держащего весь вселенной...» (Гимн богам) — II, 102.
 «Я верю всегдашним случайностям...» (Случайности) — I, 217.
 «Я весь день, всё вчера, проблунчал по стране моих снов...» (После грез) — I, 86.
 «Я видел искры от кирки...» — I, 177.
 «Я видел их. Они вдвоем на пляже...» (На пляже) — II, 17.
 «Я видел много городов...» — III, 309.
 «Я видела в окно: на маленькой гондоле...» (Анатолий) — I, 74.
 «Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон...» (Ассаргадон) — I, 144.
 «Я всюду пепи строф лелеял...» (Ученик Орфея) — III, 10.
 «Я выросал в глухое время...» — III, 400.

«Я год провел в старинном и суровом...» (Замкнутые) — I, 259.
 «Я действительности нашей не вижу...» — I, 100.
 «Я доживаю полстолетия...» — III, 399.
 «Я долго шел, и, выбрав для ночлега...» (Южный Крест) — II, 43.
 «Я жалкий раб царя. С восхода до заката...» (Египетский раб) — II, 69.
 «Я жду у ветхого забора...» — III, 262.
 «Я желал бы рекой изливаться...» (К самому себе) — I, 202.
 «Я жизнь прожила безотрадно, бесцельно...» (Завещание) — II, 160.
 «Я жизнью пьян. Напиток жгучий...» — III, 264.
 «Я жить устал среди людей и в днях...» (L'ennui de vivre...) — I, 293.
 «Я — жрец Изиды светлокудрой...» (Жрец Изиды) — I, 146.
 «Я за то свою мысль ненавижу...» — III, 214.
 «Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...» — III, 301.
 Я знаю... («Я знаю беглость Ночи и Зимы...») — I, 230.
 «Я знаю беглость Ночи и Зимы...» (Я знаю...) — I, 230.
 «Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым...» (Срок) — III, 68.
 «Я знаю, что вы — старомодны...» (Дама треф) — II, 263.
 «Я знаю этот свет, неуловимо четкий...» (Раньше утра) — I, 328.
 Я и кот («Славный кот мой одноглазый...») — III, 300.
 «Я — идилия?.. Я — иль Лизия?..» (В дорожном полусне) — III, 508.
 «Я иду. Спотыкаясь и падая ниц...» (Искушение) — I, 297.
 «Я изменял и многому и многим...» (Поэт — Музе) — II, 65.
 «Я имени тебе не знаю...» — I, 185.
 «Я — Клеопатра, я была царица...» (Клеопатра) — I, 153.
 «Я к людям шел назад с таинственных высот...» (Моисей) — I, 149.
 «Я лежал в аромате азалий...» (В будущем) — I, 75.
 «Я ль не искал под бурей гибели...» (Одно лишь) — III, 92.
 Я люблю... («Я люблю тебя и небо, только небо и тебя...») — I, 191.
 «Я люблю большие дома...» — I, 171.
 «Я люблю в глазах оплывших...» (Случайной) — I, 199.
 «Я люблю в твоих стихах...» — III, 257.
 «Я люблю высокие дома...» (Дома) — III, 253.
 Я люблю другого («Летний вечер пышен...») — III, 240.
 «Я люблю тебя и небо, только небо и тебя...» (Я люблю...) — I, 191.
 «Я люблю у застав переулки Москвы...» — III, 227.
 «Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна...» (При электричестве) — III, 316.

«Я — междумирик. Равен первым...» — III, 273.

«Я многим верил до истощенности...» (Андрею Белому) — I, 353.

«Я много лгал и лицемерил...» — III, 273.

«Я — мотылек ночной. Послушно...» — I, 180.

«Я — мумия, мертвая мумия...» (Мумия) — II, 178.

«Я на дудочке играю...» (Крысолов) — I, 417.

«Я не был на твоей могиле...» — II, 132.

«Я не видал таинственных лесов...» — III, 284.

«Я не входил на Гималаи...» (В духе лириков VI—VII вв.) — II, 331.

«Я не знаю других обязательств...» (Обязательства) — I, 132.

«Я не покрыв лица забралом...» (La belle dame sans merci) — I, 491.

«Я — океан, соленый и громадный...» (Океан — ручью) — II, 191.

«Я — око покоя...» (Голос луны) — III, 508.

«Я от стыда закрыл лицо...» — III, 260.

«Я первые полеты славил...» (К стальным птицам) — III, 349.

«Я — первый, до века составивший...» (Люцифер) — I, 231.

«Я, печален, блуждаю меж знакомых развалин...» (Меж развалин) — III, 504.

«Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд...» (Рондо) — II, 198.

«Я — победлен, и, не упорствуя...» (Единоборство) — II, 196.

«Я — под синим пологом...» (Восторг женщины) — III, 498.

«Я помню вечер, бледно-скромный...» — I, 116.

«Я помню легкие пиластры...» — II, 131.

«Я помню: мой корабль разбитый...» (Филлида) — II, 179.

«Я помню свет нестерпо-белый...» — I, 183.

«Я помню этот мир, утраченный мной с детства...» (Мир) — I, 304.

«Я посетил твой прах, забытый и далекий...» (На могиле Ивана Копеевского) — II, 63.

«Я прежде боролся, скорбел...» — I, 134.

«Я прекрасна, о смертный! Как греза камней!» (Однострочные стихотворения) — III, 236.

«Я прежде боролся, скорбел...» — I, 134.

«Я присела на крылечко...» (Частушки) — III, 494.

«Я пришел с тобой проститься, море...» (К Северному морю) — II, 114.

«Я пришла к дверям твоим...» (Возвращение) — I, 494.

«Я провижу гордые тени...» — I, 172.

«Я прошел пути и перепутья...» — III, 347.

«Я пустынной шел дорогой...» (Сфинкс) — III, 282.

«Я путешественник случайный...» — III, 275.

«Я — раб, и был рабом покорным...» (Раб) — I, 286.

«Я свечку погасил — и прямо под окном...» — III, 226.

«Я сегодня нашел свои старые краски...» (Краски) — I, 237.

«Я сеятеля труд, упорно и сурово...» (Сеятель) — I, 556.

«Я сквозь незанесенные двери...» (Пропальный взгляд) — I, 313.

«Я скорей тебя увидел снова...» (Зимнее возвращение к морю) — II, 115.

«Я слежу дозором...» (Дозор) — I, 204.

«Я слышу лай моих любимых дум...» (Охота за кабаном) — III, 231.

«Я смотрел, в озареньи заката...» (Падшие цари) — II, 227.

«Я снова одинок, как десять лет назад...» — III, 269.

«Я сознаю, что постепенно...» (В горнем свете) — III, 7.

«Я стою на опушке леса...» (В духе Эйхендорфа) — II, 369.

«Я — сын земли, дитя планеты малой...» (Сын земли) — II, 97.

«Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар...» — II, 385.

«Я тебе посвятил умирные песни...» (Вечерняя песня) — II, 47.

«Я тебе скажу, мой милый...» (Вила) — I, 215.

«Я убежал от пышных брашен...» (Возвращение) — I, 141.

«Я угадал за яркой сменой...» — III, 240.

«Я — упоен! мне ничего не надо!...» — I, 380.

«Я устал от светов электрических...» — III, 344.

«Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым...» (Сказка) — II, 124.

«Я — Цирцея, царица; мне заклятия знакомы...» (Цирцея) — I, 148.

«Я часто размышлял о сущности вещей...» — III, 227.

«Я читал у поэтов о счастье, похожем на сон...» (Поликрат) — III, 244.

Явь («Опрокинут, распластан, рассушен врозь...») — III, 173.

«Язык изломан? Что ж! — глядите...» (Новый синтаксис) — III, 154.

Японские танки и ута (1. «Роса ложится, но солнце выходит...»; 2. «По небу тучи ходят, крутятся...»; 3. «Не весенний снег...»; 4. «Как золотые...»; 5. «Цветики вишни...») — II, 388.

Японские танки и хай-кай (1. «Устремил я взгляд...»; 2. «Это ты, луна...»; 3. «По волнам реки...»; 4. «Вижу лик луны...»; 5. «В синеве пруда...»; 6. «О, дремотный пруд!...»; 7. «Кто назвал Любью?») — II, 334—335.

Яростные птицы («Яростные птицы с огненными перьями...») — I, 338.

Corona («Тайны, что смутно светят-
 ся...») — I, 231.
 Das Weib und der Tod («Две свечи
 горят бесстыдно...») — II, 358.
 Dolce far niente («И после долгих,
 сложных, трудных...») — III, 432.
 Exodium («Вслед за картиной дви-
 жется другая...») — III, 398.
 Expositio («Знакомый стих люби-
 мого поэта!..») — III, 397.
 Habet illa in alvo — («Ее движенья
 неповоротны...») — I, 295.
 Il bacio («Есть древняя чистая лас-
 ка...») — I, 101.
 In hac lacrimarum valle («Весь дол-
 гий путь свершив, по высям и
 низинам...») — I, 306.
 Klassische Walpurgisnacht («Почи,
 когда над городом...») — III, 63.
 La belle dame sans merci («Я не
 покрыл лица забралом...») — I,
 491.
 L'ennui de vivre... («Я жить устал
 среди людей и в днях...») — I,
 293.
 Le Paradis artificiel («Истома тайного
 похмелья...») — II, 21.
 Memento mori («Ища забав, быть
 может, сатана...») — III, 44.

Mon rêve familier («Вновь одинок,
 как десять лет назад...») — I, 324.
 Nihil («Как мечты о мечтах отошед-
 шего детства...») — III, 137.
 «Noli me tangere, Maria» («Прошел
 печально день субботний...») —
 I, 501.
 Oblat («Кто сожалеет о прекрасных
 днях...») — III, 516.
 Pou sto («Ты ль пригоршнями строфы
 по радио...») — III, 137.
 Rico Franco («Веселой тешились
 охотой...») — II, 347.
 Sancta Agatha («На горы тихие ло-
 жилась мгла...») — I, 325.
 Sed non satiat... («Что же мне де-
 лать, когда не пресыщен...») —
 II, 91.
 Sub specie aeternitatis («О, госпо-
 ди, какое счастье...») — III,
 274.
 Trionfo della morte («Вспомни вскри-
 ки в огненной купели ласк...») —
 II, 287.
 Ultima Thule («Где океан, век за ве-
 ком, стучась о граниты...») —
 II, 106.
 Via Appia («Звучный, мерный стук
 копыт...») — III, 367.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронτισпис. В. Я. Брюсов. Фотография 1921 г.

Между стр. 32—33. Обложка сборника Брюсова «В такие дни».

Между стр. 64—65. Обложка сборника Брюсова «Меа».

Между стр. 192—193. Портрет В. Я. Брюсова (1923 г.).

Между стр. 224—225. Автограф стихотворения Брюсова «У смерти
на примете».

Между стр. 448—449. Портрет В. Я. Брюсова (1903 г.).

Между стр. 480—481. Обложка сборника Брюсова «Опыты».

СОДЕРЖАНИЕ ¹

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

ДУША ИСТАИВАЕТ...

В горнем свете	7	550
Пророчества весны	8	550
При свете луны	9	550
Ученик Орфея	10	550
Сорок пятый раз	11	550

ЖИТЬ НА ВОЛЕ...

Зов автомобиля	13	550
Лунная ночь	14	550
Солнцеворот	15	551
Благость весеннего утра	15	551
Апрельский хмель	16	551
Веснянка	17	551
Перед маем	17	551
Тропическая ночь	19	551

ЕДИНОЕ СЧАСТЬЕ — РАБОТА!

Работа	20	551
Пока есть небо	21	551
Пусть пред окном моим...	22	551
Голос иных миров	23	551

ОБРАЗЫ СВЯТЫЕ

Библия	25	552
Три яблока	26	552
Ариадна		
Жалоба Фессея	27	552
Ариадна	29	552
Мировой кинематограф	29	554

ЭТО ВСЕ — КОШМАР!

Кошмар	31	554
Затравленный зверь	32	554

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Библиотеки	32	554
Наутро после табача	33	554
Из наблюдений	34	554
Перед электрической лампой	34	551

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

Детская площадка	36	555
Праздники	37	555
Детская песенка	39	555
Колыбельная	40	555

СОНЕТЫ

Миг	41	555
Наряд весны	41	555
На полустанке	42	555
Максиму Горькому в июле 1917 года	43	555
Беглецы	43	555
Memento mori	44	556

В ТАКИЕ ДНИ

В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА

России	47	557
Третья осень	48	557
К русской революции	49	558
Парки в Москве	50	558
Весной	51	558
Нам проба	52	558
Товарищам интеллигентам	53	559
Только русский	54	559
К Варшаве!	55	559
Мятеж	56	559
Серп и Молот	58	559

НАД МИРОВЫМ КОСТРОМ

В такие дни	59	559
На высях	59	560
Под гулы и взрывы	60	560
Вещий ужас	61	560
Рассвет	62	560
Заклятье Эроса	62	560
Klassische Walpurgisnacht	63	560
Гимн Афродите	64	560

ШАГИ АФРОДИТЫ

Шаги Афродиты	65	561
Стрелы ресниц	66	561
После дождя	67	561
Египетский профиль	67	561
Срок	68	561
Две вазы	69	561

Ночная улица	69	561
Хмельные кубки	70	561
Длятся, длятся...	71	561
Руками плечи...	72	561
От столетий...	72	561
Череп на череп...	73	561

ЗАВЕС ВЕКОВ

В дни, когда...	74	562
Романтикам	75	562
Одиссей у Калипсо	75	562
Одиссей у берегов феаков	76	562
Цезарь Клеопатре	77	562
Геро и Леандр	78	562
Боттичелли	79	563
Все люди	80	563

ПРИВЕТСТВИЯ

А. В. Луначарскому	81	563
К. Д. Бальмонту	82	564
Памяти одной	83	564
Памяти другой	83	564
Мадригал	84	564
К Адалис	85	564
К А — —	85	564
Посвящение	86	564

А ЗДЕСЬ, В УМЕ...

В первый раз	88	564
Во мне	89	564
Будь мрамором	89	564
День	90	565
В смерть	91	565
Пределы	92	565
Одно лишь	92	565
Первый меридиан	93	565
День за днем	94	565

МИГ

КРУГОЗОР

Смотреть в былое	97	566
Груз	98	566
Одиссей у Калипсо	98	566
Римини	99	566
Внесенный	100	567
Апрель	101	567
Еврейским девушкам	101	567

ИЗ ПРЕЖДЕ В ТЕПЕРЬ

Грядущий гимн	103	568
Октябрь 1917 года	104	568

Коммунарам	104	568
Оклики	105	568
Советская Москва	106	568

ПРОСВЕРК

Сеет Хронос	108	569
Зачем?	109	569
Над сном надежд	109	569
Инкогнито	110	569
Искра	111	569
Звено в цепь	112	569

ТЕНЬ СВЕТА

Вскрою двери	113	569
Этот вскрик	114	569
Был мрак	114	569
Кубок Эллады	115	570
Даль	115	570
Кондор	116	570
Вечерняя флейта	117	570
Еще так нежны	117	570

ДОМ ВИДЕНИЙ

Дом видений	119	570
ПИФАГОРЕЙЦЫ	122	570

ДАЛИ

ВЕКА И ПРОСТРАНСТВА

Красное знамя	133	573
Мы все — Робинзоны	134	573
Кругами двумя	135	573
Легенда лет	135	573
Принцип относительности	136	573
Nihil	137	574
Pou sto	137	574
Мы и те	138	574
Разочарование	139	574
Молодость мира	139	575

МИНУТЫ

Там, в днях...	141	575
Весенняя песня о любви	142	575
С Ганга, с Гоанго...	142	575
Годы в былом	143	576
Лишь миги	144	576
В прятки	144	576
От виска и до виска	145	576
Кто? — мы? Иль там...	146	576
Под зимним ветром	146	576
Искушение гибели	147	576

ЧУТЬ СКВОЗЬ УЛЫБКУ

Над картой Европы 1922 г.	149	577
Перед съездом в Генуе	150	577
Сегодня	151	577
Прикованный Прометей	152	577
Загадка Сфинкса	152	578
Пленный лев	153	578
Новый синтаксис	154	578

СТИХИ О ГОЛОДЕ

Стихи о голоде	156	578
--------------------------	-----	-----

МЕА

В НАШИ ДНИ

Магистраль	161	580
После смерти В. И. Ленина	162	581
Ленин	163	581
У Кремля	164	581
Шестая годовщина	164	582
СССР	165	582
ЗСФСР	166	582
Штурм неба	167	582
Эры	168	583

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Машины	170	583
Невозвратность	171	583
Мир электрона	172	583
Мир N измерений	172	583
Явь	173	583
Как листья в осень	174	583
Атавизм	175	584
Хвала зрению	175	584

В ДЕРЕВНЕ

Не память...	177	584
Родное	178	584
Из лесной жути	178	584
Умилые слова	179	584
Лесная тьма	180	584
Дождь перед ночью	181	585
Зимой	181	585
Современная осень	182	585

ИЗ КНИГ

Книга	183	585
Общая станция	184	585
Тетрадь	184	585

Елена у Парида	185	586
Диадохы	186	586
Бодлер	187	586
Вариации на тему «Медного всадника»	188	587

МЫСЛЕННО

Мысленно, да!	190	588
Молодость мира	191	588
Над снегом Канады	191	588
В Тихом океане	192	588
Марриэтовы мичманы	193	588
Песня девушки в тайге	194	589
Где-то	195	589

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Та же грудь	196	589
Это я	197	589
У Смерти на примете	197	589
Домовой	198	589
Ариадне	199	589
Мертвец	199	589
Так вот где...	200	589
Два крыла	201	589
Пятьдесят лет	202	590

БРЕДЫ

На рынке белых бредов	204	590
Ночь с привидениями	205	590
Симпосион заката	206	590
Карусель	206	591
Волшебное зеркало	208	591
Дачный бред	209	591

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В. Я. БРЮСОВЫМ В СБОРНИКИ

Поэзия («Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?..»)	213	592
Поэзия («Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...»)	213	592
«Я за то свою мысль ненавижу...»	214	592
При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов»	214	592
Тема предчувствий	214	592
«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...»	215	592
«Чужда мне красота раскинутых степей...»	215	592
«Гнутся высокие лотосы...»	216	592
«У друга на груди забылася она...»	216	592
«Что за тени: ты ли, греза?..»	217	592
«Печален был туманный взор...»	217	592
«Сегодня мертвые цветы...»	218	592
«Мне дорог весь мир...»	218	593
Кучи свезенного снега	219	593
«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»	220	593
В библиотеке	220	593

«Призрак луны непонятен глазам...»	221	593
«Светлым гаснущим закатом...»	221	593
«Умрем в объятиях полночной тишины!...»	222	593
«Белест ночь. Деревья сквера...»	222	593
«Небо задернула бледная пленка...»	223	593
«За годами год, девятнадцатый год...»	223	593
«Грезы быстрые, как чайки...»	224	593
«Вся жизнь моя — бесформенная греза...»	224	593
Ранняя весна	225	593
«На самом дне мучительной темницы...»	225	593
«Без обоев бревна и тес...»	226	593
«Я свечку погасил — и прямо под окном...»	226	593
Спинозианы	226	593
«Я люблю у застав переулки Москвы...»	227	594
«Я часто размышлял о сущности вещей...»	227	594
К ветрам	228	594
Два мака	228	594
Весталка	229	594
Слишком	229	594
«Торжественно-больное беспокойство...»	230	594
«Полно, не во сне ли видел я вчера...»	230	594
«Иду по бульвару. В померкшей листве...»	231	594
Охота за кабаном	231	594
«В глуби пустыни, в безвестном оазе...»	232	594
«Дрожащие листья на бледные щеки...»	233	594
А. М. Добролюбову	234	594
Стихи о любви	234	595
Подземные растения	235	595
К солнцу	235	595
Песня («Во мгле ночной...»)	236	595
Однострочные стихотворения	236	595
Эпиталама	237	595
«Сквозь разноцветные стекла закат...»	238	595
«Женский голос — он прозрачен...»	238	595
«Не говори мне, что ты любишь меня!...»	239	596
«Последним отблеском овейанный...»	239	596
Я люблю другого	240	596
«Я угадал за яркой сменой...»	240	596
«Дальний шум фонтана...»	241	596
Летний праздник	241	596
«Отвращенье...»	241	596
«Есть одно, о чем плачу я горько...»	242	596
«Черный лес луной пронизан...»	242	596
«Речи несмелых признаний...»	243	596
К прошлому	243	596
«В последний раз пропел петух...»	244	596
«Люблю я вспоминать утраченные дни...»	244	596
Поликрат	244	596
«Если мне суждено умереть...»	245	596
«Мы гордо людей презираем...»	245	596
«Твои стихи — как луч случайный...»	245	596
Весенняя поэма	246	596
Вступления к поэме «Атлантида»	247	596
Отрывок («Небо — серое от туч...»)	248	597
Пифия	248	597

Полнолуние	249	597
Встреча	249	597
«Ветер уныло летает над палубой...»	249	597
Сестре	250	597
К Бальмонту	250	597
Перепевы Бальмонта	251	597
«Костей, бутылок продавать!..»	251	597
«Засияла моя стена...»	251	597
Сонет, посвященный поэту П. Д. Бутурлину	252	597
Рондо	252	597
Дома	253	597
«Я в высокой узкой башне...»	253	597
На заданную тему у Случевского	254	597
Сонет о поэте	254	598
Железный путь	255	598
На осуждение Дрейфуса	255	598
За пределами сказок	256	598
«Я люблю в твоих стихах...»	257	598
«А сколько радости и неги...»	257	598
«Будущий век...»	258	598
Матери на именины	259	598
Из детской книжки	259	598
«Есть слова волшебства. Вы всесильны...»	259	598
«Я от стыда закрыл лицо...»	260	598
«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...»	260	598
За городом	260	598
«Люблю я имя Анна...»	261	598
«Я жду у ветхого забора...»	262	598
«— Кто ты? — «Я — чувство, я — любовь...»	263	598
«Настали дни печальные, как воды...»	263	598
«Вы неисполненных надежд...»	264	598
«Я жизнью пьян. Напиток жгучий...»	264	599
«Торжествовать! какие звуки!..»	264	599
«В глуби тайные вселенной...»	265	599
«Хорошо бы нам додуматься...»	265	599
Мона Лиза	266	599
Братья бездомные	266	599
«Так это будет летом. Кисея...»	267	599
«Вот брошен я какой-то силой...»	268	599
«Нет душе покою...»	268	599
«Непересказанные думы...»	269	599
«Я снова одинок, как десять лет назад...»	269	599
«Все бездонней, все безмерней...»	270	599
«Надо струны перестроить...»	270	599
«Неужели это была ты...»	271	599
«Я много лгал и лицемерил...»	273	599
Sub specie aeternitatis	274	599
«Я путешественник случайный...»	275	599
«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...»	275	599
«Дивный генуэзец! как нам стали понятны...»	276	599
«Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!..»	277	600
«Влачась по дням, при новой встрече...»	278	600
«Прими послание, о Виктор!..»	278	600
«И вдруг все станет так понятно...»	279	601
«Над бредом наших разных ликов...»	279	601

Орфей	280	601
«Дядя, скажи мне, что любовь?..»	281	601
Сфинкс	282	601
«Есть поразительная белость...»	283	601
«Скорпиону» и «Грифу»	284	601
Максимиллиану Шикю	284	601
«Я не видал таинственных лесов...»	284	601
«Царил над миром рифм когда-то...»	285	601
«На площади, полной смятением...»	286	601
К народу	286	601
«Ужель доселе не довольно?...»	287	601
Весы качнулись	288	602
Близким	288	602
Предание	290	602
Плач Лаодамии	293	603
Под утро	293	603
Остров	294	603
Нить	294	603
«Встав, прошумят и сгинут города...»	295	603
«Все ближе, все ближе, все ближе...»	295	603
«Я безволея, я покорен...»	296	603
Балаганы	296	603
Жигули	298	603
«Трубите в траурные трубы...»	298	603
Сходные решения	298	603
У вагонного окна	299	603
И и кот	300	603
«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...»	301	603
«Здесь раннего посева всходы...»	302	603
Кладбище	302	603
Ветреный вечер	303	604
Вечер в поле	303	604
Одинокая ель	304	604
Рабы	304	604
«Желанье, ужасу подобное...»	306	604
«Не так же ль годы, годы прежде...»	307	604
Весна	308	604
«Душа томится надеждой тщетной...»	308	604
«Я видел много городов...»	309	604
Воробушек	309	604
«Так повелел всесильный Демиург...»	310	604
«Двадцать лет назад ты умерла...»	311	604
«Как ангел тьмы и ангел света...»	311	605
Моей Джесси	312	605
В ответ тому, кто предложил мне «Выбор»	313	605
«Нет тебе на свете равных...»	313	605
«Прости мой стих, безумьем гневный...»	314	606
«Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!..»	315	606
«Чуть видные слова седого манускрипта...»	315	606
При электричестве	316	606
«Зыблются полосы света...»	317	606
«Три женщины — белая, черная, алая...»	317	606
«Сердце утомленное хочет одного...»	318	606
«Как струны оборвавшейся жалобный звук...»	319	606
«Любовь, как властный недруг, вяжет...»	319	606

«Безумец! думал плыть ты по...»	320	607
«Огни! лучи! сверканья! светы!..»	320	607
Ребенок	321	607
«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...»	322	607
«Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском...»	322	607
«День красочный, день ярко-пестрый...»	323	608
«Разбегаются снова поля за окном...»	323	608
«Строго и молча, без слов, без угроз...»	324	608
«Мне кажется, что в саване я...»	325	608
«После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!..»	326	608
«Три змеи, три кольца, окружили меня...»	326	608
«Как из коры точит желтеющую камедь...»	327	608
«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...»	327	608
«Проходит день, как смена отражений...»	328	609
«Я в море не искал таинственных Утопий...»	328	609
«Опять мой посох приготовлен...»	330	609
«Плохо приходится старому лешему...»	331	609
«Ступени разрушенной лестницы...»	331	609
Эллису	332	609
Листок, спрятанный в коре	332	610
«Не как молния, смерти стрела...»	333	610
Последний путь...	334	610
Всхождение	335	610
«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...»	336	610
Два врага	336	610
Больше никогда	337	610
Германия	338	610
Семейная картинка	339	610
Витраж — триптих	340	610
«Да, я безумец! я не спорю!..»	343	610
«Мелькали мимо снежные поляны...»	343	610
Майский дождь	344	611
«Я устал от светов электрических...»	344	611
«Ночью ужас беспричинный...»	345	611
Польша есть!	346	611
«Я прошел пути и перепутья...»	347	611
Завет Святослава	348	611
К стальным птицам	349	611
Зов старинный	350	611
Загробный призыв	350	611
«Ты приходишь из страны безвестной...»	351	612
В альбом	352	612
Все краски радуги	352	612
«Волны волос упали...»	353	612
〈Из Венка сонетов〉		
«В моей душе, как в глубях океана...»	353	612
«С волнением касаюсь я пера...»	354	612
«Пришли рассеяния годы...»	355	612
Верные лире	356	612
Лев и Свинья	357	613
«Иногда хорошо и отрадно...»	358	613
Молитва	359	613
«В круженье жизни многошумной...»	359	613
«Рядность померкла за очерком гор...»	360	613
«Закат ударил в окна красные...»	361	613

Баллада	361	613
Вечерние пеоны	362	613
Римляне в Китае	363	613
«В том сером доме, в этом переулке...»	364	613
«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...»	365	613
После неудачи	365	613
Косцы в «сфере огня»	366	613
Via Appia	367	613
«Тот облик вековой огромных городов...»	367	614
В ночь под Новый год	368	614
Краткий дифирамб	369	614
Голос города	369	614
«На дальней полке мирным строем стоя...»	370	614
Табакерка	371	614
Скользкая терцина	372	614
«Я — междумирок. Равен первым...»	373	614
«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...»	374	615
«Слепой циклон, опустошив...»	374	615
Вешние воды	375	615
«Парки бабье лепеташье...»	377	615
Томные грезы	378	615
«Ночное небо даль ревниво сжало...»	378	615
Сонет («Отточенный булат — луч рдяного заката!...»)	379	615
Октавы («Вот я опять поставлен на эстраде...»)	379	615
«В тихом блеске дремлет леска...»	381	615
После сенокоса	382	615

СВЕТОЧ МЫСЛИ

I. Атлантида	383	615
II. Халдея	383	615
III. Египет	384	616
IV. Эллада	384	616
V. Эллинизм и Рим	384	616
VI. Римская империя	385	616
VII. Переселение народов	385	616
VIII. Средние века	386	616
IX. Возрождение	386	616
X. Реформация	387	616
XI. Революция	387	616
XII. Наполеон	388	616
XIII. Деятельный век	388	616
XIV. Мировая война XX века	389	616
XV. Заключение	389	616
«Пора! Склоняю взор усталый...»	390	616
Вступление	391	617
Праздник труда	391	617
Труд	393	617
Первый привет	394	617
«Что день, то сердце все устает...»	394	617
У цели	395	617
«Сложив стихи, их на год спрятать в стол...»	396	617
«Мелькают дни, и с каждым новым годом...»	397	617
Знакомый стих	397	617
Набросок	398	617

«Я доживаю полстолетья...»	399	617
«Я вырастал в глухое время...»	400	617
«Пусть вечно милы посевы, скаты...»	401	617
Бессонная ночь	402	617
«Гордись! я свой корабль в Египет...»	403	617
Уныние	404	618
Паломничество в века	405	618
«Не лги, мечта! бывшего жгуче жаль...»	406	618
Дворец центромашин	407	618
«Когда над городом сквозь пыль поют...»	408	618
Бунт	409	618
«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...»	409	618
«Когда стоишь ты в звездном свете...»	410	618
«Современность грохочет, грозит, негодует...»	411	618
«Не довольно ль вы прошлое нежили...»	411	618
«С тех пор, как я долго в немом ожидании...»	412	618
«Снова сумрак леса зелен...»	413	618
Всадник в городе	414	618
В вагоне	415	618
Болезнь	416	618
Возвращаясь	417	618
«Дни для меня не замысловатые фокусы...»	418	618
«Еще раз, может быть, в последний...»	419	618
«В священной бездне мглы архангел мне предстал...»	419	618
«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!...»	421	619
А. К. Глазунову	421	619
«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!...»	422	619
«Быть может, у египетских жрецов...»	422	619
«Люблю в закатном замирайи...»	423	619
Ультиматум весны	424	619
Республика последних снов	424	619
«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...»	425	619
Шарманка	426	619
Германии	427	619
На смерть Вождя	429	619
Реквием	430	620
«Свет обмер, тени наклонились...»	430	620
«Трава весенняя допела...»	431	620
Dolce far niente	432	620
«Краткими складками взморщи...»	432	620
Максимилиану Волошину	433	620
Портрет женщины	434	620
Соломон	435	620
Крым	436	621
«Вот я — обвязан, окован...»	437	621
ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ	438	621

**ОПЫТЫ ПО МЕТРИКЕ И РИТМИКЕ,
ПО ЕВФОНИИ И СОЗВУЧИЯМ,
ПО СТРОФИКЕ И ФОРМАМ**

Ремесло поэта	457	627
От автора	477	627

ОПЫТЫ ПО МЕТРИКЕ И РИТМИКЕ

Пляска дум	480	531	628
Вечная весна	480	532	628
Веретепя	481	532	628
Буря с берега	481	532	628
На причале	482	532	628
Уединенный остров	482	533	628
Восход луны	483	533	628
Алтарь страсти	483	533	628
Из Мениппей Варрона	486	533	628
В условный час	486	533	628
Из песен Сапфо	487	534	628
Из Венка	487	534	628
В духе латинской антологии	487	534	628
Памятник	488	534	629
Рок	488	534	629
Пророчество мечты	489	534	629
Гном о жизни	489	534	629
После скитаний	490	534	629
Весной	490	535	629
Клинопись	490	535	629
Из китайской поэзии	490	535	629
Вечер после свиданья	490	535	629
Ночная песнь страпника	491	535	629
Друзья	491	535	629
Дождь	491	535	629
Присловья	493	535	629
Частушки	494	535	629

ОПЫТЫ ПО ЕВФОНИИ

Закатный театр	496	537	629
На пруду	497	537	629
На берегу	498	538	630
Восторг жепщипы	498	538	630
Пожар	498	538	630
Она — прелестна...	499	539	630
На льдинах	499	539	630
Ты — что загадка...	500	539	630
Ночь	501	539	630
Холод	501	539	630
С губами, сладко улыбающимися	501	539	630
Длитесь, мгновенья!	502	539	630
Как дельфин	502	539	630
Реет тень	503	539	630
Меж развалин	504	539	630
Усни, белоснежное поле!	504	539	630
Монопланы	504	540	630
Вечером в дороге	505	540	630
Две головки	505	540	630
На лыжах	505	540	630
Мгновенья мгновенье	505	540	630
Как неяркие бутоны	505	540	630
Лесные тропинки	505	540	630

Две малайских песни	506	540	630
Две испанских песенки	506	540	630
Вербная суббота	506	540	630
Сухие листья	506	540	630
Лишь безмятежного мира...	506	540	630
Это — надгробные нении...	506	540	630
Утренний тишь	506	540	631
Последний спор	506	540	631
Мой маяк	507	540	631
Слово	507	540	631
Июльская почь	507	540	631
В дорожном полусне	508	540	631
Голос луны	508	540	631
Шутки	508	540	631
Виденья былого	509	540	631
Из латинской антологии («Волп колыханье так наяда побеждает стремление...»)	509	540	631
Из латинской антологии			
1. «Нежный стихов аромат услаждает безделье девы...»	509	540	631
2. «Грушу с яблоней в саду я деревцами по- садил...»	510	540	631
Характеристика Вергилия	510	540	631
Восточное изречение	510	541	631

ОПЫТЫ ПО СТРОФИКЕ

Рим	511	541	631
О императорах	511	541	631
О приближении весны	511	541	631
Подражание Горацию	512	541	631
К Лидии («Реже всё трясут запертые двери...»)	512	541	631
К Лидии («Лидия! мне, во имя...»)	513	541	632
На бренность	514	541	632
Из Андре Шенье	514	541	632
Умирающий день	515	542	632
Сонеты			
1. «В горах, в монастыре, песнь колокола пла- чет...»	515	542	632
2. «Цветы роняют робко лепестки...»	516	542	632
Николаю Бернеру	516	542	632
Oblat	516	542	632
Ее колени	517	542	632
Три символа	517	542	632
Ф. Сологубу	517	542	632
Сон мгновенный	517	542	632
О женщинах былых времен	518	542	632
О любви и смерти	518	542	632
К Даме	518	543	632
Безнадежность	518	543	632
Песня из темницы	518	543	632
Дворец Любви	518	543	632
В ту ночь	518	543	632
Твой взор	519	543	633
Персидские четверостишия	519	543	633

Песнь норманнов в Сицилии	519	544	633
Армянская песня	520	544	633
Джан-гюлюмы	520	544	633
Армянская песня («Твоих грудей гранат — что меч!..»)	521	544	633
Армянская песня («Я в жизни вздоха не издам, до- коле джан ты для меня!..»)	521	544	633
Армянская песня любви	522	544	633
Японские танки и хай-кай	524	544	633
Треугольник	524	544	633
Терем мечты	524	544	633
Вечерное свидание	525	544	633
Вечерний Пап	526	544	633
Итак, это — сон...	526	544	633
Городская весна...	526	544	633
Закатная алость	527	544	633
Голос иных миров	528	544	633
Молитва	528	544	633

ПРИМЕЧАНИЯ В. Я. БРЮСОВА

Часть I. Опыты по метрике и ритмике	530
Часть II. Опыты по евфонии	536
Часть III. Опыты по строфике	541
Примечания	545
Алфавитный указатель произведений	634
Список иллюстраций	678

Б 89

Брюсов В.

Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Т. III. Стихотворения 1918—1924, стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники 1891—1924, поэма «Египетские ночи». Подготовка текстов М. В. Васильева, А. А. Козловского, Р. Л. Щербакова. Примеч. М. В. Васильева, М. Л. Гаспарова, В. Ф. Земскова, А. А. Козловского, Р. Л. Щербакова. Оформл. худ. Е. А. Ганнушкина. М., «Худож. лит.», 1974. 696 с.

В том вошли поэтические сборники Брюсова: «Последние мечты», «В такие дни», «Миг», «Дали», «Меа», стихотворения, не включавшиеся автором в сборники, а также поэма «Египетские ночи».

Б $\frac{0742-187}{028(01)-74}$ Подп. изд.

Р 2

**Валерий Яковлевич
Брюсов
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 3**

Редактор
Г. Бажанова.

Художественный редактор
С. Данилов.

Технический редактор
В. Кулагина.

Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 28/VI 1973 г. Подписано к печати 23/XI 1973 г. Бумага тип. № 1. Формат $84 \times 108^{1/2}$. 21,75 печ. л. 36,54 усл. печ. л. 37,09 + 1 вкл. + 3 нак. = 37,36 уч.-изд. л. Знак № 454
Тираж 100 000. Цена 1 р. 35 к.

Издательство
«Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Ми-
нистров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валуевая, 28

